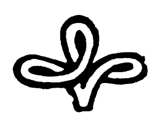


РУССКИЕ МЕМУАРЫ,
ДНЕВНИКИ, ПИСЬМА И МАТЕРИАЛЫ

ДРЕВНЕРУССКИЕ ЛЕТОПИСИ

ACADEMIA
МОСКВА—ЛЕНИНГРАД
1936

ДРЕВНЕРУССКИЕ ЛЕТОПИСИ

Перевод
и комментарии
В. Панова

Редакция В. Лебедева

Статьи
В. Лебедева
и
В. Панова

ACADEMIA
1936

Супер-обложка, переплет
и гравюры на дереве
М. Маторина

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Научный пересмотр вопроса о древнерусских летописях, их критическое переосмысление с точки зрения марксистской методологии—дело историков и научно-исследовательских институтов.

«Academia» не ставит перед собой подобных задач. Она издает перевод отрывков из летописей, рассматривая последние прежде всего как памятники *литературно-художественного творчества XI—XIV веков*. Из летописей взято то, что представляет литературный интерес.

Сделать старейшие литературные документы русской письменности доступными для нового читателя и помочь ему понять отделенные от нас столетиями идеи и литературные приемы их авторов— такова задача издательства и переводчика-комментатора при составлении данной книги. Мы надеемся, что наше издание даст возможность известному кругу читателей начать изучение первых шагов русской истории и русской литературы.

«Academia»

ОТ ПЕРЕВОДЧИКА

В основу перевода отрывков из древнерусских летописей положены: 1) для Начальной летописи—текст, обработанный А. А. Шахматовым в книге: «Повесть временных лет», том I, Петроград 1916, и 2) для Киевской и Галицко-Волынской летописей—текст Ипатьевской летописи, изданный во II томе Полного собрания русских летописей Археографической комиссией, 2-е изд. СПб., 1908.

При переводе текста по возможности сохранен колорит оригинала, его синтаксис, его ритм, его лексика. В квадратных скобках даны необходимые добавления к оригиналу: таково подавляющее число заголовков. Пропуски в тексте обозначены многоточием.

ВВЕДЕНИЕ

Чтобы приблизить к современному читателю предлагаемый ниже перевод Начальной летописи, необходимо обрисовать общественный строй, в котором родилась и выросла эта «Повесть временных лет».

Под Киевской Русью X—XIII вв. надо иметь в виду феодальное государство с главным центром в Киеве, объединившее славянские и неславянские племена.

Лингвистика и данные археологии проливают свет и на более ранние времена Восточной Европы. По словам покойного академика Марра, корни славянства надо искать у скифов.

Греческий историк Геродот (V в. до н. э.) писал, что в верховьях Гипаниса (Буга) жили скифы, пахари (ἀροτῆρες). По берегам Борисфена, выше лесистой местности Гилеи (в низовьях Днепра), жили земледельцы (γεωργοί). Их греки называли борисфенитами. В 14 днях пути к востоку жили кочевые царские скифы (βασιλεῖοι). Севернее жили савроматы и будины.

Византийские писатели—патриарх Фотий, Георгий Амартол называли славян «россами»—народами скифского происхождения. Землеописатель Равенский (около 886 г.) называл Скифию прародиной славян: «sexta at hora noctis Scytharum est patria, unde Sclavinorum est prosapia».

Однако ученые Шафарик, Мюлленгоф, Томашек, В. Миллер доказывали в свое время на основе остатков языка скифов принадлежность их к народам иранского происхождения.

Для нас важно, что Киевская Русь была одним звеном длинной цепи разных этнических образований (сарматы, гунны, авары и др.), в том числе скифов, занимавшихся земледелием.

О славянах еще в VI в., называя их антами, упоминают готский писатель Иорнанд (De Gotharum origine et rebus gestis) и византийский писатель Прокопий (De bello Gothico, liber III, cap. XVI.;

liber IV, cap. IV). В IX в. восточные славяне занимали всю территорию, населенную когда-то скифами. В VIII в. в Восточную Европу проникали купцы из Средней Азии и Закавказья. Это подтверждают письменные арабские памятники и клады с арабскими монетами.

«Повесть временных лет» перечисляет славянские племена полян, древлян, дреговичей, полочан, словен, северян, кривичей, бужан, радимичей, вятичей, хорватов, дулебов и др. «А уличи и тиверцы,—говорит «Повесть»,—седяху по Днестру, приседяху к Дунаеви, бе множьство их, седяху бо по Днестру оли до моря, и суть гради их до сего дне, да то ся зваху от грек Великая скуфь».

Для историков-марксистов является большой задачей выяснить на основе археологического и лингвистического материала развитие доклассового славянского общества, его разложение, образование частной собственности, патриархального рабства и классов. Разложение славянской сельской общины в IX в. происходило, как это видно из летописных материалов, на основе возникновения и развития имущественных различий внутри общины.

У Энгельса в его работе «Происхождение семьи и частной собственности» о происхождении имущественного неравенства при разложении родового строя сказано: «Наряду с разделением на свободных и рабов появляется различие между богатыми и бедными—обусловленное новым разделением труда, новое разделение общества на классы. Имущественные различия между отдельными главами семей разрушают древнюю коммунистическую общину везде, где она сохранилась, вместе с тем исчезает и совместная обработка земли за счет этой общины. Пахотная земля предоставляется в пользование отдельных семей на определенное время, притом раз навсегда»*. Этот анализ вполне приложим и к славянской общине.

На наличие местных феодалов, вошедших после в княжескую дружину, указывают летописные источники. Вместо слова «дружина» (Лаврентьевской лет., 20) в Софийской лет. (34) читаем слово «боляры». Это подтверждают и договоры с Византией Олега и Игоря. Это доказывают и слова летописца (Рад., 72): «бе бо Володимир, любя дружину, и с ними думая о устрои земнем, и о ратех, и о уставе земнем». В Лаврентьевской лет. (119) читаем: «и поча порубати мужи лучшии от словянь, и от кривичь, и от чюди, и от вятичь и от сих насели грады».

В XI в., когда писалась «Повесть временных лет», на пути «из Варяг в Греки» от родового строя остались только пережитки. Феодализация здесь происходила быстро, особенно с приходом и захватом земель норманнами-завоевателями. Только в стороне от пути «из Варяг в Греки» родовой строй долго держался, особенно у вятичей и северян. В течение XI в. у вятичей не наблюдаем ни одного городского поселения. Следовательно, разложение родового строя и феодализация происходили у славян неравномерно и неодинаково.

«Повесть временных лет» говорит о двух крупных феодальных объединениях IX в.—северо-западном и юго-восточном. В северо-за-

* Энгельс, Происхождение семьи, стр. 65.

падное входили словене, кривичи и финские племена (весь, меря). В юго-восточном объединении—поляне, северяне и вятичи были под властью хозар.

«Повесть» передает нам (859 г.): «имаху даны варязи из Заморья на чюди, и на словенех, на мери, и на всех (веси), и на кривичех; а хозары имаху на полянех, и на северех, и на вятичех».

Северо-восточное феодальное объединение насильственно захватило южное и было создано единое государство с центром в Киеве. Новые связи с феодальной Византией и принятие христианства наложили отпечаток на характер укреплявшегося киевского феодального государства.

Карл Маркс определял строй Киевской Руси как крепостнический и отмечал его особенности, связанные с «варваризацией» норманнами древней Руси: «Политика первых Рюриков коренным образом отличается,—писал К. Маркс,—от политики варваров, наводнивших Европу. История современных наций начинается только после того, как поток ушел прочь. Готический период в России, в частности, представляет собой лишь одну главу в норманских завоеваниях. Как империя Карла Великого предшествует основанию современной Франции, Германии и Италии, так империя Рюриков предшествовала образованию Польши, Литвы, балтийских провинций, Турции и даже самой Московии. Быстрое расширение территории было не результатом необдуманного плана, а естественным последствием примитивной организации норманского покорения—вассалитет без земельных пожалований, или земельные пожалования, обложенные только данью»*.

В Киевской Руси варяжские князья-феодалы производили раздачу земель своим дружинникам в процессе захвата земель и вводили в состав своей дружины местных феодалов-землевладельцев.

Необходимо решительным образом отвергнуть утверждение ряда историков (Рожков и др.) о преобладании в Киевской Руси охоты и рыболовства в X—XI вв.

«Русская Правда» и летописи полны доказательств о ведущей роли земледелия, соединенного с домашним ремеслом**. Археологические данные подтверждают ведущую роль сельского хозяйства в X в. на основной территории Киевского государства***.

---

* Marx, Secret diplomatic history of the 18-th century. Lond. 1899, 76.

** В 965 г. вятичи платили дань хозарам с «рала» (Лаврентьевская лет., 35); «по щелягу и от рала» (Радзивилловская лет., 35); «по щелягу от рала» (Софийская лет., 39); «по шлягу и от дыма, по шлягу от рала» (Никоновская лет. 1, 48); «по стерлягу от ю от плуга» (Архангелогородский летописец).

«Русская Правда» упоминает о плуге, о бороне, о воровстве хлеба с гумна, о перемене ролейной межи, о дубе знаменном или межевом и пр. Летописи передают нам, что в XII в. существуют крупные княжеские хозяйства. В сельце Игоря Ольговича, например, на гумне было 900 стогов хлеба.

*** Хвойко при раскопках древнего города Шаргорода в среднем Приднепровье обнаружил много зернохранилищ, относящихся к X в. Результаты раскопок Черной могилы, Княжой горы, древлянских курганов и курганов радимичей говорят о ведущей роли сельского хозяйства в X—XI вв.

Происходил в X—XI вв. грабительский процесс захвата земель, сбора дани, суда, управы, взимания штрафов, сбора коней и набора людей. Захваченных в плен феодалы сбывали в Византию и на восточные рынки. Феодальные города—княжеские резиденции постепенно становились с ростом ремесла и торговли торгово-ремесленными центрами своего района.

Киевский князь в X в. был сюзереном подвассальной дружины, соединявшей феодальный грабеж населения с разбойной торговлей. Путем внеэкономического принуждения феодалы захватывают верви и закрепощают смердов, делая из них зависимых и полузависимых людей.

«Русская Правда» дает нам указание на наличие, кроме рабского труда, у феодалов крепостного и полукрепостного труда закупов, рядовичей, изгоев. Ленин писал: «Едва ли не с начала Руси (землевладельцы кабалили смердов еще во времена Русской Правды»)*. По «Русской Правде» видим, что феодалы-землевладельцы путем внеэкономического принуждения отнимали у закупов не только их прибавочный продукт, но и часть необходимого.

И рабский труд применялся во многих княжеских селах, но не играл в Киевской Руси ведущей роли. Рабами были пленные, которые могли быть выкуплены. Рабы были товаром.

В Киевском государстве в отличие от античного рабства имелись рабские семьи. По договору Новгорода с немцами 1195 г., «оже кто робу повержет насилием, а не соромит, то за обиду гривна, паки ли соромит, собе свободна». Таким образом за насилие над рабыней последняя освобождается. «Русская Правда» говорит, что рабыня, имеющая детей от свободного, освобождается с детьми после его смерти.

В Киевском государстве происходил ряд восстаний (1068, 1071, 1113 гг.), но упоминаний об участии в них рабов не имеется. Это, в частности, говорит о том, что рабский труд не играл особой роли в хозяйстве.

Антагонистические классовые отношения в Киевской Руси были между феодалами-землевладельцами и закрепощаемыми смердами. В классовой борьбе XI—XII вв. участвуют закрепощаемые смерды и городские низы («людие простая чадь»).

«Повесть временных лет» рассказывает о киевском восстании 1068 г. (6619 г.), когда, после поражения, нанесенного половцами, «люди кыевскии прибегоша Киеву и сотвориша вече на торговищи». Вече потребовало оружия от князя и коней для продолжения борьбы с половцами. После отказа князя часть веча направилась освобождать арестованного полоцкого князя Всеслава, а другая часть пошла «претися с князем Изяславом». Дружина, окружавшая князя, указывала ему: «Видиши, княже, людье взвыли».

Однако было поздно. Восставшие освободили Всеслава, и Изяслав должен был бежать в Польшу. Повстанцами было захвачено «бесчисленное множество злата и серебра, кунами и белью».

---

* Ленин, Собр. соч., т. III, стр. 150.

Только через семь месяцев вернулся Изяслав, получив от польских феодалов вооруженную силу для подавления восстания. 70 человек «чади», участников восстания, было казнено, «а другыя слепиша, другыя же без вины погуби, не испытав».

Упоминание о «чади» и о «людие» говорит об участии городских низов в восстании.

Автор летописи, оправдывая феодальный гнет, все же не мог этого скрыть в своем описании.

В восстании 1113 г. в Киеве восстают городские низы против ростовщиков и закрепощаемые смерды против феодалов.

Гораздо яснее повествует Лаврентьевская и первая Новгородская летописи об участии смердов в восстании 1071 г.: «И бывши единою скудости в Ростовстей области, восстаста два волхва от Ярославля глаголюща, яко мы свемы, кто обилье держит в себе. И паки поидоста по Волзе; где придоста в погост, и ту нарицающа лучьшая жены и глаголюща, яко сия жена жито держит, а сия мед, а сия рыбы, а сия же скору... и убивашета многи жены и имения их взимашета собе, и придоста на Белоозеро и бе у нею людий 300».

Восставшие смерды подошли под руководством волхвов к Белоозеру, и княжескому посланцу с большим трудом удалось подавить восстание. Одновременно и в Новгороде происходило восстание под руководством волхвов.

В Суздальской земле снова в 1024 г. происходило восстание по случаю голода, и «избиваху старую чадь, и был мятеж велик во всей стране».

Смерды восставали против феодальной религии—христианства, освящавшего и укреплявшего насилие. Монастыри были крупнейшими духовными феодалами-землевладельцами. На их землях работали рабы и закрепощаемые люди (задушные, изгои). Митрополит и епископы имели свой суд по всем делам «между ими суд или обиду». В монастырях создались культурные средневековые центры, укреплявшие феодальную власть. Создавались поучительные слова Феодосия Печерского, повести о печерских угодниках, образовавшие «Печерский Патерик». По образцу византийских хронографов (хроники Георгия Амартола и др.) возник летописный свод «Повесть временных лет», обнимавший события до второго десятилетия XII в. В основу свода вошли и письменные источники, и предания, и воспоминания. В свод вошли разные документы: монастырские церковные летописи, государственные акты, поучения. Свод составлен человеком, близким к феодальным кругам. Автор оправдывает феодальный гнет и грабеж «промыслом божиим», молитвами угодников и «добродетелями» самих феодалов. «Повесть временных лет» создалась и редактировалась в недрах феодальных верхов.

Печатаемые Киевская и Галицко-Волынская летописи являются второй и третьей частями так называемой Ипатьевской летописи. Галицко-Волынская летопись доводит описание событий до 1289—1290 г., несомненно составлена воином-феодалом, дающим яркую картину тогдашних событий и подвигов своих героев-феодалов.

В XIII в. Киевская Русь пришла к упадку благодаря борьбе между собой феодалов и перемещению торговых путей в связи с крестовыми походами. В 1204 г. французские рыцари-крестоносцы разорили Византию. Торговые пути в Европу пошли из Азии через Венецию. Великий водный путь «из Варяг в Греки» заглох, и Киев остался в захолустье...

Феодальным центром при Андрее Боголюбском в 1169 г. стал город Владимир.

Разорение Киева Андреем Боголюбским и нападения кочевников-половцев окончательно ослабили старый, одряхлевший город. Пришедшие из глубин Азии татары разорили край, но не уничтожили феодальных отношений в Киевском и Галицко-Волынском княжествах.

Попытка князя галицкого Даниила создать при помощи папы Иннокентия IV крестовый поход западных рыцарей против татар кончилась неудачей. В течение трехсот лет татарские ханы в Сарае были верховными сюзеренами феодалов северо-восточной Руси.

В. Лебедев

К ИСТОРИИ ЛЕТОПИСЕЙ

«Повесть временных лет»

«Повестью временных лет» принято называть составленный в Киеве летописный свод, который обнимает события до второго десятилетия XII века и дает довольно устойчиво один общий текст для начала большинства летописных сводов XIV—XVII веков*.

Учреждение греческой митрополии в Киеве в 1039 г. н. эры вызвало составление в этом же году, по византийским образцам, *Древнейшего Киевского* летописного *свода*. В основу свода были положены не летописные заметки, а 1) письменные источники, 2) устные предания, известные автору в форме или песен и былин или прозаических рассказов, и 3) исторические воспоминания о недавних временах.

Письменные источники были сравнительно немногочисленны: на первом месте болгарский летописный свод, сказания: о княгине Ольге, о варягах-мучениках, о князе Владимире, о Борисе и Глебе и жалованная грамота кн. Владимира церкви св. Богородицы на десятину княжеских доходов.

---

* Исторический этюд составлен по трудам А. А. Шахматова: «Разыскания о древнейших русских летописных сводах», СПб. 1908, и «Повесть временных лет», том I. Вводная часть. Текст. Примечания. П. 1916. История научной разработки Начальной летописи до Шахматова дана в книге В. С. Иконникова «Опыт русской историографии», том II, книга I, Киев 1908, стр. 326—414. Сколько-нибудь существенной и всесторонней критики методологии и концепции Шахматова в научной литературе нет. Из трудов последнего времени по Начальной летописи выдаются: В. М. Истрина «Замечания о начале русского летописания» (ИОРЯС, 1921, т. XXVI, стр. 45—102: 1922, т. XXVII, стр. 202—251) и Н. К. Никольского «Повесть временных лет, как источник для истории начального периода русской письменности и культуры. К вопросу о древнейшем русском летописании», вып. I, Л. 1930.

Из *устных* преданий можно отметить сказания: о киевских князьях Кии, Щеке и Хориве, о захвате Олегом Киева, о походе Олега на Царьград и его трагической смерти, об убийстве Игоря древлянами, о походах Святослава, о распрях между Святославичами, о войнах и пирах Владимира, об убийстве Бориса и Глеба.

Для времен Ярослава Древнейший свод целиком основан на *воспоминаниях*; с этого момента свод становится вполне достоверным историческим источником, хотя и то, что он раньше рассказывал об Олеге, Святославе и Владимире, не является чистой мифологией, поскольку записи свода могут быть проконтролированы современными византийскими, а частью и арабскими источниками.

Современные события Древнейший свод довел до лета 6547 (1039 г. н. эры) и закончил похвалой кн. Ярославу как распространителю книжного просвещения.

Но появление Древнейшего свода не вызвало, однако, *постоянного* летописания при киевской митрополии.

В лето 6558 (1050 г. н. эры) закончен строением патрональный храм новгородский св. Софии. В ознаменование этого события князь Владимир Ярославич и епископ новгородский Лука решили озаботиться составлением летописного свода. В основание *Древнего Новгородского свода* был положен Древнейший Киевский свод, использованный, впрочем, более или менее полно только до княжения Владимира Святославича включительно; конец его, где излагались события Ярославова княжения, передан в кратком извлечении; другим источником для Новгородского свода послужила Новгородская летопись 1036 г.; рассказ о событиях 1037—1050 гг. составлен автором свода исключительно на основании расспросов и воспоминаний.

В 1073 г. был окончен под главным редакторством монаха киевского Печерского монастыря Никона Великого *Первый Киевопечерский свод*.

Он представлял вначале копию с Древнейшего Киевского свода, пополненную незначительными вставками о ясах, касогах, Корсуни и Тмуторокани; копия с этого свода содержала в конце запись о походе на греков под предводительством Владимира Ярославича.

Вторая часть свода начиналась со статьи о кончине Ярослава и представляла самостоятельный труд автора, руководившегося воспоминаниями и рассказами современников-очевидцев. Воспоминания принадлежали в значительной части самому Никону, некоторые—другим печерским монахам. Под летом 6570 (1062 г. н. эры, момент основания Печерского монастыря) была помещена обширная статья, посвященная истории этого монастыря с древнейших времен до событий, современных составителю свода.

Киевопечерский свод в скором времени получил продолжение сначала в виде обширного рассказа о смерти Феодосия Печерского, а затем—погодных известий, обличающих местами современную событиям запись. Такие записи продолжались до 1093 г.

Около 1095 г. был составлен под редакцией игумена Иоанна *Второй Киевопечерский*, или, иначе, *Начальный* свод, который можно признать первым общерусским сводом, потому что его составитель поставил себе задачу соединить с текстом Первого Киевопечерского свода, осложненного последующей летописью, летописание Новгородское, насколько оно выразилось в Древнем Новгородском своде с примкнувшей к нему Новгородской владычней летописью, потом летописание Черниговское и, наконец, других монастырей и городов; за Киевопечерским летописанием была обеспечена общерусская значимость.

Начальный свод и лег в основание «Повести временных лет».

«Повесть» в течение десятых годов XII века прошла через три редакции:

1) Основная, или первая редакция составлена в Печерском монастыре Нестором в 1112 г. н. эры в благожелательном к Святополку Изяславичу и ко всей линии Изяславлей духе. Союз Святополка с игуменом Феоктистом наложил неизгладимый отпечаток на все изложение событий последнего пятнадцатилетия его княжения. Морально-политическое значение летописи хорошо сознавалось князьями, и можно предполагать, что Святополк постарался о том, чтобы новый Киевопечерский свод не походил на предшествующий, Начальный, где в предисловии игумен Иоанн обличал Святополка и его дружину. Против Святополка говорили вызванные его неудачной политикой половецкие нашествия, злодеяние, потрясшее Русскую землю,—ослепление кн. Василька Ростиславича. Святополку необходимо было реабилитировать себя перед современниками и потомством; его стараниями создается первая редакция «Повести».

2) Владимир Мономах, преемник Святополка, обратил на «Повесть» самое серьезное внимание. Необходимо было восстановить события двух последних десятилетий в ином освещении; политические интересы требовали изъятия из обращения многих частей первой редакции «Повести»; за составлением новой редакции Владимир обратился к игумену монастыря, тесно связанного с именем его отца Всеволода и сохранившего преданность дому Всеволода во все время княжения Святополка. Сильвестр взялся за порученный ему труд и выполнил его в 1116 г., переработав основательно первую редакцию. Его труд получил официальный характер. Во второй, или Сильвестровской редакции* личность Святополка сравнительно на втором плане; наоборот, деятельности Владимира Мономаха и отведено выдающееся место и дано самое благоприятное освещение; для рассказа о событиях 1097—1100 гг. Сильвестр воспользовался летописью перемышльского попа Василия.

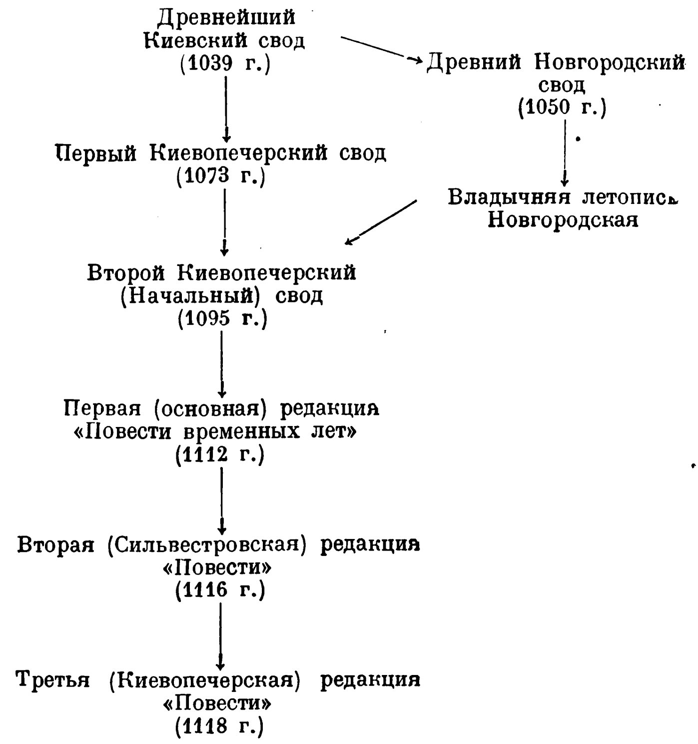
3) Встревоженный перенесением летописного дела в Выдубицкий монастырь, Печерский монастырь, чтобы вернуть себе прежний духовно-политический авторитет, поручил составление нового ле-

* Эта редакция и положена в основу настоящего перевода.

тописного свода своему постриженнику, духовнику князя Мстислава Владимировича (сына Мономаха), только что переселившемуся из Новгорода в Киевскую землю, т. е. лицу, горячо преданному Мономахову дому. За утратой первой редакции составитель третьей редакции, писавший в 1118 г. н. эры, принужден был пользоваться второй, Сильвестровской, редакцией; он дополнил ее преимущественно известиями, касающимися Владимира Мономаха, и продолжил до лета 6625 (1117 г. н. эры).

Таким образом в течение приблизительно восьмидесяти лет (1039—1118 гг. н. эры) можно насчитать до семи последовательных летописных сводов, до шести последовательных наслоений.

Вот короткая их схема:



Весь свой большой материал, письменный и устный, авторы последовательных летописных сводов добывали, проверяли и обрабатывали отнюдь не механически, а руководствуясь своеобразными «научными» методами, исходя из оригинальных «публицистических» идей.

Киевская и Галицко-Волынская летописи

В исторической науке на Киевскую и Галицко-Волынскую летописи господствует такой взгляд:

Ипатьевская летопись, куда после Начальной летописи в качестве второй и третьей частей ее входят Киевская и Галицко-Волынская летописи, представляет Южно-русский летописный свод, составленный не раньше первых десятилетий XIV века, объединивший в себе несколько более древних летописных сводов. Это: 1) *Общерусский свод* начала XIV века, составленный во Владимиро-Суздальской земле, 2) *Киевский свод*, составленный в киевском Михайловском Выдубицком монастыре, что видно из последней восходящей к нему статьи—Похвального слова великому князю Рюрику Ростиславичу, построившему каменную стену вокруг этого монастыря в 1199 году; 3) *Черниговский свод*, явные заимствования из которого встречаются среди известий XII века, и 4) *Галицко-Волынский свод*, использованный составителем уже с сороковых годов XII века; этот свод был изложен почти без указаний годов и составлен во Владимире Волынском в самом конце XIII или начале XIV века.

За прекращением в конце XII века обоих южно-русских сводов, Киевского и Черниговского, у составителя Южно-русского свода XIV века остались только Общерусский и Галицко-Волынский своды; первый с начала XIII века сосредоточил свой главный интерес на событиях северо-восточной Руси; поэтому, руководствуясь своими местными интересами, составитель Южно-русского свода оставил этот свод в стороне и ограничил себя в дальнейшей работе почти исключительно списыванием Галицко-Волынского свода, доведенного до 1289—1290 годов, включив туда только несколько статей из Суздальского общерусского летописца, например о нашествии тата ,*.

Самый общий аналитический подход к этой концепции** заставляет внести в нее несколько поправок: 1) Концентрация различных территориальных известий могла происходить не в самом конце историко-литературного процесса — при составлении последнего свода, а раньше — при составлении отдельных территориальных сводов, или иногда в еще более ранний момент, при композиции отдельных больших сказаний, больших комплексов событий; не нужно предполагать, следовательно, непременного существования местных (Черниговского и Галицкого) и Общерусского сводов, а только местных летописей, или соприкосновения автора с местными свидетелями-очевидцами; тем более, в начале XIV века судьбы и интересы юга и севера Руси настолько разошлись и разобщились, что трудно предполагать составление в то время Южно-русского свода, включавшего и Суздальский и Черниговский своды: этот процесс мог бы произойти раньше—в XII и, самое позднее, в первой поло-

* См. А. А. Шахматов, предисловие ко 2-му изданию II тома Полного собрания русских летописей, СПб., 1908, стр. IV—V. История научной разработки Киевской и Галицко-Волынской летописей до Шахматова дана в книге В. С. Иконникова «Опыт русской историографии», том II, книга I, стр. 438—465, 576—592.

** Критика этой концепции дана в подготовленной к печати специальной работе автора о происхождении Киевской и Галицко-Волынской летописей.

вине XIII века, когда связанность всех русских земель была в достаточной мере сильна. 2) Допущение более ранней литературной концентрации местных известий, а с другой стороны, тематическая обособленность и бо́льшая или меньшая литературная однородность заставляют думать о наличии только двух окончательных сводов («летописей»), составленных из оформившихся уже раньше сказаний и отдельных мелких погодных записей,—Киевского XII века и Галицко-Волынского XIII века, которые лишь *примкнули* к Начальной летописи и вместе с нею составили то целое, которое сейчас в ученом обороте называется «Ипатьевской летописью».

Киевская летопись XII века в самом начале примыкает тематически к «Повести временных лет», но чем дальше, тем больше, с бурным развертыванием событий, превращается в самостоятельное литературное целое, замкнутое сказанием о постройке князем Рюриком Ростиславичем каменных стен вокруг Михайловского Выдубицкого монастыря.

Можно ли считать это сказание составленным или отредактированным в Выдубицком монастыре, как предполагает господствующее мнение? Сказание направляет внимание читателя на «многих самодержцев», державших стол Киевского княжения, производит генеалогические и хронологические разыскания за несколько поколений назад, больше чем на столетие, полно библеизмов и ухищрений византийской риторики, написано, как видно, духовным лицом. Киевская же летопись написана чрезвычайно просто, без всякой риторической пышности и ухищренности; там очень мало (не считая отдельных выдержанных в агиографическом стиле сказаний и мелких церковных записей) цитат из писания, библейских образов, элементов мистики (в духе борьбы дьявола с богом, грехов человеческих как дьявольского наущения, божьих наказаний за эти грехи) и т. п. Свод выдержан в деловитых тонах глубоко заинтересованного в судьбах «золотого киевского стола» автора, страстного воина, человека с большими политическими горизонтами, очень хорошо осведомленного, опытного в реальных пружинах жизни той эпохи.

Киевская летопись — дело рук не духовного лица, монаха-аскета, а воина-политика, и создана скорее всего не в монастыре. Здесь незаметно твердой и властной редакторской руки монаха, которая уверенно прошлась бы по всей летописи и наложила на нее свой отпечаток. Отсюда—неизбежный вывод о пассивной роли Выдубицкого монастыря и в составлении и в редактировании Киевской летописи XII века. Несомненно, что монастырю принадлежит заключительное сказание, но и только.

Задача переносится, таким образом, в иную плоскость—найти другой, помимо монастыря, центр сложных военно-политических интересов той эпохи, связанный не только с местными интересами, но и с очень широкими общими (черниговскими, новгородскими, владимиро-суздальскими, галицкими, владимиро-волынскими, смоленскими). Поскольку князья этих земель были связаны с судьбами киевского стола, поскольку центральным узлом общерусской поли-

тики в XII веке (с расцветом в начале века, с оскудением в конце его) оставался Киев, поскольку общерусский колорит Киевской летописи вытекал прежде всего из очень реальных мотивов, а потом уже облекался в соответствующие литературно-художественные формы, такой центр следует искать именно в *киевском княжеском дворе, среди княжих людей-феодалов, которые сменялись около киевского стола.*

Введены в состав Киевской летописи и отдельные сказания, отредактированные в агиографическом стиле, например: об убийстве князя Игоря Ольговича, походе князя Мстислава Андреевича на Новгород, убийстве Андрея Юрьевича Боголюбского, о третьем крестовом походе и т. д. Как объяснить их появление в составе свода? Прежде всего их политическим значением, связанностью с центральной темой летописи, а не для морально-политических уроков и суждений. Автор летописи не отбрасывает этих сказаний, но в центре его внимания даже в этих сказаниях, за редкими исключениями,—политические события и их реальные результаты, а не мистический смысл, как это было в Начальной летописи.

Что касается Галицко-Волынской летописи, то едва ли она начиналась с сороковых примерно годов XII века, как полагает господствующее мнение: нельзя сказать, чтобы с основной темой этого свода—судьбой сыновей и внуков «самодержца Русской земли»—были тесно связаны обстоятельства жизни и деятельности их предшественников на галицком столе XII века, князей Ростиславичей. Самый общий анализ говорит за историческую и литературную обособленность темы о судьбе Романовичей в Галиче и Волыни, за хронологическую ограниченность ее рамками XIII века (упоминание о князе Романе в разных, очень отдаленных хронологически местах летописи, постоянная запись «крамол» галицких бояр в первой половине XIII века и запись «крамолы» берестьян в конце века, хронологическая несообразность в самом ее начале, обусловленная чисто механическим присоединением к предшествующей, Киевской летописи и т. д.). Неправильно думать, что предполагаемый Южно-русский свод XIV века слагался для XIII века из одних галицких и волынских известий потому только, что кончились своды с киевскими и черниговскими известиями, а Общерусский свод отдался северным событиям: именно, в Лаврентьевской летописи, в основу которой был положен, по мнению Шахматова, Общерусский свод XIV века, мы находим для первых десятилетий XIII века ряд очень важных киевских и черниговских известий (о неугомонном Рюрике Ростиславиче, хитроумном Всеволоде Чермном, недалеких и слабых Ростиславичах-внуках, о дальнейшей борьбе за киевский стол). Как мог составитель Южно-русского свода XIV века выбросить из своего изложения или упустить из виду события, неизмеримо более ценные для него, чем для северного автора? Только строгостью темы: «Семейная хроника Романовичей» можно, вопреки господствующему мнению, объяснить такое странное территориальное несоответствие между событиями и их письменным выражением.

Галицко-Волынская летопись распадается на две главных части: первая, до появления Бурундая включительно, принадлежит автору, который чрезвычайно близко стоял в Даниилу и чрезвычайно ценил своего героя; вторая часть написана во Владимирской земле лицом, преданным князьям Владимира Волынского; оттого в ней так мало сказано о деятельности Даниила после нашествия Бурундая, о смерти Даниила, оттого так кратка похвала ему (см. прим. 110 к Галицко-Волынской летописи); этого не было бы, если бы продолжал писать автор, которому принадлежит весь предшествующий рассказ; здесь на первом месте—брат Даниила Василько и его сын Владимир Василькович. Автор первой части так ревниво относится к своему герою, что, постоянно называя Даниила князем до его коронования в Дорогичине, с этого времени всегда именует его королем; автор второй части не раз отступает от этого правила.

Еще больше, чем Киевская летопись, Галицко-Волынская отличается «светским», воинским, а не монашеским характером; здесь еще меньше элементов мистики и моральных поучений, еще больше внимания к военным операциям, колебаниям политических весов, дипломатическим ухищрениям того века; даже в описании холмских церквей центр тяжести не в религиозной их ценности, а художественно-эстетической; вообще автор везде, даже при описании церковно-политических событий, позитивно сдержан, кроме агиографически слаженной в некоторых частях повести о болезни и смерти князя Владимира Васильковича (см. прим. 124 к Галицко-Волынской летописи) да отдельных мелких записей. «Семейная хроника Романовичей», пропитанная глубокой симпатией к своим «героям», написана близкими к ним и преданными людьми, носит явные следы официального характера: в летопись вносятся «крамолы» (преступления против князей), договоры (например упоминание о бывшем под рукою автора договоре Даниила с угорским королем Белою IV), грамоты (душевная грамота князя Владимира Васильковича, грамота Мстислава Данииловича об установлении с берестьян «ловчего»), постоянные перечни убитых княжих людей, послов, татарских баскаков, литовских князей и т. д. В знаменитом экскурсе о формах летосчисления (см. прим. 83 к Галицко-Волынской летописи) автор с гордостью смотрит на себя как на лицо, обязанное записывать в летопись все случившееся в прошедшие времена с помощью очень сложных хронологических приемов, т. е. считает себя как бы официальным должностным лицом, отвечающим за правильный учет событий и дел прошлого, хранителем архива княжего стола.

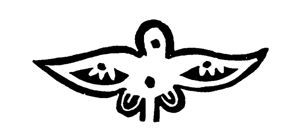
За светский характер Галицко-Волынской летописи говорит еще один значительный факт—большая начитанность автора не столько в Библии, как принято у всякого средневекового хрониста, сколько в переводной литературе светского характера. Автор хорошо знаком с хронографом Иоанна Малалы, меньше и хуже с хронографом Амартола, а также с другими компилятивными хронографами, с «Александрией» (легендарным сказанием об Александре Македонском), с «Иудейской войной» Иосифа Флавия, еврейского писателя

I века н. эры, и т. д., щеголяет знанием «Омира», т. е. Гомера. Автор берет из своих источников некоторые отдельные места, цитаты, искусно сопоставляя их с современными ему событиями, очень часто пользуется их фразеологией в описании воинских дел, в художественных характеристиках князей и зданий, заимствует подчас их лексику, особенно там, где нехватает древнерусских слов для выражения очень сложных переживаний или понятий, очень умело обогащает современный ему русский язык иноземными словами. Все это—лоск и изысканность светского деятеля, а не манера монаха-аскета с его исключительной погруженностью в священное писание.

Не слишком далеким от истины будет обобщающий тезис, что *Галицко-Волынская летопись была составлена военно-придворным историографом галицких и волынских князей XIII века, очень широко и по-светски образованным человеком.*

В. Панов

ДРЕВНЕРУССКИЕ ЛЕТОПИСИ



НАЧАЛЬНАЯ ЛЕТОПИСЬ

НАЧАЛЬНАЯ ЛЕТОПИСЬ[1]

Вот повесть о минувших годах[2], откуда пошла Русская земля, кто в Киеве первым начал княжить, и как устроилась русская земля[3].

Так начнем повесть эту.

[*Потомство сыновей Ноя*]

После потопа три сына Ноя разделили землю между собой, Сим, Хам, Афет. И достался восток Симу[4],...,[5] Хаму вся южная сторона...,[5] Афету—северные страны и западные....[5]

В Афетовой части сидят Русь[6], Чудь, Весь[7], Меря, Мурома, Мордва, Заволочская Чудь, Пермь, Печора, Ямь, Югра, Литва, Зимгола, Летьгола, Либь. Ляхи же, Пруссы и Чудь сидят у моря Варяжского (Балтийского); по этому же морю сидят Варяги[8] к востоку до пределов Симовых, по тому же морю сидят к западу до земли Английской и Волошской. Афетово колено и то: Варяги, Шведы, Норманны, Готы, Русь[9], Англы,... и другие; они сидят от запада к югу и граничат с племенем Хамовым.

[*Столпотворение Вавилонское*]

Сим, Хам и Афет разделили землю, бросив жребий; [и положили урок] никому не вступаться в жребий братнин, и жил каждый в своей части. И язык был один: когда умножились люди на земле, они задумали создать столб до небес... Собрались на равнине Сенаар создать столб до небес и город около него Вавилон. Строили столб тот в течение сорока лет, и не был еще закончен, и сошел господь бог посмотреть город и столб. И сказал господь: «Вот народ один и язык один». И смешал бог языки, разделил на семьдесят два народа и рассеял по всей земле. По смешении языков бог ветром великим разру-

шил столб; есть остаток его между Ассирией и Вавилоном, высотою и шириною пять тысяч четыреста тридцать три локтя[10]; много лет хранится остаток тот.

По разрушении столба и разделении народов сыновья Сима заняли восточные страны, сыновья Хама—южные страны, сыновья Афета взяли запад и северные страны. Из этих же семидесяти двух народов был и народ Словенский; от племени Афетова так называемые Норики[11], которые и суть Словене.

[*Расселение Словен*]

Спустя многое время[12] после Вавилонского столпотворения поселились Словене по Дунаю, где теперь Угорская (Венгерская) земля и Болгарская[13]. И от тех Словен разошлись по земле и прозвались именами отдельными где кто сел, на котором месте. Одни придя поселились на реке названием Морава и прозвались Моравами[14], а другие назвались Чехами, а это—тоже Словене: Хорваты Белые, Сербы и Хорутане.

Волохи[15] напали на Словен дунайских, поселились среди них и чинили им насилие. Одни Словене, переселившись, сели на Висле и прозвались Ляхами, а от тех Ляхов прозвались Поляне. Из Ляхов другие [назывались] Лутичами, иные—Мазовшанами, иные—Поморянами.

Так и те Словене, переселившись, сели по Днепру и прозвались Полянами, другие—Древлянами[16], потому что поселились в лесах, и иные расселились между Припетью и Двиною и назвались Дреговичами[17], иные сели на Двине и назвались Полочанами речки ради, которая втекает в Двину, именем Полота, от этой прозвались Полочанами. Словене, пришедши с Дуная, поселились около озера Ильменя и назвались своим [собственным] именем, срубили город и назвали его Новгород, а иные поселились по Десне, Сейму и Суле и назвались Севером.

Так разошелся Словенский народ, также и письменность прозвалась Словенской.

[*Путь из Варяг в Греки*][18]

Когда Поляне жили отдельно, по горам этим, был путь «из Варяг в Греки» и от Греков по Днепру, из верховьев Днепра волок до Ловати, а по Ловати войти в Ильмень-озеро великое; из этого же озера потечет Волхов и втечет в озеро великое Нево (Ладожское) и того озера входит устье в море Варяжское (Балтийское) и по тому морю итти вплоть до Рима, а от Рима по тому же морю прийти к Царьграду, от Царьграда прийти в Понт море[19] (Черное море), в него же втекает Днепр река. Днепр вытекает из Оковского леса[20] и течет на юг, а Двина из этого же леса вытекает и идет на север и впадает в море Варяжское; из этого же леса вытекает Волга на восток и впадает семьюдесятью потоками в море Хвалисское[21] (Каспийское).

Также из Руси можно итти по Волге в Болгары и в Хвалисы, на восток дойти до жребия Симова, по Двине—к Варягам, а от

Построение Новгорода

Пляски славян. Костюмы с длинными рукавами византийского характера

Варягов до Рима; а от Рима до племени Хамова[22]. А Днепр впадает в Понтское море тремя потоками, это море называется Русским, около него учил Андрей, брат Петра [апостола], как сказано.

[*Апостол Андрей на Руси*][23]

Андрей учил в Синопе[24], пришел в Корсунь[25] и узнал, что близ Корсуня устье днепровское и захотел пойти в Рим; пришел в устье днепровское и оттуда пошел вверх по Днепру. И пришел случайно и стал под горами на берегу. Встав утром, сказал бывшим с ним ученикам: «Видите ли эти горы? на этих горах воссияет благодать божия, великий город будет, и церкви многие бог воздвигнет». И взошел на эти горы, благословил их, поставил крест, помолился богу, слез с горы этой, где потом был Киев, и пошел вверх по Днепру. И пришел к Словенам[26], где ныне Новгород, и увидал живущих там людей, какие у них обычаи, как они моются и хлещутся и удивился им. И пошел к Варягам и пришел в Рим и поведал все, чему научил и что видел, и сказал им: «Когда я шел сюда, удивительное видел я в земле Словенской[27]; видел бани деревянные, разожгут их сильно, и разденутся и будут нагие и обливаются «мытелью»[28], берут прутья зеленые и сами себя бьют и до того добьются, что едва живы вылезут; обольются водою студеною и оживут; так они делают все время, никем не мучимые, но сами себя мучают и это они делают себе мытье, а не мученье». Слышав это, дивились. Андрей же, побыв в Риме, пришел в Синоп.

[*Кий, Щек и Хорив и сестра их Лыбедь*]

Поляне жили отдельно и владели родами своими; они и до этих братьев были Полянами. И жил каждый со своим родом на отдельных местах, владел каждый отдельным родом. И было три брата[29], одному имя Кий, другому—Щек, а третьему—Хорив, а сестра их—Лыбедь. И жил Кий на горе, где теперь подъем Боричев, и Щек жил на горе, которая теперь зовется Щековица, а Хорив на третьей горе, от него она прозвалась Хоривица. И построили городок во имя брата своего старшего и нарекли ему имя Киев. И был около города лес и бор великий, и ловили там зверей[30]; были мужи мудрые и разумные и назывались Полянами, от них—Поляне в Киеве и до сего дня.

Другие, не знавшие правды[31], говорили, что Кий был перевозчик; у Киева был тогда перевоз с другой стороны Днепра, тогда говорили: «На Киев перевоз».

Если бы Кий был перевозчиком, то не ходил бы к Царьграду, но этот Кий княжил в своем роде и приходил к царю, которо о не знаем, только о том знаем, как говорят, что великую честь получил от царя, при каком [царе] приходил. Когда он шел обратно, пришел к Дунаю, полюбил место, срубил городок маленький и хотел поселиться с родом своим, но не позволили ему живущие тут вблизи; доныне называют на Дунае городище Киевец. Кий же вернулся

в Киев, где и кончил свою жизнь; и брат его Щек и Хорив и сестра их Лыбедь тут же скончались.

[*Расселение Словенских племен, Финских и Литовских*]

После этих братьев начал их род княжение у Полян[32], а у Древлян—свое [княжение], у Дреговичей—свое, у Словен свое в Новгороде, а другое на Полоте, где Полочане; от них и Кривичи, которые сидят на верховьях Волги, Двины и Днепра: их город—Смоленск, на том месте и живут Кривичи—также и Север от них. А на Белоозере сидит Весь, на Ростовском озере Меря, а на Клещине озере[33]—Меря же. А по реке Оке, где она впадает в Волгу, отдельный народ—Мурома, отдельный народ—Черемиса и отдельный народ—Мордва.

Вот только Словенский народ в Руси: Поляне, Древляне, Новгородцы, Полочане, Дреговичи, Север, Бужане, потому что сидели по Бугу, впоследствии [назывались] Волыняне.

А вот другие народы, которые дань дают Руси[34]: Чудь, Меря, Весь, Мурома, Черемиса, Мордва, Пермь, Печора, Ямь, Литва, Зимгола, Корсь, Норома, Либь: эти народы от колена Афета, живущие в странах Севера.

[*Насильники Словен*]

Когда народ Словенский, как сказали, жил на Дунае, пришли от Скифов (т. е. от Козар)[35] так наз. Болгары, расселись по Дунаю и чинили насилие Словенам. Потом пришли Угры[36] Белые и захватили землю Словенскую, прогнав Волохов, которые прежде владели землей Словенской.

Эти Угры появились при царе Ираклии[37], который ходил войною на Хозроя царя Персидского[38].

В эти же времена появились Обры[39], которые воевали против царя Ираклия и едва его не победили. Эти Обры воевали с Словенами и чинили насилие Дулебам, тоже Словенам, и чинили насилие женщинам Дулебов; если нужно было поехать Обрину, он не велел впрягать ни коня, ни вола, а велел впрячь трех, четырех или пятерых жен в телегу и везти Обрина; таким образом [Обрин] мучил Дулебов. Были Обры телом велики, а умом горды, и бог истребил их, и померли все, и не осталось ни одного Обрина; есть теперь пословица на Руси до сего дня: «Погибли как Обры», не осталось ни их племени, ни наследников. После них пришли Печенеги и потом проходили мимо Киева Угры Черные,—впоследствии, при Олеге.

[*Расселение Словенских племен*]

Поляне же жили отдельно, как сказали, от рода Словенского и назвались Полянами, а Древляне, из Словен же, назвались Древлянами. Радимичи же и Вятичи—от Ляхов. Были среди Ляхов два брата: Радим, а другой—Вятко, переселились и сели: Радим на Соже, и прозвались Радимичи, а Вятко с родом своим поселился по Оке;

от него же получили название Вятичи. И жили в мире Поляне, Древляне, Север, Радимичи, Вятичи, Хорваты. Дулебы жили по Бугу, где ныне Волыняне, а Уличи и Тиверцы сидели по Днестру и доходили до Дуная. И было множество их, сидели они прежде по Бугу и по Днестру вплоть до моря; их города стоят до сих пор, и звались они от Греков «Великая Скифия».

[*Обычаи Словенских племен*]

[Они] имели обычаи свои и закон предков своих и предания, каждый—свой нрав[40].

Поляне имеют обычаи своих предков, кроткие и тихие, и уваженье к снохам своим, к сестрам, матерям и к родителям своим; и снохи к свекровям и деверям великое уважение имели; их брачные обычаи были: не ходил жених за невестой, но приводили ее вечером, а утром приносили ее приданое. А Древляне жили звериным образом, наподобие скотов, убивали друг друга, ели все нечистое; брака у них не было, но путем увода захватывали девушек[41]. А Радимичи, Вятичи и Север имели одинаковые обычаи: жили в лесах на подобие зверей, ели все нечистое и бесчестно относились к родителям и снохам; браков у них не было, но были игрища между селами, сходились на игрища[42]—пляску и все бесовские песни—и там хватали женщин по предварительному с ними сговору, имели по две и по три жены. Если кто умирал, творили тризну[43], делали большой костер, клали на костер мертвеца и сжигали, а потом, собрав кости, складывали в малую посудину и ставили на придорожных столбах. Это делают Вятичи и теперь. Такие были обычаи у Кривичей и других язычников: они не знали закона божия, но сами себе творили закон.

[*Обычаи других народов*]

Говорит Георгий [Амартол] в хронографе[44]:

«У одних писанный закон, у других—обычай, потому что для неимеющих закона законом считаются обычаи предков. Из них первые Сирийцы, живущие на конце земли, имеют обычаи своих предков: не любодействовать, не прелюбодействовать, не красть, не клеветать, не убивать, не злодействовать.

Закон у Бактрийцев[45], называемых Брахманами и Островитянами, от предков наставление: мяса не есть, вина не пить, блуда не творить, не чинить никакой злобы ради великого страха и веры в бога. Потом, Индусы, живущие около них, убийцы, творят скверну и гневливы свыше природы; в внутренней их стране едят людей, убивают путешественников, едят как псы.

Другой закон у Халдеев и Вавилонян: женятся на матерях, блудодействуют с братними детьми, убивают и всякое бесчестное дело считают добродетелью, если даже бывают далеко от своей стороны.

Другой закон у Гилиев: женщины у них пашут, строят дома и делают мужские дела, любят, сколько хотят, не удерживаемые своими мужьями; женщины у них храбры, способны ловить зверей, властвуют над своими мужьями и управляют ими.

В Британии многие мужчины спят с одной женщиной и многие женщины с одним мужчиной и невоздержанно творят закон своих предков.

Амазонки[46] же мужей не имеют, но как скот бессловесный каждый год к весенним дням уходят из своей земли и совокупляются с окрестными мужчинами (они считают это время торжеством и великим праздником). Забеременевши, они разбегаются в разные стороны; приходит им время родить: если родится мальчик, убивают его, если девочка, то прилежно ухаживают и воспитывают.

Так при нас теперь Половцы соблюдают обычай своих предков: проливают кровь и хвастаются этим, едят мертвечину и всякую нечистоту, хомяков и сусликов, совокупляются с мачехами своими и свекровями и другие обычаи своих предков творят, а мы, христиане всех земель, которые веруют в святую троицу, в одно крещение и в одну веру, закон имеем один: все, кто во Христе крестились, во Христа облеклись[47].

[*Поляне платят дань Козарам*]

По прошествии ряда лет, после смерти этих братьев, [Поляне] терпели обиды от Древлян и других окрестных племен, и пришли Козары к ним, сидящим на этих горах в лесах, и сказали Козары: «Платите нам дань». Поляне подумали и дали им от дыма[48] по мечу. Отнесли Козары к князю своему и к старейшинам своим и сказали: «Мы достали дань новую». Те спросили их: «Откуда?» Они ответили: «В лесу на горах над рекою Днепровской»[49]. Они спросили: «Что дали?» Те показали меч. И сказали старейшины Козарские: «Не добрая это дань, князь, мы приобрели оружием односторонним, саблями, а у этих—оружие обоюдоострое, мечи: будут они дань с нас брать и с других стран»[50]. Все это сбылось: сказали они не по своей воле, а по божьему повелению. Так и при фараоне, царе египетском, когда привели Моисея перед фараоном, сказали старейшины фараону: «Этот укротит землю египетскую». Так и вышло: погибли египтяне от Моисея, а сначала он работал для них: так и эти (Козары) сперва сами владели, а после ими самими владели. Так и владеют Козарами русские князья до сегодняшнего дня.

[*Хронология от Адама до смерти князя Святополка Изяславича*[51]]

В лето 6360[52], индикта пятнадцатого[53], когда начал царствовать Михаил[54], стала называться Русская земля. Узнали об этом потому, что при этом царе приходила Русь на Царьград, как написано в Греческом летописце[55]. Потому-то отсюда начнем и поставим числа (годы).

От Адама[56] до потопа	2242 года
От потопа до Авраама	1082 года
От Авраама до исхода Моисеева	430 лет
От исхода Моисеева до Давида [царя]	601 год

От Давида и начала царствования Соломона до плена Иерусалимского	448 лет
От плена до Александра [Македонского]	318 лет
От Александра до рождества Христова	333 года
От рождества Христова до Константина	318 лет[57]
От Константина до Михаила [царя] этого	542 года[58]
От первого года Михаила до первого года Олега князь Русского[59]	29 лет[60]
От первого года Олега, после того как он сел в Киеве, до первого года Игоря	31 год
От первого года Игоря до первого года Святослава .	33 года
От первого года Святослава до первого года Ярополка	28 лет
Ярополк княжил	8 лет
Владимир княжил	37 лет
Ярослав княжил	40 лет[61]
Таким образом:	
от смерти Святослава до смерти Ярослава . . .	85 лет
от смерти Ярослава до смерти Святополка[62] . . .	60 лет

Но мы вернемся к прежнему[63] и скажем, что́ произошло в эти годы, начиная с первого года Михаила, и по порядку поставим числа (годы).

В лето 6361[64]
В лето 6362
В лето 6363
В лето 6364
В лето 6365

В лето 6366. Царь Михаил двинулся с воинами берегом и морем на Болгар. Болгары, узнав об этом, не могли противостоять ему; просили крестить их и покорились Грекам. Царь крестил их князя и бояр всех и учинил мир с Болгарами.

В лето 6367[65]. Брали дань Варяги, приходя из-за моря, на Чуди, на Словенах, на Мере, на Веси и на Кривичах; а Козары брали дань на Полянах, на Севере и на Вятичах: брали по «белой веверице» с дыма[66].

В лето 6368
В лето 6369

[*Призвание Варяжских князей*]

В лето 6370[67]. Изгнали Варягов за море и не стали давать им дани и начали сами собою владеть. И не было среди них правды, и восстал род на род, и были среди них усобицы, и начали сами воевать друг против друга.

И порешили сами между собою: «Поищем себе князя, который бы владел нами и судил по праву»[68]. И пошли за море к Варягам — к Руси (назывались эти Варяги Русью, как другие зовутся Свеями (Шведами), третьи — Норманнами[69] и Англами[70], иные — Готами[71], так и эти).

Сказали Руси Чудь, Словене, Кривичи и Весь: «Земля наша обширна и богата, а порядка в ней нет[72]; приходите княжить и владеть нами»[73].

Избрались (вызвались пойти) три брата с родами своими, взяли с собою всю Русь и пришли

(I вариант)

к Словенам и сел старший, Рюрик, в Новгороде, второй, Синеус,—на Белоозере, а третий Трувор, — в Изборске. И от тех Варягов прозвался Новгород Русской землей; эти люди Новгородские—от рода Варяжского, а прежде были Словенами.

Спустя два года умер Синеус и брат его Трувор, и перенял всю власть Рюрик один[74] и раздавал мужам своим города:

(II вариант)

сначала к Словенам, срубили город Ладогу, и сел старший, Рюрик, в Ладоге, а второй, Синеус,—на Белоозере, а третий, Трувор,—в Изборске. И от тех Варягов получила название Русская земля.

Спустя два года умер Синеус и брат его Трувор, и перенял всю власть Рюрик один.

Он пришел к Ильменю, срубил город над Волховом и назвал его Новгородом, сел тут, стал княжить, раздавать мужам своим волости и города рубить:

одному—Полоцк, другому—Ростов, третьему—Белоозеро.

По тем городам пришельцы—Варяги, а первые насельники—в Новгороде—Словене, в Полоцке—Кривичи, в Ростове—Меря, на Белоозере—Весь, в Муроме—Мурома: всеми ими владел Рюрик.

[*Аскольд и Дир овладевают Киевом*]

Было у него два мужа, не его рода, но бояре[75], и они выпросились к Царьграду с родом своим. Пошли по Днепру и, проходя мимо, увидали на горе городок и, спрашивая, сказали: «Чей это городок?» Они отвечали: «Были три брата: Кий, Щек и Хорив, когда-то срубили этот городок и погибли, а мы, их род, живем, платя дань Козарам». Аскольд и Дир остались в этом городе, собрав много Варягов, и начали владеть землею Полян, а Рюрик княжил в Новгороде.

[*Поход Аскольда и Дира на Царьград*] [76]

В лето 6374 [77]. Пошли Аскольд и Дир на греков и пришли в 14 год правления царя Михаила. Царь ушел в поход против арабов [78] и дошел до Черной речки, когда эпарх[79] известил его, что Русь идет на Царьград, и вернулся царь. Они же (Русь) вошли внутрь Суда [80], учинили большое избиение христианам и обступили Царьград двумя стами кораблей. Царь едва вошел в город, с патриархом Фотием всю ночь творил молитву в церкви Влахернской богоматери; также вынес божественную ризу богородицы с пением и омочил лоскут в море среди тишины и спокойствия на море. Но вот

поднялась буря с ветром, поднялись великие волны, смели корабли безбожных Русских, прибили к берегу и разбили их, так что мало из них избегло беды и вернулось во-свояси . . . . [81].

В лето 6376. Начал царствовать Василий [82].

В лето 6377. Крещена была вся земля Болгарская [83].

. . . . [84].

В лето 6387. Умер Рюрик, передав княжение Олегу из своего рода [85], поручив ему своего сына Игоря: был тот очень мал . . . [86].

[*Олег убивает Аскольда и Дира и овладевает Киевом*]

В лето 6390. Пошел Олег, взяв многих воинов: Варягов, Чудь, Словен, Мерю, Весь, Кривичей и пришел к Смоленску, захватил город и посадил мужей своих. Оттуда пошел вниз [по Днепру] захватил Любеч и посадил своих мужей. Пришли к горам Киевским, и увидел Олег, что Аскольд и Дир княжат, спрятал воинов в лодках, а других позади оставил, а сам пришел, неся маленького Игоря. И приплыл под Угорское, спрятав своих воинов, и послал к Аскольду и Диру говоря: «Мы—купцы [87], идем к Грекам от Олега и княжича Игоря, придите к нам, родичам своим». Аскольд и Дир пришли, и повыскакали из лодок все остальные воины. И сказал Олег Аскольду и Диру: «Вы—не князья и не княжего рода, но я—княжего рода» и вынес Игоря: «А это—сын Рюриков». Убили Аскольда и Дира и понесли на гору, похоронили Аскольда на горе, которая теперь зовется Угорским, где теперь двор Ольмы; на той могиле поставил Ольма церковь св. Николая, а Дирова могила—за св. Ириною. И сел Олег, княжа, в Киеве и сказал: «Пусть этот город будет матерью городам Русским» [88]. И были у него Варяги и Словене и прочие, прозвавшиеся Русью. Этот Олег начал города ставить и установил дани Словенам, Кривичам и Мере; и установил давать дань Варягам от Новгорода,—триста гривен[89] в год—для сохранения мира, которую до смерти Ярослава давали Варягам.

[*Походы Олега*]

В лето 6391. Начал Олег воевать против Древлян, подчинил их, наложив дань по черной кунице.

В лето 6392. Пошел Олег против Севера, победил Север и наложил на него дань легкую и не позволил им Козарам дань платить, сказав: «Я—им враждебен, а вам—нечего [давать]».

В лето 6393. Послал Олег к Радимичам, говоря: «Кому дань платить?». Они же отвечали: «Козарам». И сказал им Олег: «Не давайте Козарам, но давайте мне». И дали Олегу по щлягу, как и Козарам давали. И овладел Олег Полянами, Древлянами, Севером и Радимичами, а с Уличами и Тиверцами была война. . . . . . . [90]

[*Угры*]

В лето 6406. Проходили Угры (Венгры) мимо Киева горою, которая теперь зовется Угорским, пришли к Днепру и стали па-

латками; они ходят так же, как теперь Половцы. Пришли от востока, прошли через высокие горы, которые получили название Угорских [91] и начали воевать живших тут Волохов и Словен. Сидели тут раньше Словене и Волохи, захватившие землю Словенскую. Потом Угры прогнали Волохов, захватили ту землю и сели со Словенами, покорив их под себя, и оттого прозвалась земля Угорской.

Потом начали воевать Угры против Греков и захватили Фракию и Македонию вплоть до Солуня, а потом пошли войной на Моравов и Чехов.

[*Грамота Словенская*]

Был один народ Словенский: Словене, которые сидели по Дунаю, которыми овладели Угры, и Моравы, и Чехи, и Ляхи, и Поляне, которые теперь зовутся Русью. Впервые были переведены книги [с Греческого на Словенский язык] у Моравов; эта письменность и прозвалась Словенскою; эта же письменность и на Руси и у Болгар Дунайских.

[Дальше идет рассказ о Кирилле и Мефодии, учителях Словенских]

[*Апостол Павел—учитель Руси*]

Словенскому языку учитель Андроник апостол; к Моравам приходил и апостол Павел и учил там: там ведь Иллирик[92], до которого доходил Павел; тут сперва были Словене. Также Словенского племени учитель Павел [93], от этого племени и мы, Русь; также и нам, Руси, учитель есть Павел, потому что он учил племя Словенское и поставил епископом и наместником после себя Андроника для Словенского племени. А Словенский народ и Русский—один есть, от Варягов прозвались Русью, а раньше были Словене; хотя и звались Полянами, но народ Словенский был; Полян получили прозвище, потому жили в поле (степи), а язык Словенский был у них общий . . . . [94].

В лето 6411 [95]. Игорь вырос и ходил за Олегом и слушал его; привели ему жену от Плескова [Пскова] именем Ольгу.

[*Поход Олега на Царьград*][96]

В лето 6415. Пошел Олег на Греков, а Игоря оставил в Киеве; взял множество Варяг, Словен, Чуди, Кривичей, Мери, Полян, Север, Древлян, Радимичей, Хорватов, Дулебов и Тиверцев... эти все зовутся Греками «Великая Скифия». Со всеми этими пошел Олег на конях и на кораблях, а число кораблей было 2000.

И пришел к Царьграду, Греки заперли Судскую гавань, а крепость затворили. И вылез Олег на берег и велел воинам извлечь корабли на берег; воевал около города и много убийств учинил среди Греков, сокрушил много палат и церквей пожег, а сколько было пленников: одних побил, других пытал, третьих застрелил, а четвертых побросал в море, и много другого зла сделала Русь Грекам—все, что воины делают.

И велел Олег воинам своим колес наделать и поставить корабли

Поход Олега на Царьград

Корабли Олега на колесах при взятии Царьграда

на колеса [97]. Ветер был попутный; паруса [на кораблях] надулись и [суда] с поля пошли к городу. Увидав это Греки испугались и, послав послов к Олегу, сказали: «Не губи города, будем платить дань, сколько захочешь». И остановил Олег воинов: вынесли ему пищу и вино, и не принял он этого, потому что оно было с отравою. Испугались Греки и сказали: «Это не Олег, а св. Дмитрий [98] послан против нас от бога». И договорился Олег дань дать на 2000 кораблей, по 12 гривен с человека, а в [каждом] корабле было по 40 мужей.

[*Договор Олега с Греками*]

И согласились на то Греки, и начали Греки мира просить, чтобы не воевал Греческой земли. Олег, отступив немного от города, начал мирные переговоры с царями Греческими, Львом и Александром, послал к ним послами в город: Карла, Фарлафа, Вермуда, Рулава и Стемида со словами: «Должны мне дань дать». И сказали Греки: «Чего хочешь, дадим тебе». И договорился Олег дать воинам на 2000 кораблей по 12 гривен на уключину и потом дать дань на Русские города: прежде всего на Киев, также на Чернигов и Переяславль, на Полоцк и на Ростов и на Любеч и на прочие города: по тем городам сидели великие князья под властью Олега.

[Дальше идут отрывки из договора Олега с Греками.]

Цари Лев [99] и Александр учинили мир с Олегом, согласившись на дань, и клятву дали между собой: сами крест целовали, а Олега и его мужей заставили поклясться по Русскому закону, клялись они оружием своим [100] и Перуном, богом своим, и Волосом, скотьим богом, и утвердили (таким образом) мир.

[*Возвращение Олега в Киев со славой великой*]

И сказал Олег: «Пошейте паруса шелковые Руси, а словенам—полотняные», и сделали так. И повесил [Олег] щит на вратах Царьграда в знак победы и пошел от Царьграда. И натянула Русь паруса шелковые, а Словене—полотняные и порвал их ветер. И сказали Словене: «Останемся при своих толстинах [101], не подобают Словенам паруса». И пришел Олег в Киев, неся золото и шелковые ткани и фрукты и вина и всякое шитье узорчатое [102]. И прозвали Олега вещим: люди были язычники и невежды [103]. . . . . [104]

В лето 6419 явилась звезда большая на западе в виде копья.

[Дальше следует договор Олега с Греками в лето 6420.]

[*Смерть Олега Вещего*]

И жил Олег, имея мир со всеми странами, княжа в Киеве. И пришла осень, и вспомнил Олег про коня своего, которого поставил кормить и на которого не садился. Ведь он прежде спрашивал волхвов и кудесников: «От чего я умру?» И сказал ему один кудесник: «Князь, конь, которого ты любишь и на котором ездишь, от того тебе придет смерть». Олег взял это в голову и сказал: «Никогда не

сяду на него и не увижу его более». И велел кормить его и никогда не водить его к нему; прожил несколько лет, не видев его, пока ходил против Греков. И пришел он в Киев и прожил четыре года, на пятом году вспомнил о своем коне, от которого, сказали волхвы, ему должно было умереть, призвал он старшего конюха и сказал: «Где мой конь, которого я поставил кормить и охранять?» Тот сказал: «Умер». Олег посмеялся и стал укорять кудесника, говоря: «Вот неправду говорят волхвы, но все это ложь: конь умер, а я жив». И велел оседлать коня: «Посмотрю кости его». Приехал на место, где лежали его кости голые и череп голый, слез с коня, посмеялся и сказал: «От этого ли черепа приму я смерть?» И наступил ногою на череп, выползла змея из черепа, укусила его в ногу. От укуса он разболелся и умер. И плакали о нем люди все плачем великим, понесли его и похоронили его на горе, которая зовется Щековица. Существует могила его и до сего дня, слывет могилой Олега. И было всех лет княжения его 33.

[*Чудеса Аполлония Тианского*]

Это не удивительно, что от волхвования происходит чародейство, как было в царствование Домицианово [105], некий волхв именем Аполлоний Тианский [106], как мы знаем, ходил и творил всюду в городах и селах бесовские чудеса. Когда из Рима пришел в Византию, то жители умолили его сделать следующее: отогнал множество скорпионов и змей из города, чтоб не было от них вреда людям... Также, когда пришел в Антиохию, умолили его Антиохияне: томились они от скорпионов и комаров; он сделал медного скорпиона и схоронил его в земле и поставил над ним маленький мраморный столб; велел людям держать трости, ходить по городу и кричать, потрясая тростями: «Без комара город!», и таким образом исчезли из города комары и скорпионы. Попросили они его опять о землетрясении: он вздохнул и написал на дощечке следующее: «Увы, окаянный город, много ты будешь трястись и будешь одержим огнем: оплакал тебя и стоящий на берегу Оронтий» [107] . . . . [108].

[*Начало княжения Игоря*][109]

В лето 6421. Начал княжить Игорь после Олега [110]; Древляне отпали от Игоря после смерти Олега.

В лето 6422. Пошел Игорь на Древлян, победил их и положил на них дань больше Олеговой . . . . [111].

В лето 6423. Пришли Печенеги в первый раз на Русскую землю, заключили мир с Игорем и ушли к Дунаю. . . . . [112]

В лето 6428 [113]. Игорь воевал против Печенегов . . . . [114].

[*Поход Игоря на Греков*]

В лето 6449. Пошел Игорь на Греков. И послали Болгары весть к царю, что идет Русь на Царьград десять тысяч; они пришли и приплыли и начали воевать в Вифинии и попленили по Понту до Ираклии и Пафлагонии и всю страну Никомедийскую попленили и [га-

вань] Судскую всю пожгли; пленников одних распинали, других— поставив напротив, расстреливали стрелами, воинам, взятым в плен, связав назад руки, вбивали гвозди железные в средину головы; много святых церквей предали огню, монастыри и села—все огню предали и добра не мало захватили в обеих странах. Потом пришли воины с востока: доместик [115] Памфил с четырьмя десятками тысяч, Фока патриций [116] с Македонянами, Федор Стратилат с Фракийцами, а с ними и вельможи и бояре, и окружили Русь. Русь сотворила совет и вышла, вооружившись, против Греков; была между ними брань злая: едва одолели Греки. Русь возвратилась к товарищам своим к вечеру, на ночь влезли на ладьи и убежали. Феофан встретил их на кораблях с огнем и начал пускать трубами огонь [117] на русские ладьи. И видно было страшное чудо. Русь, видя пламень, бросалась в воду морскую, желая убежать в брод. И так остальные возвратились во-свояси. Когда они вернулись в свою землю, поведал каждый своим о том, что было, и об огне с кораблей: «Словно молнию, говорили, которая на небе, Греки имеют у себя и пускали ее, сжигая нас, поэтому мы и не одолели их».

Игорь же, вернувшись, начал собирать много воинов и послал к Варягам за море, зовя их против Греков, желая вторично пойти против них. . . . .

[*Вторичный поход Игоря на Греков*]

В лето 6452. Игорь собрал воинов много: Варягов, Русь и Полян и Словен и Кривичей и Тиверцев и нанял Печенегов, взяв у них заложников, и пошел на Греков на лодках и на конях, желая отомстить за себя. Прослышав это, Корсунцы послали к Роману [царю послов] со словами: «Идет Русь, без числа кораблей, покрыли море корабли». Также и Болгары послали весть: «Идет Русь и наняли к себе [на помощь] Печенегов». Услышал царь и послал к Игорю лучших бояр с мольбою: «Не ходи, но возьми дань, которую брал Олег; прибавим и еще к той дани». Также и Печенегам послал шелковых тканей и золота много. Игорь, дойдя до Дуная, созвал дружину и начал [с нею] думать и поведал им речь цареву. Сказала дружина Игорева: «Если так говорит царь, что́ ж нам нужно больше? без боя будем иметь злато и серебро и ткани шелковые, кто знает, кто одолеет, мы ли, они ли, кто с морем в союзе: ведь не по земле ходим, а по глубине морской, и общая смерть всем».

Послушал их Игорь и велел Печенегам воевать Болгарскую землю, а сам взял у Греков злато и ткани шелковые и на всех воинов, повернул обратно и пришел к Киеву во-свояси.

[*Мир Игоря с Греками*]

В лето 6453. Прислали Роман, Константин и Стефан послов к Игорю учинить мир прежний; Игорь, поговорив с ними о мире, послал мужей своих к Роману, Роман же созвал бояр и вельмож. И привели Русских послов, и велели говорить и записывать речи тех и других на хартию[118].

[Дальше следует договор Игоря с Греками.]

Послы, посланные Игорем, вернулись к Игорю с послами Греческими и поведали все речи царя Романа. Игорь призвал послов Греческих и сказал им: «Говорите, что сказал вам царь». И сказали послы царские: «Вот послал нас царь, рад миру и хочет мир иметь с князем русским и любовь, твои послы приводили царя нашего принести клятву и нас послал привести к клятве тебя и мужей твоих». И обещал Игорь это сделать.

На утро призвал Игорь послов и пришел на холм, где стоял Перун. И сложили оружие свое и щиты и злато, давал клятву Игорь и люди его, все кто были язычники, а христианскую Русь приводили к клятве в церкви св. Илии, ... это была соборная церковь: многие Варяги и Козары были христианами.

Игорь, утвердив мир, отпустил послов, одарил шкурами, челядью и воском и отпустил их. Послы пришли к царю и поведали все слова Игоревы и мир с Греками.

[*Походы Игоря на Древлян и его смерть*]

Игорь начал княжить в Киеве, имея мир со всеми странами. И пришла осень, и начал [Игорь] думать о походе на Древлян, желая добыть бо́льшую дань.

В лето 6453. В этот год сказала дружина [119] Игорю: «Отроки [120] Свенельдовы оделись оружием и одеждою, а мы—наги; пойдем, князь, с нами за данью: ты добудешь и мы». Послушал их Игорь, пошел к Древлянам за данью; и прибавляли к прежней дани и чинили насилие им (Древлянам) мужи его. И, взяв дань, пошел в свой город. Когда он шел обратно, поразмыслил и сказал дружине своей: «Идите с данью домой, а я возвращусь и еще похожу». И отпустил дружину свою домой, а [сам] с малой дружиной вернулся, желая побольше добра. Услышали Древляне, что опять [он] идет, и порешили Древляне с князем своим Малом: «Если повадится волк к овцам, то унесет все стадо, если не убьют его; так и этот: если не убьем его, то всех нас погубит». И послали к нему говоря: «Почто идешь опять? ты забрал всю дань». И не послушал их Игорь. Вышли из города Искорностеня против [Игоря] Древляне, убили Игоря и дружину его: их было мало. И похоронили Игоря: могила его у города Искоростеня в Древлянской земле—до сего времени.

[*Ольга мстит Древлянам за смерть Игоря*][121]

[П е р в а я м е с т ь]

Ольга же была в Киеве с сыном своим маленьким Святославом, а кормильцем[122] его был Асмуд, а воеводой Свенельд, отец Мистишин[123].

Сказали Древляне: «Вот князя убили русского; возьмем жену его Ольгу за князя нашего Мала, и Святослава и сделаем с ним, как захотим». И послали Древляне лучших мужей, числом двадцать, в лодке к Ольге. И пристали под Боричевым в лодке: тогда вода протекала

Месть Ольги. Справа — Ольга, приказывающая наказать Древлян; слева — в лодке несут Древлян; в середине — Ольга склоняется над брошенными в яму Древлянами

возле горы Киевской, а на Подоле[124] не жили люди, но на горе; город же Киев был там, где теперь двор Гордятин и Никифоров, а двор княжеский, бывший в городе,—там, где теперь двор Воротиславль и Чудин, а «перевесище»[125] было вне города; и был вне города другой двор, где теперь двор Доместиков за св. Богородицей[126], над горою, двор теремной: был там терем[127] каменный[128].

И сказали Ольге, что пришли Древляне. И позвала их Ольга к себе и сказала им: «Добрые гости пришли», и ответили Древляне: «Пришли, княгиня». И сказала им Ольга: «Ну говорите, ради чего пришли сюда?» Ответили Древляне: «Послала нас Древлянская земля с такими словами: твоего мужа убили, был твой муж словно волк, расхищающий и грабящий; а наши князья—хорошие, устроили[129] Древлянскую землю; иди [замуж] за нашего князя за Мала»: было имя Мал князю Древлянскому. Сказала им Ольга: «Люба мне речь ваша, уж мне своего мужа не воскресить, но хочу почтить вас завтра перед своими людьми, а теперь идите в лодку свою и лежите в лодке величаясь; я утром пошлю за вами, а вы скажите: не едем ни на конях, ни пеши не идем, но понесите нас в лодке, и понесут вас в лодке». И отпустила их в лодку. Ольга велела выкопать яму большую и глубокую во дворе теремном вне города. И утром Ольга, сидя в тереме, послала за гостями. И пришли к ним со словами: «Зовет вас Ольга на честь великую». Они же сказали: «Не едем на конях, ни на повозках, ни пешком не пойдем, но понесите нас в лодке». Сказали Киевляне: «Нам неволя, князь наш убит, а княгиня наша хочет [замуж] за вашего князя». И понесли их в лодке. Они же сидели избоченившись, в больших «сустугах»[130], гордяся. И принесли их на двор к Ольге и, принесши, бросили их в яму вместе с лодкой. И наклонилась Ольга к ним со словами: «Хороша ли вам честь?» Они же сказали: «Пуще нам Игоревой смерти». И велела [Ольга] засыпать их живыми, и засыпали их.

[Вторая месть Ольги]

И послала Ольга послов к Древлянам сказать: «Если вы вправду просите меня, то пришлите знатных мужей, чтобы в великой чести выйти за вашего князя, иначе не пустят меня люди Киевские». Услыхав это, Древляне выбрали лучших мужей, которые держали Древлянскую землю, и послали за ней. Когда Древляне пришли, велела Ольга приготовить им баню и сказала им: «Вымойтесь и приходите ко мне». Они разожгли избу (истопили баню), Древляне влезли и начали мыться; заперли баню с ними, и велела [Ольга] зажечь ее от дверей: там все погорели.

[Третья месть Ольги]

И послала к Древлянам с такими словами: «Вот я уже иду к вам, приготовьте меды[131] многие у города, где убили моего мужа: я поплачу над могилою и совершу тризну над мужем моим». Они, услыхав про то, привезли очень много медов и сварили. Ольга же взяла мало дружины и шла налегке, пришла к могиле и плакала над му-

жем своим. И велела людям своим насыпать могилу большую и, когда насыпали, велела совершать тризну. Потом сели Древляне пить, и велела Ольга своим отрокам служить им. И сказали Древляне Ольге: «Где наша дружина, которую мы послали за тобой?» Она ответила: «Они идут за мною с дружиною моего мужа». Когда напились Древляне, она велела своим отрокам пить за них, а сама отошла в сторону и велела дружине избивать Древлян, и избили их пять тысяч. Ольга возвратилась в Киев и снарядила воинов против остальных [Древлян].

[Четвертая месть Ольги]

Начало княжения Святослава. В лето 6554. Ольга с сыном своим Святославом собрала много храбрых воинов и пошла на Древлянскую землю. И вышли Древляне против. Когда оба войска сошлись вместе, бросил копьем Святослав на Древлян, копье пролетело сквозь ушей коня и попало коню в ногу: [Святослав] был очень мал. И сказали Свенельд и Асмуд: «Князь уже начал, последуем, дружина, за князем». И победили Древлян. Древляне побежали и заперлись в своих городах. Ольга со своим сыном устремилась на город Искоростень, так как те убили мужа ее, и остановилась около города с сыном своим, а Древляне затворились в городе и крепко бились из города: они знали (сами убили князя), что̀ им предстоит.

Стояла Ольга год и не могла взять города. И придумала таким образом: послала [послов] к городу со сло́вами: «До чего вы хотите досидеть, все города ваши передались мне и согласились на дань, обрабатывают поля на своей земле, а вы хотите умереть с голоду, не соглашаясь на дань». Древляне же ответили: «Мы бы рады давать дань, но ты хочешь мстить за мужа своего».

Сказала им Ольга, что: «я отомстила уже обиду мужа своего, когда пришли к Киеву первый и второй раз, а в третий раз, когда совершала тризну над мужем своим, а теперь уже не хочу мстить, но хочу иметь дань по немногу и, помирившись с вами, пойду назад». Сказали ей Древляне: «Чего ты хочешь у нас? рады дать медом и шкурами». Она же сказала им: «Теперь у вас нет ни меда ни шкур, но прошу у вас немногого: дайте мне от двора по три голубя и по три воробья; я не хочу наложить тяжелой дани, как мой муж, но прошу у вас малого: вы ведь изнемогли в осаде». Древляне обрадовались, собрали со двора по три голубя и по три воробья и послали к Ольге с поклоном. Ольга же сказала им: «Вот уже вы покорились мне и моему сыну, идите в город, а я завтра отступлю от города и пойду в свой город». Древляне обрадовались, вошли в город и сказали людям, и обрадовались люди в городе. Ольга раздала воинам каждому по голубю, а другим по воробью, и велела к каждому голубю и воробью привязать серу, обернув ее в маленький лоскуток и привязав ниткою к каждому из них. И велела Ольга воинам своим, как только смеркнется, выпустить [на волю] голубей и воробьев. Голуби и воробьи полетели в гнезда свои, одни в голубятни, а другие—под свесы кровли. И таким образом загорелись голубятни, где клети[132], где верхушки

Прием княгини Ольги при Византийском дворе. Справа — император на троне; рядом с ним — Ольга. С краю — придворные в византийских одеждах с длинными рукавами

домов[133], где сеновалы[134]; не было двора, где бы не горело, и нельзя было гасить, потому что все дворы загорелись. И побежали люди из города, и велела Ольга своим воинам хватать их. Взяв город, сожгла его, захватила старейшин городских, а прочих людей—одних перебила, а других отдала своим мужам в рабство, остальных заставила платить дань. Наложила на них тяжелую дань: две части идут к Киеву, а третья к Вышгороду к Ольге, потому что Вышгород был Ольгин град.

И ходила Ольга по Древлянской земле[135] с сыном своим и с дружиною, установляя уставы и уроки; существуют ее становища и ловища. И вернулась в Киев с сыном своим Святославом и прожила один год.

[*Уставы Ольги в Новгородской земле*]

В лето 6455. Пошла Ольга к Новгороду, установила по Мсте погосты [136] и дань, по Луге—оброки и дани; по всей земле—ее ловы, межевые знаки, места и погосты; сани ее стоят в Плескове (Пскове) и до наших дней; перевесища—по Днепру и по Десне; существует ее село Ольгичи и доселе. Устроив все, вернулась к сыну своему в Киев и жила с ним в любви.

. . . . [137]

[*Ольга принимает крещение в Царьграде. Хитрость Ольги*]

В лето 6463. Пошла Ольга к Грекам и пришла в Царьград[138]. Был тогда царем Константин, сын Льва [139], и пришла к нему Ольга; увидал царь, что она очень красива лицом, удивился уму ее, беседовал с ней и сказал: «Подобает тебе царствовать вместе с нами». Она сообразила и сказала царю: «Я—язычница, если хочешь меня крестить, то крести меня сам, иначе я не крещусь». И крестил ее царь с патриархом. Просвещенная, она радовалась душою и телом. И поучил ее патриарх о вере... [140] и дал ей наставления о церковном уставе, о молитве, о посте и милостыне, о целомудрии. Она же, наклонив голову, стояла, словно губка, впитывающая влагу, внимая учению... Назвали ее в крещении Елена, как и древняя царица, мать Константина Великого. Благословил ее патриарх и отпустил.

После крещения призвал ее царь и сказал ей: «Хочу тебя взять себе в жены». Она же ответила: «Как ты хочешь взять меня в жены, когда сам меня крестил и назвал меня дочерью? У христиан нет такого закона, ты сам хорошо знаешь». И сказал царь: «Перехитрила ты меня, Ольга». И дал ей много даров, злато и серебро, шелковые материи и сосуды разнообразные, и отпустил ее, назвав ее дочерью себе. Она же, собираясь домой, пришла к патриарху, прося благословения дому, и сказала ему: «Люди мои язычники и сын мой, пусть сохранит меня бог от всякого зла»...[141] И благословил ее патриарх. Она пошла с миром в свою землю и вернулась в Киев. . . . . . [142]

Когда Ольга пришла в Киев, прислал к ней царь греческий [послов] со словами: «Я много дал тебе подарков: ты же говорила мне,

что, когда вернусь в Русь, много даров пришлю тебе: рабов, воск и шкуры звериные и воинов на помощь». Сказала Ольга в ответ послам: «Если ты так же постоишь у меня на Почайне [143], как я у тебя в Суде́, тогда тебе и дам [эти дары] [144]». С этими словами она отпустила послов [145].

[*Ольга проповедует христианство Святославу*]

Жила Ольга с сыном своим Святославом, и учила его мать креститься, но он пренебрегал этим и не обращал внимания; если кто хотел по [своей] воле креститься, не возбраняли, но ругались над тем... [146] Ольга часто говорила [Святославу]: «Я, сын мой, познала бога и радуюсь; если ты познаешь, и ты радоваться начнешь». Он же не внимал этому говоря: «Как я захочу один принять другой закон, дружина начнет этому смеяться». Она же сказала ему: «Если ты крестишься, то все сделают то же самое». Он же не слушался матери и хранил нравы языческие, не зная, что если кто матери не послушает, тот в беду попадет.

. . . . [147]

Тем не менее Ольга очень любила сына своего Святослава, говоря: «Воля божия да будет; если бог захочет помиловать род мой и землю Русскую, то положит им на сердце обратиться к богу, как и мне бог дал». Сказала так и молилась за сына и за людей дни и ночи, воспитывала сына своего до возмужалости и совершеннолетия. . . . [148]

[*Нравы Святослава*] [149]

В лето 6472 [150]. Когда князь Святослав вырос и возмужал, начал собирать много храбрых воинов; ведь он был очень храбр, ходил легко, как барс [151], ведя многочисленные войны; во время походов не водил за собою обозов, не возил котлов, не варил мяса, но тонко нарезав зверину или конину или говядину, пек на угольях и ел; не имел шатра, но подстилал чепрак, а седло—в головах; такими были и все остальные его воины.

[*Походы Святослава*]

Посылал послов к [различным] народам со словами: «Хочу итти на вас». Пошел на Оку реку и на Волгу, нашел Вятичей и сказал Вятичам: «Кому дань даете?» Они же сказали: «Козарам по шлягу от плуга [152] даем».

В лето 6473. Пошел Святослав на Козар. Услышали Козары, вышли против с князем своим Каганом и вступили в бой. Одолел Святослав Козар и город их Белу Вежу [153] взял. Одолел Ясов и Касогов и провел их к Киеву.

В лето 6474. Победил Святослав Вятичей и наложил на них дань.

В лето 6475. Пошел Святослав на дунайских Болгар, после боя одолел Святослав Болгар, взял восемьдесят городов по Дунаю [154] и сел княжить там, беря дань с Греков.

Крещение Ольги. Слева — Ольга беседует с Византийским царем; справа — крещение Ольги

Погребение Ольги

[*Печенеги осаждают Киев*][155]

В лето 6476. Пришли Печенеги на Русскую землю в первый раз, а Святослав был в Переяславце. Заперлась Ольга со внуками своими—Ярополком, Олегом и Владимиром—в городе Киеве. И окружили Печенеги город силой великой, бесчисленным множеством: нельзя было из города ни выйти, ни весть послать; люди изнемогали от голода и жажды. И собрались люди другой стороны днепровской в лодках, стоя на одной стороне, и нельзя было ни одному из них войти в Киев, ни из города к тем. Встужились люди в городе и говорили: «Нет ли кого, кто бы мог на ту сторону перейти и сказать тем: если завтра не приступите к городу, то сдадимся Печенегам». И сказал один отрок: «Я пойду», и молвили ему: «Иди». Он вышел из города с уздой и бегал между Печенегами, говоря: «Не видал ли кто коня?»: он умел говорить по-печенежски, а те сочли его за своего. Он приблизился к реке, сбросил с себя одежду, бросился в Днепр и стал переходить в брод. Печенеги увидали и бросились стрелять в него, но ничего не могли ему сделать. С той стороны увидали его, поехали в лодке к нему навстречу, взяли его на лодку и привезли его к дружине. И сказал им: «Если завтра не подступите к городу, то люди хотят сдаваться Печенегам». Сказал воевода их именем Претич: «Завтра подступим на лодках, захватим княгиню и княжичей, умчим на эту сторону и людей; если этого не сделаем, погубит нас Святослав». На другой день сели на лодки, затрубили громко в трубы, и люди в городе подняли крик. Печенеги подумали, что пришел князь, побежали в разные стороны. И вышла Ольга с внуками и людьми к лодкам. Увидал это князь Печенежский, вернулся один к воеводе Претичу и спросил: «Кто это пришел?» И сказал ему: «Люди той стороны». И сказал князь Печенежский: «Ты не князь ли?» Тот отвечал: «Я—его муж и пришел со сторожевым отрядом, а за мною идут воины с князем—бесчисленное множество». Так он говорил, угрожая им. Сказал князь Печенежский Претичу: «Будь мне другом». Тот в ответ: «Пусть будет так». И подали друг другу руки и подарил Печенежский князь Претичу: коня, саблю и стрелы, а тот дал ему броню, щит и меч. И отступили Печенеги от города, и нельзя было напоить коней на Лыбеди от Печенегов. И послали Киевляне послов к Святославу со словами: «Ты, князь, чужую землю ищешь и охраняешь, а свою бросил, чуть было не забрали нас Печенеги и мать твою и детей твоих; если не придешь и не оборонишь нас, то в другой раз нас заберут. Неужели тебе не жаль своей отчизны, матери старой и детей своих?» Выслушал Святослав, быстро сел на коня с дружиною, пришел к Киеву, целовал мать свою и детей своих, жалел о бывшем от Печенегов. Собрал воинов, прогнал Печенегов в степь, и наступил мир.

[*Святослав собирается жить в Переяславце. Смерть Ольги*]

В лето 6474 [156]. Сказал Святослав матери своей и боярам своим: «Не любо мне жить в Киеве, хочу жить в Переяславце Дунайском:

там средина земли моей, туда все блага сходятся: от Греков шелковые ткани, золото, вино и фрукты различные, от Чехов и Угров — серебро и кони, от Руси — шкуры звериные, воск, мех и рабы». И сказала ему Ольга: «Видишь, я больна, как ты хочешь от меня уйти?» Она очень уже разболелась и сказала ему: «Похорони меня и иди, куда хочешь».

Через три дня умерла Ольга. И плакали над ней сын ее и внуки ее и люди все плачем великим. И понесли и похоронили ее на месте... [157] Ольга завещала не чинить тризны над ней, она имела священника, и тот похоронил блаженную Ольгу.

. . . . [158]

[*Святослав делит между сыновьями землю Русскую*] [159]

В лето 6478. Святослав посадил Ярополка в Киеве, а Олега — в Древлянской земле. В это время пришли люди Новгородские, прося себе князя: «Если не пойдете к нам, сами добудем себе князя». И сказал им Святослав: «А кто бы из нас пошел к вам?» И отказались Ярополк и Олег. И сказал Добрыня: «Просите Владимира». Владимир был [сыном Святослава] от Малуши, ключницы Ольгиной, сестрой она была Добрыне, а отец им был Малко Любечанин, и был Добрыня дядей Владимиру. И сказали Новгородцы Святославу: «Дай нам Владимира». Тот молвил в ответ: «Вот он вам». И пошел Владимир с Добрынею, дядею своим, к Новгороду, а Святослав — к Переяславцу.

[*Святослав воюет с Болгарами Дунайскими и Греками*] [160]

В лето 6479. Пришел Святослав к Переяславцу, а Болгары заперлись в городе. И вышли Болгары с боем против Святослава, был бой великий, и одолевали Болгары. И сказал Святослав воинам своим: «Уже пасть нам здесь; будем биться мужественно, братья и дружина!» И к вечеру одолел Святослав, взял город с бою и сказал: «Этот город мой».

И послал к Грекам послов со словами: «Хочу итти против вас и взять ваш город [161], как и этот». И сказали Греки: «Не можем мы противостоять вам, но возьми дань с нас, на себя и на дружину свою: скажите нам, сколько вас, чтобы дать по числу голов». Так говорили Греки, лукавя с Русью. (Греки лукавы и до сего дня). И сказал им Святослав: «Нас двадцать тысяч», и прибавил десять тысяч: Руси было только десять тысяч. И выставили Греки сто тысяч против Святослава и не дали дани.

И пошел Святослав на Греков, а те вышли против Руси. Русь, увидав, очень убоялась множества воинов. И сказал Святослав: «Уж нам некуда деться; волей-неволей придется стать против. Не посрамим земли русской, но ляжем здесь костьми: мертвые не имеют позора, но если побежим, то позор будет на нас; не побежим, но станем крепко, я пойду впереди вас; если моя голова ляжет, то поду-

майте сами о себе». И ответили воины: «Где твоя голова ляжет, тут и мы свои головы сложим». Приготовились Греки и Русские против них, и сразились войска, и обступили Греки Русь. И был бой великий, одолел Святослав, побежали Греки. Пошел Святослав к Царьграду, воюя и разоряя города, которые стоят пустыми до сегодняшнего дня.

Созвал царь [162] бояр своих во дворец и сказал им: «Чтó нам делать, мы не можем противостоять ему?» И советовали ему бояре: «Пошли к нему дары; испытаем его, не любит ли он золото и шелковые ткани? [163] И послали к нему золото и шелковые ткани и мужа мудрого и сказали ему: «Наблюдай взгляд его, лице его и рассудок его».

Он взял дары и пришел к Святославу. И сказал Святославу, что пришли Греки с поклоном. И сказал [Святослав]: «Введите их сюда». И пришли, и поклонились ему и положили перед ним золото и шелковые ткани. И сказал Святослав, смотря в сторону, отрокам своим: «Спрячьте». Отроки Святослава взяли и спрятали. Послы вернулись к царю. И созвал царь бояр. Сказали посланцы, что «пришли мы к нему и дали дары, но [он] и не посмотрел на них и велел спрятать». И сказал один: «Испытай его еще одним: пошли ему оружие». Он (царь) послушал его и послал меч и другое оружие; и принесли к нему [дары]. Он же, взяв, начал любоваться и хвалить и благодарил царя. И пришли к царю и рассказали ему все, что было. И сказали бояре: «Жесток этот человек: богатством пренебрегает, а оружие берет, дадим ему дань». И послал [послов] царь с такими словами: «Не ходи к [Царь]граду, но возьми с нас дань, сколько хочешь», а он едва не дошел до Царьграда. И дали ему дань, он взял и за убитых, говоря что «родичи его возьмут». Взял подарки большие и вернулся в Переяславец с большой похвальбою. Увидав, что мало у него дружины, подумал сам про себя: «А вдруг, прельстившись, изобьют дружину мою и меня». Многие в его войске погибли. И сказал: «Пойду в Русь и приведу побольше дружины».

И послал послов к царю в Доростол (там находился царь) с такими словами: «Хочу иметь с тобою мир твердый и любовь». Услыхав это, царь обрадовался и прислал к нему дары больше прежних. Святослав принял дары и начал думать с дружиною, говоря так: «Если не учиним мира с царем, а царь узнает, что нас мало осталось, то придет и окружит нас в городе; Русская земля далеко, а Печенеги к нам враждебны, кто нам поможет? Но учиним мир с царем, он обещал давать нам дань и довольно с нас этого; если начнут не соблюдать дани, снова из Руси, собрав воинов многих, пойдем к Царьграду». Эта речь была люба дружине, и послали лучших мужей к царю. И пришли в Доростол и поведали царю об этом. Царь на другой день призвал их и сказал: «Пусть говорят послы Русские». Они же сказали: «Так говорит князь наш: хочу иметь мир с царем греческим совершенный на все остальные годы». Царь обрадовался и велел писцу записать все слова Святослава на хартию.

[Дальше идет договор Святослава с Греками.]

[*Смерть Святослава от Печенегов*] [164]

Учинил мир Святослав с Греками и пошел на лодках к порогам [днепровским]. И сказал ему воевода отцовский Свенельд: «Иди, князь, на конях мимо: на порогах стоят Печенеги». Не послушал его [Святослав] и пошел на лодках. И послали жители Переяславца [послов] к Печенегам с такими словами: «Вот идет Святослав на Русь, взял добра много у Греков и пленников бесчисленных, а дружины [у него] мало». Услышав это, Печенеги заградили путь через пороги. Пришел Святослав к порогам, и нельзя было пройти пороги, и остался зимовать у Белобережья. И не было у них пищи, и был большой голод, так что голова конская [ходила] по полугривне. И зимовал Святослав тут. Приспела весна.

В лето 6480. Пошел Святослав через пороги, напал на него Куря, князь Печенежский, убил Святослава, взял череп его и из черепа его сделал чашу и пил в ней. Свенельд же пришел в Киев к Ярополку.

Было же всех лет княжения Святослава—двадцать восемь.

[*Олег убивает Люта—сына Свенельдова*]

В лето 6481. Начал княжить Ярополк [165].

В лето 6483. Сын Свенельдов, именем Лют [166], занимался охотой, вышел из Киева и гонялся за зверями в лесу. Увидал его Олег и сказал: «Кто это?» И сказали ему: «Сын Свенельдов». И приехав, Олег убил его во время охоты. И потому была вражда между ними, у Ярополка на Олега: наговаривал всегда Ярополку Свенельд: «Пойди на брата своего и захвати власть его», желая отомстить [ему] за сына своего.

[*Ярополк убивает Олега и захватывает власть над всей Русской землей*]

В лето 6485. Пошел Ярополк на Олега, брата своего, в Древлянскую землю, и вышел против него Олег, и изготовились к бою; в сражении победил Ярополк Олега.

Олег побежал с воинами своими в город по имени Вручий; был мост через ров к городским воротам; теснясь спихивали друг друга в ров и спихнули Олега с моста в яму. И падало много людей с моста, были задавлены и кони и люди. Ярополк вошел в город Олегов и взял его власть. И послал искать брата своего: поискали его и не нашли. И сказал один древлянин: «Я видел вчера, как спихнули его с моста». И послал Ярослав искать, извлекали трупы из рва с утра и до полудня и отыскали Олега внизу под трупами. И, вынеся, положили его на ковре. И пришел Ярополк к нему, плакал и сказал Свенельду: «Видишь ли ты то, чего хотел». И похоронили Олега на поле у города Вручего; есть могила его у города Вручего и до сего дня. И взял его власть Ярополк. У Ярополка жена была гречанка, монахиня, которую привел отец его Святослав и отдал ее за Ярополка ради красоты ее лица.

Свидание Святослава с Византийским императором Цимисхием.
Слева — император на троне; рядом с ним — Святослав; справа — конь Святослава и его слуга

Святослав ведет переговоры с Византийским императором

Прослышал Владимир в Новгороде, что Ярополк убил Олега, и, испугавшись, бежал за море, а Ярополк посадил посадников своих в Новгороде и один стал владеть Русью.

[Владимир захватывает власть в Новгороде]

В лето 6488. Пришел Владимир с Варягами к Новгороду и сказал посадникам Ярополковым: «Идите к брату моему и скажите ему: Владимир идет против тебя, приготовься биться против него». И сел в Новгороде.

[Владимир берет в жены Рогнеду, дочь Рогволода Полоцкого]

И послал [послов] к Рогволоду в Полоцк со словами: «Хочу взять дочь твою себе в жены». Он сказал своей дочери: «Хочешь ли [итти] за Владимира?» Она сказала: «Не хочу разуть [167] сына рабыни [168], но хочу Ярополка». Рогволод пришел из-за моря и имел власть в Полоцке, а Туры—в Турове, от него же получили имя Туровцы [169]. И пришли отроки Владимира и передали ему всю речь Рогнедину, дочери Рогволода князя Полоцкого. Владимир собрал воинов многих, Варягов и Словен, Чудь и Кривичей, и пошел на Рогволода. В это же время хотели Рогнеду выдать замуж за Ярополка. И пришел Владимир на Полоцк, убил Рогволода и двух его сыновей, а Рогнеду взял в жены.

[Поход Владимира на Ярополка]

И пошел [Владимир] на Ярополка. И пришел Владимир к Киеву с воинами многими. И не мог Ярополк противостоять и затворился в Киеве с людьми своими и Блудом. И стал Владимир, огородившись рвом на Дорогожиче, между Дорогожичем и Капичем, существует этот ров и до сего дня.

[Блуд изменяет Ярополку. Смерть Ярополка]

Владимир послал [послов] к Блуду, воеводе Ярополка, с лукавством с такими словами: «Будь моим другом, если убью брата своего, то буду иметь тебя вместо отца; большую честь получишь ты от меня; не я начал бить братьев, но он; я же испугался этого и теперь пришел на него». И сказал Блуд посланным от Владимира: «Буду тебе близок сердцем и в приязни с тобою».

Вот это—злой совет, когда подают совет на кровопролитие; те—жестоки (безумны)[170], кто, приняв от князя или от господина своего честь или подарки, думают погубить жизнь своего князя; такие люди хуже бесов. Так и Блуд предал князя своего, приняв от него честь большую: это он повинен в его крови.

Этот Блуд оставался наедине с Ярополком, обманывал его, часто посылал послов к Владимиру, советовал ему итти на город боем, а сам обдумывал убить Ярополка; но нельзя было убить его из-за жителей города. Блуд не знал, как убить его, и задумал хитрость, не советуя ему выходить на бой из города. Лукавя сказал

Блуд Ярополку: «Киевляне шлют послов к Владимиру со словами: «Приступай к городу, предадим тебе Ярополка»,—беги из города». Послушал его Ярополк: убежал [из Киева], пришел и заперся в городе Родне на устье Роси; Владимир вошел в Киев. И осадил Ярополка в Родне; был великий голод в Родне, и существует пословица и до сего дня: «Беда как на Родне». И сказал Блуд Ярополку: «Видишь ли, сколько воинов у брата твоего? Нам их не побороть, учини мир с братом твоим»,—обманывая его, так говорил. И сказал Ярополк: «Пусть будет так». И послал Блуд к Владимиру с такими словами, что «сбудется намерение твое, что приведу к тебе Ярополка, постарайся убить его». Владимир, услыхав это, вошел в отцовский двор теремный (о нем я говорил прежде) [171], сел там с воинами своими и с дружиною своею [172]. И сказал Блуд к Ярополку: «Поди к брату своему и скажи ему: «что мне ни дашь, все возьму»». Пошел Ярополк, и сказал ему Варяжко: «Не ходи, князь, убьют тебя; беги к Печенегам и приведешь воинов». Не послушал его Ярополк. И пришел Ярополк к Владимиру, и когда входил в дверь, два Варяга пронзили его мечами в грудь. Блуд же затворил дверь и не дал войти за ним его спутникам. И так был убит Ярополк. Варяжко же, увидав, как был убит Ярополк, бежал со двора к Печенегам, много воевал вместе с печенегами против Владимира; едва вызвал его [тот], дав ему клятву.

[*Происхождение Святополка*] [173]

Владимир же жил с женою братнею, гречанкой, она была беременна, и от нее родился Святополк. От греховного корня бывает плохой плод, потому что его мать была монахиней, а второе, Владимир жил с нею не в браке, а прелюбодействовал; также и отец его не любил: он был от двух отцов—от Ярополка и от Владимира.

[*Хитрость Владимира с Варягами*]

Потом сказали Варяги Владимиру: «Этот город наш: мы взяли его; хотим иметь выкуп за него, по две гривны с человека». И сказал им Владимир: «Подождите месяц, пока соберут для вас деньги». Ждали [они] месяц, и не дал им [ничего]. И сказали Варяги: «Обманул ты нас, покажи нам путь к Грекам». И сказал им: «Идите». Выбрал из них мужей добрых, разумных и храбрых и роздал им города; остальные же пошли к Грекам в Царьград. И послал вперед их послов к царю с такими словами: «Вот идут к тебе Варяги, не вздумай держать их в городе, они учинят тебе беду в городе, как и здесь; но разошли их в разные стороны, а сюда не пускай ни одного».

[*Владимир ставит кумиров в Киеве и Новгороде*] [174]

И начал княжить Владимир в Киеве один и поставил кумиры на холме, вне двора теремного. Перуна деревянного с серебряной головой и золотыми усами, Хорса, Даждьбога, Стрибога, Семаргла и Мокошь [175]. И поклонились им, называя их богами, приводили

Олег и змея. В миниатюре объединены темы пророчества и появления из головы коня змеи, от которой гибнет Олег

сыновей своих и дочерей и поклонялись бесам и оскверняли землю жертвами своими, и осквернялась кровью [жертв] земля Русская и холм тот. Но преблагий бог не хотел смерти грешникам: на том холме теперь церковь св. Василия, как скажем после. Но мы вернемся к прерванному.

Владимир посадил Добрыню, дядю своего, в Новгороде. Пришел Добрыня в Новгород, поставил идола Перуна над рекою Волховым, и поклонялись ему люди Новгородские словно богу.

[*Владимир побежден похотью женскою*]

Владимир был одержим похотью к женщинам; были у него жены законные: Рогнеда, которую поселил на Лыбеди, где теперь сельцо Передславино, от нее родил четверых сыновей—Изяслава, Мстислава, Ярослава, Всеволода и двух дочерей; от гречанки—Святополка, от чешки—Вышеслава, а от другой—Святослава, а от болгарки—Бориса и Глеба. И наложниц было у него триста в Вышгороде, триста—в Белгороде и двести—в Берестове, в сельце, которое теперь зовут Берестовым. И был ненасытен в блуде, приводил к себе мужних жен и девиц растлил. Был такой же женолюбец, что и Соломон. Говорят, у Соломона было семьсот жен и триста наложниц; был мудр, а в конце погиб; этот же был невеждою, а в конце нашел спасение. . . . . [176]

[*Походы Владимира*][177]

В лето 6489. Пошел Владимир против Ляхов и занял города их, Перемышль, Червен и другие города, которые и до сего дня под властью Руси. В этот же год победил Вятичей и наложил на них дань от плуга, как и отец его брал.

В лето 6490. Возмутились Вятичи, пошел на них Владимир и победил их во второй раз.

В лето 6491. Пошел Владимир против Ятвягов и победил Ятвягов и овладел землей их.

[*Мученическая смерть Варягов-христиан*]

И пришел Владимир к Киеву и приносил жертву кумирам с людьми своими. И сказали старцы и бояре: «Бросим жребий на отрока и девицу: на кого падет, того зарежем для богов». И был один Варяг, и был его двор там, где церковь св. Богородицы, которую устроил Владимир. Тот Варяг пришел из Греции и втайне держался христианской веры, и был у него сын—красив лицом и душою, и на него пал жребий по дьявольской зависти. Не стерпел их дьявол, имея власть над всеми, а этот был ему словно терние в сердце. И стремился погубить их окаянный и научил людей. И сказали придя посланные к нему: «Пал жребий на твоего сына, избрали его боги себе, дай сотворим жертву богам». И сказал Варяг: «Это—не боги, а дерево: сегодня есть, а завтра сгниет; они не едят, не пьют, не говорят, но сделаны руками из дерева, мечом и ножом; а бог—один, которому служат и поклоняются Греки, который сотворил

небо и землю, а эти боги что сделали? сами они сделаны; не дам сына своего богам». Они пошли и сказали людям. Те взяли оружие, пошли против него и разломали двор около него.

Он же стоял на сенях [178] с сыном своим. И сказали ему: «Отдай сына твоего, чтобы нам отдать его богам». Он же сказал: «Если это боги, пусть пошлют от себя одного бога и возьмут моего сына, а вы к чему приносите жертвы им?» Закричали, подрубили сени под ними, и таким образом убили их. И не знает никто, где схоронили их. Люди были тогда невежды и язычники. А дьявол радовался этому, не зная, что ему скоро будет погибель. Так он и прежде старался погубить род христианский, но был прогоняем честным крестом в других странах: «Здесь,—думал окаянный,—мое жилище, здесь ни апостолы не учили, ни пророки не прорекли» . . . . [179] Если и телом не были здесь апостолы, но учение их как трубы гремят по вселенной в церквах: их учением побеждаем противного врага, попирая его ногами. . . . . [180]

[*Походы Владимира*]

В лето 6492. Пошел Владимир на Радимичей; и был у него воевода Волчий Хвост, и послал впереди себя Владимир Волчья Хвоста, и встретил Радимичей на реке Песчане и победил Волчий Хвост Радимичей. Русские смеются над Радимичами, говоря: «Песчанцы от волчьего хвоста бегают». Были Радимичи от рода Ляхов, пришли и там поселились и платят дань Руси, повоз [181] везут и до сего дня.

В лето 6493. Пошел Владимир на Болгар с Добрынею, дядею своим, на лодках, а Торков берегом привел на конях и таким образом победил Болгар. И сказал Добрыня Владимиру: «Посмотрел я пленников, и все они в сапогах: не будут они давать дани нам, пойдем искать лапотников». И учинил мир Владимир с Болгарами, и дали клятву между собою, и сказали Болгары: «Тогда не будет мира между нами, когда камень начнет плавать, а хмель погружаться [в воду]». И вернулся Владимир в Киев.

[*Болгары предлагают Владимиру веру Мухаммеда*] [182]

В лето 6494. Пришли Болгары веры Мухаммеда со словами: «Ты, князь, мудр и разумен, но не знаешь закона, веруй в наш закон и поклоняйся Мухаммеду». И спросил Владимир: «Какая вера ваша?» Они отвечали: «Веруем в Аллаха, а Мухаммед нас учит: обрезать тайные члены, свинины не есть и вина не пить, а по смерти, сказал, творить страсть блудную: даст Мухаммед каждому по семидесяти жен, выберет одну красивую, красоту всех возложит на одну, и та будет ему женой; здесь следует, сказал он, творить прелюбодеяние всяческое; если кто будет на этом свете беден, тот и там будет беден, если будет кто богат здесь, то и там», и многое другое лживое говорили, о чем нельзя писать срамоты ради. Владимир слушал их, он сам любил женщин и прелюбодеяние большое, он с услаждением слушал [Болгар]; но ему не любо было слушать об обрезании [тай-

ных] членов, о неядении свиного мяса, а о вине он сказал: «Руси веселье есть пить, не можем без этого жить».

[*Немцы предлагают Владимиру свою веру*]

Потом пришли Немцы из Рима, говоря, что пришли послами от папы. Они говорили ему следующее: «Так сказал папа: земля твоя, как наша земля, а вера ваша не такая, как наша; вера наша — свет, поклоняемся богу, который сотворил небо и землю и звезды и месяц и всякое живое существо, а ваши боги — дерево». Владимир спросил: «Какая заповедь ваша?» Они сказали: «Пост в меру»... Сказал Владимир Немцам: «Идите назад, потому что наши отцы не приняли этого» [183].

[*Козары предлагают Владимиру Еврейскую веру*]

Услыхав про это, пришли Евреи Козарские и сказали: «Слышали, что приходили Болгары и христиане, поучая каждый вере своей: христиане веруют в того, кого мы распяли, а мы веруем в одного бога Авраама, Исаака и Иакова». «И спросил Владимир: «Что за закон ваш?» Они отвечали: «Обрезанье, не есть свинины и заячины, почитать субботу». Он же спросил: «Где земля ваша?» Они отвечали: «В Иерусалиме». Он спросил: «Там ли вы теперь?» Они же отвечали: «Разгневался бог на отцов наших и рассеял нас по странам из-за наших грехов, и отдана земля наша христианам». Он сказал: «Как же вы других учите, а сами отвержены богом и рассеяны; если бы бог любил вас и закон ваш, то вы не были бы рассеяны по чужим землям. Не замышляете ли и нас подвергнуть такому же злу?».

[*Греческий философ разбирает перед Владимиром веры Болгар, Немцев и Козар*]

Потом прислали Греки к Владимиру философа с такими словами: «Слышали, что приходили Болгары, научая тебя принять свою веру, их вера оскверняет небо и землю, они прокляты больше всех людей, уподобляются Содому и Гоморре, на которые бог послал горящие камни и потопил их, так и этих ожидает день погибели, когда бог придет судить на землю и предаст гибели всех, делающих беззаконное и творящих мерзкое. Они обмывают водой свой задний проход, льют ее в рот и мажут бороду, призывая Мухаммеда; также и женщины их делают то же скверное и другое еще худшее — едят от совокупления мужского». Услыхав это, Владимир плюнул на землю и сказал: «Нечистое это дело».

Сказал же философ: «Слышали и то, что приходили из Рима учить вас вере своей; их вера мало чем отличается от нашей: служат на опресноках, т. е. облатках, которых бог не давал, но велел служить на хлебе».

Сказал Владимир: «Приходили ко мне Евреи, говоря, что Немцы и Греки веруют в того, кого мы распяли». Философ отвечал: «Правда, мы веруем в того, кого их же пророки предрекали, что родится бог, а другие пророки говорили, что он будет распят, похоронен, воскрес-

нет на третий день и будет взят на небо; они же тех пророков избивали, а других мучали. Когда сбылось пророчество их, сошел на землю, принял распятие, воскрес и вошел на небо. От этих он ждал покаяния сорок шесть лет, и не покаялись они, и послал на них Римлян и города их истребил и самих рассеял по странам, и в рабстве они среди народов». Спросил Владимир: «Почему бог сошел на землю и принял страдание?» В ответ философ сказал: «Если хочешь слушать, расскажу тебе сначала, почему бог сошел на землю». Он отвечал: «Рад слушать», и начал философ говорить так:

[Дальше следует священная история Ветхого и Нового заветов в изложении греческого философа.]

«...Апостолы учили по вселенной веровать богу; их учение мы, греки, приняли; вся вселенная верует учению их. Назначил бог один день, в который будет судить, придя с неба, живых и мертвых и воздать каждому по делам их: праведным — царство небесное, красота неизреченная, веселье без конца, бессмертие навсегда, а грешникам — мука огненная и червь незасыпающий, и мучениям не будет конца. Мучиться будут неверующие... мучиться будут в огне те, кто не крестился». И показал ему завесу, на которой был написан Страшный суд и показал ему направо праведников, с весельем идущих в рай, а налево—грешников, идущих на мученье. Владимир вздохнул и сказал: «Хорошо тем, кто направо, и горе тем, кто налево». Философ отвечал: «Если хочешь с праведниками направо стать, то крестись». Владимир положил на сердце своем, говоря так: «Подожду еще немного», желая испытать все веры. Владимир дал философу много даров и отпустил с великой честью.

[*Владимир держит совет о новом «законе»*]

В лето 6495. Созвал Владимир бояр своих и старейшин городских и сказал им:

«Вот приходили ко мне Болгары, говоря: прими закон наш, после них приходили Немцы и те хвалили закон свой, после этих приходили Евреи. После всех приходили Греки, хуля все законы, хваля свой: много говорили, рассказывали от сотворения мира, искусно говорили они, чудно было слышать их и любо каждому. Поведают, что существует тот свет, если кто, сказал, верует в нашу веру, то опять после смерти воскреснет и не умереть ему во век; если кто примет другую веру, тому — на том свете в огне гореть. Что надумаете, что ответите?»

Сказали бояре и старейшины: «Знаешь, князь, что никто своего не хулит, но хвалит; если хочешь испытать получше, то у тебя есть мужи, пошли испытать у каждого их богослужение: как кто служит богу?» И понравились эти слова князю и всем людям.

[*Владимир посылает послов для испытания веры*]

Избрали мужей добрых и разумных, числом десять, и сказали им: «Идите сначала к Болгарам и испытайте веру их и службу»[184]. Они пошли и, придя, видели скверные дела и поклонение в мечети и вернулись в землю свою. И сказал им Владимир: «Идите теперь к Немцам и

разведайте там, а оттуда идите к Грекам». Они пришли к Немцам, разведали про церковь и службу их. Пришли в Царьград и вошли к царю. Царь расспросил их, ради чего они пришли. Они открыли ему все, что было. Услыхав это, царь был очень рад и учинил им великую честь в тот же день. На другой день он послал к патриарху сказать так: «Пришла Русь разведать о нашей вере, приготовь храм и духовенство, облекись сам в святительские ризы, пусть видят славу бога нашего». Услышав это, патриарх велел созвать духовенство, духовенство устроило празднество, зажгли паникадила и поставили хоры певчих. И пошел царь с ними в церковь и поставил их на просторном месте, показывая красоту церковную, пение и службу архиерейскую и предстояние дьяконов, показывал им служение богу своему. Они были в изумлении, дивились и похвалили службу их. И призвали их цари Василий и Константин[185] и сказали: «Идите в землю вашу». И отпустили с дарами великими и с честью. Они же пришли в землю свою.

[*Послы рассказывают Владимиру и боярам о законах Болгар, Немцев и Греков*]

И созвал князь бояр своих и старейшин и сказал Владимир: «Вот пришли посланные нами мужи: выслушаем у них все, что было». И сказал им: «Говорите перед дружиною». Они отвечали: «Ходили, прежде всего, к Болгарам и смотрели, как они поклоняются в храме, т. е. в мечети, стоят без пояса, сделает поклон и сядет, глядит туда и сюда словно безумный, и нет веселья у них, но печаль и смрад великий: нет, не добр закон их. И пришли к Немцам и видели, как они в храме совершали службу, и не видали там никакой красоты[186]. Пришли мы к Грекам, и повели они нас, где служат богу своему. И не знаем, на небе или на земле мы были: нет на земле такого вида или красоты такой, не знаем, что́ и сказать; только то и знаем, что там бог с людьми пребывает, и служба их лучше всех стран. Мы же не можем забыть красоты той: всякий человек, если он попробует сладкого, после не примет горького, так и мы не можем здесь жить».. Отвечали бояре, говоря: «Если бы плох был закон Греческий, его не приняла бы бабка твоя Ольга, которая была самая мудрая из всех людей». В ответ молвил Владимир: «Где примем крещенье?» Они сказали: «Где тебе угодно». И прошел год.

[*Владимир идет на Корсунь Греческий добывать новый закон*] [187]

В лето 6496. Пошел Владимир с воинами на Корсунь, город Греческий, и заперлись Корсуняне в городе. И стал напротив города в гавани, вдали от города на один выстрел. Горожане крепко боролись, Владимир же обложил город. И изнемогали люди в городе. И [послал] сказать Владимир горожанам: «Если вы не сдадитесь, буду стоять три года». Они не послушались этого. Владимир поставил своих воинов и велел делать насыпь к городу. Когда же они сыпали, Корсуняне устроили подкоп под городской стеной, крали насыпаемую землю, уносили к себе в город и сыпали посредине города. Воины насыпали еще

больше, а Владимир стоял. И вот выстрелил муж Корсунянин именем Анастас, написав так на стреле: «Колодец, который позади тебя от востока, из того вода течет по трубе; копай и перейми воду». Владимир, услыхав это, взглянул на небо и сказал: «Если это сбудется, то я приму крещение». И тут велел перекопать трубы и перенял воду. Люди изнемогали от жажды и сдались. И вошел Владимир в город и дружина его.

[*Владимир добывает царевну Анну*]

Послал [послов] Владимир к царям Василию и Константину, говоря так: «Вот я взял ваш славный город, слышал и то, что у вас сестра—девица; если не отдадите ее за меня, учиню вашему городу то же самое, что и этому городу учинил». Услыхав это, цари опечалились и подали весть в таких словах: «Нельзя христианам отдавать за язычников [замуж]; если крестишься, то получишь и это и царство небесное получишь и будешь одной веры с нами; если же не хочешь этого сделать, не можем отдать свою сестру за тебя». Услыхав это, Владимир сказал посланным от царей: «Скажите царям так: я приму крещение, так как прежде уже разведал закон ваш, и люба мне и вера ваша и служение, о котором мне рассказали посланные нами мужи». Услыхав это, цари обрадовались и умоляли сестру свою, именем Анну и послали послов к Владимиру со словами: «Крестись, тогда пошлем сестру свою к тебе».

И сказал Владимир: «Пусть пришедшие с сестрою вашею крестят меня. И послушались цари и послали сестру свою и сановников некоторых и священников. Она же не хотела итти. «Не пойду — сказала — к язычникам, лучше мне здесь умереть». И сказали ей братья: «Не обратит ли бог через тебя Русскую землю к покаянию, и Греческую землю ты избавишь от лютой войны; разве не видишь, сколько зла причинила Русь Грекам? И теперь, если не пойдешь, то же самое сделают нам». Едва ее заставили. Она села на корабль[188] и со слезами поцеловала своих родных и отправилась через море. И когда пришла к Корсуню, вышли Корсуняне с поклоном, ввели ее в город и посадили ее во дворце.

[*Крещение Владимира*]

По божьей воле в то время разболелся Владимир глазами, и ничего не стал видеть, тужил очень и не придумывал, что̀ ему делать. И послала к нему царевна сказать: «Если хочешь избавиться от своей болезни, то крестись поскорее, если же нет, то не избавишься от нее». Услыхав это, Владимир сказал: «Если это будет вправду, то поистине велик бог христианский!» И велел крестить себя.

Епископ Корсунский с попами царевниными сделали оглашение и крестили Владимира. Как только [епископ] возложил руку на Владимира, тот стал видеть. Увидал Владимир внезапное исцеление и прославил бога словами: «Теперь в первый раз узнал я бога истинного». Увидела это дружина его, и многие крестились.

Крестился Владимир в церкви св. Василия; та церковь стоит

в городе Корсуне посредине города, где у Корсунян совершается торговля [на рынке]; дворец же Владимиров стоит вблизи церкви и до сего дня, а царевнины палаты за алтарем. После крещения привели царевну венчаться с Владимиром.

Одни, не знающие правды, говорят, будто Владимир крестился в Киеве, другие — в Василеве, третьи же еще иначе говорят.

Когда был крещен Владимир, научили его вере христианской, сказав так: «Пусть не обольстят тебя еретики, но веруй так:

[Дальше следует символ и исповедание веры.]

[*Владимир из Корсуня возвращается в Киев*]

После этого Владимир взял царевну и Анастаса и попов Корсунских с мощами св. Климента и Фива, ученика его, взял сосуды церковные и иконы на благословение себе. Поставил церковь в Корсуне на горе, где ссыпали землю, крадя с насыпи; эта церковь стоит и до сего дня. Идя взял с собой две медные статуи и четыре медных коня, которые и теперь стоят за св. Богородицей, и которые невежды считают за мраморные. Он отдал обратно Грекам Корсунь как «вено»[189] за царевну, а сам вернулся в Киев.

[*Сокрушение кумиров в Киеве*]

И как пришел [Владимир] к Киеву, он велел ниспровергнуть идолов: одни изрубить, а другие предать огню.

Перуна велел привязать к хвостам коней и стащить с горы по Боричеву на Ручай и двенадцать мужей приставил бить его жезлом. Это делалось не дереву, а на поругание бесу, который в этом образе прельщал людей, чтобы получить возмездие от людей... вчера был в чести, а сегодня—в поругании. Когда его влекли по Ручаю к Днепру, оплакивали его язычники: ведь они еще не приняли святого крещения. Приволокли его и сбросили его в Днепр. И приставил Владимир [стражей] сказав: «Если где пристанет к берегу, отгоняйте его от берега, пока не пройдете пороги, тогда бросьте его». Они сделали то, что было велено. И как пустили его, и прошел он через пороги, выбросил его ветер на отмель [190], оттого прозвалась она Перунова отмель, как и до сего дня зовется.

[*Крещение Киевлян*]

После этого Владимир разослал по всему городу [вестников], так говоря: «Если кто не окажется на реке, богат ли, убогий ли, бедняк ли, или раб, будет мне неугоден». Услыхав это, люди шли с радостью говоря: «Если бы это было не хорошо, не приняли бы этого ни князь ни бояре».

На другой день вышел Владимир с попами Корсунскими и царевниными на Днепр, и сошлось людей без числа. И влезли в воду и стояли одни до шеи, другие до груди, молодые—у берега, другие держали младенцев, взрослые бродили, а попы стояли и читали молитвы.

И была радость на небе и на земле видеть столько душ спасае-

мых, а дьявол стонал говоря: «Горе мне: отовсюду меня гонят; я думал здесь иметь жилище, потому что здесь не было апостольского учения, ни знающих бога, но радовался о службе их, которую мне служили. И вот я побежден уже от невежд, а не от апостолов и мучеников, нельзя уже мне царствовать в странах этих».

Когда люди крестились, пошел каждый в дом свой. Владимир был рад, что узнал бога сам и люди его . . . . [191]

[*Владимир распространяет христианство по Русской земле*]

Он велел строить церкви по местам, где стояли раньше идолы и поставил церковь св. Василия на холме, где стоял [раньше] идол Перуна и другие, где приносили жертвы князь и люди. И начал ставить по городам церкви и попов и приводить крестить людей по всем городам и селам. И послал брать у знатных людей детей и отдавать на книжное учение; матери этих детей плакали об них как по мертвецам, потому что еще не были утверждены в вере. . . . .[192]

[*Владимир сажает сыновей по городам*][193]

Просвещен был христианством сам Владимир и сыновья его и земля его. Было у него двенадцать сыновей: Вышеслав, Изяслав, Святополк, Ярослав, Всеволод, Святослав, Мстислав, Борис, Глеб, Станислав, Позвизд, Судислав. И посадил Вышеслава в Новгороде, Изяслава—в Полоцке, Святополка в—Турове, Ярослава—в Ростове. Когда старший Вышеслав в Новгороде умер, посадил Ярослава в Новгороде, Бориса—в Ростове, а Глеба—в Муроме, Святослава—в Древлянской земле, Всеволода—во Владимире, Мстислава—в Тмуторокани.

[*Владимир строит новые города*]

И сказал Владимир: «Это—не хорошо, что мало городов около Киева». И начал ставить города по Десне, Остеру, Трубежу, Суле и Стугне; начал набирать лучших мужей от Словен, Кривичей, Чуди и Вятичей и ими населять города.

Была у него рать с Печенегами, воевал он с ними и одолевал их. . . . . [194]

[*Владимир строит храм св. Богородицы*]

В лето 6499. Жил Владимир в законе христианском и задумал создать церковь св. Богородицы и послал привести мастеров от Греков. И начал ее строить, и когда кончил постройку, украсил ее иконами и поручил ее Анастасу Корсунскому и попов Корсунских приставил служить к ней и отдал туда все, что взял в Корсуне: иконы, сосуды и кресты.

В лето 6500. Владимир заложил город Белгород и набрал в него от других городов и много людей свел в него: он очень любил этот город.

Беседа Владимира с философом о вере. Владимир сидит справа. В середине икона спаса (по тексту должно быть изображение страшного суда)

Построение храма в Киеве. Слева Владимир. Изображение церкви носит условный характер

[*Поединок русского витязя с Печенежским богатырем*]

В лето 6501. Пошел Владимир на Хорватов. Пришел он с войны Хорватской, и вот Печенеги пришли с той стороны от Сулы. Владимир пошел против них и встретил их на Трубеже, на броде,где ныне Переяславль. И остановился Владимир на этой стороне, а Печенеги—на другой. И не осмеливались эти на ту сторону, а те—на эту сторону. Приехал князь Печенежский к реке и вызвал Владимира и сказал ему: «Выпусти ты своего мужа, а я—своего; пусть борются; если твой муж поборет моего, то не будем воевать три года, если наш муж поборет, то будем воевать три года». И разошлись в разные стороны.

Владимир пришел к стану, послал биричей[195] по стану спросить: «Нет ли такого мужа, который бы взялся [бороться] с Печенегом?» И никого не нашлось. На другой день приехали Печенеги и привели своего мужа, а у наших [никого] не было.

И начал тужить Владимир, посылая ко всем воинам. И пришел один престарелый муж к князю и сказал ему: «Князь, есть у меня один сын меньшой дома, а с четырьмя я вышел [воевать], а он остался дома; с детства не было никого, кто бы его ударил: однажды я его ругал, а он мял кожу, рассердился на меня, разорвал чрево руками». Князь услыхав, порадовался и послал за ним; привели его к князю, а князь все ему поведал. Тот сказал: «Князь, я не знаю, могу ли [бороться] с ним, испытайте меня; нет ли большого сильного быка?» И нашли быка большого и сильного, и велел раздразнить быка; положили на быка раскаленное железо и пустили быка, и побежал бык мимо него, и схватил он быка рукою за бок и выхватил кожу с мясом, сколько захватила у него рука. И сказал ему Владимир: «Ты можешь с ним бороться».

На другой день пришли Печенеги и начали звать: «Нет ли мужа, наш уже готов». Владимир велел ему той ночью облечься в оружие. И Печенеги выпустили своего мужа: был он очень велик [ростом] и страшен. Выступил и муж Владимиров, увидал его Печенежин и посмеялся, потому что был тот среднего сложения. И отмерив место между двумя войсками, пустили их друг на друга. Они схватились, он крепко схватил [Печенежина] и удавил рукою до смерти и ударил им о землю. Поднялся крик. Печенеги побежали, а Русь погналась за ними, избивая, и прогнала их.

Владимир был рад, заложил город в броде том и назвал его Переяславль, потому что «переял славу» тот отрок[196]. Владимир великим мужем сделал его [самого] и отца его. Владимир вернулся в Киев с победою и славою великою. . . . . [197]

[*Владимир дает десятину церкви св. Богородицы*]

В лето 6504[198]. Владимир увидал, что церковь [св. Богородицы] закончена, вошел в нее и молился богу... [199]. Когда он помолился, то сказал так: «Вот даю этой церкви св. Богородицы от имущества моего и от городов моих десятую часть»[200]. Написал и положил клятву в церкви этой и сказал: «Если кто нарушит это, пусть будет проклят». И дал десятину Анастасу Корсунскому. Он устроил в тот день большой

праздник боярам и старейшинам городским, а нищим роздал много добра.

[Владимир терпит поражение от Печенегов под Василевым]

После этого пришли Печенеги к Василеву, а Владимир с малой дружиной вышел против них. Когда они сошлись, Владимир не мог противостоять им, убежав, стал под мостом и едва укрылся от противников. Тогда обещался Владимир построить в Василеве церковь Преображения, потому что было в тот день Преображение, когда случилась битва.

Избегнув этой беды, Владимир поставил церковь и устроил большой праздник, сварив триста «провар»[201] меду. Созвал бояр своих и посадников и старейшин со всех городов и людей многих и роздал триста гривен нищим. И праздновал князь восемь дней, возвратился в Киев на Успение и там опять устроил праздник торжественный, созвав бесчисленное множество народа. Видя своих людей христианами, радовался душою и телом. И так делал все годы. И любил он слова книжные. . . . .[202].

[Владимир кормит нищих]

Услышал он слова: «Дающий нищему, богу взаймы дает». Услышав это, велел всякому нищему и убогому приходить на двор княжеский и брать все, что нужно: пищу и питье и от казны деньгами[203]. Устроил так и сказал: «Немощные больные не могут дойти до двора моего» и велел приготовить телеги и наложить туда хлеба, рыбы и овощей разнообразных, мед в бочках, а в других—квас, возить по городу и спрашивать: «Где больные и нищие, кто не может ходить?» И тем раздавали все необходимое.

[Владимир устраивает пиры для дружины]

И то же, с другой стороны, делал для людей своих: каждую неделю решил устраивать пир во дворе, в гриднице[204], приходить и боярам, и гридям[205], и сотским, и десятским[206], и знатным мужам—и при князе и без князя. И бывало на пирах тех множество мяса от скота и зверины: было во всем изобилие.

Когда напивались, то начинали роптать на князя, говоря: «Плохо нам—едим мы ложками деревянными, а не серебряными». Услыхав это, Владимир велел исковать серебряные ложки, чем есть дружине, сказав так: «Серебром и златом не могу добыть дружины, а с дружиною добуду и серебро и злато, как отец мой и дед мой добыли с дружиною злата и серебра».

Владимир любил свою дружину и с ней думал, как строить землю, о войнах и об уставе земельном[207].

[Владимир и окрестные князья]

И жил он в мире с соседними князьями: с Болеславом Ляшским[208], Стефаном Угорским[209] и Андрихом Чешским[210]. И были между ними мир и любовь[211].

[Владимир и разбойники][212]

Жил Владимир в страхе божием, и увеличились разбои, и сказали епископы Владимиру: «Вот умножились разбойники, почему ты не наказываешь их?» Он же отвечал: «Боюсь греха». Они же сказали ему: «Ты поставлен от бога на наказанье злым и на помилование добрым, следует тебе казнить разбойников, но после испытания». Владимир отказался от вир и начал казнить разбойников. И сказали [потом] епископы и старейшины: «Войн много; если будет вира, пусть она идет на оружие и на коней».

И стал Владимир жить по устроению деда и отца.

[Печенеги осаждают Белгород]

В лето 6505. Когда Владимир пошел в Новгород за воинами верхних земель[213] против Печенегов, потому что шла великая война беспрестанно, в это время узнали Печенеги, что князя нет, пришли и стали около Белгорода [214]. И не давали выйти из города, и был голод большой в городе, и Владимиру нельзя было помочь, потому что у него не было воинов, а Печенегов было великое множество. И затянулась осада города, наступил большой голод.

Собрали в городе вече [215] и говорили: «Вот уже приходится нам умирать с голоду, а от князя помощи нет. Как лучше нам помереть? Сдадимся Печенегам: кого они оставят в живых, кого убьют: [все равно] уже умираем от голода». Так решили советом. Один старик не был на вече и спрашивал: «Чего ради люди созвали вече?» И сказали ему, что завтра люди хотят сдаться Печенегам. Он, услыхав, послал за старейшинами городскими и сказал им: «Слышал, что вы хотите сдаться Печенегам»; они отвечали: «Не вытерпят люди голода». И сказал им: «Послушайте меня, не сдавайтесь, а сделайте то, что я вам велю». Они обрадовались и обещались послушаться. Он сказал им: «Соберите хоть по горсти овса или пшеницы или отрубей». Они пошли и сыскали. И велел женщинам сделать «цежь»[216] из которой варят кисель, выкопать колодец, поставить там кадку и налить в кадку «цежи». Велел и другой колодец выкопать и поставить там другую кадку и велел искать меду. Они пошли и взяли «лукно»[217] меду, было оно спрятано в княжеской «медуше»[218]. И велел его сильно рассытить [219] и вылить в кадку в другом колодце.

На другой день велел послать за Печенегами. Горожане пошли к Печенегам и сказали: «Возьмите себе нашего заложника, а вы, примерно десять мужей, пойдите в город и посмотрите, что́ делается в городе нашем».

Печенеги обрадовались, думая, что те хотят сдаться, взяли у них заложников, а сами выбрали лучших мужей из родов и послали в город поразведать, что̀ делается в городе. И пришли в город, и сказали им люди: «Что вы губите себя, раз не можете перестоять нас. Если и десять лет простоите, что можете сделать нам? У нас пища от земли. Если не верите, посмотрите своими глазами». И привели их к колодцу, где [была] «цежь», почерпнули ведром и влили в горшки. Когда сва-

рили кисель, взяли их, пришли с ними к другому колодцу и зачерпнули «сыты» и начали есть сначала сами, потом—Печенеги. Те удивились и сказали: «Не поверят наши князья, если не поедят сами». Люди налили корчагу «цежи» и «сыты» из колодцев и отдали Печенегам. Они, вернувшись, поведали все, что было. И сварив, ели князья Печенежские и дивились. Взяли талей своих, а тех пустили, отступили от города и пошли во-свояси . . . .[220]

[*Смерть родичей Владимира*][221]

В лето 6508. Преставилась Малфредь[222]. В этом же году умерла и Рогнеда, мать Ярослава.

В лето 6509. Умер Изяслав[223], отец Брячислава, сын Владимира . . . .[224]

В лето 6511. Умер Всеслав, сын Изяслава, внук Владимира. . . . .[225]

В лето 6515. Перенесены эти [князья] в св. Богородицу. . . . .[226]

В лето 6519. Умерла царица Владимирова, Анна. . . . .[227]

[*Ярослав, сын Владимира, восстает против отца*]

В лето 6522. Ярослав был в Новгороде и уроком давал в Киев две тысячи гривен из года в год, а тысячу в Новгороде раздавал гридям[228]. Так давали все посадники Новгородские, а Ярослав не дал этого в Киев отцу своему. И сказал Владимир: «Чините дороги и мостите мосты». Он хотел итти на Ярослава, сына своего, но разболелся.

В лето 6523. Хотел Владимир итти на Ярослава, а Ярослав, послав за море, привел Варягов, боясь отца своего, но бог не дал дьяволу радоваться. Когда Владимир разболелся, в это время был у него Борис. Тут Печенеги двинулись на Русь, он послал против них Бориса, а сам очень разболелся.

[*Смерть Владимира*]

От этой болезни и умер он, месяца июля в пятнадцатый день. Умер же в Берестове. И утаил его смерть Святополк, потому что был в Киеве[229]. И ночью проломали помост [230] между клетями [231], обернули в ковер, на веревках спустили его на землю, положили на сани [232], повезли и поставили в храме св. Богородицы, которую он сам создал.

Узнали люди, сошлись без числа и плакали по нем: бояре как о защитнике их земли, убогие как о защитнике и кормильце. Положили его в мраморную гробницу и похоронили с плачем тело блаженного князя.

[*Похвала князю Владимиру*]

Это—новый Константин великого Рима, который крестился сам и людей своих крестил, так и этот сделал подобное ему [233].

Если раньше, будучи язычником, стремился к скверной похоти, то после стремился к покаянию. . . . .[234]

Удивительно то, сколько добра сделал он Русской земле, крестив ее. А мы, христиане, не воздаем ему чести соразмерно с делами его[235]: если бы он не крестил нас, то и теперь мы были бы во власти дьявола, как и предки наши погибли; если бы имели старания и молитвы приносили богу за него, в день его смерти, то бог, видя наше стремление к нему, прославил бы его[236]. . . . .[237].

[*Об убийстве Бориса*][238]

Святополк сел в Киеве после отца своего, созвал Киевлян[239] и начал раздавать им имущество; они принимали, но их сердце было не с ним, потому что их братья были с Борисом. Когда же Борис возвращался с воинами, не найдя Печенегов, весть пришла к нему: «Отец твой умер». Он очень плакал по отце: его отец любил больше всех. Пришел он и стал на Лете. Сказала ему дружина отцовская: «Вот дружина у тебя отца и воины, иди, сядь в Киеве на столе отца». Он отвечал: «Не подобает мне поднять руку на брата своего старшего, если отец мой умер, пусть этот будет мне вместо отца»[240]. Услыхав это, воины разошлись от него[241]. Борис же остался с отроками своими.

Святополк исполнился беззакония, взял умысел Каина и послал к Борису, говоря: «Хочу с тобою любовь иметь и дам тебе [долю] в отцовом [достоянии]».

Святополк пришел ночью в Вышгород, тайно призвал Путшу и Вышегородских бояр и сказал им: «Принимаете ли меня всем сердцем?» Отвечал Путша с Вышгородцами: «Можем свои головы сложить за тебя». Он сказал им: «Никому не говорите, идите и убейте брата моего Бориса». Они обещали вскоре все это сделать . . . . . .[242]

И посланные пришли на Лету ночью, подошли ближе и услышали голос Бориса, певшего заутреню; до него уже дошла весть, что хотят убить его. . .[243] Кончив заутреню, помолился. . .[244] и лег на постель свою. И вот напали на него как звери дикие около шатра, просунули туда копья и пронзили Бориса и слугу его, который упал на него, пронзили вместе с ним. Его очень любил Борис; этот был сын Угорца, именем Георгий; тот надел на него ожерелье большое золотое, в котором он и стоял перед ним.

Перебили и многих отроков Борисовых. У этого Георгия не могли снять ожерелье с шеи, отрубили голову у него, сняли таким образом ожерелье и бросили голову в сторону; впоследствии так и не нашли тела его среди трупов. Окаянные убили Бориса, обвернули в шатер, положили на телегу и повезли его, а он еще дышал. Увидал окаянный Святополк, что он еще дышит, послал двух Варягов прикончить его. Они пришли и увидели, что он еще жив, один из них извлек меч, пронзил его в сердце. Так скончался блаженный Борис. . . . .[245] Положили тело его, тайно принеся в Вышгород, в церковь св. Василия.

Окаянные убийцы пришли к Святополку, заслужив похвалу,

окаянные. Вот имена законопреступников: Талец, Елович, Ляшько и отец их сатана.

[*Бесы и злые люди*]

Такие слуги—сущие бесы. Бесы посылаются на злое, а ангелы посылаются на доброе. Ангел человеку никогда не делает зла, но всегда мыслит ему доброе, особенно христианам помогает и защищает их от врага-дьявола, а бесы на зло всегда ловят [человека], завидуя ему, потому что видят человека, получившим честь от бога. Злой же человек, стремящийся к злу, хуже беса; бесы бога боятся, а злой человек ни бога не боится, ни людей не стыдится, бесы креста господня боятся, а злой человек и креста не боится.

[*Убийство Глеба*]

Святополк окаянный стал замышлять в себе так: «Вот я убил Бориса, как бы убить и Глеба?» И, взяв умысел Каинов, с обманом послал к Глебу [послов] с такими словами: «Иди скорее, отец тебя зовет, нездоров он сильно». Глеб быстро сел на коня, пошел с малой дружиной: он был очень послушен отцу. Когда пришел он на Волгу, в степи споткнулся конь его во рву и немного повредил ему ногу. Пришел к Смоленску и остановился в «насаде»[246] на Смядине.

В это время пришла весть к Ярославу от Передславы о смерти отца, и послал Ярослав к Глебу сказать: «Не ходи: отец твой умер и брат твой убит Святополком». Услыхав это, Глеб громко закричал и заплакал по отце, а еще больше и о брате и начал молиться со слезами: . . . .[247]

Когда он молился так, внезапно явились посланные от Святополка убить Глеба. Посланцы захватили тут судно Глеба и обнажили оружие; отроки Глеба пришли в уныние; окаянный посланец Горясер велел поскорей зарезать Глеба, повар Глеба, именем Торчин, вынул нож и зарезал Глеба . . . .[248]

Окаянные [убийцы] вернулись обратно . . . .[249]
Они пришли и поведали Святополку, что «сделали все, что ты велел». Он услыхал это и сильно вознесся сердцем . . . .[250]

Глеб был убит и брошен на землю между двумя колодами.[251] Потом взяли его, повезли и положили его около брата Бориса в церкви св. Василия . . . .[252]

[*Убийство Святослава. Святополк думает об единовластии на Руси*]

Святополк же этот окаянный и злой, послав, убил Святослава в горах Угорских (Венгерских), когда тот бежал к Униграм (Венграм).

И начал размышлять: «перебью всех братьев своих и один возьму власть в Русской земле».

[*Князья правдивые и лукавые*]

Если в земле бывают правдивые князья, то много [с нее] снимается грехов; если [князья] бывают злы и лукавы, то

Святослав с семьей. Надпись сверху — изречение из псалма; ниже — имена членов семьи. Князь в сопровождении семьи движется по направлению к Христу

Погребение Бориса и Глеба. Согласно древнерусского обычая, тело Глеба везут на санях. Миниатюра XIV в из жития Бориса и Глеба

большое зло наводит бог на эту землю, потому что он (князь) глава земли[253].

[*Святополк правит в Киеве*]

Святополк окаянный начал княжить в Киеве. Созвал людей и начал раздавать одним одежду, другим—деньги, и роздал множество.

[*Ярослав и Новгородцы. Ярослав собирает воинов и идет на Святополка*][254]

Ярослав еще не знал про смерть отца; было много Варягов у Ярослава, и они чинили насилия Новгородцам и их женам. Восстали Новгородцы и перебили Варягов на дворе Парамоновом. Разгневался Ярослав, пошел на Раком, сел в дворе и послал к Новгородцам со словами: «Уж мне этих не воскресить». Позвал к себе знатных мужей, которые перебили Варягов, и хитростью побил. В ту же ночь пришла к нему весть из Киева от сестры его Передславы такая: «Отец твой умер, а Святополк сидит в Киеве, убил Бориса и послал на Глеба, берегись его как можешь больше». Услыхав это, Ярослав опечалился и об отце и о брате и о дружине.

На другой день Ярослав собрал остальных Новгородцев и сказал: «О любимая моя дружина, которую вчера избил, а теперь понадобилась». Утер слезы и сказал им на вече: «Отец мой умер, а Святополк сидит в Киеве, избивая братьев своих». И ответили Новгородцы: «Хотя, князь, братья наши и побиты, можем бороться за тебя».

И собрал Ярослав Варягов тысячу и остальных воинов сорок тысяч и пошел на Святополка, призывая бога со словами: «Не я начал избивать братьев, но он: пусть будет бог мстителем за кровь братьев моих, потому что без вины пролили кровь Бориса и Глеба праведную. Не сделает ли и со мною того же самого?»... И пошел на Святополка. Услыхал Святополк, что идет Ярослав, собрал без числа воинов, Русь и Печенегов, и вышел против к Любечу с той стороны Днепра, а Ярослав—с этой.

[*Начало княжения Ярослава в Киеве*]

В лето 6524 пришел Ярослав и стали друг против друга по обе стороны Днепра и не смели ни те на том берегу, ни эти на этом начать и стояли три месяца друг против друга.

И начал воевода Святополков, ездя возле берега, укорять Новгородцев словами: «Что пришли с этим хромым[255], эй вы, плотники?[256]. Вот заставим вас свои хоромы[257] строить». Услышали это Новгородцы и сказали Ярославу: «Завтра мы переправимся против них; если кто не пойдет с нами, того сами убьем».

Стояли уже заморозки. Святополк стоял между двумя озерами и всю ночь пил с дружиною своею. Ярослав на другой день изготовил дружину к бою, переправился на рассвете. Высадились на берег, оттолкнули лодки от берега, пошли против тех и вступили в бой. Был злой бой, Печенегам нельзя было помогать [Святополку] из-за озера; притиснули Святополка с дружиною к озеру, вступил он на

лед, и обломился под ним лед; начал одолевать Ярослав; увидал это Святополк, побежал, и одолел его Ярослав.

Святополк бежал к Ляхам. Ярослав сел в Киеве на престоле отца и деда. Было тогда Ярославу двадцать восемь лет.

В лето 6425. Ярослав вошел в Киев, и сгорели церкви.

[*Болеслав Ляшский с Святополком одолевают Ярослава и овладевают Киевом*]

В лето 6526. Пошел Болеслав [Ляшский] со Святополком на Ярослава с Ляхами. Ярослав собрал много воинов, Русь, Варягов и Словен, и пошел против Болеслава и Святополка и пришел к Волыни: стали по обе стороны реки Буга.

Был у Ярослава кормилец и воевода, именем Будый, и начал Будый укорять Болеслава словами: «Вот мы проткнем колом живот твой толстый». Ведь Болеслав был велик и тяжел, так что и на коне сидеть не мог, но был умен. Сказал Болеслав дружине своей: «Если вам не стыдно за такую укоризну, я один нападу». Сел на коня, вошел в реку, а за ним воины его. Ярослав не успел приготовиться к бою, и победил Болеслав Ярослава. Ярослав с четырьмя мужами убежал в Новгород.

[*Болеслав в Киеве*]

Болеслав же вошел в Киев со Святополком. И сказал Болеслав: «Разведите дружину мою по городам для прокормления». И сделано было так.

[*Новгородцы готовятся к боям с Болеславом и Святополком*]

Ярослав прибежал к Новгороду и хотел бежать за море, но посадник[258] Константин, сын Добрыни[259], с Новгородцами разбил лодки Ярослава со словами: «Хотим и еще бороться с Болеславом и со Святополком», и начали собирать деньги: с мужа по четыре куны[260], от старейшин—по десяти гривен, а от бояр—по восемнадцати гривен[261], привели Варягов и дали им денег, и собрал Ярослав много воинов.

[*Болеслав уходит из Киева*]

Болеслав же сидел в Киеве. Безумный же Святополк сказал: «Сколько будет Ляхов по городам, избивайте их». И побили Ляхов[262]. Болеслав убежал из Киева, забрал добро, бояр Ярославовых и сестер его, а к имению приставил Анастаса Десятинного, который обманом предался ему; людей множество увел с собою и захватил себе Червенские города и вернулся в свои земли. Святополк начал княжить в Киеве.

[*Последняя борьба Ярослава со Святополком*]

Пошел Ярослав на Святополка, победил Святополка, и бежал Святополк к Печенегам.

В лето 6527. Пришел Святополк с Печенегами с большой силой, а Ярослав собрал множество воинов и вышел против него на реку Лету (Альту). Ярослав стал на месте, где убили Бориса, воздел руки к небу со словами: «Кровь брата моего вопиет к тебе, владыко! отомсти за кровь этого праведника, как ты отомстил за кровь Авеля, положив на Каине крик и страх, положи то же самое и на этого». И после молитвы сказал: «Братья мои! если и телом вы ушли отсюда, то молитвою помогите мне на противника моего гордого и убийцу». Он сказал это, они пошли друг против друга, поле Летское покрылось с двух сторон множеством воинов. Была тогда пятница, восход солнца, и сошлись оба войска. Был бой злой, какого не было на Руси, бились в рукопашном бою, сходились три раза так, что кровь текла по оврагам. К вечеру одолел Ярослав, а Святополк побежал.

[*Бегство и смерть Святополка*].

Во время его бегства напал на него бес, ослабли кости его, не мог он сидеть на коне, и понесли его на носилках.

И бежавшие вместе с ним принесли его к Берестию.

Он же говорил: «Бегите со мной, вот гонятся за нами!» Отроки его прекословили: кто гонится за ним? И не было никого, кто бы гнался за ним вслед, и бежали вместе с ним, он же лежал больной и неустанно говорил: «Вот гонятся, все гонятся, побежим». И не мог он терпеть на одном месте, пробежал землю Ляхов, гонимый божьим гневом, прибежал в пустыню между Чехами и Ляхами и кончил свою злую жизнь... Могила его в пустыне и до сего дня, и исходит от нее злой смрад. Это бог сделал указание Русским князьям: если, услышав про это, сделают то же самое, получат и то же наказание, и еще больше, потому что уже, зная, совершат такое злое братоубийство. . . . . [263]

[*Победоносный Ярослав в Киеве*]

Ярослав пришел и сел в Киеве, окончил труд с дружиною своею, показал победу и подвиг великий.

В лето 6528. Родился у Ярослава сын и дали ему имя Владимир.

[*Нашествие Брячислава Полоцкого на Новгород*]

В лето 6529. Пришел Брячислав, сын Изяслава, внук Владимира на Новгород, взял Новгород, полонил Новгородцев и добро их и вернулся обратно в Полоцк[264].

И пришел он к реке Судоме. Ярослав же на седьмой день догнал его тут и победил Ярослав Брячислава и [пленных] Новгородцев вернул в Новгород, а Брячислав бежал в Полоцк.

[*Подвиги Мстислава Тмутороканского у Касогов*]

В лето 6530. Пошел Ярослав к Берестию.

В это же время Мстислав Тмутороканский [265] пошел на Касогов. Услыхал это князь Касожский, именем Редедя, и вышел против

него. И стали оба войска друг против друга, и сказал Редедя Мстиславу: «Зачем мы будем губить свою дружину? но сойдемся бороться друг с другом: если ты одолеешь, то возьмешь имение мое, жену мою, детей моих, землю мою, если я одолею, то возьму все твое». И сказал Мстислав: «Пусть будет так». И сказал Редедя Мстиславу: «Не будем биться оружием, а бороться». И стали они крепко бороться; долго они боролись, и начал изнемогать Мстислав. Редедя был велик и силен. И взмолился Мстислав: «О пречистая Богородица, помоги мне! если одолею этого, построю церковь в твое имя». Сказал так, ударил его об землю, вынул нож и зарезал Редедю. И вошел в землю его, взял все имущество его, жену его и детей его и наложил дань на Касогов. Вернулся в Тмуторокань, заложил церковь пресвятой Богородицы и построил ее, она и до сего дня стоит в Тмуторокани.

[*Нашествие Мстислава Тмутороканского на Ярослава Киевского*]

В лето 6531. Пошел Мстислав на Ярослава с Козарами и Касогами.

В лето 6532. Ярослав был в Новгороде, в это время пришел Мстислав из Тмуторокани в Киев, и не приняли его киевляне, он пошел и сел на столе Черниговском, а Ярослав тогда был в Новгороде.

[*Восстание волхвов в Суздале*]

В этот год восстали волхвы [266] в Суздале и избивали старых людей по дьявольскому наущению и бесовскому, говоря, что они держат обилие. Был мятеж большой и голод по всей той стране. Пошли по Волге все люди к Болгарам и привезли ржи, и таким образом ожили. Услыхал Ярослав про волхвов, пришел в Суздаль, поймал волхвов, одних сослал, других казнил, говоря так: «Бог за грехи наводит на каждую землю или голод, или мор, или засуху, или иное наказание, а человек ничего не знает». И возвратился Ярослав в Новгород.

[*Ярослав с Якуном, князем Варяжским, терпит поражение от Мстислава*]

И послал Ярослав за море за Варягами. Пришел Якун с Варягами; был Якун слеп, и была у него «луда» [267] из золота тканая. Он пришел к Ярославу, и пошел Ярослав вместе с Якуном на Мстислава. Мстислав, услыхав, вышел против них на Листвену. Мстислав с вечера изготовил дружину и поставил Север впереди против Варягов, а сам с дружиною своею стал на крыльях (по бокам). Была ночь, темно, молния, гром и дождь. И сказал Мстислав дружине своей: «Пойдем на них». И пошел Мстислав, а Ярослав—против него, и сошлись передовые отряды, Северяне с Варягами, и измучились Варяги во время боя с Северянами, и после того стал наступать Мстислав с дружиною своею и начал биться с Варягами. Был сильный

бой: при свете молнии блестело оружие, была гроза сильная и бой большой и страшный.

Ярослав увидал, что его одолевают, и побежал с Якуном, князем Варяжским, и Якун тут потерял золотую повязку. Ярослав вернулся в Новгород, а Якун ушел за море.

Мстислав на другой день увидал лежащих убитыми своих Северян и Варягов Ярослава и сказал: «Кто этому не будет рад: вот лежит Северянин, вот Варяг, а моя дружина—цела».

[*Посольство Мстислава к Ярославу*]

И послал Мстислав к Ярославу сказать: «Ты сиди в своем Киеве, потому что ты старший брат, а у меня пусть будет эта сторона». Но не посмел Ярослав итти в Киев, пока не будет у них мира. И сидел Мстислав в Чернигове, а Ярослав в Новгороде, а в Киеве сидели мужи Ярослава.

В этом году родился у Ярослава второй сын, и дали ему имя Изяслав.

[*Ярослав делит с Мстиславом Русскую землю*]

В лето 6533.

В лето 6534. Ярослав собрал много воинов и пришел в Киев и учинил мир с братом своим Мстиславом у Городца. И разделили они по Днепр Русскую землю. Ярослав взял эту сторону, а Мстислав — ту, и начали они жить в мире и братолюбии, прекратились усобицы и мятежи, и была тишина великая в земле Русской.

[*Тишина в Русской земле*]

В лето 6535. Родился у Ярослава третий сын и дали ему имя Святослав.

В лето 6536. Явилось знамение на небе в виде змея и видно было по всей земле.

В лето 6537. Было мирно.

В лето 6538. Ярослав взял Бельз. Родился у Ярослава четвертый сын, и дали ему имя Всеволод.

В этот же год пошел Ярослав на Чудь и победил ее и поставил город Юрьев. В это же время умер Болеслав Великий у Ляхов и был мятеж в Ляшской земле: люди восстали и перебили своих епископов, попов и бояр, и был у них мятеж.

[*Ярослав и Мстислав овладевают снова городами Червенскими*]

В лето 6539 [268]. Ярослав и Мстислав собрали много воинов и пошли на Поляков, заняли снова города Червенские, повоевали Ляшскую землю, привели [пленными] многих Ляхов и поделили их [между собою]. И посадил Ярослав своих [пленников] на Роси, и живут они до сего дня.

В лето 6540. Ярослав начал ставить города по Роси. . . [269]

[Смерть Мстислава. Ярослав — единовластец земли Русской]

В лето 6544. Мстислав вышел на охоту, разболелся и умер, и положили его в церкви св. Спаса, которую он сам заложил; при нем она была построена на высоту, как можно достать стоя на коне.

Мстислав был дороден телом, красив лицом, с большими глазами, храбр во время боя и милостив, сильно любил дружину, не щадил имущества, не мешал ни в питье ни в еде[270].

После него взял всю его власть Ярослав, был единовластцем Русской земли[271].

Пошел Ярослав к Новгороду и посадил в Новгороде своего сына Владимира, а епископом поставил Жидяту.

В это время родился у Ярослава сын, и дали ему имя Вячеслав.

[Ярослав наносит решительный удар Печенегам]

Когда Ярослав был в Новгороде[272], пришла к нему весть, что Печенеги окружили Киев. Ярослав собрал много воинов, Варягов и Словен, пришел к Киеву и вошел в свой город. Печенегов было без числа. Ярослав вышел из города и изготовил к бою свою дружину: поставил посредине Варягов, на правой стороне Киевлян, а на левом крыле—Новгородцев[273]. [Ярослав] стал перед городом, а Печенеги начали наступать, и сошлись [оба войска] на месте, где теперь стоит св. София, русская митрополичья [церковь]; тогда была степь вне города.

Бой был злой, и к вечеру едва одолел Ярослав. И побежали Печенеги в разные стороны и не знали, куда бежать, одни во время бегства тонули в Сетомли, другие в иных реках, а остальные бегут и до сего дня.

В этот же год посадил Ярослав Судислава брата своего в Пскове в тюрьму; оклеветан тот был.

[Ярослав украшает Киев церквами]

В лето 6545[274]. Заложил Ярослав город (кремль) великий; у этого города золотые ворота; заложил и церковь св. Софии, митрополичью, потом церковь на Златых воротах Благовещения св. Богородицы, потом монастырь св. Георгия и церковь св. Ирины.

[Ярослав сеет словеса книжные в сердца верных людей]

При нем начала вера христианская давать плоды и шириться, начали умножаться монахи, и начали возникать монастыри.

Ярослав любил церковные уставы, сильно любил попов, с излишком—монахов, был склонен к книгам, читал их часто днем и ночью. Он собрал многих писцов и переводил с ними с Греческого на Словенское письмо, переписал много книг, которыми поучаются верующие люди, наслаждаясь божественным учением. Так один

вспашет землю, другой посеет, а третьи—жнут, едят пищу не оскудевающую, так и тут: его отец Владимир вспахал и взборонил землю, просветив крещением, этот посеял словами книжными сердца верующих людей, а мы пожинаем, принимая книжное учение.

[*Польза от учения книжного*]

Велика польза от книжного учения: книгами нам показывают и учат путям покаяния; мудрость и воздержание получаем от слов книжных, это реки, питающие вселенную, это источники мудрости, у книг неистощимая глубина, ими утешаемся в печали, это—узда воздержания . . . .[275]

Если кто прилежно поищет в книгах мудрости, то получит великую пользу для своей души, кто часто читает книги, тот беседует с богом и святыми мужами, кто читает пророческие беседы, евангельские и апостольские учения и жития святых, тот получает большую пользу для души.

Ярослав, как сказали, очень любил книги и, много переписав [их], положил в св. Софии, которую сам создал, украсил ее иконами многоценными, золотом и серебром и сосудами церковными, в ней положенные песнопения богу воздают в сроки положенные.

И другие церкви поставил по городам, селам, ставил попов и давал им урок от имения своего, велел им учить людей часто ходить в церковь, а попам часто учить людей, потому что это поручено им богом. Увеличилось число пресвитеров и людей христианских.

И радовался Ярослав, видя множество церквей и много людей христиан, а враг сетовал, побеждаем новыми людьми христианскими.

[*Походы Ярослава и его сына Владимира*]

В лето 6546. Ярослав ходил на Ятвягов.

В лето 6547. Освящена была церковь св. Богородицы, которую построил Владимир, отец Ярослава, митрополитом Феопемптом [276].

В лето 6548. Ярослав ходил на Литву.

В лето 6549. Ходил Ярослав на Мазовшан на лодках.

В лето 6550. Ходил Владимир, сын Ярослава, на Ямь и победил их; померли кони у воинов Владимира; у еще дышавших коней сдирали кожу; такой был мор на конях.

[*Владимир, сын Ярослава, идет на Греков*]

В лето 6551[277]. Послал Ярослав сына своего Владимира на Греков, дал ему много воинов, а воеводство дал Вышате, отцу Яня. И пошел Владимир на лодках и пришел к устью Дуная и пошел к Царьграду.

Поднялась буря великая, и разбились суда Русские; ветер разбил княжеское судно, и взяли князя на судно Ивана Творимирича, воеводы Ярослава. Прочие воины Владимира, числом шесть тысяч были выброшены на берег; они хотели вернуться в Русь, но с ними никто не шел из княжеской дружины; и сказал Вышата: «Я пойду

с ними». Высадился из судна к ним и сказал: «Если жив буду, то с ними; если погибну, то с дружиною». И пошли, направляясь в Русь.

Дошла весть до Греков, что море растрепало Русь, и послал царь, именем Мономах[278], против Руси четырнадцать кораблей. Владимир увидал с дружиною, что за ним гонятся, повернул назад; разбил корабли Греческие, и вернулась Русь, восседая на своем корабле.

Вышату вместе с выброшенными на берег [людьми] захватили [в плен], привели их в Царьград и многих русских ослепили.

Спустя три года, когда был заключен мир, Вышата был выпущен в Русь к Ярославу.

В это же время отдал Ярослав [замуж] сестру свою за Казимира [князя Ляшского], и дал Казимир как «вено» восемьсот людей, которых взял в плен Болеслав, победив Ярослава.

В лето 6552. Вырыли двух князей Ярополка и Олега, сына Святослава, крестили кости их и положили их в церкви св. Богородицы.

[*Всеслав Полоцкий*]

В этот же год умер Брячислав, сын Изяслава, внук Владимира, отец Всеслава, и Всеслав, сын его, сел на стол его. Его родила мать от колдовства; когда мать родила его, у него была язва на голове, волхвы сказали матери его: «Навяжи на его язву повязку, пусть носит ее всю жизнь свою»; ее носит Всеслав и до сего дня на себе; потому он очень склонен к кровопролитию.

В лето 6553. Заложил Владимир [церковь] св. Софии в Новгороде[279] . . . . [280]

В лето 6555[281]. Ярослав ходил на Мазовшан, победил их, убил князя их Моислава и покорил их Казимиру . . . . [282]

В лето 6558. Умерла княгиня, жена Ярослава.

[*Начало Печерского монастыря*]

В лето 6559. Поставил Ярослав митрополитом Илариона, русского, в св. Софии собрав епископов[283].

И вот скажем, почему прозвался монастырь Печерский[284].

Князь Ярослав любил Берестово и там построил церковь св. апостолов и приставил к ней многих попов, из них был один пресвитер именем Иларион, муж добрый, книжный и постник, он ходил с Берестова на Днепр, на холм, где теперь старый монастырь Печерский, и творил там молитву, а был там большой лес. Он выкопал там маленькую пещеру, в две сажени, приходил от Берестова, пел часы и молился богу втайне. После этого вложил бог князю в сердце [мысль] и поставил его митрополитом в св. Софии, а пещерка так и осталась.

Немного дней спустя один человек, именем мирским . . .[285], из города Любеча, вложил ему бог в сердце итти в страну [Греческую]. Он устремился на святую гору[286], увидал там монастыри, обошел их, полюбил монашеский образ жизни, пришел в один из тамошних монастырей и молил игумена этого [монастыря] возложить на него

Святополк посылает убийц к Глебу. Миниатюра из Жития Бориса и Глеба XIV в.

Убийца Глеба у Святополка. Миниатюра из Жития Бориса и Глеба XIV в.

чин монашеский. Игумен послушался его, постриг его, дал ему имя Антония и научил его монашеской жизни. И сказал ему: «Иди обратно в Русь и пусть будет на тебе благословение святой Горы, что от тебя пойдет множество монахов».

И благословил его и отпустил его со словами: «Иди с миром».

Антоний пришел к Киеву и размышлял, где бы ему жить, походил по монастырям, и не понравилось ему: бог не хотел; начал он ходить по дебрям и по горам, ища где ему бог покажет. И пришел на холм, где Иларион выкопал пещерку, и поселился в ней...[287].

И начал жить тут, молясь богу, едя сухой хлеб и то через день и воды принимая умеренно, и копал пещеру, не давал себе покоя ни днем ни ночью, пребывал в трудах, в бодрствовании и в молитвах.

Потом узнали добрые люди и стали приходить к нему и приносили ему все, что ему было нужно. И прослыл он как великий Антоний; и приходили к нему, испрашивая благословения.

Потом, когда умер великий князь Ярослав и взял власть его сын Изяслав и сел в Киеве[288], Антоний получил славу в Русской земле. Изяслав узнал про жизнь [Антония] и пришел с дружиною своею, прося у него благословения и молитвы. И узнан был всеми великий Антоний и почитаем, начали приходить к нему братия, он начал принимать и постригать их. И собралось к нему братии числом двенадцать человек, выкопали пещеру большую, церковь и келью, которые и до сего дня—в пещере под старым монастырем...[289]

...И сказал собравшейся братии Антоний: «Вот вы живите сами по себе, поставлю я вам игумена, а сам хочу жить один на той горе, как и раньше привык, в уединении», поставил им игумена Варлаама, а сам пошел на гору и выкопал пещеру, которая находится под новым монастырем, в которой и кончил свою жизнь, не выходя из пещеры лет сорок никуда никогда: в ней лежат мощи его и до сего дня.

Братия с игуменом жила в пещере. Когда умножилась братия, и не могли они жить в пещере, то решили они поставить монастырь вне пещеры; пришли игумен и братия к Антонию и сказали ему: «Отче! братия умножилась, и не можем мы помещаться в пещере, вот бы повеленье божие да твоя молитва—мы поставили бы маленькую церковь вне пещеры». И позволил им Антоний. Они поклонились ему и поставили церковку малую над пещерою во имя Успения Богородицы. И начал бог умножать монахов, и порешили на совете братия с игуменом поставить монастырь. Пошла братия к Антонию и сказала ему: «Отче! братия умножилась, и мы хотели бы поставить монастырь». Антоний обрадовался...[290]. И послал одного из братьи к князю Изяславу с такими словами: «Князь мой! вот бог умножает братию, а места мало; дал бы ты нам ту гору, которая над пещерой». Изяслав, услыхав это, обрадовался, послал мужей своих и отдал им ту гору.

Игумен и братия заложили большую церковь, окружили монастырь оградой, поставили много келий, построили церковь и украсили ее иконами. И оттого начался Печерский монастырь, в котором

монахи прежде жили в пещере, и оттого прозвался монастырь Печерским . . . .

Монастырь был устроен, когда игуменом был Варлаам. Изяслав поставил монастырь св. Дмитрия и перевел Варлаама игуменом к св. Дмитрию, хотел его сделать выше монастыря [Печерского], надеясь на богатство.

Много монастырей поставлены царями, боярами и богатством, но не таковы, каковы поставленные слезами, постом, молитвою и бодрствованием. Антоний не имел ни золота, ни серебра, но приобрел [все] слезами и постом, как я сказал.

Когда Варлаам пошел к св. Георгию, братья после совета пошла к старцу Антонию и сказала: «Поставь нам игумена». Он же сказал им: «Кого хотите?» Они отвечали: «Кого хочет бог и ты». И сказал им: «Кто больше у вас как не Феодосий, послушный, кроткий и смиренный, пусть этот будет вам игуменом». Братья обрадовались — поклонились старцу и поставили игуменом Феодосия, а братьи было числом двадцать человек.

Феодосий взял монастырь, начал великое воздержание и пост и молитвы со слезами, начал собирать многих монахов и собрал братии числом сто. И начал искать правила монашеского, и нашелся тогда Михаил, монах монастыря Студийского, который пришел от Греков с митрополитом Георгием, начал у него искать устава монахов студийских, нашел у него, списал и положил в своем монастыре...[291] От этого монастыря взяли все монастыри этот устав. Потому-то был почтен монастырь Печерский старшим из всех и честью больше всех.

Феодосий жил в монастыре... и принимал всякого приходящего к нему; к нему пришел и я, плохой и недостойный раб, и принял он меня семнадцати лет от рождения моего[292]. Вот это я и написал, в каком году начал быть монастырь и почему он называется Печерским. А о жизни Феодосия скажем после [293].

В лето 6560. Умер Владимир, старший сын Ярослава, в Новгороде и положен был в св. Софии[294], которую он сам построил.

В лето 6561. У Всеволода родился сын от царевны греческой, и дали ему имя Владимир [295].

[*«Наряд» Ярослава сыновьям*[296] *и его смерть*]

В лето 6562. Умер великий князь Русский Ярослав. Еще при жизни он дал наставление своим сыновьям в таких словах:

«Вот я ухожу из этого света, сыновья мои! имейте между собой любовь, потому что вы — дети одного отца и одной матери.

Если вы будете [жить] в любви между собою, бог будет среди вас и покорит вам ваших противников и будете вы жить в мире. Если же будете жить во вражде, в распрях и междоусобицах, то и сами погибнете и погубите землю отцов своих и дедов своих, которую они приобрели великим трудом.

Но живите в мире, слушая брат брата.

Вот я поручаю вместо себя свой стол старшему сыну моему и вашему брату Изяславу, он вам будет вместо меня; Святославу даю Чернигов, Всеволоду—Переяславль и Вячеславу—Смоленск».

Так он разделил между ними города, завещал им не переступать границ [владений] братних и не выгонять [оттуда], сказав Изяславу: «Если кто хочет обидеть своего брата, ты помогай тому, кого обидят».

Так он наставил детей своих пребывать в любви. Сам он больной пришел в Вышгород и очень разболелся, а Изяслав был тогда в . . .[297], Святослав—во Владимире, а Всеволод был тогда у отца; его отец любил больше всех братьев, его всегда имел у себя.

Ярославу пришел конец жизни, и отдал он душу свою в феврале месяце, в субботу первой недели поста на св. Федора. Всеволод обрядил тело отца своего, положил на сани, и повезли его в Киев попы с обычным пением. Плакали по нем люди, принесли и положили его в мраморной гробнице в церкви св. Софии[298]. И плакали по нем Всеволод и все люди. Жил же он всего семьдесят шесть лет.

Начало княжения Изяслава в Киеве[299]

В лето 6563. Пришел Изяслав и сел в Киеве, Святослав в Чернигове, а Всеволод—в Переяславле, Игорь—во Владимире, а Вячеслав—в Смоленске.

В этот год ходил Всеволод на Торков землю и победил Торков.

В этот же год приходил Болушь с Половцами, и учинил Всеволод мир с ним, и вернулись Половцы обратно, откуда пришли . . .[300]

В лето 6565. Умер Вячеслав сын Ярослава, в Смоленске, и посадили [братья] Игоря в Смоленске, выведя его из Владимира[301].

В лето 6566. Победил Изяслав Голядь.

В лето 6567. Изяслав, Святослав и Всеволод освободили дядю своего Судислава из тюрьмы, в которой просидел двадцать четыре года, взяв с него клятву на кресте, и сделался он монахом.

В лето 6568. Умер Игорь, сын Ярослава.

В этот же год Изяслав, Всеволод, Святослав, Всеслав[302] собрали бесчисленное количество воинов и пошли на конях и в лодках в бесчисленном количестве на Торков. Услыхав это, Торки испугались, в бегстве и до сего дня, и померли во время бегства, гонимые божьим гневом; одни—от зимы, другие—от голода, третьи—от мора и суда божья. Так бог избавил христиан от язычников.

[*Первый приход Половцев*]

В лето 6569. Пришли Половцы впервые воевать на Русскую землю. Всеволод вышел против них во второй день февраля месяца[303]. Они бились, победили Всеволода и, повоевав, ушли. Это было первое зло от врагов—«поганых» и не знавших бога. Был их князем Сокал . . . .[304]

В лето 6571. Умер Судислав, брат Ярослава, и похоронили его в церкви св. Георгия. В этот год в Новгороде Волхов пять дней шел

против течения; это знамение было не к добру: на четвертый год Всеслав сжег город [305].

[*Ростислав, сын Владимира, в Тмуторокани*]

В лето 6572. Бежал в Тмуторокань Ростислав, сын Владимира, внук Ярослава[306], и с ним бежали Порей и Вышата, сын Остромира, воеводы новгородского [307]. Пришел, выгнал Глеба из Тмуторокани и сам сел на его место.

В лето 6573. Пошел Святослав на Ростислава в Тмуторокань; Ростислав ушел прочь от города, но не страха ради, а не желая поднимать оружия против своего дяди[308]. Святослав пришел в Тмуторокань, снова посадил своего сына Глеба, и возвратился назад. Ростислав пришел и снова выгнал Глеба, и вернулся Глеб к своему отцу. А Ростислав сел в Тмуторокани.

В этот же год начал войну Всеслав.

[*Знамения*] [309]

В это время было знамение на западе: звезда большая с кровавыми лучами восходила вечером после захода солнечного и пробыла в течение семи дней. Она появлялась не к добру; после этого много было междоусобий и нашествие «поганых» на Русскую землю: эта звезда была словно кровавая, предшествующая кровопролитию.

В эти времена было брошено детище в Сетомль; это детище вытащили рыбаки в неводе, его и мы рассматривали до вечера и опять бросили в воду; он был таков: на лице его были срамные органы, а другого нельзя сказать по причине стыда.

Перед этим временем изменилось солнце, не было светло, но стало словно месяц; невежды говорят про него, что оно съедается.

Что эти знамения бывают не к добру, мы узнаем из следующего:

«В древности при Антиохе[310], в Иерусалиме случилось внезапно: по всему городу в течение сорока дней всюду являлись в воздухе ристающие на конях, в оружии, в золотой одежде, войска и двигали оружием. Это предвещало нашествие Антиоха, нашествие войска на Иерусалим.

Потом, при царе Нероне[311], в том же Иерусалиме воссияла звезда в виде копья над городом; это предвещало нашествие войска римлян.

И опять-таки то же было при царе Юстиниане[312]: засияла на западе звезда, испуская лучи (прозвали ее лампадою), сияла же в течение двадцати дней; после этого было течение звезд с вечера до утра, так что думалось всем, что падают звезды, и снова солнце без лучей сияло; это предвещало мятежи; болезни людям и смерть.

Опять при царе Маврикии[313] было так: женщина родила дитя без глаз и без рук, к бедрам у него прирос рыбий хвост; родился пес с шестью ногами; во Фракии родилось два ребенка: один с четырьмя ногами, а другой с двумя головами.

Последнее было при Константине иконоборце, сыне Льва [314]: было течение звезд на небе, падали на землю так, что видевшие ду-

мали, что это конец [мира], тогда же сделалась великая засуха; в Сирии было землетрясение большое, земля расселась на три поприща[315], и вышел из земли удивительный мул[316], говоривший человеческим языком и предвещавший нашествие народа, что и случилось: напали Сарацины[317] на Палестину.

Знамения на небе или на звездах или солнцами[318] или птицами или другим чем бывают не на добро; но эти знамения бывают на зло или на наступление войны или голода, или смерть предвещают».

[*Смерть Ростислава Тмутороканского*] [319]

В лето 6574 Ростислав был в Тмуторокани и брал дань с Касогов и с других стран; его испугались Греки и подослали к нему с хитростью котопана. Он пришел к Ростиславу и вошел к нему в доверие, Ростислав оказывал ему почет.

Однажды, когда Ростислав пил с дружиною своею, котопан сказал: «Князь, я хочу за тебя выпить». Ему сказали: «Пей». Он выпил половину, а [другую] половину дал выпить князю, [сначала] всунув палец в чашу; у него был под ногтем смертельный яд; он дал князю и предсказал [ему] смерть на восьмой день. Тот выпил, а котопан пришел в Корсунь и сказал, что Ростислав умрет в этот день: так и сбылось. Этого котопана Корсунцы побили камнями.

Ростислав был муж, любивший войну, прекрасного сложения и с красивым лицом, милостивый к бедным. Умер в третий день февраля месяца и был положен там в церкви св. Богородицы.

[*Борьба Ярославичей против Всеслава Полоцкого*]

В лето 6575. Начал рать Всеслав Полоцкий сын Брячислава и захватил Новгород. Трое Ярославичей, Изяслав, Святослав, Всеволод, собрали воинов и пошли на Всеслава в самую глубокую зиму.

Они пришли к Минску, и жители Минска заперлись в городе. Братья взяли Минск, побили мужчин и полонили женщин и детей. Подошли к Немиге, а Всеслав пошел против [них]. Сошлись оба на Немиге, в третий день марта месяца (был глубокий снег), и напали друг на друга. Был злой бой, и многие пали [в бою]; одолели Изяслав, Святослав, Всеволод, а Всеслав бежал.

После этого, месяца июля в десятый день, Изяслав, Святослав, Всеволод целовали крест честный к Всеславу с такими словами: «Поди к нам, не сделаем тебе зла». Он понадеялся на крестное целование и переехал в лодке через Днепр. Когда Изяслав шел впереди в шатер, а Всеслав шел за ним, схватил Всеслава на Орше у Смоленска, нарушив крестное целование. Изяслав привел Всеслава к Киеву и посадил в тюрьму с двумя сыновьями.

[*Половцы на Лете поражают Ярославичей*]

В лето 6576. Пришли иноплеменники на землю Русскую, много Половцев. Изяслав, Святослав и Всеволод вышли против их на Лету (Альту) и ночью двинулись друг против друга. Ради наших

грехов бог допустил [победу] над нами «поганым»: побежали русские князья, и победили Половцы.

[*Поучение о казнях божьих*]

Бог по гневу своему наводит иноплеменников на землю, и тогда только, сокрушенные таким образом, [люди] опомнятся [и обратятся] к богу; междоусобная брань бывает по наущенью от дьявола. Бог не хочет зла людям, но добра, а дьявол радуется злому убийству, кровопролитию, воздвигая ссоры, зависть, ненависть к братьям, клевету. Какую-либо землю, впавшую в грех, наказывает бог смертью, голодом, нашествием «поганых», засухой, саранчей или другими бедами[320] . . . . [321]

[*Нравы «языческие» Русских людей*] [322]

Разве не по-язычески живем мы, веруя в встречу? если кто встретит монаха, не вернется ли обратно?... не языческое ли это? разве не по дьявольскому наущению держатся этого гадания? [323] другие—чоху верят, что это бывает на здоровье.

Но дьявол... и другими всякими хитростями отвращает нас от бога, трубами и скоморохами[324], гуслями и «русалиями»[325]. Видим игрища истоптанные, множество народа на них, начнут толкать друг друга, чинят срам, делая по бесовскому наущению, а церкви стоят [пустыми]; когда бывает час молитвы, мало их бывает в церкви . . . . [326]

Мы же вернемся к прежнему.

[*Волнение Киевлян после поражения на Лете. Бегство Изяслава к Ляхам*]

Изяслав с Всеволодом побежали к Киеву, а Святослав к Чернигову, Киевляне побежали к Киеву и созвали на торгу вече и послали сказать князю: «Вот Половцы рассеялись по земле, дай, князь, оружие и коней: будем еще биться с ними». Изяслав не послушал их. И начали люди наговаривать на воеводу Коснячка, пошли с веча на гору, пошли в двор Коснячкин и не нашли его, стали у двора Брячислава и сказали: «Пойдем выпустим своих товарищей[327] из тюрьмы». И разделились на две части: половина их пошла к тюрьме, а другая—пошла по мосту: эти пришли на княжеский двор.

Изяслав сидел на сенях со своею дружиною, они начали препираться с князем, стоя внизу. В это время, когда князь смотрел из оконца, а дружина стояла подле князя, сказал Туки, брат Чудина, Изяславу: «Видишь, князь, люди раскричались, пошли, пускай сторожат Всеслава». Когда он говорил это, другая половина людей [Киевских] пришла от тюрьмы, открыв тюрьму. И сказала дружина князю: «Плохо это, пошли к Всеславу, пусть его обманом призовут к окошку и пронзят его мечем». И не послушал этого князь.

Люди закричали и пошли к тюрьме Всеслава. Изяслав увидел это, и вместе с Всеволодом побежали со двора. Люди вывели Всеслава

из тюрьмы, в 15 день сентября, и оказали ему честь посредине двора княжеского; двор княжеский разграбили — бесчисленное множество золота и серебра и денег и шкур.

Изяслав бежал к Ляхам.

[*Святослав одолевает Половцев на Снови*]

После того Половцы воевали землю Русскую, Святослав находился в Чернигове. Половцы воевали около Чернигова. Святослав собрал немного дружины, вышел против них к Сновску. Увидели Половцы идущих воинов и изготовились к бою против них. Увидал Святослав множество их и сказал дружине своей: «Нападем, нам некуда деться». И ударили на конях. Одолел Святослав с тремя тысячами, а Половцев было двенадцать тысяч. Так они были побиты, а другие утонули в Снови, а князя их взяли в плен, в первый день ноября. И вернулся Святослав в город свой с победой.

[*Величие силы креста*]

Всеслав сидел в Киеве. Над ним явил бог силу крестную, потому что Изяслав поцеловал крест и схватил его (Всеслава), потому то и навел бог «поганых», а этого (Всеслава) явно избавил крест честный. В день Воздвижения Всеслав вздохнул и сказал: «Крест честный! избавь меня от тюрьмы этой, потому что я веровал в тебя». Бог показал силу креста для вразумления Русской земле: пусть не нарушают крестного целования. Если кто нарушит [крестное целование], тот и здесь примет наказание и в будущем веке наказание вечное . . . . [328]

Сидел Всеслав в Киеве семь месяцев.

[*Изяслав с Ляхами возвращается в Киев и мстит Киевлянам*]

В лето 6577. Пошел Изяслав с Болеславом [Ляшским] на Всеслава. Всеслав же вышел против. Пришел Всеслав к Белгороду и ночью, тайно от Киевлян, бежал из Белгорода в Полоцк. На другой день люди, увидав, что князь бежал, вернулись в Киев, собрали вече и послали к Святославу и Всеволоду со словами: «Плохо мы поступили, прогнав своего князя, а он ведет на нас Ляхов, пойдите в город отца своего; если не хотите, то одна нам неволя—сжечь свой город и уйти в Греческую землю». И ответил им Святослав: «Мы пошлем к брату своему; если он пойдет на вас с Ляхами губить вас, то пойдем на него войною, не дадим ему погубить города нашего отца; если он хочет прийти с миром, то пусть придет с малой дружиной». Киевляне успокоились.

Святослав и Всеволод послали к Изяславу с такими словами: «Всеслав бежал, не води Ляхов к Киеву: нет твоего противника; если хочешь держать гнев и погубить город, то знай—нам жаль отцовского стола». Услыхав это, Изяслав оставил Ляхов и пошел с Болеславом, взяв немного Ляхов; впереди себя послал в Киев сына

своего Мстислава. Пришел Мстислав, перебил тех, кто освободили Всеслава, числом семьдесят, других ослепил, третьих погубил без вины без расследования.

Когда Изяслав шел к городу, вышли люди напротив с поклоном, и приняли Киевляне своего князя. Сел Изяслав на столе своем, во второй день мая месяца.

Распустил [Изяслав] Ляхов для прокормления, и тайно избивали Ляхов, и вернулся Болеслав с Ляхами в землю свою.

Изяслав перевел торг на гору и прогнал Всеслава из Полоцка и посадил сына в Полоцке своего Мстислава, который вскоре там умер. Посадил на его место брата его Святополка, а Всеслав бежал.

В лето 6578. Родился у Всеволода сын, и дали ему имя Ростислав.

В этот год была заложена церковь св. Михаила в монастыре Всеволожем.

В лето 6579. Воевали Половцы у Ростовца и Неятина.

В этот год выгнал Всеслав Святополка из Полоцка; в этот же год победил Ярополк Всеслава у Голотическа.

[*Приход волхва в Киев*]

В эти же времена пришел волхв, прельщенный бесом. Пришел к Киеву говоря: «Явилось мне пять богов, говоря так: скажи людям, что на пятый год Днепр потечет назад и земли перейдут на другие места; Греческая земля станет на месте Русской, а Русская—на месте Греческой, и другие земли переменят [свои места]». Невежды слушали его, а верующие смеялись над ним, говоря ему: «Бес тобою играет тебе на погибель». Так и случилось с ним: в одну ночь он пропал без вести. . . . . [329]

[*Рассказы о волхвах*]

Расскажем теперь о бесовском прельщении и делах.

Был однажды голод в Ростовской области, явились два волхва от Ярославля, говоря, что «мы знаем, кто прячет изобилие». Пошли по Волге и, где приходили в погост, тут называли богатых женщин и говорили, что эта держит—рожь, эта—мед, эта—рыбу, а эта—шкуры звериные. И приводили к ним сестер своих и матерей и жен своих. Они же в навождении[330] прорезали [у них] за плечами и вынимали либо рожь, либо рыбу, либо белку малую и убили много женщин и имущество их брали себе.

Пришли на Белоозеро, и было с ними иных людей триста. Случилось в это время прийти от Святослава Яню, сыну Вышаты, собирать дань, и сказали ему Белоозерцы, что два кудесника побили уже много женщин по Волге и Шексне и пришли сюда. Янь разузнал, чьи это смерды[331], узнал, что—его князя [Святослава], и послал к тем, которые были около них, сказать: «Выдайте этих волхвов сюда, как смердов моих и моего князя». Они этого не послушались. Янь пошел сам без оружия, и сказали ему отроки его: «Не ходи без оружия, погубят тебя». Он велел взять оружие отрокам (и было

с ним двенадцать отроков) и пошел к ним к лесу. Они же взяли оружие и выступили против. Когда Янь шел с топорком, вышли от них три мужа и, подойдя к Яню, сказали ему: «Видно идешь на смерть, не ходи». Янь велел бить их, а [сам] пошел к остальным. Они бросились на Яня, и один не попал в Яня топором. Янь обернул топор, ударил его тыльем (обухом) и велел отрокам избивать их. Они же бежали в лес, убили тут и попа Янева.

Янь пришел в город к Белоозерцам и сказал им: «Если не поймаете этих волхвов, не уйду от вас [весь] год». Белоозерцы пошли, схватили их и привели к нему. И сказал [Янь] им: «Почему вы погубили столько человек?» Они отвечали: «Те держат [у себя] обилие; если истребим и убьем тех, то будет обилие; если хочешь, перед тобой вынем рожь или рыбу или другое что». Янь отвечал[332]: «Вправду вы лжете, бог сотворил человека из земли, составлен из костей, жил и крови, и нет в нем ничего, и никто не знает—только один бог знает». Они сказали: «Мы знаем, как человек сотворен». Он спросил»: «Как?» Они отвечали: «Бог мылся в бане, вспотел, отерся мочалкой и бросил ее с неба на землю, и стали спорить сатана с богом, кому сотворить человека, и сотворил дьявол человека, а бог душу в него вложил; потому, если умирает человек, то тело идет в землю, а душа—к богу». Сказал им Янь: «Вправду прельстил вас бес; какому богу веруете?» Они отвечали: «Антихристу». Он спросил их: «Где он находится?» Они отвечали: «Сидит в бездне». Сказал им Янь: «Какой же это бог, который сидит в бездне? это—бес, а бог на небе сидит на престоле, славимый ангелами, которые стоят перед ним со страхом, не в силах на него взглянуть; из числа этих [один] ангел был свержен, которого вы называете антихристом, за гордость был свергнут с неба и находится в бездне, как вы говорите, ожидая, когда бог придет с неба и этого антихриста свяжет и бросит его в огонь вечный со слугами его и с теми, кто верует в него; вам и здесь принять мучение от меня, а после смерти—там». Они отвечали: «Нам боги говорят, что не можешь ничего нам сделать». Он отвечал им: «Лгут вам боги». Они сказали: «Нам предстоит стать перед Святославом, а ты нам ничего не можешь сделать». Янь велел их бить и выдернуть у них бороды. Когда их избили и выдернули бороды, сказал им Янь: «Что вам боги говорят?» Они отвечали: «Стать нам перед Святославом».

Велел Янь вложить им в рот кляп, привязать их к мачтам и пустить их перед собою в лодке, а сам поехал вслед за ними. И остановились на устье Шексны, и сказал им Янь: «Что вам боги говорят?» Они отвечали: «Нам боги говорят: не быть нам живыми от тебя». И сказал им Янь: «Это они вам правду сказали». Они ответили: «Если нас отпустишь, то много тебе добра будет, если же нас погубишь, то получишь большое горе и зло». Он сказал им: «Если отпущу вас, то наказание мне будет от бога, если я вас погублю, то будет мне награда от бога». И сказал Янь тем, кто их вез: «У кого из вас какой родственник убит этими?» Они отвечали: «У меня—мать, у другого—сестра, у иного—дочь». Он сказал им: «Мстите за своих». Они взяли их, убили и повесили на дубе, получив от бога наказа-

ние по правде. Когда Янь возвращался домой, на другую ночь влез медведь и объел их.

И таким образом погибли по бесовскому наущению те, которые про других знали и гадали, а про свою гибель не знали. Если бы они знали, то не пришли бы на то место, где их должны были схватить, а когда были схвачены, то почему говорили: «Нам не умереть», хотя тот думал убить их[333]. Вот это-то и есть бесовское наущение: бесы не знают человеческих мыслей, но вкладывают помыслы в человека, не зная тайны. Один бог знает помышления человеческие, а бесы ничего не знают: у них слабый и плохой вид.

Скажем теперь о виде их и о помрачении их.

В эти времена, в эти годы, случилось одному новгородцу прийти к Чуди, и пришел он к кудеснику, желая колдовства от него; тот же, как повелось, стал призывать бесов в свою горницу; новгородец же сидел на пороге той горницы, а кудесник лежал в оцепенении: сшиб его бес. Кудесник встал и сказал новгородцу: «Боги не смеют прийти, у тебя есть нечто, чего они боятся». Он вспомнил про свой крест и, отойдя, положил его вне той хоромины. Он начал снова призывать бесов; бесы, наведя на него обольщение, сказали, для чего он пришел.

После он начал спрашивать [кудесника]: «Почему они боятся того, что мы носим на себе крест?» Тот отвечал: «Это—знамение небесного бога, которого наши боги боятся». [Новгородец] спросил: «Каковы [видом] ваши боги и где они живут?» Тот отвечал: «Наши боги живут в безднах, с виду они черны, с крыльями и с хвостами, восходят они и на небо, слушая ваших богов, а ваши боги—на небе. Если кто умрет от ваших людей, то несут его вверх на небо, если кто умирает от наших, то несут его к нашим богам в бездну» . . . .

Такова бесовская сила и слабость. Также прельщают людей, велят им говорить о видениях, которые являются у несовершенных верою, являются в снах, а другим—в навождении и так колдуют по наущению бесовскому.

Больше бесовского колдовства бывает у женщин; ведь с самого начала бес прельстил жену, а та—мужа, так и теперь много колдуют женщины[334] чародейством, отравою и иными бесовскими кознями.

Но и мужчины неверующие прельщаются бесами, как и раньше, в древности. Так и при апостолах был Симон волхв, который при помощи волшебства заставлял пса говорить по-человечески, сам становился то старым то молодым и другого изменял в иной вид в навождении . . . .[335].

Также явился волхв в Новгород при Глебе, стал говорить людям, притворяясь богом, и многих прельстил, чуть не весь город. Говорил, что «знает все», и хулил веру христианскую, говорил, что «пойду по Волхову перед всеми». Был мятеж в городе, все поверили ему и хотели убить епископа. Епископ взял крест и облекся в ризы, стал и говорил: «Кто верит волхву пусть идет за ним, если кто верует кресту, пусть идет к нему».

И разделились на две части: князь Глеб и его дружина стали подле епископа, а люди все пошли за волхвом, и был у них большой мятеж.

Глеб взял топор под полою одежды, пришел к волхву и сказал ему: «Знаешь ли, что будет утром, что днем до вечера?» Тот отвечал: «Все наперед знаю». И спросил Глеб: «Знаешь ли, что сегодня днем случится?» Он отвечал: «Чудеса великие сотворю». Глеб вынул топор, ударил его: тот упал мертвым, а люди разошлись.

Он же погиб, телом и душою предавшись дьяволу.

[*Перенесение мощей Бориса и Глеба*][336]

В лето 6580. Перенесли мучеников Бориса и Глеба. Собрались Ярославичи: Изяслав, Святослав, Всеволод, бывший тогда митрополитом Георгий, епископ Петр Переяславский, Михаил Юрьевский, Феодосий, игумен Печерский... и остальные все игумены, устроили торжественный праздник и перенесли их в новую церковь, которую построил Изяслав, которая и доныне стоит.

Сначала взяли Бориса в деревянном гробу Изяслав, Святослав, Всеволод, взяли на плечи свои и понесли, впереди шли монахи со свечами в руках, после них дьяконы с кадилами, а после них священники и епископы с митрополитом, а после них шли с гробом. Перенесли в новую церковь и открыли гроб: церковь наполнилась благоуханием, прекрасным запахом. Увидав это, прославили бога. А митрополита объял ужас: он нетвердо верил в них; он упал ниц, прося прощения. Целовали лицо его (Бориса) и переложили в каменный гроб.

После того, взяли Глеба в каменном гробу, поставили на сани и, взявшись за веревки, повезли. И в дверях гроб остановился и не шел. И велели народу взывать: «Господи, помилуй» и перевезли его; положили их в двадцатый день мая месяца. Отстояв литургию, братья обедали, каждый со своими боярами с любовью великой. Тогда держал Вышгород—Чудин, а церковь—Лазарь[337]. После этого разошлись во-свояси.

[*Распря среди Ярославичей*]

В лето 6581. Дьявол[338] воздвиг распрю среди братьев Ярославичей. Была распря между ними: Святослав с Всеволодом—против Изяслава. Вышел Изяслав из Киева, а Святослав и Всеволод вошли в Киев, марта месяца двадцать второго, и сели на столе Берестовом, нарушив завещание отца. Святослав положил начало изгнанию братьев, желая бо́льшей власти[339]. Он обольстил Всеволода, говоря: «Изяслав договаривается с Всеславом против нас, если мы его не предупредим, то он прогонит нас». И таким образом возбудил Всеволода на Изяслава.

Изяслав пошел к Ляхам с большим добром и с женою, надеясь на большое богатство, говоря, что «этим наберу воинов». Все это забрали у него Ляхи и показали ему дорогу от себя.

А Святослав сел в Киеве, прогнав брата своего, нарушив заповедь отца и еще больше божию. Велик грех у нарушающих за-

поведь отца своего: в первый раз нарушили [заповедь] сыновья Хама, [посягнув] на землю Сифа[340], а спустя четыреста лет получили отмщение от бога; от племени Сифа—Евреи, которые, истребив племя Ханаанское, получили свой жребий и свою землю. Во второй раз, Исав нарушил заповедь отца своего и принял убийство: нехорошо—переступать чужой предел.

В этом году была заложена церковь Печерская игуменом Феодосием и епископом Михаилом; митрополит Георгий был тогда у Греков, а Святослав сидел в Киеве.

[*Смерть Феодосия Печерского*]

В лето 6582. Умер Феодосий игумен Печерский.

Скажем немного об его смерти.

[Дальше рассказ о посте Феодосия]

...Дойдя до великого дня Пасхи, по обычаю, торжественно отпраздновал ее и впал в болезнь. Разболелся он и болел уже пять дней; потом, вечером приказал вынести себя на двор, а братья взяли его на санях и поставили его против церкви. Он велел созвать всю братию; братья ударили в било[341], собрались все. Он сказал им: «Братья мои, отцы мои и дети мои! вот я отхожу от вас, как открыл мне Господь во время поста (когда я был в пещере), что мне уйти с этого света; кого вы хотите иметь игуменом себе, чтобы я дал ему благословение?» Они отвечали ему: «Ты—отец нам всем, кого ты сам захочешь, тот нам будет отцом и игуменом: того и будем слушать, как тебя».

Отец наш Феодосий сказал: «Идите в сторону от меня и выберите кого хотите, кроме двух братьев, Николая и Игната; а из остальных кого хотите от старших и до младших». Они послушали его, отошли немного к церкви, подумали и послали двух братьев сказать так: «Кого изволит бог и твоя честная молитва, кто тебе люб, того и назови». Феодосий ответил им: «Если от меня хотите игумена принять, то сделаю вам не по своей воле, а по божьему устроению». И назвал им иеромонаха Иакова. Братье это было неприятно: они стали говорить, что «он не здесь пострижен» (Иаков пришел с Леты с братом своим Павлом). И начали братья просить Стефана бывшего тогда доместиком[342], ученика Феодосия, говоря: «Этот вырос под рукою твоею и у тебя служил: этого нам дай». Сказал им Феодосий: «Я по божьему повелению назвал вам Иакова, а этого вы своей волей хотите сделать». Послушал их и передал им Стефана игуменом. Благословил Стефана и сказал ему: «Чадо! вот я передаю тебе монастырь, с осторожностью охраняй его и держи то, что я устроил о службах [церковных], не изменяй преданий монастырских и устава . . . . [343]

После этого взяла его братья, отнесла его в келью и положила на постели. Когда настал шестой день, к нему, совсем больному, пришел Святослав с сыном своим Глебом. Когда они сидели у него, сказал [Святославу] Феодосий: «Я ухожу с этого света и вот передаю монастырь тебе на попечение, если будет волнение в нем; поручаю игуменство Стефану, не дай его в обиду».

Князь поцеловал его, обещал заботиться о монастыре и пошел от него. Когда пришел седьмой день, Феодосий, уже изнемогающий, призвал Стефана и братию и начал им говорить так: «Если по уходе с этого света я буду угоден богу, и примет меня бог, то после моей смерти монастырь будет расти и увеличиваться, знайте, принял меня бог; если же после моей смерти начнет оскудевать монастырь монахами, то знайте, что я не угодил богу». Когда он говорил так, плакала братия, говоря: «Отче, молись за нас богу, знаем, что бог не презрит твоих трудов». Просидела у него братия всю ночь, и когда настал день восьмой, вторая суббота после Пасхи, в час второй дня, [Феодосий] отдал душу в руки бога, месяца мая в третий день, индикта одиннадцатого[344]. И плакала по нем братия. Феодосий завещал похоронить его в пещере, где он проявил много подвигов, сказав так: «Ночью схороните мое тело».

Так они и сделали. Когда пришел вечер, братья взяли его тело и положили его в пещере, честно проводив с пением и свечами.

[Дальше большой рассказ о подвижниках Печерского монастыря.]

[*Святослав хвастает перед Немцами своими богатствами*]

В лето 6583 пришли послы от Немцев к Святославу. Святослав, гордясь, показал им богатство свое[345] : они, увидав бесчисленное множество золота, серебра и шелковых тканей, сказали: «Ни к чему это, все это лежит мертвое; воины[346] лучше этого; мужи добудут и больше этого».

Так же хвалился и Иезекия, царь Иудейский, перед послами царя Ассирийского[347], все его было захвачено в Вавилон. Так и после смерти этого все [богатство] рассыпалось.

[*Смерть Святослава*]

В лето 6584. Ходили Владимир, сын Всеволода, и Олег, сын Святослава, на помощь Ляхам против Чехов.

В этот год умер Святослав, сын Ярослава, месяца декабря двадцать седьмого, порезав желваки, и похоронен был в Чернигове у св. Спаса.

После него сел на столе Всеволод, месяца января в первый день.

[*Изяслав приходит с Ляхами на Русь. Всеволод чинит мир с Изяславом*]

В лето 6585. Пришел Изяслав с Ляхами, а Всеволод вышел против него. Когда Всеволод был[348] в Чернигове, сел Борис [Вячеславич] месяца мая в четвертый день; было княжения его восемь дней, и бежал он в Тмуторокань к Роману [Святославичу].

Всеволод вышел против брата своего Изяслава на Волынь, и учинили [там] мир. И пришел Изяслав и сел в Киеве, месяца июля в пятнадцатый день.

Олег, сын Святослава, был у Всеволода в Чернигове.

В лето 6586. Бежал Олег, сын Святослава, в Тмуторокань от Всеволода, месяца апреля в десятый день

[*Убийство Глеба Святославича*]

В этот год убит был Глеб, сын Святослава, в Заволочье. Глеб был милостив к бедным и странникам, имел попечение о церквах, тёпел верою и кроток, красив лицом; его тело схоронили в Чернигове за св. Спасом, месяца июля в двадцать третий день.

[*Олег Святославич и Борис Вячеславич приводят Половцев на Русскую землю*]

Святополк сидел вместо Глеба в Новгороде, Ярополк, сын Изяслава, в—Вышгороде, а Владимир сидел в Смоленске, [в это время] привели Олег [Святославич] и Борис [Вячеславич] «поганых» на Русскую землю и напали на Всеволода с Половцами. Всеволод вышел против них на Сожь, и победили Половцы Русь, и многие там были убиты: убит был Иван Жирославич и Туки, Чудин брат, Порей и многие другие, месяца августа в двадцать пятый день.

Олег и Вячеслав пришли к Чернигову, думая, что одолели, много зла причинили земле Русской, пролили кровь христианскую, эту кровь взыщет бог с рук их, и ответ придется им дать за погубленные души христианские.

[*Изяслав утешает Всеволода*]

Всеволод пришел к брату своему Изяславу в Киев, расцеловались они и сели. Всеволод поведал ему про все, что случилось.

И сказал ему Изяслав: «Брат, не тужи! видишь, сколько мне приключилось зла: первое, не выгнали ли меня и не разграбили ли моего имущества? и теперь второе: в чем я был виноват: не изгнан ли я был вами, братьями своими? Не блуждал ли я по чужим землям и не лишился ли имущества, не сделав никакого зла? Не тужи, брат, сейчас, если будет нам часть в Русской земле, то обоим, если лишены будем [доли], то оба; голову свою положу за тебя».

[*Изяслав и Всеволод выступают против Бориса и Олега*]

[Изяслав] сказал это, утешил Всеволода и велел собирать воинов от мала до велика. И пошел Изяслав с Ярополком, сыном своим, а Всеволод с Владимиром, сыном своим. И пошли к Чернигову, а Черниговцы заперлись в городе. Олега и Бориса не было в Чернигове. Черниговцы не открыли ворот, и [князья] приступили к городу. Владимир приступил к восточным воротам, сломал ворота и взял внешний город и сжег его; люди вбежали во внутренний город.

Изяслав и Всеволод услышали, что против них идут Олег и Борис, и пошли Изяслав и Всеволод рано утром от города против Олега.

И сказал Олег Борису: «Не пойдем навстречу: мы не можем устоять против четырех князей; обратимся с просьбой к своим дядьям». От-

ветил ему Борис: «Ты смотри, будь готов, я им всем противник»: он очень гордился, не зная того, что бог противится гордым, а смиренным посылает помощь; пусть не хвалится сильный силою своею.

[*Бой на Нежатиной ниве и смерть Изяслава*]

Они пошли напротив и сошлись вместе у села на Нежатиной ниве; злой был бой, сначала убили Бориса, сына Вячеслава, слишком загордившегося. Когда Изяслав стоял среди пеших воинов, внезапно наехал один, ударил его копьем за плечем. Так убит был Изяслав, сын Ярослава. Битва продолжалась, Олег побежал с малой дружиной, едва убежал к Тмуторокани.

Убит был князь Изяслав месяца октября в третий день. Взяли тело его, перевезли его на лодке и поставили против Городца. Вышел навстречу ему весь Киев, положили тело его на сани, повезли его с пением попы и монахи и понесли его в город. Нельзя было слышать пения среди великого плача и вопля: плакал по [князе] весь город Киев.

Ярополк с дружиною своею, плача, шел за ним: «Отец, отец мой! почему не пожил ты без горя на этом свете, получил много бед от людей и братьев своих? Погиб ты не от брата, а положил жизнь за брата своего».

И принесли и положили тело его в церкви св. Богородицы, положили его в мраморный гроб.

[*Похвала князю Изяславу*] [349]

Был Изяслав лицом красив, телом велик, незлобив нравом, ненавидил кривду, любил правду, ни хитрости, ни обмана не было в нем: он был прост умом, не делал зла за зло. Сколько зла ему сделали Киевляне: самого выгнали, а дом его разграбили, и он за это не сделал зла. Если кто скажет вам: «Он убил тех, кто освободили Всеслава из тюрьмы», то это не он сделал, а сын его. Опять, свои братья его выгнали, и он ходил, блуждая по чужой земле, а когда он опять сел на столе своем, а Всеволод, побежденный, пришел к нему, не сказал ему: «Сколько зла принял от вас?» не заплатил ему злом за зло, но утешил и сказал ему: «Так как ты, брат мой, показал любовь ко мне, возвел меня на стол мой и назвал меня старшим, то я не вспомню прежнего зла; ты—мне брат, а я —тебе, и положу голову свою за тебя», что и случилось.

Не сказал ему: «Сколько зла сделал мне, а вот теперь это самое приключилось с тобой», не сказал: «Это—помимо меня», но на себя взял горе брата, показав любовь великую... Вправду, если на этом свете совершил какой-либо грех, то простится ему, потому что положил голову свою за брата своего, не желая большей части, ни имущества большего, но за обиду братнюю . . . . [350].

Начало княжения Всеволода в Киеве

Всеволод сел в Киеве на престоле отца своего и брата своего, взяв всю власть в земле Русской. Он посадил сына своего Владимира

в Чернигове, а Ярополка [сына Изяславля]во Владимире с придачей Турова.

В лето 6587. Пришел Роман [сын Святослава] с Половцами к Воиню; Всеволод стал у Переяславля и учинил мир с Половцами. И возвратился Роман с Половцами обратно, и убили его Половцы, во второй день месяца августа. И лежат там доселе кости его, сына Святослава, внука Ярослава. А Олега схватили Козары и сослали его за море в Царьград. А Всеволод посадил в Тмуторокани посадника своего Ратибора.

В лето 6588. Пошли войной Торки Переяславские на Русь. Всеволод послал против них сына своего Владимира. Владимир пошел и победил Торков.

[*Тмутороканские дела*]

В лето 6589. Бежал Давид Игоревич и Володарь Ростиславич, в восемнадцатый день месяца мая, пришли в Тмуторокань, захватили Ратибора и сели в Тмуторокани.

В лето 6590. Умер Осень, Половецкий князь.

В лето 6591. Вернулся Олег от Греков в Тмуторокань, захватил Давыда и Володаря Ростиславича и сел в Тмуторокани. И избил Козар, которые советовали убить брата его и его самого; Давыда и Володаря отпустил.

[*Дела Ярополка Изяславича*]

В лето 6592. Пришел Ярополк к Всеволоду на Пасху. В это время убежали оба Ростиславича от Ярополка; пришли и прогнали Ярополка. Послал Всеволод своего сына Владимира, выгнал Ростиславичей и посадил Ярополка во Владимире . . . .[351]

В лето 6593. Ярополк послушался злых советников[352] и хотел итти против Всеволода. Узнал про это Всеволод и послал против него сына своего Владимира. Ярополк оставил мать свою и дружину в Луцке и бежал к Ляхам. Когда Владимир пришел к Луцку, сдались ему Лучане. Владимир посадил Давыда во Владимире вместо Ярополка, а мать Ярополка, его жену и дружину привел к Киеву и добро его забрал.

[*Убийство и похороны Ярополка*]

В лето 6594. Пришел Ярополк от Ляхов и учинил мир с Владимиром, и пошел Владимир назад к Чернигову, а Ярополк сел во Владимире.

Пробыв немного дней, он пошел к Звенигороду, и не дошел он до города, как был убит проклятым Нерадцем, которого научил дьявол и злые люди. Когда он лежал на санях, его проткнул саблей с коня, ноября месяца в двадцать восьмой день. И поднялся тогда Ярополк, вырвал из себя саблю и закричал громким голосом: «Ох, ты, враг, меня поймал!».

И бежал треклятый Нерадец к Перемышлю к Рюрику, а Яро-

Апостол Петр и семья князя Ярополка. Фигура Петра занимает всю страницу. К его ногам припадает мать Ярополка (изображение которой едва сохранилось). Справа Ярополк с женой

полка взяли на коня отроки Радко и Войкина и многие другие и везли его к Владимиру, а оттуда—к Киеву.

Вышел навстречу ему благоверный князь Всеволод со своими сыновьями Владимиром и Ростиславом, и все бояре и блаженный митрополит Иоанн с монахами и священниками; все Киевляне громко плакали над ним; с псалмами и пением проводили его до св. Дмитрия и схоронили его тело, с честью положили его в гробнице мраморной церкви св. апостола Петра, которую он сам начал строить прежде, декабря месяца в пятый день.

Много горя принял он без вины, был изгнан братьей своею, обидим, разграблен, в конце и смерь горькую принял...

[*Похвала Ярополку*][353]

Так был блаженный этот князь Ярополк тих, кроток, смирен, любил братьев и нищих, давал десятину св. Богородице от всякого своего скота и хлеба все года и всегда молился богу. . . . . . . [354]

В лето 6596. Освящена была церковь св. Михаила во Всеволожем монастыре митрополитом Иоанном и епископами Лукою, Исаием и Иоанном, а Лазарь был тогда игуменом того монастыря.

В тот же год пошел Святополк княжить из Новгорода в Туров.

В этот год умер Никон, игумен Печерский.

В этот год Болгары захватили Муром.

[*Освящение церкви в Печерском монастыре*]

В лето 6597. Освящена была церковь св. Богородицы Печерского монастыря Феодосиева митрополитом Иоанном, епископами Лукою Белгородским, Исаией Ростовским, Иоанном Черниговским и Антонием, игуменом Юрьевским, при благородном князе Всеволоде, державшем Русскую землю, при детях его Владимире и Ростиславе, воеводство Киевской тысячи[355] держал Янь, а игуменство—Иоанн[356].

[*Смерть митрополита Иоанна*][357]

В этот же год умер Иоанн митрополит; был это муж сведущий в книгах и в науке, милостивый к убогим, вдовам, ласковый ко всем— и к богатому и к бедному, смиренный умом, кроткий и молчальник, одновременно красноречивый, утешал книгами святыми всех опечаленных. Такого на Руси не было прежде и не будет.

В этот же год пошла к Грекам Янка, дочь Всеволода.

[*Митрополит Иоанн-скопец и Ефрем*]

В лето 6598. Привела Янка митрополита Иоанна-скопца; его, увидав, все люди говорили: «Это мертвец пришел», он прожил год и умер. Был муж не книжный, простой умом и не красноречивый.

В этот же год была освящена церковь св. Михаила в Переяславле Ефремом митрополитом той церкви, большую он построил ее, много убрал ее, украсив всякими украшениями и церковными сосудами. Этот Ефрем в эти годы построил много зданий: кончил церковь

св. Михаила, заложил церковь в воротах городских во имя мученика Федора и после церковь св. Андрея у ворот, кремль каменный и каменную баню: этого не было раньше на Руси; и украсил город Переяславль церковными и другими зданиями.

[*Перенесение мощей Феодосия Печерского*]

В лето 6599. Игумен и монахи монастыря Печерского учинили совет и порешили: «Нехорошо лежать отцу нашему Феодосию вне монастыря своего и церкви своей, потому что он заложил церковь и монахов собрал». На совете решили приготовить место, где положить его мощи.

Подоспел праздник Успения, игумен велел в три дня раскопать то место, где лежат мощи Феодосия; его повелению я грешный был первым очевидцем. Скажу про это не по слуху, а как сам очевидец[358].

Пришел ко мне игумен и сказал мне: «Пойдем в пещеру к Феодосию». Я пришел с игуменом—никто этого не знал—разглядел, куда копать, и наметил, где копать. Сказал мне игумен: «Не смей говорить никому из братьев, чтобы никто не знал, но возьми, кого хочешь, помочь тебе». Я семь дней приготовлял «рогалии», чтобы копать ими.

Во вторник вечером, в сумерки, взял с собою двух братьев—никто этого не знал,—пришел в пещеру и, отпев псалмы, начал копать. Устав, я передал другому брату, и копали мы до полночи; устали мы, а докопаться не могли; я стал горевать, не в сторону ли копаем. Я же взял «рогалию» и начал копать, а мой друг спал перед пещерой. И сказал мне: «Ударили в било», а я в то время докопался до мощей. Когда он говорил мне: «Ударили в било», я сказал: «Докопался уже». Когда я докопался, меня охватил ужас, и я начал взывать: «Господи, помилуй!» В это время сидели два брата в монастыре и сторожили, когда игумен, утаившись с кем-то, тайно перенесет его, и смотрели на пещеру. И когда ударили в било, увидали три столба словно дуги зари; постояв [эти столбы] перешли на верх церкви, где был положен Феодосий.

В это же время увидал Стефан, который был игуменом вместо него, а в это время епископ увидал в своем монастыре через поле большую зарю над пещерой, подумал, что несут Феодосия—об этом ему было сообщено днем раньше, пожалел, что переносят без него, сел на коня и быстро поехал, взяв с собой Климента, которого поставил игуменом на свое место.

Когда шли, видели зарю большую, когда подошли близко, увидали много свечей над пещерой, пришли к пещере и ничего не увидали, вошли в одну пещеру, в то время как мы сидели у мощей его.

Когда мы прокопали, я послал [сказать] игумену: «Приходи, и мы вынем его». Игумен пришел с двумя братьями. Прокопали сильно, влезли и увидали его лежащим в виде мощей, но суставы не распались, а волосы на голове присохли. Возложили на него мантию и вынесли его перед пещерой.

На другой день собрались епископы: Ефрем Переяславский, Стефан Владимирский, Иоанн Черниговский, Марин Юрьевский, Антоний Поросский и игумены из всех монастырей с монахами; пришли и люди благочестивые и взяли мощи Феодосия с курением ладана и свечами. Принесли и положили его в церкви, в притворе на правой стороне, месяца августа в четырнадцатый день, в четверг, в час дня, индикта четырнадцатого. И праздновали торжественно в тот день.

[*Предсказание Феодосия*]

Расскажу немного о том, как сбылось пророчество Феодосия. Когда Феодосий, еще живой, был игуменом и правил стадом монахов, то не только этими одними управлял, но и заботился о мирских людях, больше о духовных детях своих..., другой раз приходя в их дома и подавая им благословение.

Однажды он пришел в дом Яня, к Яню и его жене Марии. Феодосий очень любил их, потому что они жили по заповеди Господней и пребывали в любви между собой; однажды он пришел к ним и поучал их о милостыне бедным, о царстве небесном, которое получат праведники, а грешники—мучение, и о часе смертном. И когда он говорил о положении тела в гроб, сказала ему жена Янева: «Кто знает, где меня положат?» Ответил ей Феодосий: «Поистине, где я лягу, там и ты положена будешь». Это и сбылось. Игумен умер раньше, и это сбылось на восемнадцатый год: в этот же год умерла жена Янева, именем Мария, в шестнадцатый день месяца августа. Пришли монахи с обычным пением, перенесли ее и положили ее в церкви св. Богородицы против гроба Феодосия—на левой стороне. Феодосий был положен в четырнадцатый день, а эта—в шестнадцатый.

[Дальше идет похвала игумену Феодосию.]

В этот же год было знамение на солнце—исчезло оно, осталось его немного, словно месяц стало [359], в два часа дня месяца мая в двадцать первый день. В этот же год, когда Всеволод за Вышгородом был на звериных ловах [360], когда бросили тенеты и закричали, упал с неба большой змей, и ужаснулись все люди; в это же время земля стукнула, что̀ слышали многие.

В этот же год появился в Ростове волхв, который скоро погиб.

[*Знамения и беды*]

В лето 6600. Дивное было чудо в Полоцке, навождение. Ночью грохот стоял, раздавались стоны; по улицам рыскали бесы, словно люди; если кто выходил из дома, желая посмотреть, то невидимо поражался от бесов язвою и оттого умирал; и не смели [люди] выходить из домов. Потом начали днем являться на конях, и не видно было их самих, но видели только копыта их коней. И так поражались язвами люди Полоцкие и всей его области. И люди говорили, что это мертвецы избивают Полочан. Это знамение началось от Друцка.

В эти же времена было знамение на небе: посреди неба был большой круг.

В это лето была засуха, так что земля сгорела и загоралось само собой много лесов и болот, и много знамений было по местам.

И была повсюду рать от Половцев; они заняли три города: Песочен, Переволоку, Прилук и много сел повоевали по обеим странам. В этот же год Половцы с Васильком Ростиславичем воевали с Ляхами. В этот же год умер Рюрик сын Ростислава.

В эти времена много людей умирало от различных болезней, как говорили продавцы крестов, что «они продали крестов от Филиппова дня[361] до мясопуста[362] семь тысяч». Это было за грехи наши, потому что умножились наши грехи и неправды.

[*Смерть Всеволода Ярославича*]

В лето 6601, индикта первый год, умер великий князь Всеволод, сын Ярослава, внук Владимира, месяца апреля в тринадцатый день, а похоронен в четырнадцатый день; шла тогда страстная неделя, был великий четверг, когда он был положен в гроб в великой церкви св. Софии.

[*Похвала Всеволоду*][363]

Этот благоверный князь Всеволод с детства был боголюбив, любил правду, заботился о нищих, воздавал честь епископам и священникам; особенно он любил монахов, он и сам воздерживался от пьянства и от похоти, за это и любил его отец и так говорил ему:

«Сын мой! хорошо тебе, когда я слышу о твоей кротости и радуюсь, что покоишь старость мою.

Если приведет тебя бог получить власть мою после твоих братьев по правде, а не с насилием, то, когда бог уведет тебя от этой жизни, пусть ляжешь ты, где я лягу, у гроба моего, потому что люблю тебя больше братьев твоих».

Сбылось слово отца его, как он говорил ему: он принял стол отца своего после всех братьев, после смерти брата своего сидел, княжа в Киеве, и было больше ему горя, чем когда он сидел в Переяславле. Когда он сидел в Киеве, было ему горе от племянников[364] своих, когда они начали досаждать ему, желая волостей: один—ту, другой—другую. Он же раздавал волости их, желая их умиротворить.

Среди этих горестей появились у него и болезни: к ним подоспела и старость. И начал он любить ум молодых, советуясь с ними, эти начали его обманывать, стала негодовать его старшая дружина, и люди не доходили до княжеской правды. И начали тиуны[365] его грабить людей и поборами облагать [366], а он не знал этого среди своих болезней.

[*Болезнь и смерть Всеволода*]

Когда он сильно разболелся, послал в Чернигов за своим сыном Владимиром. Пришел Владимир, увидел его больным и горько плакал. И когда сидели около Владимир и Ростислав, сын его меньшой, пришел его час, умер он тихо и кротко и присоединился к отцам

своим, прокняжив в Киеве пятнадцать лет, в Переяславле—год и в Чернигове—год.

[*Похороны Всеволода*]

Владимир со слезами вместе с Ростиславом, братом своим, приготовил тело его к похоронам, собрались епископы, игумены, монахи и попы, бояре и простые люди[367], взяли тело его и с обычным пением положили его в св. Софии, как сказали прежде.

[*Киевский стол занимает Святополк Изяславич*]

Владимир начал раздумывать так[368]:

«Если я сяду на столе отца своего, то мне придется воевать с Святополком, потому что этот стол был прежде его отца».

Раздумав так, послал в Туров за Святополком, сам пошел в Чернигов, а Ростислав—в Переяславль.

Минула Пасха, прошла пасхальная неделя, в Фомино воскресенье, в двадцать четвертый день апреля месяца, пришел Святополк к Киеву. И вышли навстречу ему Киевляне с поклоном, приняли его с радостью, и сел он на столе отца своего и деда своего[369].

[*Святополк и Половецкие послы*]

В это время пришли Половцы на Русскую землю: они слышали, что Всеволод умер, и послали послов к Святополку о мире. Святополк не учинил думы с большою дружиною отца и деда своего, а учинил совет с пришедшими с ним [из Турова], схватил послов и посадил их в избу.

Половцы прослышали про это и пришли воевать.

[*Половцы идут войной на Святополка;
его приготовления к рати*]

Пришло много Половцев и обложило город Торческ. Святополк же, услыхав про Половцев, отпустил Половецких послов, желая мира. Но Половцы не захотели мира и пустились воевать по земле [Русской]. Святополк стал собирать воинов, желая итти против них.

[*Дума княжеская*][370]

И сказали ему мужи разумные[371]: «Не пытайся [итти] против них, потому что у тебя мало воинов». Он ответил: «У меня своих восемьсот отроков, которые могут выступить против них». Начали говорить другие, неразумные: «Иди, князь». Разумные говорили: «Если бы ты выставил их до восьми тысяч, это было бы не плохо; наша земля оскудела и от войн и от «продаж»[372], пошли послов к брату своему Владимиру, чтобы помог тебе».

[*Разногласия между князьями-союзниками*]

Святослав послушал их и послал к Владимиру с просьбой помочь ему. Владимир собрал своих воинов и послал за Ростиславом, братом своим, в Переяславль, веля ему помогать Святополку.

Когда Владимир пришел в Киев, то съехались они у св. Михаила, поднялись между ними распри и споры, наконец, они поладили между собой, целовали крест, а тем временем Половцы воевали по земле.

И сказали им мужи разумные: «Почему у вас распри между собою, а «поганые» губят Русскую землю? После уладитесь между собою, а теперь идите против «поганых» либо с миром либо с войной». Владимир хотел мира, а Святополк войны.

[*Поход против Половцев*]

И пошли Святополк, Владимир и Ростислав к Триполю и пришли к Стугне. Святополк, Владимир и Ростислав созвали дружину свою на думу, желая перейти через реку, и начали думать. И сказал Владимир: «Стоя здесь, через реку, среди этого ужаса, учиним мир с ними». И пристали к этому совету разумные мужи, Янь и другие. Киевляне не пожелали этого совета и сказали: «Хотим биться, перейдем на ту сторону реки». И полюбился этот совет, и перешли реку Стугну, которая тогда сильно вздулась от воды.

[*Поражение от Половцев на реке Стугне*]

Святополк, Владимир и Ростислав изготовили дружину и пошли. На правой стороне шел Святополк, по левой—Владимир, а посредине—Ростислав. Миновали Триполь, прошли вал. И вот Половцы вышли против и впереди их стрелки. Наши стали между валами, поставили свои стяги[373] и пошли стрелки из вала, а Половцы пришли к валам, поставили знамена свои и прежде всего произвели натиск на Святополка и сокрушили его войско. Святополк стоял крепко, но его люди не вытерпели натиска врагов и побежали, за ними побежал и Святополк. Потом они напали на Владимира, и был лютый бой, побежал и Владимир с Ростиславом.

[*Гибель Ростислава*]

Прибежали к реке Стугне и стали переплывать ее Владимир и Ростислав. И стал утопать Ростислав перед глазами Владимира, и хотел [тот] схватить брата своего и едва сам не утонул. Так утонул Ростислав, сын Всеволода. Владимир же переплыл реку с малой дружиной: много пало из войска его, и бояре его тут погибли; пришел он на ту сторону Днепра, плача о брате своем и о дружине своей, и с большой печалью пошел к Чернигову.

Святополк прибежал в Триполь и заперся там, сидел там до вечера и в ту ночь пришел к Киеву.

Половцы увидели, что они одолели, пустились воевать землю, а другие вернулись к Торческу.

Эта беда приключилась в день Вознесения, месяца мая в двадцать шестой день.

Искали Ростислава, нашли его в реке; взяли и принесли его к Киеву, плакала по нем мать его, и все люди очень жалели его за его юность. Собрались епископы и попы и монахи и с обычным пением положили его в церкви св. Софии у отца его.

[Половцы осаждают Торческ]

Половцы осадили Торческ. Торки сопротивлялись им, крепко бились из города и убивали многих врагов. Половцы начали налегать, переняли воду, и стали люди в городе изнемогать от жажды и голода. И послали Торки к Святополку сказать: «Если не пришлешь пищи, то сдадимся им». Святополк послал им, но нельзя было пробраться в город из-за множества ратных воинов. Стояли [Половцы] около города девять недель и разделились на две части: одни остались у города, продолжая осаду, а другие пошли к Киеву и учинили нападение между Киевом и Вышгородом.

[Святополк терпит от Половцев поражение на реке Желани]

Святополк вышел на Желань, пошли они друг против друга, сошлись, и был лютый бой. И побежали наши перед иноплеменниками, падали, пораженные нашими врагами, и многие погибли; убитых было больше, нежели у Триполя. Святополк вернулся в Киев сам третий, а Половцы вернулись к Торческу. Случилась эта беда месяца июля в двадцать третий день. На другой день, двадцать четвертого июля, память мучеников Бориса и Глеба, стоял в городе великий плач, а не радость, ради наших больших грехов...

[Размышления о бедах и напастях на землю Русскую]

Это бог попустил на нас «поганых», не их милуя, а нас наказывая, чтобы мы отрешились от злых дел. Он наказывает нас нашествием «поганых», это—его бич, чтобы мы, помня, отвратились от своего злого пути: ради этого бог наводит на нас горе в праздники. В этот год первое несчастье учинил на Вознесение, второе—на праздник Бориса и Глеба, новый праздник—Русской земли[374]. Учинился плач великий в земле нашей, опустели села наши и города наши, и пришлось нам бегать перед врагами нашими.

. . . . [375]

Эти лукавые сыновья Измаила сжигали села и гумна и многие церкви спалили огнем. . . . . [376]

Ради этого вселенная предается [врагам], ради этого гнев распространяется, ради этого земля мучается, одни уводятся в плен, другие—убиваются, третьи—предаются мести, принимая смерть горькую, четвертые—трепещут, видя убиваемых, пятые—морятся голодом и жаждою. Общий гнев, общее наказание: имеем разнообразные раны, различные горести и страшные мучения: связаны, побиваемы, на холоде держимы, ранами покрываемы. Страшнее всего, что в христианском роде распространяются страх, колебания и беда.

. . . . [377]

Опустели все города и села; пройдем по полям, где паслись стада коней, овец и волов, все это видим теперь пустым, нивы заросли и стали жильем для зверей . . . . [378]

Так теперь, видя нас недоброе делающих, послал нам войну и скорбь, чтобы мы, хочем-не хочем, получили милость в будущем веке; душа, наказываемая здесь, получит всякую милость в будущем веке и облегчение от мучений; бог не мстит дважды за одно и то же. 379

[Половцы берут город Торческ и уводят жителей в полон. Мучения пленников]

Много повоевали [Половцы] и вернулись к Торческу. Люди в городе изнемогли от голода и сдались врагам. Половцы захватили город, предали его огню, а людей разделили и повели к своим шатрам, к своим родичам, много народа христианского: страждущие, печальные, мучимые, с потускневшими лицами и почерневшим телом, в незнакомой стране, с воспаленным языком, нагие и босые, ноги изъязвленные терновником, со слезами говорили друг с другом: «Я был такого-то города», а другой: «А я такой-то деревни». И так спрашивали друг друга со слезами, говоря о своем происхождении, вздыхая, возводя глаза к небу, к высшему, знающему тайны.

[Размышления о бедах пленников Половецких]

Да не посмеет никто сказать, что бог ненавидит нас, да не будет этого! Кого любит бог так, как возлюбил нас? Кого так почтил, как нас, прославил и вознес? Никого. Потому больше ярость свою воздвиг на нас, что мы, будучи почтены больше всех, на горе всех сделали грехи. 380

[Святополк чинит мир с Половцами. Олег Святославич с помощью Половцев захватывает Чернигов]

В лето 6602. Учинил Святополк мир с Половцами и взял себе в жены дочь Тугорткана, князя Половецкого.

В этот год пришел Олег из Тмуторокани с Половцами к Чернигову[381]. Владимир затворился в городе. Олег пришел к городу и [сжег] всё около города и монастырь пожег. Владимир учинил мир с Олегом и вышел из города на стол отца в Переяславль, а Олег вошел в город отца своего. Половцы начали воевать около Чернигова, а Олег не препятствовал им, потому что сам велел им воевать. Это уже в третий раз привел он «поганых» на землю Русскую: да простит бог его грехи, потому что много христиан было погублено, а других—полонено и рассеяно по [чужим] землям.

[Нашествие саранчи]

В этот же год, месяца августа в двадцать шестой день, пришла саранча на Русскую землю, поела всякую траву и много хлеба: и не было слышно в прежние дни в земле Русской того, что видели наши глаза за наши грехи.

Половецкий плен 1171 г. Миниатюра изображает, как Половцы ведут связанных Киевлян, а впереди них гонят скот

Поход на Половцев 1205 г.

В этот же год умер епископ Владимирский Стефан, месяца апреля в двадцать седьмой день в шесть часов ночи; был он прежде игуменом в Печерском монастыре.

[*Убийство Итларя и Кытана, Половецких ханов*]

В лето 6603. Пришли к Владимиру половцы Итларь и Кытан учинить мир. И вошел Итларь в город Переяславль, а Кытан стал между валами с воинами; Владимир отдал Кытану сына своего Святослава заложником, а Итларь был в городе с лучшей дружиною.

В это время пришел Славята из Киева к Владимиру от Святополка для какого-то дела. И стала думать семья[382] Ратибора с князем Владимиром погубить Итларевых воинов. Владимир не хотел этого делать, говоря: «Как я могу это сделать, когда мы дали друг другу клятву». Дружина так отвечала Владимиру: «Князь! тебе в этом нет греха; бог тебе привел их в руки твои; они всегда дают тебе клятву и губят землю Русскую и непрестанно проливают кровь христианскую». И послушал их Владимир.

И в ту ночь послал Владимир Славяту с некоторыми дружинниками и с Торками между валами. Первым делом выкрали Святослава, потом убили Кытана и дружину его побили—тогда был вечер субботы. Итларь в ту ночь спал с дружиною своею на дворе у Ратибора и не знал, что́ случилось с Кытаном. На другой день, в воскресенье, в утренний час, Ратибор дал оружие отрокам и велел истопить избу. Прислал Владимир своего отрока Бяидюка за дружиной Итларевой и сказал Бяидюк Итларю: «Зовет вас князь Владимир; сказал так: „Обуйтесь в теплой избе, позавтракайте у Ратибора и идите ко мне“». И сказал Итларь: «Пусть будет так». И как они вошли в избу, там заперли их. Влезли на избу, прокопали крышу, и тогда Ольбег, сын Ратибора, взял свой лук, вложил стрелу, попал Итларю в сердце и дружину его всю перебил. И таким дурным образом покончил свою жизнь Итларь, в неделю сыропустную, в час дня месяца февраля в двадцать четвертый день.

[*Святополк и Владимир идут на Половцев; Олег отказывает им в помощи*]

Святополк и Владимир послали к Олегу, веля ему итти с ними на Половцев. Олег обещался итти с ними и пошел, но не одним путем с ними. Святополк и Владимир пошли на [Половецкие] шатры, захватили шатры, полонили скот, коней, верблюдов и рабов и привели в свою землю. И начали они гневаться на Олега, потому что он не пошел с ними на «поганых». И послали Святополк и Владимир к Олегу с такими словами: «Вот ты не пошел с нами на „поганых“, которые погубили землю Русскую, а вот у тебя сын Итларев: либо убей его, либо отдай его нам, потому что он—враг нам и Русской земле».

Олег не послушал их, и стала между ними вражда.

[*Половцы у Юрьева*]

В этот год пришли Половцы к Юрьеву и стояли около него весь год, чуть не взяли его. Святополк умирил их. Когда Половцы ушли за Рось, Юрьевцы выбежали и ушли к Киеву. Святополк велел срубить на Витичевом холме город и назвал его по своему имени «Святополков город» и велел епископу Юрьевскому Марину сесть там с Юрьевцами, а также Засаковцам и прочим от других городов, а пустой Юрьев сожгли Половцы.

К концу этого года пошел Давыд Святославич из Новгорода в Смоленск. Новгородцы пошли в Ростов за Мстиславом Владимировичем, взяли его и повели к Новгороду, а Давыду сказали: «Не ходи к нам»[383]. И пошел Давыд, воротился в Смоленск и сел в Смоленске, а Мстислав сел в Новгороде.

В это же время пришел Изяслав, сын Владимира, из Курска к Мурому, приняли его Муромцы, а посадников Олеговых похватали.

В этот год приходила саранча, месяца августа в двадцать восьмой день, и покрыла землю, и страшно ее было видеть, пошла на север, поедая траву и просо.

[*Святополк и Владимир чинят расправу с Олегом Святославичем*]

В лето 6604. Святополк и Владимир послали к Олегу с такими словами:

«Иди в Киев, положим «наряд» о Русской земле перед епископами, перед игуменами, перед мужами отцов наших и перед людьми городскими, как оборонить землю Русскую от «поганых».

Олег, показывая разум дерзкий и слова гордые, отвечал так: «Не подобает судить меня ни епископу, ни игуменам, ни смердам»[384]. И, послушав злых советников, не захотел итти к братьям своим. Святополк и Владимир сказали ему так: «Вот ты и на «поганых» не идешь с нами, ни на совет к нам не идешь, значит ты зло замышляешь на нас и хочешь помогать «поганым»; пусть бог будет промежду нас».

Святополк и Владимир пошли против Олега к Чернигову. Олег убежал из Чернигова, в третий день месяца мая в субботу, Святополк и Владимир гнались за ним. Олег прибежал в Стародуб и заперся там. Святополк и Владимир осадили его в городе; из города бились крепко, а эти наступали на город, и многие с обеих сторон были убиты. Была между ними брань лютая, стояли около города тридцать три дня, люди изнемогали в городе.

Вышел Олег из города, желая мира, и дали ему мир, говоря так: «Иди к брату своему Давыду и приходите в Киев, к столу отцов наших и дедов наших: Киев—старший город во всей земле[385], там подобает собраться и учинить договор». Олег обещал это сделать и на том целовали крест.

[*Приход Боняка Половецкого к Киеву*]

В это время пришел Боняк с Половцами к Киеву, в воскресенье вечером, разорил около Киева и сжег в Берестове княжеский двор. В это время воевал Куря с Половцами около Переяславля и сжег Устие, мая месяца в двадцать четвертый день.

Олег же вышел из Стародуба и пришел к Смоленску, но не приняли его Смольняне, и пошел к Рязани. Святополк и Владимир пошли во-свояси.

[*Поражение Тугорткана Половецкого у Переяславля*]

В этот же месяц пришел Тугорткан, тесть Святополков, к Переяславлю в тридцать первый день мая месяца, и стал около города, а Переяславцы заперлись в городе.

Святополк и Владимир пошли на них по той стороне Днепра, пришли к Зарубу и там перешли реку, а Половцы их не заметили: бог их сохранил. Они изготовились к бою и пошли к городу. Горожане увидали их и обрадовались и вышли к ним, а войска Половцев стояли на другой стороне Трубежа, приготовившись к бою. Святополк и Владимир перешли в брод через Трубеж на Половцев. Владимир хотел распорядиться дружиной, но она не послушалась и на конях ударила на противников. Увидав это, Половцы побежали, а наши погнались им вслед, избивая врагов. В тот день учинил господь великое избавление от врагов: июня месяца в девятнадцатый день, иноплеменники были побеждены; убили их князя Тугорткана и сына его; тут пали и многие другие князья, наши враги.

На другой день нашли Тугорткана мертвым, и взял его Святополк как тестя своего и врага; и привезли его к Киеву и похоронили его в Берестове в могиле между дорогой, ведущей в Берестово, и другой, ведущей к монастырю.

[*Нашествие Боняка Половецкого на Печерский монастырь*]

В двадцатый день того же месяца, в пятницу, в час дня, пришел во второй раз безбожный Боняк, паршивый, тайно как хищник, внезапно к Киеву; чуть было в город не ворвались Половцы, зажгли «болонье»[386] около города, направились к монастырям и сожгли Стефанов монастырь и деревни и Германов [монастырь].

И пришли в монастырь Печерский, когда мы спали по кельям после заутрени, и закричали около монастыря, поставили два знамени перед монастырскими воротами: мы бежали монастырскими задами, а другие взбежали на полати [387].

Безбожники, сыновья Измаиловы, выломали монастырские ворота и разошлись по кельям, ломали двери и выносили все, что находили в келье.

Потом зажгли церковь св. Богородицы: пришли к церкви и зажгли двери, устроенные к югу и вторые, которые устроены к северу; они вошли на притвор у гроба Феодосиева, брали иконы, сжигали

и хулили бога и наш закон. Бог терпел потому, что еще не кончились грехи их и беззакония их.

Они говорили: «Где же бог их? пусть поможет им и избавит их от нас» и другие хульные слова говорили на иконы, насмехаясь, не зная, что бог наказывает рабов своих военными напастями. . . . .[388]

Тогда же зажгли Красный двор, который поставил благоверный князь Всеволод на холме, называемом «Выдобочи», всё это сожгли окаянные Половцы . . . . [389]

Некоторые из братьев были убиты оружием безбожных сынов Измаиловых, посланных в наказание христианам. . . . . [390]

[*Рассказ о «нечистых людях», запечатанных в гору Александром Македонским*]

К концу мира выйдут закованные в гору Александром Македонским нечистые люди. Вот я хочу рассказать, что слышал четыре года тому назад, как рассказывал мне Гюрята Рогович, Новгородец, в таких словах:

«Послал я отрока своего в Печору, к людям, которые дань дают Новгороду; пришел мой отрок к ним и оттуда пошел в Югру. Югра—народ, говорящий непонятно[391], и живет в соседстве с Самоядью в северных странах. Югра рассказала моему отроку: удивительное мы встретили новое чудо, о котором мы до сих пор не слыхивали, а началось это третий год: есть горы, заходящие в морскую луку, им же высота до небес; в тех горах—громкий крик и говор, и прорубают гору, желая прорубить; в той горе высечено оконце маленькое, и оттуда говорят, но нельзя понять языка их, но показывают на железо и махают рукой, прося железа; если кто даст им железо—нож или секиру, то они взамен дают звериные шкуры. Путь к тем горам непроходим из-за пропастей, снегов и лесов, так что не всегда доходим до них; есть и подальше путь на север».

Я ответил Гюряте Роговичу: «Это—люди, запечатанные Александром Македонским, как говорит о них Мефодий Патарский[392].

Александр царь Македонский пошел на восточные страны до моря, называемого Солнечным местом, и увидал там людей нечистых от племени Афета и видел их нечистоту: едят все скверное, комаров и мух, вшей, мертвецов не хоронят, но едят, поедают и женские выкидыши и весь нечистый скот. Увидав их, Александр испугался, как бы они не осквернили земли и загнал их в северные страны в высокие горы. По божьему повелению сомкнулись за ними северные горы, не сомкнулись только на двенадцать локтей, и сделались тут медные ворота. Их нельзя ни сломать, ни огнем сжечь: ни огонь не может их сжечь, ни железо их не берет. В последние дни... выйдут и эти «нечистые народы», которые находятся в северных горах, по божьему повелению».

Но мы вернемся к прежнему, к тому, о чем раньше говорили.

[*Олег Святославич ведет удачную рать с Изяславом, сыном Владимира Мономаха*]

Олег обещался итти к брату своему Давыду в Смоленск и итти с братом своим к Киеву и учинить договор; но не захотел Олег этого

сделать, но придя к Смоленску и взяв воинов, пошел к Мурому, а в Муроме тогда княжил Изяслав Владимирович.

Дошла весть до Изяслава, что Олег идет к Мурому, и послал Изяслав за воинами в Суздаль, Ростов и Белоозеро, и собрал много воинов. И послал Олег послов своих к Изяславу с такими словами: «Иди в волость отца своего, в Ростов, а это—волость отца моего: хочу, сидя здесь, учинить договор с отцом твоим: он меня выгнал из города моего отца; ты ли не хочешь дать мне здесь моего же хлеба?»

Изяслав не послушал этих слов, надеясь на множество воинов. Олег надеялся на правду свою, потому что в этом он был прав[393], и пошел к городу с воинами. Изяслав выставил войска перед городом на поле. Олег пошел против него с войском, сошлись оба, и был жестокий бой.

И убили Изяслава, сына Владимира, внука Всеволодова, месяца сентября в шестой день, остальные воины побежали: одни через лес, другие—в город. Олег же вошел в город, и приняли его горожане. Изяслава же взяли, положили его в монастыре св. Спаса, а оттуда перенесли в Новгород и положили его у св. Софии на левой стороне.

Олег, захватив город, похватал Ростовцев, Белоозерцев и Суздальцев и заковал их в железо. И устремился на Суздаль и пришел к Суздалю, и Суздальцы поддались ему. Олег захватил город, одних взял [в плен], других сослал и отнял у них имущество. И пошел к Ростову, и Ростовцы поддались ему. Он захватил всю землю Муромскую и Ростовскую, поставил посадников по городам и начал собирать дань.

[Олег Святославич ведет неудачную рать с Мстиславом, сыном Владимира Мономаха][394]

И послал к нему Мстислав своего посла из Новгорода с такими словами: «Иди назад к Мурому, а в чужой земле не сиди; я пошлю со своею дружиною просить к отцу своему и помирю тебя с ним; хотя ты и моего брата убил, но это не удивительно: на войне погибают и цари и мужи».

Олег не захотел этого слушать, но, больше того, замышлял захватить и Новгород. Послал Олег Ярослава, брата своего, со сторожевым отрядом, сам стал на поле у Ростова. Мстислав учинил совет с Новгородцами и послал Добрыню Рагуиловича впереди себя со сторожевым отрядом.

Добрыня первым делом схватил сборщиков дани. Узнал Ярослав, что схвачены сборщики дани (стоял тогда Ярослав на Медведице со сторожевым отрядом), бежал в ту ночь и прибежал к Олегу и поведал ему, что идет Мстислав, а сборщики дани—схвачены. И пошел Олег к Ростову. Мстислав же пришел на Волгу и поведали ему, что Олег повернул к Ростову; Мстислав пошел за ним. Олег пришел к Суздалю. Олег, услышав, что за ним идет Мстислав, велел зажечь город Суздаль, остался только двор монастырский Печерского монастыря и церковь св. Дмитрия, которая там была. Олег побежал к Мурому, а Мстислав пришел к Суздалю, сел тут и послал к Олегу

просить мира в таких словах: «Я моложе тебя, посылай послов к отцу моему, а дружину, которую ты захватил, вороти; я тебя во всем послушаю».

Олег прислал к нему [послов], желая мира, но с обманом. Мстислав поверил его обману, распустил дружину по селам.

Настала Федорова неделя поста[395], приспела Федорова суббота, Мстислав сидел за обедом, когда пришла к нему весть, что Олег— на Клязьме, пришел поблизости без всякой вести. Мстислав, веря ему, не поставил сторожевых отрядов, но бог знает, как избавить благочестивых своих от обмана. Олег остановился на Клязьме, думая, что Мстислав обратился в бегство. К Мстиславу же в этот же день собралась дружина, а на другой день пришли Новгородцы, Ростовцы и Белоозерцы. Мстислав стал перед городом, изготовив дружину к бою, и не наступал ни Олег на Мстислава, ни Мстислав на Олега, и стояли друг против друга четыре дня.

И пришла к Мстиславу весть, что «послал тебе отец брата Вячеслава с Половцами». И пришел Вячеслав, в четверг по Федоровой неделе поста, а на другой день, в пятницу, пошел Олег, изготовившись к бою, к городу, а Мстислав пошел против них с Новгородцами. И отдал Мстислав стяг Владимиров Половчанину, именем Куную, и, дав ему пеших воинов, поставил его на правом крыле. И привел Кунуй пеших воинов, развернув стяг Владимиров; увидал Олег стяг Владимиров и испугался; ужас напал на него и на воинов его. И пошли друг против друга: Олег против Мстислава, а Ярослав против Вячеслава. Мстислав перешел Пежар с Новгородцами, сошли с коней Новгородцы и вступили в бой на Колокше; был бой сильный, и начал одолевать Мстислав. Увидал Олег, что идет стяг Владимиров и начал заходить в его тыл, и испугался, побежал Олег, и одолел его Мстислав. Олег прибежал к Мурому, затворил Ярослава в Муроме, а сам пошел к Рязани. Мстислав пришел к Мурому, учинил мир с Муромцами, взял своих людей, Ростовцев и Суздальцев, и пошел к Рязани вслед за Олегом. Олег выбежал из Рязани, а Мстислав пришел и учинил мир с Рязанцами и взял своих людей, которых сослал Олег. И послал к Олегу сказать:

«Не беги никуда, но пошли послов к братьям своим с мольбою, чтобы не лишили тебя Русской земли, и я пошлю к отцу просить за тебя».

Олег обещал так сделать.

Мстислав же вернулся обратно к Суздалю, оттуда пришел в Новгород, в свой город, молитвами преподобного епископа Никиты.

Все это происходило в конце 6604 года, в половине четвертого индикта.

[*Княжеский «снем» в Любече*][396]

В лето 6605. Пришли Святополк и Владимир и Давыд Игоревич и Василько Ростиславич и Давыд Святославич и брат его Олег и собрались в Любече для устроения мира и говорили между собою так:

Борис и Глеб. Икона XIV века. Оба святых изображены как мученики с крестами в руках, но в типичных княжеских одеждах и с мечами. Предполагают, что икона написана во Владимеро-Суздальском крае

«Зачем мы губим землю Русскую, устраивая распри между собой? А Половцы возбуждают рознь в нашей земле и радуются, когда между нами войны; отныне будем единодушны и будем хранить землю Русскую; пусть каждый держит свою отчину: Святополк—Киев, Изяславлю [отчину]; Владимир—Всеволожу, Давыд, Олег и Ярослав—Святославлю, а также те, кому Всеволод роздал города: Давыду—Владимир, Ростиславичам: Перемышль—Володарю, а Теребовль—Васильку».

И на том целовали крест: «Если кто на кого восстанет, то на того будем все и крест честный». Поцеловали и пошли во-свояси.

[*Давыд Игоревич и Святополк злоумышляют против Василька Ростиславича*][397]

И пришел Святополк с Давыдом в Киев, и рады были все люди: один только дьявол печалился об этой любви. Вошел сатана в сердце к некоторым мужам, и стали они говорить Давыду Игоревичу такими словами: «Владимир сговорился с Васильком на Святополка и на тебя». Давыд поверил лживым словам и начал наговаривать [Святополку] на Василька такими словами: «Кто убил брата твоего Ярополка, а теперь умышляет на меня и на тебя и сговорился с Владимиром? позаботься о своей голове». И сказал Святополк Давыду: «Если ты говоришь правду, бог тебе будет свидетелем, если же говоришь по зависти, бог будет за того». Святополк жалел брата своего и о себе начал думать, не правда ли все это.

И поверил [Святополк] Давыду, прельстил Давыд Святополка, и начали они думать о Васильке. А Василько про это не знал, ни Владимир.

И начал Давыд говорить: «Если не захватим Василька, то ни тебе не княжить в Киеве, ни мне—во Владимире». И послушался его Святополк.

И пришел Василько к четвертому ноября, переехал на Выдобочь, пошел поклониться св. Михаилу в монастырь и поужинал там, а свой обоз поставил на Рудице; когда наступил вечер, пришел в свой обоз.

На другой день прислал [к нему] Святополк со словами: «Не уходи от моих именин» [398]. Василько отказался, сказав: «Не могу ждать, как бы не было дома вражеской рати». И прислал к нему Давыд: «Не ходи, брат, не ослушайся брата старшего, пойдем оба». Не хотел Василько сделать так и не слушал его.

И сказал Давыд Святополку: «Видишь ли, он не думает о тебе и не подчиняется тебе: если уйдет в свою волость, сам увидишь, не захватит ли он твоих городов, Турова, Пинска и остальных городов твоих; вспомнишь тогда меня. Но позови его сейчас, схвати и отдай мне».

Послушал его Святополк, послал за Васильком, говоря: «Если не хочешь остаться до моих именин, приходи сегодня, поздороваешься со мною и посидим все (вместе) с Давыдом».

Василько обещал прийти, не ведая обмана, который ковал против него Давыд.

[*Давыд и Святополк лукавством захватывают Василька Ростиславича*]

Василько сел на коня и поехал; встретил его детский [399] и сказал ему: «Не ходи, князь, тебя хотят схватить». Не послушался его, раздумав: «Как хотят меня схватить? недавно целовали крест, говоря: если кто на кого будет, то на того будет крест и мы все». Подумал так, перекрестился и сказал: «Да будет воля господня». Приехал с малой дружиной на княжеский двор, вышел навстречу ему Святополк, и пошли в горницу; приехал Давыд, и сели в горнице.

И стал говорить Святополк: «Останься на праздник». И сказал Василько: «Не могу, брат, я уже велел обозу итти вперед». Давыд сидел словно немой. И сказал Святополк: «Да поешь, брат!» Василько согласился поесть. И сказал Святополк: «Посидите вы здесь, а я пойду распоряжусь». И вышел вон, а Давыд с Васильком сидели. И начал Василько говорить Давыду, но Давыд и не говорил и не слушал. Он был взволнован, и обман был в его сердце. И, посидев немного, Давыд сказал: «Где брат?» Они ответили ему: «Стоит на сенях». И встал Давыд и сказал: «Я иду за ним, а ты, брат, посиди тут». Встал Давыд и пошел вон [из горницы]. Как только вышел Давыд, заперли Василька, в пятый день ноября, заковали его двумя оковами и приставили к нему сторожей на ночь.

На другой день Святополк созвал бояр и Киевлян [400] и поведал им, что ему рассказал Давыд, что «брата твоего убил, и на тебя сговорился с Владимиром убить тебя и занять твои города». И сказали бояре и люди: «Тебе, князь, подобает хранить свою голову, если правду молвил Давыд, пусть будет наказан Василько, если сказал неправду, он получит наказание от бога и будет отвечать перед богом».

Узнали игумены и стали просить Святополка за Василька, и сказал им Святополк: «Это—Давыд».

[*Ослепление Василька Ростиславича*]

Узнал про это Давыд и начал подстрекать [Святополка] на ослепление [Василька]: «Если этого не сделаешь, а отпустишь, то ни тебе не княжить, ни мне».

Святополк хотел отпустить его, а Давыд не хотел, остерегаясь его.

В ту же ночь повезли его к Звенигороду (это маленький город в десяти верстах от Киева), привезли его в повозке скованного, ссадили его с повозки и отвели его в маленькую горницу. Он сидит и видит, что Торчин точит нож, понял, что его хотят ослепить, и возопил к богу с великим плачем и стоном. И вот вошли посланцы Святополка, и Давыда: Сновид Изечевич, конюх Святополка, Дмитрий, конюх Давыда,—и начали расстилать ковер; постлали, схватили Василька и хотели его бросить; он крепко боролся с ними и не могли его бросить. И вот вошли другие, бросили его и связали его сняли доску с печи и положили ему на грудь. И сели оба, Сновид Изечевич и Дмитрий, и не могли его удержать; подошли еще двое,

сняли другую доску с печи, сели и так сильно сдавили его, что грудь затрещала. И подошел Торчин, именем Берендей, овчар Святополка, держа нож, и хотел ударить его в глаз, но промахнулся и перерезал ему лицо (та рана на Васильке и поныне), потом вонзил ему нож в глаз и вынул око, потом в другой глаз вонзил нож и вынул другое око.

Василько в тот час был словно мертвый. Взяли его на ковре, положили его на повозку словно мертвого и повезли его во Владимир. Везли его и остановились вместе с ним, перейдя мост Воздвиженский, на торгу, сняли с него сорочку окровавленную и дали попадье выстирать. Попадья выстирала и надела на него,—а они в это время обедали,—и начала попадья плакать над ним, как над мертвым. Он почуял плач и спросил: «Где я?» Они ответили ему: «В городе, в Воздвижении». Он попросил воды, они дали ему, он выпил воды, пришел в себя, опомнился, пощупал сорочку и сказал: «Зачем ее сняли с меня? В той сорочке кровавой мне бы смерть принять и стать перед богом».

Они пообедали, скоро поехали с ним на повозке по жесткому (неровному) пути (стоял тогда месяц «груденъ», т. е. ноябрь [401]) и приехали с ним во Владимир в шестой день [ноября]. Приехал с ним и Давыд, словно захватив какую-то добычу. Посадили его во дворе Вакееве и приставили стеречь его тридцать мужей и двух княжеских отроков, Улана и Клочько.

[*Владимир с Святославичами идет на Святополка отомстить за Василька*]

Владимир, услыхав, что Василько схвачен и ослеплен, пришел в ужас, горько заплакал и сказал: «Этого не было в Русской земле ни при дедах наших, ни при отцах наших такого зла». И тотчас же послал к Давыду и Олегу Святославичам сказать: «Пойдем к Городцу и исправим зло, которое учинилось в Русской земле, и среди нас, братьев, вержен в нас нож; если этого не исправим, то еще бо́льшее зло встанет среди нас, начнет брат брата убивать, погибнет земля Русская, и наши враги Половцы придут и захватят землю Русскую».

Услыхали про это Давыд и Олег, очень опечалились и плакали, говоря, что «этого не бывало в роде нашем». Тут же собрали воинов и пришли к Городцу; Владимир был уже там с воинами и стоял в бору.

Владимир, Давыд и Олег послали мужей своих к Святополку, говоря: «Какое зло учинил ты в Русской земле, вверг нож в нас, почему ты ослепил брата своего? Если бы была какая вина на нем, обличил бы его перед нами, доказал бы его вину и поступил бы с ним, как тебе угодно, а теперь открой его вину, за что ты сделал ему это».

И отвечал Святополк: «Поведал мне Давыд Игоревич, что Василько убил твоего брата Ярополка и тебя хочет убить и захватить твои волости, Туров, Пинск, Берестие и Погорину, а с Владимиром целовали крест, что сесть Владимиру в Киеве, а Васильку—во Владимире, мне неволя была беречь свою голову. Не я его ослепил, а Давыд и увел его к себе». И сказали мужи Владимира, Давыда и Олега:

«Не оправдывайся тем, что Давыд ослепил его: не в Давыдовом городе он схвачен и ослеплен, а в твоем».

Сказали это и пошли прочь.

[*Вдова Всеволода и митрополит Николай выступают ходатаями за Святополка*]

На другой день хотели Владимир, Давыд и Олег [пойти] через Днепр на Святополка, а Святополк хотел бежать из Киева, но не пустили его Киевляне.

Они послали вдову Всеволода и митрополита Николая к Владимиру с такими словами: «Молим тебя, князь, и братьев твоих: не погубите Русской земли; если будете воевать между собою, то «поганые» будут радоваться и заберут землю нашу, которую приобрели отцы ваши и деды ваши великим трудом и храбростью; они и Русскую землю оберегали и другие земли приобретали, а вы хотите погубить землю Русскую».

Вдова Всеволода и митрополит пришли к Владимиру и молили его и поведали мольбу Киевлян—учинить мир, хранить землю Русскую и оборонять ее от «поганых».

Услыхал это Владимир, расплакался и сказал: «Воистину отцы наши и деды наши сохранили землю Русскую, а мы хотим ее погубить».

Он склонился на мольбу княгини, почитал ее словно мать [402] ради своего отца: он был очень любим своим отцом, и при жизни и после смерти ни в чем его не ослушивался; также послушал и ее словно мать. И митрополита, также почитая сан святительский, не пренебрег мольбы его.

[*Похвала князю Владимиру*][403]

Владимир так исполнен любви, любя и митрополита и епископов и игуменов, а, больше всего, любя монахов; и монахов, приходящих к нему, питает и поит словно мать—своих детей; если он видит кого-либо шумливым и озорным, не осуждает его, но все перелагает на любовь и утешает.

Но мы вернемся к своему [рассказу].

[*Мир с Святополком*]

Княгиня побыла у Владимира и вернулась в Киев и поведала все слова Святополку и Киевлянам, что будет мир.

Начали они пересылаться мужами между собою и договорились на том, что сказали Святополку: «Это—Давыдова смута; иди, Святополк, на Давыда: либо схвати его, либо прогони». Святополк взялся за это, поцеловали крест и учинили мир.

[*Переговоры Давыда Игоревича с Васильком*]

Василько находился во Владимире, в сказанном месте, приближался пост великий, и я был там во Владимире, однажды ночью при-

слал за мною князь Давыд. Я пришел к нему, сидела около него его дружина, посадил он меня и сказал мне: «Вот молвил этою ночью Василько Улану и Клочку: «Вот слышу, идет Владимир и Святополк на Давыда, вот если бы меня Давыд послушал, я послал бы своих мужей на Владимира, и воротится он; я знаю, что ему сказать». Вот Василий, посылаю тебя, иди к Васильку, твоему тезке, с этими отроками и скажи ему так: «Если хочешь послать своих мужей и вернуть Владимира, то отдам тебе любой город: Всеволожь, Шеполь или Перемиль».

Я пошел к Васильку и поведал ему все слова Давыдовы. Он отвечал: «Я этого не говорил, но надеюсь на бога, пошлю к Владимиру, чтобы не проливали из-за меня крови, но дивлюсь тому, дает он мне свои города, а мой Теребовль—моя волость, подожду его теперь». Так и было: скоро он получил волость свою. Мне он сказал: «Иди к Давыду и скажи ему: «Пришли ко мне Кульмея, его я и пошлю к Владимиру». Не послушал его Давыд и послал меня во второй раз сказать: «Нет тут Кульмея». И сказал мне Василько: «Посиди немного», выслал вон своего слугу, сел со мною и начал так говорить:

[*Исповедь Василька*]

«Слышал, что хочет меня Давыд отдать Ляхам; неужели он мало насытился моею кровью, а хочет еще более насытиться, если выдаст меня им? Много зла сделал я Ляхам и еще хотел сделать и отомстить за землю Русскую. И если он выдаст меня Ляхам, я не боюсь смерти. Скажу тебе по правде: это бог наказал меня за мое превозношение: пришла ко мне весть, что идут ко мне Берендеи, Печенеги и Торки, и я сказал себе в уме: если будут у меня Берендеи, Печенеги и Торки, скажу брату своему Володарю и Давыду: «дайте мне дружину свою младшую[404], а сами пейте и веселитесь», и стал размышлять: зимой пойду на землю Ляшскую, летом овладею землей Ляшской и отомщу за Русскую землю; после этого я хотел овладеть Болгарами Дунайскими и посадить их у себя, после этого хотел проситься у Святополка и Владимира на Половцев; пойду, сказал, на Половцев, либо славу себе приобрету, либо голову свою сложу за землю Русскую; другой мысли не было в сердце моем ни на Святополка, ни на Владимира; вот клянусь богом и пришествием его, что ни в чем не мыслил зла братьям своим, но за мое возношение, что пришли ко мне Берендеи, и веселилось сердце мое и возгордился ум мой, низложил и смирил меня бог».

[*Давыд воюет с Володарем Ростиславичем*]

После этого пришла Пасха, пошел Давыд, желая захватить волость Василька, и встретил его Володарь, брат Василька, у Бужск; не осмелился Давыд противустать Васильковy брату и затворился в Бужске, а Володарь окружил его в городе. И начал Володарь говорить: «Почему, сделав зло, не каешься в нем? вспомни, сколько зла ты учинил?» Давыд начал наговаривать на Святополка: «Разве я

это сделал, разве в моем городе? я сам боялся, как бы и меня не схватили и не сделали того же; мне была неволя пристать к их замыслу и быть у них в подчинении». И сказал Володарь: «Бог этому—свидетель, а теперь отпусти брата моего и учиню с тобой мир». Давыд обрадовался, послал за Васильком, привел его и отдал Володарю. Учинили они мир и разошлись. И сел Василько в Теребовле, а Давыд вернулся во Владимир.

[*Володарь и Василько мстят своим врагам*]

Настала весна, пошли Володарь и Василько на Давыда, пришли к Всеволожу, а Давыд затворился во Владимире. Они стали около Всеволожа, оружием захватили город, зажгли, люди выбегали из огня.

Велел Василько избивать всех, совершил месть на людях неповинных, пролил кровь неповинную.

Потом пришли к Владимиру—Давыд затворился в городе,— и эти обложили город. И послали сказать Владимирцам так: «Мы не пришли ни на город ваш, ни на вас, но на врагов своих: Туряка, Лазаря и Василя: они наговорили Давыду, их послушался Давыд и учинил это зло; если хотите за них биться, мы готовы: или выдайте врагов наших».

Услыхали это горожане, созвали вече, и сказали люди Давыду на вече: «Выдай этих мужей, не будем биться за них, а за тебя будем; а если нет, то отворим городские ворота, а ты сам думай о себе». Неволя заставляла выдать их. И сказал Давыд: «Их здесь нет, я послал их в Луцк». Когда они пошли к Луцку, Туряк бежал в Киев, а Лазарь и Василь вернулись в Турийск, и люди услыхали, что они в Турийске, и закричали на Давыда: «Выдай, кого те хотят, а если нет, то сдадимся». Давыд послал за ними, привел Василя и Лазаря и выдал их.

В воскресенье заключили мир, а на другой день, в понедельник, утром повесили Василя и Лазаря и расстреляли стрелами Васильковичи и ушли от города... Они учинили вторую месть, а лучше этого бы не делать, а бог был бы мстителем . . . . [405]

Когда же отошли от города, их сняли и похоронили.

[*Святополк борется с Давыдом*]

Святополк дал обещание прогнать Давыда, пошел к Берестию, к Ляхам. Услыхав это, Давыд пошел к Ляхам, к Владиславу, ища помощи. Ляхи обещали ему помощь и взяли у него пятьдесят гривен золотом, сказав так: «Пойдем с нами к Берестию, зовет нас Святополк на совет, и там помирим тебя с Святополком». Послушал их Давыд, пошел с Владиславом к Берестию. Стоял Святополк в городе, а Ляхи на Буге, и вел переговоры Святополк с Ляхами и дал бо̀льшие дары против Давыда. И сказал Владислав Давыду: «Не слушает меня Святополк; ступай обратно». Вернулся Давыд во Владимир, а Святополк учинил совет с Ляхами и пошел к Пинску, послав за воинами. Пришел к Дорогобужу, дождался там своих вои-

нов и пошел против Давыда к городу [Владимиру]. Давыд затворился в городе, ожидая помощи от Ляхов против Святополка. Они сказали ему: «Если придут на тебя Русские князья, то мы будем помощниками» и солгали ему, взяв золота и у Давыда и у Святополка. Святополк обложил город, и стоял Святополк около города семь недель, и начал Давыд просить: «Выпусти меня из города». Святополк обещал ему; они поцеловали между собою крест, вышел Давыд из города и пришел в Червен. Святополк вошел в город в великую субботу. Давыд бежал к Ляхам.

[*Святополк вступает в борьбу против Ростиславичей*]

Святополк прогнал Давыда и начал думать против Володаря и Василька, говоря: «Эта волость—отца моего и брата», и пошел против них. Услыхав это, Володарь и Василько вышли против и взяли крест, который он целовал им на том, что «я пришел на Давыда, а с вами хочу иметь мир и любовь».

Святополк нарушил крестное целование, надеясь на множество воинов. Встретились они на поле на Рожни. Когда они оба изготовились к бою, Василько поднял крест с такими словами: «его ты целовал; вот, в первый раз, ты взял у меня око из глаза, а теперь хочешь взять душу мою: пусть будет между нами этот крест».

Они пошли друг против друга, сошлись войска, и много благочестивых людей видело крест, очень высоко стоявший над воинами Василька. Битва была лютая, и много пало от того и другого войска; увидал Святополк, что брань—люта, побежал и прибежал к Владимиру.

Володарь и Василько, одержав победу, остановились тут, говоря: «Следует нам остановиться на своем рубеже», и никуда не пошли. Святополк прибежал к Владимиру, с ним два его сына, два Ярополчича, Святоша, сын Давыда Святославича, и остальная дружина. Святополк посадил во Владимире своего сына Мстислава, который был у него от наложницы, а Ярослава послал к Უграм, призывая Угров на Володаря, а сам пошел к Киеву.

[*Борьба Ярослава Святославича и Угров с Давыдом Игоревичем и Половцами*]

Ярослав, сын Святополка, пришел с Уграми, и король Коломан[406] и два епископа, и стали около Перемышля по Вагру, а Володарь затворился в городе. Давыд в то время пришел от Ляхов, оставил свою жену у Володаря, а сам пошел к Половцам.

Встретил его Боняк, и воротился Давыд, и пошли на Угров. Шли они, остановились на ночлег; как только наступила полночь, Боняк встал, отъехал от воинов и стал выть по-волчьи, волк отозвался ему, и завыло множество волков. Боняк приехал и поведал Давыду: «Завтра у нас будет победа над Уграми»[407].

На другой день Боняк изготовил к бою своих воинов, и было у Давыда сто воинов, а у самого [Боняка]—триста; разделились на

три отряда и пошли на Угров; [Боняк] пустил на атаку Алтунопу с пятьюдесятью воинами, а Давыда поставил под стягом, а сам разделил [свой отряд] на две части, по пятидесяти в каждой.

Угры разделились на «заступы» [408]: было Угров числом сто тысяч. Алтунопа прискакал к первому «заступу» и, дав выстрел, побежал от Угров. Угры погнались за ним; когда пробегали, то миновали Боняка, и Боняк погнался, врубаясь в тыл, а Алтунопа повертывался назад и не допускал Угров обратно, и так по множеству избивал их Боняк, и сбили Угров в беспорядочную толпу, словно сокол галок сбивает.

Побежали Угры и многие утонули в Вагре, а другие в Сану; и бежали мимо Сана на гору, спихивая друг друга, и гнались за ними два дня, [избивая их]. Тут убили епископа их Купана и много бояр; говорили , что погибло их сорок тысяч. . . . . [409]

В лето 6606. Пришли Владимир, Олег и Давыд против Святополка, стали у Городца и учинили мир, как мы сказали уже в прошлом году.

В этот же год заложил Владимир церковь каменную св. Богородицы в Переяславле на княжеском дворе, в тот же год заложил Владимир Мономах город на Остере.

В лето 6607. Пошел Святополк на Давыда во Владимир и прогнал Давыда к Ляхам.

В этот год было знамение над Владимиром в апреле месяце: два круга, а в них словно солнце, и так до шестого часа, а ночью— словно три светлых дороги—до зари.

В этот год были побиты Угры около Перемышля; в этот же год убит Мстислав, сын Святополка, во Владимире, месяца июня в двадцатый день.

[*«Снем» князей в Уветичах*] [410]

В лето 6608. Братья учинили мир между собою, Святополк, Владимир, Давыд, Олег—в Уветичах, месяца августа в десятый день. Тридцатого числа того же месяца на том же месте съехались все братья: Святополк, Владимир, Давыд, Олег; пришел к ним Давыд Игоревич и сказал им: «Зачем вы меня звали? вот я, кому от меня обида?» И ответил ему Владимир: «Ты присылал к нам, говоря: «хочу, братья, прийти к вам и пожаловаться на свою обиду»; вот ты пришел и сидишь с братьею на одном ковре, почему ты не жалуешься? на кого из нас у тебя жалоба?» И не отвечал Давыд ничего.

И стали все братья на конях: Святополк со своей дружиною, Давыд и Олег—отдельно в стороне со своей дружиною. Давыд Игоревич сидел в стороне, и не пускали его к себе, но в отдельности думали о Давыде.

Сдумав, послали к Давыду мужей своих: Святополк—Путяту, Владимир—Оргостя и Ратибора, Давыд и Олег—Торчина. Посланные пришли к Давыду и сказали ему: «Вот, что говорят тебе братья: не хотим тебе дать стола Владимирского, потому что ты вонзил в нас нож, которого не было в Русской земле. Вот и этого мы тебе не

считаем и другого зла не сделаем, но вот что тебе даем: иди и садись в Бужске, а Дубен и Чарторийск дает тебе Святополк, а вот тебе дает Владимир двести гривен, Давыд и Олег—[тоже] двести гривен».

И послали тогда послов своих к Володарю и Васильку: «Возьми брата своего Василька к себе, и пусть будет у вас одна волость, Перемышль, если вам любо, так и сидите[411]; если нет, то пусти Василька сюда, будем здесь его кормить, а выдайте наших холопов и смердов». И не послушались этого ни Володарь, ни Василько. А Давыд сел в Бужске, после дал ему Святополк Дорогобуж, где он и умер, а Владимир отдал [Святополк] сыну своему Ярославу[412].

В лето 6609. Умер Всеслав, князь Полоцкий, в четырнадцатый день апреля месяца, индикта девятого, в среду.

В этот же год поднял рать Ярослав Ярополчич в Берестье. Пошел на него Святополк, захватил его в городе, взял его и в оковах привел к Киеву. И просили о нем митрополит и игумены и упросили Святополка, привели его к гробнице Бориса и Глеба, сняли с него оковы и отпустили его.

[*Съезд князей на Золотче*]

В тот же год собрались все братья: Святополк, Владимир, Давыд, Олег и Ярослав, брат их, на реке Золотче, и прислали Половцы послов от всех князей ко всем братьям просить мира; и сказали им русские князья: «Если хотите мира, то соберемся у Сакова».

Послушались Половцы и съехались у Сакова. И учинили мир с Половцами и обменялись заложниками между собой, месяца сентября в пятнадцатый день, и разошлись в разные стороны.

[*«Пря» Святополка с Новгородцами из-за Мстислава, сына Владимирова*]

В лето 6610 . . . . [413]

В тот же год[414], месяца декабря в двадцатый день, пришел Мстислав, сын Владимира, с Новгородцами, а Святополк договорился с Владимиром, что Новгороду быть за Святополком и посадить ему туда своего сына, а Владимиру посадить своего сына во Владимире.

Пришел Мстислав в Киев, сидел в горнице, и сказали мужи Владимировы [Святополку]: «Вот прислал Владимир сына своего, а вот сидят Новгородцы: пусть они возьмут сына твоего и идут в Новгород, а Мстислав пусть идет во Владимир».

И сказали Новгородцы Святополку: «Вот князь, мы присланы к тебе, и сказали нам так: «Не хотим ни Святополка, ни сына его; если у твоего сына две головы, то посылай его; этого нам дал Всеволод, и мы сами себе вскормили князя, а ты от нас ушел»[415]. Святополк много спорил с ними, но они не захотели, взяли Мстислава и ушли в Новгород.

[*Знамения добрые*]

В этот год было знамение на небе, месяца января в двадцать девятый день, в течение трех дней словно зарево от востока, юга,

запада и севера, и был такой свет всю ночь, как от полной луны, в этот же год было знамение на луне, месяца февраля в пятый день; в седьмой день того же месяца было знамение на солнце: солнце огородилось тремя дугами, а другие три дуги было вершинами к себе.

Благочестивые люди, видя эти знамения, со вздохами и слезами молились богу, чтобы бог обратил эти знамения на добро. Знамения бывают одни на зло, другие—на добро[416]; так, эти знамения были на добро; на следующий год вложил бог благую мысль в русских князей: сдумали они осмелиться против Половцев и пойти в их землю; так и случилось, о чем расскажем после, в будущем году . . . . [417]

В этот год была отдана замуж дочь Святополка, Сбыслава, за Болеслава к Ляхам, месяца ноября в шестнадцатый день.

[*Княжеский «снем» в Долобске*][418]

В лето 6611. Вложил бог мысль благую в сердце Русским князьям: Святополку и Владимиру и съехались они на думу в Долобске, и сидели Святополк со своею дружиною и Владимир со своею в одном шатре. Начали думать. Начала говорить дружина Святополкова: «Не время теперь, весной, итти: погубим наших смердов и их пашни»[419]. И сказал Владимир: «Удивительно для меня, дружина, что вы жалеете лошадей, которыми [смерд] пашет, а о том не думаете, что начнет пахать смерд, приедет Половчанин, убьет смерда стрелой, возьмет его лошадь, поедет в его село, заберет его жену, его детей и все его добро. Лошади его жаль, а самого его не жалко ли?»

И не могла ответить дружина Святополкова. И сказал Святополк: «Вот, брат, я уже готов». И встал Святополк, и сказал ему Владимир: «То-то, брат, великое добро сделаешь ты Русской земле».

[*Поход в Половецкие степи*]

И послали сказать Давыду и Олегу: «Пойдем на Половцев и либо будем живы, либо умрем». И послушал их Давыд, а Олег не захотел, сказав: «Не здоров». Владимир поцеловал брата своего, пошел в Переяславль, а Святополк—за ним, а также Давыд Святославич, Давыд Всеславич, Мстислав, внук Игоря, Вячеслав Ярополчич, Ярополк Владимирович.

Пошли на конях и на лодках и пришли ниже порогов [днепровских] и остановились в Протолчех на острове Хортице. Воины конные и пешие, сошедшие с лодок, четыре дня шли по степи и пришли на Сутень.

[*Совет у Половцев*]

Половцы услыхали, что идет Русь, собрались без числа и начали думать. И сказал Урусоба: «Будем просить мира у Руси, крепко они будут биться с нами, потому что много зла мы сделали Русской земле». И сказали молодые Урусобе: «Если ты боишься Руси, то мы не боимся, побьем этих, пойдем в их землю, захватим их города, и кто избавит их от нас?»

[*Великая победа Русских князей над «погаными»*]

Русские князья и все воины молились богу, давали обеты богу и Богородице то кутьей, то милостынею бедным, то пожалованием монастырям. Они молились таким образом, а Половцы двинулись, а впереди себя с сторожевым отрядом послали Алтунопу, который славился среди них храбростью, также и русские князья послали свои сторожевые отряды. Русские сторожа подстерегли Алтунопу, окружили его, убили и его и всех бывших с ним: ни один не спасся, но все были побиты. Пошли полки Половецкие словно леса сосновые, и нельзя было их взглядом окинуть, а Русь пошла против них. Вложил бог великий ужас в Половцев, страх напал на них и трепет от Русских воинов, и сами они были вялы, и у коней их не было проворства в ногах. Наши же с весельем, и конные и пешие, потекли против них.

Половцы, видя натиск Русских, не дойдя, побежали перед Русскими полками, наши погнались за ними, избивая их, в четвертый день апреля месяца.

Большое спасенье учинил бог в тот день Русским князьям и всем христианам и дал великую победу над нашими врагами. И убили тогда в их войске двадцать князей: Урусобу, Кочья, Арсланопу, Китанопу, Кумана, Асупа, Куротока, Ченегрепу, Сурьбаря и других князей их, а Белдюзя захватили [в плен].

После этого, сели братья, победители своих врагов, и привели Белдюзя к Святополку, и начал Белдюзь давать за себя золото, серебро, коней и скота. Святополк послал его к Владимиру.

Когда он пришел, начал спрашивать его Владимир: «Много раз давали вы клятву и воевали Русскую землю; почему ты не приказал сыновьям своим и роду своему не переступать клятвы, не проливать кровь христианскую? Вот пусть будет кровь твоя на голове твоей!»

И велел [Владимир] убить его, и так разрубили его на части.

После этого собрались все братья..., забрали тогда скот, овец, коней, верблюдов и палатки с имуществом и рабами, забрали Печенегов и Торков с палатками. И пришла Русь с полоном великим и со славою и с победою великою к себе домой.

В этот же год пришла саранча, августа в первый день.

В этот же год, того же месяца в восемнадцатый день, пошел Святополк и срубил город Юрьев, который сожгли Половцы.

В лето 6612[420]. Отдана была замуж дочь Володаря за царевича Алексея в Царьград, месяца июля в двадцатый день. В тот же год была выдана замуж Передслава, дочь Святополка, к Уграм за королевича, месяца августа в двадцать первый день.

В этот же год пришел митрополит Никифор в Русь, месяца декабря в шестой день.

В тот же месяц умер Вячеслав Ярополчич, в тринадцатый день.

В тот же месяц в восемнадцатый день митрополит Никифор посажен на столе.

В конце года послал Святополк Путяту на Минск, а Владимир сына своего Ярополка, а Олег сам пошел на Глеба, взяв Давыда Всеславича, но не имел успеха и вернулся назад.

И родился у Святополка сын, и дали ему имя Брячислав.

В этот год было знамение: стояло солнце в круге, а посредине круга—крест, а посредине креста—солнце, а вне круга с двух сторон два солнца, а над солнцем, вне круга, дуга рогами на север; такое же знамение и на луне—таким же образом, месяца февраля в четвертый, пятый и шестой день; днем в течение трех дней и ночью на луне—в течение трех ночей.

В лето 6613 . . . . [421]

В тот год явилась звезда на западе с хвостом и стояла месяц. В тот же год пришел Боняк зимой и победил на Зарубе Торков и Берендеев.

В лето 6614 . . . . [422]

[*Смерть старца Яня*][423]

В этот же год умер Янь, старец добрый, проживший девяносто лет, в маститой старости, жил по закону божию не хуже первых праведников; от него я слышал много слов, которые и записал в этом летописании; это был муж добрый, кроткий и смиренный, избегавший всякого [злого] дела; его гроб—в Печерском монастыре, в притворе (где лежит тело его жены); положено месяца июня в двадцать четвертый день. . . . . [424]

В тот же год постригся Святослав, сын Давыдов, внук Святослава, месяца февраля в семнадцатый день.

В тот же год победила Зимгола всех братьев Всеславичей и дружины убила девять тысяч.

В лето 6615, индикта [первого] круга луны четвертый год, а солнечного круга восьмой год. В этот год умерла жена Владимира, месяца мая в седьмой день. В тот же месяц воевал Боняк и захватил коней у Переяславля.

[*Князья Русские поражают Половцев у Лубна*]

В тот же год пришел Боняк и старый Шарукан и других князей много и стали около Лубна. Святополк, Владимир, Олег Святославич, Мстислав, Вячеслав, Ярополк пошли на Половцев к Лубну, в шесть часов дня перешли через Сулу и с криком бросились на них.

Половцы пришли в ужас, не могли от страха поставить стяга и побежали: одни хватаясь за коней, другие пешком. Наши начали избивать их, гоня их, а других хватать руками, и гнались за ними до Хорола.

Убили Таза, Бонякова брата, полонили Сугра и его брата, а Шарукан едва убежал. Бросили свой обоз, который захватили Русские воины, месяца августа в девятнадцатый день; и возвратились [Русские] домой с победою великой.

[*Набожность Святополка*]

Святополк пришел в Печерский монастырь к заутрене в Успение, и братья целовала его с радостью великой, говоря, что враги побеждены молитвами Богородицы и Феодосия Печерского.

Такой был обычай у Святополка: когда шел на войну или в другое место, только поклонившись гробу Феодосия и взяв молитву у игумена, тогда бывшего, шел своим путем[425].

В тот год умерла княгиня, мать Святополка, месяца января в четвертый день.

В тот же год и в тот же месяц пошли Владимир, Давыд и Олег к Аепе и другому Аепе и учинили мир. Взял Владимир за Юрия Аепину дочь, Осеневу внучку, а Олег взял за сына Аепину дочь, месяца января в двенадцатый день.

[*Феодосий Печерский записывается в синодик*]

В лето 6616 . . . . [426]

В этот же год вложил бог в сердце Феоктисту, игумену Печерскому, и начал он говорить князю Святополку, чтобы вписать Феодосия в синодик[427]. [Святополк] обрадовался и обещал это сделать. И велел митрополиту вписать его в синодик, что митрополит и сделал: велел его вписывать по всем епископствам. Все епископы с радостью вписали, и поминают его на всех соборах[428].

В лето 6618. Пошли весной на Половцев Святополк, Владимир и Давыд и, дойдя до Воиня, воротились.

В тот же год пришли Половцы и воевали около Переяславля по селам; в тот же год Половцы, идя назад, захватили много сел.

[*Знамение в Печерском монастыре*]

В тот же год было знамение в Печерском монастыре, месяца февраля в одиннадцатый день; появился столб огненный от земли и до неба, молния осветила всю землю, на небе был гром в час ночи, и весь мир видел. Этот столб прежде всего стал над каменной трапезницей, так что не видно было креста; постояв немного, перешел на церковь и стал над гробом Феодосия, потом пошел наверх, словно к востоку лицом, и потом стал невидим.

[*Заключение игумена Сильвестра*]

Игумен Сильвестр [монастыря] св. Михаила[429] написал книги эти Летописец, надеясь принять милость от бога, при князе Владимире, когда тот княжил в Киеве, а я был игуменом у св. Михаила [в монастыре], в лето 6624, индикта 9[430]. Кто читает эти книги, пусть будет у меня в молитвах.

КИЕВСКАЯ И ГАЛИЦКО-ВОЛЫНСКАЯ ЛЕТОПИСИ

КИЕВСКАЯ ЛЕТОПИСЬ[1]

[*«Снем» Русских князей в Долобске*][2]

В лето 6619. Вложил бог в сердце Владимиру, и начал говорить брату[3] своему Святополку, понуждая его итти против «поганых» весной. Святополк поведал дружине своей слова Владимира; они сказали: «Не время теперь отрывать смердов от пашни». Послал Святополк к Владимиру сказать: «Нужно нам съехаться и подумать о том с дружиною». Посланные пришли к Владимиру и поведали все слова Святополковы.

Пришел Владимир, и встретились в Долобске. Сидели в одном шатре: Святополк со своею дружиною, а Владимир—со своею. После молчания сказал Владимир: «Брат, ты—старше; начни ты говорить, как нам позаботиться о Русской земле». Ответил Святополк: «Ты, брат, начни». И сказал Владимир: «Как я буду говорить, а против меня хочет сказать и твоя дружина и моя: «Хочет погубить смердов и пашню смердов». Но вот удивительно мне, брат, что жалеете вы смердов и их коней, а о том не думаете, что весною начнет этот смерд пахать на этой лошади, а половчанин приедет, убьет эту лошадь и жену его и детей его, и гумно его зажжет; почему об этом не думаете?» И сказала дружина: «Действительно, вправду так». Сказал Святополк: «Вот я, брат, готов [итти] с тобою». Послали к Давыду Святославичу, веля ему итти с собою.

[*Поход Русских князей на Половцев*][4].

Встали Владимир и Святополк, поцеловались и пошли на Половцев: Святополк с сыном своим Ярославом, Владимир с сыновьями и Давыд с сыном. И пошли...; во вторую неделю поста, в пятницу, были на Суле, а в сбботу пошли и были на Хороле и там бросили сани; пошли в воскресенье, в которое целуют крест, и пришли на Псел и оттуда стали на реке Голтве, там дождались воинов, а оттуда

дошли до Ворсклы. Там на другой день, в среду, целовали крест и возложили всю надежду на крест с большими слезами; оттуда, пройдя много рек, пришли к Дону[5], во вторник оделись в брони, изготовились к бою и пошли к городу Шаруканю... Вечером поехали к городу, а ночью [жители] вышли из города, поклонились Русским князьям и вынесли рыбы и вина. Переночевали там ночь и на другой день, в среду, пошли к Сугрову и, придя, зажгли его, а в четверг пошли с Дона. А в пятницу, на другой день, месяца марта в двадцать четвертый день, собрались Половцы, изготовили свои отряды к бою и пошли биться. Наши князья возложили свою надежду на бога и говорили: «Смерть нам здесь; будем стоять крепко». Целовали друг друга и возводили глаза к небу, призывая бога высшего. Во время схватки и боя крепкого бог высший взглянул с гневом на иноплеменников, и падали те перед христианами. Так побеждены были иноплеменники, и пало много врагов наших перед Русскими князьями и воинами на потоке Дегея.

... Когда настал понедельник страстной недели, снова иноплеменники собрали свои отряды, многое множество, и выступили, словно леса сосновые великие и бесчисленными множествами окружили Русские отряды, и послал бог ангела в помощь Русским князьям; сошлись отряды Половецкие и отряды Русские; сразились сначала с отрядом Святополковым и, словно гром ударил, сошлись передовыми частями. Жестокий был бой между ними, и падали с обеих сторон. Вступил в бой Владимир со своими отрядами и Давыд со своими отрядами: увидали Половцы, обратились в бегство, и падали они перед отрядом Владимировым, невидимо избиваемые ангелом, что̀ видели многие люди, и головы летели, невидимо срубаемые, на землю. Побили их в страстной понедельник, месяца марта в двадцать седьмой день; побиты были иноплеменники, многое множество, на реке Сальнице... Святополк же и Владимир и Давыд прославили бога, давшего им такую победу над «погаными», и взяли много полона и всякого богатства много: скот, коней и овец, и захватили много пленников. И спрашивали пленников так: «Как вас такая сила и множество, и вы не могли сопротивляться, но скоро побежали?» Они отвечали такими словами: «Как могли мы биться с вами, когда другие вверху вас ездили с светлым и страшным оружием и помогали вам». Кто же это, как не ангелы, посланные богом помогать христианам? Это ангел вложил в сердце Владимиру побудить братьев своих, Русских князей, на иноплеменников. Вот, как сказали, видели видение в Печерском монастыре: стоял столб огненный на трапезнице, оттуда перешел на церковь и оттуда к Городцу[6]—там был Владимир, в Радосыни. Вот когда ангел вложил Владимиру в сердце, и тот стал побуждать братьев против «поганых», как сказали...

[Дальше следуют рассказы об ангелах].

... Вернулись Русские князья во-свояси с великой славой, которая дошла и до своих людей и до всех стран далеких, до Греков и Угров, Ляхов и Чехов[7], даже до Рима[8] дошла...

Поход на Половцев 1111 г.

Поход на Половцев 1111 г.

[*Знамения*]

В лето 6621. Было знамение на солнце, в час дня; было видно всем людям: осталось солнца немного, словно месяц рогами вниз[9], месяца марта в девятнадцатый день, а луны—в двадцать девятый. Это бывают знамения не к добру: бывают знамения в солнце и в луне и звездами, но не по всей земле, но если для какой-либо земли будет знамение, только та земля и видит, а другая не видит. Так в древности, во дни Антиоха[10], были знамения в Иерусалиме: случалось являться в воздухе реющим на конях в оружии и двигающим оружием; это было только в Иерусалиме, а в других землях этого не было.

Это знамение на солнце предвещало смерть Святополка.

[*Смерть Святополка Изяславича*]

После этого пришел праздник Пасхи, и праздновали ее; а после праздника разболелся князь; умер благочестивый князь Михаил [он же Святополк][11] месяца апреля в шестнадцатый день, за Вышгородом; привезли его в лодке в Киев, убрали тело его и положили на сани. Плакали по нем бояре и дружина его. Пели над ним положенные песнопения и похоронили его в церкви св. Михаила, которую он сам построил.

Княгиня, жена его, много разделила богатства между монастырями, попами и нищими: все люди удивлялись, так как никто не может раздать столько милостыни.

[*Волнение в Киеве и приход Владимира*]

На другой день, в семнадцатый день [апреля], собрали Киевляне вече и послали сказать Владимиру: «Иди, князь, на стол отца и деда»[12]. Услыхав это, Владимир очень плакал, но не пошел, жалея брата[13]; Киевляне разграбили двор Путяты, тысяцкого, пошли на Евреев и разграбили их. И послали снова Киевляне к Владимиру сказать: «Иди, князь, в Киев; если не пойдешь, то знай, что много зла учинится, тогда не только Путятин двор и сотских, но и Евреев грабить пойдут, и еще пойдут на невестку твою и на бояр и на монастыри; ты, князь, будешь в ответе, если монастыри разграбят»[14]. Услыхав это, Владимир пошел в Киев.

Начало княжения Владимира, сына Всеволода

Владимир Мономах сел в Киеве в воскресенье. Встретили его митрополит Никифор с епископами и со всеми Киевлянами с великой честью. И сел на столе отца своего и предков своих, все люди рады были, и мятеж утих.

Услыхали Половцы про смерть Святополка, собрались и пришли к Вырю. Владимир, собрав сыновей своих и племянников, пошел к Вырю и соединился с Олегом. Половцы бежали.

В тот же год [Владимир] посадил сына своего Святослава в Переяславле, а Вячеслава—в Смоленске... В тот же год взял Владимир

за сына своего Романа дочь Володаря[15], месяца сентября в одиннадцатый день...

В лето 6622. Умер Святослав, сын Владимира, месяца марта в шестнадцатый день, и похоронен в Переяславле...; там отец дал ему стол, выведя его из Смоленска...

В этот же год заложен был [кремль] в Ладоге каменный на насыпи Павлом посадником при князе Мстиславе[16].

[*Рассказы про чудесные события*]

Когда пришел я в Ладогу, поведали мне Ладожане: когда бывает здесь туча великая, дети наши находят здесь стеклянные глазки— и малые и большие—провернутые, а другие берут их подле реки Волхова, что выполаскивает вода; от них я взял сто штук—все различных. Когда я дивился этому, они сказали мне: «Это—не диво; вот старики ходили за Югру и Самоядь, сами видели в полунощных [северных] странах: спадала туча, а в той туче спадала белка молодая, только что рожденная, вырастала и расходилась по земле[17]; и бывает другая туча, спадают в ней олени маленькие, вырастают и расходятся по земле». Этому рассказу у меня свидетель Павел, посадник Ладожский, и все Ладожане.

Если кто этому не поверит, пусть прочтет в *Хронографе*[18].

«В царствование Проба[19] был дождь и тучи великие, падала пшеница, смешанная с водою великою; собрав пшеницу, насыпали сусеки велики; также при Аврелиане[20] падали серебряные крошки, а в Африке три камня спали [с неба] превеликие.

После потопа и разделения языков начал царствовать первым Местром (Менес) из рода Хамова, после него Еремия (Гермес или Меркурий), после него Феост (Гефест), которого также Сварогом нарекли Египтяне. Когда этот Феост царствовал в Египте, спали клещи с неба, и начали [Египтяне] ковать оружие, а прежде бились палицами и каменьями. Тот же Феост закон установил для женщин— выходить замуж только за одного мужчину и жить имея стыд, а кто совершает прелюбодеяние, того казнить велел, за что прозвали его богом Сварогом.Раньше женщины прелюбодействовали с кем хотели, наподобие скота; когда рожали ребенка, относили своему любовнику со словами: «это—твое дитя», тот устраивал празднество и принимал. Феост уничтожил этот закон и установил: мужчине иметь одну только жену, а женщине любить только одного мужчину; нарушивших закон бросали в огненную печь; поэтому прозвали его Сварогом и почитали его Египтяне.

После этого царствовал сын его, именем Солнце, которого называют Дажьбогом, семь тысяч четыреста семьдесят дней, что равняется двум десяткам с половиною лет. Не умели Египтяне и другие считать: одни считали года по луне, другие—по дням; число двенадцать месяцев узнали с тех пор, как люди стали давать дань царям.

Царь Солнце, сын Сварогов, он же и Дажьбог, был муж сильный; прослышав от кого-либо, что некто хочет прелюбодей-

ствовать с некоей женщиной из Египтян, богатой, он решал схватить ее за нарушение закона Сварожьего: брал с собой несколько мужчин, дознавался до часа, когда она совершает прелюбодеяние, ночью являлся к ней, не находил с нею мужа, а— лежащей с другим, с кем хотела, брал ее, мучил и пускал ее со срамом водить по земле, а прелюбодея казнил. Стала чистая жизнь по всей земле Египетской, и начали его хвалить...»

[*Перенесение мощей Бориса и Глеба*]

В лето 6629, индикта восьмого, собрались братья русские князья: Владимир, прозванный Мономахом[21], сын Всеволода, и Давыд Святославич и Олег, брат его, и надумали перенести мощи Бориса и Глеба; они построили для них каменную церковь для похвалы и для чести телам их, чтобы положить их там.

Сначала освятили церковь каменную, мая в первый день, в субботу. На другой день, мая во второй день, перенесли святыню, и было большое собрание, и народ сошелся со всех сторон: митрополит Никифор со всеми епископами... и с игуменами... И освятили церковь каменную, а после обедни обедали у Олега и пили, было большое угощение, кормили нищих и странников в течение трех дней. Когда наступило утро, митрополиты, епископы и игумены оделись в святительские ризы, зажгли свечи и с кадилами благоухающими пришли к гробницам святых: взяли гробницу Борисову, поставили ее на носилки, и поволокли за веревки князья и бояре, а впереди шли монахи со свечами, за ними шли попы, потом игумены, потом епископы перед гробницею, а князья с гробницею шли между оградами. Нельзя было нести от множества народа: поломали ограды, а другие покрыли городские стены; страшно было видеть такое множество народа. Когда люди сильно налегли, велел Владимир, нарезав драгоценные ткани, бросать народу, а также бросать серебряные монеты, чтобы легко было внести в церковь. Таким образом едва смогли внести в церковь и поставили гробницы среди церкви. И пошли за Глебом таким же образом и его принесли и положили рядом с братом. Был спор между Владимиром, Олегом и Давыдом: Владимир хотел поставить их посреди церкви и поставить над ними серебряный балдахин, а Давыд и Олег хотели поставить их под свод, где «отец наш,— сказали,—указал», на правой стороне, где была устроена ниша над ними. И сказал митрополит и епископы: «Бросьте жребий, где изволят мученики, там и поставим»[22]. На том и порешили: положил Владимир свой жребий, а Давыд и Олег свой жребий на престоле, и вынулся жребий Давыдов и Олегов. И поставили их в ту нишу на правой стороне, где и теперь лежат.

Перенесены были святые мученики, мая во второй день, из деревянной церкви в каменную в Вышгороде...

Князья и бояре и все люди праздновали в течение трех дней,.. и разошлись каждый во-свояси. Владимир оковал гробницы серебром и позолотил, также и нишу оковал серебром и золотом и украсил гробницы их...

В тот же год было знамение: закрылось солнце и стало словно месяц; говорят невежды, то солнце поедается (уничтожается).

[*Смерть Олега Святославича*]

В этот же год умер Олег Святославич, месяца августа в первый день, а во второй день был погребен у св. Спаса, у гроба отца своего Святослава.

В этот же год Владимир сделал мост через Днепр.

[*Поход Владимира Мономаха на Минск*]

В лето 6624. Ходил походом Владимир на Глеба. Глеб воевал с Дреговичами и сжег Слуцк, но не раскаялся в этом, не покорялся, а еще более говорил против Владимира, укоряя его. Владимир, надеясь на бога и на правду, пошел к Минску со своими сыновьями, с Давыдом Святославичем и сыновьями Олега (Ольговичами).

Взял Вячеслав Оршу и Копысь, а Давыд с Ярополком приступом взял Друцк, а сам Владимир пошел к Минску; заперся Глеб в городе. Владимир начал ставить горницу у своего стана, против города. Когда Глеб увидал, его сердце пришло в волнение, и начал просить Глеб Владимира, посылая от себя послов. Владимир пожалел, что льется кровь в постные дни великого поста, и дал ему мир.

Глеб вышел из города с детьми и с дружиною, поклонился Владимиру, говорил о мире и обещал во всем слушать Владимира. Владимир дал мир Глебу, во всем дал ему наставление, отдал ему Минск, а сам вернулся в Киев. Ярополк же построил город Желань Дручанам, которых взял в плен.

В этот же год Мстислав Владимирович ходил на Чудь с Новгородцами и Псковичами и взял их город по имени Медвежья Голова[23], захватил сел их без числа и вернулся домой с многими пленниками...

В тот же год послал Владимир сына своего Ярополка, а Давыд — племянника своего Всеволода на Дон, и взяли три города: Сугров, Шарукань, Балин. Тогда же Ярополк привел себе жену очень красивую, взяв в плен дочь князя Ясов.

Лето 6625. Привел Владимир Мстислава из Новгорода и дал ему Белгород[24], а в Новгороде сел Мстиславич, его сын, внук Владимира.

[*Поход князей на Ярослава*][25]

В этот же год пошел Владимир на Ярослава к Владимиру и [вместе с ним] Давыд, Ольговичи, Володарь и Василько, обступили его в городе Владимире, стояли шестьдесят дней и учинили мир с Ярославом. Ярослав покорился и поклонился до земли перед дядею своим Владимиром; дал ему Владимир наставление о всем, веля ему приходить к себе: «Когда тебя позову». И так мирно разошлись каждый к себе домой.

Тогда пришли Половцы к Болгарам, и выслал им князь Болгарский питье с отравою; выпив [его], Аепа и другие князья [Половецкие] все умерли...

В этот же год взял Владимир Андрею [сыну своему в жены] внучку Тугортканову.

В этот же год тряслась земля, сентября месяца в двадцать шестой день.

В этот же год вывел [Владимир] Глеба из Минска и заложил на Лете (Альте) церковь мученику.

Владимир послал сына своего Романа княжить во Владимир.

[*Княжение Мономаха*]

В лето 6626. Убежал Ярослав Святополчич из Владимира к Заграм, а бояре его отступились от него.

В этот же год умер Роман Владимирович, января в шестой день, и послал Владимир другого сына, Андрея, княжить во Владимире.

В лето 6627. Владимир захватил Минск у Глеба Всеславича, а его самого привел в Киев; в этот же год умер в Киеве Глеб Всеславич, сентября в четырнадцатый день.

В лето 6628. Князь Георгий (Юрий) Владимирович ходил [походом] на Болгар по Волге, и взял много пленников, и войска их победил, и после похода благополучно вернулся с честью и славой.

Тогда же послал Владимир Андрея с «погаными» против Ляхов и разорил их.

В лето 6629. Прогнал Владимир Берендеев[26] из Руси, а Торки[27] и Печенеги сами убежали.

В тот же год приходил с Ляхами Ярослав[28] к Червену[29] при посаднике Фоме Ратиборовиче, но вернулся назад безо всякого успеха.

В тот же год, в апреле месяце, умер митрополит Киевский Никифор; в тот же месяц было знамение на солнце и на луне.

Умерла княгиня, жена Мстислава, месяца января в семнадцатый день...

В лето 6631. Умер Давыд Святославич в Чернигове, и сел на его месте Ярослав, брат его, в тот же год...

[*Смерть Ярослава Святополчича под Владимиром*]

В тот же год пришел Ярослав Святополчич с Уграми, Ляхами и Чехами, с Володарем и Васильком[30] к Владимиру, и множество воинов было с ним, и обступили город Владимир; тогда в нем был Андрей. А Владимир не поспел из Киева с сыном своим Мстиславом. Было воскресенье. Подъехал Ярослав близко к городу сам третей, рано в воскресенье, и ездил под городом, угрожая людям и князю Андрею, в гордости, надеясь на множество воинов, и так говорил Андрею и горожанам: «Это—мой город; если не отворите, не выйдете с поклоном, то, увидите, завтра сделаю приступ к городу и возьму его».

Андрей имел надежду великую на бога со всеми людьми своими и на молитву отца своего надеялся. Когда Ярослав ездил еще под городом, вышли два Ляха на спуск и там залегли, спрятавшись. Поехал Ярослав от города, Ляхи поймали его там, когда был на

спуске, пронзили его ножом; и едва увезли его еле живым, а ночью он умер. Таким образом умер Ярослав один при такой силе воинов по своей великой гордости, потому что не имел надежды на Бога, а полагался на множество воинов.

Угры и Ляхи, Володарь и Василько разошлись каждый к себе домой, а к Владимиру послали послов с просьбой и подарками...

В лето 6632. Земля немного тряслась; упала, мая в десятый день, большая церковь св. Михаила в Переяславле, которую построил и украсил блаженный епископ Ефрем...

В этот же год было бездождье, и сгорел Подол накануне рождества Предтечи. На другой день сгорели и Гора и монастыри—все, сколько их было на Горе, в городе,—и Евреи.

В том же году было знамение на солнце вечером: словно месяц молодой, и едва не смерклось, августа в одиннадцатый день.

В этом же году умер Василько Ростиславич, а после него умер Володарь, брат его старший...

[*Смерть Владимира Мономаха*][31]

В лето 6634. Умер благочестивый и благородный великий князь всей Руси, Владимир Мономах, который просветил Русскую землю, словно солнце испуская лучи; весть о нем прошла по всем странам. Больше всего он был страшен «поганым»; он любил братьев и нищих и был добрым тружеником за землю Русскую. Его смерть была в мае с девятого на десятый день, схоронили его тело у св. Софии у отца Всеволода с пением положенных песнопений. Епископы плакали по святом и добром князе; весь народ и все люди по нем плакали, словно дети по отце и матери, плакали по нем все люди и сыновья его, Мстислав, Ярополк, Вячеслав, Георгий, Андрей, и внуки его; так разошлись все люди с великою скорбью; также с плачем великим разошлись и его сыновья, каждый в свою волость, туда, где он каждому из них роздал волости.

Начало княжения Мстислава в Киеве

Мстислав, старший сын его, сел на столе в Киеве, на месте отца своего, мая в двадцатый день.

[*Поражение Половцев от князя Ярополка*]

Услыхали враги Половцы про смерть Владимира и устремились к Баручу, говоря: «Возьмем их Торков». Дошла об этом весть до Ярополка, и велел он гнать людей и Торков в Баручь и остальные города; враги произвели нападение, но ни в чем не имели успеха. Узнали враги, что Ярополк—в Переяславле, вернулись воевать на Посулье.

Князь Ярополк, собрав силы, пошел на них с божиею помощью, не ожидая помощи ни от брата, ни от кого другого, с одними Переяславцами настиг их. Враги увидали, что их мало, повернули обратно и, изготовившись к бою, пошли против [Ярополка]. Тогда корень благочестивого князя и благочестивая отрасль Ярополк, призвав имя бога и своего отца, уже отважился с дружиною своею. Сразились

войска, «поганые» были побеждены... часть их была побита, а часть утонула в реке.

[*Всеволод Ольгович захватывает Черниговский стол у дяди Ярослава Святославича*]

В лето 6636. Всеволод Ольгович захватил в Чернигове дядю своего Ярослава, выгнал его [самого], а дружину его побил и разграбил. Мстислав с Ярополком хотел итти с воинами против Всеволода в защиту Ярослава. Всеволод послал за Половцами, а Ярослава отпустил в Муром. Пришло и семь тысяч Половцев с Селуком и стало у Ратмировой дубравы за Вырем; послали послов к Всеволоду. Посадники Ярополковы похватали их на Локне и привели их к Ярополку. Половцы, не получив вестей от Всеволода, бежали во-свояси. Мстислав еще больше напирал на Всеволода, говоря ему: «Привел Половцев и ни в чем не успел». Всеволод начал просить Мстислава, подучать его бояр и просить их, давая подарки, так прошел весь год до зимы, и пришел Ярослав из Мурома к Мстиславу и с поклонами просил его, говоря: «Ты мне целовал крест; иди на Всеволода». Всеволод еще больше стал просить Мстислава.

Был в те дни игуменом [в монастыре] св. Андрея Григорий, раньше любимый Владимиром, чтимый Мстиславом и другими людьми; тот не позволил Мстиславу итти войной за Ярослава, говоря: «Лучше переступить крестное целование и не ходить войной, чем пролить кровь христианскую». Собрался собор священников (митрополита в то время не было) и сказал Мстиславу: «На нас будет этот грех». Нарушил Мстислав крестное целование к Ярославу и печалился о том все дни (все время) своей жизни[32]. Ярослав ушел обратно в Муром.

[*Поход Мстислава с братьями на Кривичей*][33]

В этот год послал Мстислав братьев своих на Кривичей четырьмя путями: Вячеслава—из Турова, Андрея—из Владимира, Всеволодка—из Городна, Вячеслава Ярославича—из Клецка, а Всеволоду Ольговичу велел с братиею своею итти на Стрежев к Борисову, Ивана Войтишича послал с Торками, а сына своего Ростислава послал с Смольнянами к Друцку, приказав им произвести нападение всем в один день, месяца августа в одиннадцатый день. Изяслав, предупредив [одним] днем братьев, захватил людей из города; они, устрашившись, сдались.

А жители Изяславля начали биться с Вячеславом и Андреем. Изяслав, переждав два дня у Логожска, пошел к Изяславлю к дядьям своим, ведя с собою зятя своего Брячислава, который пошел к отцу своему, был на средине пути и со страха не мог итти ни туда, ни сюда, шел в подчинении своему шурину, и привел Логожан, которых вывел из Логожска. Увидали жители Изяславля князя своего и Логожан, что они захвачены без [всякого] вреда, и сдались, сказав Вячеславу: «Поклянись нам, что не заберешь нас в добычу». Был вечер. Воротислав, тысяцкий Андрея, и Иванко, тысяцкий Вячеслава, послали отроков своих в город; с рассветом узнали все

воины и захватили его ночью, едва сохранили добро Мстислава и то после упорной борьбы, и так с большим полоном вернулись назад. Потом и Новгородцы пришли с Всеволодом Мстиславичем к Неклогу.

Полочане, разгневавшись, выгнали Давыда с сыновьями, взяли Рогволода и послали к Мстиславу, прося его в князья себе; учинил Мстислав по их желанию; они взяли Рогволода и увели его в Полоцк.

В этот же год умер Изяслав Святополчич, месяца декабря в тринадцатый день, а похоронен в двадцать четвертый день.

В лето 6632. Умер князь Полоцкий Борис.

В этот год было большое половодье, затопило людей и хлеб и снесло хоромы.

В этот же год заложил Мстислав сын Владимирович церковь каменную св. Федора в Киеве.

В лето 6638 . . . .

В этот же год сослал Мстислав Полоцких князей с женами и детьми к Грекам[34] за то, что они нарушили крестное целование[35].

В тот же год умер Ярослав Святославич в Муроме.

В лето 6639. Послал Мстислав сыновей своих: Всеволода, Изяслава, Ростислава на Чудь, победили их и положили на них дань.

В этот же год пришел митрополит Михаил.

В этот же год было землетрясение, июля в двадцать четвертый день, в три часа дня.

[*Поход Мстислава на Литву*]

В лето 6640. Ходил Мстислав на Литву с сыновьями своими[36], с Ольговичами и Всеволодком Городенским и победил их; сами они (Литовцы) укрылись по разным местам. Литва побила многих Киевлян: они не пошли за князем, а пошли после, отдельно от него...

[*Смерть Мстислава Владимировича*]

В лето 6641. Умер благочестивый князь Мстислав, сын Владимира, оставив княжение брату своему Ярополку, ему же поручив и детей своих; умер Мстислав месяца апреля в пятнадцатый день, на Пасхе в пятницу, и был похоронен в церкви св. Федора, которую сам построил.

Ярополк вошел в Киев в воскресенье, в семнадцатый день [апреля].

[*Дела Ярополковы*]

В тот же год Ярополк привел Всеволода Мстиславича из Новгорода и дал ему Переяславль; утром он сел в нем, а до обеда выгнал его дядя Юрий и сидел в нем восемь дней; вывел его брат Ярополк из Переяславля ради крестного целования [37], послал Ярополк за другим Мстиславичем, Изяславом, в Полоцк, привел его с клятвою.

В лето 6642 . . . .

В ту же зиму Вячеслав лишился Переяславля и ушел назад в Туров, не послушав брата своего Ярополка.

[*Борьба Ярополка с Ольговичами*]

В лето 6643. Юрий выпросил у брата своего Ярополка Переяславль, а Ярополку отдал Суздаль и Ростов и остальную свою волость, но не всю. Из-за этого начали войну Ольговичи.

Пошел Ярополк с братьею своею, Юрием и Андреем, на Всеволода Ольговича и захватили села около города Чернигова. Всеволод не вышел биться против них, потому что еще не пришли к нему Половцы. Ярополк постоял несколько дней у Чернигова, вернулся в Киев и распустил воинов, а со Всеволодом и не уладился и мира не учинил.

Половцы пришли к Всеволоду. Всеволод с братьею своей и с Изяславом и Святополком Мстиславичами пошли, разоряя села и города Переяславской волости и убивая людей, дошли вплоть до Киева и зажгли Городок в день св. Андрея. Они ездили по другой стороне Днепра, одних людей брали [в плен], а других избивали, а так как те не могли перебраться через Днепр и переправить весь скот, то попленили множество скота. А Ярополку нельзя было переправиться со своими воинами. Они постояли три дня за Городком в бору и пошли к Чернигову и, пересылаясь оттуда между собою послами, учинили мир. Снова Ольговичи стали просить у Ярополка: «Что наш отец держал при вашем отце, того и мы хотим[38]; если не дашь, то не жалуйтесь на то, что случится, в том вы виноваты, на вас будет кровь».

Все это произошло потому, что Юрий выгнал Всеволода [Мстиславича] из Переяславля, потом Изяслава [Мстиславича] выгнал Вячеслав, а затем Изяслава выгнал тот же Вячеслав из Турова; они и перешли к Ольговичам; был потом между ними спор великий и ненависть. Во время похода сказали Ольговичи: «Вы первые начали нас губить!»

В ту же зиму собрал [Ярополк] воинов киевских, а Юрий—Переяславских и стояли двадцать дней у Киева. Учинил мир Ярополк со Всеволодом; они отдали Переяславль брату своему Андрею, а Владимир—Изяславу Мстиславичу.

[*Новая борьба Ольговичей с Ярополком за свою отчину*]

В лето 6644. Привел Ярополк брата своего Андрея из Владимира и дал ему Переяславль, а Изяславу, племяннику своему,—Владимир.

В тот же год пришел Всеволод со своею братьею к Переяславлю и стоял под городом три дня; бились у епископских ворот и у княжеских ворот. Узнав, что Ярополк идет на верховье Супоя, изготовились к бою и стали дожидаться их. Скоро Ярополк, с дружиною своею и с братьею, не дождавшись своих воинов и не изготовившись к бою, устремились на бой, думая что «не устоять Ольговичам против нашей силы».

Сошлись оба войска и бились крепко, но скоро побежали Половцы у Ольговичей; погналась за ними лучшая дружина Владимиро-

вичей, а князья их Владимировичи бились с Ольговичами; тогда же был убит Василько Леонович царевич [39]; был бой лютый, и многие пали с обеих сторон. Увидали все братья, Ярополк, Вячеслав, Юрий и Андрей, что отряды их расстроены, уехали во-свояси. Тысяцкий же с боярами их, погнавшиеся раньше за Половцами и избившие их, вернулись снова на поле битвы, не нашли своих князей и попали в руки Ольговичам; так захватили державших стяг Ярополков, взяли в плен много бояр: Давыда Ярославича тысяцкого, Станислава Доброго Тудковича и прочих мужей, а внук Владимира, Василько Моричич, был убит здесь. Много бояр Киевских захватили здесь. Ярополк же с братьями своими вернулся в Киев. Это произошло месяца августа в восьмой день. Андрей возвратился в Переяславль.

[*Ярополк чинит мир с Ольговичами*]

Всеволод же, перейдя Десну, стал против Вышгорода с воинами. Ярополк начал собирать воинов против него. Постоял Всеволод семь дней и ушел в Чернигов; они слали послов между собою и не могли уладиться.

Снова Ольговичи перешли Днепр, декабря месяца в двадцать девятый день, и начали воевать от Триполя около Красна и Василева вплоть до Белгорода, другие же и до Дерев, и стреляли друг в друга через Лыбедь. Ярополк собрал против них множество воинов со всех земель, но, обдумав в сердце своем, не пошел против них, не учинил кровопролития, но убоялся суда божия и учинил мир с ними, января месяца в двенадцатый день; поцеловали крест между собою; ходил между ними с крестом честным Михаил митрополит; отдал Ярополк Ольговичам отчину их, чего они желали[40], и таким образом утишил благоразумный князь Ярополк эту брань лютую....

[*Установление епископии в Смоленске*]

В лето 6645. Был поставлен епископом в Смоленск скопец Мануил, певец искусный, который сам-третей пришел от Греков к... князю Мстиславу; перед этим не было епископа в Смоленске...

[*Всеволод Мстиславич, князь Новгородский и Псковский*]

В лето 6646. Выгнали Новгородцы князя своего Всеволода Мстиславича из Новгорода и привели к себе Святослава Ольговича[41]. Всеволод Мстиславич пришел в Киев к дяде своему Ярополку, и дал ему дядя Вышгород.

В тот же год пришли Псковичи и взяли к себе Всеволода княжить, а от Новгородцев отложились. Он умер в тот же год, сидя в Пскове, месяца февраля в одиннадцатый день, в четверг на масляннице, и был похоронен в церкви св. Троицы, которую он сам построил в Пскове.

В лето 6647 . . . . .

В тот же год выгнали Новгородцы Святослава Ольговича, и приняли его Смольняне, а Ростислава Юрьевича Новгородцы посадили у себя.

[*Новая рать между Всеволодом Ольговичем и Ярополком*]

В тот же год привел Всеволод Ольгович Половцев к Прилуку, взял другие города и захватил Посулье. Ярополк созвал братьев своих и племянников своих, собрал Суздальцев, Ростовцев, Смольнян, Полочан, король Угорский [42] прислал помощь, и Берендеев тридцать тысяч, и Туровцев,—много собрал воинов и пошел к Чернигову. Всеволод узнал, что у Ярополка много воинов, и испугался, а люди Черниговские вскричались к Всеволоду: «Ты надеешься бежать к Половцам, а волость свою погубишь, а куда назад воротишься? Лучше оставь свою гордость и проси мира; мы знаем милосердие Ярополка: он не радуется кровопролитию, но ради бога захочет мира; он хранит Русскую землю».

Услыхав это, Всеволод согласился и начал слать [послов] с мольбою к Ярополку, прося мира у Ярополка; Ярополк, добрый и милостивый нравом, имея в сердце своем страх божий, как и отец его имел страх божий, рассудив все, не захотел чинить кровопролития, учинил с ним мир, стоя у Моравийска; уладившись, поцеловали честный крест и разошлись каждый к себе.

[*Смерть Ярополка*]

В тот же год умер князь Ярополк, месяца февраля в восемнадцатый день, и похоронен был в Янковом монастыре у св. Андрея [43]. Вошел брат его Вячеслав в Киев, в тот же месяц в двадцать четвертый день, в среду мясопустную.

[*Всеволод Ольгович захватывает Киев у Вячеслава*]

Узнал Всеволод, что Ярополк умер, а Вячеслав сидит в Киеве, и, собрав немного дружины, с братом своим Святославом и с Владимиром Давыдовичем пришел в Вышгород и войдя в город, остановился там.

В лето 6648. Пришел Всеволод Ольгович из Вышгорода к Киеву, и, придя, стал у города в Копыревом конце, и начал зажигать дворы, которые находятся перед городом в Копыревом конце, месяца марта в четвертый день.

Вячеслав не пошел против него, не желая проливать крови, но назвал себя младшим, выслал к нему митрополита и сказал ему: «Иди назад в Вышгород, а я сегодня иду в свою волость, а вот тебе Киев», и сделал так. Всеволод ушел в Вышгород, а Вячеслав в тот день ушел в свою волость, в Туров. Всеволод вошел в Киев, марта месяца в пятый день, с честью и славой великой. Пришел к нему Игорь: он издавна обещал Игорю дать под собою Чернигов, но не дал ему, а отдал Владимиру Давыдовичу, поссорил братьев и так отпустил их.

[*Ссылка и возвращение из Царьграда Полоцких князей*]

В это время вернулись из Царьграда два княжича, сосланные Мстиславом Великим, князем Киевским, потому что они не были в

его воле и не слушались его, когда он звал их в Русскую землю на помощь, но желали добра Боняку шелудивому [44]. Мстислав разгневался на них и хотел итти против них, но ему нельзя было итти, потому что тогда теснили Половцы Русь, а тот стоял, борясь с ними. Это был Мстислав Великий, который унаследовал труд отца своего, Владимира Мономаха Великого [45]. Владимир сам стоял на Дону и много потрудился за землю Русскую, а Мстислав, послав своих мужей, загнал Половцев за Дон, за Волгу, и за Яик; таким образом избавил бог русскую землю от «поганых»; избавился Мстислав от войны, вспомнил про прежнее и послал за князьями Кривичскими [Полоцкими], за Давыдом, Ростиславом и Святославом и двумя Рогволодовичами, усадил их в три судна и сослал их в Царьград, а по их городам посажал своих мужей.

Но мы вернемся к прежнему.

Начало княжения Всеволода в Киеве

В этот год сел Всеволод в Киеве и начал посылать послов к Владимировичам и Мстиславичам[46], желая иметь мир с ними, и стал звать к себе князя Изяслава Мстиславича из Владимира. Но не захотели они учинить того [мира] со Всеволодом, а стали посылать послов между собою, желая пойти на него в Киев.

[*Всеволод Ольгович ведет борьбу с Владимировичами и Мстиславичами за всю землю Русскую*].

Всеволод, не дожидаясь этого, напал на Андрея в Переяславле с братом своим Святославом, а Изяслава Давыдовича с Половцами, Ивана Васильковича и Владимира Володаревича из Галича послал против Вячеслава и Изяслава Мстиславича.

Сам он с братом Святославом пошел к Переяславлю на Андрея, надеясь на силы свои, сам желая держать всю землю; искал под Ростиславом Смоленска, а под Изяславом—Владимира; он послал воинов на Изяслава к Владимиру и сказал: «Иди из Владимира». Но, дойдя до Горины, испугался и вернулся.

[*Борьба Всеволода с Андреем*]

Пришел Всеволод к Переяславлю, желая выгнать Андрея, а брата своего посадить, говоря Андрею: «Изволь итти в Курск».

Андрей, сдумав с дружиною, сказал так: «Лучше мне умереть с дружиною на своей отчине и дедине [47], чем в Курском княжении; отец мой не сидел в Курске, а в Переяславле, и я хочу умереть во своей отчине. Если брату не достаточно иметь власть над всей землей Русской, а хочет и этой волости, пусть убьет меня, а себе [берет] волость; живой я не пойду из своей волости. Это не удивительно для нашего рода, так и прежде было: Святополк не за волость ли убил Бориса и Глеба, а сам долго ли пожил? И здесь жизни лишился и там вечно мучим».

Стоял на Днепре Всеволод, а брата своего Святослава с отрядами послал к Переяславлю; встретилась с ними Андреева дружина и

билась с ним; помог бог Андрею против Святослава, и гнались за ним до Кораня[48]; дальше Андрей не пустил дружины своей. На другой день учинил мир Всеволод с Андреем, и целовал крест Андрей, а Всеволод еще не целовал креста. В ту ночь загорелся Переяславль. Всеволода охватил страх, и он никого не послал к городу. На другой день стал Всеволод говорить Андрею: «Видишь, я к тебе еще не целовал креста, а то бог послал, что у вас самих загорелось; если бы я хотел сделать дурное, то, что мне угодно, то я бы и сделал, а теперь ты поцеловал ко мне крест. Если сдержишь, то хорошо, если не сдержишь, то бог будет за всех».

Всеволод поцеловал к Андрею крест, учинил с ним мир и вернулся в Киев.

[*Борьба с Изяславом Мстиславичем и Вячеславом*]

Василькович и Володаревич, князь Галицкий, призвали к себе Изяслава Мстиславича и, не договорившись, вернулись [к себе]. Изяслав [Давыдович] пошел с сыновьями, разорил волость Вячеслава и вернулся назад. Ляхи разорили Владимирскую волость, помогая Всеволоду[49].

Послали Вячеслав и Изяслав Мстиславич послов своих к Всеволоду с мирными речами. Всеволод не захотел сделать по их желанию, но после пораздумал, что ему нельзя без них обойтись, согласился на их просьбу и целовал к ними крест.

В этот же год родился у Всеволода сын, и дали ему имя Ярослав.

[*Новгородцы и Ольговичи*]

В тот же год выгнали Новгородцы Ростислава Юрьевича; они выпросили у Всеволода брата его Святослава в Новгород и посадили его у себя. Немного времени спустя стали восставать Новгородцы на вече против Святослава из-за его злобы. Он же узнал, что Новгородцы восстали против него, послал к брату Всеволоду с такими словами: «Неприятность [у меня], брат, от этих людей, не хочу я у них быть, а кого тебе любо, того и пошли к ним». И послал к ним Ивана Войтишича, прося у них мужей знатных, и, захватив их, привел к Всеволоду. Тот хотел послать сына своего Святослава, но услышал, что Новгородцы восстали на вече и избивают сторонников Святослава за его насилие. Доброжелательствуя ему, кум его тысяцкий [сказал]: «Тебя, князь, хотят схватить». Он и испугался и бежал с женою своею и с дружиною на Полоцк к Смоленску. Услыхав это, Всеволод не пустил ни сына своего Святослава, ни мужей Новгородских, которых привел к себе. И прислали Новгородцы епископа с мужами своими к Всеволоду с такими словами: «Дай нам сына твоего, а Святослава, брата твоего, не хотим», и послал к ним сына своего Святослава. Когда он был в Чернигове, Новгородцы, раздумавши, сказали Всеволоду: «Не хотим ни сына твоего, ни брата, ни племени вашего, но хотим племени Владимирова». Услыхав это, Всеволод послал за ними,

вернул с ними епископа и удержал их у себя с епископом. Сказали они ему так: «Дай нам шурина своего Мстиславича». Всеволод, не желая уступить Новгорода Владимирову племени, призвал шурьев своих, дал им Берестье и сказал: «Не заботьтесь о Новгороде, пусть сидят сами по себе; где они князя возьмут?» А Новгородцев с епископом держал зиму и лето.

В тот же год пришла земля Половецкая и князья Половецкие [учинить] мир. Всеволод из Киева, а Андрей из Переяславля [пришли] к Молотину и учинили с ними мир.

[*Вокняжение Владимира Володаревича*]

В лето 6649...

В этот год умер в Галиче Иван Василькович, и взял волость его Владимирко Володаревич, сел в обеих волостях[50], княжа в Галиче.

[*Новгородцы сажают у себя Ростислава Юрьевича*]

В тот же год Новгородцы услыхали, что Всеволод захватил их братью, и не стерпели сидеть без князя [51] (и хлеб к ним не шел ниоткуда) [52] и послали к Юрию мужей своих, взяли Ростислава Юрьевича и посадили с великой честью в Новгороде на столе его отца. Разгневался за это Всеволод, захватил Городок Остерский [53].

[*Блуждания князя Святослава Ольговича*]

Святослав бежал из Новгорода и пришел в Русь к брату, и выслал ему Всеволод навстречу и сказал: «Брат, пойди сюда». Святослав поехал к нему из Стародуба и не уладился с ним о волостях; пошел Святослав к Курску, а сидел он в Новгороде Северском. В то же время Всеволод поделился с братом своим и дал ему Белгород.

[*Смерть князя Андрея Владимировича*]

В эту же зиму умер... князь Андрей Владимирович в Переяславле, месяца января в двадцать второй день, а двадцать третьего похоронен у св. Михаила. Когда его несли к гробнице, на небе было удивительное знамение: три солнца, связанных между собой, и три столба, стоящих от земли до неба, и над всеми вверху отдельно стоял месяц наподобие дуги; это знамение стояло до тех пор, пока не похоронили его.

В это же время захватил Всеволод города Юрьевы, коней, скот, овец и, где узнал, имущество.

В этот же год ходил Игорь к Чернигову на Давыдовича и учинил мир.

В этот же год умер Всеволодко Городенский.

В этот же год послал Изяслав к сестре своей со словами: «Выпроси нам у брата Новгород Великий брату своему Святополку». Она так и сделала.

В лето 6650...

В этот же год послал Всеволод Святополка [Мстиславича] в Новгород, уговорившись с Новгородцами, которых он захватил; взяли его Новгородцы, и сел он на столе, а своего двоюродного брата отпустил из Новгорода к отцу в Суздаль.

[*Распря Всеволода с его братьями, Игорем и Святославом*]

В этот же год послал Всеволод из Киева к Вячеславу сказать: «Ты сидишь в Киевской волости, [а это] мне подобает, а ты иди в Переяславль, отчину свою»; племяннику его Изяславу дал Владимир, а сыну своему Святославу—Туров.

Было братьям его, Игорю и Святославу, тяжело на сердце, что дает волости сыну, а братьев ничем не наделил. Всеволод позвал братьев к себе; они пришли и остановились в Ольжичах: Святослав, Владимир и Изяслав [Давыдовичи], а Игорь стоял у Городца. И поехал Святослав к Игорю и сказал: «Что тебе дает брат старший?»; сказал Игорь: «Дает нам по городу: Берестье, Дорогичин, Чарторийск и Клецк, а отчины своей, Вятичей, не дает». Целовал Святослав крест с братом своим Игорем, а на другой день целовали крест Владимир и Изяслав [Давыдовичи] с Игорем. И дали они все такую клятву: «Кто нарушит крестное целование, пусть отомстит тому этот крест». И послал их Всеволод звать на обед, а они не поехали; и послали братья к Всеволоду с такими словами: «Вот ты сидишь в Киеве, а мы просим у тебя Черниговской и Новгород-Северской волостей, а Киевской не хотим». Он же не поступился Вятичами, а дал им четыре города, о которых сказали прежде. Они же сказали: «Ты—нам брат старший: если нам не дашь, нам самим нужно искать себе». Они рассорились со Всеволодом и поехали от Киева к Переяславлю войной на Вячеслава.

[*Борьба Мстиславичей с Ольговичами*]

Когда они бились у Переяславля, Всеволод послал Лазаря Саковского с Печенегами и воинами к Переяславлю—Вячеславу в помощь. Изяслав, услыхав, что пришли войной на дядю его, быстро поехал с воинами своими к Переяславлю и бился с ними, и помог бог Изяславу: [Игорь и Святослав] не смогли устоять и побежали в свои города.

В это время пришел Ростислав с Смоленскими войсками к зятю своему в Киев и услыхал, что Ольговичи бились у Переяславля с дядей его Вячеславом и братом его Изяславом, пошел на волость их и захватил ее.

Изяслав услыхал, что брат его разоряет волость их, быстро поехал из Переяславля в землю Черниговскую и разорил около Десны села их и около Чернигова и, разорив таким образом их волость, вернулся к себе с честью великой.

Игорь же, сдумав с братьями своими, решил мстить за себя: поехали они к Переяславлю в другой раз и стали у Переяславля, бились три дня и, не достигнув никакого успеха, вернулись к себе.

[*Всеволод ведет хитрую игру с братьями Ольговичами и Давыдовичами*]

Послал за ними Всеволод брата своего Святошу и сказал им: «Братья мои, возьмите у меня с любовью то, что я вам даю: Городец, Рогачев, Берестье, Дорогичин, Клецк», и сказал им: «Не воюйте больше со Мстиславичами». Они подчинились его воле; он позвал их к себе в Киев; приехали они все к нему в одно место. Всеволод не желал, чтобы все братья его были единодушны и послал к Давыдовичам сказать им: «Отступитесь от братьев моих; я вас наделю». Они нарушили крестное целование и отступились от Игоря и Святослава к брату Всеволоду. Всеволод был рад их разделению, уладился о волостях и дал Берестье, Дорогичин, Вощижь и Ормину, а братьев послал и дал им: Игорю—Городец, Юрьев и Рогачев, а Святославу—Клецк и Чарторийск.

Таким образом все они разошлись.

[*Братья досаждают Всеволоду о Мстиславичах*]

В тот же год Вячеслав, уговорясь со Всеволодом, отдал Переяславль Изяславу, племяннику своему; Вячеслав пошел в Туров, а Всеволод отдал Владимир сыну Святославу. Не понравилось это Ольговичам, братьям Всеволода, и роптали они на него, что у него «любовь с Мстиславичами, шурьями своими, а с нашими врагами, окружил он себя ими—нам на беду и безместье». Так говорили ему братья и докучали ему—пойти войной на Мстиславичей; он же желания их не исполнил.

[*Всеволод помогает Ляхам*]

В тот же год отдал Всеволод дочь свою Звениславу к Ляхам за Болеслава [54].

В ту же зиму послал Всеволод сына своего Святослава, Изяслава Давыдовича и Владимира Галицкого на помощь зятю своему Владиславу против братьев его меньших, Болеславичей [55]. Собрались все у Чернечьска и, повоевав, вернулись, взяв в плен больше мирных [людей], нежели воинов.

[*Странствия Изяслава Мстиславича*]

В лето 6651...

В ту же зиму пошел Изяслав к дяде своему Юрию в Суздаль и, не поладив с ним, пошел к брату своему Ростиславу в Смоленск и оттуда пошел к другому брату своему Святополку в Новгород, там провел зиму и вернулся из Новгорода в свой Переяславль. Побывав так у своих братьев, Изяслав отдал дочь свою в Полоцк за Рогволода Борисовича. Всеволод, князь Киевский, пришел с женою своей и с всеми боярами на свадьбу.

В тот же год поставили епископом в Полоцк Кузьму.

[*Великая буря*]

В тот год была большая буря, какой не было никогда, около Котельнича: разнесло хоромы и имущество, и клети, и хлеб из гумен, попросту говоря, словно войско все забрало, и в клетях не осталось ничего; некоторые, занесенные бурей, нашли защиту в болоте.

В лето 6652. Было знамение за Днепром в Киевской волости: летел по небу до земли словно огненный круг; осталось по следу его знамение в образе большого змея и стояло на небе с дневной час и разошлось.

В тот же год выпал снег глубокий на Пасху в Киевской стороне, коням до брюха...

[*Поход Всеволода на Владимира Галицкого*]

В тот же год рассорились Всеволод с Владимиром из-за сына, что сел сын Всеволода во Владимире, и начали обвинять друг друга, и Владимир вернул Всеволоду крестную грамоту[56]. Всеволод с братьею пошел на него. В тот год ходили на Владимира Ольговичи: Всеволод с братьями, Игорем и Святославом, Владимир Давыдович, Вячеслав Владимирович, оба Мстиславича—Изяслав и Ростислав, Святослав Всеволодич, оба Всеволодковича, Борис и Глеб, Ростислав Глебович и Владислав, князь Ляшский[57], пошли на много говорящего Владимира и неволей принудили его приехать ко Всеволоду и поклониться ему: Угры, которых он привел себе в помощь, не принесли ему никакой пользы.

Всеволод стал по эту сторону города, а Владимир стал по ту сторону, сойдя с горы, а между ними—река Белка. Всеволод велел каждому своему полку устраивать плотины; на другой день перешли реку и заняли горы позади Владимира. Владимир, думая, что идут против него, стал, изготовившись к бою, перед городом. На болонье [58] этим войскам нельзя было биться из-за тесноты, потому что болота подошли почти к подошвам гор. Также Русские войска взошли на горы и зашли со стороны Перемышля и Галича. Увидав это, Галичане пораздумали и сказали: «Мы стоим здесь, а там наших жен заберут»; и начал Владимир слать [послов] к Игорю: «Если примиришь меня с братом, то после смерти Всеволодовой помогу тебе овладеть Киевом», и таким образом прельстил Игоря. Игорь стал молить Всеволода с просьбою и с гневом говорить: «Ты не хочешь мне добра; зачем ты назначил мне Киев, а друзей мне не даешь набирать?» Послушал его Всеволод и в тот же день к вечеру учинил мир.

Приехал Владимир и поклонился Всеволоду. Всеволод встретил его со своею братьей, и дал Владимир Всеволоду за неприятность [«труд»] тысячу двести гривен серебра: раньше много разговаривал, а напоследок много заплатил; тем только и упросил Всеволода. Всеволод целовал его с братьей и помирил его с собою и сказал ему: «Вот ты поцеловал [крест], больше не греши». Возвратил ему Ушицю и Микулин и вернулся к себе. Серебро взял Всеволод один, но роздал братьям по частям: Вячеславу, Ростиславу, Изяславу и всей своей братье, кто с ним был.

[*«Котора» Владимира с Иваном Ростиславичем*]

В ту же зиму вышел Владимир в Тисмянич на охоту, а в это время Галичане послали за Иваном Ростиславичем [59] в Звенигород и привели его к себе в Галич. Владимир, услыхав об этом, собрал дружину, пришел против него к Галичу и стал около города. Выезжали из города, бились крепко, и многие падали с обеих сторон; бились до трех недель.

В неделю мясопустную [60] ночью выступил на них Иван с Галичанами; много бились, побили у Ивана дружины много, отрезали его от города, и нельзя было ему вернуться в город; он убежал через [неприятельское] войско к Дунаю, а оттуда степью прибежал к Всеволоду в Киев.

Галичане всю неделю бились с Владимиром за Ивана и по необходимости отворили ворота [города] в неделю маслопустную[61]. Владимир вошел в Галич и многих людей побил, а других казнил злой казнью.

В ту же зиму Всеволод отдал двух Всеволодковных, внучек Владимировых: одну за Владимира Давыдовича, а другую за Юрия Ярославича, обеих в одну неделю...

[*Всеволод намечает Игоря своим преемником в Киеве*]

В лето 6653. Послал Всеволод за братьями своими, Игорем и Святославом, и за Давыдовичами, Владимиром и Изяславом; они пришли в Киев, и тогда появилась на западе большая звезда, испускающая лучи[62]...

«... Владимир посадил после себя в Киеве сына своего Мстислава, а Мстислав—брата своего Ярополка; вот и я говорю: «если Бог меня возьмет, то я после себя даю Киев брату моему Игорю» (много раздумывал Изяслав Мстиславич, но вынужден был поцеловать крест). Сидела вся братья у Всеволода на сенях, и сказал им Всеволод: «Игорь, целуй крест—иметь любовь к братьям, а вы, Владимир, Святослав и Изяслав, целуйте крест Игорю, что отдадите по воле, а не по принуждению», и поцеловали крест в полном согласии.

[[*Поход Ольговичей и Давыдовичей на Ляшских князей*]

И сказал им Всеволод: «Зовет меня Владислав, Ляшский князь, против своих братьев», и сказал Игорь: «Ты не ходи, но пойдем мы», и пошел Игорь с братом своим Святославом и с Владимиром [Давыдовичем], (Изяслав Мстиславич разболелся и не пошел из Владимира) пошел и Святослав Всеволодич, пришли они в средину Ляшской земли и нашли двух братьев Владислава, Болеслава и Мешка, стоявших за болотом. Они перебрались на эту сторону и поклонились Игорю и его братьям; они поцеловали крест друг другу и сказали так: «Если кто нарушит крестное целование, быть всем против того». И дали брату своему Владиславу четыре города, а Игорю с братьями—Визну; так они возвратились к себе, взяв много пленников.

В ту же зиму умер Святослав, сын Ярослава, в Муроме, а брат его Ростислав сел на столе, а в Рязань послали меньшего Ростиславича, Глеба...

В тот же год перенесла благочестивая княгиня Елена Яска князя своего Ярополка из гробницы в церковь св. Андрея и положила его возле Янки.

[*Смерть Всеволода Ольговича*]

В лето 6654...

Всеволод, придя в Киев, разболелся и послал за братьями своими, Игорем и Святославом; он очень разболелся и остановился под Вышгородом на острове; Всеволод призвал к себе Киевлян и начал говорить: «Я очень болен, а вот вам брат мой Игорь, примите его»; они же сказали: «Князь, с радостью принимаем его», взяли Игоря в Киев; он пошел с ним под Угорское, созвал Киевлян: все они целовали ему крест, говоря: «Ты—нам князь», и подчинились ему с обманом. На другой день приехал Игорь в Вышгород, и целовали ему крест Вышгородцы. Всеволод, еще живой, послал к Изяславу Мстиславичу Владислава, зятя своего[63], а к Давыдовичам—Мирослава Андреевича с такими словами: «Держите ли вы крестное целование к брату своему Игорю?» Они ответили: «Держим». На третий день умер Всеволод, августа в первый день, убрали тело его и положили его в церкви св. мучеников.

[*Начало княжения Игоря в Киеве. Волнение Киевлян*][64]

Игорь поехал в Киев и созвал всех Киевлян на Гору, на Ярославль двор, и целовали они к нему крест. И снова собрались все Киевляне у Туровой церкви и послали за Игорем, говоря: «Князь, приди к нам». Игорь взял брата своего Святослава и поехал к ним. Остановился с дружиною своей, а брата своего Святослава послал к ним на вече. Начали Киевляне обвинять Всеволодова тиуна Ратшу и другого тиуна Вышгородского Тудора, говоря: «Ратша погубил нам Киев, а Тудор—Вышгород, а теперь, князь Святослав, целуй нам крест за брата своего: если кому из нас будет обида, ты расправляйся (чини правду)». Святослав сказал им: «Я целую крест за брата своего, что не будет вам никакого насилья, а вот вам тиун—по вашей воле». Святослав сошел с коня и на том целовал им крест на вече. Киевляне все сошли с коней и начали говорить: «Брат твой—князь и ты» и на том целовали все Киевляне с детьми крест, что не обманывать им ни Игоря, ни Святослава.

Святослав взял знатных мужей из Киевлян и поехал с ними к брату своему Игорю и сказал: «Брат, я целовал к ним крест, что тебе иметь их в правду и любить». Игорь сошел с коня и целовал к ним крест на всех их воле и на братней.

Они поехали обедать. Они [Киевляне] же устремились грабить Ратшин двор и мечников; послал к ним Игорь брата своего Святослава и едва умиротворил их.

[*Изяслав Мстиславич выступает против Игоря*]

В это время послал Игорь к Изяславу [Мстиславичу] сказать: «Вот брата нашего бог взял; держишь ли ты крестное целование?» Он ни ответа ему не дал, ни посла к нему не пустил.

Не угоден был Киевлянам Игорь, и послали они послов в Переяславль к Изяславу сказать: «Иди, князь, к нам: тебя хотим». Изяслав, услыхав это, собрал своих воинов и пошел против Игоря из Переяславля, взяв молитву в [монастыре] св. Михаила, у епископа Ефимия; он перешел Днепр у Заруба; присоединились к нему Черные Клобуки[65] и все Поросье[66] и сказали ему: «Ты—наш князь, а Ольговичей не желаем; поезжай скорее, а мы с тобой!» Пошел Изяслав к Дерновому, и на том месте соединились все Клобуки и Порошане[67]. Прислали к нему Белгородцы и Василевцы, говоря так: «Иди, ты—наш князь, а Ольговичей не хотим»; на том месте приехали от Киевлян мужи с такими словами: «Ты—наш князь, поезжай, не хотим быть в наследстве у Ольговичей, где увидим твой стяг, там и мы с тобою готовы».

Изяслав собрал в степи и христиан и язычников и сказал им: «Брата Всеволода я вправду считал братом старшим, потому брат и зять старше меня, словно отец, а с этими как мне бог даст и сила креста: либо голову сложу впереди вас, либо добуду стол деда своего и отца своего». Сказал это и пошел против Игоря.

Игорь послал к братьям своим, Владимиру и Изяславу [Давыдовичам] сказать: «Держите ли братья, крестное целование ко мне?» Они стали выпрашивать у него много волостей. Игорь дал им и велел итти к нему: они пошли.

Игорь послал за Улебом и Иваном Войтишичем и сказал им: «Как вы были у брата, так и у меня будете», а Улебу сказал: «Держи у меня тысячу, как у брата моего держал». Но дьявол не хотел любви между братьями и положил в сердце злой совет тысяцкому Улебу и Ивану Войтишичу; они учинили совет злой с Киевлянами против своего князя и начали послов слать к Изяславу Мстиславичу, говоря так: «Иди, князь, скорее! идут Давыдовичи к Игорю на помощь: они великую честь приняли от Всеволода и брата его». Начали они обманывать князя своего.

Изяслав Давыдович быстро приехал, поцеловал крест у св. Спаса вместе с братом Владимиром Игорю и брату его Святославу. Немного дней спустя отступили Давыдовичи от крестного целования. Зачинщиками того злого совета были—о них мы прежде сказали—тысяцкий Улеб, Иван Войтишич и Лазарь Саковский, а в отряде Святослава—Василий Полочанин и Мирослав внук Хилича; они собирали вокруг себя Киевлян и держали совет, как бы им суметь обмануть своего князя, а к Изяславу послали сказать: «Иди, князь!»

Игорю же и брату его Святославу начали говорить с лукавством: «Поезжай против Изяслава». Игорь с братом Святославом взгля-

нули на небо и сказали: «Изяслав целовал крест к нам—не стараться обманом присвоить себе Киева».

[*Игорь терпит поражение от Изяслава Мстиславича*]

Пришел Изяслав к валам, где Надово озеро у Шелвого борка; и там подле вала расположил полки с сыном своим Мстиславом; Киевляне же, многое множество, стали у Олеговой могилы, стояли между ними и еще полки.

Увидали Игорь и все его воины, что Киевляне послали послов, взяли у Изяслава тысяцкого со стягом и привели его к себе; потом переправились Берендеи через Лыбедь и захватили обоз Игорев перед Золотыми воротами и на огородах. Увидав это, Игорь сказал брату своему Святославу и племяннику Святославу Всеволодичу: «Идите, братья, к своим полкам и пусть нас бог с ним рассудит». Тысяцкому Улебу и Ивану Войтишичу также сказал: «Поезжайте к своим полкам». Приехал Улеб в свой полк, также и Иван, повернули стяги и поскакали к Еврейским воротам. Увидав это, Игорь и Святослав и племянник его [Святослав] Всеволодич не смутились, но пошли против Изяслава; им нельзя было перебраться через Надово озеро, пошли они на верховье озера, а были там промоины от озера, а другие—от Сухой Лыбеди; там стеснились полки, и оттого случилась у них беда: в это время заехали Берендеи в тыл полку с саблями и начали их рубить.

Побежали тогда Игорь и Святослав на холмы Дорогожичские, а Изяслав с сыном своим Мстиславом и со своею дружиною въехали им во фланг, начали рубить и отрезали друг от друга; не было никого с Игорем, забежал он в болото Дорогожичское; завяз под ним конь, и нельзя было поднять его, потому что был болен ногами. Святослав, брат его, бежал за Днепр к устью Десны, а Святослав Всеволодич убежал в Киев, в монастырь св. Ирины: там его и схватили. Преследовали их до Вышгорода, до Днепра, до устья Десны и до перевоза Киевского, рубя их, а других избивали в воде: многим была гибель.

Начало княжения Изяслава, сына Мстислава, в Киеве

Изяслав взглянул на небо и принес хвалу богу и силе креста за такую помощь, с великой честью и славой въехал в Киев, и вышло навстречу ему множество народа, игумены с монахами и попы со всего города Киева в ризах; он приехал к св. Софии, поклонился Богородице и сел на столе деда своего и отца своего. Привел к себе Святослава и сказал ему: «Ты—сын моей сестры», и стал его держать подле себя; схватил многих бояр: Данила великого, Юрия Прокофьевича, Ивора Юрьевича, Мирославлева внука и других много захватил в городе Киеве и выпустил их за выкуп...

Было же сражение, месяца августа в тринадцатый день, во вторник. Игоря же спустя четыре дня захватили в болоте и привели к Изяславу; тот послал его в монастырь на Выдобочь, а оттуда

в оковах — в Переяславль и посадил его в тюрьму в монастыре св. Иоанна[68].

Разграбили Киевляне вместе с Изяславом села и скот у дружины Игоревой и Всеволодовой, взяли много имущества в домах и монастырях.

[*Скитания Святослава Ольговича*]

Святослав прибежал в Чернигов с малой дружиной; послал послов к братьям сказать Владимиру и Изяславу [Давыдовичам]: «Держите ли, братья, крестное целование, которое учинили пять дней назад?» Они отвечали: «Держим». Сказал им Святослав: «Вот я вам оставляю Коснятка, мужа своего, если вы захотите иметь думу у себя»; сам поехал в Курск устроить людей, а оттуда пришел в Новгород [Северский].

Половецкие князья услыхали, что̀ случилось с Игорем, прислали к Изяславу просить мира.

[*Давыдовичи переходят на сторону Изяслава Мстиславича*]

Начали Давыдовичи думать тайно от мужа Святослава. Дошла весть до Коснятка, мужа Святослава, что Давыдовичи думают захватить брата своего Святослава, и послал Коснятко сказать своему князю: «Князь, думают о тебе, хотят [тебя] схватить; если за тобою и пришлют братья, не езди к ним». Лукавый, пронырливый дьявол, не желающий добра между братьями, желающий прибавить зло к злу, вложил им мысль не стараться освободить брата Игоря, не помнить отечества. Они переступили крестное целование, забыли страх божий и послали послов к Изяславу: «Игорь был зол как тебе, так и нам; держи его крепко», а Святославу послали сказать: «Иди из Новгорода [Северского] в Путивль, а от брата Игоря откажись». Святослав отвечал: «Ни волости не хочу, ни чего другого, только отпустите ко мне брата». Они отвечали: «Целуй нам крест—не просить брата и не искать его, а волость держи».

[*Святослав Ольгович обращается за помощью к Юрию Суздальскому*]

Святослав заплакал и послал сказать Юрию в Суздаль: «Брата моего Всеволода бог взял, а Игоря Изяслав захватил; иди в Русскую землю, в Киев, с милосердием добудем брата, а я на тебя здесь надеюсь; бог и сила креста будут тебе помощниками».

[*К Святославу приходят союзники*]

В это время прибежал от дяди Владимир Святославич, внук Ярослава [Святославича][69], к Святославу в Новгород [Северский], тогда же с отрядом прибежал к нему Иван Берладник[70]; в то же время послал Святослав к Половцам, к дядям своим, и в скорости пришло их к нему триста человек.

Изяслав привел Святослава Всеволодича к крестному целованию и дал ему Бужск и Межибожье, всего пять городов, а из Владимира его вывел.

[«Котора» Изяслава Мстиславича с дядей Вячеславом]

Вячеслав, услышав про это, надеясь на свое старшинство и послушав своих бояр, не оказал чести Изяславу [Мстиславичу], отобрал себе назад города, которые у него взял Всеволод, и не только их, но и Владимир захватил и посадил в нем Андреевича[71].

Изяслав, услышав про это, послал брата своего Ростислава и Святослава Всеволодича на дядю своего Вячеслава, отнял у него Туров, захватил епископа Туровского Акима и посадника его Жирослава Иванковича и посадил сына своего Ярослава в Турове.

[Поход Давыдовичей и Мстислава Изяславича на Святослава Ольговича]

Давыдовичи сказали: «Вот начали дело злое, доведем до конца убийство: уничтожим Святослава и волость его займем». Уговорились на это и стали просить Изяслава итти на Святослава в Новгород [Северский].

В тот же год ходил Изяслав к Давыдовичам на «снем» и сказал им: «Идите на Святослава Ольговича», послал с ними сына своего Мстислава с Переяславцами и с Берендеями, сказав им: «Идите на него; если он перед вами не побежит, стойте вокруг него; если вы устанете, то я приду со свежими силами к вам и стану вокруг него, а вы идите домой».

Они пошли к Новгороду [Северскому] и, придя, остановились у Переспы. Оттуда стрелки из стана пошли к городу, к Черниговским воротам, и там сильно бились. На другой день изготовились и пошли к Курским воротам. И послал Мстислав Изяславич к Владимиру и Изяславу Давыдовичам сказать им: «Братья! вам мой отец так сказал: к городу не подступайте, пока не приду я [сам], а как уговорились, так и сделаем». Они же сказали: «Как брат велел, так мы и сделаем». И снова, не доезжая города, стали вблизи и съехались все, Владимир и Изяслав Давыдовичи и Изяслав Мстиславич вместе и выпустили стрелков своих к городу—и христиан и Берендеев,—а сами остановились с полками и начали биться; была тягость великая горожанам; вогнали их в крепостные ворота, и мно́го у них было убитых и раненых; убили в той свалке Дмитрия Жирославича и Андрея Лазаревича; бились они до вечера; пошли оттуда и остановились у села Мелтекова; оттуда послали и заграбили стада Игоря и Святослава, в лесу Порохнинском кобыл стадных три тысячи и коней—тысячу; послали по селам и сожгли хлеб и дворы.

[Юрий Суздальский идет на помощь Святославу Ольговичу]

В это время послал послов Святослав к Юрию, и целовал ему крест Юрий на том, что домогаться ему Игоря. Пошел Юрий на

помощь ему. Услыхал Изяслав, что Юрий идет на помощь Святославу, послал послов степью в Рязань к Ростиславу Ярославичу, а сам сел на коня [отправился в поход] против Святослава к Новгороду [Северскому], где стояли Владимир и Изяслав Давыдовичи и сын его Мстислав. Ростислав послушал Изяслава Мстиславича и начал обсерегать его волости.

Юрию пришла весть, что Ростислав разоряет его волость, и послал он сына своего Иванка к Святославу, а сам вернулся из Козельска. Иванко Юрьевич пришел в Новгород [Северский] к Святославу, и дал ему [Святослав] Курск с Посемьем; сдумав со своими мужами, послал своего попа к Давыдовичам сказать им так: «Братья мои! вот вы землю мою разграбили, стада мои и брата моего захватили, хлеб пожгли и все добро погубили»...

[*Давыдовичи грабят богатство Ольговичей*]

И этого было недостаточно. Пошли на Игорево сельцо, где он устроил хороший двор: там было много запасов в амбарах, вина и медов в подвалах и тяжелого добра всякого, железа и меди: из-за множества не могли всего вывезти. Давыдовичи велели класть на возы себе и воинам, потом велели зажечь двор, церковь св. Георгия и гумно, в котором было девятьсот стогов.

[*Бои у Путивля*]

Съехались Изяслав и Владимир Давыдовичи вместе с Мстиславом Изяславичем, подумали и послов послали к Изяславу Мстиславичу, а сами на Рождество пошли к Путивлю. Приступили к городу, и не сдавались им Путивляне, пока не пришел Изяслав с силою Киевскою. Они же крепко бились из города. Поехали Давыдовичи и сказали им: «Не бейтесь; клянемся Богородицею, что не возьмем вас в плен». Они же не сдавались им.

Пришел Изяслав Мстиславич с отрядами своими к ним. Они же выслали послов к Изяславу Мстиславичу и поклонились ему и сказали так: «Мы ждали тебя, князь, целуй нам крест». Изяслав поцеловал им крест, вывел их посадника; а своего к ним поставил. Он разделил двор Святославль на четыре части: и казну, и амбары, и имущество недвижимое, а в погребах было пятьсот «берковесков»[72] меду и восемьсот «корчаг»[73] вина. Церковь Вознесения ограбили; сосуды серебряные, престольные одежды и платы служебные, золотом шитые, два кадила, ручные кадильницы, евангелие окованное, книги и колокола; ничего княжеского не оставили, но все поделили, а также челяди семьсот [человек].

Дошла до Святослава весть, что пришел Изяслав Мстиславич и город его взял и все, что было в нем Святославлего.

[*Святослав бежит из Новгорода Северского в Карачев*]

Поведал ему муж его отца, который был у Владимира, что идет [Мстиславич] и хочет осадить его в Новгороде [Северском]. Свято-

слав поведал о том Иванку Юрьевичу, Ивану Ростиславичу Берладнику, своей дружине и диким Половцам, дядьям своим; Тюнраку Осулоховичу и брату его Камосе: «Вот идет против меня Изяслав Мстиславич, давайте позаботимся о себе». Они же сказали: «Князь, не медли, поезжай; здесь нам незачем быть, и хлеба нет, иди в лесную местность, а оттуда близко сослаться с отцом своим Юрием». Так убежал Святослав из Новгорода [Северского] в Карачев, а из дружины одни пошли за ним, а другие его покинули; жена и дети — с ним; жену брата своего Игоря взял с собою, а также Новгород-Северскую дружину...

[*Изяслав Давыдович ведет неудачную борьбу со Святославом Ольговичем*]

. . . [74] [Изяслав Давыдович] сказал братьям своим: «Пошлите меня за ним (Святославом); если сам убежит от меня, жену и детей от него отберу и имущество его отниму». Так он выпросился у Изяслава Мстиславича и у Владимира, брата своего, и поехал, взяв у Изяслава Шварна и дружину брата, из Путивля на Севск и Болдыжь: там проходил прямой путь к Карачеву...

Узнал Святослав, что пришли на него, и выслал против них диких Половцев и забрал у них несколько Берендеев. Пришла весть Святославу, что пришел на него Изяслав Давыдович с похвальбой, с дружиною братнею, без обоза, три тысячи конных воинов.

Святославу приходилось либо отдать в плен жену, детей и дружину, либо голову свою сложить. Святослав пораздумал с братьями, с Половцами и с мужами своими... и вышел ему навстречу, в четверг, месяца января в шестнадцатый день... бог и сила креста прогнали Изяслава.

[*Бегство Святослава из Карачева*]

Изяслав Мстиславич и Владимир Давыдович, послав своего брата Изяслава [Давыдовича] со Шварном, сами пошли вслед за ним; когда они пришли в лес Болдыжь и стали там обедать, прибежал муж к Изяславу Мстиславичу и сказал ему: «Брата твоего Изяслава победил Святослав и дружину вашу». Когда Изяслав Мстиславич услышал про это, сильно разгорелся сердцем против Святослава: он был очень храбр и силен в рати; он изготовил своих воинов к бою, пошел на Святослава к Карачеву, а вместе с ним Владимир Давыдович и Святослав Всеволодич. Бежавшая дружина встречалась по пути и возвращалась снова к Карачеву. Долго не было Изяслава; только после полудня приехал к ним Изяслав Мстиславич и Владимир Давыдович; весь тот день, вплоть до ночи, шли к Карачеву, и остановились, не дойдя до Карачева; было время ложиться спать; и пришла к ним весть из Карачева, что Святослав узнал от своих сторонников о том, что Изяслав Мстиславич с братьею идет на него к Карачеву; они повоевали много у Карачева, и бежал за лес к Вятичам[75] Святослав Ольгович.

[Изяслав Мстиславич] сказал братьям своим Владимиру и Изя-

славу Давыдовичам: «Каких хотели волостей, я вам добыл: вот— Новгород [Северский], и что Святославлих волостей, то—вам», а сам вернулся в Киев и там сказал: «А что будет Игоря в той волости, челядь или имущество, то—мое, а что будет челяди и имущества́ Святослава, то разделим на части». Так и сделали.

[Болезнь и пострижение Игоря Ольговича]

Вернулся в Киев Изяслав Мстиславич. В это время разболелся Игорь в тюрьме, сделался очень болен и прислал к Изяславу с такой мольбой и просьбой: «Брат, я очень болен, прошу у тебя—постричься; у меня было намерение постричься еще когда я был князем; теперь я—в беде и очень болен и не жду себе жизни». [Изяслав] сжалился и сказал: «Если у тебя была мысль постричься, в том ты волен, а я тебя и без того выпускаю—ради твоей болезни». Послал и велел открыть тюрьму, вынули его из тюрьмы совершенно больного и понесли его в келью; на восьмой день только бог вернул ему душу, но не мог он ни пить, ни есть, и велел постричь себя епископу Евфимию. Потом бог избавил его от болезни, привели его в Киев в монастырь св. Федора, он призвал игумена и братию и сделал то, что обещал,— постригся в монастыре св. Федора в схиму.

[Скитания Святослава Ольговича]

Давыдовичи пошли к Брянску, а Святослав Всеволодич—в Карачев и послал сказать в Козельск дяде своему Святославу: «Изяслав Мстиславич ушел в Киев, а Давыдовичи хотят итти против тебя с Ростиславом Смоленским».

Так Давыдовичи пришли, остановились в Брянске, а Святослав из Козельска пошел к Дедославлю, а оттуда—к Осетру; там ушел от него Иван Берладник к Ростиславу Смоленскому, забрав у Святослава сто гривен серебра и двенадцать гривен золота.

[Юрий Суздальский присылает помощь Святославу Ольговичу]

Когда Святослав пришел в город Колтеск, прислал ему там в помощь Юрий тысячу человек дружины Белоозерской. Святослав принял дружину и хотел ехать с Белоозерцами против Давыдовичей к Дедославлю.

В это время заболел Иванко Юрьевич, был очень болен. Святослав и сам не отъехал от него и дружины не пустил.

[Давыдовичи] услыхали, что Юрий прислал к нему [Святославу] помощь, не осмелились итти против него, но созвали Вятичей и сказали им: «Это—враг нам и вам; захватите его обманом, убейте, перебейте его дружину, а добро—захватите». И так вернулись из Дедославля.

[Смерть Иванка Юрьевича]

В то время пришли Юрьевичи, Ростислав и Андрей, к Рязани против Ростислава Ярославича. Ростислав убежал из Рязани к Половцам к Ельтуку.

В это же время Святослав отпустил воинов своих к Половцам, дав им много подарков, о которых мы прежде написали; пошло с ними и много Половцев.

В это же время умер Иванко Юрьевич, месяца февраля в двадцать четвертый день, в ночь на понедельник масляной недели, а на другой день приехали два брата Борис и Глеб, учинили большой плач и, так убрав тело его, повезли его с печалью в Суздаль к отцу, а Святослав повернул назад, пошел от верховьев Оки и, придя, остановился на устье Протвы в городе Лобынске. Там прислал к нему Юрий (говоря в утешение: «Не тужи о сыне своем; если того бог взял, то другого сына пришлю к тебе») много шелковых тканей и шкур, и жену его и дружину помногу одарил.

[*Свидание Юрия Суздальского с Святославом Ольговичем в Москве*]

В лето 6655. Пошел Юрий воевать Новгородские волости и, придя, захватил Новый Торг и Мсту всю захватил, а к Святославу прислал и велел ему разорять Смоленскую волость; пошел Святослав и захватил людей из племени Голядь[76] в верховьях Протвы; таким образом захватила дружина Святославля много пленных.

Прислал Юрий сказать ему: «Приходи, брат, ко мне в Москву[77]. Святослав поехал к нему с детищем своим Олегом с малой дружиной, взяв с собою и Владимира Святославича. Олег поехал вперед к Юрию и подарил ему барса, а после его приехал отец его Святослав, и так с любовью приветствовали друг друга в пятницу пятой недели поста, и радовались очень.

На другой день велел Юрий устроить пышный обед и оказал великую честь им, дал с любовью много подарков Святославу и сыновьям его Олегу и Владимиру, одарил и мужей Святославлих и отпустил их; обещал Юрий сына своего послать к нему, что и сделал. Святослав оттуда вернулся к Лобынску, а оттуда пошел к Неринску, перешел Оку и остановился.

[*Смерть Петра Ильича, мужа Олега Гориславича*]

К пасхе на вербное воскресенье умер там добрый старец Петр Ильич, который был мужем его отца[78]; от старости он не мог влезать на коня: было ему девяносто лет.

[*Изяслав Мстиславич ставит митрополитом в Киеве Клима Смолятича*]

В этот год поставил Изяслав митрополитом Клима Смолятича, выведя его из Заруба[79]: это был черноризец, схимник и философ[80], каких не было в Русской земле. Черниговский епископ Онуфрий, Белогородский—Федор, Переяславльский—Евфимий, Юрьевский—Демьян, Владимирский—Федор, Новгородский—Нифонт, Смоленский—Мануил сказали: «Нет того в законе, что можно епископам поставить митрополита без патриарха, но [один] патриарх ставит митрополита; мы не будем подчиняться тебе, ни служить вместе с

тобою, потому что ты не взял благословения ни у св. Софии[81], ни у патриарха; если, по правилам, получишь благословение от патриарха, тогда будем подчиняться тебе: мы знаем из завещания митрополита Михаила[82], что нельзя нам без митрополита служить в св. Софии». Он же сильно разгневался на них. Онуфрий Черниговский сказал: «Я знаю, что должно нам [его] поставить, потому что у нас есть голова св. Климента[83]; ставят же Греки рукою св. Ивана [Предтечи]»; порешили так, поставили его митрополитом головою св. Климента.

[*Святослав Ольгович набирает Половцев для борьбы с врагами*].

Святослав пришел и остановился у Неринска, и тогда пришли к нему послы от Половцев, дядей его, шестьдесят родственников с Василием Половчанином, с такими словами: «Спрашиваем о твоем здоровьи, а, коли велишь, придем к тебе с силою».

В это же время прибежали из Руси детские и поведали ему, что Владимир—в Чернигове, а Изяслав—в Стародубе. Святослав пришел к Дедославлю: там пришли к нему другие Половцы, Токсобичи[84]; приставил [Святослав] к ним Судимира Кучебича и Горена, и послал их на Смольнян; разорили они верховье Угры. В это же время убежали Владимировы и Изяславовы посадники от Вятичей, из Мценска, Брянска и Облова.

Оттуда [Святослав] пошел в Девягорск, захватил всех Вятичей, Брянск, до Воробьина Подесенье, Домагощь и Мценск. В это же время пришло к нему много Половцев, дядей его.

В это время Изяслав Давыдович из Новгорода [Северского] пришел в Чернигов; в это же время пришел Глеб Юрьевич к Святославу в Девягорск; оттуда пошли к Мценску со Святославичем, Юрьевичем и Половцами, и там дали им много подарков. Оттуда пошли к городу Кромам.

[*Давыдовичи и Святослав Всеволодич изменяют Изяславу Мстиславичу*]

Догнали его послы от Владимира Давыдовича и Святослава Всеволодича с такими словами: «Не гневайся на нас за то, но будем все заодно; не помни наших обид, а целуй нам крест, а отчину свою возьми; а что побрали твоего, то тебе вернем», и целовали крест.

[*Давыдовичи обманом зовут Изяслава Мстиславича в поход на Юрия Суздальского*]

В тот же год послал Владимир [Давыдович] Изяслава Давыдовича из Чернигова к Изяславу, князю Киевскому, сказать так: «Брат, вот занял Святослав Ольгович волость мою Вятичей, пойдем на него, а если прогоним, то пойдем на Суздаль против Юрия: либо мир с ним учиним, либо биться будем».

Изяслав Мстиславич порешил с Давыдовичами и Святославом Всеволодичем итти на Юрия и Святослава; тогда держал Святослав Всеволодич у Изяслава Бужск, Межибожье, Котельницу, а всего пять

городов; приехал он к Изяславу и начал у него проситься, говоря так: «Отец, отпусти меня прежде в Чернигов—там все имущество мое; хочу у братьев моих, Владимира и Изяслава, просить волостей». Тот сказал: «Сын, ты и так вполне готов, иди сторожевым отрядом, снаряжайся в путь». Пошел Святослав в Чернигов; сдумали князья Черниговские и послали послов к Изяславу, зовя его итти такими словами: «Земля наша погибает, а ты не хочешь пойти».

[*Киевляне отказываются итти вместе с Ольговичами против племени Владимира Мономаха*]

Изяслав созвал бояр своих и всю дружину—Киевлян и сказал им: «Вот я порешил с братьями своими, Владимиром и Изяславом Давыдовичами и со Святославом Всеволодичем, хотим пойти на Юрия, дядю моего, и на Святослава в Суздаль, потому что [Юрий] принял врага моего Святослава Ольговича, а брат Ростислав там соединится с нами: пусть он идет ко мне со Смольнянами и Новгородцами».

Киевляне, услыхав это, сказали: «Не ходи, князь, с Ростиславом против дяди своего, лучше с ними договорись; Ольговичам не верь, лучше не ходи с ними в поход». Изяслав сказал им: «Они целовали ко мне крест, а я с ними думу сдумал, а этого похода не хочу отложить, а вы собирайтесь». Киевляне сказали: «Князь, не гневайся на нас: не можем поднять рук на Владимирово племя; а против Ольговичей и с детьми [пойдем]». Изяслав сказал: «Кто хорош, тот за мной пойдет». Сказал так, собрал множество воинов и пошел на Лету, оттуда к Нежатину, а от Нежатина пошел и остановился у Русотина со своими отрядами, оттуда послал Улеба в Чернигов, а брата своего Владимира оставил в Киеве.

[*Переговоры Изяслава Мстиславича с Давыдовичами*]

Улеб пришел в Чернигов и узнал, что Владимир и Изяслав Давыдовичи и Святослав Всеволодич целовали крест Святославу Ольговичу, желая обманом убить Изяслава. Услыхав про это, Улеб прибежал к князю своему Изяславу и сказал ему, что отступили от него князья Черниговские и целовали крест против него. Пришла к нему весть от сторонников его из Чернигова: «Не ходи, князь, никуда, оттуда зовут тебя обманом, хотят убить, либо захватить вместо Игоря, и крест его целовали Святославу Ольговичу и оттуда послали с крестом к Юрию, на которого с тобою уговорились».

Изяслав, услыхав об этом, повернул назад и послал послов своих в Чернигов к Владимиру и брату его Изяславу сказать так: «Вот мы задумали большой поход, а в утверждение этого целовали крест дедов наших и отцов наших, подтвердим еще раз, что не будет у нас в том походе ни ссоры, ни обмана, но по правде совершить поход и биться с противниками». Они ему отвечали: «Зачем без нужды целовать крест, мы ведь поцеловали крест к тебе; в чем наша вина?»—и пренебрегли поцеловать крест. Сказал им посол Изяслава Мсти-

славича: «Какой грех целовать крест по любви: это нам—на спасение». Они не обратили на это внимания. Изяслав сказал послу своему: «Если они по любви не хотят креста целовать, то скажи им, что̀ мы слышали». Сказал им посол Изяславль: «Если вы стоите на крестном целовании, то я вам, братья, объявляю [говорю] так, как дошло до моих ушей. Что ведете меня обманом, а [сами] целовали крест к Святославу Ольговичу, что во время этого похода вам либо схватить меня, либо убить вместо Игоря; так ли это, братья, или не так?» Они ничего не могли отвечать, только поглядели друг на друга и долго молчали. Сказал Владимир [Давыдович]: «Выйди, посиди, позовем тебя обратно». Они долго думали, потому что были уличены. И сказали так: «Да, брат, мы поцеловали крест Святославу Ольговичу: нам жаль, что ты держишь брата нашего Игоря, а он—уже монах и схимник; пусти нашего брата, мы будем подчиняться тебе; любо ли тебе было бы, брат, если бы мы брата твоего держали?»

Так посол Изяславль приехал и сказал Изяславу, что изменили ему. Изяслав опять послал посла своего к ним с крестными грамотами и сказал им: «Вы целовали крест до [конца] своей жизни, и я отдал вам волости Святослава и Игоря, я с вами и Святослава прогнал, а волость вам приобрел, отдал Новгород [Северский] и Путивль, а имущество его взяли и поделили на части, а Игорево я себе взял. Так вот, братья, вы нарушили крестное целование, а сюда меня привели обманом, желая меня убить, пусть будет со мною бог и сила креста, а мне, как бог даст».

Сказал так и бросил им крестные грамоты.

[*Посольство Изяслава к брату своему Ростиславу Смоленскому*]

В это время Изяслав послал послов к брату своему Ростиславу в Смоленск и сказал ему: «Вот, брат, Владимир и Изяслав Давыдовичи целовали, было, крест нам и думу сдумали пойти нам против дяди своего и хотели, было, обманом убить меня, но бог и сила крестная избавили [меня]; вот, брат, порешили мы пойти на дядю своего, теперь ты уж не ходи, а приходи сюда ко мне, а там снаряди Новгородцев и Смольнян удержать Юрия и пошли к союзникам, в Рязань и всюду».

[*Изяслав Мстиславич на вече зовет Киевлян итти на Ольговичей*]

В это время послал Изяслав в Киев к брату своему Владимиру, которого оставил в Киеве, к митрополиту Климу и тысяцкому Лазарю сказать так: «Созовите Киевлян на двор к св. Софии; пусть мой посол скажет речь мою к ним и расскажет про обман Черниговских князей».

Киевляне все от мала до велика сошлись на двор к св. Софии на вече; сказал им посол Изяслава: «Приветствует вас ваш князь; я говорю, что думал с братом своим Ростиславом и с Владимиром и Изяславом Давыдовичами пойти на дядю своего Юрия и вас с собою звал, но вы мне сказали, что не можете поднять руки на Вла-

димирово племя, на Юрия, а на Ольговичей даже с детьми пойдем с тобою; вот теперь я говорю: Владимир и Изяслав Давыдовичи и Святослав Всеволодич, которому много добра сделал, целовали крест ко мне, а теперь тайно от меня целовали крест к Святославу Ольговичу и с Юрием сослались, а меня хотели обманом либо захватить, либо убить вместо Игоря, но сохранил меня бог и крест, который они целовали; теперь, братья Киевляне, чего хотели и что обещали, идите за мной в Чернигов, на Ольговичей, снаряжайтесь все от мала и до велика кто имеет коня, а кто не имеет, пусть [отправляется] на лодке: не одного меня убить хотели, но и вас истребить». Киевляне отвечали: «Рады, что бог тебя ныне избавил от большого обмана... идем за тобою, и с детьми, как ты желаешь».

[*Убийство Игоря Ольговича*][85]

И сказал один человек: «Рады итти за своим князем, но прежде подумаем о том, что раньше сделали при Изяславе Ярославиче: злые люди вытащили Всеслава из тюрьмы и поставили себе князем, и много было зла из-за того нашему городу, а вот Игорь, враг нашего князя и наш,—не в тюрьме, но в [монастыре] св. Федора; убьем его, пойдем к Чернигову за своим князем и покончим с ними [Ольговичами]».

Услыхав это, народ пошел оттуда за Игорем в [монастырь] св. Федора, и сказал им Владимир: «Этого вам брат мой не велел делать, Игоря охраняют сторожа, а мы пойдем к брату, [как] он нам велел». Отвечали Киевляне: «Мы знаем, что не кончить добром ни нам, ни вам с этим племенем». Митрополит, Лазарь тысяцкий, Рагуил тысяцкий Владимира запрещали им убить Игоря. Они же кричали про Игоря и пошли его убивать. Владимир сел на коня и поскакал, народ шел по мосту, он не мог проехать мимо них, поворотил коня направо мимо Глебова двора. Киевляне предупредили Владимира.

Игорь, услышав про это, пошел в церковь св. Федора...

[Дальше следуют благочестивые размышления Игоря.]

... Они устремились на него. Словно звери свирепые схватили они его во время обедни в церкви св. Федора и сорвали с него мантию.

Он сказал им: «Законопреступники, враги правды, отступники от Христа, почему вы хотите убить меня, словно разбойника? Что вы целовали крест, желая иметь меня князем, об этом я и не напоминаю, потому что бог дал мне принять монашеский чин». Лукавое, неистовое сборище закричало еще громче: «Бейте его, бейте!»—сорвали с него одежду. Он же громко закричал: «Окаянные, не знаете, что вы делаете, делаете это по неведенью, хоть и всего меня нагим оставите, нагим я вышел из чрева матери, нагим и умру». Когда он говорил, его схватили и повели из монастыря.

Встретил его Владимир в монастырских воротах, и, взглянув на него, сказал Игорь: «Ох, брат, куда меня ведут?» Владимир соскочил с коня, прикрыл его одеждами и сказал Киевлянам: «Братья, не смейте чинить этого зла, не убивайте Игоря»—и довел его

Владимир до ворот матери своей и там начали бить Игоря и ударили Владимира, нанося удары Игорю.

Михаил, увидев это, соскочил с коня, желая помочь Владимиру. Владимир же втащил его в двор матери своей, охраняя Игоря, и затворил ворота. Избивая Михаила, сорвали с него крест с цепями (а в нем гривна золота); так было много избивающих Игоря.

Прискакал Владимир Мстиславич, соскочил с коня и упал на Игоря; Игорю удалось встать и войти в двор Мстислава. А люди схватили Владимира и хотели убить его вместо Игоря. Некоторые из народа увидели, что Игорь вбежал в Мстиславов двор, народ бросился, выломал ворота и убил Игоря...

Тело его оставили обнаженным, бросили и волокли веревками за ноги; еще при жизни ругались над его телом. Выволокли его с Мстиславова двора через Бабин торжок на княжеский двор и там прикончили его. Так покончили с князем Игорем, сыном Олега; был он добр и защитник отечества своего...

Так умер он, месяца сентября в девятнадцатый день, в пятницу.

Положили его на повозку и повезли его на Подолье на торг и подвергли поруганию... люди благочестивые, проходя мимо, брали кровь его и часть покрывала, лежащего на нем, на его теле—себе на спасение и на исцеление и покрывали наготу его тела своими одеждами.

Сказали Владимиру, что брошен [Игорь] на торгу; он послал тысяцкого. [Тысяцкий] приехал и увидал Игоря, лежащего мертвым, и сказал: «Уже убили Игоря; давайте похороним тело его». Киевляне отвечали: «Не мы убили его, а Ольговичи, Давыдовичи и Всеволодич, потому что мыслили злое на нашего князя, желая обманом убить его, но бог за нашим князем и св. София».

Тысяцкий велел взять Игоря; взяли его и положили в церковь св. Михаила. В ту ночь бог показал над ним великое чудо: зажглись все свечи над ним. На другой день Новгородцы пришли и сказали митрополиту; митрополит велел никому об этом не говорить, но велел сохранить в тайне такую благодать божию, проявившуюся над ним. В субботу на рассвете послал митрополит игумена [монастыря] св. Федора, Ананию; приехал игумен, увидал его нагого, одел его в одежду, отпел его и отвез на край города в монастырь св. Симеона: это был монастырь отца его и деда Святослава; там и положили [его].

[*Изяслав Мстиславич узнает про убийство Игоря*]

В это время Изяслав стоял на верховьях Супоя, и туда прислал к нему Владимир поведать об убийстве Игоря. Изяслав, услышав про то, заплакал и сказал: «Если бы я знал, что так будет с ним, то мне бы его подальше отослать: я мог бы спасти Игоря». И сказал Изяслав своей дружине: «Не уйти мне от всяких упреков от людей: скажут они, что Изяслав велел, а тому бог свидетель, что я не приказывал и не подстрекал, пусть судит бог». И сказали ему мужи его: «Напрасно ты печалишься о том, что люди скажут, что Изяслав его

убил или велел убить, бог и все люди знают, что не ты его убил, а его братья, которые целовали тебе крест и нарушили целование, желая обмануть тебя и убить». Изяслав сказал: «Так вышло, всем нам там быть, а там уж бог—судья»—и жаловался на Киевлян. И послал Изяслав Владимира в Городок, а за Ростиславом—в Смоленск.

[Ольговичи и Глеб Юрьевич захватывают Курск]

Пришла весть к Владимиру Давыдовичу, что убили Игоря. Владимир послал сказать Святославу Ольговичу: «Брата твоего Игоря убили». Он созвал свою старшую дружину, рассказал им и горько плакал по брате своем.

В это время пришел к нему из Суздаля Глеб Юрьевич, и пришли они к Курску. Мстислав [Изяславич] услыхал, что идет против него к Курску Юрьевич с Святославом Ольговичем, и сказал Курянам. Куряне сказали Мстиславу: «С Ольговичем рады за тебя биться с детьми, но на Владимирово племя, на Юрьевича, не можем поднять рук». Мстислав, услыхав это, уехал к своему отцу. Куряне послали к Юрьевичу и взяли у него посадников себе. [Глеб Юрьевич] посадил у них своего посадника, а сам пошел со Святославом и ушел оттуда к Выреву; посадил Глеб Юрьевич своих посадников по Посемью за степью; там учинило договор много Половцев, дав ему клятву.

Пришел туда к ним Святослав Всеволодич и послал к Выревцам сказать: «Если не сдадитесь, то отдам вас в плен Половцам». Они отвечали: «Князь у нас Изяслав»—и не сдались им. Оттуда пошли к Бьяханю и там не добились никакого успеха, а оттуда пошли к Попашу; туда пришел к ним Изяслав Давыдович, после боя захватили Попаш.

[Изяслав и Ростислав Мстиславичи с большим войском выступают против Ольговичей]

В это время пришла к Изяславу Мстиславичу весть, что Бьяхань и другие города отбились [от врагов], а Попаш—захвачен. Изяслав Мстиславич собрал много воинов, и пришел ему вспомогательный полк от Вячеслава из Владимира; пошел Изяслав с отрядами своими к Переяславлю, а там была ему весть от брата Ростислава, что он уже идет; так ему сказал посол Ростиславль: «Брат тебе говорит: подожди меня, я здесь у тебя Любеч сжег и много разорил и много зла сделал Ольговичам; увидим оба со временем, что нам бог откроет».

Услыхав это, Изяслав пошел потихоньку, поджидая брата своего Ростислава, и остановился Изяслав, где находится Черная Могила; пришел там к нему брат Ростислав со множеством воинов Смольнян: таким образом Изяслав соединился с братом своим Ростиславом, поблагодарил бога, радуясь брату своему, и начал думать с братом своим Ростиславом, дружиною и Черными Клобуками, как им пойти навстречу к ним к Суле, где те стояли. Сказал

Ростислав брату своему Изяславу: «Вот нас, брат, бог соединил вместе, а тебя бог избавил от великого обмана: хотели тебя либо схватить, либо убить; теперь, брат, не медли, но поедем туда им наперерез, и как нас с ними бог рассудит».

Сказали так и пошли на Сулу.

[*Изяслав и Ростислав Мстиславичи воюют Черниговскую землю*]

Прослышали Изяслав Давыдович, Святослав Ольгович и Половцы, что Изяслав уже соединился с братом Ростиславом и идет против них; в ту же ночь Половцы ушли от них в Половецкую землю, осталось у них немного Половцев; сами они пошли на Глебль к Чернигову. Узнали Изяслав и Ростислав, что Половцы уже разошлись в разные стороны, прослышав про них, пошли к Чернигову и начали думать с мужами своими, с дружиною и с Черными Клобуками, куда бы им наперерез пойти; сказала им дружина его и Черные Клобуки: «Туда нам наперерез—ко Всеволожу»; сказали так и пошли наперерез ко Всеволожу, но не захватили их у Всеволожа: Изяслав Давыдович, Святослав Ольгович и Святослав Всеволодич прошли уже мимо Всеволожа. Изяслав Мстиславич с братом своим Ростиславом не пошли за ними, но со своими отрядами подошли ко Всеволожу и взяли город Всеволожь приступом... Услыхали другие города, Уневежь, Белавежа, Бохмачь, что Всеволожь взят, и убежали в Чернигов, и другие многие города бежали. Услыхали Изяслав и Ростислав и послали за ними вдогонку, захватили их в степи, захватили там те три города, а другие убежали. Изяслав велел сжечь те города. Глебовцы услыхали про Уневежь, Бохмачь и Белавежу, но не успели убежать.

Изяслав с братом своим Ростиславом прослышали про то, пошли к Глеблю, пришли к Глеблю, изготовились к бою, подошли с войсками; начали биться из города, крепко бились, начиная с утра и до вечера, но бог, Богородица и мученики избавили город от сильного врага.

[*Изяслав и Ростислав думают в Киеве о дальнейшей рати*]

Изяслав с братом своим Ростиславом вернулись оттуда и пошли к Киеву, сказав своей дружине, Киевлянам и Смольнянам: «Собирайтесь все; как реки станут, пойдем к Чернигову, и как нам с ними бог даст». Пришли в Киев, поблагодарили бога и поклонились церквам и радовались. Порешив так, сказал Изяслав брату своему Ростиславу: «Брат, бог дал тебе «верховную землю»[86], а ты иди там против Юрия, там у тебя Смольняне и Новгородцы и союзники твои; ты там удерживай Юрия, а я останусь здесь: что мне бог даст с Ольговичами и Давыдовичами». Ростислав пошел к Смоленску.

После того времени, как уже реки стали, послали Ольговичи и Давыдовичи дружину свою с Половцами и разграбили Брягинь.

[Глеб Юрьевич ведет неудачную рать с Изяславом Мстиславичем]

В этот же год приехал Глеб Юрьевич и захватил Городок Остерский у Изяслава; прослышав, послал к нему Изяслав, зовя в Киев к себе; Глеб пообещал к нему пойти и не пошел, послушав Жирослава, который сказал ему: «Иди в Переяславль: тебя хотят Переяславцы». Послушал его и пошел быстро к Переяславлю.

На рассвете, когда Мстислав с дружиною еще спали, прибежали сторожевые отряды и сказали ему: «Не спи, князь: Глеб пришел на тебя!» [Мстислав] быстро собрал дружину и выступил против него из города. Постоял Глеб до другого дня и вернулся назад. Мстислав же вместе с дружиною и Переяславцами гнался за ним, догнал его у Носова на Руде, захватил в плен несколько дружинников его; сам [Глеб] ушел в Городок, а Мстислав вернулся в Переяславль.

Изяслав услышал про то, что случилось, собрал дружину и Берендеев и пошел на него к Городку; послал Глеб к Владимиру [Давыдовичу] и Святославу Ольговичу сказать им: «Идет на меня Изяслав, пришлите мне на помощь». Они ничем не могли ему помочь. Пришел Изяслав к Городку на Глеба и стоял около него три дня. Юрьевич испугался, выехал из Городка и поклонился Изяславу. Примирился с ним Изяслав и вернулся в Киев. Юрьевич послал сказать Владимиру [Давыдовичу]: «Поневоле поцеловал крест к Изяславу, потому что он окружил меня в городе, а от вас помощи не было; теперь во всяком случае хочу быть с вами и принимаю вас».

[Изяслав Мстиславич воюет Черниговскую землю]

В лето 6656. Опять пошел Изяслав к Чернигову, собрав свое войско и послав взять полк у дяди своего Вячеслава, привел полки Угров на помощь себе, привел полк Владимиров, собрал полки Берендеев и пошел к Чернигову; пришел и остановился на Олеговом поле и стоял там три дня; не посмели выйти из Чернигова против Изяслава Святослав Ольгович, Изяслав и Владимир Давыдовичи и Святослав Всеволодич. Изяслав же стоял и сжег все села их вплоть до Боловоса. И сказал Изяслав: «Вот мы села их сожгли все и имущество их все, а они к нам не выходят. Пойдем к Любечу, где всё их добро». Так порешил Изяслав и пошел к Любечу; шли до Любеча пять дней, и остановился Изяслав у Любеча.

В это время пришли Владимир и Изяслав Давыдовичи и Святослав Ольгович с племянником своим Святославом Всеволодичем; пришли Рязанские князья и Половцы с ними; есть река у Любеча; придя, они остановились, заслонившись ею.

В воскресенье Изяслав изготовил к бою своих воинов, но нельзя было ему добраться до их отрядов из-за этой реки, а стрелки бились с двух сторон; был той ночью очень сильный дождь; на другой день Изяслав увидал, что на Днепре портится лед, и сказал мужам своим и Уграм: «Нам нельзя биться с этими войсками из-за этой реки, а там за нами Днепр трогается; перейдем за Днепр».

Так сказал Изяслав и перешел за Днепр в понедельник, а на другой день тронулся Днепр. Изяслав по той же стороне [Днепра] пошел к Киеву, Угры быстро уехали, на озере под ними обломился лед, и потонуло их несколько.

[*Изяслав шлет Ростиславу добрые вести о своем походе на Ольговичей*]

Изяслав пришел в Киев... и послал сказать брату своему Ростиславу: «Сообщаю тебе, брат, что ходил на Ольговичей к Чернигову и стоял на Олеговом поле, и много им зла причинил, и землю их разорил, и те не смогли выйти ко мне биться, и оттуда я пошел к Любечу, те к нам приехали, разъединила нас с ними река, нельзя было с ними биться из-за той реки, а в ту ночь был сильный дождь, а на Днепре лед стал плох, и потому мы перешли на ту сторону [Днепра], и бог... привел нас здоровыми в Киев, а я тебя спрашиваю: здоров ли ты, и как тебе бог помогает?»

[*Ольговичи шлют за помощью к Юрию Суздальскому*]

В это время послал Владимир Давыдович к Святославу Ольговичу и Святославу Всеволодичу сказать: «Братья, давайте соберемся, не можем оставаться спокойными при такой войне». Приехал к ним Святослав, и послали послов своих к Юрию сказать ему: «Ты целовал с нами крест пойти тебе вместе с нами на Изяслава, а вот ты не пошел, а Изяслав пришел, сжег наши города за Десною и землю нашу разорил, и во второй раз пришел Изяслав опять к Чернигову, стал на Олеговом поле, пожег тут наши села до Любеча и все имущество наше разорил. А ты ни к нам не пошел, ни на Ростислава не наступал; теперь, если хочешь, иди на Изяслава, и мы пойдем с тобою, а не пойдешь, мы будем правы в крестном целовании: не можем мы одни на войне погибать».

[*Глеб Юрьевич неудачно воюет с Мстиславом Изяславичем*]

В это время сговорился Глеб Юрьевич с Переяславцами и поехал к ним из Городка. Узнал Мстислав Изяславич, что идет на него [Глеб], вышел против него со своим отрядом, с Переяславцами. Глеб увидал, что идет на него Мстислав (а у него было мало воинов) и сказал: «Обманули меня Переяславцы». Не в силах противостоять [Мстиславу], он побежал. Они в погоне дружину его похватали, а других перебили; Станиславича схватили там и казнили лютой казнью и так многих захватили; сам Глеб убежал в Городок, но не смог и в нем оставаться, а убежал в Чернигов к Владимиру Давыдовичу.

[*Ольговичи просят мира у Изяслава Мстиславича*]

В это время вернулись их послы от Юрия и не нашли у него себе помощи. Владимир и Изяслав Давыдовичи, Святослав Ольгович и

Святослав Всеволодич прислали послов своих к Изяславу Мстиславичу, ища мира, и сказали так:

«Вот как было при наших дедах и при наших отцах: мир стоит до войны, а война—до мира; ...нам было жаль брата своего Игоря, а мы старались, чтобы ты отпустил нашего брата; теперь наш брат убит, пошел к богу, а там нам всем быть, а то бог разберет; до каких же пор мы будем губить Русскую землю? Давай мириться». Изяслав сказал им: «Братья! хорошо—хранить христиан, но у вас была дума, а я пошлю к брату своему Ростиславу, с тем еще раз пораздумаю и пришлю послов своих к вам». Так сказал он им в ответ и отпустил их послов.

[*Переговоры Изяслава с Ростиславом, братом своим*]

Послал мужей своих [Изяслав] к Ростиславу, брату своему, сказать ему так: «Вот прислали ко мне братья, Владимир и Изяслав Давыдовичи, Святослав Ольгович и Святослав Всеволодич, просить мира, а я снова советуюсь с тобою: как нам обоим будет лучше: мир ли (хотя они и зло нам учинили, но теперь ищут мира), или снова война: я на тебя полагаюсь».

Ростислав так отвечал на это брату своему Изяславу: «Кланяюсь я тебе, брат, ты старше меня: как ты надумаешь, я на то согласен; если же ты, брат, на меня возлагаешь честь, то я бы, брат, так сказал ради Русских земель и ради христиан: я, брат, лучше люблю мир; те начали войну, чего добились? Теперь же, брат, ради христиан и ради всей Русской земли, учини мир; но пусть они оставят вражду за Игоря и в другой раз не делают того, что хотели учинить; если от всего того откажутся, то учини мир с ними; если же снова будут иметь вражду за Игоря, то лучше нам с ними воевать,—и что нам с ними бог даст».

[*Мир между Изяславом Мстиславичем и Ольговичами*]

Изяслав, услыхав это, послал послов к Владимиру Давыдовичу и к брату его Изяславу и к Святославу Ольговичу и к Святославу Всеволодичу—Белгородского епископа Федора и игумена Печерского Федоса и мужей своих с ними в Чернигов сказать им так: «Вы ко мне крест целовали на том, что вам не искать брата Игоря, и то вы нарушили и вдосталь мне зла учинили; теперь я этого не вспоминаю, ради Русской земли и ради христиан; но раз вы ко мне прислали за миром и раскаиваетесь в том, что хотели учинить, то целуйте крест на том, что не иметь вам вражды за Игоря и не учинить того, что раньше хотели чинить».

Так на том и целовали крест у св. Спаса—отбросить вражду за Игоря, а хранить Русскую землю и всем быть за одного брата.

[*«Снем» у Городка Изяслава Мстиславича и Давыдовичей*]

В этот же год осенью собрались на «снем» у Городка Изяслав Мстиславич, Владимир Давыдович и брат его Изяслав и все там

были. В это же время пришел старший Юрьевич, Ростислав, рассорившийся со своим отцом за то, что не дал ему волости в Суздальской земле; он пришел к Изяславу в Киев, поклонился ему и сказал: «Отец меня сильно обидел и волости мне не дал; я пришел, призвал в свидетели бога и тебя, потому что ты старше нас среди Владимировых внуков; хочу потрудиться за землю Русскую и за тобой ездить».

Изяслав ответил ему: «Всех нас старше твой отец, но он не умеет с нами жить; дай мне Бог вас, братьев своих, и весь род свой по правде держать, словно душу свою; теперь, если отец тебе волости не дал, я тебе даю»—и дал ему Бужск, Межибожье и Котельницу и других два города.

Взял [Изяслав] Ростислава Юрьевича с собою на «снем» к Городку Остерскому и сказал Владимиру Давыдовичу и брату его Изяславу: «Брат Святослав и мой племянник ко мне не пришли, а вы все целовали крест на том, что если кто ко мне будет зол, то и вам на того быть вместе со мною; вот, братья мои, о чем я с вами хочу думать: дядя мой Юрий из Суздаля чинит обиду моему Новгороду и дани у них отнял и на дорогах обиды чинит: хочу пойти на него и хочу либо миром, либо войною договориться с ним, а вы крест целовали быть вместе со мною».

Владимир сказал: «Не приехал ни брат Святослав, ни твой племянник, а мы здесь, и все мы крест целовали на том, что, где твоя обида будет, нам быть с тобою». И так порешили о своем пути: как установится лед, итти на Юрия к Ростову—Давыдовичам и Святославу Ольговичу пойти на Вятичей к Ростову, а Изяславу итти к брату своему Ростиславу в Смоленск, а всем нам соединиться на Волге.

Там Изяслав Мстиславич пригласил к себе на обед Владимира Давыдовича и брата его Изяслава, пообедали они и пребывали в радости и в любви, потом разъехались: Изяслав пошел к Киеву, а Владимир Давыдович с братом пошли в Чернигов.

Сказал Изяслав Ростиславу Юрьевичу: «Иди в Бужск и оставайся, пока я не схожу против твоего отца: либо с ним мир возьму, либо еще как-нибудь с ним улажусь, а ты оттуда побереги Русскую землю».

В это время Ростислав Смоленский выпросил дочь у Святослава Ольговича за Романа, сына своего, в Смоленск, и выдана она была [замуж] из Новгорода [Северского].

[*Изяслав Мстиславич среди похода на Юрия Суздальского приходит в Новгород Великий*]

В это время Изяслав пошел на Юрия, дядю своего; брата своего Владимира оставил в Киеве, сына своего Мстислава—в Переяславле, а сам пошел вперед к брату Ростиславу, войскам велел итти за собою, а всем собраться у Смоленска у Ростислава.

Пришел Изяслав к брату Ростиславу, поблагодарил бога..., видя брата здоровым, и были в великой любви и весельи и там дали

много подарков друг другу. Изяслав дал дары Ростиславу от Русской земли и от всех царских земель[87], а Ростислав дал дары Изяславу от верхних земель и от Варягов, и так порешили о своем походе.

Изяслав с малой дружиною пошел к Новгороду взять Новгородцев и с ними пойти, а брату Ростиславу поручил войска свои—туда же пойти по Волге, и всем собраться на устьи Медведицы.

Прослышали Новгородцы, что Изяслав идет к ним, и очень обрадовались; они вышли ему навстречу за три дня пути, а другие со всеми воинами встретили его за день пути от Новгорода.

Таким образом прибыл он в Новгород с великою честью в воскресенье, встретил его сын Ярослав с боярами Новгородскими, и поехали к св. Софии к обедне Изяслав с сыном своим Ярославом. И послали по улицам подвойских и биричей кликать-звать на обед к князю от мала до велика. Так пообедали с большой радостью и с великою честью разошлись по своим домам.

На другой день послал Изяслав на Ярославль двор и велел звонить, и собрались на вече Новгородцы и Псковичи, и сказал им [Изяслав]: «Вот, братья, сын мой прислал ко мне [сказать], что чинит вам обиду дядя мой Юрий: оставил я землю Русскую ради вас и ради ваших обид; пораздумайте, братья, как нам на него пойти: мир ли у него возьмем, либо войной покончим?» Они отвечали: «Ты—наш князь, ты—наш Владимир, ты—наш Мстислав[88], рады с тобою итти ради своих обид». И так разошлись...

[*Рать Мстиславичей с дядею Юрием Суздальским*]

Так пошли Новгородцы вместе с Изяславом со всеми своими силами, Псковичи и Корелы; пришел Изяслав на Волгу с Новгородцами на устье Медведицы и там ждал брата своего Ростислава четыре дня, и пришел к нему Ростислав со всеми Русскими войсками и со Смоленскими, соединились там и пошли вниз по Волге. Они еще прежде послали из Смоленска своего посла к Юрию, дяде своему. А он им ни посла назад не отпустил, ни своего не прислал; и пришли к Конятину, и там им не было вестей от Юрия. И начали они города и села его жечь и всю землю его разорять по обе стороны Волги, а оттуда пошли на Угличскую степь, и туда пришла к ним весть, что Владимир Давыдович и Святослав Ольгович стоят у своих Вятичей и ожидают, что̀ учинится между Юрием и Изяславом, а к ним не пошли, как сказали, всем собраться на устье Медведицы.

Изяслав сказал брату своему Ростиславу: «Пусть они к нам не пришли, как сказали, был бы с нами бог»—и оттуда послали Новгородцев и Русь воевать к Ярославлю; в это время уже стало тепло, было вербное воскресенье, по Волге и Мологе стояла на льду вода по брюхо коням; в это время вернулись Новгородцы и Русь, разоривши [землю] от Ярославля, привели много пленных и много зла учинили той земле.

Изяслав с братом своим Ростиславом сдумали, что реки уже трогаются, и порешили разойтись. Пошел Ростислав со своими вой-

сками в Смоленск, а Изяслав, брат его,—в Новгород Великий, а дружина Русская—одни пошли с Ростиславом, а другие—как кому было нужно, и так разошлись к себе.

[*Изяслав Мстиславич выгоняет из Русской земли Ростислава Юрьевича*]

В лето 6657. Пришел Изяслав из Новгорода в Киев, и начали ему наговаривать на Ростислава Юрьевича так: «Много он зла задумал на тебя, подговорил против тебя людей, Берендеев и Киевлян: только бы бог его отцу помог. Он (Ростислав) въехал бы в Киев, забрал твой дом, захватил брата твоего, жену твою и сына твоего; отпусти его к отцу: ты своего врага держишь себе на голову». Услыхал это Изяслав и послал за Ростиславом Юрьевичем, а в то время стоял Изяслав против [монастыря] св. Михаила у Выдобоча на острове. Ростислав приехал туда. Изяслав послал за ним свой «насад». И сколько с ним были дружины влезли в «насад». С теми и перевезли его, и поставили ему отдельный шатер. Велел Изяслав Ростиславу вылезти и итти в шатер; и послал к нему мужей своих сказать так: «Вот, брат, ты ко мне от отца пришел, потому что тебя отец очень обидел и волости тебе не дал; я тебя принял по правде как достойного брата своего и волость тебе дал; отец тебе того не дал, что я тебе дал; еще я приказываю тебе охранять Русскую землю и так тебе сказал: «Вот я, брат, иду на твоего отца, а на своего дядю, а ты постереги землю Русскую: либо я с ним помирюсь, либо как меня с ним бог управит. Ты же, брат, так надумал: если бог отцу твоему поможет против меня, тебе бы приехать в Киев, схватить брата моего, жену мою, сына моего и дом мой захватить».

Ростислав ему ответил: «Брат и отец! ни в уме, ни в сердце у меня того не было; если кто на меня наговорил, князь какой—я с ним [буду иметь дело], а если муж какой—среди христиан или язычников, ты меня старше, ты меня и рассуди». Изяслав сказал ему: «Ты у меня того не проси, чтобы поссорить меня с христианами или язычниками, теперь этого я для тебя не сделаю, а ступай к своему отцу». Так повели его, посадили в «насад» с четырьмя отроками, дружину его забрали, а имущество отняли.

[*Юрий идет походом на Русскую землю*]

Ростислав пришел к своему отцу в Суздаль, поклонился ему и сказал: «Слышал я, что тебя хочет вся Русская земля, и Черные Клобуки так говорят, а [Изяслав] нас обесчестил: пойди на него». Юрий опечалился за оскорбление сына своего и сказал: «Неужели так и нет части в Русской земле ни мне, ни детям моим»?; он собрал своих воинов и Половцев и пошел, надеясь на бога, месяца июля в двадцать четвертый день, и пришел к Вятичам.

Владимир Давыдович послал к Изяславу сказать так: «Юрий, дядя твой, идет на тебя и уже вошел в наших Вятичей; а мы целовали к тебе крест с тобою быть; шлю весть тебе, снаряжайся».

[Изяслав Мстиславич рядится со своими союзниками]

Изяслав, услышав про то, стал снаряжаться, а к Владимиру [Давыдовичу] послал мужа своего сказать: «Брат, бог пусть поможет тебе, как ты и сам сказал: крест мы целовали быть нам всем заодно; теперь, брат, вот мой муж, а ты добавь своего мужа, и пошлем к Святославу Ольговичу». Владимир сказал послу Изяслава: «Мы с братом готовы по крестному целованию, и не дай бог нарушить его, но ты бы уладил с братом нашим Святославом».

Посланные мужи пришли к Святославу [Ольговичу], и сказал ему посол Изяславль: «Так тебе говорит брат твой Изяслав; крест мы, брат, на том целовали, что быть вам со мною; теперь, брат, дядя мой идет на меня, а ты снаряжайся, как Владимир снаряжается и Изяслав, брат его». Мужи Владимира и Изяслава сказали ему: «Тебе говорят братья, Владимир и Изяслав: мы целовали крест быть нам всем заодно, и мы братья снаряжаемся, а ты, брат, тоже приготовляйся».

Святослав промолчал, ничего им не ответил, только одно им сказал: «Идите в свой стан, я снова вас позову»—и держал послов неделю и приставил сторожей к их стану, чтобы никто к ним не пришел, а сам послал Юрию сказать так: «Вправду ли ты идешь? Скажи мне об этом, не погуби моей волости и меня в беду не введи».

Святослав выслушал ответ Юрия и позвал к себе послов Изяслава Мстиславича и Владимира Давыдовича и брата его Изяслава; так велел сказать Святослав Ольгович Изяславу Мстиславичу: «Верни мне из имущества брата моего что-нибудь, и я буду с тобою».

[Святослав Ольгович переходит на сторону Юрия и порывает с Изяславом Мстиславичем]

Посол Изяслава приехал к Изяславу [Давыдовичу] и брату его Владимиру, и сказал тогда Владимир послу Изяславлю: «Святослав послал к Юрию узнать, вправду ли ты идешь на Мстислава». Юрий ответил ему: «Как не вправду хочу я итти, когда племянник мой Изяслав пришел против меня, волость мою разорил и пожег, да еще сына моего выгнал из Русской земли и волости ему не дал, и меня оскорбил; либо сложу позор и за землю свою отомщу, либо честь свою снова верну, а голову свою сложу».

Посол Изяслава приехал в Киев, поведал ему речь Святослава, и что ему Владимир [Давыдович] сказал. Изяслав, услыхав это, не стал медлить, но снова послал своего посла к Святославу сказать ему: «Ты, брат, целовал крест ко мне быть со мною и оставил вражду за Игоря и его имущество; теперь же, брат, вспоминаешь про то, дождавшись, когда дядя мой идет на меня ратью: разве ты не хочешь держаться крестного целования, чтобы быть со мною? Если не хочешь быть со мною, то ты уже нарушил крестное целование; я без тебя и на Волгу ходил, а разве что было со мною? Были бы теперь со мною бог и сила крестная!»

[*Юрий Суздальский соединяется со Святославом Ольговичем*]

Юрий пришел и остановился у Ярышева; приехал к нему туда на Спасов день Святослав Ольгович; там Святослав позвал его к себе на обед; они пообедали и разъехались; на другой день, в воскресенье, рано родилась у Святослава Ольговича дочь, и дали ей в крещеньи имя Мария; сказал Святослав Ольгович Юрию: «Брат, Изяслав—всем нам враг, брата нашего убил».

В тот же день Юрий пошел вперед со своими воинами, а Святослав пошел вслед за ним, на второй день, в понедельник, догнал Юрия и таким образом соединился с ним.

[*Юрий и Святослав набирают себе союзников*]

Юрий и Святослав послали послов своих к Давыдовичам, говоря так: «Братья, поезжайте с нами против Изяслава». Владимир Давыдович и брат его Изяслав так отвечали Юрию, говоря: «Ты нам поцеловал крест, а Изяслав пришел и разорил нашу землю и сжег наши города за Десною; теперь, мы целовали крест Изяславу Мстиславичу, с тем и хотим быть, а душою не можем играть». Отказались и послали к Изяславу поведать ему, что Юрий идет на него.

Юрий, услыхав, что Владимир и Изяслав [Давыдовичи] отказались следовать [за ним], пошел на старую Белувежу и стоял у Белывежи месяц, поджидая к себе Половцев и покорности от Изяслава; увидал, что от Изяслава нет вестей, пошел оттуда к Супою.

Тут к нему приехал Святослав Всеволодич; Святослав не хотел отступать от дяди своего [по матери], а поехал неволею ради дяди своего [по отцу][89], Святослава Ольговича. На Супое пришли к Юрию дикие Половцы, многое множество.

[*Изяслав Мстиславич набирает себе союзников*]

Изяслав, услышав про это, послал за своим братом Ростиславом сказать ему: «Вот мы порешили, что, когда Юрий минует Чернигов, тебе прийти ко мне; теперь, брат, Юрий уже миновал Чернигов, приходи, посмотрим оба со временем, что нам бог даст». И послал войска к Владимиру.

Ростислав собрал свои силы и пошел к своему брату Изяславу.

Юрий сказал: «Пойдем к Переяславлю: туда ему прийти, чтобы покориться», и, придя, остановился у сельца Куднова, перейдя Стряков. Владимир, брат Изяслава, стоял с отрядом в Переяславле, а Ярополк Мстиславич—с отрядом Порошан.

Изяслав услышал, что пришел Юрий, [молвил]: «Если бы он пришел только с детьми, то какая бы волость ни была ему люба, ту и взял бы; но раз привел на меня Половцев и врагов моих Ольговичей, то хочу биться». Киевляне не желали итти, говоря: «Мирись, князь, мы не пойдем». Он сказал: «Идите со мною; хорошо, имея силу, помириться с ними». Пошли Киевляне за Изяславом. Пришел к нему на помощь Изяслав Давыдович. Изяслав, придя, остановился у Витичева, тут пришел к нему его брат Ростислав с большой силой.

[*Бой дяди и племянников у Переяславля*]

Они порешили, перешли там Днепр и оттуда пошли на Лету; там в полдень к ним пришла весть, что стрелки переправились через Стряков, а полки уже идут через Стряков к городу. Изяслав и Ростислав изготовили к бою своих воинов и пошли к Переяславлю. В это время привели к ним дикого Половчанина, захватив его у Переяславля, где стреляли между собою, и начали его спрашивать, из какого становища они приехали; он отвечал: «Мы приехали издалека, а Юрий послал нас поскорее, рассчитывая, что Переяславль сдастся до тебя». Изяслав, услышав, велел перехватить Половчанина... Черных Клобуков и молодежь (младшую дружину) пустил вперед к Переяславлю; сам со своими отрядами пошел за ними. Пришли стрелки от Изяслава и Ростислава, отбили неприятеля от города и гнали его вплоть до их войска.

Изяслав и Ростислав пришли к Переяславлю, переехали Лету, пошли за город со своими войсками и стали по Трубежу. Юрий стоял три дня у Стрякова, а на четвертый день пошел от Стрякова мимо города; на заре изготовился к бою и стал между валами, стал со своими войсками по ту сторону Трубежа за зверинцем у рощи: войска стояли друг против друга вплоть до вечера, а стрелки вели бой между войсками. Ночью пришли Изяслав и Ростислав и остановились вверху у́ города по Трубежу, а Юрий, как стоял там у рощи, так и остался.

В эту ночь прислал к нему Юрий сказать так: «Вот, брат, ты на меня приходил и землю разорил и старшинство с меня снял; теперь, брат и сын, ради Русской земли и ради христиан, не проливай христианской крови, но отдай мне Переяславль: посажу сына своего в Переяславле, а ты сиди, царствуй в Киеве. Не захочешь этого сделать, бог—за всем».

Изяславу это не понравилось, он не отпустил посла, вышел со всеми войсками из города и стал на «болонье», а обоз поставил за огородом. Утром Изяслав отслужил обедню у св. Михаила и вышел из церкви; епископ Евфимиан проливал слезы и молил его: «Князь, примирись с дядей своим: примешь спасение от бога и землю свою избавишь от великой беды». Но Изяслав не захотел [послушаться епископа], надеясь на множество воинов, говоря так: «Головою своею добыл Киев и Переяславль»—и пошел против Юрия.

Юрий стоял за сельцом Янциным, и стояли друг против друга вплоть до вечерни. Изяслав с братом своим Ростиславом и с Ярополком созвал бояр своих и всю свою дружину и начал думать с ними, желая переправиться по ту сторону за Трубеж против Юрия.

Одни мужи говорили ему: «Князь, не езди за ним; он пришел отнять землю, трудился, а здесь, придя, ни в чем не имел успеха; он уже повернулся назад, а ночью уйдет; ты, князь, не езди за ним». Другие же убеждали его, говоря: «Поезжай, князь,—привел его бог, не упустим его назад».

Изяслав выслушал тех и других, решил выступить против неприятелей, изготовил к бою своих воинов и перешел, наступая против

Юрия, на ту сторону Трубежа, по переходе не поднялся со своими войсками вверх, а остановился на лугу против Кузнецких ворот; был полдень; из войска Юрия побежал перебежчик; они погнались за ним; Изяславова стража всполошилась, крича: «Бой!» Услышав это, Изяслав изготовил к бою свои войска и выступил в поле, где Красный двор.

Увидели Юрий, Святослав Ольгович и Святослав Всеволодич, что идут войска, также изготовили к бою свои полки и пошли против них, перешли вал и там остановились, смотря друг на друга. Стрелки же вели бой между полками. Так стояли войска вплоть до вечера. Юрий, Святослав Ольгович и Святослав Всеволодич повернули свои войска и ушли в стан. Изяслав услыхал и увидал это и начал думать с братом своим Ростиславом, с Изяславом Давыдовичем, с братьями своими Владимиром и Ярополком, с сыном своим Мстиславом и Владимиром Андреевичем, желая ехать за ними. Они начали советовать ему: «Не езди за ними, но пусти их в свой стан». Другие же говорили: «Князь, они уже бегут!»

Изяславу это было любо, и он пошел вслед за ними.

[*Юрий с союзниками на-голову разбивает Изяслава Мстиславича и его союзников*]

Юрий, Святослав Ольгович и Святослав Всеволодич увидали, что войска идут против них, повернули обратно и пошли со своими войсками против них; поставил Юрий своих сыновей на правой стороне, а Святослава Ольговича и племянника его Святослава Всеволодича—на левой; пошли войска друг на друга, сошлись, и был злой бой между ними.

Первыми побежали Порошане, потом Изяслав Давыдович, за ними Киевляне; был заговор среди Переяславцев, и сказали они: «Юрий—нам свой князь: его нам нужно было издалека призвать»; сказали это и побежали. Увидали это войска Изяслава и Ростислава и пришли в смятение. Изяслав со своим полком столкнулся со Святославом Ольговичем и с половиною отряда Юрия и прошел через них. За ними он увидал, что все полки побежали; одних перебили, а других похватали в плен. Изяслав увидал, что войска, побежденные, побежали, [сам] побежал, перешел вброд реку на Канев только сам-третей и пришел в Киев; это было месяца августа в двадцать третий день.

[*Изяслав покидает Киев и вместе с Ростиславом уезжает в свои волости*]

На другой день Юрий, хваля и славя бога, вошел в Переяславль, поклонился св. Михаилу, пробыл в Переяславле три дня и оттуда со своими войсками пошел в Киев.

Изяслав же сдумал с братом своим Ростиславом, явился и сказал Киевлянам: «Вот дядя наш пришел: можете ли биться за нас?» Они же сказали: «Господа наши князья, не погубите нас до конца! Вот теперь отцы наши, братья наши и сыновья наши в войске—одни

в плен захвачены, другие побиты, и оружие [с них] снято; как бы и нас не забрали в плен; поезжайте в свои волости; вы знаете, что нам с Юрием не ужиться; если где-нибудь после увидим ваши стяги, мы готовы там, мы—ваши».

Изяслав и Ростислав порешили и разъехались: Изяслав, взяв жену и детей, поехал во Владимир, а Ростислав пошел в Смоленск[90]. Изяслав взял с собою и митрополита Клима.

Начало княжения в Киеве Великого князя Юрия, сына Владимира Мономаха, внука Всеволода, правнука Ярослава, праправнука Великого Владимира, крестившего всю землю Русскую[91]

Юрий въехал в Киев, и множество народа вышло ему навстречу с большой радостью и сел он на столе отца своего, хваля и славя бога. Он послал в Чернигов за Владимиром Давыдовичем; приехал Владимир к Юрию и поклонился ему. Святослав Ольгович начал говорить ему: «Ты держишь мою отчину»; и отобрал тогда у Изяслава [Давыдовича] Курск с Посемьем, Сновскую тысячу, Слуцк, Клецк и всех Дреговичей; так они договорились и разъехались.

Юрий старшего сына Ростислава посадил в Переяславле, Андрея—в Вышгороде, Бориса—в Белгороде, Глеба—в Каневе, а Василька—в Суздале.

[*Изяслав набирает себе союзников у Чехов, Угров и Ляхов*]

Изяслав пришел во Владимир и начал слать послов к Уграм, к зятю своему королю, к Ляхам, к свату своему Болеславу, Мечиславу и Генриху, и к Чешскому князю, свату своему, Владиславу[92], прося у них помощи, чтобы сами сели на коней и пошли к Киеву со своими войсками, а если самим нельзя будет пойти, пустить свои войска с младшими братьями или со своими воеводами. Король [Угорский] отказался, сказав: «У меня война с царем[93], когда буду свободен, то сам пойду или отпущу свои войска». Ляшские князья сказали ему: «Мы—поблизости от тебя; одного оставим охранять свою землю, а двое пойдем к тебе», а Чешский князь сказал ему: «Я готов сам итти с войсками своими».

Изяслав снова послал послов своих к королю, к Уграм, к Чехам и к Ляхам с большими дарами и честью и сказал им: «Помоги вам бог за то, что вы мне взялись помогать; с Рождества садитесь на коней».

С Рождества сели на коней, а король был несвободен и послал ему десять тысяч Угров и сказал ему: «Я посылаю тебе свои войска, а сам хочу приступить к горам Галицкого князя, чтобы не дать ему двинуться, а ты управляйся, с кем у тебя обида; если эти войска устанут, я пошлю тебе более сильные и сам сяду на коня». Болеслав сам поехал с братом своим Генрихом со своими войсками, а Мечислава оставил охранять свои земли от Пруссов.

[Вячеслав просит у Юрия помощи против Изяслава Мстиславича]

Вячеслав услыхал это и послал сказать Юрию: «Угры уже идут, Ляшские князья сели на коней, а Изяслав собирается». И сказал брату своему Юрию: «Либо отдай Изяславу чего он хочет, либо иди со своими войсками ко мне и защити мою волость. Изяслав говорит мне: «Пойди, садись в Киеве, а с Юрием я не могу жить; если не хочешь показать мне любовь и не пойдешь сидеть в Киев, то разорю твою волость[94]». Приходи, брат; увидим оба в свое время, что нам бог даст, добро или зло; если, брат, не придешь ко мне, то не сетуй, если моя волость будет разорена».

Юрий, услыхав это, собрал свое войско, пошел из Киева, привел себе на помощь диких Половцев[95], и они пошли с ним.

[Изяслав Мстиславич с союзниками приходит к Луцку]

В это время пришли во Владимир к Изяславу на помощь Угры и Болеслав князь Ляшский со своим братом Генрихом с большим войском. Изяслав позвал их к себе на обед,—пообедали в большом веселье,—почтил их большой честью и одарил их большими дарами, и разъехались все—каждый в свой стан.

На другой день выступил Изяслав из Владимира, оттуда пошел к Луцку и пробыл там три дня; там Болеслав опоясал мечом многих сыновей боярских.

[Мирные переговоры между Изяславом и дядьями Юрием и Вячеславом при посредничестве Угров и Ляхов]

В это время пришли в Пересопницу два Юрьевича, Ростислав и Андрей, помощь Владимирова из Галича, сам Владимир подошел ближе к Шумску[96] (испугались Ляхи и Угры), и Юрий пришел к брату своему Вячеславу в Пересопницу.

Дошла до Изяслава весть, что Юрий пришел к брату своему Вячеславу, и сказал он о том Уграм, Болеславу и его брату Генриху; пошли они со своими войсками от Луцка и остановились у Черемина на Олыче. В это время пришла Болеславу и брату его Генриху весть от брата Мечислава, что Пруссы идут в их землю[97]. Болеслав и Генрих сказали о том Изяславу, а Изяславу это очень не понравилось. Порешили они с Болеславом и Генрихом и с Уграми послать мужей своих к Вячеславу и Юрию, а королю Угорскому—своих мужей—сказать: «Вы нам в отцово место, а вот у вас рать с братом и сыном Изяславом, а мы все—христиане, одна братья, и подобает нам всем быть заодно, и между вами мы того же желаем; дай бог, чтобы помирились вы с братом и сыном Изяславом: вы бы сидели в Киеве, сами знаете, кому из вас что приходится, а у Изяслава вот его Владимир, вот его Луцк, и сколько его городов—пусть там и сидит; а Юрий пусть вернет все дани их к Новгороду Великому».

Вячеслав и Юрий ответили так: «бог в помощь зятю нашему королю и брату нашему Болеславу и нашему сыну Генриху за то, что хотите нам добра; но если вы хотите нас помирить, то не стойте на нашей земле и не губите ни наших жизней, ни наших сел, но пусть Изяслав идет в свой Владимир, а вы идите в свою землю, а мы сами уладим с братом и сыном своим Изяславом».

Услыхав это, Изяслав, Болеслав, Генрих и Угры разъехались в разные стороны: Изяслав пошел во Владимир, Угры—к себе, Ляхи—к себе, и начали Вячеслав, Юрий, Изяслав вести переговоры, между собою пересылаться. Как раньше сказали, Изяслав хотел всех даней Новгородских к Новгороду, как прежде было.

Не договорились они; не послушал его Юрий, по совету Юрия Ярославича[98], и не отдал даней, а Изяслав от них не отступился. Так сделал Юрий, потому что Угры и Ляхи уже вернулись к себе.

[*Неудача Андрея Юрьевича у Луцка*]

Сказал Юрий: «Выгоню Изяслава, а волость его всю заберу». И пошел он с братом своим Вячеславом и со всеми своими детьми к Луцку. Ростислав Юрьевич с братом своим Андреем пошли с Половцами вперед и остановились у Муравица; ночью случилась сильная тревога, так что все Половцы бросились бежать обратно; Андрей со своим воеводою Жирославом стоял впереди, а его брат Ростислав стоял позади и звал к себе Андрея. Андрей не послушал его и выдержал тревогу. Дружина Андреева приехала к нему и стала жаловаться: «Что ты делаешь, князь, уезжай назад, не то добьемся бесчестья». Андрей не послушался их, возложил надежду на бога, дождался до рассвета. Увидел Андрей, что все Половцы убежали до рассвета, поехал к брату своему. Съехались опять с ними и Половецкие князья, порешили отступить назад и остановились у Дубна, ожидая помощи от отца: до них дошла весть, что идет князь Юрий с братом своим Вячеславом...

[*Изяслав Мстиславич чинит мир со своими дядьями, Юрием и Вячеславом*]

Изяслав послал к Владимиру Галицкому, свату Юрия, сказать ему: «Примири меня с дядей моим, а своим сватом, Юрием, я во всем виноват перед богом и ним». Владимир стал просить за Изяслава, но Ростислав Юрьевич с Юрием Ярославичем мешали примирению. Изяслав стал снова просить о мире... Князь Галицкий Владимир еще сильнее стал слать послов к Вячеславу, Юрию и Изяславу, чтобы примирить их...

Князь Вячеслав послушал брата своего Владимира, принял в сердце своем его слова и стал склоняться к миру: князь Вячеслав был незлобив сердцем...

Начал Вячеслав говорить своему брату Юрию: «Брат, мирись; если уйдешь, не учинив мира, то как только ты уйдешь, Изяслав разорит мою волость». После этих слов они учинили мир[99]: Изяслав уступил Юрию Киев, а Юрий вернул Изяславу все дани Новгород-

ские, чего Изяслав хотел; так они уговорились, разъехались и целовали крест; когда приспела весна, учинили мир и вернулись в Пересопницу.

Изяслав рад был крестному целованию, приехал к дядьям в Пересопницу, и там они все на месте договорились и целовали крест на том, что, если в Переяславском войске было что разграблено—стада или челядь, то брать поличным всякому, что признает за свое. Изяслав послал мужей своих и тиунов ради своего имущества, которое потерял, а мужи его—ради своего добра: одни поехали сами, а другие послали своих тиунов; приехали таким образом к Юрию и стали дознаваться своего. Юрий же всего этого не учинил по правде, и вернулись мужи Изяславли к Изяславу, ничего своего не получив. Изяслав послал с жалобой своих мужей к Вячеславу и Юрию сказать так: «Вот, братья, мы на том целовали крест, кто узнает свое, взять ему то назад; теперь, братья, если хотите крестное целование соблюсти, дай нам бог прожить; если не соблюдете, то посмотрим».

В лето 6658. Отдал Юрий дочь свою за Олега Святославича, а другую за Ярослава, сына Владимира, в Галич[100].

Тогда стал князь Юрий звать Вячеслава на Киевский стол, но бояре отговорили Юрия: «Твоему брату не удержать Киева; не достанется он ни тебе, ни ему». Юрий послушал бояр, вывел из Вышгорода сына своего Андрея и отдал его Вячеславу.

[*Изяслав Мстиславич с Чёрными Клобуками занимает Киев*]

В это время послал Изяслав к Вячеславу и Юрию сказать так: «Братья мои, вы целовали крест вернуть мне все мое, а теперь на чем целовали крест, того не хотите учинить, а я не хочу оставаться в обиде».

Вячеслав в это время сидел в Вышгороде, Юрий—в Киеве, сын Юрия Глеб—в Пересопнице и в Дорогобуже...

Изяслав приехал и остановился в Луцке, а на другой день поехал от Луцка в Пересопницу и там захватил Глеба. В это время Глеб стоял выше города Пересопницы, а обоз—на Стубле; оттуда сам Глеб едва убежал в город, обоз его забрали, а дружину его и коней в плен захватили, взяли и другую его дружину, отрезав от города: не с кем было ему сопротивляться [Изяславу]. Послал Глеб сказать Изяславу: «Как Юрий отец мне, так и ты мне отец; вот я прошу тебя: ты ведайся сам с моим отцом, а меня отпусти к нему и целуй ко мне [икону] Богородицы, что не схватить тебе меня, а отпустить меня к отцу; я сам к тебе поеду и поклонюсь тебе». Изяслав целовал к нему [икону] Богородицы и сказал ему: «Вы мне—свои братья, мне нет до вас никакого дела, а обижает меня твой отец и с нами не умеет жить».

Глеб выехал и поклонился Изяславу. Изяслав позвал его к себе на обед. Пообедали там, оттуда взял его с собою до Дорогобужа, а там приставил к нему своего сына Мстислава до Корецка; Мстислав проводил его за Корецк и сказал ему: «Поезжай, брат, к своему отцу, а это—волость отца моего и моя по Горине». Глеб пошел к своему отцу

на Ушеск, а Изяслав пошел к Черным Клобукам на Гольск и Кунилю. Съехались туда к нему все Черные Клобуки с великою радостью со всеми своими войсками.

Юрий не знал того, что Изяслав пришел уже к Черным Клобукам. Он не стерпел оставаться в Киеве, ушел за Днепр со своими сыновьями и бежал в Городок Остерский.

Изяслав со своими войсками пришел в Киев, а Вячеслав еще раньше вошел в Киев, как только его брат [Юрий] переправился на ту сторону [Днепра], въехал и остановился на дворе Ярославлем. Киевляне услыхали, что идет Изяслав, многое множество их вышло ему навстречу и сказали: «Юрий вышел из Киева, а Вячеслав сидит в Киеве, а мы его не хотим».

[*Вячеслав после переговоров с Изяславом возвращается в Вышгород*]

Тогда Изяслав послал сказать Вячеславу: «Я звал тебя сидеть в Киеве, а ты этого не захотел; зачем ты дождался, что брат твой выехал [из Киева], а ты садишься в Киеве: поезжай теперь в свой Вышгород». Киевляне же сказали Изяславу: «Ты—наш князь, поезжай к св. Софии, садись на стол отца своего и деда своего». Вячеслав послал мужей сказать Изяславу: «Если сын хочет убить меня на этом месте, пусть убивает, а я не поеду». Изяслав поклонился св. Софии и приехал на двор Ярославль со всем своим войском, и Киевлян с ним пришло множество. В это время Вячеслав сидел на сенях; начали многие говорить князю Изяславу: «Князь, возьми его и дружину его забери», и говорили другие: «Давай изрубим под ним сени». Изяслав сказал: «Не дай мне бог того; я не убийца братьев своих, а этот дядя—мне вместо отца; я сам пойду к нему».

Он взял с собою немного дружины и полез на сени к Вячеславу, своему дяде, и поклонился ему. Вячеслав поднялся навстречу Изяславу, они расцеловались и сели оба по местам. Изяслав сказал Вячеславу: «Отец, кланяюсь тебе, нельзя мне [здесь] с тобою договор учинить, видишь ли множество людей и большой отряд воинов: они много зла умышляют против тебя; поезжай ты в свой Вышгород; там договоримся с тобою». Вячеслав ответил: «Ты сам, сын, звал меня в Киев, а я, было, целовал крест брату своему Юрию; если же теперь так, то вот, сын, тебе Киев, а я поеду в свой Вышгород». Вячеслав сошел с сеней и уехал в свой Вышгород.

[*Юрий собирает союзников против Изяслава Мстиславича*]

Изяслав сел в Киеве, а сына своего Мстислава послал в Канев, приказывая оттуда захватить Переяславль. Мстислав послал по ту сторону [Днепра] к Турпеям[101] и дружине, приказывая ехать к себе.

Ростислав, услышав про то, послал в Городок к отцу просить у него помощи. Юрий послал ему в помощь Андрея, его брата. Ростислав оставил брата в Переяславле, а сам поспешно поехал к Сакову, нагнал Турпеев у Днепра, захватил их и привел в Переяславль.

В это время Юрий из Городка стал посылать послов к Владимиру Давыдовичу и брату его Изяславу, к Святославу Ольговичу и племяннику его Святославу Всеволодичу сказать: «Выгнал меня Изяслав из Киева и сам сел там; приезжайте помочь мне». А Изяслав начал посылать Вячеславу в Вышгород, а Вячеслав начал уговариваться с Изяславом.

В это время пошел Владимир из Галича в Киев против Изяслава в помощь свату своему Юрию. Пришла весть Изяславу, что Владимир перешел Болохово, идет мимо Мунарева к Володареву.

[*Изяслав признает Вячеслава своим отцом*]

Изяслав послал сказать сыну своему Мстиславу: «Идет против меня в Киев Владимир Галицкий, а с этой стороны Юрий с Ольговичами; поезжай скорее, возьми Берендеев».

Сам Изяслав с боярами поехал в Вышгород к Вячеславу и сказал ему: «Ты мне—отец, и вот тебе Киев, а какую волость тебе угодно, ту возьми и дай мне». Вячеслав с гневом сказал Изяславу: «Почему ты не дал мне [Киева] в те дни? С великим позором я уехал из Киева, а вот теперь идет одно войско из Галича, а другое из Чернигова, а ты мне отдаешь Киев». Изяслав ответил Вячеславу: «Я посылал к тебе и отдавал тебе Киев и то тебе говорил, что могу с тобою жить, а с братом твоим Юрием мне не договориться; люблю тебя как отца и вот теперь говорю тебе: ты—мне отец и поезжай в свой Киев». Эти слова полюбились Вячеславу, и поцеловали они крест у гроба святых мучеников на том, что Изяславу считать Вячеслава отцом, а Вячеславу Изяслава —сыном; и мужи их целовали крест на том, что между собою желать добра, честь беречь и в ссоры не вводить. Изяслав поклонился святым мученикам и отцу своему Вячеславу и сказал: «Ты, отец, себя не беспокой, но я поеду к Звенигороду против Владимира, а ты отпусти со мной свои войска, а сам ты, отец, иди в Киев, если хочешь».

[*Изяслав терпит поражение от Владимира Галицкого*]

Изяслав приехал в Киев, ударил в трубы, созвал Киевлян и поехал из Киева со своими войсками против Владимира [Галицкого]...; взял брата Владимира и сына Мстислава, пошел к Звенигороду и, придя туда, остановился со своими войсками. Пришла к нему весть, что Владимир идет уже через Перепетово[102]. Изяслав, услышав про то, пошел от Звенигорода к Тумашу; там пришли к нему Черные Клобуки: они своих жен и детей оставили по городам в Поросье, а сами со всеми войсками приехали к Изяславу.

На третий день, на рассвете, Изяслав изготовился к бою и выступил против Владимира со всеми своими войсками и перешел через Стугну и Ольшаницу. В это время Владимир стоял в верховьях Ольшаницы со своими войсками; тут от Изяслава еще до восхода солнца приехали на конях воины и ударили и несколько мужей Владимира захватили; также и у Черных Клобуков захватили мужа и

привели его к Владимиру. Владимир услыхал, что Изяслав перешел уже Ольшаницу, изготовился к бою и пошел против Изяслава; стрелки стреляли около реки, и Владимир начал сильно наступать. Язычники увидали большое войско Владимира и испугались: у Изяслава было мало войска, а полк Вячеслава еше не успел к нему прийти. Начали Черные Клобуки говорить Изяславу: «Князь, у него много силы, а у тебя мало дружины, смотри, не переходи на них через реку, ни нас не погуби, ни сам не погибни, но ты—наш князь, если будешь силен, и мы—с тобою, а теперь не твое время, поезжай назад». Изяслав сказал им: «Лучше, братья, умрем здесь, чем возьмем на себя бесчестье». Киевляне начали требовать, говоря: «Поезжай, князь, назад!» Сказали это Киевляне и побежали от него назад, и Черные Клобуки побежали оттуда к своим палаткам. Изяслав при виде этого сказал дружине своей: «Неужели мне итти вперед только с чужеземцами, Уграми и Ляхами, а моя дружина напугана?»—и сам побежал назад...

Изяслав прибежал в Киев, а дружина Владимирова догнала его задний отряд, одних захватила в плен, а других побила.

[*Изяслав Мстиславич и Вячеслав покидают Киев*]

Вячеслав еще до него въехал в Киев и сел на дворе Ярославлем. Изяслав приехал к своему отцу Вячеславу; пораздумали они и сели обедать; в это время Юрий со своими сыновьями, Владимир и Изяслав Давыдовичи, Святослав Ольгович и его племянник Святослав Всеволодич приехали на берег [Днепра] против Киева. Многие Киевляне поехали на «насадах» к Юрию, а другие начали на «насадах» перевозить его дружину на эту сторону [Днепра] в Подолье. Вячеслав и Изяслав сказали: «Видно, нам теперь не время»; сказал Изяслав отцу своему Вячеславу: «Поезжай, отец, в свой Вышгород, а я поеду в свой Владимир; а после этого, что́ нам бог даст»; сказали так и разъехались: Вячеслав—в Вышгород, а Изяслав—в свой Владимир; велел Изяслав своей дружине собраться у Дорогожича, а сам, дождавшись ночи, поехал из Киева.

[*Владимир Галицкий в Киеве и Вышгороде*]

На третий день пришел Владимир Галицкий к Олеговой могиле; приехал к нему и Юрий с Владимиром Давыдовичем и Изяславом, братом его, со Святославом Ольговичем и Святославом Всеволодичем и приветствовали друг друга, не слезая с коней у Сетомля на «болонье». Они порешили послать за Изяславом Святослава Всеволодича и Бориса Юрьевича, гнались за ним до Чертова леса[103] и, не догнав его, вернулись.

Владимир приехал в Вышгород поклониться святым мученикам, оттуда к св. Софии, оттуда к Богородице Десятинной, а оттуда в Печерский монастырь.

Изяслав тогда пошел за Погорину, посадил своего сына Мстислава в Дорогобуже, а с братом пошел во Владимир.

Киевляне испугались Владимира Галицкого и ввели в Киев князя Юрия. Юрий сел в Киеве, свиделся с Владимиром в Печерском монастыре, и учинили между собою дружбу и мир великие.

Потом Владимир пошел от Юрия в Галич, взяв у него сына Мстислава. Когда он шел к Дорогобужу, Мстислав Изяславич убежал из Дорогобужа к Луцку, к дяде своему Святополку. Владимир захватил все города и пришел к Луцку. Святополк и Мстислав заперлись в городе. Владимир пришел, ничего не мог поделать и ушел в Галич, а Мстислава Юрьевича посадил в Пересопнице...

[Дальше рассказ о грабежах Половцев у Переяславля.]

[Переговоры Изяслава Мстиславича с Андреем Юрьевичем]

Той осенью дал Юрий своему сыну Андрею Туров, Пинск и Пересопницу. Андрей поклонился отцу своему и сел в Пересопнице.

Той зимой стал Изяслав присылать послов к Андрею с такими словами: «Брат, примири меня с отцом твоим»; он посылал узнать у него распорядки в городе: он и прежде выгнал из Пересопницы брата его Глеба, а теперь и Андрея ловил на том же, но его замысел не осуществился, потому что город был укреплен, и много дружины там собрано. Изяслав говорил: «У меня отчина ни у Угров, ни у Ляхов, а только в Русской земле; проси для меня у отца волость Погорину».

Андрей просил у отца за Изяслава, но [Юрий] не хотел ему дать волости.

[Угорский король и Владимир Галицкий]

Изяслав сказал: «Дядя мне волости не дает, не хочет меня в Русской земле, а Владимир Галицкий по его воле волость мою захватил и снова хочет прийти к моему Владимиру против меня». Изяслав подумал и послал своего брата Владимира кУграм, к своему зятю-королю, сказать ему: «Ты мне сам говорил, что Владимир не смеет головы поднять; я выгнал Юрия из Киева, и Юрий передо мной бегает, а Владимир пришел по уговору с Ольговичами и выгнал меня из Киева; теперь, брат, как ты мне сам обещал, полезай на коня [иди в поход]». Король выслушал эти слова и разослал по всей земле за своей дружиной и всеми своими войсками. Так король собрал все свои силы и пошел в поход, а к Изяславу послал своих мужей сказать так: «Я с твоим братом Владимиром уже пошел отсюда, а ты оттуда иди со всеми силами: будет Владимир знать, кого он задел».

У Владимира [Галицкаго] были сторонники среди Угров; они-то и послали сказать Владимиру, что король уже идет против него. В то время Владимир стоял у Бельза, услыхал, что король уже вошел в Гору[104], бросил свой обоз, а сам с дружиною убежал к Перемышлю. Король прошел Гору, взял город Санок, захватил там его посадника и забрал много сел у Перемышля. Владимир испугался и послал к архиепископу Кукнишу, к другим двум епископам и к мужам королевским упросил и подкупил их, дав много золота, чтобы они вернули короля. Король послушался их и начал говорить: «Теперь уже не время,

реки замерзают, пойдем домой, а когда реки установятся, что нам с ними бог даст». Был тогда уже Дмитров день[105]. Король сказал и пошел, много зла учинили Владимиру и его земле, а Владимира, своего шурина, взял с собою к Уграм.

[Владимир, брат Изяслава Мстиславича женится на дочери бана]

В это время Изяслав порешил со своим зятем королем и своей сестрой королевой взять у бана дочь[106] [замуж] за Владимира и послали ее вперед к Изяславу во Владимир. Владимир был в затруднении без своей дружины и своих коней и остался отдыхать у короля. Король учинил ему великую честь, также и сестра его и мужи королевские дали ему всяких подарков и отпустили его к брату Изяславу. Король, отпуская Владимира, сказал ему: «Поклонись отцу моему и брату своему Изяславу и вот что ему скажи: «Идет на меня походом Греческий царь[107], эту зиму и весну нельзя мне итти в поход за тебя; все же, отец, наше оружие—не врозь: если мне самому нельзя, а помощи моей захочешь, десять тысяч, а то и больше, пошлю тебе; а если бог даст летом, то я—в твой воле; тогда мы отомстим за свои обиды».

Изяслав увидал своего брата здоровым, услыхал от брата речь короля и о любви королевской и очень радовался... Послал Изяслав, привел дочь бана за брата своего Владимира, и были большие радость и веселье.

[Перенесение тела Игоря Ольговича в Чернигов]

В этот год Святослав Ольгович перенес тело брата своего Игоря от св. Симеона в Копыревом конце в Чернигов и поставил его у св. Спаса под балдахином.

[Угры приходят на помощь Изяславу]

Изяслав сказал своему брату Владимиру: «Ты, брат, был у Угров, у своего зятя-короля, ты знаешь их все мысли и намерения; потрудись, брат, и теперь снова ради моей чести и своей». Так послал Изяслав своего брата Владимира к Уграм к зятю своему королю за помощью. Владимир отвечал Изяславу: «Мне не трудно это, брат: рад ехать ради твоей чести и чести брата своего Ростислава». Так Изяслав послал брата своего Владимира к королю-зятю сказать так: «Если царь пошел походом на тебя, то как тебе с ним бог даст; если тебе самому нельзя, то пришли мне помощь, как сам обещал, а мне бог—помощник против Юрия, Ольговичей и Галицкого князя; если, брат, твое оскорбление, то оно—не твое, а мое оскорбление; если мое оскорбление, то оно—твое».

Король выслушал и отпустил к Изяславу с Владимиром десять тысяч хороших воинов. А вперед от короля и Владимира поехали послы к Изяславу: «Зять наш король послал тебе десять тысяч и так тебе говорит: «Где твоя обида? Вот тебе войска, поезжай с ними за обиду свою мстить, а сам ты, брат, собирайся».

[*Изяслав с Уграми идет на Киев*][108]

Владимир пришел к брату своему Изяславу с Угорскими войсками. Изяслав вместе с Владимиром и Уграми пошел в Киев, потому что звали его мужи Вячеслава, Берендеи и Киевляне. Пришел в Пересопницу. В это время в Пересопнице был Андрей Юрьевич. Изяслав пришел и остановился выше Пересопницы и разорил Заречск. Там пришла к нему весть, что против него идет Владимир Галицкий. Услыхал Изяслав и начал думать со своею дружиною. Начала говорить дружина Изяславу: «Ты, князь, сам знаешь, как тебе тяжело; вот ты пришел воевать и идешь туда на Юрия, а за тобою—войска Владимира; ты пойдешь на Юрия, а эти сообща пойдут за тобою; трудно нам очень». Изяслав сказал дружине своей: «Вы за мной вышли из Русской земли, лишились своих сел [109] и своего имущества, а я не могу пренебречь своей дедины и отчины, но либо свою жизнь отдам, либо снова добуду свою отчину и все ваше добро...»

Оттуда Изяслав отправил своего брата Святополка оберегать Владимир, а сам пошел к Дорогобужу с братом Владимиром, сыном Мстиславом, Борисом Городенским и с Уграми. Дорогобужцы вышли с крестами и поклонились ему; он сказал им: «Вы—люди моего деда и моего отца, пусть поможет вам бог»; так он приветствовал их и отпустил в город. Дорогобужцы сказали ему: «Вот, князь, с тобою иноземцы Угры: как бы они не сделали зла нашему городу». Изяслав им сказал: «Я вожу Угров и другие народы против не своих людей, а своих врагов; вы не обращайте на них внимания». И пошел дальше. Перешел Горину и сделал остановку там на Хотри, а оттуда пошел к Корецку. Корчане с радостью вышли и поклонились ему. Изяслав миновал город и сделал остановку на реке, не доходя Случи.

[*Войска Изяслава Мстиславича и Владимира Галицкого приходят в соприкосновение друг с другом*]

Владимир Галицкий прислал к Андрею Василька Ярополчича сказать: «Иди, брат, ко мне». Андрей приехал к нему; они встретились у Мильска и пустили вперед сторожевые отряды, а сами пошли за ними. Изяславу пришла весть, что Владимир Галицкий, Андрей Юрьевич и Владимир Андреевич пришли к Дорогобужу с большим войском и переправляются через Горину. На другой день Изяслав поднялся и перешел через Случь, а оттуда пошел через Чортов лес к Ушеску и перешел реку Ушу под Ушеском. Как только переправились все войска Изяслава через Ушу, пришли туда стрелки Владимира Галицкого, Андрея Юрьевича и Владимира Андреевича на берег реки Уши. Изяслав узнал об этом и выпустил биться своих стрелков; начали биться около реки. Изяслав отступил—есть там малая речка у города—изготовился там к бою с братом Владимиром и сыном Мстиславом, остановился на этой реке и вел стрельбу около

нее. Стрелки Изяслава переходили через реку на ту сторону, а Галичане—на эту. Стрелки Изяслава захватили одного мужа у Галичан и привели к Изяславу. Спросил его Изяслав: «Где твой князь?» Тот ответил: «За городом в первом лесу; там получил весть о тебе; там остановился и не решился пойти сквозь лес, но сказал так: «Если пойдем через лес, то будут биться с нами; наше войско—далеко за нами; подождем здесь».

[*Изяслав Мстиславич думу думает о дальнейшей рати*]

Изяслав услышал это и сказал своему брату Владимиру, сыну Мстиславу и всей своей дружине: «Поедем опять против них». Дружина сказала: «Князь, нельзя тебе итти против него: перед тобою река; сверх того, он укрылся лесом; теперь, князь, ты того не делай, а поезжай со своей дружиной в Киев; если где нас Владимир настигнет, там и будем с ним биться, как ты сказал у Заречьска; если нас встретит Юрий, и с тем будем биться; не медли, князь, а поезжай [вперед]; будешь на Тетереве, к тебе приедет вся твоя дружина; а дойдешь до Белгорода впереди его, еще больше к тебе дружины приедет, больше у тебя будет силы».

Послушал Изяслав братьев своих и пошел [вперед].

Изяслав пошел оттуда и остановился у Святославлей Криницы, а Владимир перешел через Ушу и остановился; они так стояли друг перед другом, что сторожам Изяслава можно было видеть Галицкие огни, а Галицким сторожам—Изяславли огни. Изяслав порешил с дружиною—итти ночью к Мичьску, а воинам велел разложить большие костры; они разложили костры, а сами ночью пошли к Мичьску, там встретило их много дружины, которая жила по Тетереву. Там же вместе с ними поклонились и Мичане со словами: «Ты—наш князь». Изяслав оттуда перешел за Тетерев; там они спешились, дали отдых коням, пообедали там, и когда кони отдохнули, пошли к Звижденю. В Звиждени оставались до вечера. [Изяслав] сел на коня, позвал к себе брата Владимира, сына Мстислава и Бориса Городенского, и Угорские мужи пришли на думу, и сказал им: «Владимир идет за нами, а мы здесь стоим; скажу вам, братья, неужели здесь будем стоять и пренебрежем трудом своим—поездкой в эту ночь? Если здесь будем стоять—Владимир за нами; мало того, что он нас догонит, а вот другое войско перед нами—Юрия; если того дождемся, то трудно нам будет, братья! Но, если захотим, взирая на бога, не пренебречь своим трудом, то, если нам можно будет добраться до Белгорода, Юрий перед нами побежит, а мы поедем в свой Киев, в сильное войско Киевское; если приедем, знаю я, будут за меня биться; если нельзя нам будет добраться до Белгорода, то поедем к Черным Клобукам; а если приедем к Черным Клобукам и с ними соединимся, то не побоимся ни Юрия, ни Владимира».

Сказали ему Угры: «Мы—твои гости; если ты надеешься на Киевлян, ты сам знаешь—твои люди, а кони—под нами, а добро, князь, другое придет, если не сила; в эту ночь, как нам бог даст, поедем».

Сказал Изяслав своему брату Владимиру: «Поезжай ты вперед на Белгород, а мы все отпустим с тобою младшую дружину; поезжай вперед к Белгороду, а мы все за тобой пойдем; когда придешь к Белгороду и начнут с тобою биться, ты нам пошли весть, а сам бейся завтра до обеда, а я либо перейду Абрамль мост, либо другим путем пойду к Черным Клобукам, соединюсь с ними и поеду на Юрия в Киев. Как приедешь к Белгороду, о том нам весть пошли, а мы к тебе поедем».

Изяслав сел на коня, перешел Воздвижень, там изготовив войска к бою, пустил вперед к Белгороду брата Владимира, а сам с войсками пошел за ним.

[*Владимир Мстиславич захватывает Белгород*]

Владимир быстро пришел к Белгороду к мосту. В это время Борис в Белгороде пил на сенях со своей дружиной и Белгородскими попами; если бы мытник [110] не устерег и не поднял моста, то их похватали бы. Войска [Владимира] прибыли к мосту, закричали, затрубили в трубы. Борис, услыхав, бежал из Белгорода. Белгородцы побежали навстречу к мосту с поклонами и говорили: «Князь, поезжай, Борис убежал» и в скорости навели мост. Владимир въехал в Белгород и послал сказать своему брату Изяславу: «Я въехал в Белгород, а Борис убежал, и у Бориса вестей не было, и у Юрия вестей нет; поезжай скорее».

[*Бегство Юрия из Киева. Изяслав садится в Киеве*]

Изяслав быстро пришел к нему в Белгород, до рассвета переправил свои войска через мост. Изяслав, изготовив свои войска к бою, сам пошел с Уграми к Киеву, а брата Владимира оставил в Белгороде с его войсками из-за Владимира Галицкого.

Борис прибежал к отцу своему Юрию, а в это время Юрий был на Красном дворе. Борис сказал отцу Юрию: «Война!» Юрий, услыхав про это, ничем не мог помочь, сел в «насад», бежал по ту сторону [Днепра] и приехал в Городок. Киевляне, услыхав про Изяслава, с радостью вышли ему навстречу. Изяслав с великою честью сел в Киеве на столе деда своего и отца своего и много дружины Юрия захватил в Киеве.

Изяслав от св. Софии поехал с братьями на Ярославль двор и позвал к себе на обед Угров и Киевлян. Пообедал с ними на большом дворе Ярославлем с большим весельем; тогда много Угров играло на конях и скакунах[111] на дворе Ярослава. Киевляне дивились множеству Угров, рыцарям их и коням их[112].

[*Владимир Галицкий узнает о позорном бегстве Юрия из Киева и возвращается к себе в Галич*]

Владимир [Галицкий] с Андреем Юрьевичем про то не знали и стояли у Мичьска; они послали дозорщиков и узнали, что Юрий

уже в Городке, а Изяслав—в Киеве. Когда Владимир Галицкий услыхал, что Изяслав приехал в Киев, а Юрий убежал из Киева, то сказал Андрею Юрьевичу и Владимиру Андреевичу: «Вот каково княжение у свата моего: на него идет войско из Владимира, а он того не узнал; ты—его сын, сидишь в Пересопнице, а другой—в Белгороде, и того не устерегли». И еще с гневом сказал Андрею Юрьевичу: «Если так княжите с отцом своим, то управляйтесь сами, а я не могу один на Изяслава итти. Изяслав вчера хотел со мною биться, идя на вашего отца, а на меня оборачивался, собираясь биться со мною; если теперь захватил всю Русскую землю, я не могу на него один итти». Так сказал и вернулся в Галич.

Он сказал Мичанам: «Дайте мне серебра сколько захочу, иначе заберу вас себе в добычу». Они не могли отдать, чего у них просили, они взяли серебро из ушей и с шеи[113], сливали в слитки и отдали серебро Владимиру. Владимир взял серебро и пошел, обирая таким образом серебро со всех городов вплоть до своей земли.

Он сказал Андрею [Юрьевичу] и Владимиру [Андреевичу]: «А вы ступайте к своему отцу». Они поехали на устье Припети, на Давыдову божницу[114], а оттуда поехали в Городок Остерский к отцу своему Юрию.

[Изяслав сажает в Киеве своего дядю Вячеслава]

На другой день Изяслав послал в Вышгород к отцу своему Вячеславу сказать: «Отец, кланяюсь я тебе. Бог взял у меня отца моего Мстислава, ты теперь у меня отец; кланяюсь я тебе, каюсь снова, виноват я перед тобою в первый раз, когда бог мне помог победить Игоря в Киеве, я тебе чести не учинил, а потом у Тумаща. Теперь, отец, во всем каюсь перед тобою. Вот отдаю тебе Киев: садись на столе деда своего и отца своего». Вячеслав ответил: «Бог тебе в помощь, сын, что ты на меня возложил честь... если говоришь, что я—твой отец, то ты мне сын; у тебя отца нет, а у меня сына нет, а ты—мой сын, ты—и мой брат». И целовали крест на том, что не разлучаться им ни в хорошем, ни в плохом, а всегда вместе быть.

[Дальше рассказ о смерти и похоронах князя Ростислава Юрьевича.]

[В Киеве устанавливается двоевластие дяди и племянника]

В лето 6659. Ввел Изяслав дядю своего и отца своего Вячеслава в Киев. Вячеслав приехал в Киев, поехал к св. Софии и сел на столе деда своего и отца своего; он позвал к себе на обед своего сына Изяслава, всех Киевлян, мужей короля, Угров, с их дружиной, и оставались в великой любви. Вячеслав и Изяслав учинили Уграм великую честь: Вячеслав—от себя, а Изяслав—от себя, и одарили их большими подарками: сосудами, одеждами, конями, дорогими тканями и всяческими дарами.

В это время пришла весть к Вячеславу и Изяславу, что Владимир Галицкий воротился в Галич, а Андрей Юрьевич и Владимир

Андреевич оттуда от него поехали к отцу своему на устье Припети, на Давыдову божницу. На другой день прислал Вячеслав к Изяславу и сказал ему: «Бог тебе в помощь, сын, за то, что ты на меня честь возложил, как на своего отца, а я тебе, сын, опять скажу: я уже стар и всех дел не могу делать, но будем мы оба в Киеве; если будет какое дело о христианах или язычниках, то пойдем оба вместе, а дружина моя и войско мое пусть будет нас обоих, а ты делай. Где нам будет можно ехать обоим, то оба поедем, или ты поезжай с моим войском и со своим». Изяслав с великою радостью и с великой честью поклонился своему отцу и сказал: «Отец, кланяюсь тебе; как сказали, так дай нам бог быть вместе, пока живы».

[*Вячеслав и Изяслав отряжают Угров домой*]

На третий день они позвали к себе Угров и стали отряжать их домой и так сказали им: «Поезжайте к своему королю, а к нашему зятю, а за вами пошлем сына своего Мстислава, а королю наказываем сказать: «Бог тебе в помощь, брат, за то, что ты нам так помог, так только родной брат брату своему может сделать или отец—сыну, как ты нам помог. Мы же, брат, еще тебе скажем, пошлем отсюда сына своего Мстислава с речами». С такими словами, с великою честью отпустили их к королю, к Уграм.

[*Вячеслав и Изяслав посылают Мстислава Изяславича к Угорскому королю*]

Потом собрались оба вместе Вячеслав и Изяслав и послали к королю и Уграм сына своего Мстислава так сказать королю: «Ты нам так сделал, как может родной брат—брату или сын—отцу, так ты нам помог; мы тебе, брат, о себе скажем: дай нам бог нераздельно быть с тобою, но, если где случится у тебя беда, то нам самим постоять за твою беду или с братьями своими или с сыновьями и своими войсками, и ничем нам от тебя не откупаться, только своей жизнью, как ты нам сделал... Не зовем тебя самого, потому что царь [Греческий] воюет с тобою, но отпусти с братом твоим Мстиславом, а с нашим сыном войско или снова такое же или посильнее, потому что Юрий—в большой силе, вместе с ним Давыдовичи и Ольговичи и Половцы дикие... расскажут тебе твои мужи и Мстислав, брат твой,... как захвачена нами вся Русская земля и Черные Клобуки». Так послал он Мстислава к Уграм.

[*Вячеслав и Изяслав посылают мужей к Ростиславу Смоленскому*]

Они послали еще мужей своих к Ростиславу в Смоленск, и Вячеслав [велел] сказать Ростиславу: «Брат, бог соединил нас вместе с твоим братом, а с моим сыном Изяславом; он снова добыл Русскую землю и мне честь оказал, посадил меня в Киеве, а я тебе, сын, скажу как сыну: как Изяслав мне сын, так и ты мне сын; приезжай к нам сюда, чтобы мы вместе видели, что̀ нам бог покажет».

Изяслав же [велел] сказать своему брату Ростиславу: «Ты, брат, много заставлял меня оказать честь своему дяде и своему отцу: вот теперь бог привел меня в Русскую землю, привлек на свою сторону дядю своего и твоего в Киеве, ради тебя и всей Русской земли, а я тебе, брат, еще скажу: там у тебя сын твой и мой в Новгороде, Ярослав, и там у тебя—Смоленск, уряди все там и иди к нам сюда, чтобы мы все вместе посмотрели, что нам бог покажет».

[*Юрий собирает вокруг себя союзников в Городке*]

Юрий же послал в Чернигов к Владимиру Давыдовичу и Святославу Ольговичу сказать так: «Изяслав уже в Киеве: приходите мне на помощь». Святослав не дождался Пасхи, а пошел в понедельник страстной недели, а во вторник родился у него сын, и дали ему в крещении имя Георгий, а мирское имя Игорь[115], провел Пасху в Блестовите, оттуда пошел в Чернигов, там соединился со своим братом Владимиром [Давыдовичем], и оба поехали на лодках в Городок к Юрию (в это же время Изяслав Давыдович ушел в Киев, к Вячеславу и Изяславу Мстиславичу), остановились в Городке и там отпраздновали Юрьев день[116].

[*Ростислав Смоленский приходит в Киев на помощь Вячеславу и Изяславу Мстиславичу*]

В это время пришел Ростислав со Смольнянами, с множеством воинов, к своему дяде Вячеславу и к своему брату Изяславу. Вячеслав увидал своего племянника, а Изяслав своего брата, и очень радовались.

[*Юрий двигается на Киев и переходит Днепр*]

Юрий пошел на Киев и остановился в Радуни; много диких Половцев пришло к нему на помощь. Изяслав сторожил, чтобы они не перешли Днепра, и начали они биться в «насадах» по Днепру от Киева до устья Десны; одни сильно бились на «насадах» из Киева, а другие—из стана, но не имели успеха против Киева, потому что Изяслав придумал удивительную хитрость с лодками: гребцов на них не было видно, а только весла; лодки были покрыты досками, а наверху стояли бойцы в бронях и стреляли; было два кормчих: один на носу, а другой на корме — куда хотели, туда и шли, не поворачивая лодок.

Юрий пораздумал с Владимиром Давыдовичем, Святославом Ольговичем и Святославом Всеволодичем и с Половцами, и порешили им пойти оттуда вниз к Витичевскому броду, но не посмели пропустить лодок мимо Киева, но пустили их в озеро Долобское, оттуда протащили берегом в Золотчу, а после Золотчи вошли в Днепр их лодки[117]..., Половцы Юрия шли по лугу.

Вячеслав, Изяслав с братом своим Ростиславом, с Изяславом Давыдовичем, с братом своим Ярославом, с князем Городенским,

со своей дружиной, с Киевлянами и Черными Клобуками, пораздумавши, пошли по этой стороне Днепра вверх, а лодки их прошли по Днепру и остановились против них, у Витичева, у села Мирославского; там они бились, съезжаясь в «насадах», около брода, захватывали в плен друг друга. Изяслав не давал им здесь перейти через Днепр: нельзя было ни тем, ни другим перейти на противоположную сторону. Юрий, порешив со своими сыновьями, призвал к себе Владимира Давыдовича, Святослава Ольговича, Святослава Всеволодича и начал им говорить: «Вот, братья, стоим мы здесь, чего достоимся? Постараемся захватить у них Зарубовский брод и перейти на ту сторону Днепра». Все на это согласились.

Юрий отпустил с Половцами своих сыновей, а Владимир Давыдович и Святослав Ольгович—Святослава Всеволодича, а сами, изготовивши к бою свои войска, стали около песчаного берега на своей стороне приготовлять лодки, приготовили лодки, а сами поехали рядом с ними берегом.

Юрьевичи, Святослав Всеволодич и дикие Половцы пришли к Зарубовскому броду (на той стороне стоял Шварн со сторожами) и пошли переходить Днепр. Половцы увидали, что сторожей Изяслава—мало и пошли на них на конях и за щитами, в бронях и с копьями, чтобы биться; Днепр покрылся множеством воинов, а Русь переехала на лодках. Шварн увидал это, обратился в бегство и прибежал к Изяславу, который в то время послал своего сына Мстислава к Уграм; брод оказался неустойчивым, потому что там не было князя, а боярина не все слушаются.

Сыновья Юрия и оба Святослава перешли Днепр с Половцами и послали сказать Юрию: «Поезжай скорее, мы уже перешли Днéпр; как бы не ударил на нас Изяслав». Юрий с Владимиром [Давыдовичем] быстро приехали к Зарубу и перешли Днепр.

[*Вячеслав и племянники Изяслав и Ростислав Мстиславичи держат совет о борьбе против Юрия*]

В это время Вячеслав, Изяслав и Ростислав Мстиславичи, Изяслав Давыдович, Владимир, брат Ростислава, и князь Городенский стояли все у Ивана [118], туда к ним пришла весть [о переходе врагами Днепра], и они вернулись в Киев. Вячеслав, Изяслав и Ростислав созвали своих братьев и стали думать. Изяслав со своим братом Ростиславом все время желал биться с ними, но дружина Вячеслава, Изяслава и Ростислава и всех князей удерживала от того; удерживали от того и Киевляне и особенно Черные Клобуки: «...Не делайте этого, а поезжайте в свой Киев, а к нам приставьте своего брата Владимира, мы поедем к своим шатрам, хотим взять с собою свои шатры, жен, детей и стада и все свое добро, и пойдем к Киеву; вы к вечеру будете в Киеве, и мы будем. Мы хотим сложить свои головы за отца вашего Вячеслава, за тебя и за твоего брата Ростислава: либо честь вашу добудем, либо умрем там вместе с вами, а Юрия не хотим».

[*Изяслав Мстиславич с союзниками готовят оборону Киева*]

Вячеслав, Изяслав и Ростислав послушали свою дружину, Киевлян и Черных Клобуков, послали своего брата Владимира к «вежам» с Торками, Коуями, Берендеями и Печенегами, а сами пошли к Триполю. Пришли к Триполю и остановились там ночевать. На другой день при восходе солнца пошли от Триполя в Киев через сосновый лесок. Так пришли Вячеслав и Изяслав, но не вошли в город, а расположились станом перед Золотыми воротами у Язины, а Изяслав Давыдович расположился между Золотыми и Еврейскими воротами против двора Бориславля. Ростислав с сыном своим Романом и с ним великое множество [воинов],—перед Еврейскими воротами, и Борис Городенский—у Ляшских ворот. Киевляне со всеми своими силами, на конях и пешие, стали между князьями: от Вячеслава и Изяслава направо вплоть до Изяслава и Ростислава, а от Ростислава вплоть до Олеговой могилы, и слева от Вячеслава и Изяслава до Ляшских ворот, и таким образом во многом множестве расположились вокруг всего города. Пришел и Владимир со всеми Черными Клобуками, с вежами, стадами и скотом их, и много вреда причинили их воины и свои, пограбили монастыри, пожгли села, порубили огороды. Вячеслав, Изяслав и Ростислав велели Владимиру с Берендеями, вежами и стадами пойти к Олеговой могиле и расположиться между «дебрями» от Олеговой могилы вплоть до огорода св. Иоанна, а там—вплоть до Щековицы, Коуям, Торкам и Печенегам стать по огородам от Золотых ворот до Ляшских, а оттуда до Клова, Берестова, Угорских ворот и Днепра.

В таком порядке расположились князья и дружина. Черные Клобуки и Киевляне порешили не итти с войсками биться против них, но подпустить их к себе и там уже биться с ними. Изяслав сказал: «Если нам бог поможет и мы отобьемся от них, то у них нет крыльев, а, перелетев Днепр, сядут; если же повернут от нас, то как нам бог даст с ними».

[*Вячеслав и Юрий ведут между собой переговоры*]

Вячеслав сказал Изяславу и Ростиславу: «Мы, братья, приготовились, а Юрий—мне брат, моложе меня, а я—старший, хотел бы послать к нему и доказать свое старейшинство...» Сказали Изяслав и Ростислав: «Так, отец, и сделай, так правильно». Вячеслав сказал мужу своему: «Поезжай к брату Юрию, брата от меня приветствуй, а вы, братья и сыновья Изяслав и Ростислав, слушайте, перед вами пошлю так сказать своему брату: «Я, брат, много раз говорил тебе и Изяславу, обоим вам, не проливайте христианской крови, не губите Русской земли; я хранил это и не мстил за себя, когда меня дважды обидели и бесчестье положили на меня; у меня есть воины и сила, но я не помню о том ради Русской земли и ради христиан, а вот еще вам то напомню: когда Изяслав поехал биться с Игорем, то сказал так: «Я

не себе ищу Киева, но вот отец мой Вячеслав—брат старший, тому его ищу». Сказал так, поехал воевать и бог ему помог, а он Киев взял себе, а сверх того, отнял у меня Туров и Пинск и тем бо́льшую обиду нанес мне; в другой раз ты, брат, поехал в Переяславль биться с Изяславом и сказал так: «Я Киева не себе ищу, а есть у меня брат старший Вячеслав, он мне словно отец, для того и добиваюсь Киева». Бог тебе помог, а ты Киев взял себе, а, сверх того, еще отнял у меня Дорогобуж и Пересопницу и обидел меня, а мне дал один Вышгород, а я за то не мстил, ради Русской земли и ради христиан, да еще вас удерживал, а вы меня не слушали... я сказал: не могу поклониться младшему; вот Изяслав хотя два раза нарушил свое слово, а теперь добыл Киев, поклонился мне, честь на меня возложил, посадил меня в Киеве и отцом назвал, а я его—сыном; если я сказал: не поклонюсь младшему, то вот я тебя старше не малым, а многим: у меня уже борода была, когда ты родился; если хочешь выступить против моего старшинства, как ты сделал, то бог—за всем».

Так он отправил посла. Юрий в это время стоял у Василева. Он, в свою очередь, прислал своего посла сказать так Вячеславу: «Кланяюсь тебе, брат, все—правда, что ты мне сказал: ты мне словно отец; но, если хочешь со мною договориться, пусть Изяслав едет во Владимир, а Ростислав—в Смоленск, а мы с тобою договоримся».

Вячеслав ответил: «У тебя семь сыновей[119], и я их от тебя не гоню, у меня только два сына, Изяслав и Ростислав, а другие—младшие, а я тебе, брат, скажу, ради Русской земли и ради христиан, поезжай ты в свой Переяславль и Курск со своими сыновьями, а там у тебя Ростов Великий; Ольговичей ты отпусти домой, а мы сами договоримся и крови христианской не прольем...»

Так сказал и отпустил посла Юрия.

[*Половцы Юрия терпят неудачу на Лыбеди*]

На другой день Юрий изготовился к бою и пришел к Киеву; войска расположились по той стороне Лыбеди и начали бой около Лыбеди. Андрей Юрьевич и Владимир Андреевич с Половцами налегли и переехали Лыбедь в том месте, где Сухая Лыбедь; бросился Андрей с Половцами, а дружина его не знала. Владимира не пустил его кормилец, потому что он тогда был еще молод. Андрей гнался за воинами чуть ли не до их отрядов; один Половчанин схватил его коня, вернул его и ругал своих товарищей за то, что все Половцы бросили его; Андрей вернулся назад невредимым... Стреляли они около Лыбеди до вечера; некоторые переехали и бились на «болонье» против войск Вячеслава и Изяслава, а другие бились на песчаных отмелях против Ляшских ворот.

Изяслав увидал... и велел приготовить дружину из полков, а полков не трогать; учинили совет—всем заодно броситься на них; так и сделали, бросились на них все, и Черные Клобуки отовсюду оттеснили их назад в Лыбедь; иные потеряли брод и одних из них убили, других забрали в плен; другие попадали с коней, и многих там убили, убили и дикого половчанина Севенча Боняковича, который го-

ворил: «Хочу ударить в Золотые ворота, как и мой отец [120]». Больше ни один человек не переехал оттуда на эту сторону, а Юрий повернул свои войска и пошел в сторону: до него дошла весть, что на помощь ему идет из Галича его сват Владимир, и пошел ему навстречу.

[*Юрий проходит мимо Белгорода навстречу Владимиру Галицкому*]

Изяслав и Ростислав приехали к Вячеславу с такими словами: «Они поворотили, назад, поедем за ними». Вячеслав ответил: «Это, сыновья, начало божьей помощи: приехали они сюда и ничего не добились, только один позор получили; вы, сыновья, не торопитесь..., но либо к вечеру, либо утром, как сдумаем, пойдем вслед за ним». Изяслав сказал Борису Городенскому: «Попытайся, брат, ехать к Белгороду, поезжай туда по сосновому лесу». Борис ответил: «Я, брат, готов».

Юрий пришел к Белгороду и сказал: «Белгородцы, вы—мои люди, откройте мне город». Белгородцы отвечали: «А Киев как тебе отворился? А наши князья—Вячеслав, Изяслав, Ростислав». Юрий, услыхав то, прошел через бор к Верневу, а оттуда пошел за вал и остановился у Бзяницы: там, надеялся он, к нему будет Галицкий князь Владимир, к которому он, когда отступил от Киева, послал своего племянника Владимира Андреевича.

[*Вячеслав, Изяслав и Ростислав выступают из Киева против Юрия*]

Изяслав прослышал про эту весть и пошел за Юрием, остерегаясь, как бы тот не соединился с Владимиром Галицким. Вячеслав, Изяслав и Ростислав поклонились во вторник Богородице Десятинной и св. Софии и выступили из города. Киевляне сказали Вячеславу, Изяславу и Ростиславу: «Пусть все идут, даже и тот, кто палку может взять в руки; а кто не пойдет, дайте нам, того мы сами побьем». И таким образом двинулись, не отставая друг от друга, но все великое множество, на конях и пешие, с радостью шли за своими князьями и остановились ночевать у Звенигорода.

На другой день, в среду, встали поздно и, не доходя, остановились у Василева к обеду.

В это время спешно приехал к Изяславу посол от Угров, от сына его Мстислава, и сказал: «Сын тебе кланяется и говорит так: «Вот я тебе сообщаю, что король, твой зять, послал тебе помощь, какой никогда не было, великое множество, а я уже с ними прошел Гору; если тебе мы нужны в скорости, пошли к нам: мы поскорее поедем». Изяслав вместе с Вячеславом и своим братом Ростиславом порешили послать опять к Мстиславу с такими словами: «Вот мы уже идем на суд божий, а вы, сын, нам всегда нужны, постарайтесь прийти с большими силами». Сами двинулись к Василеву, изготовили войска к бою, прошли мимо Василева, перешли Стугну, подошли к валам. Не проходя валов, остановились ночевать со своими войсками; нагнали [врагов] у Перепетовых, желая биться с ними.

[Вячеслав, Изяслав и Ростислав наносят Юрию решительное поражение у Рута]

В четверг, до восхода солнца, Вячеслав, Изяслав и Ростислав прошли через вал на чистое поле и пошли биться туда, где стоял Юрий. Они послали между собою послов [договориться] о мире, но Ольговичи и Половцы не допустили до мира, потому что любили кровопролитие.

Они стояли до вечера, когда Юрий перешел за Рут [121] и остановился. На рассвете в пятницу Изяслав изготовил к бою все свои войска и пошел против Юрия, но тот еще не хотел вступать в бой, выжидая Владимира. Изяслав начал наступать. Бог послал туман так, что можно было видеть только конец копья; пошел дождь; во время него оба войска наткнулись на озеро, разъединило их озеро, и нельзя было биться друг с другом; в полдень туман поднялся, небо прояснилось,—войска оказались по обеим сторонам озера; начался бой на флангах, а самим войскам нельзя было сойтись; дело было к вечеру, и Юрий со своими войсками ушел за холмы. Вячеслав, Мстислав и Ростислав пошли вслед за ним, на верховье озера, желая биться с ним; Юрий впереди них зашел со своими войсками за малый Рутец, перешел топкое место и остановился на ночь. Вячеслав, Изяслав и Ростислав пришли и остановились ночевать против него на расстоянии пущенной стрелы.

В пятницу, на другой день, как только начала заниматься заря, сначала у Юрия ударили в бубны и затрубили в трубы, и войска начали готовиться к бою, а потом и у Вячеслава, Изяслава и Ростислава тоже ударили в бубны и затрубили в трубы, и войска стали в боевом порядке. Юрий со своими сыновьями, Святослав Ольгович и Святослав Всеволодич в боевом порядке пошли на верховье Рута; Вячеслав, Изяслав и Ростислав также пошли со своими войсками против них на верховье Рута. Тогда Юрий, Владимир Давыдович, Святослав, дикие Половцы и Святослав Всеволодич повернули свои войска и пошли к Великому Руту, не желая вступать в бой, а зайти за Рут и там ожидать Владимира Галицкого.

Вячеслав, Изяслав и Ростислав увидали, что [враги] идут от них в сторону, выслали за ними стрелков, Черных Клобуков и Русь, начали нападать в тыл, вести перестрелку и отбивать обозы. Тогда Юрий с сыновьями, Владимир Давыдович, Святослав Ольгович и Святослав Всеволодич увидали, что им нельзя перейти через Рут, потому что нападают с тылу и отнимают обозы, повернули свои войска и остановились напротив них.

Перед тем как вступить в бой, Андрей начал готовить полк своего отца, потому что он был тогда старший среди братьев, увидал, что Половцы стояли позади, поскакал к тем и ободрял их для боя.

Изяслав и Ростислав прискакали к своему отцу Вячеславу, говоря: «Ты много добра хотел, но не того хотел брат твой; теперь, отец, хотим жизнь свою отдать за тебя или твою честь восстановить». Вячеслав отвечал: «Братья и сыновья, от рождения у меня не было

охоты к кровопролитию, но до него довел меня мой брат; вот мы уже на месте, и пусть бог судит». Они поклонились ему и поехали в свои полки. Изяслав приехал в свой полк и послал сказать всем своим полкам: «Смотрите на мой полк, и как мой полк пойдет, так и вы идите». И так полки пошли друг на друга.

В это время Андрей Юрьевич с копьем выехал вперед, сломал свое копье, коня под ним пронзили в ноздри, конь стал под ним биться, шлем с него соскочил, и щит отброшен, но заступлением бога и молитвою своих родителей он остался невредим. Также впереди всех полков Изяслав поехал один на полки вражеские и сломал свое копье, тут ранили его в руку и пронзили в бедро, и он упал с коня.

Полки сошлись, и был жестокий бой.

Бог и сила креста помогли Вячеславу, Изяславу и Ростиславу, и они победили Юрия; Половцы Юрия побежали, не выпустив ни одной стрелы, за ними Ольговичи, а потом и Юрий с сыновьями. Когда они бежали через Рут, много дружины потонуло в Руте, потому что в нем было много тины; из беглецов одних избили, а других захватили в плен. Тут же убили князя Владимира Давыдовича Черниговского, доброго и кроткого, и других многих убили; Половецких князей многих в плен взяли, а других убили.

[*Раненый Изяслав*]

Когда сошлись полки конные и пешие, Изяслав лежал раненый; он приподнялся, и тут Киевляне пешие хотели убить его, сочтя за простого воина, не признав его. Изяслав сказал: «Я—князь», а один из них ответил: «Так ты-то нам и нужен!», вынул свой меч и начал рубить князя по шлему; был же на шлеме на лбу золотой Пантелеймон, [воин] ударил его мечом и таким образом пробил шлем до лба. Изяслав сказал: «Я—Изяслав, ваш князь», и снял с себя шлем; его узнали, и многие, услышав его слова, схватили его с радостью своими руками, как своего царя и князя...; все полки радовались победе над врагом и видя своего князя живым.

[*Изяслав отряжает для захвата Чернигова Изяслава Давыдовича и Романа Ростиславича*]

Изяслав изнемогал от ран, потому что истекал кровью, но услыхал, что Изяслав [Давыдович] плачет над братом своим Владимиром, сбросил с себя слабость, сел на коня [122] и поехал туда, и там плакал над ним, словно по своем брате, он долго плакал и сказал Изяславу Давыдовичу: «Его нам уже не воскресить, но вот, брат, бог победил наших врагов, и те теперь бегут кругом, а вот—Чернигов. Ты, брат, не стой здесь, но собирайся, возьми своего брата и поезжай в Чернигов, а я тебе снаряжу помощь, будь сегодня у Вышгорода».

Изяслав по совету со своим братом Ростиславом отпустил с ними Романа, сына Ростислава, и дал ему дружину.

[*Изяслав Давыдович занимает Чернигов*]

Изяслав [Давыдович] поехал с Романом в Чернигов, взяв с поля битвы брата Владимира, и, как сказали им Изяслав и Ростислав быть

к вечеру в Вышгороде, так они и были; они переправились лишь утром и в первый же день поехали к Чернигову. Изяслав въехал в Чернигов с Романом Ростиславичем, похоронил брата своего, а сам сел на столе брата своего в Чернигове.

[*Бегство Юрия и Ольговичей*]

Юрий с детьми перебежал Днепр у Триполя и поехал по той стороне [Днепра] в Переяславль. Половцы бежали к себе домой, Святослав Ольгович и Святослав Всеволодич перебежали Днепр выше Заруба и бежали в Городец. Святослав Ольгович был тяжел телом и измучился во время бегства: он послал оттуда, из Городца, своего племянника Святослава Всеволодича в Чернигов. Святослав прискакал к перевозу на Десне, и там ему была весть, что Изяслав Давыдович и Роман Ростиславич въехали в Чернигов. Услыхав про то, побежал назад, а своему дяде послал сказать: «Не езди туда, а поезжай к Новгороду [Северскому], а сюда уже въехали Изяслав Давыдович и Роман Ростиславич». Святослав услышал и побежал в Новгород [Северский].

[*Владимир Галицкий возвращается домой*]

Владимир Галицкий шел, было, на помощь к свату своему Юрию, который надеялся на его помощь; когда он был у Бужска, пришла к нему весть, что Вячеслав, Изяслав и Ростислав победили Юрия и Половцев его побили. Услыхав про то, Владимир с поспешностью повернул назад и пошел к Галичу.

[*Союзники празднуют в Киеве победу*]

Вячеслав, Изяслав и Ростислав с великой честью и славою пришли в Киев, и вышли навстречу им митрополит Клим, игумены, попы; с великою честью въехали в Киев и поклонились св. Софии и Богородице Десятинной с большою радостью и миром. И так стали жить.

Вячеслав и Изяслав начали собираться в Переяславль на Юрия, а Ростислав ушел в Смоленск.

[*Владимир Галицкий наносит поражение Уграм, шедшим на помощь Изяславу*]

В то время Мстислав Изяславич вел на помощь отцу своему Угров. Владимир Галицкий услышал, что Мстислав Изяславич идет от короля с Уграми на помощь, и пошел вслед за ним. Мстислав об этом не знал и остановился у Сапогиня, а Угры расположились около него. Владимир Андреевич прислал из Дорогобужа ему и Уграм много напитков и потом сказал ему, что «идет за тобою Владимир Галицкий». Когда Мстислав пил с Уграми, то сказал им: «Идет за нами Владимир Галицкий», но пьяные Угры хвалились, говоря: «Если придет на нас, побьемся с ним». Мстислав расставил на ту ночь сторожей, а сам лег спать с Уграми. Сторожа прибежали к нему в полночь сказать: «Идет Владимир». Мстислав с дружиною сел на коней и стал будить Угров. Угры пьяные лежали словно мертвые; на рассвете ударил на них

Владимир Галицкий, мало кого из них в плен взял, а всех побил. Мстислав убежал со своею дружиною в Луцк.

Когда к Изяславу пришла в Киев весть, что его сын побежал, а Угры—побиты, то сказал слово, какое и прежде слыхивали: «Не идет место к голове, а голова к месту. Но дай бог здоровья мне и королю, чтобы отомстить».

[Юрий в Переяславле чинит мир с Вячеславом и Изяславом и уходит в Городок]

Вячеслав, Изяслав, брат Изяслава Святополк и Берендеи пошли на Юрия в Переяславль. Пришли и бились у Переяславля два дня. На третий день приехали, как обычно, биться, и когда пешие сделали вылазку из города, набросились на них, многих побили, а предместье сожгли.

Вячеслав и Изяслав послали сказать Юрию: «Просим тебя, иди в Суздаль, а в Переяславле посади сына: не может с тобой быть здесь, опять приведешь на нас Половцев». У Юрия ниоткуда не было помощи, дружина его или побита или захвачена в плен: он неволею был вынужден целовать крест к ним вместе с детьми...

Вячеслав и Изяслав сказали: «Иди в свой Суздаль: ты целовал крест». Юрий послал сказать им: «Я иду в Городок, а, перебыв там, пойду в Суздаль». Вячеслав и Изяслав сказали: «Ты—нам брат; ступай в свой Суздаль; а что говоришь о Городке, то отдохни там один этот месяц, а потом ступай в свой Суздаль; если не пойдешь, то мы также придем со своими полками и станем вокруг Городка, как и здесь стоим; целуй крест на том, чтобы тебе на всем том стоять и Киева под Вячеславом и Изяславом не искать». На всем этом Юрий вынужден был поцеловать крест. Вячеслав и Изяслав сказали Юрию: «Святослав Ольгович тебе не нужен», и Юрий не стал считаться с ними. Договорившись так, Вячеслав и Изяслав пошли в Киев, а Юрий оставил в Переяславле своего сына Глеба, а сам пошел в Городок, Андрей отпросился у отца вперед в Суздаль, сказав: «Здесь, отец, в Русской земле, ни войны, ни другого дела у нас нет, уйдем затепло». Отпустил его отец, и он ушел домой, а Юрий пошел в Городок.

[Святослав Ольгович чинит мир с Изяславом Давыдовичем]

Святослав Ольгович услыхал, что Юрий договорился с Вячеславом и Изяславом и выведен из Переяславля, послал вместе со своим племянником Святославом Всеволодичем к Изяславу [Давыдовичу] в Чернигов сказать так: «Брат! мир бывает до войны, а война—до мира, а теперь, брат, мы—братья друг другу, прими нас к себе; вот у нас две отчины; одна—моего отца Олега, а другая—твоего отца Давыда. Ты, брат,—Давыдович, а я—Ольгович; ты, брат,—возьми отца своего Давыдово, а что Олегово, то нам отдай, а мы с ним поделимся». Изяслав [Давыдович] поступил по-христиански, принял братьев своих, вернул им их вотчину, а свою взял себе...

[Дальше идет рассказ о посольстве Изяслава Мстиславича к Угорскому королю с просьбой готовиться мстить Владимиру Галицкому.]

[*Поход Изяслава Мстиславича с союзниками в Городок на Юрия. Юрий уходит в Суздаль*]

Изяслав приготовил свои полки к Городку на Юрия, взяв Берендеев, Изяслава Давыдовича, Святослава Всеволодича и подмогу от Святослава Ольговича. Юрий заперся в Городке со своими детьми. Много дней они бились из города, но ему (Юрию) было тяжело, потому что ниоткуда не было помощи; он поцеловал к ним крест: «Вот ухожу в Суздаль», и ушли от него прочь. Юрий оставил своего сына в Городке, а сам пошел в Суздаль. По дороге туда Юрий пришел в Новгород Северский к Святославу Ольговичу; тот принял его с большою честью и дал ему подвод. Юрий пошел в Суздаль.

Изяслав с Вячеславом сели в Киеве: Вячеслав—на Великом дворе, а Изяслав—под Угорским, а сына Мстислава посадил в Переяславле.

В тот же год Полочане взяли своего князя Рогволода Борисовича, сослали в Минск и там держали его с большим притеснением, а Глебовича привели к себе..

В это время умерла княгиня, жена Изяслава.

[*Изяслав отправляется на соединение с Угорским королем против Владимира Галицкого*]

В лето 6660...

В это время король [Угорский] прислал сказать Изяславу: «Отец, кланяюсь тебе; присылал ты ко мне из-за обиды Галицкого князя; я здесь собираюсь, и ты собирайся, и не положим этого [дела] на себя, а как бог даст». Изяслав послал своего сына Мстислава к Уграм повести короля на Галицкого князя. Король назначил срок, когда итти, и послал к Вячеславу сказать ему: «Я уже сажусь на коня (собираюсь в поход) и сына Мстислава беру с собою, и ты садись на коня (собирайся в поход)». Изяслав, услыхав, собрал всю свою дружину и двинулся в поход, взяв с собою весь полк Вячеслава, всех Черных Клобуков, знатных Киевлян и всю Русскую дружину.

Когда он пришел к Дорогобужу, к нему приехал брат Владимир; оттуда пошел к Пересопнице; тут пришел к ним Владимир Андреевич; тут же пришел к ним брат его, князь Святополк, из Владимира со своим полком. Так собрались все и пошли к королю. Изяслав не взял с собою брата Святополка, а оставил его во Владимире, взял с собою только его полк.

Изяслав пошел от Владимира со своими полками по королевской дороге; по ней тот[123] пришел против Андрея Владимировича вместе с Ярославом Святополчичем, которого и убили тут у Владимира[124].

Изяслав пришел на реку, которая течет к Перемышлю; как только перешел реку Сан, тут прискакал к нему посол от короля и сказал Изяславу: «Зять твой король тебе кланяется и так тебе говорит: «Вот я уже стою пять дней, поджидая тебя, поезжай».

[*Изяслав соединяется с Угорским королем*]

Изяслав, услыхав это, с большою поспешностью поехал; на другой день пошел к Ярославлю, прошел мимо и остановился обедать; тут король прислал к нему своих мужей: больше тысячи вместе с полком. Изяслав пообедал и привел свои полки в боевой порядок и пошел к королевскому стану. Король вместе со своими мужами сел на коня и с радостью поехал навстречу Изяславу; они обнялись с большою любовью и честью, поехали и сели думать в королевском шатре, как рано на другой день ехать биться к реке Сану, и таким образом порешили.

На другой день рано король [приказал] ударить в бубны, привел в боевую готовность свои полки, пошел к Изяславу и послал ему сказать: «Поезжай со своими полками поближе к моему полку, а где я остановлюсь, там и ты становись; будем о всем советоваться». Изяслав ответил королю: «Сын, пусть будет так». Подошли к реке Сану ниже города Перемышля и остановились со всеми своими полками, а Владимир со своими полками остановился на другой стороне. У короля было семьдесят три полка, а остальные полки—Изяслава, не считая запасных и обозных коней.

Они вошли в землю Галицкую. Было воскресенье, а король, по своему обыкновению, никогда в воскресенье не двигался.

[*Наступление союзников на Владимира Галицкого*]

Владимир не позволил войску войти в свою землю, переградил путь и захватил королевских людей, которые добывали провиант. На другой день король поднялся и пошел. Владимир отошел назад и остановился за укреплением.

Король начал расставлять свои полки на перевалах; галичане расставляли свои полки напротив, но не могли устоять против короля; пошел Владимир со своим полком туда же, а король расположился против него. Изяслав пошел со своими полками в горы на перевалы и расположился выше короля на другом перевале; много других полков Угорских прошло мимо Изяслава и стало выше Изяслава на перевалах.

Изяслав сказал своей дружине: «Братья и дружина! Бог никогда не посылал бесчестья Русской земле и Русским сынам, везде мы свою честь получали; постараемся теперь, братья, чтобы бог позволил нам получить свою честь в этих землях перед чужими народами».

Так сказал Изяслав и со всеми своими полками поспешил к перевалу. Увидав Владимировы полки, король и все его полки, не медля, бросились все на них, каждый в свой перевал, и поразили их; многих тут убили, других потопили.

[*Поражение Владимира Галицкого*]

Владимир увидал Угорскую силу, побежал перед ними, наткнулся на Угров и Черных Клобуков и убежал один с Избыгневом Ива-

чевичем в город Перемышль. Они тогда бы захватили Перемышль, потому что некому было из него биться. Потому его не взяли, что вне города, на луге, над рекою Саном стоял княжеский двор, там было много добра, на него-то и набросились все воины.

Изяслав и король собрали всех своих воинов и всю свою дружину и стали станом перед городом на реке Вагре.

[*Владимир просит мира у Угорского короля*]

Владимир начал посылать послов к королю просить мира. В ту же ночь послал Владимир к архиепископу и королевским воеводам, самовольно притворившись больным, сказать им: «Просите за меня короля: я сильно ранен, каюсь перед королем, что беспокоил тебя и выступил против тебя... не выдай меня Изяславу, потому что я очень болен, а если я умру, то моего сына возьми себе... твой отец был слеп, а я достаточно послужил оружием и своими полками твоему отцу за его обиды, и с Ляхами за него бился; вспомни все это и прости мне». Он послал архиепископу и тем мужам золото и серебро золотыми и серебряными сосудами и одеждами—упросить короля не стоять против него и не исполнять воли королевы[125].

[*Король Угорский против воли Изяслава чинит мир с Владимиром Галицким*]

На другой день король съехался с Изяславом и так сказал ему: «Кланяюсь тебе, отец! Владимир прислал ко мне, кланяется и просит, а еще очень ранен он и не будет жив; что ты ответишь, отец, на то, что я говорю?» Изяслав говорил королю : «Сын, если Владимир умрет, то это бог наказал его за то, что он нарушил крестное целование к нам обоим и наложил позор на нас; почему ты веришь ему теперь, когда и в первый и во второй раз он нарушил? А теперь дай нам бог его самого захватить и волость его взять».

Мстислав Изяславич больше своего отца Изяслава убеждал короля во всех поступках Владимира, но король послушал не его, а архиепископа и всех своих мужей, потому что Владимир прислал им своего добра. Король сказал: «Не могу я убить его, потому что он молит меня и кланяется мне и раскаивается в своей вине, но если он нарушит крестное целование, тогда как мне с ним бог даст: либо я буду в Угорской земле, либо он в Галицкой».

Владимир прислал к Изяславу сказать: «Брат! кланяюсь тебе и раскаиваюсь в своей вине: я виноват; теперь прими меня, брат, к себе и короля заставь принять меня к себе, и дай мне бог с тобою быть».

Изяслав не хотел обращать внимания на все это, но по принуждению короля и его мужей начал с ним вести переговоры. Король сказал Владимиру: «На том целуй крест, что вернуть Русские города[126], быть с Изяславом и не отлучаться от него ни в добре, ни в несчастье». Он с радостью на все согласился. Изяслав со своим братом Владимиром и сыном Мстиславом съехались в королевский шатер и послали своих мужей к Владимиру с крестом. Изяслав не хотел приводить его к кресту, но король сказал: «...если он нарушит крестное целование,

то я подыму крест; либо жизнь положу, либо приобрету Галицкую землю, а теперь не могу его убить». Так они послали к Владимиру обоих мужей с крестом. Изяслав послал Петра Борисовича, а король своих мужей сказать так: «Вот ты прислал к нам, а отдал нам бог тебя и твою волость за твою вину, теперь мы слагаем с себя гнев и волость у тебя не отнимаем, но целуй крест на том, что вернуть все волости Русской земли, не отлучаться от Изяслава и всегда быть с ним вместе». Мстислав Изяславич сказал отцу своему Изяславу и королю: «...Вы приводите его к кресту, а он его нарушит; а ты, король, не забудь своего слова, какое сказал, что, если Владимир нарушит целование, тебе снова стать у Галича». Король отвечал ему: «Правду тебе говорю, если Владимир нарушит крестное целование, то, как раньше отец мой Изяслав звал меня в помощь, так, если он нарушит целование, то я снова позову себе отца своего на помощь». Так сказал и послал своих мужей к Владимиру.

Мужи Изяслава и короля сказали Владимиру: «Так тебе говорят брат Изяслав и король: ты прислал к нам и в своей вине раскаивался, мы тебе все это прощаем и волости у тебя не берем, но сколько городов Русских ты захватил, то все верни и, пока ты жив, Изяслава не покидай, но всегда и везде будь с ним». Владимир на всем этом целовал крест, лежа, притворяясь, будто изнемогает от ран, а ран на нем не было.

[*Изяслав возвращается в Киев. Владимир нарушает крестное целование*]

Разъехались: король в свою, Угорскую землю, а Изяслав—в Русскую... Владимир послал своих посадников в города, о которых целовал крест, в Бужск, Шумск, Тихомль, Выгошев и Гнойницу и не отдал их [Изяславу].

Изяслав вернулся в Киев, а к королю послал своих мужей сказать: «Владимир нарушил крестное целование; ни тебе, ни мне—не ворочаться, а только говорю тебе: «Владимир крестное целование нарушил; только ты не забывай своего слова, которое молвил». Изяслав пришел в Киев к своему дяде Вячеславу с великою радостью... и послал в Смоленск к своему брату Ростиславу сказать, что виделся с королем в здоровьи, что бог помог им победить Владимира Галицкого и здоровым опять привел в Русскую землю. Услыхав это, Ростислав был очень рад.

[*Юрий собирает союзников и идет на Вятичей и Чернигов*]

Юрий узнал, что его Городок разогнали в разные стороны, а весь город сожгли, вздохнул от всего сердца и начал собирать воинов и послал в Рязань к Ярославичам[127] сказать: «Приходите ко мне на помощь».

Изяслав Мстиславич услыхал про то и послал сказать брату своему Ростиславу: «Там у тебя, брат, Новгород Великий и Смоленск, ты собери свои силы и охраняй свои земли; если Юрий пойдет против

тебя, я к тебе приду [на помощь]; если он не пойдет на тебя и минует твою волость, ты иди сюда ко мне». Ростислав Ярославич с братьями, Рязанцами и Муромцами не отказались и пошли с Юрием, а также Половцы, Оперлюевы и Токсобичи и вся Половецкая земля, что между Волгою и Днепром, и пошли на Вятичей и захватили их, оттуда пошли на Мценск, оттуда на Спашь, оттуда на Глухов и там остановились.

Владимир услыхал, что его сват Юрий идет в Русь, пошел из Галича на Киев. Изяслав пошел навстречу Владимиру. Тот вернулся в Галич.

Множество Половцев пришло в Ольгов к Юрию. Юрий послал к своему свату Святославу Ольговичу сказать: «Поезжай со мной». Святослав испугался и сказал: «Вдруг он пойдет на меня», и тогда пошел за ним. Юрий сказал так: «Они сожгли мой Городок, а я сожгу в отместку тому». Оттуда он пошел к Березову и остановился в субботу с Половцами у Свини; на другой день, в воскресенье, не захотел итти к городу, а остановился у Гуричева.

[Половцы Юрия осаждают Чернигов]

Так как Юрий миновал Смоленскую волость, Ростислав пошел за ним из Смоленска и, опередив Юрия, пришел к Любечу. Он порешил с братом своим Изяславом пойти в Чернигов на помощь Изяславу Давыдовичу. Ростислав со Святославом Всеволодичем вошли в Чернигов и затворились там вместе с Изяславом Давыдовичем. Юрий остановился у Гуричева и отправил Половцев воевать к Чернигову. Половцы пришли к городу, взяли много пленников и сожгли Семынь. В ту же ночь Изяслав [Давыдович], Ростислав и Святослав [Всеволодич] увидали Половецкую силу и велели всем людям бежать из острога в детинец.

На другой день Юрий и Святослав изготовили к бою своих воинов, пошли к городу, остановились, не доходя Семыня. Все же множество Половцев пришло к городу биться, захватили острог, сожгли все предместье, пришли со всеми силами и остановились около города; Черниговцы бились, делая вылазки из города.

Князья порешили: «Не крепко бьются дружина и Половцы, потому что мы не ездим с ними». Андрей сказал: «Сделаем так: я начну свой день», взял свою дружину и поехал к городу; когда вышли из города пешие воины, чтобы стрелять, он бросился на них с дружиною, одних побил, а других прогнал в город. Стараясь подражать ему, остальные князья стали после ездить к городу: пешие воины, видя полки, не решались выйти из города, потому что были очень напуганы.

[Вячеслав и Изяслав приходят на помощь Чернигову.
Юрий с союзниками уходит от Чернигова]

В это время Вячеслав с Изяславом стояли на этой стороне Днепра у Лжичь; они услыхали, что Юрий стоит у Чернигова, что Половцы проникли туда и сожгли город, и пошли со своими полками от Лжи-

чи к Чернигову. Когда они были у Моравийска, то встретились с обеих сторон сторожевые отряды: Вячеслава, Изяслава и Юрия. Половцы захватили там языка и привели его к Юрию. Когда Юрий, Святослав Ольгович и Рязанские князья услыхали, что Вячеслав и Изяслав идут на помощь Черниговцам, то Половцы испугались и стали уходить прочь; князья увидали, что Половцы уходят, и [сами] пошли от Чернигова, ушли за Свинь, а оттуда—за Сновь. Вячеслав и Изяслав пришли и остановились на Боловесе; тут приехали к ним Ростислав, Изяслав Давыдович и Святослав Всеволодич и начали советоваться, не итти ли за ними, и не надумали, потому что те шли назад, не останавливаясь, потому что дело было к заморозкам. Они порешили поехать каждый к себе домой и собраться всем, когда станут реки.

[*Юрий оставляет Василька Юрьевича с дружиною в помощь Святославу Ольговичу, а сам уходит в Суздаль*]

Половцы пошли от них на Путивль, а потом к себе, и многих из них догнали. Юрий пошел к Новгороду Северскому, а оттуда—к Рыльску; когда он собирался пойти из Рыльска в Суздаль, тут приехал к нему поспешно Святослав Ольгович и стал молить его, желая удержать, так: «Ты хочешь уйти назад, а меня оставить; ты мою волость разорил и хлеб около города потравил; Половцы ушли к себе домой, а Изяслав соберет своих братьев и пойдет на меня вместо тебя и остальную мою волость разорит». Юрий обещал оставить ему помощь, и оставил ему сына своего Василька с дружиною. Юрий пошел к Суздалю через Вятичей и захватил остальных Вятичей.

[*Изяслав Мстиславич идет ратью на Святослава Ольговича и чинит с ним мир*]

Вячеслав с Изяславом уговорились, и как только реки стали, Изяслав послал в Смоленск к своему брату Ростиславу сказать ему: «Ты сиди в Смоленске и в Новгороде Великом и там удерживай Юрия, а ко мне отпусти на помощь своего сына Романа». Так Вячеслав и Изяслав послали послов, собрали все свои войска и пошли к Новгороду Северскому на Святослава Ольговича и Василька Юрьевича; они остановились на Лете, и Изяслав сказал Вячеславу: «Ты, отец, уже стар, нечего тебе трудиться, поезжай в свой Киев, а со мной отпусти свой полк». Вячеслав пошел в Киев, а Изяслав пошел к Новгороду Северскому, и там пришли к нему Святослав Всеволодич и племянник его Роман Ростиславич из Смоленска со своими полками.

В феврале месяце Изяслав и другой Изяслав Давыдович, Святослав Всеволодич и Роман Мстиславич подошли со своими полками к городу и начали биться у ворот острога, вогнали их в город, а острог отняли; вышли из острога, отошли от города и вернулись в свой стан; на третий день, после взятия острога, Святослав Ольгович послал к Изяславу Мстиславичу просить мира. Изяслав не хотел мириться с ним, но дело шло к весне, поэтому они помирились, поцеловали крест

между собою и разъехались: Изяслав отправился с Изяславом Давыдовичем в Чернигов, Роман пошел к своему отцу в Смоленск, Василько Юрьевич—к отцу в Суздаль. Изяслав пришел в Чернигов, и там пришла ему весть от сына Мстиславича, что бог ему помог победить Половцев на Угле и Самаре, взял он много пленников, самих прогнал, вежи их захватил, забрал коней их и скот и множество пленных душ христианских; он вернулся в Переяславль... и пленных отпустил в свое отечество... На другой день Изяслав пошел в Киев... и с сыном своим Мстиславом приехал к своему отцу Вячеславу... Изяслав послал посла в Смоленск к своему брату Ростиславу и поведал ему, что сам ходил на Святослава Ольговича и учинил с ним мир, а Мстислав вернулся, победил Половцев и взял много пленников. Ростислав... очень был рад этому.

[*Изяслав посылает к Владимиру Галицкому Петра Бориславича с крестными грамотами*]

В это время Изяслав послал к Владимиру Галицкому Петра Бориславича с крестными грамотами, потому что он был в Перемышле и с королевскими мужами приводил его к кресту. Изяслав [велел] сказать ему: «Ты нам с королем целовал крест—вернуть нам все из Русских волостей, и этого всего не сделал; я теперь не напоминаю этого, но если хочешь исполнить крестное целование и быть с нами, возврати мои города, о которых ты целовал нам с королем крест; если же не хочешь их отдать, то ты нарушил крестное целование, вот твои крестные грамоты, а нам с королем с тобою как бог даст». Владимир отвечал: «Ты, брат, выбрал время и короля на меня привел, но я, если буду жив, либо сложу свою голову, либо отомщу за себя». Петр ему сказал: «Ты, князь, целовал крест к брату своему Изяславу и королю все тебе исполнить и с ними быть; теперь ты уже нарушил крестное целование». Владимир сказал: «Этот ли маленький крестик?» Петр сказал Владимиру: «Князь, хоть крест и мал, но его сила велика и на небе и на земле... ты же сам говорил, что, если нарушишь крестное целование, то не будешь жить; слышал ли от мужа королевского об этом кресте?». Владимир сказал: «Довольно вы мне о том наговорили, а теперь ступай вон, поезжай к своему князю». Петр положил ему крестные грамоты и пошел вон; не дали Петру ни подводы, ни еды, и поехал тот на своих конях.

[*Внезапная смерть Владимира Галицкого*]

Как только Петр уехал с княжеского двора, Владимир пошел в церковь св. Спаса к вечерне и, когда был на переходе к церкви, увидал, что Петр едет, и ругался над ним: «Вот поехал Русский муж, побравши все волости». Сказал так и пошел на хоры. Когда отслужили вечерню, пошел из церкви; когда был на лестнице, на том месте, где ругал Петра, то сказал: «Кто это меня ударил в плечо?» не мог сделать ни шагу с того места и хотел упасть; его подхватили под руки и понесли его в горенку, положили его в теплую воду с укропом и говорили: «Лом в костях подступил», другие говорили другое—и много

прикладывали; был поздний вечер. Владимир стал совсем изнемогать; была уже пора ложиться спать, а Владимир князь Галицкий умер[128].

[*Сын Владимира Ярослав возвращает Петра и чинит мир с Изяславом Мстиславичем*]

Петр выехал из Галича, был уже вечер; он лег спать в Болшеве; было уже время петь петухам, прискакал к Петру детский из Галича: «Князь велел тебе, чтобы ты никуда не ездил, но ждал, пока я за тобою не пришлю». Петр не знал про смерть князя, потому что детский ему не сказал. Петр был очень огорчен, что ему придется опять ехать в город; он готовился принять мучения хуже прежних. Так горевал Петр; время было еще до обеда, когда приехали из города за Петром, говоря: «Князь тебя зовет». Петр поехал в город и приехал в княжеский двор; там навстречу ему сошли с сеней княжеские слуги, все в черных мантиях; увидел это Петр и подивился, что́ это значит. Когда он взошел на сени, то увидал Ярослава, сидящего на отцовском месте в черной мантии и высоком клобуке, также и мужи его; поставили Петру стул, и он сел. Ярослав взглянул на Петра и расплакался. Петр сидел, не зная, и начал спрашивать, что́ случилось; ему сказали: «Бог в эту ночь князя взял». Петр сказал: «В эту ночь я поехал, а он был в добром здоровьи»; они отвечали: «Кто-то схватил его за плечо, он сильно заболел и так умер». Петр сказал: «Божья воля, и нам всем там быть».

Ярослав сказал Петру: «Мы вот для чего тебя позвали... поезжай теперь к отцу моему Изяславу, поклонись ему от меня и так ему скажи: «Отец у меня умер, а ты будь мне вместо отца, сам с моим отцом ведался, что между вами было, то уже бог осудил, моего отца взял, а меня на его месте оставил; его полк и дружина—у меня, только одно копье поставлено у его гроба да и то в моей руке. Теперь, отец, кланяюсь тебе, прими меня, словно сына своего Мстислава: пусть Мстислав ездит подле твоего стремени по одной стороне, а со всеми своими полками буду ездить по другой стороне подле твоего стремени».

С этими словами он отпустил Петра.

[*Поход Изяслава Мстиславича на Ярослава Галицкого*]

В лето 6661...

В тот же год Изяслав Мстиславич начал собираться на Ярослава Владимировича в Галич; за три воскресенья до мясопуста Изяслав, собрав свои войска, пошел на Галич и взял с собою полк Вячеслава. Изяслав Давыдович отпустил с ним свой полк, сын его Мстислав пришел с Переяславским полком и все Черные Клобуки.

Когда он пришел к Тихомлю, тут пришел к нему из Дорогобужа брат Владимир и брат его Святополк из Владимира и Владимир Андреевич из Берестья. Собрались все у Владимира и пришли к Станкову. Туда пришел и Галицкий князь со своими полками. Изяслав послал Владимира Андреевича, своего сына Мстислава и Черных Клобуков биться с ними около реки Серета, а сам пошел к Теребовлю.

На другой день, во вторник Федоровой недели[129], перешел реку Серет (был в тот день густой туман, не видать конца копья), перешел и остановился. Вечером Ярославу Галицкому пришла весть, что Изяслав идет к Теребовлю. Ярослав пошел через Сновь к Теребовлю и не успел к перевалам: Изяслав до них перешел реку Серет. Сторожа Изяслава увидали Галицкие полки и прискакали сказать Изяславу. Изяслав изготовил к бою свои полки и выступил против. Когда они были близко друг от друга, бог разогнал туман и стало ясно: полки стояли, глядя друг на друга.

Мужи Галицкие стали говорить своему князю Ярославу: «Ты молод, поезжай в сторону и смотри на нас; твой отец кормил и любил нас, и мы хотим жизнь отдать за твоего отца честь и за твою», и [еще] сказали князю: «Ты у нас князь один, если что с тобою случится, то и с нами; поезжай, князь, в город; мы сами будем биться с Изяславом, а кто из нас жив останется, к тебе прибежит, и тогда запремся с тобою в городе».

Так отослали своего князя в сторону, а сами поехали биться.

Полки сошлись, была злая сеча, бились от полудня до вечера, было средь них смятение, и не видно было, кто победит: Изяслав гнал Галичан, а братья его бежали; так бежал Святополк Владимирович, а за ним Владимир Мстиславич и Мстислав Изяславич. Изяслав тут и остановился на поле битвы ночевать, а Галичане убежали в свой город Теребовль.

Изяслав захватил Галицких мужей, а Галичане захватили на разведке мужей Изяслава; Изяслав остался с малой дружиной на поле битвы. Он поставил стяги Галицкие,—Галичане пошли под свои стяги. Изяслав захватил много пленных. В ту же ночь Изяслав пришел в страх, потому что остался на поле битвы с небольшой дружиной, сказав: «Как бы не собрались на нас из города»; пленников было больше его дружины. Видя такое множество пленников, он велел перебить их, а лучших мужей взял с собою.

На другой день Изяслав Мстиславич пошел к Киеву, потому что его братья и дружина разбежались.

По всей земле Галицкой стоял великий плач.

[*Новый поход Юрия на Русь*]

В лето 6662...

В тот же год пошел Юрий с Ростовцами, Суздальцами и со всеми детьми в Русь; и был конский мор у всех его воинов, какого не было прежде, пришел он к Вятичам и остановился, не доходя Козельска; приехали к нему Половцы. Юрий подумал, послал своего сына Глеба к Половцам, а сам вернулся в Суздаль.

[*Смерть Изяслава Мстиславича*]

В тот же год разболелся князь Киевский Изяслав и был очень болен; и умер досточтимый... и славный Изяслав Мстиславич, внук Владимира, и оплакивала его вся Русская земля и все Черные Клобуки как своего царя и господина, а больше всего как отца своего[130].

Умер он в воскресенье в ночь, на Филиппов день[131], и схоронили тело в церкви св. Федора, в отцовском монастыре.

[*Вячеслав в ожидании Ростислава Смоленского*]

Дядя его Вячеслав больше всех плакал по своем племяннике, говоря: «Сын, это было мне время [умереть], но перед богом ничего не поделаешь». Мстислав, сын Изяслава, похоронил тело своего отца, поклонился его гробу и уехал в свой Переяславль. Пришла весть в Чернигов к Изяславу Давыдовичу; он, нисколько не медля поехал в Киев. Когда Вячеславу поведали, что Изяслав Давыдович приехал на Днепр к перевозу, Вячеслав послал сказать ему: «Зачем ты приехал, и кто тебя позвал? Поезжай в свой Чернигов». Изяслав ответил: «Я приехал поплакать над братом своим, потому что тогда меня не было; позволь мне теперь прийти и поплакать над гробом его». Вячеслав подумал с Мстиславом и с мужами и не пустил его в Киев, потому что Ростислав еще не пришел в Киев из Смоленска. Изяслав [Давыдович] уехал назад в Чернигов.

Вячеслав послал за Святославом Всеволодичем и сказал ему: «Ты у Ростислава любимый сын так же, как и у меня; поезжай сюда ко мне, пробудь у меня в Киеве, пока не придет Ростислав, а тогда всё учиним порядок». Изяслав Всеволодич не сказал ни Изяславу Давыдовичу, ни дяде своему Святославу Ольговичу и поехал к Вячеславу в Киев и был с Вячеславом в Киеве, дожидаясь Ростислава. А Изяслав Давыдович и Святослав Ольгович послали к Юрию в Суздаль[132].

[*Ростислав Мстиславич приходит из Смоленска в Киев и рядится со своим отцом Вячеславом*]

В это время Ростислав пришел из Смоленска в Киев. Киевляне с великою радостью вышли навстречу своему князю, и все были ему рады: вся Русская земля и все Черные Клобуки обрадовались, что Ростислав пришел в Киев. Ростислав со Святославом Всеволодичем поехали поклониться отцу своему Вячеславу. Вячеслав увидал Ростислава, своего сына, очень обрадовался и сказал ему: «Сын, я уже стар и не могу делать всех дел, а как брат твой держал и делал, так и тебе тоже отдаю, а ты меня считай отцом и держи на мне честь, как твой брат Изяслав честь на мне держал и отцом считал; вот мой полк и моя дружина, ты и делай». Ростислав услышал это, поклонился отцу своему Вячеславу и сказал ему: «Очень рад, господин отец, считать тебя отцом и господином, как и мой брат Изяслав тебя считал и в твоей воле был».

Начало княжения Ростислава в Киеве

Киевляне посадили его в Киеве, сказав ему: «Как твой брат чтил Вячеслава, так и ты чти, а при твоей жизни Киев твой». Ростислав Мстиславич сказал своему племяннику по сестре Святославу Всеволодичу: «Вот я даю тебе Туров и Пинск за то, что ты приехал к отцу

моему Вячеславу и волости мои сохранил, за это я и наделяю тебя волостями». Святослав поклонился Ростиславу и взял с радостью.

[Поход Ростислава к Переяславлю против Глеба Юрьевича и Половцев]

В это время пришла весть к Ростиславу, что Глеб Юрьевич со множеством Половцев идет к Переяславлю. Ростислав со Святославом выступили из Киева к Пересечену и начали там собирать дружину. Прискакал посол от Мстислава Изяславича из Переяславля к Ростиславу и Святославу сказать, что спешно прискакало войско к Переяславлю и что с ним идет перестрелка.

Ростислав выслушал и послал в Переяславль сына своего Святослава. Мстислав выехал из Переяславля навстречу Святославу, соединились таким образом и приехали оба в Переяславль. На другой день пришли Половцы к Переяславлю и начали биться; [Переяславцы], делая вылазки из города, сильно бились с ними. Половцы увидали, что к ним пришла помощь, пошли прочь от города и, не останавливаясь, пришли за Сулу: они боялись Ростислава и Святослава.

Святослав Всеволодич прогнал Половцев, приехал к своему отцу и сказал, что Половцы ушли назад.

[Поход Ростислава на Чернигов]

Ростислав услыхал и начал думать со своими братьями пойти в Чернигов против Изяслава Давыдовича—и так порешили. Ростислав, не входя в Киев, пошел со своими полками, взял Святослава Всеволодича, Мстислава Изяславича, Торков, Киевлян, переправился через Днепр у Вышгорода. Там он и остановился, собирая свою дружину: «Нам нужно предупредить Юрия: либо прогоним его, либо помиримся с ним».

[Внезапная смерть Вячеслава]

На другой день прискакали к Ростиславу из Киева и сказали: «Отец твой Вячеслав умер». Ростислав сказал: «Мы поехали вчера, а он был в добром здоровье». Ему сказали: «Этой ночью он веселился со своею дружиною, пошел спать здоровый, а как лег, так больше и не встал: тут он и умер». Ростислав услышал про это, бросил свои полки, а сам поспешно приехал в Киев, плакал по своем отце, проводил его до гроба с великою честью, со множеством народа; схоронили его в св. Софии, где лежит его прадед Ярослав и Владимир его отец.

Ростислав схоронил его тело и поехал на двор Ярославль, созвал мужей отца своего Вячеслава, тиунов и ключников, приказал принести к себе имущество своего отца, одежды, золото и серебро, взял все и начал раздавать по монастырям, церквам, по тюрьмам и нищим: так роздал все и ничего себе не оставил...

Все устроил, поручил своей матери Мстиславлей, сам взял остальную дружину Вячеслава и поехал назад на другую сторону [Днепра] к своим полкам.

Поражение у Боловеса полков Ростислава и его союзников]

Ростислав приехал к своим полкам и начал думать со Святославом Всеволодичем и своим племянником Мстиславом Изяславичем, желая пойти на Чернигов. Мужи отговаривали его итти в Чернигов: Твой дядя Вячеслав умер, а ты не укрепился в Киеве; лучше поезжай в Киев, договорись [с людьми]; если придет против тебя твой дядя Юрий, то если ты с людьми договоришься, как тебе будет угодно: хочешь примириться, примиришься, либо войну начнешь».

Ростислав не послушался их и пошел в Чернигов на Изяслава Давыдовича. Услыхав про это, Изяслав Давыдович послал за Глебом Юрьевичем, чтобы тот поскорее приехал к нему с Половцами.

Ростислав, Святослав Всеволодич, Мстислав Изяславич пришли, остановились на Боловесе и послали своих мужей сказать Изяславу Давыдовичу: «целуй нам крест, что ты будешь сидеть в своей отчине в Чернигове, а мы все будем в Киеве сами по себе». Изяслав сказал им: «Что я вам сейчас сделал, что вы на меня пришли, а как мне с вами—бог даст»...

На другой день Изяслав вместе с Половцами и Глебом вышли к Боловесу против их; стрелки начали стрельбу около реки.

Ростислав увидал многое множество Половцев и испугался: мало [войск] пришло с ним. Он начал посылать послов к Изяславу и просить мира, обещая отдать ему от себя Киев, а от Мстислава—Переяславль. Мстислав услыхал, что [Ростислав] дает от него Переяславль, сказал своему дяде; «Ни мне не будет Переяславля, ни тебе—Киева», и поехал прочь от дяди своего вместе с дружиною. Половцы окружили их полк, бились с ними два дня и привели их в расстройство, все воины Ростислава обратились в бегство, многих убили, а других, многое множество, взяли в плен, и разбежались князья и дружина Ростислава, Святослава и Мстислава.

У Изяслава [Давыдовича] при первом скачке упал под ним конь. Его сын Святослав увидал, соскочил с коня, закрыл своего отца, начал биться около него, тут собралось несколько дружины, и ему дали коня.

Ростислав перебежал Днепр ниже Любеча и ушел в Смоленск, а Мстислав Изяславич вместе со Святославом Ростиславичем убежал в Переяславль, взял свою жену и ушел в Луцк; Святослава Всеволодича во время бегства захватили Половцы. Изяслав с женою выручили Святослава от Половцев, много выручили и другой Русской дружины и много добра учинили: если кто убегал от Половцев в Киев, того не выдавали.

[*Изяслав Давыдович садится в Киеве*]

Изяслав [Давыдович] послал сказать Киевлянам: «Хочу приехать к вам»; Киевляне боялись Половцев, им было тогда очень тяжело, потому что у них в Киеве не осталось ни одного князя. Киевляне послали епископа Каневского Демьяна сказать: «Поезжай в Киев, лишь бы не захватили нас Половцы, ты—нам князь, приезжай».

Изяслав приехал в Киев и сел на столе, а Глеба послал княжить в Переяславль. Он послал к Святославу Всеволодичу и стал с ним думать, как бы ему сидеть в Киеве, а Святославу—в Чернигове.

[*Юрий идет добывать Киев и Русскую землю*]

Святослав узнал, что идет Юрий, а перед ним нельзя было удержаться... В ту зиму пошел Юрий в Русь, услыхав про смерть Изяслава, и был вблизи Смоленска. Дошли до него вести, что «брат твой Вячеслав умер, Ростислав побежден, Изяслав Давыдович сидит в Киеве, а твой сын Глеб сидит в Переяславле». Тогда же пришли Новгородцы к Юрию и взяли у него князем себе сына Мстислава.

[*Ростислав чинит мир с Юрием*]

В это время Юрий пришел к волости Ростислава; Ростислав услыхал, собрал множество воинов, изготовил к бою свои полки и вышел против Юрия к Зарою. Там Ростислав остановился и послал к Юрию просить у него мира. «Отец, кланяюсь тебе: раньше я к тебе и ты ко мне были хороши, а теперь я кланяюсь тебе: ты, дядя,—мне вместо отца». Юрий сказал: «Правда, сын, с Изяславом я не мог быть, а ты мне свой брат и сын»; он не напомнил злобы брата его, перестал гневаться, и они поцеловали крест между собою.

Юрий пошел в Киев, а Ростислав—в свой Смоленск.

[*Юрий приходит в Киев*]

В лето 6663. Святослав Ольгович встретил своего свата у Синина моста у Радоща. Тогда же встретил его Святослав Всеволодич у Стародуба, приехал, ударил ему челом и сказал: «Обезумел я совсем». Святослав Ольгович стал просить своего свата Юрия принять с любовью его племянника; Юрий согласился на мир. Он целовал крест Юрию на всей воле его и к дяде. Юрий велел ему итти с собою в Киев.

Они пришли к Стародубу, а оттуда—к Чернигову. Тогда же послал Святослав Ольгович к своему брату Изяславу [Давыдовичу] в Киев сказать ему: «Поезжай, брат, из Киева: идет на тебя Юрий». Изяслав не хотел [уходить] и не послушал своего брата. Святослав дошел до Чернигова и там остался, опять послал сказать брату своему Изяславу: «Иди из Киева, пусть Юрий идет в Киев, а я тебе уступлю Чернигов». Изяслав же не хотел уходить из Киева, потому что Киев ему полюбился. Святослав остался в Чернигове, а Юрий остановился в Моровийске и послал сказать Изяславу: «Киев мне отчина, а не тебе». Изяслав прислал к Юрию с мольбой и поклонами: «Разве я сам приехал в Киев; меня посадили Киевляне; не учини мне зла, а вот—твой Киев». Юрий не стал на него гневаться.

Так Изяслав вышел из Киева.

Начало княжения Юрия в Киеве

Юрий вошел в Киев, вышло навстречу ему множество народу, сел он на столе своих отцов и дедов, и с радостью приняла его вся земля Русская. Сел и роздал волости детям: Андрея посадил в Вышго-

роде, Бориса—в Турове, Глеба—в Переяславле, а Васильку дал Поросье.

[*Юрий мирится со Мстиславом*]

Юрий послал посла в Смоленск к племяннику своему Ростиславу сказать: «С кем мне удержать Русскую землю, как не с тобою; приезжай сюда»...

В это время пришла жена Юрия со своими детьми из Суздаля в Смоленск к Ростиславу. Ростислав взял тетку с собою и свой полк и пришел к дяде своему Юрию в Киев; там они обнялись с великою любовью и честью.

Ростислав, придя в Киев, стал просить о братьях своих. Юрий послушал его. Ростислав послал за братом своим Владимиром во Владимир, а в Луцк—за Мстиславом и Ярославом, и привел обоих с полками их к Юрию, своему дяде, а Мстислава оставил во Владимире: Мстислав не смел ехать, говоря: «Схватит меня Юрий». Юрий хорошо принял их, а к Мстиславу послал посла с крестным целованием и милостиво обнял его.

[*Андрей без воли отца уходит из Вышгорода в Суздаль*]

В тот же год Андрей ушел от отца своего из Вышгорода в Суздаль, против отцовской воли; он взял из Вышгорода икону Богородицы, которую привезли вместе с Пирогощею[133] из Царьграда на одном корабле, оковал ее более чем тридцатью гривнами золота, не считая серебра, драгоценных каменьев и крупного жемчуга; украсил ее и поставил в своей церкви Богородицы во Владимире...

[*Вдова Мстислава Великого уезжает к своему зятю, королю Угорскому*]

Тогда Владимир Мстиславич отпустил мать свою, вдову Мстислава, к Уграм и королю зятю своему; король много добра дал своей теще...

В лето 6664...

[*Юрий идет со своим зятем Ярославом Галицким на Мстислава Изяславича к Владимиру*]

В лето 6665. Пошел Юрий со своим зятем Ярославом Галицким, со своими сыновьями, Владимиром Андреевичем и с Берендеями на Мстислава Изяславича к Владимиру. Изяслав Давыдович и Святослав Ольгович хотели пойти с Юрием, но Юрий не взял их, по желанию зятя своего [князя] Галицкого, которому верил, желая только с ним захватить Владимир; потому-то их и не взял. Юрий искал Владимира не себе, а целовал крест брату своему Андрею еще при жизни его, а потом и Владимиру Андреевичу, чтобы добыть ему Владимир. Потому-то [Юрий] пошел к Владимиру, добывая его для Владимира. Юрий соединился с Ярославом Галицким в селе Свинусех, а оттуда пошел к Владимиру и остановился в Хвалимичех. Туда пришел к ним

от Угров Владимир Мстиславич, оттуда они в субботу произвели нападение на город и со стрельбой проехали в стан. На другой день, в воскресенье, они пошли к городу с обозами и остановились около города. Юрий стал у Гридшиных ворот, Ярослав подле Киевских ворот и болот. Владимир Адреевич стал проситься воевать; Юрий пустил его, и он поехал к Червену. Червняне заперлись в городе. Владимир подъехал к городу и начал говорить: «Я пришел к вам не с войной, потому что вы, люди, дороги [были] моему отцу, а я—ваш княжич; отворите ворота». Один из города, изловчившись, ударил его стрелою в горло, но бог избавил его от смерти. В гневе он велел много разорить.

Юрий стоял около Владимира; уже десять дней они сидели в осаде в городе, и много крови пролилось между ними, другие умирали от ран. Юрий, видя его непокорство, горюя о гибели людей, начал говорить своим детям и боярам: «Мы не можем здесь стоять, так он не покорится мне, а я не рад ни его гибели, ни его изгнанию, но, как сказал, приведу его к крестному целованию, как и братьев его. Он не захотел этого, а больше всего радуется о пролитии крови».

Юрий, сдумав со своими детьми и мужами, вернулся в Киев, а зять его ушел в Галич, в свою волость; не учинив мира, вернулись к себе домой.

Мстислав пошел за ним (Юрием) до Дорогобужа, воюя и разоряя села, и учинили много зла.

[*Юрий ведет расчеты с Владимиром Андреевичем*]

Юрий пришел к Дорогобужу и сказал Владимиру Андреевичу: «Сын, я целовал крест с твоим отцом, а со своим братом, Андреем на том, что, если кто из нас останется [в живых], тот обоим детям будет отец и волость сохранит, а потом целовал крест тебе: иметь своим сыном и добыть Владимир. Вот, сын, теперь я тебе Владимира не добыл, а вот тебе волость». Он дал ему Дорогобуж, Пересопницу и все Погорынские города, а своему сыну Борису дал Туров.

[*Освобождение из оков Ивана Берладника*]

В это время Юрий привел из Суздаля Ивана Ростиславича, прозванного Берладником, в оковах, желая выдать его своему зятю Ярославу. Уже Ярослав прислал за Берладником князя Святополка и Константина Серославича с большой дружиной. Митрополит и игумен стали говорить Юрию: «Грех тебе; ты целовал крест к нему, а держишь его в такой беде и еще хочешь выдать на убийство».

Он послушался их и отпустил его обратно в Суздаль в оковах.

Изяслав [Давыдович] узнал, что Юрий послал его назад в Суздаль, и послал ему наперерез своих мужей, взял его к себе в Чернигов.

Таким образом бог избавил Ивана от великой его беды.

[*Смерть Юрия Владимировича*]

В лето 6666. Начал Изяслав Давыдович замышлять войну против Юрия; он привлек на свою сторону Ростислава Мстиславича, Мсти-

слава Изяславича и Святослава Ольговича, подговаривая выступить против Юрия.

Святослав сказал: «Я целовал к нему крест и не могу без вины против него выступить», и не пошел за ним; порешил Изяслав [Давыдович] поход на Юрия с Ростиславом и Мстиславом. Ростислав послал с полком своим своего сына Романа, Мстислав пошел из Владимира, а Изяслав хотел было ехать к Киеву, но в тот день приехали к Изяславу Киевляне и сказали: «Поезжай, князь, в Киев: Юрий умер». Он заплакал и сказал: «Благословен бог за то, что рассудил меня с ним смертью, а не кровопролитием». Юрий пил у осменика [134] Петрила, в ту ночь разболелся, проболел пять дней, и умер в Киеве князь Киевский Юрий Владимирович, месяца мая в пятнадцатый день, в среду в ночь, а в четверг схоронили его в монастыре св. Спаса.

Много зла учинилось в тот день [135]: разграбили его красивый двор и другой двор за Днепром, который он сам называл Раем, разграбили двор его сына Василька; Суздальцев избивали по городам и селам, а имущество их разграбили.

Начало княжения Изяслава в Киеве

Изяслав Давыдович въехал в Киев, месяца мая в пятнадцатый день, в троицыну неделю, а своего племянника Святослава Владимировича оставил в Чернигове со всем своим полком. Святослав Ольгович и Святослав Всеволодич приехали к Чернигову, а Владимирович не пустил их в город, а стал биться с ними. Святослав Ольгович со своим племянником Святославом Всеволодичем пошли от города и остановились за Свиною рекой.

Пришел из Киева Изяслав со своими полками, а с ними Мстислав Изяславич и Святослав Владимирович, и стали друг против друга около реки, начали пересылаться послами; они примирились, поцеловали крест между собою и отдали Святославу Ольговичу Чернигов, Святославу Всеволодичу—Новгород Северский, а Изяслав ушел в свой Киев вместе с княгиней, детьми и всей дружиной.

[*Андрей Юрьевич садится на столе отца в Ростове, Суздале и Владимире*]

В тот же год учинили думу все Ростовцы, Суздальцы и Владимирцы, взяли Андрея, старшего сына Юрия, и посадили его на отцовском столе в Ростове, Суздале и Владимире, потому что он был всеми любим за свою большую добродетель, которую он имел и к богу и к своим людям. По смерти своего отца он учинил дело большой памяти: украсил церкви и поставил монастыри, достроил церковь, которую раньше заложил его отец, каменную св. Спаса; сам князь Андрей заложил во Владимире каменную церковь Богородицы [136], месяца апреля в восьмой день, во вторник, и наделил ее большим имуществом [137], купленными слободами с данями, лучшими селами, десятиной со своих стад и десятой частью с торговых пошлин [138]; устроил в церкви пять куполов и все верхушки украсил золотом, учинил в ней епископию и заложил большой кремль во Владимире.

[*Похождения Ивана Берладника*]

В лето 6667...

В этот же год Ярослав Галицкий начал домогаться своего двоюродного брата Ивана Ростиславича[139]. Ярослав подговорил Русских князей, короля и Ляшских князей, чтобы они оказали ему помощь против Ивана. И все ему обещали. Послали своих послов в Киев к Изяславу Давыдовичу: Ярослав Галицкий—Избигнева, Святослав Ольгович—Жирослава Ивановича, Ростислав Мстиславич и Мстислав Изяславич—Жирослава Васильевича, Ярослав Изяславич—Онофрия, Владимир Андреевич—Гаврила Васильевича, Святослав Всеволодич—Киянина (Киевлянина), король[140]—своего мужа и Ляхи—своих мужей[141].

Изяслав переспорил всех и, дав им ответ, отпустил их.

Иван испугался, уехал в степь к Половцам, пошел с Половцами, остановился в придунайских городах[142], разбил две «кубары», захватил на них много добра, он грабил галицких рыболовов, пришло к нему много Половцев...; он пошел к Кучелмину, и обрадовались ему; оттуда пошел к Ушице; отряд Ярослава вошел в город и начали люди, сидевшие в осаде, крепко биться, а смерды[143] через городские стены стали перебегать к Берладнику, и перебежало их триста человек. Половцы хотели взять город, но Иван не позволил им; Половцы рассердились и уехали от Ивана.

Изяслав [Давыдович] послал за Иваном и привел его в Киев. Узнал он, что на него хотят пойти войной из-за Ивана Ярослав, Мстислав и Владимир Андреевич. Он послал в Чернигов к брату Святославу [Ольговичу] Глеба Ракошича отдать ему Мозырь и Чичерск и поведать, что на него хотят итти войной. Святослав сказал ему: «Правда, брат, я рассердился на тебя за то, что ты не возвратил мне Черниговской волости, но зла тебе не хотел; если хотят на тебя итти войной, избавь меня, боже, от этой волости, ты— мне брат»... Тогда же собрались на Лутаве Изяслав, Святослав Ольгович, его сын Олег, Игорь и Святослав Владимирович...; тогда же они послали послов в Галич и Владимир сообщить о своем согласии. Те узнали, что братья—в согласии, и не поехали [воевать]...

[*Изяслав Давыдович идет на Галич добывать волость Ивану Берладнику*]

В тот же год Изяслав Давыдович начал воевать против Ярослава Галицкого, доискиваясь волости Ивану Ростиславичу, называемому Берладником; к нему присылали Галичане, прося его сесть на коня [начать войну]; они побуждали его словами: «Только покажи [свои] стяги, и мы отойдем от Ярослава». А из Владимира к Изяславу пришла весть, что князья, соединив свои силы, хотят итти против него в Киев.

Он начал слать послов к брату Святославу Ольговичу и Святославу Всеволодичу, приказывая им итти с собою в Галич, сказывая им, что хотят итти на него в Киев. Святослав Ольгович, посылая к нему, много говорил: «Брат, для кого ты ищешь волости,—для брата или

Город Владимир

Принесение иконы богоматери во Владимир. Событие рассказано под 1167 г. Изображение Владимирской богоматери не совсем точно передает оригинал, находящийся в настоящее время в Третьяковской галлерее в Москве

для сына? лучше тебе не начинать первому войны; если, говоришь, хотят на тебя итти и пойдут с похвальбой, то с тобою будут бог, я и мой племянник».

Изяслав [Давыдович] не послушал брата и пошел из Киева.

Святослав послал вслед за ним Георгия Ивановича, брата Шаруканя; тот догнал его у Василева и стал ему говорить: «Не велит тебе брат начинать войны и во всяком случае просит тебя вернуться». Изяслав с гневом отвечал ему: «Пусть знает брат, что я все-таки не вернусь, но вот что, Георгий, скажи брату Святославу: если ты сам не пойдешь, ни сына не пустишь, то, если, бог даст, добуду Галича, то тогда не жалуйся на меня, если начнешь поневоле уходить из Чернигова к Новгороду [Северскому]».

Очень сожалел Святослав об этом слове, которое ему поведал Георгий, и сказал: «Господь видит мое смирение; сколько раз я уступал, не желая крови пролить христианской и отчины своей погубить, Чернигов с семью городами пустыми: Моравийск, Любеч, Оргощь, Всеволожь, а сидят в них псари и Половцы[144], а всю волость Черниговскую держит сам со своим племянником, и того ему не достаточно, а велит мне и из Чернигова уходить, а сам целовал ко мне крест никаким образом не искать подо мной Чернигова. Пусть за всем будет бог и крест, который ты нарушаешь; а я брату не зла желаю, мешая итти, но желаю мира и тишины земле Русской».

Изяслав дошел до Мунарева, подождал тут своего племянника и послал его к диким Половцам, веля им в скорости приехать к себе. Пришла ему весть, что Мстислав [Изяславич] и Владимир [Мстиславич] и Ярослав и Галичане идут против него. Он был у Василева; тут настиг его племянник Святослав [Всеволодич] со многими Половцами; оттуда он пошел к Белгороду и, придя, остановился на Киевском пути.

[*Мстислав Изяславич с союзниками ведет бой с Изяславом Давыдовичем у Белгорода*]

Мстислав [Изяславич] с братьями пришел в Белгород; начали они сильно биться, приезжая к городу, и те, выезжая из города, сильно бились. К Изяславу пришла к Белгороду большая помощь, Башкорд с двадцатью тысячами, отчим Мстислава Владимировича: его мать убежала к Половцам и вышла замуж за [Башкорда]. Изяслав показывал им полки свои, приказывая им выйти из города, но они не вышли; стоял он у города двенадцать дней.

[*Торки и Берендеи изменяют Изяславу Давыдовичу*]

Среди Берендеев была измена: они приезжали биться и начали вести переговоры друг с другом; зачинщиками этого были: Тудор Сатмарович, Каракозь Миюзович, Карас, Кокей; во время добывания провианта они захватили Кузьму Сновидича с мальчиком и послали ночью мальчика Кузьмы, написали ему свой знак и сказали: «Иди в Белгород, к Мстиславу, и скажи ему так: «У нас к тебе, князь, и добро

и зло; если хочешь нас любить, как любил твой отец, дай нам по лучшему городу, а мы за это уйдем от Изяслава».

Мстислав обрадовался этим словам и в ту же ночь послал к ним с тем же мальчиком Олбыря Шерошевича, отдался им на всю волю их и поклялся им.

[*Бегство Изяслава Давыдовича к Гомью*]

Была полночь; Берендеи и Торки с криком поехали к Белгороду. Изяслав понял их обман, сел на коня и поскакал к стану, увидал, что стан горит, вернулся назад, взял своего племянника Святослава Владимировича и Владимира Мстиславича и побежал к Вышгороду в Гомье и там дожидался княгини. Княгиня убежала в Переяславль к зятю Глебу, а оттуда поехала в Городок, оттуда в Глебль, оттуда в Хоробор, оттуда в Ропеск. Ярослав Всеволодич утешил и почтил ее в Ропеске, отправил ее в Гомье к Изяславу. Изяслав с княгиней из Гомья пошел к Вятичам, взял приступом княгинин город Святославль, оттуда пошел и захватил всех Вятичей за то, что Святослав за ним не пошел и не отпустил к нему сына. Святослав узнал, что Обловь взята, Вятичи захвачены, начал домогаться имущества Изяславлих бояр, захватил у них жен и взял за них выкуп.

Половцы бежали от Белгорода к Юрьеву; многих из них похватали в плен Берендеи и Юрьевцы, а других потопили в Роси.

[*Мстислав Изяславич с братьями занимает Киев и призывает туда Ростислава Мстиславича*]

Мстислав, Владимир и Ярослав вошли в Киев, месяца декабря в двадцать второй день. Мстислав захватил много добра у Изяславлей дружины, золота, серебра, челяди, коней и скота[145], и все отправил во Владимир.

Ярослав послал к Ростиславу в Смоленск, зовя его на стол в Киев: раньше целовали к нему крест—«доищемся тебе его».

Ростислав прислал к ним Ивана Ручечника, Якуна, мужа от Смольнян и от Новгородцев, и сказал: «Если вправду меня зовете, то я иду в Киев со всей властью, чтобы вы меня считали отцом и слушались меня».

[Дальше рассказ о споре между Ростиславом Мстиславичем и Мстиславом Изяславичем из-за митрополита Клима.]

Начало княжения Ростислава, сына Мстислава, в Киеве

В лето 6668. Пошел Ростислав, сын Мстислава, из Смоленска к Киеву княжить и вошел в Киев, месяца апреля в двенадцатый день, в воскресенье: тогда была Пасха. Встретили его все люди, множество народа, приняли его люди с честью, и сел на столе деда своего и отца своего благочестивый князь Ростислав; была людям двойная радость: воскресенье Господне и вокняжение Ростислава.

[Свидание Ростислава со Святославом Ольговичем]

В том же году съехались Ростислав со Святославом Ольговичем в Моравийске, месяца мая в первый день... Ростислав позвал к себе Святослава обедать. Святослав приехал к нему безо всякого подозрения, и была радость в тот же день между ними. Много подарков дал Ростислав Святославу соболями, горностаями, черными куницами, песцами, белыми волками[146] и рыбьими зубами[147]; на другой день позвал Святослав Ростислава к себе обедать, и было веселье больше вчерашнего; Святослав подарил Ростиславу барса и двух борзых коней с коваными седлами, и разошлись к себе...

[Новгородцы ссылают в Ладогу своего князя Святослава Ростиславича и берут князя у Андрея Юрьевича]

В лето 6669. Новгородцы учинили вече и послали сказать своему князю Святославу Ростиславичу: «Не можем двух князей держать, пошли вывести князя Давыда с Нового Торга»; он, не желая огорчать их, вывел брата и пустил его в Смоленск, к [брату] Роману, но и от того не остановилась злоба их; они поднялись на еще большее зло; переждали немного времени, собрали вече против Святослава, нарушив крестное целование против Ростислава и его сына Святослава. Князь сидел на Городище у св. Благовещенья; вот прискакал к нему вестник и сказал: «Большое зло творится в городе; хотят тебя люди схватить». Святослав сказал: «Какое зло им сделал, что хотят меня схватить? Они целовали моему отцу крест иметь меня князем себе до конца жизни, а вчера все целовали ко мне Богородицу». Когда он говорил это, пришло множество народа, взяли князя и заперли его в избе, княгиню сослали в монастырь, дружину заковали в оковы, а имущество его и дружины разграбили, а потом сослали князя в Ладогу, приставив к нему много сторожей.

Пришла весть к Ростиславу в Киев, что сын его схвачен в Новгороде; он велел похватать Новгородцев и бросить их в Пересеченск в тюрьму; в одну ночь умерло их четырнадцать человек; сказали Ростиславу, что они задохлись в тюрьме; он очень опечалился из-за них, велел выпустить их из тюрьмы и разослать по городам.

Новгородцы послали к Андрею Юрьевичу в Суздаль[148] просить у него сына в князья Новгороду; он не дал им сына, а хотел дать им своего брата Мстислава; они его не захотели, потому что он прежде княжил у них; он послал к ним своего племянника Мстислава Ростиславича. Святослава бог избавил; он ушел в Полоцк; Рогволод из Полоцка проводил его до Смоленска.

[Постройка князя Андрея Юрьевича во Владимире][149]

В тот же год была закончена постройкой церковь каменная Богородицы во Владимире благочестивым князем Андреем; он удивительно

украсил ее различными иконами, драгоценными камнями без числа, церковными сосудами и куполы ее позолотил... бог ему привел мастеров со всех земель, и он украсил ее больше других церквей.

В тот же год сгорел Ростов и все церкви и удивительная соборная церковь Богородицы, какой никогда не было и не будет.

[*Козни Изяслава Давыдовича против Ростислава*]

В тот же год послал Ростислав сказать Святославу: «Пусти ко мне сына Олега; пусть узнает лучших Киевлян, Берендеев и Торков!» [150] Святослав без всякого подозрения отпустил ему своего сына. Олег пришел в Ольжичи и послал сказать Ростиславу: «Брат, где велишь мне остановиться?» Ростислав велел ему остановиться у Ольгова, а сам стоял у Шельвова сельца под сосновым леском; Олег два дня обедал у него.

Когда Олег на третий день отправился из стана в поездку, встретил его муж Ростислава и сказал: «Князь, у меня к тебе большое дело: дай мне слово, что никому про него не расскажешь»; князь ему дал слово; тот сказал: «Князь, говорю тебе правду, берегись, тебя хотят схватить!»

Олег положил причиной болезнь матери и стал проситься у Ростислава в Чернигов к отцу. Ростислав не хотел отпускать его от себя, потому что не было у него зла в сердце, но злые люди[151], не желая видеть добра между братьями, сделали так. Ростислав отпустил Олега к отцу. Олег пришел в Чернигов, не рассказал об этом отцу, но втайне был сердит на отца и стал проситься у отца в Курск. Святослав, ничего про то не зная, отпустил от себя Олега в Курск. Вот догнали его послы Изяслава с любезными речами. Олег рассказал своим мужам речь Изяслава: уже и Всеволодичи уговорились с Изяславом. Сказали мужи Олеговы: «Добро ли тебе, что хотели тебя схватить в Киеве, а Чернигов отдают из-под твоего отца? Вот уже правы в крестном целовании и отец твой и ты».

Олег, без отцовского совета, уладился с Изяславом.

Дошла весть до Святослава Ольговича, что Всеволодичи и сын его Олег договорились с Изяславом; он очень опечалился и сказал мужам своим, что Всеволодичи и Олег присоединились к Изяславу, и сказали ему мужи: «Удивительно, князь, что ты жалуешься на племянника своего и на Олега, а жизни своей не хранишь; разве это ложь, что Роман Ростиславич посылал из Смоленска своего попа к Изяславу сказать так: «Отдает тебе отец Чернигов, а с ним живи в любви», а сам хотел у тебя сына схватить в Киеве; вот, князь, ты волость свою погубил, держась Ростислава».

Так по нужде Святослав перешел от Ростислава к Изяславу.

[*Изяслав Давыдович с помощью Половцев проникает в Киев*]

Пришло много Половцев к Изяславу. Изяслав соединился со Всеволодичами, с братьями и с Олегом (Святослав не пошел из Черни-

Смерть князя Михаила Георгиевича в 1177 г.

Смерть князя Владимира Черниговского и небесное знамение

гова) и поехал в степь навстречу Половцам. Он соединился с Половцами и поехал к Переяславлю, к зятю своему Глебу, приказывая ему ехать по ту сторону Днепра на Ростислава. Глеб не поехал с ними; они простояли у Переяславля две недели и ничего не добились.

Ростиславу пришла весть, что Изяслав со всеми братьями пришел к Переяславлю. Великий князь Киевский Ростислав собрал много воинов и пошел на Изяслава и остановился в Триполе. Услышал Изяслав, что Ростислав идет на него со своими полками, побежал, а Половцы убежали в степь...

Изяслав уладился со своими братьями и послал за Половцами, и пришло к нему много Половцев; соединился Изяслав со Всеволодичами, Олегом и Половцами и пошел за Вышгород к церковке, там простоял восемь дней и нигде больше не остановился; тут же у церковки перешел Днепр и пошел с полками к Киеву; пришел и остановился на «болонье» [в ивняке] против Дорогожича; на другой день, в восьмой день февраля месяца, а тогда была среда, Изяслав с братьями начал изготовлять полки к бою и, изготовившись, пошел к Подолью, а Ростислав с [Владимиром] Андреевичем стоял подле ограды: тогда загорожено было оградой от Горы вплоть до Днепра. Бой был очень жестокий с обеих сторон, много убитых падало с обеих сторон, и так было страшно смотреть, словно наступило второе пришествие.

Начал одолевать Изяслав; уже Половцы, прорубая ограду, въезжали в город и зажгли двор Лихачев попов и Родиславль; Берендеи побежали: одни к Угорскому, другие к Золотым воротам; начала говорить дружина Ростислава: «Вот, князь, твои братья к тебе не пришли, ни Берендеи, ни Торки, а у этих много силы; ступай в Белгород, там подождешь своих братьев и помощи всех своих».

Ростислав послушал их, пошел к Белгороду со своими полками и с княгиней. В тот же день пришел к нему Ярослав, его племянник, с братом Ярополком; [Владимир] Андреевич поехал к Торческу, к Берендеям и Торкам.

Изяслав вошел в Киев, месяца февраля в двенадцатый день, вошел в св. Софию, простил всех Киевлян, взятых в плен, и пошел к Белгороду.

[*Чудесное знамение на луне*][152]

В это время было удивительное и страшное знамение на луне: прошла луна через все небо от востока до запада, изменяя свой вид; было постепенное ее убывание, пока она не исчезла вся; был вид ее неясно черный и в то же время словно кровавый: было потом словно два лица: одно зеленое и другое желтое, а посреди нее два воина, бьющиеся мечами: у одного словно кровь текла из головы, а у другого текло белое, словно молоко.

Про это говорили старики, что это знамение не к добру, предвещает смерть князя[153].

Но мы вернемся к прежнему[154].

[*Смерть Изяслава Давыдовича*]

Изяслав пришел к Белгороду и простоял около детинца четыре недели, а острог[155] Ростислав сам до него сжег. Святослав послал из Чернигова к Изяславу, приказывая ему учинить мир: «Если не дадут тебе мира, во всяком случае поезжай за Днепр; если будешь за Днепром, то все—твоя правда». Изяслав не послушал брата своего Святослава, но сказал ему: «Братья мои, воротившись, пойдут в свои волости, а мне куда воротиться? К Половцам не могу итти; не хочу у Выри умереть с голоду, лучше здесь хочу умереть».

В лето 6670. Пошел Мстислав [Изяславич] из Владимира со своим полком и с Галицкой помощью, а Рюрик [Ростиславич] пошел из Торческа с Владимиром Андреевичем, Васильком Юрьевичем, Берендеями, Коуями, Торками и Печенегами[156], соединились у Котельнича с Мстиславом и оттуда пошли к Белгороду на Мотижир. Когда они были на Кучари, Черные Клобуки начали проситься у Мстислава вперед: «Посмотрим, князь, велика ли рать?» Мстислав послал их.

Дикие Половцы подстерегли войско, прискакали к Изяславу и поведали ему, что войско—велико. Изяслав, не увидав полков, побежал от Белгорода. Ростислав с Ярославом и Ярополком вышли из города со своими полками, дождались там своих братьев, соединились все, поцеловались и поехали вслед за ними. Торки нагнали обозы их на Желани, а полки—у Буличей и там начали их избивать, а других в плен брать; так взяли: Шварна, обоих Милятичей, Степана и Якуна, и Нажира Переяславича. Изяслава нагнали у озер, когда он въезжал в сосновый лесок. Воибор Генечевич ударил его по голове саблей, другой пронзил его в бедро, тут он упал с коня. Мстислав взял его в плен еле живого и отослал в монастырь св. Симеона на Копыревом конце. Убит был Изяслав, месяца марта в шестой день...

В тот же год снова взяли Новгородцы себе в князья Святослава Ростиславича, а Юрьева внука Мстислава выгнали от себя...

В тот же год умер князь Иван Ростиславич, называемый Берладником, в Солуни; одни говорят так, что смерть его была от отравы...

[*Единовластие Андрея Юрьевича*][154]

В этот же год выгнал князь Андрей епископа Леона из Суздаля и братьев своих выгнал, Мстислава, Василька, и обоих Ростиславичей, своих племянников; он это сделал, желая быть единовластцем во всей Суздальской земле...

[*Последнее путешествие, болезнь и смерть Ростислава Мстиславича*]

В лето 6676...

К концу того же года пошел Ростислав в Новгород, потому что нехорошо жили Новгородцы с сыном его Святославом. Он пришел к Чичерску, к зятю Олегу: там Олег с женою ожидал его; позвал Олег Ростислава на обед, и была у них большая радость в те дни. Олег много подарков дал Ростиславу, и дочь дала ему много подарков. На другой

день Ростислав позвал к себе Олега и дочь и, одарив их еще бо́льшими дарами, пошел к Смоленску.

Начали встречать его знатные мужи Смоленские за триста верст, затем встретили его внуки, встретил сын Роман и епископ Мануил, чуть не весь город вышел ему навстречу: так все обрадовались его приходу и множество подарков ему дали.

Оттуда он пошел в Торопец, а оттуда послал к сыну Святославу в Новгород, приказывая ему выехать навстречу в Луки—Ростислав был уже очень нездоров; он встретился в Луках с сыном и с Новгородцами; Новгородцы поцеловали крест Ростиславу на том, что иметь им князем его сына и не искать себе другого князя до самой смерти. Он взял много подарков у сына и Новгородцев и оттуда вернулся в Смоленск.

Рогнеда, его сестра, видела, что ее брат очень болен, и начала молить его лечь в Смоленске в своем строении; он же сказал ей: «Не могу здесь лечь, везите меня в Киев; если меня бог в пути возьмет, положите меня в отцовском благословении у св. Федора».

Когда он пошел из Смоленска, уже очень больной, и был в селе Рогнеды в Зарубе, начал говорить Иванку Фроловичу, своему спальнику, и Борису Захаровичу: «Позовите ко мне попа Семена, пусть прочитает он молитву...»

Он умер, марта в четырнадцатый день, а двадцать первого был положен в гроб у св. Федора в отцовском монастыре... Было его княжения в Киеве восемь лет без месяца[158]...

[*Мстислав Изяславич добывает себе Киев*][159]

В лето 6677. После смерти Ростислава начали посылать за Мстиславом [Изяславичем] его братья: Владимир Мстиславич, Рюрик и Давыд [Ростиславичи], от себя послали Киевляне и от себя Черные Клобуки. Мстислав послал Владислава Вратиславича вперед себя к Васильку Ярополчичу, приказывая ему сидеть в Киеве до себя, и тиунов своих послал; начали сторонники Мстислава говорить Васильку и Владиславу, что Владимир Мстиславич, Владимир Андреевич, Ярослав, брат Мстислава, Рюрик и Давыд [Ростиславичи] целовали крест на том, чтобы взять им волости у Мстислава по своей воле: Владимиру—к своей волости—Торческ со всем Поросьем, Владимиру Андреевичу—Берестье, Ярославу—Владимир. Василько узнал про их замыслы и послал во Владимир к Мстиславу поведать все их речи. Мстислав послал к своим союзникам, к Ярославу в Галич, к Ляхам и ко Всеволодковичам, сказать о верности своих братьев. Мстислав соединился с Ляхами и с Ярославом Галицким и пошел в Киев на стол: Ярослав дал ему пять Галицких полков, с ним же был и Мстислав Всеволодкович, и пришли к Микулину. Там пришли к нему все Берендеи, Торки, Печенеги и все Черные Клобуки, он взял с них клятву, пустил впереди себя с Берендеями своего брата, а сам пошел за ним.

В это время Владимир Мстиславич с женой и детьми пошел из Триполя к Вышгороду; в тот же день вдова Мстислава, его мать,

пошла в Вышгород. Ярополк с Берендеями догнал Берендеев Владимира на Желани у Дорогобужа, и не дались Берендеи биться с ними потому, что они обманывали, и таким образом ехали Берендеи за ними до Всеволодова монастыря, и оттуда Ярополк вернулся в город.

Мстислав на другой день за ними пошел в Киев, изготовив к бою свои полки, Василевским путем, и вошел в Киев; вышли туда все Киевляне; он учинил договор с братьями, дружиной и Киевлянами в тот день и пошел к Вышгороду, а Берендеев пустил в атаку; на «болонье» около Днепра сожгли двор тысяцкого Давыда Радилова, и других дворов сгорело семь.

Мстислав пришел и расположился по горе от соснового леса, а пеших воинов поставил по валам. Берендеи убили Владимировых мужей, а те убили знатных Берендеев; была тогда пятница; на другой день, в субботу, стали биться, подъезжая к городу, и из города выходили и бились сильно. Начали договариваться между собою о волости, пересылаясь послами, Рюрик, Давыд и Владимир со Мстиславом и, договорившись, поцеловали крест.

В понедельник Мстислав вошел в Киев.

Начало княжения в Киеве Мстислава, сына Изяслава

Вошел Мстислав в город, месяца мая в девятнадцатый день, и сел на столе Ярославлем [160], отца своего [161] и дедов своих [162]...

[*Мстислав собирает русских князей и идет на Половцев для обороны торговых путей*]

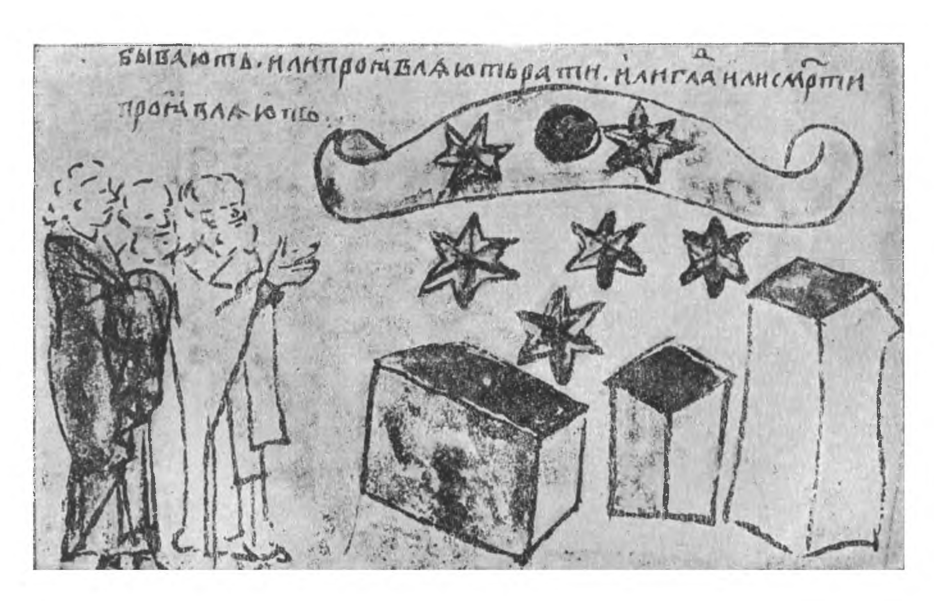
В лето 6678. Вложил бог в сердце Мстиславу Изяславичу добрую мысль о Русской земле, потому что он всем сердцем желал ей добра; он созвал братьев своих и начал думать с ними, говоря так: «Братья, пожалейте землю Русскую, а свою отчину и дедину: [Половцы] каждый год уводят христиан в свои вежи, дают нам клятву и всегда нарушают, а уже отнимают у нас Греческий путь и Соляный и Залозный [163]; хорошо было бы, братья, надеясь на божью помощь, домогаться путей своих отцов и дедов и своей чести».

Понравились слова его, прежде всего, богу, всем братьям и мужам их, и сказали ему братья: «Бог тебе в помощь, брат, за то, что бог вложил тебе такую мысль в сердце, а нам, дай бог, жизнь свою отдать за христиан и Русскую землю и считаться мучениками» [164].

Он послал в Чернигов ко всем Ольговичам и Всеволодичам, приказывая всем им быть у себя: тогда Ольговичи были в подчинении у Мстислава, и всем была приятна мысль Мстиславля.

Собрались все братья в Киеве: Рюриков и Давыдов полк весь, а сам он был нездоров, Всеволодичи—Святослав и Ярослав, Олег Святославич и брат его Всеволод, Ярослав из Луцка, Ярополк и Мстислав Всеволодковичи [165], Святополк Юрьевич [166], Глеб [Юрьевич] из Переяславля, брат его Михалко и многие другие, надеясь на

Пожар во Владимире 1193 г. Слева на троне — отдающий приказание князь



Знамение небесное. Одна из многочисленных иллюстраций к упоминаемым в летописях солнечным и лунным затмениям

божью помощь... пошли из Киева, месяца марта во второй день, в субботу перед четвертой неделей поста.

Ярополк Изяславич, брат Мстислава, совершенно больной, пошел, не желая отставать от братьев; в Тумащи он стал совсем изнемогать, и дошла весть до Мстислава за Каневым: «Брат твой—очень болен»; послал Мстислав к игумену Поликарпу[167] и к Данилу, своему попу, приказывая им ехать к брату Ярополку, и сказал им так: «Если брат умрет, обрядите тело его и везите к св. Федору». Умер этот Ярополк, сын Изяслава, месяца марта в седьмой день, в четверг четвертой недели поста, и положили тело его у св. Федора, где и его отец лежит.

Но мы вернемся к прежнему.

Шли князья из Киева девять дней, и дошла до Половцев весть от пленника Гаврилка Изяславича, что идут на них Русские князья, и побежали, бросив жен и детей. Князья узнали, что Половцы побежали, бросив своих жен и детей и свои повозки, и быстро поехали за ними, а Ярослава Всеволодича оставили позади себя у обоза, захватили их вежи на Угле, а другие по Снепороду (Слеповроду), а самих догнали у Черного леса и там, пригнав их к лесу, избили, а других руками изловили; Бастии[168] и многие гнались за ними до Оскола, избивая их, и столько взяли пленников, что у Русских воинов было в изобилии пленников, пленниц, детей их, рабов, скота, коней; пленных христиан выпустили всех на свободу. Братья все жаловались на Мстислава, что тайно от них пустил напасть [на Половцев] своих конюхов и отроков ночью, и сердце их не было искренно с ним.

Все князья съехались, осмотрели свои полки; с божьею помощью [почти] все остались невредимы; из всех полков было убито только двое: Константин Васильевич, Ярунов брат, и седельник Ярослава Изяславича, а Константин Хотович был захвачен в плен; поблагодарили бога и вернулись по домам с большою радостью; были в своих домах в самое воскресенье...

[*Нелюбовь братьев к Мстиславу Изяславичу*]

В это время Андрей Юрьевич княжил в Суздале и не имел любви к Мстиславу. В тот же год прислали Новгородцы к Мстиславу просить у него сына [в князья], и дал он им Романа [169].

Большая ненависть была у братьев к Мстиславу; начали братья все вести переговоры между собою против Мстислава и утвердились крестным целованием.

[*Андрей Юрьевич посылает свои полки против киевского князя Мстислава*][170]

В ту зиму послал Андрей своего сына Мстислава со своими полками из Суздаля на Киевского князя Мстислава Изяславича, с Ростовцами, Владимирцами и Суздальцами; других князей одиннадцать и Борис Жидиславич[171]; Глеб из Переяславля, Ростиславич Роман из Смоленска, Владимир Андреевич из Дорогобужа, Рюрик

из Овруча, Давыд из Вышгорода, брат его Мстислав, Олег Святославич, Игорь его брат, Всеволод Юрьевич, Мстислав [Андреевич] внук Юрия[172].

В это время послал Мстислав князя Михалка Юрьевича в Новгород к сыну с конем и Бастеевой чадью; дошла весть до Рюрика и Давыда, что Роман Андреевич [173] поблизости идет с Смольнянами, послали и захватили Михалка, идущего к Мозырю за Межимостьем; эту хитрость учинили Бастии над Михалком.

[*Войска Андрея Юрьевича берут Киев*]

В лето 6679. Братья соединились и, придя, остановились на Дорогожичи под [монастырем] св. Кирилла, в первую неделю поста, а на второй неделе обступили весь город Киев. Мстислав затворился в Киеве; бились из города, всюду был сильный бой—Мстислав стал изнемогать в городе; Берендеи и Торки обманывали его. Три дня стояли у города; собралась дружина всех князей к Серховице, спустилась вниз и стала стрелять в тыл Мстиславу.

Мстиславу начала говорит дружина: «Князь, что стоишь? Поезжай из города: нам их не одолеть».

Бог помог Мстиславу Андреевичу с братьями, и они взяли Киев.

Мстислав Изяславич бежал из Киева к Василеву; догнала его Бастеева чадь, начала стрелять ему в спину и много захватила его дружины: взяли Дмитра храброго, Алексея Дворского, Сбыслава Жирославича, Иванка Творимирича, тиуна его Рода и многих других.

Он соединился с братом Ярославом за Унавой и ушел во Владимир.

Взят Киев, месяца марта в восьмой день, на второй неделе поста в среду, и грабили в течение двух дней весь город, Подолье и Гору, монастыри, св. Софию, Десятинную Богородицу, и никому не было пощады: церкви горели, христиан убивали, других вязали, жен уводили в плен, насильно разлучая от мужей своих, младенцы плакали, смотря на своих матерей, захватили множество добра, в церквах ограбили иконы, ризы и книги и все колокола вынесли Смольняне, Суздальцы, Черниговцы и Олегова дружина; были захвачены все святыни; погаными был зажжен Печерский монастырь, но бог сохранил его от такого зла.

В Киеве у всех людей стоял стон, горе и скорбь неутешная и слезы непрестанные. Это все случилось ради наших грехов [174].

Начало княжения Глеба в Киеве

Мстислав Андреевич посадил в Киеве на столе дядю своего Глеба, месяца марта в восьмой день. Глеб отдал сыну своему Владимиру Переяславль, а Мстислав Андреевич пошел в Суздаль к отцу своему Андрею с великою честью и славой.

[*Неудачный поход Мстислава Изяславича к Киеву*]

В лето 6680. Пошел Мстислав с большой силой к Берендеям и Торкам; соединившись, пошел к Триполю и оттуда в Киев; он во-

шел в Киев, договорившись с братьями: с Ярославом Изяславичем и Владимиром Мстиславичем, с Галичанами, со Всеволодковичем, со Святополком Юрьевичем и с Киевлянами (Торки и Берендеи обманули их). Он пошел к Вышгороду и пошел на приступ. Крепко бились из города; Давыд велел своим до них еще сжечь острог.

Остановился Мстислав около соснового леса и, оттуда приходя, бился. У Давыда в городе было много своей дружины, от братьев помощь, князь Глеб прислал Григория, своего тысяцкого, с помощью, Половцы дикие, Кончак со своим родом и свои Берендеи, Бастеева чадь.

С Галичанами Ярослава был воевода Константин; он прислал сказать Мстиславу: «Мне приказано моим князем Ярославом постоять пять дней у Вышгорода и итти домой»; послал к нему Мстислав сказать так: «Мне брат Ярослав сказал так: пока не уладишься с братьями, не отпускай моих полков от себя».

Они написали ложную грамоту и послали к нему, и ушли от него Галичане. Мстислав со своими братьями стоял перед Золотыми воротами на огородах. Из Вышгорода выезжали дикие язычники с воинами, чинили много бед, одних убивали, других брали в плен, захватили тысяцкого [князя] Всеволодковича и многих других.

От Мстислава разошлись все войска, пришедшие на помощь, лишившись сил; пришла весть Мстиславу, что Глеб переходит с Половцами по эту сторону Днепра и что к Давыду пришла большая помощь; сказал [про это] Мстислав своим братьям; они ему ответили: «Воины от нас разошлись, а к этим приходит большая помощь; Черные Клобуки нас обманывают; не можем [одни] противостоять им; поедем в свою волость, передохнем немного и снова вернемся».

Пошел Мстислав от Киева, в понедельник второй недели после Пасхи; пришла Давыду весть, что Мстислав ушел, и он послал за ним Ляха Владислава с Половцами, нагнали его у Болохова и после перестрелки с ними вернулись...

[*Смерть Мстислава Изяславича*][175]

В конце того же года разболелся князь Мстислав Изяславич во Владимире. Сильно он болел и начал посылать к брату Ярославу из-за своих детей; он договорился по-хорошему с братом своим, и тот поцеловал ему крест не стараться отнять волостей у его детей; умер князь Мстислав, августа месяца в девятнадцатый день, убрали его тело и схоронили в епископской церкви Богородицы, которую он сам построил во Владимире.

[*Неудачный поход Мстислава Андреевича с суздальцами к Новгороду Великому*][176]

В лето 6681... Андрей послал сына Мстислава со всей дружиной и со всеми полками Ростовскими и Суздальскими, князей Рязанских и Муромских с полками и воеводу своего Бориса Жидиславича на Романа Мстиславича к Великому Новгороду. Такое было множество воинов, что и числа им нет. Пришли в землю их и много зла

учинили, захватили и разграбили села, захватили имущество и скот и пришли к городу.

Новгородцы заперлись в городе с князем Романом и сильно бились, выходя из города. Полки пришли и остановились вдали от города, приходили к городу и сильно бились у его стен.

Мстислав въехал в ворота, убил несколько мужей и вернулся опять к своим. Начался большой мор среди коней и полков; не имели они никакого успеха у города их и вернулись к себе домой; едва дошли до своих домов: одни пешие, другие умерли с голода (никогда не был так тяжел путь этим людям), третьи из них ели конину в великий пост. Это случилось за наши грехи. Слышали, что за три года перед этим было знамение в Новгороде: все люди видели, что в трех церквах Новгородских плакала Богородица; она видела гибель, нависшую над Новгородом и его волостью, и со слезами молила своего сына, чтобы он их не истребил, как прежде Содом и Гоморру, но помиловал, как Ниневитян [177].

Так и этих людей Новгородских он наказал и смирил до крайности за нарушение крестного целования, за гордость их, навел на них и своей милостью сохранил город их; не говорим, что правы Новгородцы, прадеды наших князей, но в них укоренилась злая неверность—нарушать крестное целование князьям, и князей, внуков и правнуков, бесчестить и срамить, крест целовать и его не соблюдать, до тех пор, пока Господь, терпя до времени, за грехи не привел и не наказал их по достоинству рукою благочестивою князя Андрея.

[*Роман Мстиславич из Великого Новгорода уходит во Владимир Волынский*]

В конце того же года пришла весть к Роману о смерти отца; Роман сказал своей дружине и своим друзьям Новгородцам; подумала дружина и сказала ему: «Не можем уже, князь, здесь оставаться; иди к братьям во Владимир»; он послушал свою дружину и поехал к братьям...

[*Андрей отдает Новгород Великий Рюрику Ростиславичу*]

В тот же год Андрей послал к Рюрику Ростиславичу и дал ему Новгород Великий. Рюрик поручил свою волость брату Давыду, а сам пошел в Новгород, месяца августа в восьмой день...

[*Смерть Глеба Юрьевича*]

В это время умер благочестивый князь Глеб, сын Юрия, внук Владимира [Мономаха], прокняжив в Киеве два года; этот князь любил братьев; поцеловав к кому-либо крест, не нарушал его до смерти; был кроток, добродетелен, любил монастыри, почитал монахов, много помогал нищим. Обрядили его тело и положили в монастыре св. Спаса, где его отец лежит. Умер Глеб, месяца января в двадцатый день...

В тот же год послали Давыд и Мстислав за дядей своим Владимиром Мстиславичем в Дорогобуж, зовя его в Киев на стол [178]. Он нарушил крестное целование к своим союзникам к Ярославу и Мстиславичам [179], тайно пошел в Киев, а сына Мстислава посадил в Дорогобуже.

Начало княжения Владимира в Киеве

Сел Владимир в Киеве на столе, месяца февраля в пятнадцатый день, на масляницу. Андрею не понравилось, что Владимир сел в Киеве, и он послал к нему, приказывая ему итти из Киева, а Роману Ростиславичу итти в Киев [180]...

[*Смерть Владимира Мстиславича*]

В лето 6682. Владимиру приключилась тяжелая болезнь, от которой он и умер, месяца мая в тридцатый день, в русальную неделю [181]; схоронили его тело в отцовском монастыре св. Федора. Сидел он в Киеве всего четыре месяца. Много бед он испытал, бегая от Мстислава то в Галич, то к Уграм, то в Рязань, то к Половцам по своей вине, потому что нарушал крестное целование; все время его за это преследовали.

[*Андрей отдает Киев Роману Ростиславичу*]

В тот же год прислал Андрей к Ростиславичам сказать так: «Вы назвали меня отцом себе, я вам хочу добра, отдаю Роману, брату вашему, Киев»; послали за Романом в Смоленск; пришел Роман в Киев, и встретили его с крестами митрополит, архимандрит, Печерский игумен и все другие игумены, Киевляне все и братья его.

Начало княжения Романа Ростиславича в Киеве

Князь Роман вошел в Киев и сел на столе отца своего и деда своего, а сыну Ярополку отдал Смоленск, и была всем людям радость из-за Романова княжения [182]. Сел Роман в Киеве в начале июля месяца.

[*Андрей гневается на Ростиславичей и приказывает им убираться из Русской земли*]

В тот год начал Андрей вины возлагать на Ростиславичей, прислал к ним Михна сказать так: «Выдайте мне Григория Хотовича, Степанца и Алексея Святославича, потому что они уморили моего брата Глеба,—это враги всем нам».

Ростиславичи не послушали этого и отпустили от себя Григория. Сказал Андрей Роману: «Не повинуешься ты мне с братьями своими, так ступай из Киева, а Давыд—из Вышгорода, а Мстислав—из Белгорода; вот вам Смоленск, тем и поделитесь между собою».

Очень жалели Ростиславичи, что лишает их [Андрей] Русской земли, а отдает Киев брату своему Михалку. Роман пошел в Смоленск, а Михалко сам не пошел из Торческа в Киев, а послал туда брата

Всеволода и племянника своего Ярополка Ростиславича. Всеволод просидел в Киеве пять недель.

[*Ростиславичи захватывают Киев и сажают в нем Рюрика Ростиславича*]

Ростиславичи, Рюрик, Давыд и Мстислав, послали сказать Андрею: «Мы, брат, вправду назвали тебя отцом себе, крест к тебе целовали и стоим на крестном целовании, желаем тебе добра, а вот теперь, брат, ты вывел нашего брата Романа из Киева, а нас гонишь из Русской земли без [всякой] нашей вины: пусть будет за всем бог и сила крестная». Андрей не дал им ответа.

Ростиславичи подумали и, надеясь на бога и силу креста, въехали ночью в Киев..., захватили Всеволода Юрьевича, Ярополка, внука Юрия, ляха Владислава, Михна и всех бояр. Братья отдали Киев Рюрику.

Рюрик, сын Ростислава, вошел в Киев с большой славой и честью и сел на столе отцов своих и дедов своих...

[*Андрей снова приказывает Ростиславичам убираться из Русской земли*]

В тот же год Андрей, князь Суздальский, разгневался на Ростиславичей за Григория Хотовича, что не исполнили его воли. Услыхали это Ольговичи и обрадовались. Святослав Всеволодич и братья его послали своих мужей к Андрею, подстрекая его против Ростиславичей такими словами: «Кто тебе враг, тот и нам, а мы с тобою—готовы». Андрей принял их совет, исполнился высокомерия, очень загордился, понадеялся на силу телесную, окружил себя множеством воинов, загорелся гневом и послал мечника Михна: «Поезжай к Ростиславичам и скажи им: «Не слушаетесь вы меня; так ты, Рюрик, иди в Смоленск, в свою отчину к брату», а Давыду скажи: «Ты ступай в Берладь, а в Русской земле не велю тебе быть», а Мстиславу скажи: «Все в тебе стоит, не велю тебе быть в Русской земле».

[*Мстислав Ростиславич наносит оскорбление послу Андрея и отказывается с братьями уходить из Русской земли*]

Мстислав с малолетства привык никого не бояться, а только одного бога остерегаться. Он велел схватить посла Андреева, остричь ему перед собою голову и бороду [183] и сказал ему: «Иди к князю и скажи ему: «До сих пор мы считали тебя за отца, но если ты с такими речами прислал к нам не как к князьям, а как к подручникам и простым людям, что задумал, то и делай, а бог—за всем».

[*Андрей посылает на Ростиславичей несметную рать*]

Андрей услыхал от Михна, и лицо его омрачилось, он изострился на войну и, послав, собрал своих воинов: Ростовцев, Суздальцев, Владимирцев, Переяславцев, Муромцев, Новгородцев и Рязанцев,

сосчитал их, и оказалось их восемнадцать тысяч, послал с ними своего сына Юрия, а Бориса Жидиславича воеводой, наказав им: «Рюрика и Давыда выгнать из своей отчины, а Мстислава взять, ничего ему не делать и привести к нему». Так он приказал Борису Жидиславичу и велел ему итти к Святославу Всеволодичу, как с ним условились, и ко всем его собратьям...

Князь Андрей, такой умный во всех делах, такой доблестный, погубил свой разум невоздержанностью, распалясь гневом...

Когда они шли мимо Смоленска, он приказал Роману послать своего сына со Смольнянами; Роман по необходимости послал сына своего со Смольнянами против своих братьев: был он тогда во власти его.

[Андрей] приказал пойти всем Полоцким князьям, Туровским, Минским и Городенским; пришли они к Ольговичам и соединились с ними напротив Киева. Туда пришли к ним Михалко и Всеволод Юрьевич, Мстислав Ростиславич и Ярополк Глебович и все Переяславцы; они перешли Днепр и въехали в Киев.

[*Мстислав Ростиславич с упорством обороняет Вышгород против полчищ Андрея Юрьевича*]

Ростиславичи не заперлись в Киеве, а пошли в свои города. Рюрик заперся в Белгороде, Мстислава заперли в Вышгороде с Давыдовым полком, а Давыд поехал в Галич к Ярославу за помощью.

Святослав [Всеволодич] с братьями, Михалко с братом Всеволодом и племянниками и Киевляне, собрав Берендеев, жителей Поросья и полки со всей Русской земли, пошли от Киева к Вышгороду, на Рождество Богородицы; было всех князей больше двадцати, всех старше был Святослав Всеволодич. Он послал Всеволода Юрьевича и Игоря с младшими князьями к Вышгороду.

Когда они приехали к Вышгороду, Мстислав Ростиславич увидал пришедшие войска, изготовил к бою свои полки и вышел на «болонье» против них; с обеих сторон желали боя; сошлись стрелки их и начали между собою стрелять. Увидал Мстислав, что его стрелки пришли в смятение, с воинами тотчас устремился на них и сказал своей дружине: «Братья, полагайтесь на помощь бога и мучеников Бориса и Глеба», и тотчас поехал против них.

[Вражеские] воины стояли тремя отрядами: Новгородцы, Ростовцы и посреди них Всеволод Юрьевич со своим отрядом. Тот Мстислав сшибся с их отрядами и смял средний отряд, а другие воины увидали, что их объехали: Мстислав с немногими воинами врезался в их ряды. Они пришли в смущение: с обеих сторон было большое смятение, стон и крик сильный, неведомые голоса; тут ломались копья, звенело оружие; от сильной пыли нельзя было разобрать ни конного, ни пешего [187].

Так сильно бились и разошлись: много было раненых, а убитых не так много. Вот это был один бой в первый день на «болонье» у Мстислава со Всеволодом, Игорем и другими младшими [князьями]; потом пришли войска и обступили весь город; подступали к городу

всякий день, из города делали вылазки и сильно бились, и много было в дружине Мстиславлей раненых и убитых. Так стояли около города девять недель.

[*Ярослав Луцкий приходит на помощь к Рюрику в Белгород*]

После этого пришел на Ростиславичей Ярослав [Изяславич] Луцкий со всей Волынской землей, отыскивая себе старейшинство у Ольговичей, но те не уступили ему Киева. Он переслался послами с Ростиславичами, договорился с ними относительно Киева, отступил от Ольговичей и ушел от них, изготовивши полки к бою, к Рюрику в Белгород.

Увидав это, [вражеские воины] испугались и сказали: «Вот уже они все-таки собираются против нас с Галичанами и Черными Клобуками»; полки их пришли в смущение и, не дождавшись света, не смогли от великого смятения удержаться, побежали через Днепр, и много воинов утонуло.

[*Мстислав Ростиславич гонится за беглецами*]

Мстислав увидал это, поблагодарил бога и мучеников Бориса и Глеба за помощь, невидимо их гонящую, выехал из города со своею дружиною; его дружина помчалась, бросилась на их стан и обозы и захватила много пленников.

[*Полчища Андрея возвращаются назад с неудачей*]

Таким образом возвратилась вся сила Андрея: он собрал все земли, множеству воинов не было числа; пришли высокомерными, а ушли к себе домой смущенными.

Ростиславичи положили старшинство на Ярослава [Изяславича] и дали ему Киев.

Начало княжения Ярослава Изяславича в Киеве

Вошел Ярослав в Киев и сел на столе своего деда и отца своего.

Святослав [Всеволодич] начал посылать к Ярославу и жаловаться: «Вспомни первый договор, на чем ты целовал крест, ты говорил: «Если я сяду в Киеве, я тебя наделю, а если ты сядешь в Киеве, ты меня наделишь»; вот теперь ты сел правдой или неправдой, надели же меня». Тот стал ему говорить: «К чему тебе наша отчина? Тебе эта сторона не нужна». Святослав стал говорить ему: «Я не Угрин и не Лях, а мы одного деда—внуки; сколько дела тебе до него, столько и мне; если не держишься первого уговора—твоя воля».

[*Наезд Святослава Всеволодича на Киев*]

Он сказал так, соединился с братьями и поехал наездом в Киев.

У Ярослава не было братьев, он не осмелился один затвориться в Киеве и убежал в Луцк, а Святослав вошел в Киев, сел на столе своего деда и своего отца. Он захватил имущество Изяслава без числа, захватил княгиню Изяслава, сыновей и всю дружину и ото-

слал в Чернигов; они выехали [из Киева] без вести, а братьям его не было известно, что Ольгович въезжал в Киев.

[*Месть Ярослава Киевлянам*]

Ярослав услышал, что Киев, ограбленный Ольговичами, остался без князя, вернулся обратно в Киев, и, гневаясь, стал притеснять Киевлян, говоря: «Вы привели на меня Святослава; придумайте, чем выкупить княгиню и детей». Они не знали, что отвечать ему. Он обложил деньгами весь Киев, игуменов, попов, монахов и монахинь, Латынян [185] и купцов и много зла учинил Киеву...

[*Ростиславичи просят у Андрея Романа Ростиславича в Киевские князья*]

В это время прислали Ростиславичи к князю Андрею, прося с братьями своими Романа Ростиславича в Киев. Князь Андрей сказал: «Подождите немного; я послал к своим братьям в Русь; как мне будет весть от них, тогда и дам ответ [186].

[*Убийство великого князя Андрея Суздальского*][187]

В лето 6683. Был убит великий князь Андрей Суздальский, сын Юрия, внук Владимира Мономаха, месяца июня в двадцать восьмой день... Была тогда суббота; он построил себе каменный город, по имени Боголюбов, так далеко (на таком расстоянии) от Владимира, как Вышгород от Киева.

Этот благочестивый князь Андрей... построил среди города Боголюбова каменную церковь Рождества богородицы... украсил ее иконами многоценными, золотом и камнями драгоценными, крупным жемчугом бесценным, разными украшениями из яшмы, всякими драгоценностями с резными узорами, украсил ее блеском, на какой и смотреть нельзя, потому что вся церковь была золотая; украсил ее сосудами золотыми и драгоценными, так что все приходящие дивились; все, видевшие ее, не могут рассказать про необыкновенную красоту ее: золотом, финифтью и всякими церковными украшениями украшена и всякими сосудами церковными; золотая дарохранительница с драгоценными каменьями, драгоценные рипиды, лампады различные; извне церкви сверху и донизу стены и столбы окованы золотом, двери и дверные притолки также окованы золотом, сень, украшенная золотом вся сверху и до деисуса, наполнена всякими украшениями церковными, украшена всяким искусством...[188]

Был у него любимый слуга Яким; услыхал он от кого-то, что князь велел казнить его брата, и с криком побежал к своим приятелям, злым советникам... и начал говорить: «Сегодня того казнил, а завтра нас [казнит]; позаботимся об этом князе», и решили убить его ночью; они пришли ночью, взяли товарищей и, словно звери дикие, пошли на него; когда они шли в его спальню, их охватил страх и трепет: они сбежали с сеней, сошли в медушу и пили вино... Напились вина и поднялись на сени.

Зачинщиками убийства были: Петр, зять Кучкова, Амбал ключник, [родом] Ясин [189], Яким Кучькович, а всех убийц—двадцать человек, которые собирались на проклятый совет в тот день у Петра, зятя Кучкова; в ночь на субботу они взяли товарищей, словно дикие звери, пришли к спальне, где лежал блаженный князь Андрей; один из них, стоя у дверей, сказал: «Господин, господин!» Князь спросил: «Кто это?» Он ответил: «Прокопий». Князь сказал: «Нет, малый, это—не Прокопий». Они, услыхав слова князя, начали ударять в двери и силой выломили их; блаженный [князь] вскочил, хотел взять меч, и не было там меча; его в тот день вынул Амбал, ключник его, а меч был мученика Бориса; вошло двое проклятых и схватились с ним. Князь одного повалил под себя; другой подумал, что повержен князь, и поразил своего товарища; после этого узнали князя и [жестоко] боролись с ним, потому что он был силен; рубили его мечами и саблями и наносили ему раны копьем. Он сказал им: «Горе вам, проклятые, что подобно Горясеру [190] учинили такое зло».

Проклятые думали, что князь совсем убит, взяли своего товарища, понесли его и со страхом ушли. Он же второпях выскочил за ними, начал кричать из глубины сердца и пошел под сени. Они, услышав голос, вернулись назад к нему; когда они остановились, один из них сказал: «Я видел, как князь идет с лестницы вниз»; сказали: «Ищите его»; побежали посмотреть, что его уже нет там, откуда они ушли, убив его. И сказали так: «Погибли, ищите скорее». Зажгли свечи и нашли его по крови...

Он сидел за столбом на лестнице; они долго искали его и [наконец] увидали его сидящим, они подбежали, и Петр отрубил ему правую руку... Так он умер.

Убит он был в субботу ночью. На другой день, в воскресенье, окаянные пошли оттуда, убили Прокопия, его любимца, оттуда пошли на сени, вынули золото, камни драгоценные, жемчуг, ткани—с узорами и все любимое имущество, сложили на любимых коней и послали до рассвета в сторону, а сами взяли любимое княжеское оружие и начали собирать себе товарищей: «Неужели ждать, когда на нас пойдет дружина Владимирская», собрали отряд и послали во Владимир: «Что вы замышляете против нас? Хотим мы с вами договориться: не об одних нас дума, но и о вас; мы—единомышленники». И сказали Владимирцы: «Кто ваш единомышленник, тот пусть и будет с вами, а нам дела нет». И начали грабить—страшно смотреть.

Пришел на то место Киевлянин Кузьмище—нет князя, убит. И начал спрашивать Кузьма: «Где убитый господин?», и сказали: «Лежит выброшен в огород, но не смей его брать; так тебе и все говорят: «Хотим его бросить псам; если кто его возьмет, тот—наш враг, и того мы убьем». И начал плакать над ним Кузьмище: «Господин мой! Как ты не почувствовал, что к тебе идут скверные и нечестивые, несущие гибель враги, или как не догадался ты поразить их, как поражал когда-то полки язычников Болгар [191]». Так он оплакивал [князя].

Убийство князя Андрея Боголюбского. Событие описанное под 1175 г. происходило по летописи в «постельнице» (спальне) князя

Отпевание князя Андрея Боголюбского

Пришел Амбал, ключник, родом Ясин, который держал ключ ко всему двору княжескому, и над всеми [князь] дал ему власть. Посмотрел на него Кузьма: «Амбал, враг, брось ковер или что-либо другое, что постлать или чем прикрыть господина нашего». Амбал сказал: «Ступай прочь: мы хотим его выбросить псам». И сказал Кузьмище: «Еретик! Уже псам выбросить..., а помнишь, в какой одежде ты пришел сюда? Теперь ты стоишь в парче [192], а князь лежит нагой; прошу тебя, брось сюда что-либо». Он бросил ковер и корзно [193], [Кузьма] обернул его, понес в церковь и сказал: «Откройте мне церковь». Сказали они: «Брось его тут на паперти...» Они были пьяны. И сказал Кузьмище: «Уже тебя, господин, слуги твои не узнают; а когда-то, если какой купец приходил из Царьграда и от других стран, из Русской земли и Латинянин—все христиане и все язычники,—ты говорил: «Ведите его в церковь и на хоры, пусть видят истинное христианство и примут крещение»; Болгары и Евреи и все язычники, видя славу бога и красоту церковную, те больше плачут по тебе, а эти и в церковь запрещают внести». Так положил его на паперти у церкви, прикрыв его корзном. Там он лежал два дня и две ночи. На третий день пришел Арсений, игумен Кузьмы-Демьяна, и сказал: «Долго ли нам смотреть на старших игуменов, и долго ли этому князю лежать? Откройте мне церковь, отпою его, положим его в какой-нибудь гроб; а когда минует это зло, тогда придут из Владимира и отнесут его туда». Пришли клирошане Боголюбские, взяли его, внесли в церковь и положили в гроб и совершили над ним погребение с игуменом Арсением.

А горожане Боголюбова разграбили княжеский дом, мастеров, которые пришли для работы, золото, серебро, одежду и дорогие ткани, имущество бесчисленное и много зла учинили в его волости, разграбили дома посадников и тиунов, перебили их самих, детских и мечников, а дома их разграбили... и из сел приходили грабить, также и из Владимира; начал ходить Микулица с Богородицею в ризах по городу, тогда перестали грабить...

В шестой день, в пятницу, сказали Владимирцы игумену Федулу и Луке, доместику св. Богородицы: «Приготовьте носилки, пойдем и возьмем господина нашего Андрея», а Микулице сказали: «Собери всех попов в ризах, выйдите перед Серебряные ворота с Богородицей и дожидайтесь там князя». И сделали так. Федул, игумен Богородицы Владимирской, с клирошанами и с Владимирцами поехали за князем в Боголюбов. Взяли тело его и привезли во Владимир с честью и плачем великим; немного времени спустя начало выходить шествие из Боголюбова, и люди не могли удержаться, но все закричали, от слез не могли смотреть, и далеко был слышен вопль, и начал народ с плачем говорить: «Неужели, господин, ты поехал в Киев, в ту церковь с теми золотыми воротами, которые послал делать, в церковь на великом дворе Ярославлем; говорил: «Хочу построить такую же церковь, как и та с золотыми воротами, пусть будет память всему моему отечеству!»

Так плакал о нем город. Похоронили его... у Богородицы Златоверхой...

[*Роман Ростиславич возвращается в Киев*]

Тогда же пришел Роман из Смоленска к братьям своим на помощь. Ярослав [Изяславич] сказал: «Привели брата своего Романа и даете ему Киев», и ушел из Киева в Луцк [194]. Они начали посылать за ним, зовя его опять в Киев; он не послушал их и ушел в Луцк.

Роман сел в Киеве на столе деда своего и отца своего...

[*Мстислав Ростиславич приходит княжить в Новгород Великий*]

В лето 6686. Прислали Новгородцы мужей своих к Мстиславу Ростиславичу, призывая его в Новгород Великий. Он не хотел итти из Русской земли и сказал им: «Не хочу итти из отчины своей и расстаться со своими братьями»; он ревностно старался, желая от всего сердца потрудиться за свою отчину.

Его побудили и братья его и мужи его, говоря: «Брат, иди туда если тебя зовут с честью; разве там не наша отчина?»

Он послушался братьев своих и мужей своих и пошел с боярами Новгородскими и подумал в себе: «Если бог приведет меня здоровым в эти дни, то никак не могу забыть земли Русской».

Он пришел в Новгород; встретил его епископ с крестом и Новгородцы и игумены, поклонился Спасу и Богородице и сел на стол деда своего и отца своего со славой и честью великой.

[*Мстислав Ростиславич ведет Новгородцев на Чудь*]

Мстислав сидел в Новгороде Великом, и вложил бог добрую мысль в сердце Мстиславу пойти на Чудь; он созвал мужей Новгородских и сказал им: «Братья! Вот обижают нас поганые, а мы, полагаясь на помощь бога и Богородицы, отомстили бы за себя и освободили Новгородскую землю от поганых». Была люба его речь всем мужам Новгородским, и они сказали: «Князь, как угодно богу и тебе, а мы—готовы».

Мстислав собрал воинов Новгородских и сосчитал их, оказалось их двадцать тысяч.

Так пошел Мстислав на Чудскую землю, вошел в нее и стоял в ней, все время воюя по всей земле их; он разорил их землю, взял в плен челядь и скот и вернулся к себе домой.

Когда он шел из Чуди, вошел в Псков и захватил сотских из-за Бориса, своего племянника, потому что [там] не хотели племянника его; он учинил договор с людьми и пошел оттуда в Новгород и пробыл там всю зиму.

[*Мстислав собирается воевать с Полоцком*]

Весною он порешил со своими мужами пойти на Полоцк, на своего зятя Всеслава, за то, что его дед приходил в Новгород, взял дарохранительницу и сосуды церковные и один погост [Новгородский]

захватил к Полоцку. Мстислав хотел все это возместить. Он пришел в Луки с воинами Новгородскими.

Услышал про это брат его Роман в Смоленске и послал сына своего Мстислава в Полоцк на помощь зятю своему, а брату своему Мстиславу послал мужа своего сказать ему: «Обиды у тебя к нему нет; но если идешь на него, то прежде иди на меня».

Он (Мстислав) не желал оскорблять своего брата старшего и вернулся в Новгород.

[*Болезнь и смерть Мстислава Ростиславича*]

Захватила его сильная болезнь: падали силы, и отнимался язык. Он взглянул на дружину свою, на княгиню, вздохнул из глубины сердца, прослезился и начал им говорить: «Поручаю сына своего Владимира Борису Захаровичу, а вместе с этим отдаю на попечение братьям Рюрику и Давыду с волостью».

Умер князь Мстислав, сын Ростислава, внук великого князя Мстислава, месяца июня в тринадцатый день...

Плакала по нем вся земля Новгородская, а больше всего знатные мужи Новгородские; положили тело его в той же гробнице, где лежит Владимир, сын великого князя Ярослава Владимировича [195], и так говорили, плача: «Уж мы, господин, не можем поехать с тобою в другую землю языческую и подчинить их области Новгородской; ты много говорил, наш господин, желая итти на все земли языческие; хорошо бы нам умереть с тобою, который принес такое освобождение Новгородцам от поганых, как и дед твой Всеволод [196] избавил нас от всех обид; ты, господин, проявил ревность и пошел по пути своего деда; теперь, господин, уже не можем тебя увидать; закатилось наше солнце, и остались мы при своих обидах».

Плакало по нем много Новгородцев: знатные и простые, нищие и убогие, и монахи: он был милостив ко всем нищим.

И разошлись все по своим домам.

[*Похвала князю Мстиславу Ростиславичу*] [197]

Этот благочестивый князь Мстислав, сын Ростислава, был сложения среднего, лицом красив, украшен всякой доблестью, любовь имел ко всем, особенно заботился о милостыне, помогая монастырям, утешал монахов и игуменов, с любовью брал у них благословение, помогал мирским, попам и святителям.

Он был силен воевать, всегда старался умереть за землю Русскую и за христиан; когда он видел христиан, порабощенных погаными, так говорил своей дружине: «Братья, ничего не имейте в уме своем, как, если сегодня умрем за христиан, то очистимся от грехов своих... Слава богу, если сегодня умрем, все равно мы умрем».

Этими словами он внушал отвагу своим воинам и от всего сердца бился за свою отчину, любил дружину, не берег добра, не собирая ни золота, ни серебра, но отдавал дружине своей [198].

Он присоединился к отцам своим и дедам своим, отдал общий долг, которого нельзя избежать всякому родившемуся.

Нет такой земли на Руси, которая бы его не хотела и его не любила, всегда он стремился к великим делам, но умер молодым.

Опечалились братья его, услышав про его кончину; плакала о нем вся земля Русская, не в состоянии забыть его доблести, и все Черные Клобуки не могут забыть доброты его...

[Всеволод Суздальский оковывает Глеба, сына Святослава Всеволодича]

В лето 6688. В тот же год послал Святослав [Всеволодич] Глеба, сына своего, в Коломну, в Рязанскую волость, на помощь Рязанским князьям и зятю своему Роману, которые воевали со Всеволодом. Всеволод услыхал, что Святослав прислал своего сына в помощь своему зятю, позвал его к себе... Глеб Святославич не хотел ехать, но волей-неволей поехал к нему, потому что был в его власти. Он схватил его, надел оковы и отослал в свою волость Владимир и приставил к нему сторожа, а дружину его также захватил.

[Святослав Всеволодич затевает «котору» с Ростиславичами, думая выгнать их из Русской земли]

Святослав, услыхав об этом, распалился гневом и разжегся яростью и начал размышлять говоря: «Я отомстил бы Всеволоду, но нельзя мне из-за Ростиславичей, которые во всем вредят мне в Русской земле, а во Владимировом племени тот мне родственник, кто хорош».

В это время Давыд Ростиславич ездил по Днепру в лодках, занимаясь уловом [рыбы], а Святослав ездил по Черниговской стороне, занимаясь охотой.

Святослав подумал со своей княгиней и своим любимцем Кочкарем, не сказал о своем намерении своим лучшим мужам и снова начал войну из-за своего сына Глеба. Он не удержался от гнева, нарушил крестное целование, переехал через Днепр и подумал: «Давыда захвачу, а Рюрика выгоню из земли, захвачу один с братьями волость Русскую, а тогда отомщу Всеволоду за свои обиды...» Тотчас Святослав напал на Давыдов стан; Давыд не ведал и не располагал ниоткуда зла, потому что укрепился с ним крестным целованием и верил тому: оно и избавило его от рук [Святослава]; он бежал в ладье со своей княгиней; они нагнали его на берегу и начали в него стрелять, но бог сохранил его невредимым. Святослав захватил его дружину и стан, повернулся и пошел к Вышгороду.

Святослав ошибся в своем замысле; он переночевал под Вышгородом, а на другой день поехал к нему искать Давыда и не нашел его нигде. Он поднялся и поехал за Днепр, приехал в Чернигов к братьям, созвал всех сынов своих и младших братьев, собрал всю Черниговскую землю и дружину свою и начал думать: «Куда поедем: к Смоленску или к Киеву?» Сказал ему Игорь: «Отец, был мир, но теперь уже этого нет; дал бы тебе бог здоровья».

[*Ростиславичи чинят оборону против Святослава Всеволодича*]

Давыд прибежал в Белгород к брату. Рюрик услыхал, что Святослав убежал за Днепр, въехал в Киев, в воскресенье, и сел на столе деда своего и отца своего. Он послал за братьями своими, Ярославичами, Всеволодом и Ингварем, и привел их к себе, и вспомогательное войско Ярослава, князя Галицкого, с Галичанином Тудором. Давыда послал к Смоленску к брату Роману за помощью.

[*Смерть Романа Ростиславича*]

В Сковшином бору дошла до него весть, что брат его Роман умер. Услыхав, он очень опечалился и со слезами быстро поехал в Смоленск. Встретил его епископ Константин с игуменами и попами и со всеми Смольнянами, вошел Давыд в церковь Богородицы и сел на столе деда своего и отца своего.

Умер князь Роман, сын Ростислава, внук великого князя Мстислава... схоронили тело его в церкви Богородицы, и оплакивали все Смольняне доброе сердце его...

[*Похвала князю Роману*][199]

Этот благочестивый князь Роман был ростом высок, в плечах широк, лицом красив, украшен всякими добродетелями: кроток, незлобив, правдив, имел любовь ко всем и к братьям своим истинную и нелицемерную, помогал нищим, заботился о монастырях; он построил каменную церковь Иакова, украсил ее всякими церковными украшениями, иконами, украшенными золотом и финифтью, на память своему роду. Он присоединился к дедам своим и отцам своим, отдал общий долг, которого нельзя избежать всякому родившемуся. Дошла весть к Рюрику о смерти Романа; он очень опечалился и плакал по нем, словно по отце: [Роман] был всех их старше.

[*Святослав Всеволодич ведет войну со Всеволодом Суздальским*]

Святослав собрал братьев своих и Половцев и сказал: «Я—старше Ярослава, а ты, Игорь, старше Всеволода, а теперь я вам остался вместо отца; я велю тебе, Игорь, здесь оставаться с Ярославом, хранить Чернигов и всю волость свою, а я пойду со Всеволодом к Суздалю освободить сына моего Глеба, а как нас со Всеволодом бог рассудит».

Он разделился на две части с братьями и пошел к Суздалю, взяв с собою Ярополка Ростиславича, и Половцев также разделил на две части: половину их с собою взял, а половину братьям оставил.

На дороге Святослав соединился на пути с сыном Владимиром и со всем полком Новгородским (сын его Владимир княжил в Новгороде Великом) и вошел в землю Суздальскую.

Всеволод вышел навстречу ему со всеми Суздальскими полками, Рязанскими и Муромскими, и встретил их на Волге реке; стояли они

по обеим сторонам реки и две недели бились около той реки; та река текла неприступно, имела крутые берега. Суздальцы стояли на горах, в болотах и оврагах: нельзя было добраться до них полкам Святославлим.

Дружина Всеволода желала решительно напасть на Святослава, но Всеволод был мягкого сердца, не желал кровопролития и не наступал на него. Он послал Рязанских князей; они ворвались в стан Святославль и разнесли его: одних захватили, а других побили.

В Святославлем полку быстро изготовились к бою; Всеволод Святославич быстро примчался с Русским полком и со своим: Рязанские князья убежали, одних захватили, а других убили, и захватили там Ивора Мирославича.

Святослав послал Всеволоду своего попа сказать: «Брат и сын![200] Я тебе много добра сделал и не ожидал такой награды от тебя; ты замыслил на меня зло и захватил сына моего; недалеко тебе меня искать; отступи подальше от этой речки, дай мне дорогу, я перееду поближе к тебе, пусть нас бог рассудит; если мне дороги не дашь, я тебе дам, переезжай на эту сторону; здесь нас бог рассудит».

Всеволод захватил посла, отослал его во Владимир, а Святославу ответа не дал. Святослав ждал много дней, побоялся тепла и быстро ушел. Всеволод послал в его обоз (много там захватили его добра), а самого его не велел преследовать.

Святослав, идя из Суздальской земли, разорил город Дмитров. Когда он вышел из Суздальской земли, он отправил своего брата Всеволода, своего сына Олега и Ярополка в Русь, а сам пошел с Владимиром в Новгород Великий...

[*Рюрик Ростиславич договаривается со Святославом Всеволодичем*]

Рюрик... пораздумал со своими мужами, что Святослав старше его годами, и учинил договор с ним: уступил ему старейшинство и Киев, а себе взял всю Русскую землю; скрепили крестным целованием и жили в любви, породнившись между собою[201]...

В ту же осень выгнали Новгородцы Владимира Святославича из Новгорода.

[*Всеволод Суздальский чинит мир со Святославом Киевским*]

Всеволод Суздальский выпустил из оков Глеба Святославича, учинил мир со Святославом и породнился с ним, отдав за его меньшого сына свою свояченицу...

[*Поход на Болгар Всеволода Суздальского; Святослав Всеволодич шлет ему на помощь своего сына Владимира*]

В лето 6690...

В тот же год князь Суздальский Всеволод Юрьевич начал войну с Болгарами и прислал к Святославу просить помощи. [Святослав]

отпустил к нему своего сына Владимира с такими словами: «Брат и сын! Дай бог всегда в нашей жизни воевать с погаными».

Пошли они по Волге на Болгар, пришли на место, где остров названием Исади, в устье Цевцы высадились на берег, оставили там все «насады», а около них—Белоозерский полк, воеводу Фому Назаровича и другого—Дорожая (тот был у него отцовский слуга), оставили других воевод и князя каждого у своих людей, а сами пошли на конях к великому городу Серебряных Болгар.

Болгары увидали множество Русских полков, не могли устоять и затворились в городе; молодые князья ухватились ехать биться у ворот; там поразили стрелой Изяслава Глебовича, племянника Всеволода; еле живого принесли его в стан; была большая печаль у Всеволода и всех князей и уныние у дружины.

Дальше города Болгарские, Собекуль и Челмат, соединились с другими Болгарами, которые зовутся Темтюзи; собралось их пять тысяч, пошли на «насадах», а из Торецка на конях, приехали к Русским лодкам, высадились на том острове и пошли на Русь.

Русский полк изготовился к бою и, с божьей помощью, пошел против них; они встретились друг с другом. [Болгары] увидали и побежали, а наши погнались, избивая поганых мусульман; те прибежали к Волге, вскочили на «учаны» [202]; тут [Русские] тотчас опрокинули «учаны» и потопили таким образом более тысячи их.

Бог помог Руси; победили Болгар, избили их две с половиною тысячи. Остальные [Русские воины] пришли к лодкам, не зная того, что было, что корабельные воины до них победили Болгарский полк; они благодарили бога за бывшее на том острове и на «насадах» их.

Умер князь Изяслав Глебович от раны стрелой, обрядили тело его, положили на лодку, повезли с собою и схоронили во Владимире, у Богородицы Златоверхой...

[*Поход на Половцев князя Игоря Святославича*] [203]

В лето 6693. В это время Игорь Святославич, внук Олегов, поехал из Новгорода [Северского], месяца апреля в двадцать третий день, во вторник, взяв в собою брата Всеволода из Трубчевска, Святослава Ольговича, своего племянника, из Рыльска, Владимира, сына своего, из Путивля, и у Ярослава [204] выпросил помощь Ольстина Алексеевича, Прохорова внука, с Черниговскими Коуями [205].

Так пошли они, спокойно собирая дружину, а кони у них были очень тучные. Когда шли они к Донцу реке, в час вечерний Игорь» взглянул на небо и увидал солнце, стоявшее, словно месяц, и сказал боярам своим и дружине своей: «Видите ли, что это за знамение? Они посмотрели, увидали все и поникли головами, и сказали мужи: «Князь, не на добро знамение это». Игорь же сказал: «Братья и дружина! Тайны божьей никто не знает, а знамению творец бог и всему миру своему, а чтó нам бог сделает на добро или на наше зло, то мы увидим». Сказал так, перешел вброд Донец и пришел к Осколу и поджидал два дня брата своего Всеволода: тот шел другим путем из Курска. Оттуда пошли к Сальнице; там к ним приехали и стороже-

вые отряды, которых они послали поймать языка; те приехали и сказали: «Виделись с нашими врагами—ездят в оружии; или поезжайте скорее или возвращайтесь домой, потому что—не наше время». Игорь сказал с братьями своими: «Если вернемся без боя, то будет нам позор хуже смерти, а теперь как нам бог даст». Так порешили и ехали ночь.

На другой день, в пятницу, в обеденное время, встретили они полки Половецкие; они еще до них приготовили вежи свои..., а сами, собравшись от мала до велика, стояли на другой стороне реки Сюурлия.

Те изготовили к бою шесть полков: посредине Игорев полк, направо—брата его Всеволода, а налево Святослава, его племянника, впереди у него был сын Владимир, другой полк Ярославль, который был с Коуем Ольстином, а третий полк впереди; стрелки были отобраны от [полков] всех князей.

Так Игорь изготовил к бою свои полки и сказал братьям своим: «Вот, братья, этого мы искали, пойдем». И так пошли, положив упование на бога.

Когда они были у реки Сюурлия, выехали из Половецких полков стрелки и, выпустив по стреле на Русь, ускакали. А Русские не переехали еще через реку Сюурлия. Подскакали и те Половцы, силы Половецкие, которые вдалеке от реки стояли.

Святослав Ольгович, Владимир Игоревич и Ольстин с Коуями и стрелками бросились на них, а Игорь и Всеволод шли медленно, не распуская полков. Передовые Русские [воины] били и брали в плен.

Половцы побежали к вежам. Русские дошли до веж и взяли пленных; другие же ночью приехали к полкам с пленниками.

Когда собрались все Половцы, сказал Игорь братьям и мужам своим: «Вот бог своей силой возложил на врагов наших победу, а на нас честь и славу. Вот видим полки Половецкие, что их много, что все они тут собрались; мы теперь поедем ночью, а кто завтра поедет за нами; так все поедут, но лучшие всадники переберутся, а нам самим как бог даст».

Святослав Ольгович сказал дядям своим: «Я далеко гнался за Половцами, и кони мои—не в силах; если мне теперь ехать, то придется остаться на дороге».

И помог ему Всеволод, остановившись тут,... и остановились здесь все.

На рассвете в субботу начали наступать полки Половецкие, словно сосновые леса.

Соображали князья Русские, кто из них какой поехал, и сказал Игорь: «Видно, собрали против нас всю землю: Кончака и Гзу Бурновича, Токсобича, Кулобича, Стебича и Тертробича» [206]. И так порешили: всем сойти с коней и с боем дойти до реки Донца, говоря: «Если побежим сами, а черных людей оставим, то будет нам грех—этих предавши, уйти, но или умрем или живы будем вместе».

Сказали так, все сошли с коней и пошли биться.

Тут ранили Игоря в руку, погубили его левую руку, и было

большое горе в полку его: воеводу имели, который был ранен спереди. Так бились сильно тот день до вечера, и много раненых и убитых было в Русских полках.

Настала ночь субботняя, и шли с боем; на рассвете воскресенья пришли в смятение Коуи, и полки побежали. Игорь был в это время на коне, потому что был ранен, и поехал к полку их, желая вернуть их к полкам, но он понял, что далеко отъехал от людей, и, сняв шлем, поскакал назад к полкам для того, чтобы узнали князя и вернулись; но никто не вернулся, один только Михалко Юрьевич, узнав князя, вернулся: не были доблестны и смелы Коуи. Но кто из простых или отроков боярских—все сильно бились, идя пешком, и среди них Всеволод показал немало мужества.

[*Половцы берут в плен Игоря Святославича*]

Когда Игорь приближался к полкам своим и поехал наперерез, там схватил его на расстоянии одного выстрела от своего полка; Игорь, схваченный, увидал, что брат его Всеволод сильно бьется, и просил смерти своей душе, чтобы не видать гибели брата своего. Всеволод так бился, что и оружия в руке его не осталось, и так они бились, идя кругом озера.

Так в день воскресный навел на нас господь гнев свой и вместо радости навел на нас плач и вместо веселья—скорбь на реке Каяле.

Сказал Игорь: «Вспомнил я грехи свои перед богом, что много убийства и кровопролития учинил я в земле христианской, что не пощадил я христиан, но взял приступом город Глебль [207], у Переяславля; невинные христиане приняли тогда немало зла: родители отделялись от детей своих, брат от брата, друг от друга, жены от мужей, дочери от матерей, подруги—от подруги, все приведено в смятение пленом и скорбью; живые мертвым завидовали, а мертвые радовались, словно мученики святые, получившие испытание огнем в этой жизни; старики были теснимы, юноши получали жестокие и безжалостные раны, мужчины убивались, женщины насиловались, и все это сделал я, Игорь; недостоин я жить, и вот вижу я сейчас наказание от бога: где теперь мой любимый брат, где брата моего сын, где мои дети, где бояре думающие, где мужи храбрые, где порядок воинский, где кони и оружие драгоценное?..»

Бой кончился, полки были разведены в разные стороны, и каждый пошел в свои вежи. Игоря захватил муж Тарголова именем Чилбук; Всеволода, его брата, захватил Роман Кзыч, Святослава Ольговича—Елдечук из Вобурцевичей, а Владимира—Копти из Улашевичей [208].

Тогда же на поле битвы Кончак поручился за свата Игоря [209], потому что тот был ранен. Из стольких людей мало их спаслось; никаким случаем нельзя было убежать, потому что они, словно стенами крепкими, были окружены полками Половецкими. Наших людей русских убежало пятнадцать мужей, а Коуев—меньше; остальные утонули в озере.

[*Смятение в Русской земле после полона стольких князей*]

В это время великий князь Святослав Всеволодич пошел в Карачев и собирал воинов от верхних земель, желая итти на Половцев к Дону на все лето. Когда Святослав вернулся и стоял у Новгорода Северского, услыхал о братьях своих, что пошли на Половцев тайно от него: это ему было неприятно.

Святослав пошел на лодках, и, когда пришел к Чернигову, прибежал в это время Беловолод Просович и поведал Святославу о всем, что случилось у Половцев. Святослав, слышав про то, сильно вздохнул, утер слезы и сказал: «Милые мои братья, сыновья и мужи земли Русской, дал мне бог обессилить «поганых», а невоздержанная молодость отворила двери в Русскую землю...; как жалко было Игоря, так и теперь еще больше жалею брата своего Игоря».

После этого Святослав послал в Посемье сына своего Олега и Владимира [Глебовича]; он услыхал, как пришли в смятение все города в Посемьи, и стояли скорбь и уныние страшные во всем Посемьи, в Новгороде Северском и во всей волости Черниговской; князья в плен захвачены, дружина взята и побита; словно в пучине, волновались, поднимались города, и не дороги были тогда каждому его родные, но многие отказывались от душ своих, жалея своих князей.

[*Помощь земле Русской*]

Потом послал Святослав к Давыду в Смоленск сказать: «Порешили мы итти на Половцев и провести лето на Дону, а теперь вот Половцы победили Игоря и брата его с сыном; приезжай, брат, постереги Русскую землю». Пришел Давыд, пришли по Днепру и другие отряды на помощь и оставались у Триполя. Ярослав Всеволодич стоял в Чернигове, собрав своих воинов.

[*Нашествие Половцев на Русскую землю*]

Поганые Половцы победили Игоря с братьями, вошли в большую гордость и собрали весь свой народ на Русскую землю.

И был у них спор; Кончак говорил: «Пойдем на Киевскую землю, где убиты братья наши и наш великий князь Боняк»; Гза говорил: «Пойдем на Сейм, где остались жены и дети; там нам собраны готовые пленники; возьмем города без страха».

Так они разделились на две части.

[*Половцы у Переяславля*]

Кончак пошел к Переяславлю и обложил город; бились там весь день. В Переяславле был князем Владимир Глебович, отважный и упорный на войну; он выехал из города и бросился на них, мало дружинников отважилось [пойти] за ним; сильно бились с ним и обступило его много Половцев. Тогда остальные [дружинники], увидав, что их князь сильно бьется, выскочили из города и отняли князя своего, раненного тремя копьями.

Этот добрый Владимир, тяжело раненый, вернулся в свой город, мужественно потрудившись за отчину свою.

Владимир послал к Святославу, Рюрику и Давыду сказать им: «Вот Половцы у меня; помогите мне!» Святослав послал к Давыду, а Давыд стоял с Смольнянами у Триполя. Смольняне начали собирать вече [210], говоря: «Мы дошли до Киева: если была бы война, мы бились бы, а другой войны вести не можем; мы уже обессилели». Святослав с Рюриком и другими отрядами, пришедшие на помощь, вошли в Днепр, а Давыд со Смольнянами вернулся назад.

Услыхав про то, Половцы ушли от Переяславля.

[*Половцы захватывают город Римов*]

Проходя мимо, они приступили к Римову [211]. Римовичи заперлись в городе и влезли на городские стены. Божьим судом полетели две части городской стены; на воинов и остальных горожан напал страх; горожане, которые вышли из города и с боем шли по Римовскому болоту, избежали плена, а кто остался в городе, те все были взяты в плен.

Владимир посылал к Святославу Всеволодичу и Рюрику Ростиславичу, понуждая их помочь ему. Они же промедлили, ожидая Давыда со Смольнянами; так Русские князья запоздали и не напали на них врасплох. Половцы взяли город Римов, захватили много пленников и вернулись к себе.

Князья вернулись к себе домой, унылые, с сыном своим Владимиром Глебовичем, который был сильно ранен смертельными ранами...

[*Нашествие Половцев к Путивлю*]

А другие Половцы пошли по другой стороне Днепра к Путивлю. Гза с большими силами разорил волость, пожег села их, сжег «острог» у Путивля и вернулся к себе домой.

[*Игорь Святославич в плену у Половцев*]

Игорь Святославич в то время был у Половцев... Половцы словно уважали его сан и не чинили ему неприятности; они приставили к князю пятнадцать сторожей от своих сыновей и пять сыновей господ (ханов), а всего двадцать человек, и дали ему свободу: ездить, куда хочет, охотиться с ястребом, а его слуги, пять или шесть, ездили с ним, сторожа слушали его и воздавали ему честь, и, куда посылал кого, беспрекословно выполняли то, что он приказывал; он привел к себе из Руси попа со святой службой, не зная божия промысла, но думая, что ему долго там пробыть, но господь избавил его за молитву христиан: многие горевали и проливали слезы свои за него.

[*Бегство Игоря Святославича из Половецкого плена*]

Когда он был у Половцев, нашелся там муж, Половчанин родом, имя ему Лавр; тот взял мысль добрую и сказал: «Пойду с тобою в Русь». Игорь сначала не верил ему, но хранил надменность

своей молодости, не думал брать мужа и бежать в Русь; он говорил: «Я тогда славы ради не бежал от дружины и теперь не хочу итти неславным путем». С ним были сын тысяцкого и конюший его; те подговаривали его, говоря: «Ступай, князь, в землю Русскую: бог захочет, спасет тебя». И не случалось времени, какого он желал.

Как мы сказали раньше, вернулись от Переяславля Половцы, и сказали Игорю его советники: «У тебя—мысль надменная и неугодная господу: ты не ищешь взять мужа и бежать с ним, а не подумаешь о том, что приедут Половцы с воинами; вот слышали—убить им вас князей и всех Русских, и не будет у тебя ни славы, ни жизни».

Князь Игорь воспринял их совет, испугался их приезда и старался бежать, но нельзя было им бежать ни днем, ни ночью, потому что сторожа караулили их; нашлось такое время при заходе солнца; послал Игорь к Лавру своего конюшего сказать ему: «Переезжай на другую сторону с запасным конем»; он порешил бежать с Лавром в Русь, а в это время Половцы напились кумыса; был вечер, пришел конюший и сказал князю своему Игорю, что его ждет Лавр. Князь встал в страхе и трепете, поклонился образу и кресту..., поднял стену и вышел вон. Сторожа его играли и веселились, а про князя думали, что он спит; он же прошел к реке, перебрался через нее, сел на коня, и так проехали через вежи. Это спасение учинил господь в пятницу вечером; шел он пешком одиннадцать дней до города Донца, а оттуда пошел в свой Новгород Северский; обрадовались ему [там]. Из Новгорода пошел в Чернигов к брату Ярославу, прося помощи. Ярослав обрадовался ему и обещал дать помощь. Оттуда Игорь поехал в Киев к великому князю Святославу; обрадовался ему Святослав, так же как и Рюрик, сват его...

[*Смерть и завещание князя Ярослава Галицкого*]

В лето 6695...

В тот же год умер Галицкий князь Ярослав, сын Владимира [212], октября месяца в первый день, а во второй день—схоронили его в церкви Богородицы.

Он был князь мудрый и красноречивый, богобоязливый, пользовался честью в землях и славился войсками; где была ему обида, не ходил сам со своими полками, но посылал их с воеводами; он устроил землю свою, раздавал большую милостыню, любил странников и нищих кормил...

Он сказал мужам своим: «Я одной своей слабой головой удержал всю Галицкую землю [213]; завещаю свое место Олегу, младшему своему сыну, а Владимиру даю Перемышль»; так он распорядился, привел ко кресту Владимира и мужей Галицких на том, что ему не домогаться у брата Галича. Олег Настасьич был его любимец, а Владимир не слушал его, а потому [отец] и не дал ему Галича.

[*Мятеж в Галиче*]

После смерти Ярослава был большой мятеж в Галицкой земле. Галицкие мужи сдумали с Владимиром, нарушили крестное целова-

ние и выгнали Олега из Галича; Олег бежал оттуда в Овруч к Рюрику, а Владимир сел в Галиче на столе деда своего и отца своего.

[Свадьба Ростислава, сына Рюрика, и Верхуславы, дочери Всеволода Суздальского]

В тот же год с Пасхи послал князь Рюрик князя Глеба, своего шурина, Чурину с женою и других многих бояр с женами в Суздаль к великому [князю] Всеволоду Юрьевичу за Верхуславой для [своего сына] Ростислава; на Борисов день отдал великий князь Всеволод Верхуславу, дочь свою, и дал за ней многое множество, без числа золота и серебра, а сватов одарил большими подарками и с великою честью отпустил. Ехали за милой своей дочерью три стана[214] и плакали по ней отец и мать, потому что очень любили ее: была она молода: [всего] восьми лет. Так дал много подарков и отпустил ее в Русь с великою любовью за князя Ростислава: послал за ней племянника по сестре Якова с женою и других бояр с женами, привели ее в Белгород... а повенчал ее в деревянной церкви св. Апостолов епископ Максим; устроил Рюрик Ростиславич пышную свадьбу, какой не бывало на Руси; и было на свадьбе много князей, больше двадцати. [Рюрик] дал своей снохе много даров и город Брягин; также и свата с боярами отпустил к Всеволоду в Суздаль с большой честью, одарив большими подарками...

[Роман Мстиславич, князь Владимирский, отнимает Галич у Владимира]

В лето 6696. Владимир княжил в Галицкой земле, любил много пить и не любил совета со своими мужами, отнял у попа жену и сделал ее своей женой, и родилось у него два сына.

Роман Мстиславич Владимирский породнился с ним и отдал дочь свою за сына его старшего. Вот узнал Роман, что мужи Галицкие нехорошо живут с князем своим за его насилия, потому что, где нравилась ему чья-либо жена или дочь, он брал ее насильно. Роман без страха послал к мужам Галицким, подстрекая их против своего князя, чтобы выгнали его из своей отчины, а его самого взяли на княжение.

Мужи Галицкие приняли совет Романов, собрали свои полки, скрепили крестным целованием и восстали против своего князя, но не посмели ни схватить, ни убить его, потому что не все были единомышленники: были и сторонники Владимира. Они сдумали и послали к князю своему: «Князь, мы не на тебя восстали, а не хотим кланяться попадье, хотим ее убить, а ты, где хочешь, ту за тебя и возьмешь». Они сказали это, зная, что он не отпустит попадьи, и пригрозили тем.

Он испугался, взял с дружиною много золота и серебра, взял свою жену и двух сыновей и поехал к Уграм, к королю[215]. Галичане отняли Федору Романовну[216] у Владимира и послали за Романом. Роман отдал брату Всеволоду Владимир совсем и крест к нему целовал: «Больше мне не нужен Владимир», поехал в Галич и сел там княжить.

[Роман бежит из Галича перед Угорским королем]

Пришел Владимир к королю, король схватил Владимира и со всеми полками пошел к Галичу. Роман услыхал, что король уже за Горою, не мог противостоять ему и, захватив все добро Владимира, бежал из Галича во Владимир с Галичанами; брат его Всеволод заперся от него во Владимире. Сам [Роман] пошел к Ляхам, а жену отправил во Вручий и с Галичанами в Пинск. Роману не было помощи от Ляхов, он пошел к Рюрику, тестю своему, в Белгород, с теми мужами, которые ввели его в Галич.

[Король Угорский сажает в Галиче своего сына Андрея, а Владимира Галицкого—в башню]

Король въехал в Галич, но не посадил в нем Владимира, но отдал все в распоряжение Галичанам и посадил сына своего Андрея, а Владимира взял с собою обратно к Уграм, отнял насильно у него все добро и посадил его с женою в башню: король совершил великий грех, целовал крест к Владимиру, но бог избавил его от такой беды.

[После долгих неудач Роман Мстиславич возвращает себе Владимир]

Роман выпросился у тестя своего Рюрика на Галич, говоря ему, что «ведут меня Галичане к себе на княжение; отпусти со мною сына твоего Ростислава». Рюрик отпустил с ним сына своего и воеводу Славна Борисовича. Роман послал вперед своих воинов к Пресненску, пусть захватят сначала Пресненск; они заперлись [там]. Угры и Галичане приехали врасплох и у Пресненска одних в плен взяли, а другие убежали.

Роман, услыхав про то, отпустил шурина своего домой, а сам поехал к Ляхам к Казимиру[217]. От Ляхов он пришел к Владимиру, но не пустил его брат во Владимир. Роман пришел на брата с Ляхами, с дядею своим Мешком[218], но ничего не добился и пошел к тестю своему Рюрику. Рюрик дал ему Тороцк и послал пригрозить брату его Всеволоду.

Всеволод испугался Рюрика, уступил брату Роману Владимир, Роман поехал во Владимир, а Всеволод—в Белз.

[Распря Святослава Всеволодича с Рюриком Ростиславичем из-за Галича]

В лето 6697. Прислал король к Святославу сказать так: «Пришли ко мне сына твоего; что я тебе обещал, то и исполню, как ты целовал крест». Святослав утаился от Рюрика, обрадовался, что ему дадут Галич, и послал сына своего Глеба к королю; Рюрик, узнав про то, послал за ним Святослава Владимировича, приставив к нему мужей своих, и к Святославу стал посылать, говоря так: «Как же ты послал сына своего к королю, а со мной не сговорился? Ты нарушил уговор».

Была [у них] большая распря, но бог не дал радоваться дьяволу, и сошлись крестным целованием. Святослав так оправдывался:

«Брат и сват! Я послал своего сына не для того, чтобы привести короля против тебя, но для своего дела; сам хочешь итти на Галич, вот я готов с тобою [итти]».

Говорил и митрополит Святославу и Рюрику: «Вот иноплеменники захватили вашу волость, а хорошо бы вам потрудиться»[219].

Так учинив думу, пошли к Галичу Святослав со своими сыновьями, а Рюрик со своими братьями; собрались все вместе и договаривались о волости Галицкой. Святослав отдавал Галич Рюрику, а себе хотел всю Русскую землю около Киева. Рюрику же это не нравилось: ему не хотелось и лишиться своей отчины и поделиться Галичем.

Так они не договорились и вернулись к себе домой...

[*Неудачная попытка Ростислава, сына Ивана Берладника, получить стол Галицкий*]

В тот же год послали Галицкие мужи к Ростиславу, сыну Берладника, звать его в Галич на княжение. Он, услыхав, обрадовался и выпросился у Давыда, который принял его к себе.

Он быстро поехал из Смоленска, приехал к Галицкой Украине и взял два города Галицких, а оттуда, по их совету, пошел к Галичу.

Мужи Галицкие не были все единомышленники, но те, у кого сыновья и братья были у короля, держались за королевича.

В это время прислал король много Угорских полков сыну в помощь, боясь Русских князей. Услыхали королевич и воеводы Угорские, что идет Ростислав к Галичу, по совету Галицких мужей. Королевич, не веря им, стал приводить их к крестному целованию. Правые целовали по неведению, а виноватые—остерегались Угров.

Ростислав пришел к полкам Галицким с небольшой дружиною и не подозревал обмана, а думал, как ему обещали: увидят его полк и отступят от королевича. К его полку приехало несколько мужей Галицких; они увидали обман своих братьев, подвели его к своему полку и изменили ему. Сказала ему дружина: «Князь, ты уже видишь их обман, поезжай в сторону». Он сказал им: «Братья! Вы знаете, на чем они целовали мне крест; если меня схватят, то пусть судит и бог и крест, который они целовали, а я не хочу странствовать по чужой земле, а желаю голову положить в своей отчизне».

Так сказал своей дружине и бросился на полки Галицкие; полки Галицкие и Угры окружили его, сбросили его с коня, захватили его сильно раненного и еле живого отнесли в Галич. Галичане волновались, желая освободить его от Угров и взять себе на княжение.

Угры увидали это и приложили к его ранам смертельный яд, от чего он и умер; схоронили его в монастыре, в церкви св. Иоанна: присоединился к дедам своим и к отцам своим.

[*Насилия Угров Галичанам*]

Угры, зная лукавство Галицкое, что Галичане домогаются Русского князя, начали чинить всяческие насилия: у мужей Галицких

жен и дочерей стали брать себе в наложницы, в церквах и в избах коней ставить и других много насилий чинили.

Галичане начали очень горевать и сильно раскаивались, что прогнали своего князя.

[*Владимир Галицкий бежит от Угров к Германскому императору и с помощью его и Всеволода Суздальского возвращает себе Галич*]

В лето 6698...

В тот же год убежал Владимир Ярославич [Галицкий] от Угров из каменной башни, где его держали король с его попадьей и двумя детьми; ему в башне поставлен был шатер; он изрезал шатер, сплел себе веревку и спустил ее вниз; из сторожей было двое ему преданных, которые довели его до земли Немецкой, к царю Немецкому[220].

Царь узнал, что он племянник по сестре великому князю Всеволоду Суздальскому[221], принял его с большой лаской и честью, приставил к нему своих мужей и послал его к Казимиру, к Ляхам, веля ему доставить его в Галич; он по своей воле обещал давать царю в год две тысячи гривен серебра[222].

Казимир приставил к нему своего мужа Николая и послал его в Галич. Галицкие мужи с большой радостью встретили его, как своего князя и наследника, а королевича выгнали из своей земли.

Владимир сел на столе деда своего и отца своего, на Спасов день, и послал к дяде своему Всеволоду и молил его: «Отец и господин! Удержи Галич подо мной, а я—божий и твой со всем Галичем и всегда в твоей воле». Всеволод Суздальский послал ко всем князьям и к королю, и к Ляхам, и привел их ко кресту—никогда не искать Галича под его племянником[223].

[*Третий крестовый поход*][224]

В тот же год пошел царь Немецкий со всей своей землей биться за гроб господень: явился ему ангел господень, приказывая ему итти. Они пришли и сильно бились с богопротивными Агарянами. Так бог попустил гнев свой на весь мир, потому что наполнилась враждою нашей вся земля, и вот он навел всех их на нас ради наших грехов... и отдал святыни свои иноплеменникам.

Эти Немцы, словно мученики, пролили кровь свою за Христа со своими царями. Этим бог наш показал знамения: если кто их них был убит в бою иноплеменниками, то спустя три дня их тела невидимо брал из гробов ангел; остальные, видя это, стремились пострадать за Христа...

[*Смерть Святослава Всеволодича*]

В лето 6702. Святослав созвал братьев своих в Карачев, Ярослава, Игоря и Всеволода, и начал с ними думать, желая итти против Рязанских князей (были у них речи о волости), и послали ко Всеволоду в Суздаль, прося у него [позволения] пойти на Рязань [225]. Всеволод не согласился сделать по их желанию; Святослав вернулся

из Карачева в Юрьев день и поехал на санях летом: у него сделалась какая-то опухоль на ноге; а [дальше] поехал по Десне на «насадах». Святослав пришел в Киев и поехал в пятницу в Вышгород поклониться святым мученикам, вошел в церковь, со слезами поцеловал гробницу, припал к отцовской гробнице и хотел по обычаю войти; поп отошел с ключом, Святослав не дождался его и уехал, недовольный в сердце, что не поклонился отцовскому гробу; в субботу поехал к святым мученикам в церковь св. Кирилла, отслужил последнюю службу; в воскресенье был праздник, но он не мог поехать с нового двора, а тут отпраздновал праздник святых мучеников. В понедельник пришла ему весть от сватов, которые шли взять внучку его Ефимию Глебовну за царевича. Святослав послал им навстречу мужей Киевских.

У него все больше оскудевали силы и костенел язык; он проснулся и сказал своей княгине: «Когда будет [день] святых Маккавеев?» Она отвечала: «В понедельник». Князь сказал: «Ох, не дождусь я того!» Его отец Всеволод умер в день Маккавеев. Княгиня подумала, что он видел какой-то сон, и стала его спрашивать; но он ей ничего не ответил... и велел постричь себя в монахи; послал за своим сватом Рюриком и умер, в июле месяце[226]; похоронили его в отцовском монастыре св. Кирилла.

[*Рюрик Ростиславич садится в Киеве*]

Приехал Рюрик в Киев, и вышли навстречу ему с крестами митрополит, игумены все и Киевляне все от мала до велика с большой радостью. Рюрик вошел в св. Софию, поклонился Спасу и Богородице и сел на столе деда своего и отца своего с большой славой и честью. Вся Русская земля обрадовалась княжению Рюрика,—Киевляне, христиане и язычники,—потому что он всех принимал с любовью— и христиан и язычников, и никого не отгонял.

[*Рюрик пирует и рядится с братом своим Давыдом Смоленским*][227]

В лето 6703. Послал Рюрик к брату своему Давыду в Смоленск сказать так: «Вот, брат, мы остались старше всех в Русской земле, приезжай ко мне в Киев, и что будет думы о Русской земле и о братьях своих, о Владимирове племени, обо всем договоримся и сами в здоровьи повидаемся».

Пошел Давыд из Смоленска на ладьях со Смольнянами и пришел в Вышгород в среду на русальной неделе. Позвал его Рюрик на обед. Давыд приехал к Рюрику на обед, прибыли они в любви и весельи, дали ему большие подарки и отпустили его.

Оттуда позвал его к себе на обед племянник его Ростислав Рюрикович в Белгород; там они побыли в любви и весельи. Ростислав дал ему большие подарки и отпустил его. Давыд позвал к себе на обед брата своего, великого князя Рюрика, и его детей; они пробыли в любви и весельи; одарил Давыд брата своего большими подарками и отпустил его. Потом позвал Давыд все монастыри на обед, был рад

им и роздал большую милостыню им и нищим и отпустил их. Потом позвал Давыд всех Черных Клобуков на обед, и напились у него все Черные Клобуки, одарил их дарами многими и отпустил их. Киевляне начали звать Давыда на обед, оказали ему честь великую и дали дары большие. Давыд позвал к себе Киевлян на обед, пробыл с ними в весельи и любви и отпустил их.

С братом своим Рюриком договорился о всех делах, о Русской земле и о Владимировом племени, и пошел в свой Смоленск...

[*Всеволод Суздальский требует себе пять городов в Русской земле*]

В тот же год прислал Всеволод, князь Суздальский, послов своих к свату своему Рюрику сказать ему так: «Вы назвали меня старшим в своем племени, Владимировом, а вот теперь ты сел в Киеве и не дал мне части в Русской земле, а роздал другим, младшим братьям своим; даже мне в ней части нет; так вот тебе Киев и Русская земля, а кому ты в ней часть дал, с тем ее оберегай и храни, и посмотрю я, как с ними удержишь, а мне не надобно[228].

А услыхал Рюрик от послов Всеволодовых, что жалуется на него за волость, что дал он лучшую волость своему зятю Роману Мстиславичу. Рюрик начал думать с мужами своими, как бы дать Всеволоду волости, которые он у него просил. А Всеволод у него просил Торческа, Триполя, Корсуня, Богуславля, Канева; он их отдал зятю своему Роману и крест к нему поцеловал—никому из-под него их не отдавать.

Рюрик хотел соблюсти крестное целование, не хотел дать под Романом волости, крепко стоял за нее, а давал ему другую волость; [Всеволод] пренебрегал, а хотел волости под Романом, которые просил.

Были между ними распри великие и разговоры, и хотели воевать между собою.

[*Рюрик уступает Всеволоду Романовы волости*]

Рюрик призвал митрополита Никифора и рассказал ему, что из-за крестного целования к Роману поднимается война со Всеволодом. Митрополит сказал Рюрику: «Князь, мы поставлены от бога в Русской земле удерживать вас от кровопролития, чтобы не проливать христианской крови в Русской земле: если ты по ошибке дал волость младшему перед старшим и крест к нему целовал, то я снимаю с тебя крестное целование и беру на себя; ты послушай меня: возьми волость у зятя своего и отдай ее старшему, а Роману вместо той дай другую».

Рюрик послал Роману сказать, что «просит Всеволод под тобою волости и сердится на меня из-за тебя». Роман послал Рюрику: «Отец! Не из-за меня ли тебе не жить в согласии со сватом своим, а дай мне любую волость другую вместо этой, или дай деньгами за нее, сколько бы она стоила».

Рюрик сдумал с братьями и мужами своими и послал сказать Всеволоду: «Ты, брат, сердился на меня за волость, а вот тебе волость, которую ты просил». И дал Рюрик Всеволоду пять городов: Торческ, Корсунь, Богуславль, Триполь и Канев, и утвердились в мире крестным целованием. Всеволод отдал Торческ зятю своему Ростиславу Рюриковичу, а в остальные города послал своих посадников.

[*Роман Мстиславич затевает «котору» с тестем своим Рюриком из-за волости*]

Услыхал Роман, что Всеволод взял волость под ним у Рюрика, а Торческ отдал назад шурину его под ним. Роман начал посылать тестю своему, сердясь за волость, думая, что [Рюрик] сговорился со Всеволодом отнять у него волость ради своего сына, начал в этом обвинять своего тестя и напоминать ему о крестном целовании. Рюрик сказал ему: «Я прежде всех дал тебе эту волость, но Всеволод прислал ко мне, сердясь за тебя, что я не учинил ему чести; я прежде поведал тебе все его слова; ты сам по своей воле отказался от нее, и нам угодно было отдать ему: нам нельзя обойтись без Всеволода, потому все братья возложили на нем старейшинство во Владимировом племени[229], а ты мне сын родной, а вот тебе другая волость, той равная».

Роман пренебрег той волостью, старался обвинить своего тестя, не желал с ним мира, думал со своими мужами и послал к Ольговичам к Ярославу Всеволодичу в Чернигов; поцеловал с ним крест, призывая его в Киев на тестя своего.

[*Рюрик обращается за помощью к свату своему Всеволоду Суздальскому*]

Услышал Рюрик, что Роман перешел к Ольговичам и подговаривает их на Киев, начал Рюрик думать с братьями своими и мужами своими и послал к Всеволоду сказать ему так: «Вот Роман присоединился к Ольговичам и подговаривает их на Киев и на все Владимирово племя, а ты, брат, всех нас старше во Владимировом племени, ты думай, гадай о Русской земле, о своей чести и о нашей».

[*Приключения Романа Мстиславича у Ляхов*]

К Роману, зятю своему, послал [Рюрик] мужей своих объявить ему вину и бросить крестные грамоты. Роман побоялся своего тестя за то, что тот бросил ему крестные грамоты, и поехал за помощью к Казимировичам[230].

Сказали ему Казимировичи: «Мы бы рады тебе помочь, но обижает нас дядя родной Мешко, ищет волостей из-под нас; ты прежде защити нас, чтобы мы, Ляхи, были не в ссоре, а за одним щитом были с тобою и отплатили за твои обиды». Роману понравился их совет, он послушал и поехал против Мешка вместе с племянниками его Казимировичами; он сдумал с мужами своими и сказал: «Если подчиню этих, а бог мне против них поможет, тогда, собрав всех вместе, удовлетворю с ними честь свою и приобрету [исполню] желание сердца своего».

Так он подумал и поехал биться против Мешка. Мешко выслал ему напротив и не хотел с ним биться, но просил Романа примирить его с племянниками. Роман не послушал его и своих мужей, и дали ему полк; сошлись Ляхи с Русскими, и смяли Ляхи Русских, победил Мешко Романа, побил в полку его много Русских и своих Ляхов, а сам ушел к Казимировичам в город.

Оттуда взяла Романа дружина его и отнесла к Владимиру[231].

[*Роман Мстиславич мирится с тестем своим Рюриком*]

Оттуда [Роман] послал посла к Рюрику, тестю своему, кланяясь ему, и молил его, складывая на себя всю вину; к митрополиту Никифору послал, прося его молить и упрашивать за всю свою вину, чтобы [тесть] принял его к себе и простил его.

Никифор, митрополит Киевский, просил Рюрика за Романа. Рюрик послушал митрополита и простил его, не желая кровопролития...

[*Переговоры князей Владимирова племени с Ольговичами о Киеве и Смоленске*]

В ту осень сослались между собою Рюрик со сватом своим Всеволодом и с братом своим Давыдом и послали мужей своих к Ярославу и ко всем Ольговичам сказать ему: «Целуй к нам крест со всеми своими братьями—не искать вам отчины нашей, Киева и Смоленска, ни под нами, ни под нашими детьми, ни под всем нашим Владимировым племенем[232], как нас разделил дед наш Ярослав[233] по Днепру, а Киева вам—не надобно». Ольговичи подумали, пожалели себя и сказали Всеволоду: «Если ты нам вменил [счел] Киев, то мы его под тобою храним и под сватом твоим Рюриком на том же стоим, но если ты велишь нам навсегда его потерять, то мы—не Угры и не Ляхи, а одного деда—внуки; при вашей жизни не ищем, а после вас, кому бог даст»[234].

И была между ними большая распря, большие речи, и не поладили они.

Всеволод, желая защитить все Владимирово племя, хотел пойти на них в ту же зиму. Ольговичи испугались и послали мужей своих и игумена Дионисия, кланяясь ему и во всем подчиняясь ему. Он поверил им и слез с коня...

[*Землетрясение в Киевской земле*]

В ту же зиму на Федорову неделю во вторник в девять часов тряслась земля во всей области Киевской, и в Киеве церкви каменные и деревянные качались; все люди, видя это, от страха не могли стоять; одни падали на землю, другие тряслись. Сказали ближайшие игумены: «Бог проявил себя, показал силу свою за грехи наши, чтобы мы оставили дурной путь наш». Другие же говорили друг другу: «Эти знаменья бывают не на добро, но на гибель многих,

на кровопролитие и на большие волнения в Русской земле», что и сбылось...

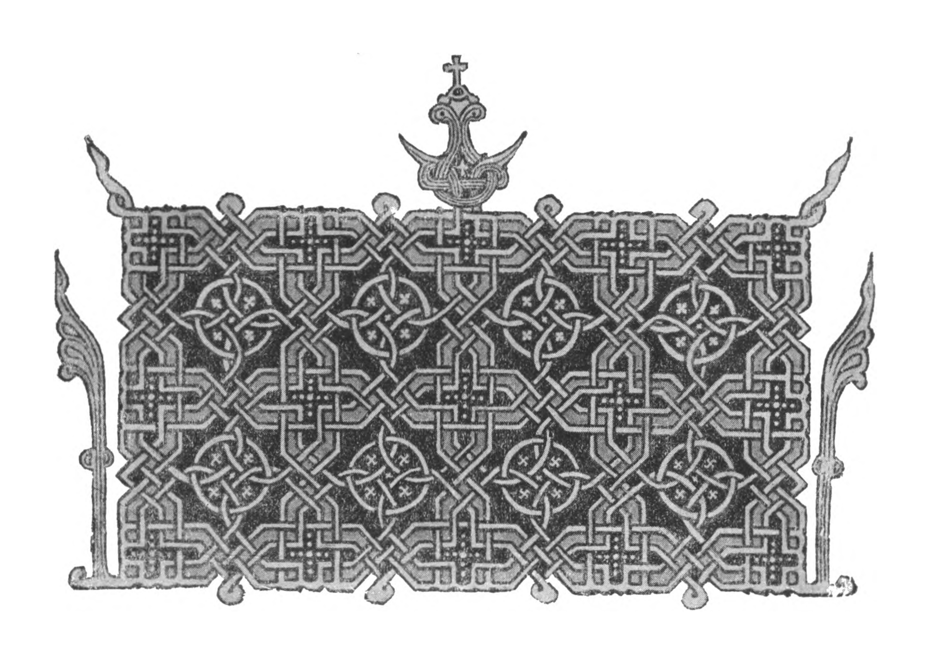
[Великий князь Рюрик Ростиславич строит каменную стену около Михайловского Выдубицкого монастыря][235]

В лето 6607...

В то же время... вдохнул бог мысль благую в приятное богу сердце великому князю Рюрику, названному Василию[236], сыну Ростислава...; месяца июля в день памяти сорока пяти мучеников Никопольских, в субботу, он заложил стену каменную около церкви Михаила у Днепра на Выдобочи.

Они (прежние князья) не решались много думать о древнем или взяться за дело: сто одиннадцать лет прошло с тех пор, как была построена церковь[237], и во столько лет много самодержцев[238] приходило и держало стол Киевского княжения: от того благочестивого Всеволода, который построил церковь эту, четыре поколения, и ни одно из них не наследовало любви его к месту тому; этот умудренный богом Рюрик был пятым от него, как написано о праведном Иове от Авраама: Всеволод родил Владимира, Владимир—Мстислава, Мстислав—Ростислава, Ростислав—Рюрика и братьев его...

В лето 6708. Закончили стену эту, месяца сентября в двадцать четвертый день... В этот день приехал в монастырь великий князь Рюрик кир[239] Василий с... княгинею и сыновьями, Ростиславом и Владимиром, и дочерью Передславою и со снохою Ростиславлею, поставил кутью у св. Михаила и принес молитву о принятии труда... учинил пир большой и поставил трапезу и накормил игуменов со всеми монахами и весь чин церковный и одарил их от первых и до последних, не только там бывших, но и пришедших...



ГАЛИЦКО-ВОЛЫНСКАЯ ЛЕТОПИСЬ[1]

В лето 6709. *Начало княжения[2] великого князя Романа, державшего всю Русскую землю, князя галицкого[3].*

После смерти великого князя Романа, всегда памятного самодержца всей Руси... победил он все языческие народы[4] мудростью ума, ходил по заповедям божиим; устремлялся он на поганых, словно лев[5], был сердит, словно рысь, губил, словно крокодил, проходил землю их, словно орел, был храбр, словно тур, подражал деду своему Мономаху, погубившему поганых Измаильтян[6], называемых Половцами[7]. Когда Владимир Мономах пил золотым шлемом Дон, захватил всю землю их и прогнал проклятых Агарян, он изгнал Отрока к Обезам[8] за Железные ворота, а Сырчан, питаясь рыбой, остался у Дона. По смерти Владимира [Мономаха] остался у Сырчана один музыкант Ореви; послал его Сырчан к Обезам сказать [Отроку]: «Владимир умер, воротись, брат, ступай в свою землю; расскажи ему мои слова, спой ему песни Половецкие; если не захочет [вернуться], дай ему понюхать траву по имени «емшан». Когда тот не захотел ни вернуться, ни слушать, [Ореви] дал ему траву. Он понюхал, заплакал и сказал: «Лучше мне на своей земле костьми лечь, чем на чужой земле славу получить». Пришел он в свою землю, а от него родился Кончак, который разгромил Сулу, пешком ходя, котел нося на плече. Роман князь подражал ему в том и старался погубить иноплеменников.

Когда в Русской земле поднялась великая смута, он оставил двух сыновей: одного четырех лет, а другого—двух лет[9].

[*Рюрик Ростиславич терпит неудачу у Галича*]

В лето 6710. Рюрик собрал много Половцев и Русских и пришел в Галич, сбросив с себя монашество, которое принял, боясь Романа.

Он пришел в Галич, встретили его бояре Галицкие и Владимирские у Микулина на реке Серете; бились они весь день около реки, многие были ранены, не стерпели и вернулись в Галич. Пришел Рюрик в Галич и ничего не добился.

[*Даниил Романович остается в Галиче под защитою Угорской «засады»*]

После смерти Романа король свиделся с невесткою своей в Саноке, принял Даниила, как любимого своего сына, оставил у него отряд для защиты: Мокия великого, очами слепого, Корочуна Волпта, сына его Витомира, Благиню и других Угров много; потому Галичане ничего не смели сделать, что было там и других Угров. Тогда же два князя Половецких, Сутович Котян[10] и Сомогур, наткнулись на пеших воинов,—убиты были кони под ними, и едва их не схватили.

Рюрик вернулся в Киев.

[*В Галицкой земле садятся Игоревичи; вдова Романа с детьми бежит во Владимир Волынский*]

Немного времени спустя привели кормильцев, которых выгнал князь Роман из-за измены: они были приверженцами Игоревичей[11]. Послушали их Галицкие бояре, послали за Игоревичами и посадили: в Галиче Владимира, а в Звенигороде Романа.

Княгиня, вдова Романа, взяла своих детей и бежала во Владимир. Князь Владимир Игоревич хотел истребить род Романов с помощью безбожных Галичан. По совету Галицких бояр[12], послал Владимир попа к Владимирцам сказать им: «Не уцелеет ваш город, если не выдадите мне Романовичей, если не примете брата моего Святослава княжить во Владимире». Владимирцы хотели убить попа, но Мстибог, Мончук и Никифор сказали: «Нельзя нам убить посла»; у них был обман в сердце: они хотели предать господ своих и город. Поп был спасен ими.

На другой день узнала княгиня, учинила совет с кормильцем Мирославом и ночью убежала к Ляхам. Даниила взял кормилец и прежде вышел из города, Васильку же взял поп Юрий с кормилицей; вышли в городскую дыру, не зная, куда им бежать: Роман был убит у Ляхов, а Лешко[13] мира не учинил, но бог помог: Лешко не помнил зла, с большой честью принял невестку и детей ея, пожалел их и сказал: «Словно дьявол учинил это зло между нами». Владислав[14] чинил обман между ними и завидовал любви его.

[*Романовичей привечают Угры и Ляхи*]

В лето 6711. Лешко послал Даниила к Уграм и с ним своего посла Вячеслава Лысого сказать королю[15]: «Я не помню ссоры с Романом, а тебе он был друг; мы клялись, если останутся живыми дети его, любовь к ним иметь; теперь они в изгнании; пойдем теперь, возьмем и отдадим им отечество (отчизну) их». Король послушался этих слов, пожалел о случившемся и оставил Даниила у себя, а Лешко у

себя—княгиню и Василька. Владимир много подарков послал королю и Лешку.

Спустя долгое время случилась ссора между братьями [Игоревичами] Владимиром и Романом. Роман поехал, взял Угров, бился с братом,—победил и взял Галич, а Владимир бежал в Путивль.

[*Ляхи захватывают Владимир*]

[Привел] Александр[16] Лешка и Конрада. Отворили им ворота Владимирцы, говоря: «Вот племянник Романов». Ляхи захватили в плен весь город. Александр стал просить Лешка об остатке горожан и о церкви Богородицы[17]. Не успели вырубить твердых дверей, как приехали Лешко и Конрад и перебили своих же Ляхов; так спасена была церковь и остаток людей. Жаловались Владимирцы, беря клятву и присягу их: «Если бы не был с ними родственник их Александр, то они не перешли бы Буга».

Святослава взяли в плен и увели к Ляхам. Александр сел во Владимире; тогда же захватили Владимира Пинского. Был Ингварь с Ляхами и Мстислав; потом сел Ингварь во Владимире; взял у него Лешко дочь... и пошел к Орельску.

[*Романовичи получают волости*]

Приехали Берестьяне к Лешку и просили Романову княгиню и детей (были они еще малы); [Лешко] дал им, пусть владеют ими; они встретили его с великой радостью, словно видя великого Романа.

Потом Александр сидел в Белзе, а Ингварь—во Владимире; бояре не любили Ингваря; Александр, по совету с Лешком, взял Владимир. Княгиня Романова послала Мирослава к Лешку сказать, что он [Александр] всю нашу землю и отчину держит, а сын мой—в одном Берестьи». Александр взял Угровеск, Верещин Столп, Комовь и дал Васильку Белз.

[*Мучитель Бенедикт Бор и мудрый книжник Тимофей из Киева*]

В лето 6713.

Король Андрей узнал про Галицкое беззаконие и смуту, послал Бенедикта с воинами, схватил Романа, мывшегося в бане, и отослал его к Уграм.

Был в Галиче премудрый книжник Тимофей [18], родом из города Киева, в виде притчи сказал он об этом мучителе Бенедикте, что в последние времена антихрист назовется тремя именами. Тимофей бегал от него, потому что он был мучитель боярам и горожанам, прелюбодействовал и осквернял жен, монахинь и попадей; действительно он был антихрист за гнусные дела свои.

[*Неудачный поход Мстислава на Бенедикта*]

В лето 6714. Привели Галичане Мстислава на Бенедикта; он пришел к Галичу и ни в чем не успел.

Илья Щепанович привел его на Галичину могилу, улыбнулся и сказал: «Князь! Вот ты уже посидел на Галичиной могиле, так ты и в Галиче покняжил»; посмеялся он над ним; Мстислав вернулся в Пересопницу.

После этого скажем о Галичине могиле и о начале Галича, каково его начало[19].

[*Владимир Игоревич возвращается в Галич*]

Роман убежал от Угров, и послали Галичане к брату его Владимиру сказать: «Согрешили мы перед вами, избавьте нас от этого мучителя Бенедикта». Они пошли войной, а Бенедикт бежал к Уграм; сел Владимир в Галиче, Роман—в Звенигороде, а Святослав—в Перемышле, сыну своему Изяславу отдал [Владимир] Теребовль, а сына Всеволода послал к Уграм к королю с подарками.

[*Даниил у Угорского короля*]

Даниил находился у Угров. Король Андрей, бояре Угорские и вся земля желали отдать дочь [короля] за князя Даниила, хотя они оба были детьми, потому что не было у короля сына...

[*Игоревичи избивают Галицких бояр. Кормилец Владислав приводит на Игоревичей Угров*]

В лето 6716. Учинили совет Игоревичи против бояр Галицких избить их; случайно были убиты Юрий Витович, Илья Щепанович и другие большие бояре; убито их всего пятьсот человек, а другие разбежались.

Кормилец Владислав, Судислав и Филипп бежали к Уграм, нашли Даниила в Угорской земле, совсем ребенка, и просили у короля Угорского: «Дай нам отчича Даниила в Галич, мы с ним отберем Галич от Игоревичей». Король с большою любовью послал воинов, большую силу, и великого дворецкого Пота, поручив ему воеводство над всеми воинами; имена воеводам с ним: первый—Петр Турович, второй—Банк, третий—Мика Бородатый, четвертый—Лотохарот, пятый—Мокьян, шестой—Тибрец, седьмой—Марцелл и много других, нельзя ни пересказать, ни написать.

[*Захват Галицкой земли у Игоревичей*][20]

Собрались все, и, прежде всего, пришли к городу Перемышлю. Владислав пришел к городу и сказал: «Братья! Что смущаетесь? Не они ли убили ваших отцов и ваших братьев, а другие ваше имущество ограбили, дочерей ваших отдали за ваших рабов, отчинами вашими завладели пришельцы из других стран; за тех ли хотите жизнь свою отдать?» Они опечалились о том, что было, и сдали город. Князя их Святослава захватили в плен.

Оттуда они пришли к Звенигороду. Звенигородцы сильно бились с ними и не подпускали их ни к городу, ни к воротам острога; они же стояли вокруг города.

Василько княжил в Белзе, и пришли от него великий Вячеслав Толстый, Мирослав, Демьян, Вратислав и много других бояр и воинов из Белза, а от Лешка из Ляхов Судислав Бернатович с большим числом Полян, из Пересопницы пришел Мстислав Немой[21] со многими воинами, Александр с братом из Владимира со многими воинами, Ингварь послал сына своего из Луцка и Дорогобужа со многими воинами.

А к Роману приехали Половцы на помощь, и с ними Изяслав Владимирович... Там Марцелл потерял свое знамя, Русские захватили его, и был Марцеллу великий позор, и вернулись в свои «колымаги», т. е. стан.

Роман вышел из города, прося помощи у Русских князей; когда он был в Шумске на Мосце, то схвачен был Зернком и Чухомой и привезен в стан к князю Даниилу, ко всем князьям и воеводам Угорским; те послали сказать горожанам: «Сдайтесь; ваш князь схвачен». Они не верили, пока не получили вести, тогда сдались Звенигородцы.

Оттуда они пошли к Галичу; Владимир бежал из Галича и сын его Изяслав, и гнались за ним до Незды. Изяслав бился у Незды реки, и отняли у него коня с поклажей. Потом вернулись в Галич.

[*Даниила сажают на Галицком столе*]

Тогда приехала княгиня великая Романова повидать сына своего родного Даниила. Тогда бояре Владимирские и Галицкие, Вячеслав Владимирский и воеводы Угорские посадили князя Даниила на столе отца своего, великого князя Романа, в церкви Богородицы.

Король Андрей не забыл своей прежней любви, которую имел к брату, великому князю Роману, послал воинов своих и посадил сына своего в Галиче. Захваченных прежних князей, Романа, Святослава, Ростислава, Угры хотели отвести к королю. Галичане просили повесить их, чтобы отомстить, Угров упросили подарками; те отдали их на повешение, в сентябре месяце.

[*Изгнание матери Даниила из Галича*]

Даниил княжил в Галиче таким маленьким, что и матери своей не узнавал; спустя некоторое время Галичане выгнали Даниилову мать из Галича. Даниил не хотел покинуть своей матери и плакал о ней, будучи очень мал. Приехал Александр, тиун Шумавинский, и взял его за повод; он же извлек меч и ударил его и убил его коня; мать взяла меч из руки и упросила его. Оставила в Галиче, а сама ушла в Белз. Оставила его у неверных Галичан, по совету Владислава: хотела сама княжить. Узнал король об ее изгнании и пожалел.

[*Боярин Судислав, княживший в Галиче, захвачен Уграми*]

В лето 6617. Пришел король в Галич и привел невестку свою, великую княгиню Романову, пришли бояре Владимирские, пришел из Луцка Ингварь и другие князья; [король] учинил совет с невесткой своей и боярами Владимирскими и сказал: «Владислав княжит, а

невестку мою выгнали». Схвачены были Владислав, Судислав и Филипп, и мучили их; отдав много добра, Судислав обменялся на золото, т. е. отдал много золота и получил свободу, а Владислава в оковах увели кУграм.

Яволод и Ярополк, брат его, бежали в Пересопницу к Мстиславу и подняли Мстислава; пришел Мстислав с ними к Бужску. Глеб Паткович убежал из Бужска.

Иванко Станиславич и брат его Збыслав прибежали в Галич, говоря о войне и измене Галичан.

Княгиня Романова со своим сыном Даниилом и Вячеславом Толстым бежали к Уграм, а Василько с Мирославом поехали в Белз.

Спустя некоторое время король начал большую войну.

[*Лешко Ляшский отнимает Белз у Василька Романовича*]

В лето 6718. Пришел Лешко к Белзу, по уговору Александра, который хотел зла Романовичам. [Лешко] взял Белз и отдал его Александру, но бояре не изменили, но ушли все с князем Васильком в Каменец.

[*Владислав садится в Галиче княжить вместо Мстислава*]

Король отпустил Владислава и, собрав много воинов, пошел на Галич[22]. Когда он остановился в монастыре Лелесове[23], изменники бояре хотели убить его; а убили жену его[24], а шурин его едва убежал, патриарх Аквилейский[25] и многие немцы были убиты. Когда король вернулся, многие были убиты, а другие разбежались; при мятеже король не мог учинить войны из-за их беззакония.

Владислав поехал вперед со всеми Галичанами. Мстислав увидал большое войско королевское и убежал из Галича. Владислав въехал в Галич и вокняжился, сел на столе.

Даниил с матерью ушел к Ляхам, отпросившись от короля. Лешко принял Даниила с великою честью; оттуда пошел Даниил в Каменец с матерью своей; брат его Василько и все бояре встретили его с великой радостью.

[*Борьба с Владиславом, боярином галицким, и его смерть*]

В лето 6719. Княжил в Киеве Всеволод Святославич[26], очень любивший детей Романа. Потом Мстислав Пересопницкий... пошел на Галич. Лешко взял Даниила из Каменца, Александра из Владимира, а Всеволода из Белза, каждого из них со своими воинами; воины у Даниила были больше и сильнее, потому что все великие бояре его отца были у него. Лешко увидал это и возымел великую любовь к князю Даниилу и брату его Васильку.

Ярополк и Явольд затворились в Галиче, а Владислав вышел с Уграми и Чехами своими, соединился с Галичанами и пришел на реку Боброку. Узнал Лешко и послал против него Ляхов, а от Даниила—

Мирослава и Демьяна, а от Мстислава—Глеба Зеремеевича и Юрия Прокопьича.

Была жестокая битва; одолели Ляхи и Русские. Даниил был совсем еще маленьким, хотя мог ездить на коне; Владислав во время бегства убил много его воинов. Лешко не мог взять Галича, но пошел и воевал около Теребовля, Моклекова и Збаража. Быковен был взят Ляхами и Русскими, захвачено много пленных, и вернулись [домой] к Ляхам.

Потом Даниил и Василько с Лешковой помощью взяли от Александра Тихомль и Перемиль и княжили в нем с матерью, а на Владимир смотрели: «Так или иначе, а Владимир будет наш с божьей помощью».

Потом король пошел на Лешка, а Даниил в то время был у Лешка. Лешко послал посла своего Лестича и воеводу Пакослава сказать: «Не подобает боярину княжить в Галиче: возьми дочь мою за сына своего Коломана и посади его в Галиче». Королю понравился совет Пакослава, он встретился с Лешком в Зпиши[27] и взял его дочь за своего сына. Он послал и захватил Владислава в Галиче, заключил его в тюрьму; в этом заключении тот и умер. Он причинил большое зло своему роду и своим детям; все князья не оказали милости его детям ради этого[28].

[*Лешко сажает Романовичей во Владимире*]

Король посадил сына своего в Галиче, а Лешку дал Перемышль, а Пакославу—Любачев. Пакослав был сторонником княгини Романовой и ее детей. По совету Пакослава, Лешко послал сказать Александру: «Отдай Владимир Романовичам, Даниилу и Васильку; если не отдашь, пойду на тебя с Романовичами». Он не дал. Лешко посадил Романовичей во Владимире.

[*В Галиче садится князь Мстислав Новгородский*]

В лето 6720. Король отнял Перемышль и Любачев у Лешка. Лешко опечалился за свой позор и послал в Новгород за Мстиславом сказать: «Ты мне—брат; ступай и садись в Галиче». Мстислав, по совету Лешка, пошел в Галич. Все Галичане и Судислав послали за Даниилом. Даниил не успел приехать, а Бенедикт Лысый бежал с Судиславом к Уграм.

Мстислав сел в Галиче.

[*Дети Даниила*]

В лето 6721. Взял у него Даниил дочь именем Анну, и родились от нее сыновья и дочери; первенец был у него Ираклий; после него Лев, потом Роман, Мстислав и Шварн и другие, умершие молодыми.

[*Даниил отнимает Украину у Лешка; Лешко неудачно воюет с Даниилом*]

Спустя некоторое время поехал Даниил ко Мстиславу в Галич говорил против Лешка: «Он держит мою отчину». Тот отвечал:

«Сын, за прежнюю любовь не могу на него пойти; поищи себе других».

Даниил вернулся домой, поехал с братом, захватил Берестье, Угровеск, Верещин, Столп, Комов и всю Украину.

Лешко сильно разгневался на Даниила. Наступила весна; поехали Ляхи воевать и вели войну на Буге. Даниил послал против них Гаврила Душиловича, Семена Олуевича, Василька Гавриловича, и бились до Сухой Дорогвы, взяли пленников и вернулись во Владимир со славой великой.

Тогда же был убит Клим Хрестинич, один из всех его воинов; его крест и доныне стоит на Сухой Дорогве. Избили много Ляхов и гнались за ними до реки Вепра.

[*Угры и Ляхи идут на Мстислава Галицкого*]

Лешко подумал, что Даниил захватил Берестье по совету Мстислава, и послал [сказать] королю: «Не хочу я части в Галиче, но отдай его моему зятю». Король послал много воинов и Лешка, и пришли они к Перемышлю. Роман, который держал тогда тысячу в Перемышле, побежал перед ними.

Мстислав был [на «снеме»] со всеми князьями Русскими и Черниговскими и потому послал Дмитрия, Мирослава и Михалка Глебовича против них к Городку; Городок отложился: были в нем люди Судислава, когда Дмитрий бился у города, пришли к нему Угры и Ляхи, и Дмитрий обратился в бегство; тогда и дьяк Василий, по прозванию Молза, был убит стрелою под городом. Михалка Скулу убили, загнавши на Ширецу, голову его отрубили, сняли три золотых цепи и принесли голову его к Коломану.

Мстислав стоял на Зубрьи. Дмитрий прибежал к нему. Мстислав не мог биться с Уграми и просил зятя своего Даниила и Александра запереться в Галиче. Даниил заперся в Галиче, а Александр не решился.

Тогда великая княгиня Романова постриглась в монахини.

Потом пришло войско Коломана к городу [Галичу]. Большой бой был на Кровавом броду; упал на них снег, и они не смогли устоять; Угры пошли за Рогожину против Мстислава и прогнали его из земли [Галицкой].

[*Отступление Даниила из Галича*][29]

Мстислав сказал Даниилу: «Выйди из города». Даниил с Дмитрием тысяцким, Глебом Зеремеевичем и Мирославом вышли из города, и когда они были против Толмача, догнал их изменник Владислав Витович; они набросились на него, обратили в бегство и коня у него отняли. Даниил, [хотя] и был молод, увидал, что Глеб Зеремеевич и Семьюн Коднинский мужественно едут, приехал к ним, ободряя их; другие же устремились в бегство. Бились целый тот день вплоть до ночи; в ту ночь Даниил и Глеб Зеремеевич повернули назад, захватили Янка (этот молодой показал свою храбрость) и бились всю ночь; на другой день догнал их Глеб Васильевич; обратился на него Даниил,

гнался за ними дальше поприща; он убежал от него благодаря скорости коня.

Когда Даниил возвращался и ехал один между ними, они не смели напасть на него, пока не приехали к нему Глеб Судилович, Гаврила Иворович и Перенежко.

Оттуда они пришли в Нутр и пошли в степь; наступил сильный голод; шел обоз к Плаву в канун св. Димитрия; они захватили обоз, наелись в изобилии и славили Богородицу и св. Димитрия за то, что они накормили их. Оттуда они пришли ниже Кучелемина, думая перейти реку Днестр. По божьей милости пришли лодки из Олешья; приехали они на них в Днестр и напитались рыбой и вином.

Оттуда приехал Даниил ко Мстиславу; тот учинил ему большую честь, дал большие подарки и своего коня резвого сивого и сказал ему: «Ступай, князь, во Владимир, а я пойду за Половцами мстить за свой позор».

Даниил вернулся во Владимир.

В лето 6722. Была тишина.

[*Литовские князья чинят мир с Романовичами*]

В лето 6723. По божьему повелению прислали князья Литовские к великой княгине Романовой, Даниилу и Васильку дать мир. Вот имена Литовских князей...

[Дальше перечень имен литовских князей.]

Все они дали мир князьям Даниилу и Васильку; земля от них была покойна. Ляхи не переставали причинять зло: [князья] привели на них Литву; она воевала среди Ляхов и много побила среди них.

В лето 6724. Не было ничего...

[*Даниил и Василько берут в полон Белзскую землю*]

В лето 6729. В ту же ночь было попленено около Белза и Червена, вся земля попленена была: боярин боярина пленил, смерд—смерда, горожанин—горожанина[30], не осталось ни одной деревни не плененной. Есть изречение, как говорит писание: «Не оставлю камня на камне». Эту ночь Белжане называют злой: эта ночь злую игру им сыграла; разорили их перед рассветом[31].

Мстислав сказал им: «Пожалейте брата Александра». Даниил отошел от Белза и вернулся во Владимир...

[*Основание города Холма*]

В лето 6731. Даниил построил город именем Холм; об основании его скажем в другом месте[32].

[*Нашествие Татар на Половцев*][33]

Пришло неслыханное войско; безбожные Моавитяне, называемые Татарами, пришли в землю Половецкую... Юрий Кончакович, главный из всех Половцев, не мог противостоять им и побежал; много

из них было побито до реки Днепра. Татары повернули и ушли в свои вежи.

Половцы прибежали в Русскую землю и говорили Русским князьям: «Если не поможете нам, то сегодня мы будем побиты, а на другой день—вы».

[*Совет Русских князей в Киеве*]

С наступлением дня все князья учинили совет в городе Киеве; тогда были: Мстислав Романович в Киеве, Мстислав в Козельске и Чернигове, а Мстислав Мстиславич—в Галиче[34]; они были старшими в Русской земле (Юрия, великого князя Суздальского[35], не было на том совете), и были младшие князья: Даниил Романович, Михаил Всеволодич, Всеволод Мстиславич Киевский и других много князей. Тогда же крестился великий князь Половецкий Бастий. Василька не было; он как молодой остался во Владимире.

[*Поход Русских князей против Татар*]

Они пошли оттуда в апреле месяце и пришли к реке Днепру, к острову Варяжскому, и приехала тут к ним вся земля Половецкая, приехали Черниговцы, Киевляне и Смольняне и все другие земли, вброд перешли Днепр, так что вода была покрыта множеством людей. Галичане и Волынцы каждые со своими князьями, а Куряне, Трубчане и Путивльцы каждые со своими князьями пришли на конях, а воины Галицкие спустились по Днестру и вошли в море (было их лодок тысяча), оттуда прошли в Днепр, поднялись до порогов и остановились на реке Хортице на броду у быстрины. Были с ними Юрий Домамирич и Держикрай Владиславич.

Пришли вести в стан, что [Татары] пришли посмотреть ладьи Русских; услыхал это Даниил Романович, сел на коня и поскакал посмотреть невиданное войско и бывшую с ними конницу, и многие другие князья поскакали с ним посмотреть невиданных воинов. Они (Татары) ушли. Юрий сказывал им: «Это—стрелки»; другие говорили: «Это—обыкновенные люди, хуже Половцев»; Юрий Домамирич сказал: «Это—воины и хорошие воины».

[*Русские князья через половецкие степи приходят к реке Калке*]

Юрий приехал и все рассказал Мстиславу. Молодые князья сказали: «Мстислав и другой Мстислав, не стойте, а пойдем против них». Перешли все князья, Мстислав и другой Мстислав Черниговский, через реку Днепр, пришли другие князья и вошли в степь Половецкую. Перешли Днепр, и в тот день встретили Татары русские полки. Стрелки русские победили их, далеко гнали в степь, избивая, и захватили их скот и со скотом убежали, так что все воины обогатились скотом.

Оттуда восемь дней шли до реки Калки. Встретили их сторожевые отряды Татарские, [Русские] сторожа бились с ними, и убиты были Иван Дмитриевич и другие двое с ним.

[*Битва при Калке. Храбрость Даниила Романовича*]

Татары объехали; на следующей реке, Калке, Татары встретили Половецкие и Русские полки. Мстислав Мстиславич велел перейти реку Калку—вперед Даниилу с полком, а другим полкам за ним; за ними переехал и сам; он поехал сам со сторожевым отрядом. Когда увидал он полк Татарский, приехал и сказал: «Вооружайтесь». Мстислав [Романович] и другой Мстислав сидели в стане и не знали; Мстислав не сказал им из-за зависти, потому что между ними была большая ссора.

Сразились полки друг с другом.

Даниил выехал вперед и Симьюн Олюевич и Василько Гаврилович и ударили в полки Татарские. Василько был ранен, сам Даниил был ранен в грудь, но по молодости и храбрости не почувствовал ран на теле; было ему восемнадцать лет, и был он очень силен. Даниил крепко бился, избивая Татар; увидал то Мстислав Немой, подумал, что Даниил ранен, и сам бросился на них (был он муж сильный), потому что он был родственником сыну Романа от рода Владимира, по прозвищу Мономаха[36]; он очень любил его отца; когда ему же поручил после смерти свою волость, отдал князю Даниилу.

Татары убегали, Даниил избивал их со своим полком, Олег Курский сильно бился, и иные полки сразились с ними.

[*Неслыханное поражение Русских князей от Татар*]

Из-за наших грехов были побеждены Русские полки. Даниил увидал, что надвигается сильнейшая брань, их стрелки сильно стреляют, повернул своего коня бежать; он побежал из-за напора противников, захотел пить; напившись, почувствовал у себя в теле рану; во время битвы не знал про нее из-за силы и мужества своего возраста; он был отважен и храбр, с головы до ног не было у него недостатков.

Была победа над всеми Русскими князьями, какой никогда не было прежде. Татары победили Русских князей за грехи христиан, пошли и дошли до Новгорода Святополческого. Русские, не зная их обмана, вышли навстречу им с крестами: они их всех перебили.

Бог, ожидая от христиан покаяния, повернул их назад на землю Восточную, они разорили землю Тангустскую[37] и другие страны; тогда же был убит хан их Чингис[38]. Их обманули и впоследствии хитростью погубили; они погубили и другие страны войной, а больше всего хитростью[39].

[*«Котора» между князем Мстиславом и Романовичами*]

В лето 6733. Александр все время имел вражду к своим братьям Романовичам: Даниилу и Васильку; он услыхал, что Мстислав не имеет любви к своему зятю князю Даниилу, обрадовался и подстрекал Мстислава воевать.

Мстислав вышел воевать и пришел на Лысую гору. Даниил поехал к Ляхам, позвал князя Лешка и выехал навстречу [Мстиславу].

Когда Мстислав послал помощь Александру и они встретились, то вогнали их войско в город Белз и едва не взяли самого города: а на другой день пошли против них. Мстислав не вытерпел и вернулся в Галич.

Князь Даниил разорил с Ляхами землю Галицкую около Любачева и взял в плен землю Белзскую и Червенскую вплоть до остальных, а князь Василько взял много добычи, стада, конские и кобыльи...

После этого привел Мстислав Котяна и много Половцев и Владимира Киевского[40], собираясь итти против Ляхов, по совету Александра. Александр никогда не переставал злоумышлять о брате своем, говоря: «Зять твой хочет убить тебя». Разбирательство было около его шатра. Сам Александр не осмелился приехать, а послал своего посла Яня; Когда Мстислав сказал: «Твоя была речь, Янь, что Даниил во второй раз ссорит меня с Ляхами», все князья узнали клевету Александра и ложь Яня: все князья сказали: «Возьми всю волость его за позор свой». Он же, любя брата, не взял волости, и все хвалили его [за это].

Мстислав с любовью принял зятя своего, почтил его большими дарами и дал ему своего коня быстрого Актаза, какого не было в те годы, и дочь свою Анну одарил большими дарами. Он свиделся с братьями в Перемили, и учинили мир.

[*Клевета боярина Жирослава на князя галицкого Мстислава*]

В лето 6734, обманщик Жирослав сказал боярам Галицким, что идет Мстислав в степь и хочет предать вас тестю Котяну на резню. Мстислав же был в этом прав и ничего не знал о них. Они поверили, ушли в землю Перемышльскую, в горы Кавокасские, т. е. в Угорские[41], на реку Днестр, и послали своих послов сказать: «Вот что Жирослав сказал нам»; Мстислав послал своего отца [духовного] Тимофея сказать: «Напрасно оклеветал меня к вам Жирослав». Тимофей клялся им о том, что Мстислав ничего не знает об этом, и привел всех бояр к нему.

Князь обличил Жирослава и выгнал его от себя, как бог прогнал от себя Каина... Так и Жирослав раскрыл уста свои на господина своего; пусть не будет ему пристанища во всех землях Русских и Угорских и ни в каких [других] странах; пусть он ходит, блуждая по странам; пусть желает он пищи, вина и елея, но пусть будет ему мало, пусть его двор будет пуст, а в селе его не будет живущего[42].

[*«Похвала» лукавству Жирослава*][43]

Этот хитрый обманщик назовется всех лживее, ложь пламенеющая, знаменитый отцом добрым, нищета мешала злобе его, ложью питался язык его, мудростью положил он веру в ложь, украшался обманом больше венца, самозванец, потому что обольщал не только

чужих, но и своих, кого любил, ложь ради добыч. Ради этого он очень желал быть у Изяслава.

Но мы вернемся к прежнему.

[*Война Мстислава Галицкого с угорским королем и мир*]

Мстислав, по совету лукавых бояр Галицких, отдал свою младшую дочь за королевича Андрея и дал ему Перемышль. Андрей послушал лукавого Семиона Чермного, бежал к Уграм и начал готовить войну. Была зима; он пришел к Перемышлю. Тогда держал тысячу Юрий, он отдал Перемышль, а сам бежал ко Мстиславу. Король остановился в Звенигороде и послал воинов своих к Галичу, а сам не посмел ехать туда, потому что сказали ему волхвы Угорские[44], если он увидит Галич, не быть ему в живых; потому он и не осмелился ехать в Галич, что верил волхвам. Днестр высоко поднялся, и нельзя было его перейти.

Мстислав выехал напротив со своими полками, посмотрели они друг на друга, и поехали Угры в свой лагерь; с королем был Пакослав вместе с Ляхами. Оттуда пошел король к Теребовлю и взял Теребовль, пошел к Тихомлю и взял Тихомль, оттуда пришел к Кременцу; бились под Кременцом и много Угров убили и ранили.

Тогда же Мстислав послал Судислава к зятю своему князю Даниилу сказать: «Не отступай от меня». Тот отвечал: «Держу правду в сердце своем».

Оттуда приехал король к Звенигороду. Мстислав выехал из Галича. Угры выступили против него из королевского стана. Мстислав бился с ними, победил их и гнался за ними до королевского стана, избивая их. Тогда же убили Мартиниша, воеводу королевского; король пришел в смятение и быстро ушел из земли.

Даниил с братом Васильком пришли ко Мстиславу в Городок и Глеб вместе с ним и сказали они: «Иди, князь, на короля: по Лохти ходит». Судислав же мешал ему; у него был обман в сердце его: он не желал гибели королю, а возлагал на него большую надежду.

Король был обессилен; Лешко в это время шел [к нему] на помощь. Даниил мешал помогать королю, а он еще больше желал; Даниил и Василько послали людей своих к Бугу и не позволили ему прийти. Он, возвратившись оттуда, прошел в свою землю; обессилел он, ходив воевать.

Король Угорский пошел к себе домой; тогда догнал его Изяслав с лукавым Жирославом и пошли с ним к Уграм.

Потом Судислав начал обманывать Мстислава, говоря ему: «Князь, отдай свою обрученную дочь за королевича и дай ему Галич; сам ты не можешь держать, а бояре тебя не хотят». Он (Мстислав) не хотел отдать королевичу, а больше всего хотел отдать Даниилу. Глеб Зеремеевич и Судислав мешали ему отдать Даниилу; они сказали ему: «Если отдашь королевичу, то, когда захочешь, можешь взять у него; если отдашь Даниилу, то навек Галич будет не твоим». Галичане хотели Даниила и послали послов для переговоров. Мсти-

слав отдал Галич королевичу Андрею, а сам взял Понизье[45], а оттуда пошел к Торецку. Мстислав Немой отдал свою отчину князю Даниилу и сына своего поручил Ивана; Иван умер, и взял Луцк Ярослав, а Чарторийск и Пинск—Пиняне.

[*Романовичи захватывают Луцк*]

В лето 6735. Начнем рассказывать о бесчисленных ратях, великих скорбях, частых войнах, многих мятежах, частых восстаниях и многих смутах; с молодости не имел покоя от них.

Когда Ярослав сидел в Луцке, поехал Даниил в Жидичин помолиться и поклониться св. Николаю; позвал его Ярослав в Луцк, и сказали ему бояре его: «Возьми Луцк, захвати здесь их князя». Он отвечал: «Я приходил помолиться св. Николаю и не могу это сделать»[46]. Он вернулся во Владимир, а оттуда, собрав войско, послал против него Андрея, Вячеслава, Гаврила, Ивана. Когда [Ярослав] выехал, то был схвачен со своей женой; схвачен был Алексеем Орешком: под ним был быстрый конь, он погнался за ним и захватил князя перед городом. Лучане затворились [в городе]. На другой день пришли Даниил и Василько, и Лучане сдались. Брат отдал Васильку Луцк и Пересопницу, а Берестье он ему отдал раньше.

[*Набег ятвягов на Берестье*]

Разорили Ятвяги[47] около Берестья, и погнались за ними из Владимира. Наехало двое, Шутр Мондунич и Етегут Себрович, на полк: Шутр был убит Даниилом и Вячеславом, а Стегут—Шелвом. Когда Ятвяги бежали, погнался за ними Даниил, ранил Небра четырьмя ранами, но копейное древко выбило копье из его руки. Когда Василько гнался за ним, раздался громкий крик: «Твой брат бьется позади!» Он оставил и бросился брату на помощь. Этот убежал, а другие разбежались.

Мы же оставим это и вернемся к прежнему.

[*Романовичи захватывают Чарторийск*]

Даниил послал Демьяна к тестю своему сказать ему: «Не следует Пинянам держать Чарторийска; я не могу терпеть этого». Демьян передал эти слова. [Мстислав ответил]: «Сын, согрешил я, что не отдал тебе Галича, а отдал иноплеменнику, по совету изменника Судислава; обманул он меня; если бог захочет, пойдем на него; я заключу союз с Половцами, а ты [иди] со своими; если нам бог даст его, ты возьми Галич, а я [возьму] Понизье, бог тебе поможет, а о Чарторийске—ты прав». Демьян вернулся в великую субботу. На другой день, на Пасху, приехали Даниил и Василько к Чарторийску, в ночь на понедельник обложили город. Тогда и конь Даниилов был поражен стрелой из города. На другой день окружили город. Мирослав и Демьян сказали, что «предал Бог врагов наших в ваши руки». Даниил велел учинить приступ к городу. Взяли город, а князя их захватили в плен.

[*Смерть князя Мстислава Удалого*]

Потом умер Мстислав, великий удалой князь; он очень желал видеть сына своего Даниила. Глеб Зеремеевич, побуждаемый завистью, не допустил его; он хотел поручить ему опеку над своим домом и детьми: имел к нему (Даниилу) великую любовь в сердце своем.

Потом они отпустили [на свободу] Ярослава и дали ему Перемиль, а потом Межибожье...

[*Убийство Лешка Ляшского. Поход Романовичей против Владислава Старого*]

В лето 6737. Был убит великий князь Ляшский Лешко на сейме Святополком Ольговичем и Владиславом, по совету изменников бояр. После смерти своего брата Конрад[48] оказал Даниилу и Васильку великое расположение и просил их пойти к нему на помощь; они пошли к нему на помощь против Владислава Старого[49], сами пошли воевать, а в Берестьи оставили Владимира Пинского, Угровичан и Берестьян охранять землю от Ятвягов.

В это же время пошла войной на Ляхов Литва, считавшаяся мирной, и пришла к Берестью. Владимир сказал: «Хотя вы и считаетесь мирными, но для меня вы—не мирные», пошел против них, а также все Берестьяне, и побили их всех.

Даниил и Василько пришли к Конраду, учинили совет и пошли к Калишу; пришли к Вепру вечером. Утром на рассвете перешли реку Престу и пошли к городу. В ту ночь был сильный дождь; увидав, что некому оказывать сопротивление, они пустились разорять и брать в плен. Русские доехали до Милича и Старогорода и захватили несколько сел Владислава, захватили много пленников, вернулись и пришли в стан, раздумывая, как им итти к городу биться, а Ляхи не хотели биться.

[*Осада Калиша*][50]

На другой день Даниил и Василько взяли своих воинов и пошли к городу. Конрад любил, как бьются Русские, и принуждал своих Ляхов; они, тем не менее, не желали. Они оба пошли приступом к воротам Калишским, а Мирослава и другие полки послали в тыл города.

Весь город окружили ров с водой, сильная лозина и верба, и они сами не знали, где кто бился; когда одни уходили с боя, наступали другие, когда другие отступали, наступали первые; в тот день не взяли города, потому что не видали друг друга. С городских стен летел камень, словно сильный дождь; они стояли в воде, пока не стали как на суху на брошенных каменьях; подожгли подъемный мост и блок для подъема моста. Ляхи едва погасили городские ворота.

Даниил и Василько ходили около города, некоторые стрелки стреляли в город, и было ранено сто шестьдесят мужей, стоявших на городских стенах.

Станислав Микулич сказал: «Где мы стояли, там нет ни рва, ни высокого вала». Даниил сел на коня, сам поехал поглядеть город и увидал, что все так оно и есть. Даниил приехал к Конраду и сказал ему: «Если бы мы с самого начала разведали это место, то город был бы взят». Конрад просил их на другой день снова учинить приступ к городу.

На другой день Даниил и Василько послали людей своих; они стояли и расчищали леса около города, а горожане не осмеливались бросать камни на них и просили, чтобы Конрад прислал к ним Пакослава и Мьстиуя. Пакослав сказал Даниилу: «Перемени свои одежды и поезжай с нами». Даниил не хотел [ехать]. Сказал ему брат: «Иди, послушай их вече». Конрад не верил Мьстиую.

Даниил надел на себя шлем Пакослава и стал сзади него. Стояли мужи на стене и говорили им: «Так скажите великому князю Конраду: «Этот город не твой ли? Мы, мужи, лишились сил в этом городе; разве мы пришлецы из другого места—твои люди, а ваши братья; почему не пожалеете нас? Если нас полонит Русь, то какую славу получит Конрад? Если Русское знамя станет на городских стенах, то кому честь припишешь, не Романовичам ли, а свою честь умалишь; теперь брату твоему служим, а завтра твои будем; не дай славы Русским, не погуби этого города» и много слов говорили.

Пакослав сказал: «Конрад рад был учинить милость вам, да Даниил очень зол у нас: не хочет уходить, не взяв города»; он рассмеялся и сказал: «А вот он сам стоит; говорите с ним». Князь ударил его древком копья и снял с себя шлем. Они закричали из города: «Получи нашу покорность, молим тебя—учини мир». Он много смеялся и много разговаривал с ними, взял у них двух мужей и поехал к Конраду.

Конрад учинил с ними мир и взял у них заложников. Русские взяли в плен много челяди и бояр. Русские и Ляхи дали друг другу клятву: если после этого между ними будет усобица, не брать Ляхам Русской челяди, ни Русским—Ляшской[51].

Потом они вернулись от Конрада домой с честью... вошли со славой в землю свою: никакой другой князь не входил так далеко в Ляшскую землю, кроме Владимира Великого, который крестил землю [Русскую].

[*Василько едет в Суздаль на свадьбу*]

Спустя некоторое время поехал Василько в Суздаль на свадьбу шурина своего, к великому князю Юрию, взяв с собою Мирослава и других.

[*Даниил Романович захватывает Галич*]

Когда князь Даниил был в Угровске, прислали Галичане сказать: «Судислав ушел в Понизье, а королевич остался в Галиче; поезжай скорее». Даниил быстро собрал воинов, послал Демьяна против Судислава, а сам пошел с малой дружиной из Угровска в Галич; на третий день к ночи он был у Галича. Судислав не устоял

перед Демьяном и побежал к Галичу. Даниил приехал к Галичу, а Галич затворился. Даниил захватил двор Судислава; удивительно видеть, сколько там было вина, фруктов, еды, копий и стрел. Потом Даниил увидал, что его люди переполнены [добычей], не пожелал стоять у города, но пошел на другую сторону Днестра.

Судислав в ту же ночь вбежал в город; схвачены были люди из его войска и сказали, что Судислав уже в Галиче. Даниил стоял в Угольницах; выехали на берег Днепра Галичане и Угры и стреляли на льду; вечером поднялся лед, и на реке прибыла вода; зажег мост на Днестре беззаконный лихой Семенко, своими рыжими волосами похожий на лисицу.

Пришел Демьян со всеми боярами Галицкими, со Мстиславом, Владиславом и многими боярами Галицкими. Даниил веселился очень об этом, а о мосте печалился, как перейти Днестр. Поскакал Даниил к мосту и увидал, что конец моста погас, и была большая радость.

На другой день пришел Владимир Ингварович, перешли мост и остановились на берегу Днестра. Вставши на другой день, Даниил объехал город и, собрав войско Галицкое, стал с четырех сторон вокруг него (собрал от реки Боброки вплоть до Ушицы и Прута), окружил большими силами; они были обессилены и сдали город.

Даниил захватил город, вспомнил про любовь короля Андрея, отпустил его сына и проводил его до реки Днестра; ушел с ним один Судислав; на него бросали камнями, говоря: «Уходи из города, бунтовщик земли».

[*Поход Белы, короля угорского, против Даниила*]

Андрей пришел к отцу своему и брату, а Судислав непрерывно говорил: «Идите на Галич и захватите землю Русскую; если не пойдете, то войдут в силу против вас».

Вышел Бела, «рикс»[52], т. е. король, Угорский, с большой силой; он говорил: «Не может устоять город Галич, нет никого, кто избавил бы его от руки моей».

Когда он вошел в Угорские горы, послал бог против него архангела Михаила открыть небесные потоки[53]; кони тонули, сами [люди] взбегали на высокие места, а он, одинокий, быстро шел захватить город и землю.

Даниил молился богу, чтобы избавил его бог от руки сильных.

[Король] обступил город и послал посла; посол закричал громким голосом: «Слушайте слова великого короля Угорского: пусть не останавливает вас Демьян, говоря: «Землю освободит нам бог», пусть не надеется ваш Даниил на бога, говоря: «Не может сдаться этот город королю Угорскому»; сколько раз ходил я в чужие страны, кто может удержаться перед моей рукой и перед силою войск моих?»

Демьян, однако, был тверд, не побоялся его угроз, и бог был ему помощником. Даниил привел к себе Ляхов и Половцев Котяновых, а у короля были Половцы Беговарсовы.

[*Даниил удерживает Галич от угорского короля*]

Бог послал на него [короля] наказание Фараоново[54]; силы города росли, а силы Белы истощались; он пошел от города, оставив позади себя много воинов (вооруженных мечами) и конных. Горожане напали на них; многие из них попадали в реку, другие были побиты, третьи ранены, четвертые взяты в плен; как сказано в другом месте: «Сырт река злую игру сыграла с горожанами», так и Днестр сыграл злую игру с Települ Уграми[55].

Оттуда пошел король к Васильеву, перешел Днестр и пошел к Пруту...

Даниил, по божьей воле, удержал город свой Галич.

После этого расскажем про многие волнения, великие обманы и бесконечные войны.

[*«Крамола» галицких бояр против Романовичей*]

В лето 6738. Была «крамола» среди нечестивых бояр Галицких: они учинили заговор вместе с двоюродным братом Даниила князем Александром—убить его и предать его землю. Когда они сидели, думали и собирались убить, милостивый бог вложил в сердце Васильку выйти вон и обнажить в шутку свой меч на слугу королевского, а тому в шутку схватить щит; неверные Молибоговичи[56] увидали это, нашел на них страх, они сказали: «Разрушен наш замысел», и побежали, словно окаянный Святополк, а еще не знали [про это] князья Даниил и Василько.

Василько поехал во Владимир, а Филипп безбожный подвел князя Даниила в Вишню; вместе с его двоюродным братом Александром он учинил другой заговор—убить его. Когда Даниил приехал в Браневичеву отмель, примчался к нему посол от тысяцкого его Демьяна сказать ему: «Пиршество у тебя злом кончится, потому что решено твоим безбожным боярином Филиппом и двоюродным братом Александром убить тебя». Услыхав это, [Даниил] пошел обратно и держал стол своего отца.

Даниил вернулся по реке Днестру, а безбожные бояре отправились другим путем, не желая видеть его. Когда он приехал в Галич, он послал посла к брату своему князю Васильку: «Ступай против Александра». Александр убежал в Перемышль к своим советникам, а Василько захватил Белз. Он послал своего седельничего за изменниками Молибоговичами и за Волдрисом; Иван Михайлович схватил их двадцать восемь человек, но они не получили смерти, а приняли милость: когда князь веселился на пиру, один из тех нечестивых бояр залил ему лицо вином из чаши, а он это стерпел. Когда-нибудь бог накажет их за это.

[*Даниил выступает против изменников бояр*]

В лето 6739. Сам Даниил созвал вече; осталось у него восемнадцать отроков верных с Демьяном тысяцким его и сказал им: «Будете ли вы верны мне, чтобы пошел на врагов своих?» Они за-

кричали: «Верны мы богу и тебе, господину нашему; выходи с божьей помощью». Сотский Микула сказал: «Не раздавивши пчел, не есть меду». Помолился он Богородице и Михаилу архангелу и поспешил пойти с небольшим числом воинов; Мирослав пришел к нему с немногими отроками. Все изменники пришли к нему на помощь, притворяясь, что они верны [ему], и с ними учинил совет, а они были злы против него. Приехал Даниил к Перемышлю. Александр не выдержал и побежал. Во время этого бегства был убит Шелев, он был храбр и умер с большой честью; изменник же Владислав Юрьевич учинил с ними совет; гнались за ним до Санока и ворот Угорских. Александр ускользнул, оставив все свое добро.

Таким образом он пришел к Ограм, к Судиславу. Судислав был тогда у Угров.

[*Король угорский воюет с Романовичами*]

Судислав взялся за дело, пришел к королю Угорскому Андрею и поднял его. Пришел король Андрей с сыном Белою и другим сыном Андреем к Ярославлю. Боярин Давыд Вышатич от князя Даниила и Василий Гаврилович заперлись в Ярославле; Угры бились до захода солнца и были отбиты от города.

Вечером они собрали совет; Давыд испугался (его теща, жена кормильца Нездзила, была верна Судиславу, он ее называл матерью) и сказал ему: «Ты не можешь удержать этого города». Василько сказал ему: «Не погубим чести нашего князя, потому что войско не может захватить этого города», он был муж сильный и храбрый; Давыд не слушал его и хотел, несмотря на то, сдать город. Чаков, приехавший из Угорских полков, говорил ему: «Уже не могу взять вас, потому что сильно побиты». Василько сильно боролся за то, чтобы не сдать своего города; с страхом в сердце, но сам невредимый, он вышел [из города] со своими воинами.

Король захватил Ярославль и пошел к Галичу. Климята с Голых гор убежал от князя Даниила к королю, а за ним изменили и все бояре.

Оттуда король пошел к Владимиру. Когда он пришел к Владимиру, он удивился, сказав: «Такого города я не нашел и в Немецких странах». Так вооруженные воины стояли на нем, блестя щитами и оружием наподобие солнца. Мирослав, бывший в городе, когда-то храбрый, бог знает почему, пришел в смущение и учинил мир с королем без разрешения князя Даниила и брата его Василька.

Король, как договорился, отдал Белз и Червень Александру, а сына своего посадил в Галиче, по совету предателей Галичан. Мирослав отказался по договору передать Червень: ему было большое порицание от братьев за то, что он учинил мир с таким большим числом воинов.

Когда король стоял во Владимире, князь Даниил захватил много пленников, воюя около Бужска. Король вернулся [домой] к Уграм.

[*Поход Романовичей на угорского королевича*]

Владимир [Киевский] послал сказать Даниилу: «Идет против меня Михаил[57], помоги мне, брат». Даниил пришел учинить мир между ними. Даниил взял себе из Русской земли часть Торческа и отдал его назад детям Мстислава, своим шурьям; он сказал им: «За доброе дело вашего отца возьмите и держите город Торческ».

В то же время Андрей королевич двинул войско против Даниила и пришел к Белобережью.

Владислав поехал со сторожевым отрядом от Даниила из Киева; встретил войско в Белобережьи; бились они около реки Случи, гнали Угров до реки Деревное из леса Чортова.

В Киев пришла весть Владимиру и Даниилу от Владислава. Даниил сказал князю Владимиру: «Брат, знаю, что идут на нас обоих, пусти меня, зайду к ним сзади». Те, узнав, повернулись в Галич.

Даниил соединился с братом и догнал [королевича] у Шумска и вел разговор с ними около реки Вельи; с королевичем были Александр, Глеб Зеремеевич, другие князья Болоховские и много Угров. Даниил свиделся с королевичем около реки Вельи и сказал ему одно похвальное слово, которого бог не любит. На другой день Даниил перешел реку Велью у Шумска, поклонился богу и св. Симеону, изготовил к бою свои полки и пошел к Торчеву. Узнал Андрей королевич, тоже изготовил свои полки к бою и пошел против него, так сказать, на битву. Он шел по равнине, а Даниил и Василько съехали с высоких гор; некоторые не советовали сходить, раз стоят на горах. Даниил сказал: «В писании сказано: кто медлит на битву, у того робкая душа», и заставил их поскорее сойти вниз против них.

[*Бой с королевичем угорским*]

Василько пошел против Угров; Демьян тысяцкий шел и другие многие полки—с левой стороны; а Даниил шел со своим полком посредине. Велик был его полк, составлен из храбрых людей, снабжен блестящим оружием. Угры увидали и не захотели сражаться с ним, но направились против Демьяна и других полков.

Как соколы, налетели стрелки, и не стерпели люди, побили их и разграбили; Демьян сразился с Судиславом, а князь Даниил заехал им в тыл; врезались в них; Демьян думал, что все это враги; побежали перед ним. Даниил вонзил копье свое в воина; копье сломалось; он обнажил свой меч, посмотрел туда и сюда и увидал, что полк Василька стоит, хорошо бьется и гонит Угров. Он обнажил свой меч, поехал к брату на помощь, многих поразил, а другие погибли от его меча; съехался с Мирославом; увидя, что Угры собираются, поехали на них вдвоем; они не выдержали и побежали; другие наехали и стали сражаться, и тоже не выдержали; во время преследования они разъехались; потом он увидал брата доблестно борющегося, оконечник копья его окровавленным, а древко иссеченным ударами мечей.

В лето 6740. Глеб Зеремеевич, собрав Угров, приехал на полк Василька. Даниил приехал к ним и не увидал никого среди них воинов, а [только] отроки держали коней; они увидали его и хотели мечами зарубить его коня. Милостивый бог без раны спас его от воинов, только от конца острия шерсть была срезана на бедре его коня. Он приехал и принуждал своих [воинов] ехать против них.

Васильков полк гнал Угров до стана; подрубили стяг королевича; много других Угров бежало, пока не остановилось в Галиче.

Они стояли на горе, а эти—на равнине. Даниил и Василько заставили своих людей спуститься к ним. Бог так изволил за грехи: дружина Даниилова обратилась в бегство, но они [Угры] не посмели гнаться, и не было потерь в полках Данииловых, кроме пяти убитых.

На другой день Даниил собрался, но не знал о брате, где и с кем он. Королевич повернул в Галич, потому что был большой урон в его полках: много Угров бежало, пока не остановилось в Галиче.

Сильный бой был в тот день; из убитых много было Угров, а Данииловых бояр мало; их имена были: Ростислав Юрьевич, Моисей, Степан, брат его, Юрий Яневич.

Потом Даниил узнал, что его брат здоров и не перестает вести с ними бой...

Потом прислал Александр к братьям Даниилу и Васильку [сказать]: «Нехорошо мне быть без вас». Они с любовью приняли его... Даниил пошел с братом и Александром к Плеснеску и, придя, взял его под Арбузовичами, захватил много пленников и вернулся во Владимир.

[*Борьба угорского воеводы Дионисия с Даниилом*]

В лето 6741. Королевич и Судислав привели Дионисия [воеводу] против Даниила, Даниил поехал в Киев и привел Половцев и Изяслава [Мстиславича] против них; ходил он в церковь [для клятвы] с Изяславом и Владимиром; пришли против Дионисия. Изяслав учинил обман, велел разорять землю Даниилову, взял Тихомль и вернулся к себе. Остался с Даниилом Владимир и один Котян.

«Обман—зол, как пишет Гомер[58], он сладок до обличения, а после обличения—зол, а кто в нем ходит, злой конец получит, о злее зла—зло!»

Оттуда пошли к Перемилю. Андрей королевич, Дионисий и Угры бились около моста с Владимиром и Даниилом, но были отбиты. Угры ушли в Галич, побросав стенобитные орудия. Владимир и Даниил пошли за ними. Василько и Александр пришли к брату; собрались в Бужске Владимир и Котян, а Изяслав вернулся к себе.

[*Даниил стоит под Галичем*]

В лето 6742. Отступил Глеб Зеремеевич от королевича к Даниилу. Даниил и Василько пошли к Галичу—встретила их бóльшая половина Галича, Доброслав, Глеб и других бояр много—и, придя, остановились на берегу Днестра. Взял [Даниил] землю Галицкую и роздал города боярам и воеводам; много было у них продовольст-

вия, а королевич, Дионисий и Судислав изнемогали от голода в городе, простояли девять недель, воюя, дожидаясь мороза, чтобы перейти реку против них. Судислав обманом послал сказать Александру: «Отдам тебе Галич; уйди от брата». Он ушел прочь...

Немного времени спустя королевич умер; послали Галичане за Даниилом Семенка Рыжего, а Судислав ушел к Уграм.

[*Даниил, помогая Владимиру, князю киевскому, воюет Черниговскую землю*]

Александр испугался своего злого дела и ушел к тестю своему в Киев. Даниил, узнав, пошел на него из Галича, догнал его в Полоном и захватил его на Хоморском луге; Даниил не спал три дня и три ночи, также и воины его. Владимир, княживший в Киеве, прислал сына своего Ростислава в Галич, принял с ним братство и любовь большую. Михаил и Изяслав тем временем не переставали враждовать против него...

Прислал Владимир сказать: «Помоги мне, брат!» Даниил, по большой любви, быстро собрал полки и пошел.

Михаил не выдержал и ушел от Киева. Даниил пришел к Владимиру, и пошли они к Чернигову; пришел к ним Мстислав Глебович. Оттуда они пошли, беря пленных в земле, захватили много городов по Десне; тут же взяли Хоробор, Сосницу и Сновьск и других много городов; пришли опять к Чернигову; учинили мир с Владимиром и Даниилом Мстислав и Черниговцы; страшный был бой у Чернигова; поставили против него таран: бросали на полтора выстрела камнем, который могли поднять четыре сильных мужа. Оттуда с миром вернулись в Киев.

[*Даниил и Владимир киевский терпят поражение от половцев*]

Изяслав, однако, не переставал воевать и привел Половцев на Киев. Даниил и его воины истомились; он взял в плен все Черниговские земли, воевал от Крещения до Вознесения, учинил мир и вернулся в Киев. Половцы пришли в Киев и взяли в плен все Киевские земли. Даниил обессилел и хотел вернуться домой лесной стороной. Но Владимир просил, а Мирослав оказывал ему [в этом] помощь: «Пойдем на поганых Половцев». Встретили их Половцы у Звенигорода. Владимир хотел вернуться, и Мирослав говорил о возвращении, Даниил же говорил[59]: «Не подобает ли воину, который пошел воевать,—или победить или погибнуть от [вражеских] воинов; я не пускал вас, теперь вижу, что у вас—трусливая душа; не говорил ли я вам, что не следует усталым воинам итти против свежих; теперь чего смущаетесь, выходите против них».

Они встретились с большим Половецким войском у Торческа; был сильный бой. Даниил гнался за Половцами до тех пор, пока не застрелен был конь его гнедой.

Прежде чем другие Половцы обратились в бегство, Даниил, увидав, что скачущий его конь убит стрелой, бросился бежать. Вла-

димир был захвачен в Торческе, а также Мирослав, по совету нечестивого Григория Васильевича и Молибоговичей, и многие другие бояре были захвачены.

[*После новой «крамолы» галичан Даниил уходит из Галича*]

Когда Даниил прибежал в Галич, Василько был в Галиче с полком и встретил брата. Борис Межибожский, по совету Доброслава и Збыслава, послал к Даниилу сказать: «Изяслав и Половцы идут к Владимиру». Это был обман. Даниил послал [сказать] брату: «Стереги Владимир». Увидали бояре Галицкие, что Василько ушел с полком, учинили «крамолу». Судислав Ильич сказал: «У Галичан— лживые слова; не погуби себя, ступай отсюда». Даниил, узнав про их «крамолу», ушел к Уграм.

Приспела зима. Пошел Василько к Галичу, взяв Ляхов; Даниил в это время пришел к брату от Угров; пограбили они, не доходя Галича, и вернулись к себе.

[*Борьба Михаила и Изяслава с Даниилом*]

В лето 6743. Пришли Галичане к Каменцу и вместе с ними все Болоховские князья[60], пограбили по Хомору, пришли к Каменцу, взяли много пленников и ушли. В это время послал Владимир на помощь Даниилу Торков и Даниила Нажировича. Данииловы бояре выехали из Каменца, соединились с Торками и догнали их; были побеждены изменники Галичане, а все князья Болоховские были схвачены и приведены во Владимир к князю Даниилу.

Настало лето. Михаил и Изяслав стали присылать с угрозами: «Отдай наших братьев, или придем на тебя с войной». Даниил молился богу и св. Николаю, чтобы он показал свое чудо. Привели на Даниила Михаил и Изяслав Ляхов, Русских и множество Половцев. Конрад остановился там, где теперь стоит город Холм, и послал к Червену разорять. Васильковичи встретились и бились с ними, захватили Ляшских бояр и привели их к Даниилу в Городок.

Михаил стоял на Подгорьи, желая соединиться с Конрадом и выжидая Половцев с Изяславом. Половцы пришли в землю Галицкую, но не захотели итти против Даниила, разорили всю землю Галицкую и вернулись. Услыхав про то, Михаил вернулся в Галич, а Конрад убежал к Ляхам ночью, и утонуло много воинов его в Вепре.

[*Даниил воюет около Галича*]

Наступило лето. Они собрались и пошли на Галич против Михаила и Ростислава. Затворились те в городе; много было у них Угров; они вернулись, пограбили около Звенигорода, добивались города, не взяли его, потому что там была чудотворная икона Богородицы. Этой осенью учинили мир.

Когда наступила весна, пошли против Ятвягов, пришли к Берестью; реки разлились, и не смогли они итти против Ятвягов.

Даниил сказал: «Нехорошо держать нашу отчину крестоносцам Темплярииям, по прозванию Соломоновичам»[61]; пошли на них с большими силами. Захватили город, в марте месяце, захватили старшину их Броуна, воинов взяли в плен и вернулись во Владимир.

Даниил в тот же год пошел против Михаила в Галич ; тот просил мира; дали ему [Даниилу] Перемышль. В тот же год Даниил привел против Конрада Миндовга Литовского[62] и Изяслава Новгородского.

[*Даниил и Василько у угров*]

Даниил в это время пошел с братом своим к Уграм, к королю, который звал его к себе оказать ему честь[63].

В это время пошел Фридрих царь войной на герцога[64]; и захотели пойти Даниил с братом Васильком герцогу на помощь, но король отговорил их. Они вернулись в землю свою.

[*Киевские дела*]

Потом пришел Ярослав Суздальский[65] и взял Киев у Владимира, но не мог его удержать и пошел назад к Суздалю. Захватил у него [Киев] Михаил, а сына Ростислава оставил в Галиче; отняли у Даниила Перемышль; были между ними то мир, то война, и выходил Ростислав в степь.

[*Даниил снова захватывает Галич*]

С божьей помощью пришла весть Даниилу, когда тот был в Холме, что Ростислав пошел на Литву со всеми боярами и конными воинами.

Когда это произошло, вышел Даниил с воинами из Холма и на третий день был у Галича. Любили же его горожане. Подъехал он к городу и сказал им: «О городские мужи! До каких пор вы будете терпеть власть чужеземных князей?» Они закричали: «Это—властелин, данный нам богом», и бросились к нему, словно дети к отцу, словно пчелы к матке, словно жаждущие воды—к источнику. Епископ Артемий и дворецкий Григорий мешали им, но увидали, что не могут удержать города, вышли с глазами, полными слез, расстроенным лицом, облизывая свои губы, потому что не имели силы княжеского достоинства, и сказали по принуждению: «Приходи, князь Даниил, возьми свой город».

Даниил вошел в свой город, пришел в храм Богородицы, принял стол отца своего, объявил победу и поставил на немецких воротах свое знамя.

На другой день к нему пришла весть, что Ростислав пошел, было, к Галичу, но услыхал о взятии города и убежал к Уграм по пути на Барсуков Дел[66], оттуда пришел к Бане Рудной[67], а оттуда пошел к Уграм.

Бояре пришли и упали к ногам его, прося милости [милосердия]: «Мы согрешили, потому что держали другого князя». Он отве-

чал им: «Получите милость и не делайте этого опять, чтобы не попасть в худшее»...

ПОБОИЩЕ БАТЫЕВО[68]

[*Захват татарами Рязанской земли*]

В лето 6745. Пришли безбожные Измаильтяне, раньше бившиеся с Русскими князьями на Калке. Первое нашествие их было на землю Рязанскую. Они взяли город Рязань приступом, обманом вывели князя Юрия и привели к Пронску, где в то время была его княгиня; обманом взяли княгиню, убили Юрия князя и княгиню его и всю землю его побили, не пощадили детей, даже грудных младенцев. Кир Михайлович убежал со своими людьми к Суздалю и поведал великому князю Юрию о приходе и нашествии нечестивых Агарян.

[*Разгром князя Юрия суздальского и города Владимира*]

Услыхав то, великий князь Юрий послал сына своего со всеми людьми и с ними кир Михайлович, Батый[69] устремился на землю Суздальскую; встретил его Всеволод на Колодке; бились они, и пали многие с обеих сторон; Всеволод был побежден и рассказал отцу о битве с войсками, быстро двигавшимися на землю и города его. Князь Юрий оставил сына своего во Владимире и княгиню, вышел из города и стал собирать вокруг себя воинов; у него не было сторожевых отрядов, он был захвачен беззаконным Бурундаем, весь город захвачен врасплох, а самого князя Юрия убили. Батый стоял у города, [горожане] сильно боролись за город; он сказал обманом горожанам: «Где, князья Рязанские, ваш город и ваш князь великий Юрий? Не наша ли рука схватила их и предала смерти?»

Услыхав об этом..., Митрофан епископ начал со слезами говорить всем: «Дети, не побоимся соблазна нечестивых, не будем думать о тленной этой и скоро минующей жизни, но о той, не скоро минующей жизни позаботимся, что с ангелами жизнь; если и город наш пленят, разграблению предадут и смерти нас предадут, я в том, дети, вам поручитель, что венцы нетленные от Христа бога получите....» Горожане услыхали эти слова и начали все крепко биться. Татары били город стенобитными орудиями, стреляли стрелами без числа. Увидал князь Всеволод, что надвигается еще сильнейший бой, испугался, потому что был молод, сам вышел из города с небольшой дружиной, неся с собой много подарков, надеясь получить от него жизнь. Батый,словно дикий зверь, не пощадил молодости его, велел его перед собою зарезать и весь город побил. Когда епископ с княгиней и детьми убежали в церковь, велел нечестивый зажечь [ее] огнем; так они души свои отдали богу.

[*Козельск жестоко сопротивляется татарам*]

Так он уничтожил город Владимир, взял в плен города Суздальские и пришел к городу Козельску; там был молодой князь именем

Василий. Нечестивые узнали, что у людей в городе крепкий дух, что нельзя словами хитрыми взять города. Козельчане порешили на вече не сдаваться Батыю, сказав: «Хотя наш князь молод, положим жизнь за него и здесь примем славу этого мира и там небесные венцы от бога получим». Татары бились около города, желая захватить его, разбили стену у города и взошли на вал. Козельчане на ножах резались с ними, они порешили на вече выйти на полки Татарские; вышли из города, порубили их стенобитные орудия, напали на полки их, убили у Татар четыре тысячи и сами были побиты. Батый взял город и не пощадил [никого] от подростков до грудных младенцев, а о князе Василии ничего неизвестно; некоторые говорили, что он утонул в крови, потому что был очень мал. С этих пор Татары не смеют называть его город Козельск, но город злой, потому что бились семь недель, убили у Татар трех сыновей темниковых[70]. Татары искали их и не могли узнать их среди множества трупов.

[*Батый берет Переяславль и Чернигов*]

Батый взял Козельск и ушел в землю Половецкую; оттуда начал посылать на Русские города, взял приступом город Переяславль, перебил всех, разрушил церковь архангела Михаила, захватил золотые сосуды церковные без числа и драгоценные камни и епископа Симеона убил.

В то же время послал на Чернигов, обступил город большими силами. Мстислав Глебович услышал про нападение на город иноплеменников и пришел на них со всеми своими воинами. Бились они, был побежден Мстислав, и много его воинов было убито; взяли город и предали огню; епископа в живых оставили и увели его в Глухов.

[*Меньгухан производит разведку у Киева*]

Меньгухан пришел поразведать город Киев; стал у него на противоположной стороне Днепра, около городка Песочни. Увидав город, он дивился красоте его и величине, прислал послов своих к Михаилу и горожанам, желал обольстить их, но они не послушались его.

[*Злоключения Михаила киевского*]

В лето 6746. Михаил бежал вслед за сыном своим перед Татарами к Уграм, а Ростислав Мстиславич Смоленский сел в Киеве. Даниил поехал против него и захватил; он оставил в Киеве Дмитра и поручил ему оборонять город от иноплеменников, безбожных Татар.

[Ярослав] услыхал, что Михаил бежал из Киева к Уграм, захватил его княгиню и бояр его захватил и город Каменец взял. Услышал про это Даниил и послал послов сказать: «Отпусти сестру ко мне, потому что Михаил злоумышляет против нас обоих». Ярослав послушал слов Данииловых и сделал так, вернулась сестра к ним, к Даниилу и Васильку, и держали они ее в великой чести.

Король не дал дочери своей Ростиславу и прогнал его от себя. Пошли Михаил и Ростислав к дяде своему Конраду к Ляхам; прислал Михаил послов своих к Даниилу и Васильку сказать: «Много раз я грешил перед вами и много раз делал вам зло; что тебе обещал, того не сделал; если хотел любовь иметь к тебе, то неверные Галичане не давали мне [этого сделать]; теперь клятвой клянусь, что никогда не буду враждовать с тобою».

Даниил и Василько не вспомнили зла, пустили к нему сестру и привели его от Ляхов. Даниил учинил совет с братом и обещал Киев Михаилу, а сыну его Ростиславу дал Луцк. Михаил, боясь Татар, не решился итти в Киев. Даниил и Василько послали его ходить по земле своей, дали ему много пшеницы, меду, быков и овец вдоволь. Михаил, узнав про взятие Киева, бежал с сыном своим к Ляхам, к Конраду. А когда Татары приблизились, то и здесь не выдержал и ушел в землю Вратиславскую и пришел к Немецкому городу именем Среда; немцы увидали, что у него много добра, побили его людей, отняли много добра и внучку его убили. Михаил не дошел и вернулся; он был в большом горе: Татары уже пришли воевать к Генриховичу, Михаил вернулся назад опять к Конраду.

Но мы вернемся к прежнему...

[*Взятие Киева Батыем*]

В лето 6748. Пришел Батый к Киеву с большой силой, со множеством своих воинов, окружил город, обступила сила Татарская, и был город—в великом обхвате. Стоял Батый у города, стенобитные орудия окружили город, и нельзя было голоса слышать от скрипения множества телег, от рева верблюдов и от ржания стад его коней. Вся Русская земля наполнилась воинами.

Захватили у них Татарина именем Товрула, и тот рассказал им про всю силу их; это были братья его, большие воеводы: Урдю, Байдар, Бирюи, Каидан, Бечак, Меньгу и Куюк, который воротился, узнав о смерти хановой, и сделался ханом (не из его рода, но был его воеводой первым), Себедяй богадур и Бурундай богадур, который завоевал Болгарскую землю и Суздальскую, и иных воевод без числа, которых мы здесь не перечислили.

Поставил Батый стенобитные орудия к городу подле Ляшских ворот (туда подступали дебри). Орудия били беспрестанно день и ночь, пробили стены; взошли горожане на разбитые стены, и было там видно, как ломались копья, как разбивались на куски щиты и стрелы помрачали свет. [Горожане] были побеждены, а Дмитр был ранен. Татары взошли на стены и сидели там; в тот день и ночь горожане построили снова другую стену около Богородицы [Десятинной]; на другой день [Татары] пошли приступом на них, и был между ними сильный бой; люди взбежали на церковь и на церковные своды со своим имуществом; от тяжести завалились с ними церковные стены; город был захвачен. Дмитра вывели раненым и не убили по причине его храбрости.

[*Батый громит Волынскую и Галицкую земли*]

В это время поехал Даниил к Уграм, к королю; он еще не слыхал о нашествии поганых Татар на Киев.

Батый взял Киев и услыхал о Данииле, что тот находится у Угров, пошел сам к Владимиру и подошел к городу Колодяжну; он поставил двенадцать стенобитных машин и не мог разбить стен, начал он подговаривать людей; они послушались его злого совета, сдали город и сами были побиты. Пришел к Каменцу Изяславлю и взял его. Он увидал, что нельзя ему взять Кременца, города Даниилова, и отошел от него; пришел к Владимиру, взял его приступом и нещадно перебил его [горожан], также и город Галич взял и много других городов—им и числа нет.

Киевский тысяцкий Даниилов, Дмитр, сказал Батыю:

«Ты долгое время медлишь в земле этой; пора тебе пойти против Угров; если ты замедлишь, то та земля—сильна; соберут против тебя силы и не пустят тебя в землю свою».

Он сказал так потому, что видел, как погибает Русская земля от нечистивого Батыя.

[*Батый громит землю Угорскую*]

Батый послушал совета Дмитра и пошел против Угров. Король Бела и Коломан встретили его на реке Солоне; бились их войска; Угры побежали, и гнались за ними Татары до реки Дуная. После победы простояли они три года.

[*Скитания Даниила в Угорской и Ляшской землях*]

Еще прежде того поехал князь Даниил к Угорскому королю, желая породниться с ним, и не было любви между ними; он вернулся от короля и приехал в Синеволодский монастырь Богородицы; на другой день встал, увидал множество бегущих от нечестивых Татар и вернулся назад к Уграм. Он не мог пройти в Русскую землю, потому что с ним было мало дружины. Он оставил своего сына у Угров и не отдал его на попечение Галичан, зная их неверность: потому и не взял его с собою.

Он пошел от Угров к Ляхам, в Бардуев, и пришел в Сендомир. Он услыхал о своем брате, детях и княгине, что они ушли из Русской земли к Ляхам от нечестивых Татар; бросился искать их и нашел на реке именем Полка; порадовались они своему соединению и жалели о победе над землей Русской, о захвате множества городов иноплеменниками.

Даниил сказал: «Нехорошо нам оставаться здесь поблизости от нападающих на нас иноплеменников». Он пошел в землю Масзовскую к Болеславу, сыну Конрада; дал ему князь Болеслав город Вышгород; оставался он там до тех пор, пока не пришла к нему весть, что нечестивцы вышли из Русской земли.

[*Даниил приводит в порядок разоренные Татарами Галицкую и Волынскую земли*]

Даниил вернулся в свою землю, пошел к городу Дорогичину и хотел войти в город; ему дали весть: «Не войдешь ты в город!». Он сказал: «Это был город наш и отцов наших, а вы не позволяете войти в него», и ушел с такими мыслями. Бог потом наказал властителя этого города и отдал его в руки Даниилу, тот обновил его и построил церковь дивную Богородицы и сказал: «Это город был прежде мой, я взял его приступом».

Даниил с братом пришли к Берестью и не смогли войти в степь по причине смрада и множества убитых; во Владимире не осталось живых; церковь Богородицы была наполнена трупами, другие церкви также были переполнены трупами и мертвыми телами.

[*Русские князья разъезжаются по своим волостям*]

Потом Михаил пошел от дяди своего во Владимир с сыном своим и оттуда пошел к Пинску. Ростислав Владимирович пришел к Даниилу в Холм: сохранил его (Холм) бог от нечестивых Татар. Ростислав учинил правду свою, потому что не был в уговоре с Михаилом, а Михаил не учинил правды Даниилу и Васильку за их благодеяния, но прошел землю их и, послав посла, пошел в Киев и жил у Киева на острове, а сын его, Ростислав, пошел в Чернигов.

Лев вышел от Угров с боярами Галицкими и приехал в Водаву к отцу; обрадовался ему отец.

[*Самовластие Галицких бояр*]

Бояре Галицкие называли Даниила князем себе, а сами всю землю держали и всю землю грабили. Доброслав Судьич, попов внук, придя в Бакоту, захватил все Понизье без воли князя; Григорий Васильевич думал держать за собою горную страну Перемышльскую: были в земле большое волнение и грабеж от них. Даниил, узнав, послал Якова, стольника своего, с большой скорбью сказать им: «Я—ваш князь, вы не исполняете моего приказания, землю грабите; я не велел тебе, Доброслав, принимать Черниговских бояр, а отдать все волости—Галицким, а Коломыйскую соль отобрать на меня». Тот сказал: «Пусть будет так». В тот час, когда Яков сидел у него, пришли Лазарь Домажирич и Ивор Молибожич, два беззаконника, родом смерды, и поклонились ему до земли. Яков удивился и спрашивал, почему ему поклонились. Доброслав сказал: «Я отдал им Коломыю»[71]. Яков сказал ему: «Как можешь ты без приказания князя отдать ее им? Великие князья держат эту Коломыю для раздачи воинам, а эти—недостойны». Он засмеялся и сказал: «Что я могу на это сказать?»

Яков приехал и все это рассказал князю Даниилу; Даниил опечалился и молился богу об отчине своей, что нечестивые держат и обладают ею.

Немного времени спустя прислал Доброслав против Григория сказать: «Он неверен тебе», он восставал против него, а сам хотел всю землю держать; они рассорились и приехали с большою гордостью: ехал Доброслав в одной сорочке, гордясь, на землю не смотря, а Галичане шли около его стремени.

Даниил и Василько, видя его большую гордость, возымели к нему большую вражду. Доброслав и Григорий оба старались повредить ему. Даниил услыхал, что речи их полны обмана, что они не хотят повиноваться ему, а [хотят] передать его волость другому, подумал с братом и, по необходимости, видя их беззаконие, велел их схватить...

[*Дворецкий Даниила укрощает крамольных епископа Перемышльского и певца Митусу*]

Даниил, желая навести порядок в земле, поехал к Бакоте и Калиусу, а Василько—во Владимир. Даниил послал [своего] дворецкого в Перемышль против Константина Рязанского, посланного от Ростислава, и владыка Перемышльский чинил заговор против него (Даниила)[72].

Константин услыхал, что Андрей идет против него, убежал ночью. Андрей не захватил его, но захватил владыку и разграбил его гордых слуг, разорвал его колчаны бобровые и разодрал их шлемы волчьи и барсуковые. Знаменитого певца Митусу[73], издавна из гордости не хотевшего служить князю Даниилу, смутьяна, привели связанным.

Иными словами, как сказал составитель притч[74]: «Дерзость дому твоего сокрушится, бобр, волк и барсук истребятся»—так сказано в притче.

В лето 6750. Не было ничего...

В лето 6751...

Когда Даниил был в Холме, прибежал к нему Половчанин именем Актай, говоря, что «Батый воротился от Угров и послал против тебя двух богадуров искать тебя—Манмана и Балая». Даниил запер Холм и поехал к брату своему Васильку, взяв с собою Кирилла митрополита, а Татары разорили до Владавы и по озерам много зла учинили.

В лето 6752. Не было ничего.

[*Смерть Михаила Черниговского у Батыя*]

В лето 6753. Послушав короля, Михаил отдал дочь за сына его и убежал к Уграм. Король Угорский и сын его Ростислав не учинили чести ему; он разгневался на сына, вернулся в Чернигов, а оттуда поехал к Батыю просить у него своей волости. Батый сказал: «Поклонись закону наших отцов». Михаил отвечал: «Если бог передал нас и волость нашу в твои руки ради наших грехов, кланяемся тебе и честь приносим тебе, а закону твоих отцов не кланяемся и твоему нечестивому приказанию не повинуемся».

Батый, словно дикий зверь, пришел в ярость, велел его убить;

убит он был нечестивым Доманом Путивльцем, а с ним был убит боярин его Федор; они пострадали от бога и получили венец...

[*Василько, брат Даниила, избивает Ятвягов*]

В лето 6756. Разорили Ятвяги около Охожи и Бусовна и взяли пленников во всей стране той. Холм тогда еще не был построен Даниилом. Погнался за ними Василько из Владимира, догнал их и на третий день был из Владимира в Дорогичине; они (Ятвяги) бились у ворот Дорогичинских, и бросился на них Василько; они выступили против него и не стерпели натиска Василька. С божьей помощью побежали злые язычники; был против них сильный бой, гнались за ними на много поприщ; убито было их сорок князей, и другие многие были убиты и не встали.

[Василько] послал в Галич к брату своему, и была большая радость в городе Галиче в тот день.

Василько[75] был среднего роста, умен и храбр, много раз побеждал поганых или много раз посылал на поганых. Так Скомонд и Боруть, злые воины, были убиты посланными.

Скомонд был волхв и знаменитый гадатель[76], быстрый, как зверь, ходя пешком, разорил землю Пинскую и другие страны; был убит нечестивый, и голова его воткнута на кол.

В другие времена, по божьей милости, были побиты поганые, о которых мы не хотим писать по причине их множества...

[*Даниил едет на поклон к Батыю*][77]

В лето 6758. Когда прислал Могучей послов своих к Даниилу и Васильку, а они были в Дороговске, то Галич был в большой печали, потому что [князь] не укрепил городов своей земли. Он сдумал с братом своим и поехал к Батыю, сказав: «Не отдам половины отчины своей, но поеду к Батыю сам».

Он выехал на праздник св. Дмитрия, помолился богу и приехал в Киев. Киев держал боярин Ярослава, Дмитрий Ейкович; Даниил пришел в дом архистратига Михаила, так называемый Выдубицкий, созвал монахов и просил игумена и всю братию учинить молитву о нас. Они молились, чтобы получил он милость от бога; так он поклонился архистратигу Михаилу и выехал из монастыря на лодке, предвидя беду грозную и страшную.

Он пришел в Переяславль, и встретили его Татары. Оттуда он поехал к Куремсе и увидал, что нет у них добра.

После этого он начал еще больше скорбеть в душе, видя, что ими владеет дьявол, скверные их кудеснические пустословия, Чингисхановы навождения, скверное кровопийство, многое волшебство; приходивших царей, князей и вельмож водили около куста поклоняться солнцу, луне и земле, дьяволу и умершим в аду отцам, дедам и матерям. О гнусный соблазн их!

Услыхав про все это, начал он очень скорбеть.

[*Даниил у Батыя*]

Оттуда он пришел к Батыю на Волгу. Когда он хотел итти на поклон, пришел человек Ярослава Сонгур и сказал: «Брат твой Ярослав кусту кланялся, и тебе—кланяться». [Князь] ответил: «Дьявол говорит из ваших уст: пусть Бог закрепит твои уста, и не будет слышно твоего слова». Но в тот час он был позван Батыем и избавлен богом от злого их волшебства и кудесничества. Он поклонился по обычаю их и вошел в шатер. Батый сказал ему: «Данило! Почему ты давно не пришел, а теперь раз ты пришел, то это хорошо. Пьеш ли ты черное молоко наше, кобылий кумыс?» И тот отвечал: «До сих пор я не пил, а теперь, если велишь, выпью». [Батый] сказал: «Ты уже наш Татарин, пей наше питье».. [Даниил] выпил, поклонился, как подобало, и промолвил: «Иду поклониться великой княгине Баракчине». Тот отвечал: «Иди». Он пошел и поклонился, как полагалось. Она прислала ковш вина и сказала: «Не привыкли пить молока; пей вино».

О злее зла честь Татарская! Даниил Романович, князь великий, обладатель Русской земли[78], Киева, Владимира и Галича (вместе с братом) и других стран, сидит на коленях и холопом себя называет, и дани желают, на жизнь не надеется, и ужасы надвигаются. О злая честь Татарская!

Его отец был царем в Русской земле, покорил Половецкую землю и воевал против всех других стран; сын его не принял чести, и кто другой может принять: злобе и обману их нет конца! Ярослава, великого князя Суздальского, уморили отравой, Михаила, князя Черниговского, который не поклонился кусту, вместе с боярином Федором, ножом зарезали, как мы раньше сказали, и приняли они венец мученический, и другие многие князья были убиты и бояре.

Пробыл князь у них двадцать пять дней, был отпущен, и поручена была ему его земля, которая была у него.

Пришел он в землю свою, встретил его брат и сыновья его, и был плач об обиде его и большая радость о здоровьи его.

[*Король Угорский боится Даниила после возвращения его от Татар*]

В ту же зиму Конрад прислал посла к Васильку сказать: «Пойдем против Ятвягов». Выпал снег и изморозь, не могли они итти и вернулись к Нуре. Стал известен всем странам приход его от Татар, что бог спас его.

В тот же год прислал король Угорский вицкого сказать: «Возьми дочь мою за сына своего Льва»; он боялся его, потому что тот был у Татар, победил Ростислава и его Угров.

[Даниил] пораздумал с братом и не верил словам его, потому что он давно перед тем обманул, обещав отдать свою дочь.

Кирилл митрополит был послан Даниилом и Васильком на поставление на русскую митрополию. Когда он был у короля, тот словами и большими подарками уговаривал: «С большой честью про-

веду тебя к Грекам[79], если Даниил учинит мир со мною». [Митрополит] сказал: «Клятвой клянись что не изменишь слову своему; я пойду и приведу». Пришел митрополит и сказал ему: «Желание твое—исполнено; возьми дочь его за сына своего в жены»; а Василько сказал: «Иди к нему, потому что он—христианин».

После этого Даниил пошел, взяв сына своего Льва и митрополита, пошел к королю в Изволин и взял дочь его в жены сыну своему и вернул ему захваченных бояр, которых дал ему бог, когда он вместе с братом одолел его у Ярослава.

Он учинил с ним [королем] мир и вернулся в землю свою...

[*Немцы и вооружение воинов Даниила*]

В лето 6760. Прислал король Угорский к Даниилу просить его помощи; он враждовал тогда с Немцами. [Даниил] пошел к нему на помощь к Прессбургу. Пришли к нему послы Немецкие[80]; царь один владел землей Рагузской[81] и Штирийской, а герцог был уже убит; имена послам были: воевода царев и епископ Зальцбургский, Генрих Бруннский и Оттокар, сын Гартнида Петтаусского.

Поехали король с ними навстречу князю Даниилу.

Даниил пришел к нему, расположив в боевом порядке всех своих людей. Немцы удивлялись Татарскому вооружению: кони были в наличниках и попонах кожаных, а люди—в латах, и велик был блеск полков его оттого, что оружие сверкало; сам он ехал подле короля, по обычаю Русскому; конь под ним был подобен чуду, седло позолоченное сквозь огонь, стрелы и сабля украшены золотом и другими украшениями, достойными удивления, шуба из греческой шелковой, затканной золотом ткани и обшита золотыми кружевами, широкими, сапоги из зеленой кожи, обшитые золотом[82].

Немцы смотрели и сильно удивлялись.

Сказал ему король: «Я не взял бы тысячи серебра за то только, что ты пришел по обычаю Русскому отцов своих», и попросился у него в стан, потому что был сильный зной в тот день; он [Даниил] взял его за руку и ввел в свой шатер, сам раздел его и одел его в свои одежды; такую честь он оказал ему.

И возвратился к себе домой...

[*Хронология летописания*][83]

В лето 6762. Летописателю необходимо записывать все случившееся в прошедшие годы, иногда писать наперед, иногда отступать назад; читающий с разумом поймет.

Числа годов здесь не писали, напишем после по счету Антиохийских Сирийцев[84], по олимпиадам—греческим летоисчислениям[85], по римским високосам[86], как Евсевий Памфил[87] и другие летописатели написали от Адама до Христа.

Все же года впишем по расчету в прошлое [время].

[Роман, сын Даниила, едет помогать Угорскому королю против Немцев]

После убийства герцога по имени Фридриха (он в бою был побежден королем Угорским и убит своими боярами во время войны) среди сильных людей возникла смута о достоинстве и о волости убитого герцога, о земле Рагузской и Штирийской: король Угорский и король Чешский бились за нее[88].

Король Угорский стал искать помощи, желая захватить землю Немецкую, и послал к Даниилу сказать: «Пошли ко мне сына Романа, отдам за него сестру герцога и отдам ему землю Немецкую»[89].

Он поехал к Немцам с Романом, отдал сестру герцога за Романа и выполнил обещание, которое я не все [здесь] списал по причине его величины[90].

[Даниил Романович идет войной на Чешскую землю][91]

Потом [король Угорский] послал к Даниилу сказать: «Ты мне — родной и сват: помоги мне против Чехов», и убедил его [пойти]. Сам он пошел на Опаву[92] своим путем, взял пленных в земле Моравской, много городов разорил, все пожег и великое побоище учинил той земле.

Даниил же соединился с Болеславом и раздумывал, как пройти в землю Опавскую. Болеслав словно не хотел [итти], а жена его сильно помогала Даниилу словами (это была дочь Угорского короля по имени Кунигунда). А князь Даниил хотел [итти] и ради короля и желая получить славу, потому что не было прежде в Русской земле никого, кто воевал бы в Чешской земле, ни Святослав храбрый, ни Владимир святой. Бог исполнил его желание. Он спешил и стремился воевать. Он взял сына своего Льва и в помощь от брата Василька тысяцкого Юрия, соединился с Болеславом и пошел из Кракова.

Пришли они на реку Одру к городу Козли; приехал к нему Владислав, сын Казимиров, внук Мешка Тонконогого, с конными и пешими воинами, и пришли они к реке Псине; [там] учинили совет Даниил и Лев с Владиславом, куда им [итти] воевать. Владислав не сказал правды и дал неверного проводника. Послал князь Даниил Льва, Тевтивила и Едивуда и дворецкого и всех воинов, а сам остался с немногими старыми боярами и тысяцким Юрием. Лев пошел воевать, увидал, что проводники обманывают, не послушал их, пошел в лесистые горы и взял много пленных.

Даниил с Болеславом поехали к Опаве; Ляхи выслали свои сторожевые отряды; выехал Андрей из Опавы с Чехами; встретились они и сразились; Андрей победил, потому что Ляхов было мало, одних побил, а других захватил в плен. На Ляхов напал большой страх.

Приехал Даниил и сказал:

«Что впадаете в страх? Разве не знаете, что война не бывает без убитых? Разве вы не знаете, что натолкнулись на мужей и воинов, а не на женщин? Если муж убит на войне, какое в этом чудо? Другие умирают дома без славы, а эти умрут со славой; укрепитесь сердцем и поднимите свое оружие против врагов».

Этими словами он ободрил их и многое другое говорил им. Он пошел к Опаве и увидал, что окрестные села бегут в город, многое множество, и некого ему было послать. Он сказал Владиславу: «Ты мне учинил неправду и себя погубил; если бы Лев и люди мои были здесь, то учинили бы великий урон этой земле, и город этот был бы захвачен»; пожалел он, что отослал сына своего Льва и воинов. Он принуждал Ляхов ехать к городу, они не желали; он увидал это, горевал, не зная о сыне своем и о воинах, где они. Ляхи не хотели ехать к городу, но желали стоять подальше от города...

Даниил сказал: «Если вы хотите итти прочь, я хочу сам остаться с малой дружиной и подождать своих воинов». Послушали его Болеслав и Ляхи и стали ниже города на реке Опаве и не посмели уйти.

В тот же вечер пришел Лев с воинами, приведя с собой много пленников; в тот же вечер учинили совет—на другой день перейти реку, обойти город и сжечь все снаружи: хоромы, огороды и гумна.

На другой день так и сделали. Болеслав не вышел за реку, но остановился на горах, изготовившись к бою; Владислав пошел, пришел к первым воротам и сжег; пришли к другим воротам; выехали Чехи, и несколько из них убили, а других прогнали, а Бенеш стоял перед воротами со знаменем; и около других ворот пожгли окрестности города. Пришли к третьим воротам. Даниил приказал слезть с коней и жечь окрестности города.

Люди внезапно устремились к городу. Немцы увидали сильный натиск Русских и побежали; несколько из них убили в воротах, и ворот они не закрыли во время бегства.

Даниил сильно заболел глазами: он не видал того, что было в воротах; он увидал, что его люди неслись [вперед], и, обнажив свой меч, вернул их и таким образом не захватил города. Потом он увидал и горевал о том, что не взял города; обремененный болезнью и усталый, он сказал своему сыну: «Сожги все окрестности города, а я пойду в свои «колымаги» [т. е. стан].

Всю войну он проболел глазами; многие побуждали его вернуться, а он не сделал этого.

На другой день собрались и пошли на верховья Опавы, беря в плен и разоряя, и остановились около города по имени Насиля[93]. Он услыхал, что в том городе—захваченные в плен Русские и Ляхи; и на другой день, изготовившись к бою, выступил против него; [Чехи] увидали движение множества полков, не устояли и сдались; он взял город, выпустил пленных, поставил свое знамя на городе и объявил победу, а жителям учинил милость. Отойдя [от города], он остановился в немецком селе.

Даниил услыхал, что Бенеш поехал к Глубичичу[94]. На другой

день изготовился к бою вместе с Болеславом и пошел, беря в плен и предавая огню, к Глубичичу. Владислав послал предать огню все окрестности, учинил зло, но не взял города.

Когда Даниил и Болеслав пришли к городу, все воины хотели взять город «приметом»; ветер сильно дул на город, город был построен из елового леса, а вал казался маленьким; воины ездили туда и сюда, искали дров и соломы, чтобы подбросить к городу, но ничего не нашли: все пожег Владислав в окрестностях и поблизости: потому город и не был сожжен.

В тот же вечер стали думать: «Куда пойдем: к Особолоке[95] или против Герборта[96], или вернемся к себе домой?» Герборт прислал Даниилу меч, [изъявляя] свою покорность.

Даниил и Болеслав порешили, что они взяли в плен всю землю, и на другой день пошли к себе домой; перешли реку Одру и прошли землю Владислава.

[*В Кракове Даниила встречают послы от папы*]

Тогда в Кракове были послы папы, с благословением от папы, короной и саном королевским, и желали видеть князя Даниила. Он сказал им: «Не подобает нам встречаться в чужой земле, но— после (в другой раз)».

[*Возвращение князя Даниила в Холм*]

Оттуда он прошел землю Сендомирскую и вернулся в город Холм с большой честью и славой, вошел в церковь Богородицы и благодарил бога за то, что было; ни один князь Русский не воевал в Чешской земле. Он увидался с братом своим с великою радостью и был с весельем в церкви Иоанна Златоустого в городе Холме.

[*Даниил получает от папы Иннокентия королевскую корону*][97]

В лето 6763. Прислал папа достойных послов, принесших венец, скипетр и корону [королевское достоинство], так сказать [Даниилу]: «Сын! прими от нас корону королевскую». Он давно присылал к нему епископа Брюннского и Каменецкого сказать: «Прими корону королевскую». Даниил в то время не принял, сказав: «Не перестает жестокая рать Татарская с нами; как я могу принять корону, не имея от тебя помощи?»

Описо пришел, неся венец, обещаясь: «Ты получишь помощь от папы». Он, однако, не желал; убедили мать его, Болеслав, Земовит [Мазовецкий] и бояре Ляшские, чтобы он принял корону: «Мы ему в помощь—против язычников».

Он принял корону от бога, от церкви св. апостолов, от престола св. Петра, от отца своего папы Иннокентия и от всех своих епископов. Иннокентий предал проклятию всех хулящих веру Греческую православную, хотел учинить собор об истинной вере и соединении церквей. Даниил принял корону от бога в городе Дорогичине...

[*Приход Куремсы против Даниила и Василька*]

В лето 6767. Неожиданно пришел Куремса против Даниила и Василька. Василько стал собирать воинов во Владимире, а Даниил — в Холме; послали [сказать] Льву, чтобы он поехал к ним.

Куремса, не переходя еще Стыри, послал людей к Владимиру. Приехали воины к городу, вышли против них горожане пешие и сильно с ними бились; Татары побежали от города и сказали Куремсе, что «горожане сильно бьются с нами». Даниил и Василько, тем не менее, собирались, желая биться с Татарами.

[*Пожар в Холме*]

Случилось же так, что за грехи загорелся Холм от проклятой бабы. Потом напишем много о постройке города, об украшении церкви и его гибели. Все жалели о нем. Стояло такое пламя, что во всей земле было видно зарево; даже от Львова можно было видеть по степям Белзским, как горит сильное пламя; люди подумали, что город зажжен Татарами, убежали в лесистые местности и потому не могли собраться.

Даниил свиделся с братом и утешил его, что не нужно язычески горевать о беде, случившейся от бога, но надеяться на бога, на него возложить печаль. Так и было.

Потом они поехали во Владимир, собрали немного дружины и молили бога избавить от нашествия Татар и не могли собрать дружины, рассылая туда и сюда. Случилось людям Василька выехать [в степь], они встретили Татар, побили их и взяли пленников.

[*Неудача Куремсы у Луцка*]

Потом, когда Куремса стоял у Луцка, бог учинил великое чудо. Луцк был не укреплен и не устроен; сбежалось в него много людей; была зима и половодье. Он пришел к Луцку и не мог перейти; он хотел захватить мост, но горожане разломали мост. Он поставил стенобитные орудия, желая отогнать их. Бог учинил чудо: ветер был настолько силен, что стенобитные орудия были отброшены, камни поворачивались против них; когда они снова с силою стали метать камни, то божьей силой изломалось их орудие. Татары не имели успеха и вернулись в свою стоянку в степи.

[*Постройка Даниилом города Холма*] [98]

Мы писали раньше в рассказе о Куремсиной войне о пожаре города Холма. Город Холм был создан так по божьему повелению. Когда Даниил княжил во Владимире, он построил город Угорьск и поставил в нем епископа; ездил он по степи и охотился, увидал местность красивую и лесистую на горе, со всех сторон окруженную степью, и спрашивал тамошних жителей, как называется это место: они отвечали: «Имя ему Холм». Ему полюбилось это место, он порешил построить на нем маленький городок и обещал богу и Иоанну Златоустому построить церковь во имя его. Он построил маленький

городок; он увидал, что бог—ему помощник, а Иоанн—пособник, и построил другой город, которого Татары не могли взять, когда Батый захватил всю Русскую землю. Тогда была сожжена Троицына церковь и вновь построена.

Князь Даниил увидал, что бог оказывает помощь этому месту, и стал звать, чтобы приходили Немцы и Русские, иноплеменники и Ляхи; шли каждый день и ночь мастера всякие, бежали от Татар седельники и лучники, мастера, делающие колчаны, и кузнецы по железу, меди и серебру. Наступило оживление, и степь в окрестностях города наполнилась дворами и селами.

[*Церковь Иоанна Златоустого в Холме*]

Он построил церковь Иоанна Златоустого, красивую и прекрасную; ее здание было устроено так: четыре арки; в каждом углу—арка, стоявшая на четырех головах человеческих, изваянных каким-то художником; три [алтарных] окна, украшенных Римскими стеклами; при входе в алтарь стояли два столба из цельного камня и над ними арка, а наверху купол, украшенный золотыми звездами на лазури; помост внутри нее был отлит из меди и чистого олова, так что блестел, словно зеркало; двое дверей были выложены белым камнем Галицким и зеленым Холмским тесаным, изукрашены одним художником Авдеем лепными украшениями всех цветов и из золота; на передних южных был сделан Спаситель, а на северных воротах—Иоанн [Златоустый], так что все смотревшие дивились. Украсил иконы, которые принес из Киева, драгоценными камнями и золотым бисером... подобные чуду, которые все сгорели в церкви Иоанна; из тех удивительных икон остался только один Михаил; колокола, принесенные из Киева, и другие, слитые там в Холме,—все это огонь уничтожил.

Посредине города—высокая башня так, чтобы биться с нее вокруг города; внизу выведена из камня на вышину пятнадцать локтей; сама построена из тесаного дерева и, побеленная, словно сыр, светилась во все стороны. «Студенец», т. е. колодец, глубиною в тридцать пять сажень; храмы прекрасные, и медь, от огня ползущая, словно смола...

Он посадил красивый сад и построил церковь св. Безмездникам; у ней было четыре столба из цельного обтесанного камня, которые поддерживали купол, из того же камня другие—в алтаре св. Дмитрия.

На расстоянии поприща[99] от города стоит столб каменный, а на нем вылеплен орел каменный; высота камня десять локтей[100], с верхушками и подставками—двенадцать локтей.

[*Обновление города Холма после пожара*]

[Даниил] увидал такую беду в городе, вошел в церковь, увидал там беду, пожалел сильно и, помолившись богу, возобновил ее; и освятил церковь епископ Иоанн; [Даниил] снова помолился богу и построил ее крепче и выше. Но башни такой не мог построить,

потому что строил другие города против нечестивых Татар; потому и не построил ее.

[Даниил строит в Холме церковь Богородицы]

В лето 6768. [Даниил] построил большую церковь в городе Холме во имя Богородицы, по величине не меньше древних, и украсил ее удивительными иконами. Он принес из земли Угорской чашу из пурпурового мрамора, изваянную с удивительным мастерством, были вокруг нее змеиные головы, и поставил ее перед церковными вратами, называемыми царскими, и сделал из нее сосуд для освящения воды на Богоявление.

В ней поставил епископа Иоанна [Златоустого], выточенного из красного дерева, с позолоченным дном и удивительного извне.

[Приход Бурундая][101]

Спустя некоторое время пришел Бурундай нечестивый и злой со множеством полков Татарских, с большой силой, и остановился на тех местах, где стоял Куремса. Даниил воевал с Куремсой и нисколько не боялся Куремсы, и Куремса никак не мог учинить ему зла, пока не пришел Бурундай с большой силой. Он послал сказать Даниилу: «Иду на Литву. Если ты не воюешь [против нас], иди со мной».

[Князь Василько вместе с Бурундаем идет против Литвы]

Даниил сел думать вместе с братом и сыном в большом горе; они знали, что, если Даниил поедет, то не будет добра. Подумали все, и поехал Василько вместо брата. Проводил его брат до Берестья и послал с ним своих людей и сам помолился Спасителю, икона которого в Мельнике в церкви Богородицы и до сих пор стоит в большой чести; обещал ему король Даниил украсить ее всячески.

Василько ездил один за Бурундаем, нашел где-то Литву, побил ее и привел военную добычу Бурундаю, и похвалил Бурундай Василька, хотя «брат твой и не поехал»; и разъезжая с ним и отыскивая своего племянника Романа, [Василько] разорял землю Литовскую и Нальщанскую; княгиню и сына своего Владимира он оставил у брата.

[Король Даниил разыскивает своего сына Романа]

Потом король Даниил поехал и захватил Волковыск и князя Глеба, послал его и держал в чести; потом он поскорее поехал к Волковыску и старался захватить своих врагов Воишелка и Товтивила, не застал их в городе и стал искать по становищам, посылая людей, и не нашел их. (Они учинили великий обман: Воишелк захватил сына его Романа.) Он снова послал Михаила и воевал по Золеви, разыскивая их, и не нашел их. Потом решил итти на Городно, думая, что они там.

Он послал за сыном своим Львом и за своими людьми и приехал в город Мельник, желая итти к Городну, и все они торопились, но пришла князю Даниилу весть от Ляхов, что Татары—у Ятвягов.

[*Татары разыскивают Даниила*]

Лев сказал: «Голодны твои воины и кони их». Тот сказал ему в ответ: «Пошлем сторожевые отряды к Визне». Король Даниил дал пищи воинам и коням их досыта.

Еще раньше было послано два посла к Ятвягам узнать о брате. Когда Татары приехали к Ятвягам, тогда были схвачены оба посла, и спросили их: «Где Даниил?» Они отвечали: «В Мельнике». Татары сказали: «Как это наш союзник, брат его, воевал с нами? Пойдем туда».

Сторожевые отряды не встретились с ними, они пришли к Дорогичину. Когда пришла весть к Даниилу, он отослал в сторону Льва, Шварна и Владимира, сказав им: «Если вы будете у меня, вам придется ехать в стан к ним, хотя и я буду».

После этого миновал год.

[*Свадьба у князя Василька во Владимире*]

В лето 6769. Была тишина во всей земле в те дни. Была свадьба в городе Владимире у князя Василька: он отдавал дочь свою Ольгу за князя Андрея Всеволодича в Чернигов. Был там брат Василька, Даниил князь, со обоими своими сыновьями, Львом и Шварном, и других князей много и бояр много, и было в городе Владимире немалое веселье.

[*Бурундай приказывает князю Васильку разрушить укрепления во Владимирской и Галицкой землях*]

Пришла тогда весть князю Даниилу и Васильку, что идет проклятый Бурундай, и очень опечалились о том оба брата. [Бурундай] прислал им сказать так: «Если вы—в мире со мной, то встречайте меня; если кто меня не встретит, тот воюет со мной». К Бурундаю поехал князь Василько с племянником своим Львом, а князь Даниил не поехал вместе с братом, а вместо себя послал своего владыку Холмского Ивана.

Поехал князь Василько со Львом и с владыкою навстречу Бурундаю, взяв подарков и питья, и встретил его у Шумска; пришел к нему Василько со Львом и владыкою с подарками, а он выказал великий гнев на князя Василька и Льва, а владыка стоял в большом страхе.

Потом сказал Бурундай Васильку: «Если вы в мире со мной, то разрушьте все свои города». Лев разрушил Данилов и Стожек и послал разрушить Львов, а Василько поехал разрушить Кременчуг и Луцк.

Князь Василько послал владыку Ивана вперед к брату своему Даниилу; владыка приехал к Даниилу и начал ему рассказывать о том, что произошло, и сказал ему гнев Бурундая; Даниил испугался, убежал к Ляхам, а от Ляхов убежал к Униграм.

Так пошел Бурундай к Владимиру, а князь Василько вместе с ним, не доходя до города, остановились на Житани ночевать. Бурундай начал говорить о Владимире: «Василько, разрушь город». Василько начал думать про себя о городе: «Нельзя его разрушить скоро по его величине». Он велел его зажечь, и так в ночь он весь сгорел. На другой день приехал Бурундай во Владимир и своими глазами увидал, что город весь сгорел, и начал обедать у Василька на дворе и пить. Пообедал, выпил и лег ночевать у Пятидна[102]. На другой день он прислал татарина именем Баимура. Баимур приехал к князю и сказал: «Василько! прислал меня Бурундай и велел мне сравнять с землею город». Василько сказал: «Делай то, что тебе приказано», и начал равнять с землей город, изображая подобие победы.

[Бурундай и князь Василько у Холма][108]

После этого пошел Бурундай к Холму, а князь Василько вместе с ним с боярами своими и слугами своими. Пришли они к Холму, город был заперт; придя к нему, остановились вдали от него, и ничего не добились его воины: были в нем бояре и воины хороши, а укрепления города настолько сильны, что нельзя было его взять «пороками» и самострелами.

Бурундай рассмотрел крепость города, что нельзя взять его [Татарам], и начал говорить князю Васильку: «Василько, вот—город брата твоего, поезжай, скажи горожанам, чтобы они сдались». Он послал с Васильком трех татар: Куичия, Ашика, Болюя и, сверх того, толмача, знающего Русский язык, [узнать], что будет говорить Василько, приехав к городу. Василько пошел к городу, он взял себе в руки каменья, пришел к городу и начал говорить горожанам, а посланные с ним Татары—слушать: «Константин холоп и ты другой холоп, Лука Иванкович, вот города—брата моего и мой, сдавайтесь!» Сказал и камень бросил вниз, давая им хитростью знак, чтобы они сражались, а не сдавались. Так он сказал и три раза бросал камни вниз. Этот великий князь Василько словно от бога был послан на помощь горожанам: дать им знак хитростью.

Константин, стоя на стенах города, понял знак, поданный ему Васильком, и сказал князю Васильку: «Поезжай прочь—вот будет тебе камень в лоб: ты уже не брат брату своему, а враг».

Татары, посланные с князем к городу, слышали это, поехали к Бурундаю и рассказали про слова Василька, как он сказал горожанам, и что горожане молвили в ответ Васильку.

[Бурундай уходит от Холма и воюет землю Ляшскую]

После этого Бурундай быстро пошел к Люблину, от Люблина пошел к Завихвосту; [Татары] пришли к реке Висле, там нашли себе брод в Висле, перешли на другую сторону реки и начали воевать землю Ляшскую.

[*Захват татарами Сендомира*][104]

Потом [Татары] пришли к Сендомиру, обступили его со всех сторон, огородили его вокруг своим варом, поставили «порок» и били «пороком», не ослабевая день и ночь, не давая стрелкам высунуться из деревянного забора; бились четыре дня и на четвертый день сбили деревянный забор с городского вала.

Татары начали приставлять лестницу к валу и таким образом полезли на вал. Вперед влезли на вал два татарина со знаменем и пошли по валу, убивая и пронзая; один из них пошел по одной стороне вала, а другой—по другой; один из Ляхов, не боярин и не знатного роду, а простой человек, не в доспехах, а в одном плаще, с копьем, защищаясь отчаянием, словно крепким щитом, сделал дело, достойное памяти: он побежал напротив Татарина, как сошелся с ним, убил его, так что только другой Татарин прибежал сзади и ударил тут Ляха. Лях был убит.

Люди увидали Татар на валу, бросились бежать в «детинец» и не могли уместиться в воротах, потому что на мосту были узкие ворота; многие были сами задавлены, а другие падали в ров, словно снопы; ров с виду был очень глубок и наполнился мертвыми, и можно было итти по трупам, словно по мосту; постройки в городе были сделаны из соломы, и сами собой загорелись от огня, а потом и город начал гореть. Была в том городе церковь каменная большая и удивительная, сияющая красотой; она была выстроена из белых тесаных камней и была полна людей. Верх в ней, покрытый деревом, загорелся; и та [церковь] сгорела, а в ней бесчисленное множество людей.

Едва воины выбежали из города.

На другой день игумены с попами и дьяконами собрали клирошан, отслужили обедню и начали причащаться сначала сами, а потом бояре с женами и детьми от мала и до велика, и начали исповедываться—кто у игуменов, а другие—у попов и дьяконов, потому что в городе было множество людей; потом пошли из города с крестами, свечами и кадилами; пошли бояре и боярыни, одевшись в брачные одежды, слуги боярские несли перед ними детей, стояли великий плач и рыдание: мужи оплакивали жен своих, матери—детей, брат—брата, и не было никого, кто не оказал им милость. Гнев божий кончился на них; они были выгнаны из города, и посадили их Татары на «болонье» около Вислы; они сидели на «болонье» два дня, и также начали избивать их, мужчин и женщин, и не осталось ни одного из них.

Потом пошли они к городу Лыску; пришли к нему и обложили город: город был в лесу на горе и в нем каменная церковь Троицына.

Город был не крепкий, взяли и его, изрубили в нем всех от мала и до велика.

Потом вернулся Бурундай назад в свои вежи.

Так был в конце концов захвачен Татарами Сендомир...

[*Самовластие великого князя Литовского Миндовга*][105]

В лето 6770...

В исходе одного года осенью был убит великий князь Литовский Миндовг, самодержец во всей земле Литовской.

Об убийстве его расскажем так.

Он княжил в земле Литовской и начал избивать братьев своих и племянников, а других выгнал вон из земли и начал один княжить во всей земле Литовской, начал очень гордиться, он возносился славой и большой гордостью, и не терпел против себя никого.

Был у него сын Воишелк[106] и дочь, которую он отдал за Шварна Даниловича в Холм.

[*Княжение Воишелка в Новгородке*]

Воишелк начал княжить в Новгородке язычником и начал проливать много крови, убивал каждый день по три-четыре человека; он был печален в тот день, когда никого не убивал, и был весел, если кого-либо убивал.

Потом вошел в него страх божий и задумал он в сердце своем принять крещение; крестился в Новгородке, потом пошел к Галичу, к князьям Даниилу и Васильку, желая принять монашество. Тогда же Воишелк крестил Юрия Львовича, потом пошел в Полонин, в монастырь к Григорию, и постригся в монахи, и был в монастыре у Григория, а потом пошел на Святую гору[107], взяв благословение у Григория; Григорий был святой человек, какого перед ним не было и после него не будет.

Воишелк не смог дойти до Святой горы, потому что в тех землях возникла большая смута; он вернулся назад в Новгородок и построил себе монастырь на реке Немне между Литвой и Новгородком и там жил.

[*Недовольство Довмонта, князя Нальщанского, против Миндовга*]

Отец его Миндовг укорял его за его жизнь, а он очень негодовал на своего отца. В это время умерла княгиня, жена Миндовга, и он начал оплакивать ее; ее сестра была за Довмонтом [108], Нальщанским князем; послал Миндовг к Нальщанам за своей невесткой сказать так: «Вот сестра твоя умерла, приезжай оплакивать свою сестру»; она приехала оплакивать. Миндовг пожелал взять невестку за себя и начал ей говорить: «Сестра твоя, умирая, велела мне взять тебя за себя, сказав так: пусть другая не обижает детей». И взял ее за себя.

Довмонт узнал об этом и был в большом горе: он стал думать, как бы ему убить Миндовга, но не мог, потому что у него было мало силы, а у того много. Довмонт стал искать себе, с кем бы ему можно было убить Миндовга. Он нашел себе Треняту, племянника Миндовга по сестре, и с тем раздумывал убить Миндовга, а Тренята был тогда в Жмуди.

[*Убийство Миндовга*]

В лето 6771. Послал Миндовг все свои войска за Днепр против Романа, Брянского князя [109]. Довмонт пошел с ними на войну, выбрал время, удобное для себя, и воротился назад, сказав так: «Гаданье не велит мне итти с вами»; так он воротился назад, быстро поскакал, захватил врасплох Миндовга; тут же убил его и вместе с ним обоих сыновей, Рукля и Репскея.

Так был в конце концов убит Миндовг.

[*Убийство Тренят и Товтивила и вокняжение Воишелка*]

После убийства Миндовга Воишелк побоялся того же, убежал в Пинск и там жил, а Тренята начал княжить во всей земле Литовской и Жмуди; он послал за братом своим Товтивилом в Полоцк, сказать так: «Брат, приезжай сюда, разделим землю и имущество Миндовга». Тот приехал к нему. Начал думать Товтивил, желая убить Треняту, а Тренята про себя думал против Товтивила. Сообщил о замысле Товтивила его боярин Прокопий Половчанин. Тренята предупредил Товтивила, убил его и начал княжить один. Потом начали думать конюхи Миндовга, четверо слуг, как бы им убить Треняту. Когда он пошел в баню мыться, они нашли это время подходящим и убили Треняту.

Так в конце концов был убит Тренята.

Услыхав это, Воишелк пошел с Пинянами к Новгородку; оттуда взял с собою Новгородцев и пошел в Литву княжить. Литва вся с радостью приняла его, сына своего господина.

[*Княжение Воишелка в Литве*]

В лето 6772. Воишелк начал княжить во всей земле Литовской и стал избивать своих врагов; избил их множество без числа, а другие разбежались, куда глаза глядят.

[*Свадьба у Романа, князя Брянского*]

В год убийства Миндовга, о котором говорилось раньше, была свадьба у Романа, князя Брянского; он отдавал свою любимую дочь именем Ольгу за князя Владимира, сына Василькова, внука Романа, великого князя Галицкого.

В это время пришло войско Литовское на Романа; он бился с ним и победил его; сам был ранен и немало выказал храбрости; приехал в Брянск с победой и великою честью и от радости, отдавая замуж свою дочь, не чувствовал ран на своем теле; было у него три других дочери, а эта четвертая была у него самая любимая; он послал с ней своего старшего сына Михаила и много бояр.

Но мы вернемся к прежнему.

[*Смерть Даниила, короля Галицкого*]

Воишелк княжил в Литве, и начали ему оказывать помощь князь Шварн и Василько; он назвал Василька отцом себе и господином.

В это время король [Даниил] тяжело заболел, от чего и умер; похоронили его в церкви Богородицы, которую он сам построил.

Этот король Даниил [110] был князем добрым, храбрым и разумным; он построил много городов, поставил много церквей и украсил их различными украшениями; он сиял любовью к брату своему Васильку. Этот Даниил был вторым после Соломона.

[*Помощь Шварна Данииловича и Василька Литовскому князю Воишелку*]

После этого Шварн пошел на помощь Воишелку, и князь Василько от себя послал ему в помощь все свое войско, потому что Воишелк назвал Василька отцом и господином. Пришел Шварн с помощью в Литву к Воишелку; увидал Воишелк помощь Шварна и Василька, отца своего, и очень был рад; начал приготовляться, пошел с большим войском и стал города брать в Дявлитве и Нальщанах. Города захватил, врагов своих избил и так вернулся домой.

[*Появление волосатой звезды*] [111]

В лето 6673. Явилась звезда на востоке с хвостом, страшная на вид, испускающая из себя большие лучи; потому звезда и называлась волосатой.

При виде звезды всех людей охватил страх и ужас. Мудрецы смотрели и говорили, что будет большая смута на земле, но бог спас своей волей, и ничего не случилось.

[*Смерть жены князя Василька*]

В тот же год умерла великая княгиня, жена Василька, именем Елена, и схоронили ее тело в епископской церкви Богородицы во Владимире.

[*Смута среди Татар*]

В лето 6674. Была великая смута среди самих Татар. Они убили у себя друг друга множество без числа, словно песок морской.

В лето 6675. Была тишина.

[*Война между Ляхами и Шварном Данииловичем*]

В лето 6676. Княжил Воишелк в Литве и Шварн. Пошла Литва воевать против Ляхов на князя Болеслава мимо Дорогичина. Слуги Шварна пошли вместе с ними и воевали около Скаришева, около Вислы и Торжка, и взяли много пленных.

Тогда князь Болеслав был очень болен. Когда он выздоровел, послал послов своих к Шварну (Шварн был тогда в Новгородке) сказать так: «Зачем ты воевал со мной без моей вины и землю мою захватил?» Шварн отпирался, так говоря ему: «Не я воевал с тобою, а Литва». Посол сказал Шварну: «Так тебе говорит князь Болеслав: «Я на Литву не жалуюсь, что она против меня воевала,—это мой

враг, воевала со мной, так и следует; а на тебя я жалуюсь; пусть бог будет за правого и рассудит между нами».

Отсюда и началась война; начали Ляхи воевать около Холма; воеводы у них были Сигнев, Ворж, Сулко Невступ и не имели успеха, потому что те укрылись в городе, и прислали им весть Ляхи Украинцы.

Потом Шварн быстро приехал из Новгородка и начал собирать своих воинов: князь Василько и сын его Владимир собрали силы и [также] пошли воевать против Ляхов. Шварн начал воевать около Люблина, и Владимир—около Белой, взяли много пленных и пошли к себе: Шварн к Холму, а Владимир к Червену, где был его отец Василько, а из Червена пошел во Владимир.

Пришли они домой, а потом Ляхи, в ту же неделю, начали воевать около Червена, но ничего не добились и так пошли назад.

Потом князь Болеслав прислал своего посла к князю Васильку, Григория пробста Люблинского[112], сказать так: «Свояк! Давай соберемся вместе». Василько ответил: «И я рад», и назначили себе съезд в Тернаву. После этого Василько отправился на съезд в Тернаву. Когда он был у Грабовца, пришла к нему весть, что Ляхи обманули, на съезд не отправились, но обошли стороной на Ворота[113], пришли таким образом к Белзу, начали разорять, а села жечь.

Василько второпях пошел от Грабовца со Шварном и сыном своим Владимиром; пришли к Червену и увидали, что села горят, а Ляхи разоряют. Василько учинил натиск на них туда, где Ляхи разошлись, разоряя села, многих из них убили, а других захватили в плен.

Ляхи испугались и пошли к себе домой.

[*Шварн Даниилович терпит поражение от Ляхов*]

Василько послал вслед за ними своего племянника Шварна и своего сына Владимира и приказал им так: «Не бейтесь с ними поблизости, но выпустите их в свою землю; как только они войдут, разделившись, тогда и бейтесь с ними».

Так пошли за ним Шварн с Владимиром с большими силами; с виду их полки были словно большие леса сосновые. Шварн шел со своим полком впереди, а Владимир со своим полком—позади. Ляхи еще не вошли в свою землю, а только прошли Ворота (это было место неприступное, потому что ниоткуда нельзя было его обойти; потому-то и назывались Воротами по причине своей тесноты). Там и догнал их Шварн, идя вперед со своим полком; он позабыл слова своего дяди, дождался полка своего брата Владимира и устремился в бой; сразились передовыми частями; полк Шварна был сломлен, потому что другим полкам нельзя было ниоткуда оказать помощи по причине тесноты.

Так победили Ляхи Русских и многих из них убили, из бояр и простых людей; там же убили обоих сыновей тысяцкого, Лаврентия и Андрея, они показали немало храбрости и не убежали брат от брата.

Получили там [Ляхи] победный конец.

Потом Ляхи примирились с Русскими, Болеслав—с Васильком и Шварном, и начали жить в полном согласии.

[*Воишелк передаст княжение Шварну Данииловичу и снова принимает монашество*]

После этого Воишелк отдал свое княжение зятю своему Шварну, а сам снова пожелал принять монашество. Шварн усердно просил его еще покняжить с ним в Литве, но Воишелк не пожелал, говоря так: «Я много согрешил перед богом и людьми, ты княжи, и земля тобою будет защищена». Шварн не мог упросить его и начал таким образом княжить в Литве, а Воишелк пошел в Угровск, надел на себя монашеские одежды и начал жить в монастыре, говоря так: «Вот здесь по близости от меня сын мой Шварн, а другой господин мой и отец князь Василько; от них я получаю утешение».

Был еще в живых его учитель Григорий Полонинский. Воишелк спросил, жив ли он, обрадовался и послал за ним, говоря: «Господин и отец, приезжай сюда». Он приехал к нему и наставил его на путь монашеский.

[*Лев Даниилович убивает Воишелка*]

В это время прислал Лев к Васильку сказать так: «Хотел бы я свидеться с тобой, но чтобы тут и Воишелк был». Василько послал за Воишелком, на страстной неделе, говоря так: «Прислал ко мне Лев, чтобы нам свидеться, а ты ничего не бойся». Воишелк боялся Льва и не хотел ехать; поехал под порукой Василька; он приехал на святой неделе во Владимир и остановился в монастыре св. Михаила Великого.

Немец Маркольт позвал к себе обедать всех князей, Василька, Льва и Воишелка; начали обедать, пить и веселиться. Василько напился и поехал домой спать, а Воишелк поехал в монастырь, где остановился.

Потом Лев приехал к нему в монастырь и начал говорить Воишелку: «Кум, давай напьемся», и начали пить. Дьявол с самого начала не хочет добра человеческому роду и вложил в сердце Льву убить Воишелка по зависти, что тот отдал землю Литовскую брату его Шварну. Так, наконец, убил его; убрали тело его и положили в церкви Михаила Великого.

[*Смерть Шварна Данииловича*]

После Воишелка княжил Шварн в Литовской земле; прокняжил он немного лет и умер; схоронили его в церкви Богородицы поблизости от отцовского гроба.

В лето 6777. Не было ничего.

[*Княжение в Литве Тройдена*]

В лето 6778. Начал княжить в Литве проклятый, бесчестный и немилосердный Тройден [114]; его злодеяний не можем описать по

причине стыда; он был такой же злодей, что и Антиох Сирийский, Ирод Иерусалимский и Нерон Римский, и много других злодеяний совершал, худших, чем те. Он прокняжил двенадцать лет и умер.

У него были братья Борза, Сирпутий, Лесий, Свилкели; все они были крещены, жили в любви, простоте и смирении, держались православной христианской веры и чрезмерно любили нищих. Все они умерли при жизни Тройдена.

[*Смерть брата Даниила, князя Василька Романовича*]

В лето 6779. Умер благочестивый великий князь Владимирский, именем Василько, сын великого князя Романа, и схоронили тело его в церкви Богородицы епископской во Владимире.

[*Начало княжения Владимира Васильковича*]

В лето 6780. Вместо него начал княжить сын его Владимир, сияющий справедливостью ко всем своим братьям и простым людям, а Лев начал княжить в Галиче и Холме после своего брата Шварна...

[*Лев Даниилович и Владимир Василькович с татарским полком идут в поход против Тройдена Литовского*]

В лето 6782. Тройден еще княжил в Литовской земле и жил со Львом в большом согласии, пересылаясь между собой большими подарками; с Владимиром он не жил в согласии за то, что отец Владимира, князь Василько, убил во время войн трех его братьев; за это Тройден и не жил с ним в согласии, но воевал с ним, только небольшими войнами. Тройден посылал пеших воинов украдкой воевать с Владимиром, а Владимир также посылал воевать [с Тройденом]. Так они воевали целый год.

Потом Тройден позабыл про мир со Львом, послал Городнян и велел захватить Дорогочин; с ними был Трид, который знал о городе, как его можно захватить, и напал на него ночью. Так захватили его и на самую Пасху перебили там всех от мала и до велика.

Услыхав про то, Лев очень горевал, стал озабочен и послал к Татарам, к великому царю Меньгу-Темиру просить у него помощи против Литвы.

Меньгу-Темир дал ему войско, а с ним воеводу Ягурчика и Заднепровских князей всех послал ему в помощь, Романа Брянского с сыном Олегом, Глеба, князя Смоленского и много других князей; тогда все князья были под властью Татар.

Пришла зима, и начали собираться князья Русские, Лев и Мстислав Владимирский; пошли с ними князья Пинские и Туровские. Они прошли мимо Турова к Слуцку и у Слуцка соединились с Татарами. Все они быстро поехали к Новгородку и, не доходя реки Сырьвячи, остановились там на ночлег. На другой день встали рано, перешли реку до рассвета, там дождались дня; при восходе солнца начали готовить к бою полки. Изготовились и пошли к го-

роду. Татары шли своим полком направо, рядом с ними Лев шел со своим полком, а слева от Льва шел Владимир со своим полком.

Татары прислали ко Льву и Владимиру сказать так: «Наши юноши видали, что войско стоит за горой; от коней идет пар; пошлите верных людей с нашими Татарами посмотреть, что там будет». Они послали с ними верных людей; те поехали и увидали, что войска нет, а пар идет от потоков, текущих из гор, потому что стояли большие морозы. Так пришли к городу и остановились около него. Ни Мстислав не пришел, а пошел из Копыля, разоряя Полесье, ни Роман, ни Глеб, ни князья Заднепровские не пришли, но только один Олег, сын Романа; пришел вперед вместе с Татарами, а Татары очень желали, чтобы Роман пришел. Лев обманул своих братьев: тайно от Мстислава и Владимира взял с Татарами внешний город, а кремль остался. На другой день после взятия города пришли Роман и Глеб с большим войском, и рассердились все князья на Льва: Мстислав, Владимир, тесть его Роман Брянский, Глеб Смоленский и много других князей рассердились на него за то, что он не почел их равными себе, а сам взял город с Татарами; они думали так, чтобы всем им вместе взять Новгородок, а потом пойти в землю Литовскую; они не пошли, гневаясь на Льва, и вернулись к себе домой.

От Новгородка приехал Олег во Владимир к своей сестре. Владимир тогда очень звал своего тестя, говоря так: «Господин и отец! Приезжай, побудешь у себя дома и увидишь здоровье своей дочери». Роман отказался, сказав ему так: «Сын мой Владимир, не могу отъехать от своего войска: хожу в земле неприятельской; кто же доставит мне войско домой?» Они поцеловались и разъехались по домам...

[*Приход Пруссов к Тройдену. Рать между Владимиром Васильковичем и Тройденом*]

В лето 6784. Пришли Пруссы [115] к Тройдену из своей земли по принуждению от Немцев; он принял их к себе и посадил часть их в Городке, а [другую] часть в Слониме. Владимир сдумал с братом своим Львом, и послали войско к Слониму; захватили их (Пруссов), а земли не взяли.

Потом Тройден послал брата своего Сирпутя и разорил около Каменя. Владимир послал против него [войско] и взял у него Турийск на реке Немце и села около него захватил.

Потом они учинили мир и жили между собой в большом согласии.

[*Владимир строит Каменец*]

Потом вложил бог мысль добрую в сердце князю Владимиру, где бы построить город за Берестьем, и взял он книги пророческие [116]...

[Дальше идут слова из книг пророческих.]

Князь Владимир из этого пророчества понял милость божию себе. Он начал искать подходящего места, где бы построить город.

Эта земля оставалась пустой восемьдесят лет после Романа. Господь поднял ее милостью своей.

Послал Владимир мужа искусного, именем Алексея, который при отце его много городов срубил, и послал его во Владимир с тамошними жителями в челноках на верховье реки Лыски, чтобы отыскать подходящее место и поставить город.

Он нашел подходящее место, приехал к князю и начал рассказывать. Князь поехал с боярами и слугами, понравилось ему то место над берегом реки Лыски, очистил его, потом срубил там город и дал ему имя Каменец, потому что там была каменистая почва.

[*Поход князей на Литву с Татарами Ногая*]

В лето 6785. Прислал проклятый и беззаконный Ногай [117] послов своих Тегичэга, Кутлубуга и Ешимута с грамотами ко Льву, Мстиславу и Владимиру сказать так: «Вы всегда жалуетесь мне на Литву; вот я вам дал войско и с ним воеводу Мамшея; идите с ним на своих врагов».

Наступила зима, и пошли на Литву Русские князья Мстислав и Владимир, а Лев не пошел, но послал сына своего Юрия. Так они все пошли к Новгородку.

[*Ночная неосторожность русских воинов*]

Когда они пришли к Берестью, им пришла весть, что Татары уже опередили их у Новгородка. Мстислав, Владимир и Юрий начали рассуждать между собою, говоря так: «Если пойдем к Новгородку, там уже Татары разорили все; пойдем к нетронутому месту». Сдумали так и пошли к Городну. Они минули Волковыск, остановились вдали на ночлег. Там Мстислав и Юрий тайно от Владимира послали лучших своих бояр и слуг вместе с Тюимою поразорить; они поразорили там и полегли спать, к войску своему не пошли, сторожей не поставили и доспехи свои сняли. Тогда ушел от них один беглец в город и начал говорить горожанам, что там люди лежат на селе без порядка. Пруссы и Борты выехали из города, ударили на них ночью и избили их всех, а других похватали и увели в город; Тюима отвезли на санях, потому что он был очень ранен.

[*Бой у города*]

Когда на другой день полки подошли к городу, прибежал к войску Мстислава [беглец], нагой и босой, и стал рассказывать о том, что было, что избиты все бояре Мстислава и Льва и слуги все побиты, а другие захвачены. Очень горевали Мстислав и Юрий о своем безумии, а Владимиру было очень неприятно, что тайно от него они сделали так.

Они начали размышлять, как взять город.

Высокая башня каменная стояла перед воротами города, и в ней заперлись Пруссы; нельзя было им мимо нее пройти к городу: они убивали с той башни.

Они подступили к башне и взяли ее. Большой страх и ужас напал на город; словно мертвые, стояли они (горожане) на городской стене после захвата башни, потому что она была их надеждой.

[Русские] князья начали думать о своих боярах, как их можно вернуть, но никак не могли.

Мстислав, Владимир и Юрий договорились с горожанами, что города им не брать, а своих бояр взять. Они взяли своих бояр, а городу ничего не сделали.

Таким образом они вернулись к себе домой...

[*Князь Владимир Василькович посылает хлеб голодающим Ятвягам*][118]

В лето 6787. Был голод по всей земле, в Руси, у Ляхов, в Литве и у Ятвягов. Ятвяги прислали послов своих к Владимиру сказать так: «Господин, князь Владимир! Приехали мы к тебе от всех Ятвягов в надежде на бога и на твое здоровье; господин, не умори нас, но прокорми нас у себя; пошли, господин, продать нам свой хлеб, а мы готовы его купить; чего захочешь, воску ли, белок, бобров, черных куниц или серебра, мы рады дать».

Владимир из Берестья послал к ним хлеб в лодках по Бугу с людьми верными. Они шли по Бугу, вошли в Наровь и пошли по Нарови. Они пришли к городу Полтовеску и там остановились на ночь спать. Ночью они все были побиты под городом, хлеб захвачен, а лодки потоплены. Владимир расспрашивал, очень желая узнать, кто это сделал, а к Конраду, брату своему, послал так сказать ему: «Под твоим городом побиты мои люди: либо по твоему распоряжению, либо другого; ты управляешь своей землей; скажи». Конрад отперся: «Я не избивал и другого не знаю, кто побил». Тогда наговорил Владимиру дядя его князь Болеслав [119] на племянника своего Конрада такими словами: «Без основания он отпирается: он сам побил твоих людей». Тогда Болеслав жил во вражде с племянником своим Конрадом. Болеслав сказал Владимиру: «Разделайся с ним; большой позор он возложил на тебя; сложи с себя свой позор».

Владимир послал против Конрада свое войско, воевал по этой стороне Вислы и взял много пленных.

Потом Конрад прислал к брату своему, желая мириться с ним. Владимир учинил мир, и стали они жить в полном согласии. Владимир вернул ему и челядь, что была захвачена на войне.

[*Смерть Болеслава, великого князя Краковского*]

В тот же год умер великий князь Краковский Болеслав, добрый, тихий, кроткий, незлобивый, пожил долго и так в старости хорошо ушел к богу; обрядили его и положили в церкви св. Франциска в Кракове.

[*Лев Даниилович пытается с помощью Татар захватить часть Ляшской земли*]

В лето 6788. После смерти великого князя Болеслава было некому княжить в Ляшской земле, потому что не было у него сына.

Захотел Лев себе [взять] землю, но бояре были сильны и не дали ему земли.

Было у Болеслава пять племянников [120]: два Самогитовича, Конрад и Болеслав, и три Казимировича, Лешко, Земомысл и Владислав. Бояре Ляшские выбрали себе одного из них, Лешка, и посадили его в Кракове на столе Болеслава.

Потом Лев захотел себе части в Ляшской земле, городов на Украине; он поехал к проклятому Ногаю просить у него помощи против Ляхов. Тот дал ему в помощь проклятого Кончака, Козея и Кубатана. Настала зима, и пошли они таким образом: Лев охотно пошел с Татарами и сыном своим Юрием, а Мстислав, Владимир и сын Мстислава Даниил пошли по принуждению от Татар: все они — к Сендомиру. Пришли к Сендомиру и перешли на другую сторону реки Вислы по льду под самым городом. Первым перешел Лев со своим полком и своим сыном Юрием, потом Мстислав и его сын Даниил, а за ним и Татары. Так они перешли, остановились около города и простояли немного времени без боя.

Потом пошел Лев со своими полками с большой силой к Кропивнице, с великою гордостью желая итти к Кракову. Владимир остался позади стоять у города со своим полком, и начали ему говорить: «Осека [121] в лесу полна людей и добра, недоступна ни для какого войска, потому что очень крепка». Владимир послал к ней людей храбрых, а с ними Кифилата Селезенца. Пришли они к «осеке», и сильно бились с ними Ляхи; едва, с великим трудом, могли ее захватить; взяли в ней много людей и добра.

Как мы писали раньше про Льва, когда он пошел с полками своими, начали они расходиться в разные стороны разорять, а бог учинил над ними свою волю: Ляхи убили в его полку много бояр и слуг добрых и часть Татар. Вернулся Лев назад с великим позором.

[*Лешко Ляшский захватывает у Льва город Переворееск*]

В лето 6789. Пошел Лешко против Льва и взял у него город Переворееск, изрубил в нем всех людей от мала и до велика, город сжег и пошел к себе домой.

[*Владимир Василькович оказывает помощь Конраду Ляшскому*]

Потом вложил дьявол ненависть в двух Самогитовичей, Конрада и Болеслава, начали они враждовать между собою и воевать. Конрад жил в мире с братом своим Владимиром, а Болеслав жил в мире с Лешком и братом его Владиславом.

Болеслав собрал свое войско, взял себе помощь у Владислава против своего брата Конрада к городу Ездову. Конрада тогда не было в городе. Они пошли приступом и взяли город. У Ляхов такой обычай, не брать челяди и не убивать, но грабить. Когда город был взят, захватил в нем много добра, ограбил людей, ограбил свою

невестку, княгиню Конрада, ограбил свою племянницу и учинил большой позор своему брату Конраду.

После этого Конрад послал своих послов к своему брату Владимиру, жалуясь ему на свой позор. Владимир пожалел его, расплакался и сказал послу брата своего: «Брат! Бог будет отмстителем за твой позор, я же рад тебе помочь».

Он начал снаряжать войско против Болеслава и послал просить помощи к племяннику своему Юрию. Племянник отвечал ему так: «Мой дядя, я готов бы и сам с тобою пойти, но некогда мне, еду, господин, в Суздаль жениться и с собою беру немного людей, а вот тебе все люди и бояре в божье попечение и твое. Когда тебе будет угодно, тогда с ними и поезжай».

Владимир снарядил войско и пошел к Берестью; тут они собрались: пришли к нему Холмляне, а воевода у них был Тюима. Пошел Владимир к Мельнику со множеством воинов. Из Мельника он отрядил воеводу Василька—князя Слонимского, Желислава и Дуная, а с войсками Юрия был воевода Тюима. Так они пошли против Ляхов.

Владимир снарядил войско и поехал в Берестье, а наперед, перед войной, послал посла к брату своему Конраду. Бояре у него были изменники. Чтобы они не дали знать Болеславу, посол Владимира приехал к Конраду и начал говорить ему при всех его боярах: «Так тебе говорит брат твой Владимир, рад бы помочь за твой позор, да нельзя мне: расстроили нас Татары». Потом посол взял князя за руку и сжал ее. Князь понял, вышел с ним, и [посол] начал ему говорить: «Брат так тебе говорит: «Снаряжайся сам и приготовь лодки для перевоза; завтра у тебя будет войско на Висле». Конрад сильно обрадовался, велел быстро приготовить лодки и сам собрался.

Пришло войско, переправилось, стало в боевой порядок и пошло таким образом: Василько пошел со своим полком, Желислав—со своим, Дунай—со своим, князь Конрад с Ляхами—со своим, а Тюима—со своим; так шли усердно с большою твердостью.

Когда дошли они до города Сохачева и думали его взять, чтобы не выходить далеко в землю, князь Конрад помешал им и повел их к Гостиному: это был любимый город Болеслава.

[Войска берут город и снимают позор с князя Конрада]

Пришли полки к городу и остановились около, словно леса сосновые большие, и начали готовиться захватить город. Князь Конрад стал объезжать [воинов] и говорить: «Братья мои милые, Русские, двинемся единодушно». Одни пошли под городские стены, а другие стояли неподвижно, охраняя от внезапного наезда со стороны Ляхов; когда они подошли к городским стенам, Ляхи стали бросать на них камни, словно сильный град, но стрелы воинов не давали им высунуться из стены; начали колоть копьями, и много было раненых в городе или от копий или от стрел, и начали падать с городских стен мертвые, словно снопы.

Так они взяли город, захватили в нем много добра и множество пленных без числа, остальных побили, город сожгли, и так вернулись к себе домой с победой и большой честью.

Князь Конрад поехал в свой город, надел на себя венец победы, сложив с себя позор с помощью брата своего Владимира. А князь Василько пошел к Берестью со множеством пленников, а впереди себя послал весть к господину своему, князю Владимиру. Владимир очень опечалился, что не было известий от его войска; потом пришла к нему весть от войска, что все идут в добром здоровьи с большою честью. Владимир очень порадовался, что вся его дружина цела, а позор с его брата Конрада снят.

[*Убийство двух мужей из войска Владимира Васильковича*]

Только двое было убито из его войска, не под городом, а во время следования войска; один был родом Пруссин, а другой его любимый слуга дворовый, сын боярский Михайлович, именем Рах.

Про их убийство скажем так.

Когда полки проезжали мимо города Сохачева, в это время выехал князь Болеслав из Сохачева, разыскивая, кого бы убить на разведке. Князь Владимир приказал своим воеводам, Васильку, Желиславу и Дунаю, не рассылать воинов в разные стороны *разорять*, а всем итти к городу. Эти, тайком от войска, поехали в село, человек тридцать, и с ними Блоус Юрьев; они взяли дорогу от села, по которой челядь бежала в лес, и поехали за ними. В это время ударили на них Болеслав с Ляхами. Спутники его не выдержали и все вместе с Блоусом побежали; не побежали только двое, Рах вместе с Пруссином, но учинили дело, достойное воспоминаний, начали крепко биться. Пруссин встретился с Болеславом и был убит множеством людей, а Рах убил верного боярина Болеслава и тут сам получил надлежащую смерть; они храбро умерли и навсегда оставили после себя славу.

Потом Владимир поехал из Берестья во Владимир.

[*Русские князья отправляются вместе с Ногаем и Телебугою воевать Угров*]

В лето 6796. Пришел проклятый и бесчестный Ногай вместе с Телебугою против Угров, с большим войском, с бесчисленным множеством. Они велели итти с собою Русским князьям, Льву, Мстиславу, Владимиру, Юрию Львовичу. Владимир тогда хромал ногой и не пошел (у него была сильная рана), а послал свое войско с Юрием, своим племянником. Тогда были все князья Русские в подчинении у Татар [122].

Так пошли все князья, и только один Владимир остался, потому что хромал.

Проклятый и бесчестный Ногай и Телебуга пошли с ними воевать землю Угорскую: Ногай пошел на Брашев, а Телебуга прошел через горы, которые можно перейти в три дня, а он ходил

тридцать дней, блуждая в горах, водимый божьим гневом; был среди них большой голод, и начали люди [коней] есть, а потом начали и сами умирать; умерло их бесчисленное множество; очевидцы говорят так, что умерло сто тысяч.

Проклятый и бесчестный Телебуга ушел пешком со своей женой и с одной кобылой, посрамленный богом...

[*Поход Телебуги против Ляхов*]

В лето 6791. Захотел проклятый и бесчестный Телебуга пойти против Ляхов; собрал войско, позабыл про божие наказание, которое учинилось над ним среди Угров (о чем мы прежде сказали), и пришел к Ногаю; было между ними большое несогласие.

Телебуга послал к Заднепровским князьям и к Волынским, Льву, Мстиславу и Владимиру, веля им итти с собою на войну: все князья были тогда во власти у Татар.

Так пошел Телебуга против Ляхов, собрав большую силу. Он пришел к Горине, и встретил его Мстислав, с питьем и подарками, а оттуда пошел мимо Кременчуга к Перемышлю; князь Владимир встретил его с питьем и подарками на Липе. Потом догнал его князь Лев у Бужковичей с питьем и подарками. Пришли они в Бужскую степь и там осматривали свои полки, а князья ожидали, что они будут побиты, а города взяты.

[*Татары у Владимира*]

Оттуда они пошли к Владимиру и остановились на Житани. Телебуга поехал осмотреть город Владимир, а другие говорят, что он и в городе был, но про то неизвестно. В воскресенье, на другой день после Николина дня, миновали город. Бог своей волей избавил: не взяли города, но учинили там великое насилие, разграбили множество добра и коней.

Так бесчестный Телебуга пошел против Ляхов.

Другие Татары остались у Владимира кормить отощалых коней; они опустошили землю Владимирскую; они не позволили выходить за хлебом; если кто выезжал, того убивали, других хватали, а третьих грабили и отнимали коней; умерло в городе во время осады, по божьему гневу, бесчисленное множество.

[*Телебуга воюет Ляшскую землю*]

Телебуга пошел к Ляхам, а с ним все князья, по принуждению Татар, князь Лев с сыном своим Юрием, Мстислав—со своим войском, а Владимир—со своим. Так они пришли к Завихвосту и пришли к реке Висле; река еще не стала, и не могли ее перейти; пошли к верховьям ее, к Сендомиру, и перешли реку Сан по льду. Тут же на Сане Владимир вернулся от них назад. Они перешли Вислу по льду выше Сендомира и подступили к городу со всех сторон, но ни в чем не успели. Они начали воевать Ляшскую землю и стояли в ней десять дней.

Телебуга хотел итти к Кракову, но, не доходя его, вернулся к Торжку; до него дошла весть, что Ногай опередил его походом к Кракову; по причине этого был между ними большой спор.

[*Татары опустошают Львовскую землю*]

Так он не соединился с Ногаем, а пошел назад в землю Льва, к городу Львову, и стояли на земле Льва две недели, кормясь, а не воюя, и не давали из города выходить за хлебом: кто выезжал из города, того убивали, других забирали, а третьих грабили и пускали голыми, а те умирали от мороза, потому что зима стояла лютая; так они опустошили всю землю...

Во время осады бесчисленное множество умерло в городах, а другие померли в селах, выйдя из городов после ухода беззаконных Агарян.

Но мы вернемся к предыдущему.

[*Поход Ногая на Ляшскую землю*]

Проклятый Ногай не пошел к Ляхам одной дорогой с Телебугой, потому что между ними было большое несогласие, но пошел своей собственной дорогой на Перемышль. Когда он пришел к Кракову, ни в чем там не успел, так же как и Телебуга у Сендомира, и разорил Ляшскую землю. С Телебугой они не соединились, потому что боялись друг друга: эти—того, а те—этого, и так пошли обратно к своим вежам: Телебуга своею дорогой, а Ногай—своей.

Той зимой был среди Ляхов мор; умерло их бесчисленное множество. После ухода Телебуги и Ногая князь Лев сосчитал, сколько погибло на его земле людей: сколько захвачено, сколько убито и сколько их волею божиею померло; [оказалось] всего двенадцать с половиною тысяч [123].

[*Повсеместный мор на конях и скоте*]

В лето 6792...

В ту зиму был божий гнев в виде мора не только на одной Руси, но и среди Ляхов и Татар; погибли все кони, скот и овцы; все погибло, ничего не осталось...

[*Новый поход Телебуги и Алгуя вместе с Русскими князьями против Ляхов*]

В лето 6795. Послал бог на нас меч свой служить гневу его за увеличение грехов наших. Пошли Телебуга и Алгуй с большой силой, а с ними Русские князья, Лев, Мстислав, Владимир, Юрий Львович и много других князей; все князья были тогда в подчинении у Татар гневом божиим. Так они пошли все вместе.

[*Неизлечимая болезнь Владимира Васильковича. Он распоряжается своей землей и городами*][124]

Когда они шли против Ляхов и дошли до реки, называемой Сан, князь Владимир, отягощенный болезнью своего тела, стал посылать

к своему брату Мстиславу, говоря так: «Брат, ты видишь мою болезнь, что я уже—не в силах, а детей у меня нет; я отдаю тебе, брату своему, после своей смерти всю мою землю и все мои города, а отдаю это при царе [125] и его советниках».

Мстислав поклонился брату своему Владимиру. Послал Владимир к брату Льву и к племяннику Юрию с такими словами: «Вот я вам говорю: дал брату своему Мстиславу землю свою и города». Лев сказал Владимиру: «Чего мне под ним искать после твоей смерти? Все мы под богом ходим; дай мне бог силы на то время и со своим управиться».

Потом послал Мстислав к брату Льву и к племяннику своему сказать так: «Вот брат мой Владимир отдал мне всю землю свою и города; если чего захочешь искать после смерти брата моего и твоего, то вот перед тобою царь, а вот я; говори со мной чего ты захочешь?»

Лев ничего не мог сказать ему напротив.

[*Возвращение Владимира Васильковича к себе домой*]

Потом пошел Телебуга к Ляхам и Алгуй вместе с ним и все князья, а Владимира вернули назад, потому что горько было смотреть на него больного. Приехал Владимир, обрадовались все люди, увидав своего господина невредимым; он пробыл несколько дней во Владимире и начал говорить княгине своей и боярам: «Хотел бы я поехать в Любомль [126], потому что у меня дела с погаными нет, я—человек больной и с ними говорить не могу; проняло меня до нутра, а вот вместо меня—епископ Марк».

Он приехал в Любомль с княгинею и слугами своими дворовыми; из Любомля поехал в Берестье; пробыв в Берестье два дня, поехал в Каменец; там и лежал больной, в Каменце, и сказал княгине своей и слугам: «Как только уйдут эти поганые из земли, так и поедем в Любомль».

[*Переговоры между Владимиром Васильковичем и братом его Мстиславом о земле Владимирской*]

Несколько дней спустя приехали к нему в Каменец слуги, которые воевали с Ляхами вместе с татарами. Владимир начал их спрашивать: «Ушел ли уже Телебуга из земли Ляшской?» Они отвечали: «Ушел».—«А брат мой Лев и Мстислав и племянник мой здоровы ли?» Они отвечали: «В добром здоровьи, и бояре и слуги». Владимир поблагодарил за то бога. А о Мстиславе сказали, что он пошел с Телебугою ко Львову. Тогда они сказали: «Брат твой отдает город Всеволожь боярам и села раздает». У Владимира было большое неудовольствие против брата, и он начал говорить: «Вот я лежу больной, а брат мне еще больше прибавил болезней, я еще жив, а он раздает города мои и села мои; он только после смерти может раздавать их.»

Владимир послал посла своего с жалобой к брату своему Мстиславу:

«Ты меня ни на войне не захватил, ни приступом не взял, ни из городов моих не прогнал меня, придя на меня с войском; зачем ты так поступаешь со мной? Ты мне брат, а другой мне брат Лев, а племянник у меня Юрий; я из вас трех избрал тебя одного и дал тебе всю землю свою и города после своей смерти, а при моей жизни ты не вступайся ни во что. Я так поступил за гордость брата своего и племянника, тебе отдал землю свою».

Мстислав сказал брату своему:

«Господин! Братья—твои, земля—божия и твоя и города—твои, а я над ними не волен, и я—в твоей воле; дай мне бог иметь тебя вместо отца себе и служить тебе со всей правдой до своей смерти. Был бы ты, господин, здоров, а большая у меня надежда на тебя».

Приехал к Владимиру посол его в Каменец и сказал речь Мстислава. Владимира очень обрадовали эти слова.

[*Мстислав приезжает к Владимиру Васильковичу для составления душевной грамоты*]

Потом Владимир поехал из Каменца в Рай. Когда он приехал туда, он стал говорить своей княгине:

«Хочу послать за своим братом Мстиславом и учинить с ним уговор о земле и городах, о тебе, моя милая княгиня Ольга, и об этой девочке Изяславе, которую любил, как свою родную дочь. Бог не дал мне своих детей за мои грехи, но она у меня рождена, словно от моей княгини; я взял ее в пеленках у ее матери и воспитал ее».

Он послал к брату епископа Владимирского Евстигнея, а с ним Борка и Оловянца—сказать ему такие слова: «Брат, приезжай ко мне, хочу с тобой уговор учинить про все». Мстислав приехал к нему в Рай со своими боярами и слугами, а с ними епископ Владимирский, Борко и Оловянец.

Мстислав остановился на подворьи, и сказали слуги его Владимиру: «Брат твой приехал». Он лежал больной, услыхал про приезд брата, встал и сел; послал за братом; брат пришел к нему и поклонился. Владимир начал его спрашивать о Телебуге, что делалось у Ляхов и куда он пошел от Ляхов. Тот рассказал ему все по порядку, что было, и о многом другом говорил с ним.

Мстислав пошел на подворье. Владимир послал к нему своего епископа с Борком и Оловянцем сказать так: «Брат мой! Я для того тебя и позвал, что хочу с тобою уговор учинить о земле, о городах, о княгине своей и об этом дитяти; хочу и грамоты написать» [127].

Мстислав сказал епископу брата своего:

«Господин, брат мой! Разве я желал тебе того, чтобы доискиваться твоей земли при твоей жизни; этого и на сердце моем не было, а сказал ты мне, когда мы были у Ляхов с Телебугою и Алгуем, а тут же—брат мой Лев и племянник мой Юрий; ты, господин брат мой, прислал ко мне сказать так: «Мстислав, отдаю тебе землю мою всю и города после своей смерти».

Мстислав сказал епископу брата своего: «Господин, скажи брату: «Как угодно богу и тебе; если хочешь писать грамоты, то как божья воля и твоя». Епископ пришел от Мстислава и поведал речь брата. Владимир велел писцу своему Федорцу писать грамоты.

[*Завещание князя Владимира*]

«...Я, князь Владимир, сын Василька, внук Романа, отдаю землю свою и города после своей смерти брату своему Мстиславу, а также стольный свой город Владимир».

Другую такую же грамоту написал брату своему Мстиславу.

«Хочу и княгине своей написать такую грамоту».

[*Грамота княгине Ольге, жене князя Владимира*][128]

«...Я, князь Владимир, сын Василька, внук Романа, пишу грамоту. Дал княгине своей после смерти город Кобрин с людьми и данями: как при мне давали, так и после меня пусть дают княгине своей. А дал ей село мое Городло с мытом; а люди, как на меня трудились, так же [пусть] и на княгиню мою [работают] после моей смерти; а если нужно будет князю город рубить [строить], то и они к городу, а податью и татарщиной [129]—к князю; Садовое и Сомино ей же дал, княгине своей.

Монастырь св. Апостолов, который я создал своими средствами, а село купил Березовичи у Юрьевича Давыдовича Федорка и дал за него пятьдесят гривен кун, пять локтей скарлата[130] и брони, сделанные из пластинок, а то село дал монастырю Апостолов.

А княгиня моя, после моей смерти, захочет ли пойти в монастырь или не захочет, как она хочет; мне не встать и не смотреть, кто что будет делать после моей смерти».

[*Мстислав Даниилович дает клятву исполнить завещание Владимира*]

Потом послал Владимир к брату сказать так:

«Брат мой Мстислав. Целуй ко мне крест на том, чтобы ничего не отнять тебе у княгини моей после моей смерти, что я ей дал, и от этого детища, от Изяславы, не отдавать ее [замуж] неволей, но где моей княгине будет угодно, там ее и отдать».

Мстислав сказал:

«Господин брат! Избавь меня бог от того, чтобы отнять что-либо после твоей смерти у твоей княгини и у твоего детища; подай мне бог свою невестку считать своей достойной матерью и почитать ее; а про это дитя, если ты говоришь так, чтобы ее бог до того довел, то дай мне бог выдать ее [замуж], как дочь родную».

И на том целовал крест, что все это сделает.

Он учинил договор с братом в Федорову неделю и поехал во Владимир. Он приехал туда, в епископскую церковь Богородицы, созвал бояр Владимирских, своего брата, горожан Русских и Немцев, и велел перед всеми прочитать грамоты брата об отдаче земли и всех городов и стольного города Владимира, и слышали все от мала

до велика. Епископ Владимирский Евстигней благословил Мстислава крестом на княжение Владимирское.

Он уже хотел княжить во Владимире, но брат ему не позволил, сказав так: «Можешь княжить только после моей смерти».

Мстислав провел несколько дней во Владимире, поехал в свои города: Луцк, Дубно и другие города, о которых не писал.

Владимир переехал из Рая в Любомль; там лежал весь месяц больной, рассылая слуг своих на охоту; он и сам был очень храбрый охотник, никогда, охотясь на вепря и на медведя, не поджидал слуг своих, чтобы они ему помогли, а сам скоро убивал всякого зверя; он тем и прославился во всей земле, что дал ему бог счастье не только в одной охоте, но и во всем, за его доброту и правду.

Но мы вернемся к прежнему.

[Конрад, князь Самогитский, договаривается со Мстиславом Данииловичем]

Наступило лето. Услышал Конрад, князь Самогитский, брат Владимира, что он отдал всю землю свою и города, послал к Владимиру своего посла сказать так:

«Господин брат мой! Ты был мне вместо отца; как ты меня держал под своим покровительством и своей милостью, благодаря тебе, господин, я княжил и города свои держал и от братьев своих отбился, и грозен был, а теперь, господин, я слышал, что ты отдал всю землю свою и города брату своему Мстиславу; надеюсь на бога и на тебя, чтобы ты, господин мой, послал своего посла с моим послом к брату своему Мстиславу, чтобы брат твой принял меня по твоей милости под свое покровительство и стоял бы за меня за обиду мою так же, как ты, господин мой, стоял за меня, за обиды мои».

Владимир послал брату своему Мстиславу сказать так:

«Брат мой, ты сам знаешь, как я чтил своего брата Конрада и дарил его и за обиду его стоял так же, как и за свою; чтобы и ты также, ради меня, принял его с любовью под свое покровительство и защищал его от всякой его беды».

Мстислав обещал так сделать, сказав Владимиру:

«Брат мой, ради тебя принимаю его с любовью под свое покровительство, а за обиду его дай мне бог сложить свою голову».

Потом прислал Мстислав сказать Владимиру: «Хотел бы я свидеться с Конрадом; прошу у бога и у тебя указания, как ты мне велишь».

Владимир сказал: «Повидайся с ним».

Мстислав послал посла своего к Конраду сказать: «Хочу свидеться с тобою; приезжай ко мне». Приехал посол Мстислава, рассказал слова Мстислава Владимиру; тот очень порадовался этому.

После этого поехал Конрад ко Мстиславу и приехал в Берестье, а потом приехал в Любомль. Сказали Владимиру слуги его: «Господин, брат твой приехал, Конрад». Он велел ему прийти к себе. Конрад пришел ко Владимиру, где он лежал больной, сильно стра-

дая, и, войдя, поклонился ему и сильно плакал, видя его болезнь и расслабление красивого тела его.

Он о многом поговорил с братом своим, о чем мы писали прежде.

Он пошел на подворье. Владимир прислал ему своего доброго коня. Он пообедал и поехал во Владимир, а из Владимира—в Луцк. Когда он приехал в Луцк, Мстислава там не было; он был вблизи города, в одном месте, по имени Гай. Это место было красиво на вид и украшено различными зданиями; в нем была удивительная церковь, блистающая удивительной красотой; князю нравилось бывать там.

Конрад поехал из Луцка в Гай. Мстислав встретил с боярами своими и слугами, принял его с почетом и любовью под свое покровительство, по слову брата Владимира, и сказал так:

«Как тебя держал в чести брат мой и подарки давал и защищал тебя, дай бог и мне тебя так же держать в чести, дарить и защищать тебя за твои обиды».

Мстислав подарил Конраду красивых коней в удивительных седлах и дорогие одежды, других много подарков дал ему и таким образом отпустил его с честью.

[*Приезд к князю Владимиру Васильковичу Ляха Яртака из Люблина*]

После отъезда Конрада из Любомля прискакал Лях Яртак из Люблина, и сказали Владимиру: «Яртак приехал». [Князь] не велел ему [являться] к нему, а сказал своей княгине: «Расспроси его, зачем он приехал». Княгиня послала к нему посла. Он быстро пришел; она начала его спрашивать: «Князь тебе говорит: «Скажи, зачем ты приехал». Он начал рассказывать: «Князь Лешко умер (князь Владимир пожалел и расплакался), а прислали меня Люблинцы: желают князя Конрада на княжение в Кракове; хочу поскорее найти Конрада где-нибудь».

Княгиня пришла и рассказала слова Яртака.

Владимир велел дать ему коня, потому что его кони утомились.

[*Приезд к князю Владимиру Васильковичу князя Конрада*]

Он быстро поехал, нашел Конрада во Владимире и начал говорить ему: «Князь Лешко умер, а прислали меня Люблинцы: приезжай княжить к нам в Краков».

Конрад возвеселился сердцем и порадовался душой о княжестве Краковском; он быстро поехал и приехал в Любомль, желая поговорить с братом своим, как ему тот посоветует.

Владимир не велел ему приходить к себе, а сказал своей княгине: «Поди, поговори с ним, да отправь его, пусть едет прочь, а у меня ему нечего делать». Княгиня вошла и рассказала слова Конрада: «Брат тебе, господин, говорит: «Пошли со мной твоего Дуная, чтобы была мне честь».

[*Позор князя Конрада у Люблина*]

Конрад поехал быстро к Люблину. Когда он приехал туда, Ляхи заперли город и не пустили к себе Конрада. Конрад остановился на горе у монахов и послал так сказать горожанам: «Зачем меня привели, а теперь передо мной город заперли?» Горожане отвечали: «Мы тебя не приводили и за тобой не посылали; голова у нас Краков: там у нас воеводы и главные бояре; если будешь княжить в Кракове, мы готовы подчиниться тебе».

Потом сказали Конраду: «Войско идет к городу»; подумали, что это—войско Литовское, перепугались; убежал Конрад в башню к монахам с боярами своими и слугами и вместе с ним Дунай [воевода] князя Владимира Васильковича.

Когда войско пришло к городу, узнали, что это Русское войско. Конрад спросил воинов: «Кто воевода этого войска?» Они отвечали: «Князь Юрий Львович желает [добыть] себе Люблин и землю Люблинскую».

Юрий приехал к городу, но горожане не сдали ему города, но готовились сильно биться. Юрий понял их обман. Они сказали: «Князь, ты отважно ездишь, а войска у тебя мало; приедет много Ляхов, и позор твой будет велик». Юрий услыхал от них эти слова, разослал дружину свою разорять; они взяли много пленных, пожгли хлеб и села, и ничего не осталось в лесах, но все сожжено было воинами.

Так он вернулся к себе домой со множеством пленных, с челядью, скотом и конями.

А Конрад поехал к себе домой, получив позор большой: лучше ему в живых не быть.

Потом было большое волнение в Ляшской земле.

[*Князь Юрий Львович выпрашивает у князя Владимира Васильковича Берестье*]

В лето 6796. Прислал Юрий Львович посла к дяде своему Владимиру сказать ему:

«Господин дядя мой! Бог и ты знаешь, как я тебе служил по всей своей правде, считал тебя как бы за отца себе, ты бы пожалел меня за свою службу, а теперь, господин, мой отец прислал ко мне, отнимает у меня города, какие мне дал, Белз, Червен и Холм, а велит мне быть в Дорогичине и Мельнике. Кланяюсь богу и тебе, дяде своему, дай мне, господин, Берестье—это было бы мне кстати».

Владимир сказал послу:

«Племянник, не дам тебе; сам знаешь, что я недоверчив и не был лжецом, а бог знает и вся вселенная—не могу нарушать уговора, который учинил с братом своим Мстиславом, отдал ему землю свою и города и грамоты написал».

С этими словами он отпустил посла своего племянника.

[*Князь Владимир Василькович запрещает брату Мстиславу отдавать кому-либо свои города*]

После этого послал Владимир своего слугу доброго и верного, именем Ратшу, к брату своему Мстиславу так сказать ему:

«Присылал ко мне племянник мой Юрий просить у меня Берестья; я ему не дал ни города, ни села, и ты не давай ничего».

Он взял в руку солому из своей постели и сказал:

«Хотя бы пучок соломы попросил у тебя брат мой, ты и того не давай после моей смерти».

Ратша нашел Мстислава в Стожце и сказал ему слова брата. Мстислав поклонился на слова брата своего, сказав:

«Ты—мой брат, ты мне—отец, король Даниил, потому что принял меня под свое покровительство, а что мне велишь, господин, я—готов, слушаю тебя».

Он одарил Ратшу и отпустил его; тот приехал и рассказал все по порядку Владимиру.

[*Лев Даниилович присылает к Владимиру епископа Мемнона просить для себя Берестья*]

Потом прислал Лев епископа своего Перемышльского именем Мемнона к Владимиру. Слуги сказали ему: «Господин, владыка приехал». Он спросил: «Какой владыка?» Они отвечали: «Перемышльский; приехал от твоего брата Льва». Владимир, понимая и прошлое и будущее, зачем приехал, послал за ним. Тот вошел к нему и поклонился до земли, сказав: «Брат тебе кланяется». Он велел ему сесть. Тот начал исполнять поручение, данное ему как послу:

«Брат говорит тебе, господин: «Дядя твой, Даниил король, а мой отец, лежит в Холме в [церкви] Богородицы и сыновья его, братья мои и твои, Роман и Шварн, и всех кости тут лежат, а теперь, брат, слышим про твою тяжкую болезнь; как бы ты, брат мой, не погасил свечи над гробом дяди своего и братьев своих; если бы отдал город свой Берестье, то и твоя бы свеча была».

Владимир понимал иносказания и загадочные слова; говорил с епископом из многих книг, потому что он был большой книжник и философ, какого на всей земле не было и после него не будет, и сказал епископу:

«Брат князь Лев! Неужели ты считаешь меня глупым, что я не пойму твоей хитрости; разве мало тебе своей земли, что ты хочешь Берестья? Сам ты держишь три княжества: Галицкое, Перемышльское и Белзское, и все ты не сыт. Вот мой отец, а твой дядя, лежит в епископской церкви Богородицы во Владимире, а много ли ты над ним свечей поставил, какой город дал, чтобы та свеча была? Просил бы живым, а то уже для мертвых просишь: не дам ни города, ни села не возьмешь у меня; разумею твое лукавство, не дам».

Владимир одарил владыку, отпустил его, и словно у него никого не было.

[*Князь Владимир Василькович лежит четыре года в тяжелой болезни*]

Расскажем об этой его болезни [131].

Начала у него гнить нижняя губа, первый год немного, а на другой и третий год—больше стало гнить, но он еще не очень был болен, ходил и ездил на коне.

[*Милостыня князя Владимира Васильковича*][132]

Он роздал нищим все свое имущество: все золото и серебро и драгоценные камни, пояса золотые и серебряные отца своего и все свое, что после отца приобрел, все роздал; блюда большие серебряные и кубки золотые и серебряные сам перед своими глазами разбил и перелил в гривны, и большие золотые мониста бабки своей и матери своей все перелил и разослал милостыню по всей земле, и стада роздал бедным людям, у кого нет коней или у кого они погибли в Телебугину войну...

[*Последние дни Владимира Васильковича и его смерть*]

К конце четвертого года, с наступлением зимы, князь стал очень сильно болеть, отпало у него все мясо с подбородка, зубы нижние все отгнили, и челюсть, где подбородок, сгнила: он был словно второй Иов.

Он вошел в церковь Георгия, желая причаститься у своего духовного отца, вошел в малый алтарь, где священники снимают свои ризы; у него был обычай там всегда стоять, и сел он на стуле, потому что не мог стоять от болезни, поднял руки к небу и стал молиться со слезами...

Пришел он из церкви и лежал, потом никуда не выходил: и еще больше стал терять силы; отпало у него все мясо с подбородка, кость подбородочная отгнила, и стала видна гортань; не ел он семь недель ничего, кроме одной воды, и то понемногу. В четверг ночью стал терять силы, к пению петухов почувствовал, что умирает, [стал молиться]...

Кончил молитву, поднял руки к небу и отдал душу богу, присоединился к отцам своим и дедам, отдал общий долг, которого нельзя избежать всякому родившемуся.

Так умер благочестивый великий князь Владимир, сын Васильков, внук Романов, прокняжил после отца двадцать лет. Смерть его была в городе Любомли.

[*Похороны князя Владимира Васильковича*]

В лето 6797. Месяца декабря в десятый день, княгиня его со дворовыми слугами омыла его и обвила его оксамитом с кружевами, как подобает царям; положили его в сани и повезли во Владимир. Горожане от мала и до велика, мужчины, женщины и дети, с громким плачем проводили своего господина.

Привезли его во Владимир, в епископскую церковь Богородицы, и так поставили на санях в церкви, потому что было поздно. В тот же вечер по всему городу узнали про смерть князя.

На другой день, после заутрени, пришла княгиня его, сестра его Ольга и княгиня Елена монахиня, пришли с горьким плачем; сошелся весь город, все бояре, старые и молодые, плакали над ним. Епископ Владимирский Евстигней, все игумены и Агапит, печерский игумен, и попы всего города пели над ним положенные песнопения... и положили тело в отцовской гробнице..., месяца декабря в одиннадцатый день, в субботу.

Княгиня его плакала, не переставая, стоя впереди у гроба... плакали по нем знатные мужи Владимирские... плакало над ним множество Владимирцев, мужчины, женщины и дети, Немцы, Сурожцы [133], Новгородцы и Евреи плакали, словно во время взятия Иерусалима, когда вели их в плен Вавилонский; [плакали] разные нищие, монахи и монахини: он был милостив ко всем нищим.

[*Похвала князю Владимиру Васильковичу*]

Этот благочестивый князь Владимир был высок ростом, широк в плечах, лицом красив, волосы рыжие, кудрявые, борода подстрижена, руки и ноги красивые, голос низкий и нижняя губа толстая, он говорил понятно, по-книжному, потому что был большой философ и искусник, храбрый охотник, кроток, смиренен, незлоблив, правдив, не лжив, ненавидел воровство, никогда не пил, любил всех, больше же братьев своих, в крестном целовании стоял со всей правдой, исполнен страха божьего, больше всего заботился о милостыне, жертвовал на монастыри, утешал монахов и всех игуменов любил...

Князь Владимир в свое княжение срубил много городов после своего отца; срубил Берестье, а за Берестьем срубил город на пустом месте именем Лестна и дал ему имя Каменец, потому что почва была каменистая. Поставил в нем башню каменную, высотою в семнадцать сажен...

[Дальше перечень построенных князем Владимиром Васильковичем церквей.]

[*Начало княжения великого князя Мстислава во Владимире*]

В лето 6797. Князь Мстислав не поспел на похороны брата своего Владимира, но приехал после с боярами своими и слугами и поехал в епископскую церковь Богородицы, где был положен брат его Владимир, и громко плакал над гробом его, словно над отцом своим королем.

Он успокоился от плача и начал рассылать отряды по всем городам.

[«*Крамола*» *Берестьян*]

Он хотел послать в Берестье, Каменец и Бельск, и дошла до него весть, что отряды Юрия уже в Берестье, Каменце и Бельске.

Берестьяне учинили заговор. Когда князь Владимир был еще болен, они поехали к князю Юрию и целовали крест на том: «Как только не станет дяди твоего, мы—твои и город—твой, а ты—наш князь».

Когда Владимир умер, и Юрий услыхал весть о дяде своем, пришел в Берестье и стал княжить там, по совету своих безумных молодых бояр и мятежников Берестьян.

Мстиславу сказали его бояре и бояре брата: «Господин, племянник твой великий позор наложил на тебя... можем, господин, мы и наши дети свою жизнь положить за тебя; прежде всего, займи его города Белз и Червен, а потом пойдешь к Берестью».

Князь Мстислав был мягок сердцем и сказал своим боярам:

«Не дай мне бог пролить кровь невинную, но возвращу я при помощи бога и благословения Владимира».

[*Переговоры Мстислава с племянником Юрием и князем Львом*]

Он послал послов к племяннику своему сказать так:

«Племянник, если бы ты не был в том походе и не слыхал, но ты сам хорошо слышал и твой отец и все войско слышало, что брат мой Владимир отдал мне всю свою землю и города после своей смерти, при царях и их приближенных [слугах] и вам сказал, и я вам сказал; если ты чего хотел, то почему не говорил тогда при царях?

Скажи мне, по своей воле ты сел в Берестье или по воле отца своего, чтобы это было известно мне; не на мне эта кровь будет, а на виновном, а правому помощник бог и крест. Я хочу расправиться при помощи Татар, а ты сиди; если не поедешь добром, то злом поедешь».

Потом он послал к своему брату Льву епископа своего Владимирского сказать ему:

«Приношу жалобу богу и тебе, потому что ты мне брат старший; скажи мне, брат, по правде, своей ли волей сел сын твой в Берестье или по твоему распоряжению; если это—по твоей воле, скажу тебе, брат, не таясь: я послал привести Татар и сам собираюсь, как меня бог рассудит с вами: не на мне будет эта кровь, а на виноватом, на том, кто несправедливо поступил».

Князь Лев очень испугался, он еще помнил про все горе от Телебугиной войны и сказал епископу брата своего:

«Сын мой сделал это не с моего ведома—о том бог знает, а своим молодым умом учинил; не горюй, брат, об этом; пошлю я к нему: пусть едет из города».

Епископ приехал ко Мстиславу и рассказал слова брата. Мстислав был доволен.

Потом Мстислав в скорости послал гонца за Юрием, князем Поросским, приказывая вернуть его назад; он послал его привести Татар против своего племянника. Тогда Юрий Поросский служил Мстиславу, а раньше служил Владимиру.

[*Лев Даниилович приказывает своему сыну Юрию выехать из Берестья*]

Князь Лев услыхал это и послал Семена, сына своего дядьки, к своему сыну с другими речами сказать ему:

«Поезжай вон из города, не губи земли; брат мой послал привести Татар; если ты не поедешь вон, то я буду помощником своему брату против тебя; если я умру, то после смерти отдам всю землю свою брату своему Мстиславу, а тебе не дам, если не послушаешь меня, отца своего».

Семен поехал к Юрию. Мстислав послал с ним Павла Дионисовича; тот ездил ко Льву и знал все речи; послал с ним и отца своего духовного, сказав Павлу: «Если племянник поедет вон, приготовь мне еду и питье; также и в Каменце устрой».

[*Юрий с позором уезжает из Берестья*]

Семен приехал к Юрию и сказал слова отцовские; на другой день Юрий поехал вон из города с большим позором, разграбил все дома дяди своего, и не осталось камня на камне в Берестье, Каменце и Бельске.

Павел [послал] сказать Мстиславу: «Племянник уже уехал, а ты, господин, поезжай в свой город».

[*Мстислав объезжает Берестье, Каменец и Бельск*]

Мстислав поехал в Берестье. Когда он ехал к городу, встретили его горожане с крестами, от мала до велика, и приняли с большой радостью его, своего господина.

Берестьяне, зачинщики мятежа, поехали за Юрием до Дорогичина: он целовал им крест на том, что «не выдам вас дяде своему».

Мстислав пробыл немного дней в Берестье и поехал в Каменец и Бельск, и обрадовались ему все люди; он ободрил людей и поставил «засады» (полки для обороны) в Бельске и Каменце.

[*Мстислав устанавливает в Берестье «ловчее» за их крамолы*]

Он приехал в Берестье и сказал своим боярам: «Есть ли здесь «ловчее»? Они отвечали: «Нет, господин, искони не было». Мстислав сказал: «Я теперь устанавливаю на них «ловчее» за их крамолу», и велел писцу своему написать грамоту.

[*Грамота князя Мстислава Данииловича об установлении в Берестье «ловчего»*][134]

«Я, князь Мстислав, сын короля, внук Романа, устанавливаю «ловчее» на Берестьян навсегда за их крамолу: с сотни по два «лукна» меду, по две овцы, по пятнадцати «десятков» льну, по сту хлебов, по пяти «цебров» овса, по пяти «цебров» ржи и по двадцати кур—по стольку со всякой сотни; а с горожан—четыре гривны кун. Кто мое

слово нарушит, тот станет со мной перед богом. И вписал я в летопись про крамолу их»[135].

[*Княжение Мстислава во Владимире*]

Князь Мстислав сел на столе брата своего Владимира на самую Пасху, месяца апреля в десятый день, и начал княжить после своего брата, сияя правдой ко всем своим братьям, к боярам и простым людям (была тогда большая радость у людей, вот Пасха, а вот и вокняжение), держа мир с окрестными странами, с Ляхами, Немцами и Литвою; с величием держа свою землю там до Татар, а здесь до Ляхов и до Литвы[136].

[*Литовские князья отдают Мстиславу свой город Волковийск*]

Тогда Литовский князь Будкид и брат его Булдивид дали князю Мстиславу свой город Волковийск, чтобы он держал мир с ними.

[*Князь Конрад получает Сендомир с помощью войск Мстислава*]

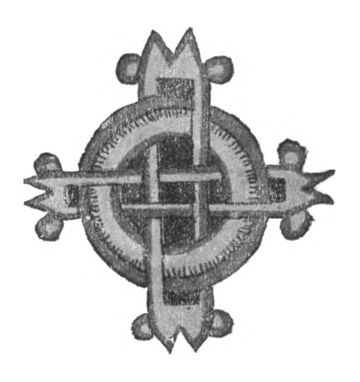
Он поставил сильный отряд в Берестье и поехал во Владимир; приехал он туда, и съехалось к нему бояр его старых и молодых бесчисленное множество. Тогда же приехал и Конрад, князь Самогитский, ко Мстиславу просить себе помощи против Ляхов, желая захватить княжество Сендомирское. Мстислав обещал ему, одарил Конрада и всех бояр его и отпустил его с такими словами: «Ты поезжай, а я за тобою пошлю свое войско». Конрад поехал, Мстислав собрал свое войско, послал его и назначил воеводой Чудина.

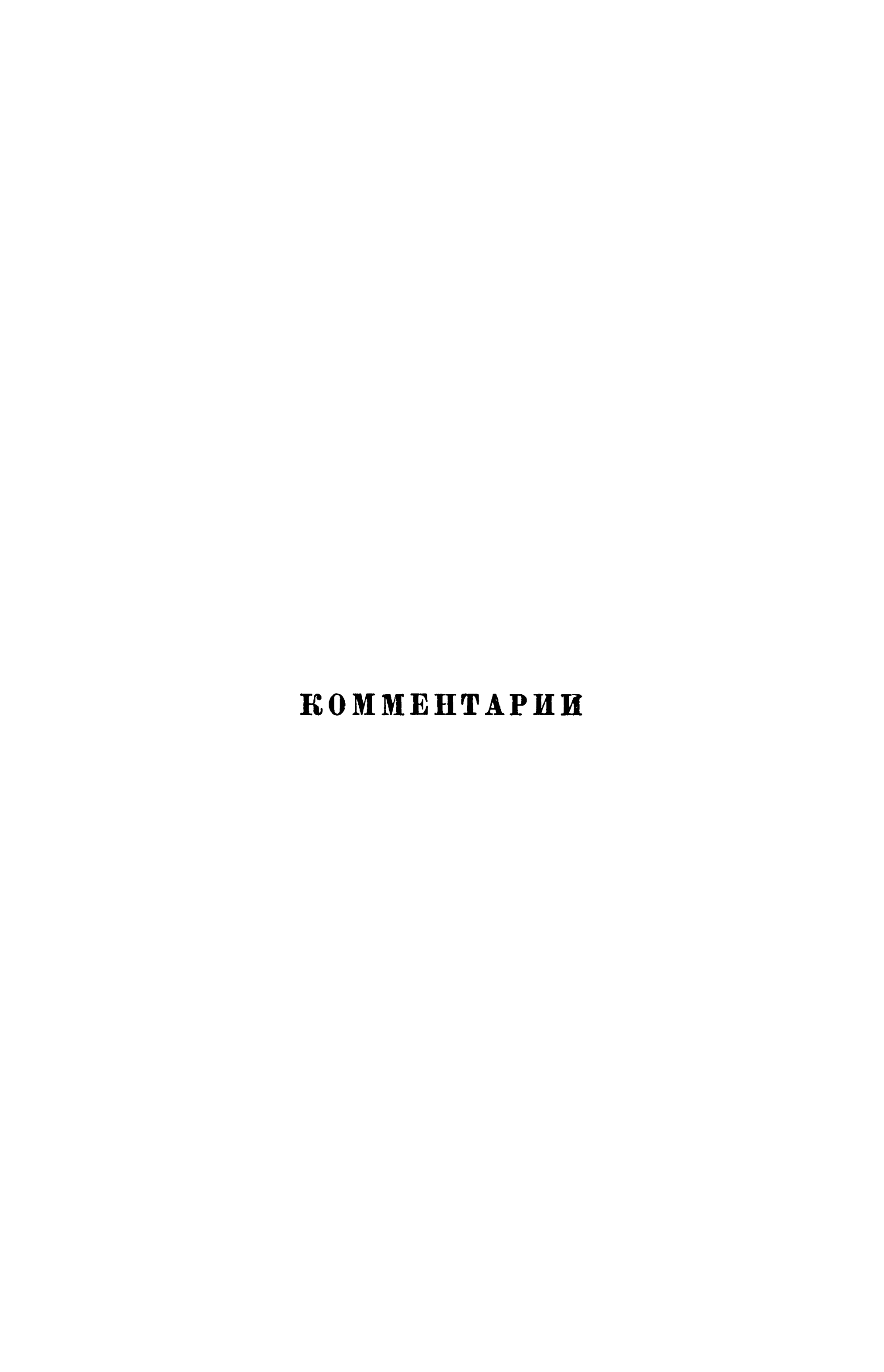
Так сел Конрад князем в Сендомире, с помощью князя Мстислава, сына короля...

[*Мстислав сооружает гробницу над могилой своей бабки*]

В лето 6799...

В тот же год бог вложил князю Мстиславу в сердце доброе желание построить каменную гробницу над могилой своей бабки, жены Романа, в монастыре...





КОММЕНТАРИИ

НАЧАЛЬНАЯ ЛЕТОПИСЬ

[1] *Строение «Повести временных лет»*

«Повесть временных лет»—оставляем в стороне ее сложную слоевую композицию—распадается, как и чешская хроника Козьмы Пражского (ум. в 1125 г.), на две основных части: 1) история земли Русской без точных хронологических дат и 2) погодный рассказ о земле Русской с того момента, когда в чужом, греческом, источнике автор нашел датированное известие о Руси, и кончая десятыми годами XII века. Начало «Повести»—обязательное для всякого средневекового автора: библейская формула о расселении племен после потопа и столпотворения Вавилонского по известному в ту эпоху миру; в рамках этой формулы он обязан был найти место для этнической группы, которую он особенно любит. Дальше очень неопределенной временной формой сцепляет он легендарную этнографию с привычным и прочным для него географическим пунктом—Дунаем, отсюда начинает прерывистый для современного глаза рассказ о переселении и расселении отдельных словенских племен, сначала чехо-моравской и южной группы, потом ляшской и восточной.

Дальнейшая схема введения:

1) *Топография полян.*
2) Путь из Варяг в Греки.
3) Круговое путешествие апостола Андрея.
4) *Топография полян.*
5) Кий, Щек и Хорив—князья киевские.
6) Род трех князей правит у полян; новая этнографическая картина Восточной Европы.
7) Сказание об обрах.
8) *Топография полян.*
9) Новая этнографическая картина Восточной Европы.
10) Нравы полян и других словенских племен.
11) Нравы иных племен по Амартолу.
12) Подчинение полян козарской власти.

Таким образом трижды указывается топография полян, первый раз для того, чтобы ввести картину международных торговых путей, второй раз—для преданий о трех древнейших князьях киевских и о нашествии обров, третий раз—для сравнительно-этнографической ориентировки читателя.

[2] *«Повесть временных лет»*—ἡ τῶν προσκαίρων ἐνιαυτῶν διήγησις, т. е. рассказ о мимолетных, быстро текущих годах прошлого, рассказ о событиях старого времени, уложенный в повествовательную форму. По мнению Н. К. Николь-

с к о г о, это заглавие относится не ко всей Начальной летописи, а только к вводным, доисторическим статьям.

[3] *Тематика «Повести»* слагается из трех моментов: 1) происхождение Русской земли, 2) первые князья в Киеве и 3) образование Русской земли.

На первые два вопроса отвечает до-история, на третий—собственно летописная часть.

[4] Современному делению на части света соответствует средневековое легендарно-этническое деление вселенной среди потомства сыновей Ноя: владения Хама соответствуют приблизительно Африке, владения Сима—Азии, и Иафета—Европе.

[5] Опущены подробные перечни стран, входивших в состав наследства сыновей Ноя.

[6] *Русь* выведена в первый раз в «Повести» в составе Иафетовой этнической группы, без всяких норманофильских комментариев,—для обозначения *всей совокупности словенских земель* в Восточной Европе, рядом с десятью финскими племенами и пятью литовскими.

[7] При переводе принята во внимание поправка Ш а х м а т о в а : вместо «вьси языци» читать «Весь».

[8] *Варяги* (греческое βάραγγοι)—скандинавы вообще, в частности феодалы (ярлы), выходцы из Скандинавии, частью воины, поступившие на русскую и византийскую службу, частью купцы-конквистадоры, как их сородичи на Западе—норманны, завоеватели чужих земель и торговцы данью с этих земель. От варягов и море Балтийское называлось в ту эпоху Варяжским.

[9] Здесь «Русь» впервые помещена среди варяжских племен, согласно норманофильской «теории» автора.

[10] *Локоть*—мера длины, равная, по Х в о л ь с о н у, приблизительно 57,8 *см.*

[11] *Норики*—жители Норика, древней провинции Римского государства около Дуная (Верхняя и Нижняя Австрия, бóльшая часть Штирии, Каринтии и Зальцбурга); в VI веке там жили словене, а потом племена, которых западные хроники называют баварцами.

[12] В до-истории автор «Повести» лишен всякой хронологической опоры и потому оперирует *неопределенной* временной формулой: «По мънозѣхъ же временѣхъ».

[13] *Дунай*, где земля Угорская (Венгерская) и Болгарская,—первый надежный пункт в топографии автора для словен. С Дуная он начинает рисовать картину распадения единого дотоле словенского племени на группы и расселения их по разным частям Средней и Восточной Европы.

[14] *Моравы* названы первыми, как получившие прежде всех письменность словенскую от солунских учителей Кирилла и Мефодия.

[15] *Волохи* остаются научной проблемой; старая гипотеза считает их за римлян, покоривших Дакию, более новая—за франков при Карле Великом; возможно, что волохи (влахи) были потомками римских колонистов и романизованных даков, предками современных румын.

[16] *Древляне*—жители деревьев (лесов).

[17] *Дреговичи*—жители болот (от «дрьгьва»—болото).

[18] Детализация в описании «пути от Варяг в Грькы» подчеркивает большую хозяйственную и политическую его значимость для земли Русской. Как свое любимое детище, автор железной цепью связует его с двумя столицами мира: Римом и Царьградом.

[19] *Понтское море* (Понт) от греческого Πόντος—Черное море.

[20] *Оковский* (*Волоковисский*, *Волконский*) лес—очень неопределенный термин у древних русских писателей и иностранцев для обозначения лесистых ненаселенных частей, откуда берут начало три главные реки восточно-европейской равнины; его отождествляют то с Валдайскими горами, то со всей Алаунской возвышенностью, то с отдельными лесистыми и болотистыми участками у истоков этих рек.

[21] *Море Хвалисское*—древнее название Каспийского моря, по северному побережью которого жил народ *хвалиссы* с неясным этническим происхождением и исторической судьбой.

[22] Характерно, что «святой град» Иерусалим выпадает здесь совсем из кругозора автора «Повести»: *основные топографические пункты в итинерарии купца-путешественника-конквистадора—больше политические, чем религиозные.*

[23] Автор, следуя исторической метафизике средневековья, отыскивает и для Русской земли апостола, приводит легенду о путешествии апостола Андрея из Царьграда в Рим кружным путем «из Варяг в Греки».

[24] *Синоп*—большая греческая колония на южном берегу Черного моря, впоследствии важный торговый и культурный центр Византийской империи.

[25] *Корсунь*—древне-русское название для города Херсонеса. Херсонес—древняя греческая колония на северном берегу Черного моря в V—XIII вв., крупный стратегический и христианский центр Византийской империи, исходная точка для христианской проповеди в Русской земле; теперь его развалины—к западу от Севастополя.

[26] Словене в эпоху апостола Андрея (I век н. эры)—интересный пример средневекового «исторического мышления».

[27] Эпизод с словенскими банями—отрывок из какого-то «хождения», т. е. путешествия в дальние страны в средние века; любопытство к разным диковинам, запись этих диковин отличает именно средневековых купцов-конквистадоров.

[28] *Квас уснияный (мытель)*—навар разных душистых трав (мяты, левистика и т. п.), употребляемый для мытья головы.

[29] Сказочный мотив о трех братьях, князьях или царевичах, осложненный обычной для средневековья персонификацией географических ординат; конечно, мышление автора от лица к географическому имени приходится теперь расшифровывать с определенной *инверсией.*

[30] Лесная полоса в эту эпоху гораздо дальше заходила вглубь степей, чем в наше время.

[31] Контроверза о происхождении Кия—интересный образец «ученой» методологии автора «Повести», процесса восхождения у него от «первоисточников» к «научным фактам».

[32] Этнографические таблицы восточных (русских) словен в начальной части «Повести».

I	II	III
1. *Поляне*—по Днепру	1. *Поляне*	1. *Поляне*
2. *Древляне*—по лесам	2. *Древляне*	2. *Древляне*
3. *Дреговичи*—между Припетью и Двиною	3. *Дреговичи*	3. *Радимичи*—по Сожу
4. *Полочане*—по Двине и Полоте	4. *Словене*—в Новгороде	4. *Вятичи*—по Оке
5. *Словене*—около Ильменя-озера	5. *Полочане*—на Полоте	5. *Север*
6. *Север*—по Десне, Сейму и Суле	6. *Кривичи*—на верховьях Волги, Днепра и Двины	6. *Хорваты*
	7. *Север*	7. *Дулебы*—по Бугу, где ныне волыняне
	8. *Бужане*—по Бугу (впоследствии волыняне)	8. *Уличи* } по Днестру, около Дуная
		9. *Тиверцы* } по Днестру, около Дуная

[33] *Клещино озеро*—Переяславское озеро.

[34] Проводится резкая грань между народами, составлявшими Русь, и между народами, платившими дань Руси, так сказать, устанавливается своеобразная политическая иерархия между народами.

[35] *Хозары*—народ, населявший южную Русь от северной части Кавказа до Десны, Сейма, Сулы и Сожа на севере, тюркского происхождения, по наблюдениям известного писателя X века, византийского царя Константина Багрянородного.

[36] *Угры*—мадьяры, в 895 г. н. эры под предводительством хана Арпада передвинувшиеся из южно-русских степей в низменности Венгрии.

[37] *Ираклий*—византийский царь (610—641 гг. н. эры).

[38] Здесь идет речь о персидском царе *Хосрое* (Хосрове) *II Первизе* (590—628 гг. н. эры).

[39] *Обры* (существа сверхчеловеческой силы)—название аваров, кочевого племени, пришедшего в Европу в VI веке; жили в Паннонии и южной части Вен-

грии между Дунаем и Тиссой. В рассказе об обрах обобщены два реальных момента их шумной деятельности в Европе: 1) неслыханная сверхчеловеческая (откуда их название) эксплоатация словенских племен и 2) разгром их Карлом Великим, после которого они исчезают совершенно с исторической сцены.

[40] Как этнографа автора характеризует широкий размах его тематики: 1) пища, 2) жилье, 3) брачные обряды, 4) «игрища», 5) погребальные обряды и 6) «закон». Описание пропитано моральными оценками и дает оригинальное заключение: «Племена словенские сами себе творили закон», т. е. отказывается от обычного для средневековья «бесовского» объяснения, а очень своеобразно проводит идею о возможности самостоятельного религиозно-морального творчества.

[41] Принимаю чтение А. С. Орлова: «уводы», потому что в древности «вода» означала жидкость, а не источник, реку или озеро.

[42] *Игрища*—забавы, зрелища.

[43] *Тризна*—словенское название для некоторых моментов погребального обряда, своеобразные поминки на могиле вождя, князя: первый момент—устройство военных игр, второй—попойка.

[44] Разумеется *хронограф Георгия Амартола*, главный чужеземный источник для автора, основной хронологический и методологический руководитель, высший авторитет при решении запутанных хронологических задач,при описании каких-либо этнографических диковинок.

Георгий Амартол (ἁμαρτωλός—грешник) написал свою хронику во второй половине IX века, в 4 книгах, от Адама до начала царствования Михаила (842 г. н. эры); его хроника—историческое произведение, так сказать, второго сорта; оно прежде всего стремится удовлетворить вкусы толпы, падкой на все чудесное. Амартол всюду отыскивает и собирает в своих книгах рассказы о чудесных лицах, колдунах и волшебниках, о диковинных народах, замечает и сравнивает этнографический материал. Автор «Повести», подражая оригиналу, тоже старается сделать свою «Повесть» возможно интересной, увлекательной.

[45] *Бактрийцы*—жители страны между западной частью Гиндукуша и рекою Аму-Дарья; *Бактры*—Балх, развалины которого теперь в северном Афганистане.

[46] *Амазонки*—мифические существа, предмет эпической поэзии и изобразительных искусств древней Эллады (статуи, рельефы, вазопись).

[47] Характерно здесь отсутствие узкого религиозного конфессионализма: нет еще вражды к «латынам»—католикам, красной нитью проходящей через последующую литературу русского средневековья.

[48] *Дым*—жилище с отдельным очагом и двором, основная клетка тогдашнего общественного уклада, примитивная и элементарная податная единица.

[49] «*Надъ рѣкою Дънѣпрьскою*»—вместо обычной формы: «надъ Дънѣпромъ»—указывает на остаток какой-то песни, которой пользовался автор.

[50] Притча о превосходстве обоюдоострого оружия над оружием односторонним опять ведет к *песенному* источнику военной среды; певцы при княжеских дворах, вероятно, не раз воспевали преимущество того или иного вида оружия.

[51] Здесь начинается *вторая*, *погодная* часть «Повести временных лет». Ее начало—большая и сложная хронологическая таблица; ее средина—рассказы о древних князьях, рассеянные среди моря пустых годов, и, наконец, ряды ежегодных, все более подробных и усложняющихся записей. Там компактные группы рассказов о: 1) консолидации земли Русской, 2) христианском ее просвещении, 3) замечательных князьях XI века, 4) Печерском монастыре, 5) половецких нашествиях, 6) княжеских «которáх» и «снемах» и 7) волхвах и колдовских делах. Но единство объекта («земля Русская») и цельность рассказа не нарушаются, несмотря на кажущуюся мозаичность тематики.

[52] *Лето 6360*. Счет годов в «Повести» ведется от сотворения мира, которое, по византийскому расчету, определялось в 5508 лет до начала нашей эры и в 5500—по александрийскому расчету; в «Повести» принят византийский расчет, т. е. чтобы перевести летописную дату на современное летосчисление, нужно вычесть из этой даты—5508, разность укажет год нашей эры: так, в данном случае лето 6360: 6360—5508=852 г. современной эры. Необходима еще одна поправка: до крещения Руси годы можно считать сентябрьскими, т. е. с

изъ заморьꙗ на чюди
и на словѣнехъ. и на мѣ
рахъ и на всѣхъ криви
чахъ. а козарѣ имахуть
на полѧнѣ. и на сѣверех
и на вѧтичихъ. имаху
по бѣлѣ и вѣверицѣ. та
ко от дыма.
В лѣт. ѕ҃. т҃. ѯ҃. и
В лѣто ѕ҃. т҃. ѯ҃. ѳ
В лѣто ѕ҃. т҃. о҃.
И изгнаша варѧгы за мо
ре. и не даша имъ дани.
и почаша сами в собѣ во
лодѣти. и не бѣ в нихъ
правды. и въста родъ
на родъ. и быша оусобицѣ
в них. и воевати сами на
сѧ почаша. и рѣкоша по
ищемъ сами в собѣ кнѧ
зѧ. иже бы володѣлъ
нами и радилъ по рѧ
ду по праву. идоша за
море к варѧгомъ к руси. сі
це бо звахуть ты варѧ
ги русь. ꙗко се друзии
зовутсѧ свее. друзии
же оурмани. анъглѧне
инии и готе. тако и си
рѣкоша. русь. чюдь. сло
венѣ. кривичи. и вся
земля наша велика. и
обилна. а нарѧда в

неи нѣтъ. да поидѣте
кнѧжит и володѣть на
ми. и изъбрашасѧ. три
братья. с роды своими.
и поꙗша по собѣ всю русь
и придоша к словѣномъ пер
вѣе. и срубиша город
ладогу. и сѣде старѣи
шии в ладозѣ рюрикъ.
а другии синеоусъ на бѣ
лѣозерѣ. а третѣи тру
воръ въ изборьскѣ. и от
тѣхъ варѧгъ прозва
сѧ руськаꙗ земля. по дву
ю же лѣту. оумре си
неоусъ и братъ его тру
воръ. и приꙗ рюрикъ
власть всю одинъ. и
пришед къ ильмерю. и
сруби город надъ волхо
вомъ. и прозваша и нов
город. и сѣде ту кнѧжа
и раздаꙗ мужемъ сво
имъ волости. и городы
рубити. овому полот
ескъ. овому ростовъ
другому бѣлоозеро. и
по тѣмъ городомъ суть
находници варѧзи.
перьвии насельници
в новѣгородѣ словенѣ.
и полотьски кривичи.
ростовѣ мерѧне. бѣлѣ

Образец летописного текста:
«Скавание о призвании Варягов»

зеро весь Муромъ и тѣм всѣми
обладаше Рюрикъ. и бѣ
ста у него два мужа не
племени его ни бояри
на. и та испросистася
къ Цр҃юграду с родо
своимъ. и поидоста по
Днепру. и идучи мимо
и узрѣста на горѣ горо
докъ. и въспрошаста
рекуще. чии се городъ.
они же рекоша были су
ть 3 братья. Кии. Ще
къ. Хоривъ. иже сдѣла
ша городоксии. и изгы
боша. а мы сѣдимъ
родъ ихъ. и платимъ
дань козаромъ. Аско
лдъ же и Диръ. остаста
в городѣ семъ. и
многы варягы съво
куписта. и начаста
владѣти польскою зе
млею. Рюрику же кня
жащю в Новѣгородѣ.
лѣ ҂ѕ т оа.
лѣ ҂ѕ т ов.
лѣ ҂ѕ т ог.
лѣ ҂ѕ т од.
И иде Асколдъ и Диръ на
грекы. и приде въ ді
лѣ Михаила цр҃я. цр҃ю

же отшедшю на агаря
ны. и дошедшю ему Черно
рѣкы. вѣсть епархъ по
слаше ему. яко Русь идеть на
Цр҃ьгра. и вороти ся цр҃ь.
си же внутрь Суда вшедъ
ше много убииство хр҃ть
яномъ створиша. и въ
двою сту корабли цр҃ь
гра оступиша. цр҃ь же о
два въ городъ вниде. и с па
триархомъ Фотиемъ къ
сущии церкви святыи Бц҃и Въ
лахернѣхъ. всю нощь мо
литву створиша. тако
же бж҃ственую ризу ст҃ы
я Бц҃а с пѣсьми изнесе
ше. в рѣку омочиша
ти шинѣ сущи. и морю укро
тившюся. абье буря съ вѣ
тромъ въста. и волнамъ ве
ликимъ въставшимъ засо
бь. и безбожных Руси
корабля смяте. и къ бе
регу привѣрже. и изби я.
яко малу их от таковы
я бѣды избыти. и въ сво
я си възвратишася.
В лѣто ҂ѕ т ое.
В лѣто ҂ѕ т оѕ.
Поча цр҃ьствовати Василии.
В лѣто ҂ѕ т оз.
Крещена бысть вся земля

+ Асколдъ и Диръ +

Образец летописного текста:
«Сказание о призвании Варягов»

(продолжение)

началом 1 сентября; после крещения, когда появилась русская письменность, годы могут быть (по господствовавшему на Руси счету) мартовскими, т. е. начинаются около 1 марта, иногда предваряя, а чаще следуя за этим числом («circa-мартовский год» Н. В. Степанова). В зависимости от того и другого начала года, нужно там, где «Повесть» дает месячные даты, учитывать эту особенность при переводе старинной даты на современный, *январский* год. В приложенной хронологической таблице дан перевод всех дат «Повести» на современное летосчисление.

[53] *Индикт*—летосчисление, введенное царем Константином Великим с 312 г. н. эры как промежуточная ордината между «веком» (столетием) и «годом», вместо древних олимпиад. Начало византийского индикта считалось с 1 сентября.

Чтобы узнать индикт для данного года н. эры, необходимо прибавить к нему число 3 и полученную сумму разделить на 15: частное покажет число протекших циклов индикта, а остаток—искомый индикт.

[54] Михаил начал царствовать в Византии в 842 г. н. эры, т. е. на 10 лет *раньше*, чем указано в начале хронологической сетки, наброшенной на «Повесть».

[55] *Сложная хронологическая таблица* в начале погодной части «Повести» слагается из четырех существенных моментов.

Первый момент—точная хронологическая фиксация первого упоминания о Русской земле, т. е. отправного пункта для сколько-нибудь точной погодной ориентировки земли Русской.

Второй момент—хронологическая таблица мировых событий от Адама до начала царствования Михаила, когда впервые названа земля Русской.

Третий момент—хронологические даты первых русских князей, кончая Ярославом.

Четвертый момент—суммирование временных интервалов от Святослава до смерти Святополка Изяславича.

[56] Автор «Повести» настолько доверился своему греческому источнику-авторитету, что без проверки принимает хронологические вехи от Адама до Р. Х., а между тем сумма всех временных интервалов—2242+1082+430+601+448++318+333=5454, а не 5508 или 5500, как принято в официальных расчетах; неясно, почему для Александра Македонского принята дата 333 г. до нашей эры; точные хронологические даты для Александра: 336—323 гг. до н. эры.

[57] Неясно, что́ означает для царя Константина дата 318 лет; точные хронологические даты для Константина: 306—337 гг. н. эры.

[58] Сумма двух периодов—от Р. Х. до Константина (318 л.)+от Константина до Михаила (542 г.)=860 лет, т. е. противоречит и реальной хронологической дате (842 г.), и только что приведенной летописной (852 г.): здесь такая дата, возможно, получилась оттого, что принят александрийский расчет в 5500 лет от Адама до н. эры.

[59] Характерно, что автор как будто считает здесь первым достоверным князем русским не Рюрика, а Олега, к которому и привязывает нить от царя Михаила: Рюрик, видимо, наравне с Кием относится к беспросветной хронологически доистории Русской земли; возможно, впрочем, что автор забывает о своей «теории» русского происхождения Рюрика и считает первым русским князем первого *киевского князя из русского племени, Олега.*

[60] Исчисление промежутка между первым годом Михаила и первым годом Олега (6387 г.=879 г.) опять дает новую дату 879 г.—29 г.=850 г., т. е. вполне верную в конце концов, при условии применения александрийского расчета.

[61] Суммирование отдельных княжений от Олега до смерти Ярослава дает 177 лет, т. е. интервал от 6390 (882 г. н. эры) до 6567 г. (1059 г.), тогда как в действительности, по данным «Повести», Ярослав умер в 6562 г. (1054 г. н. эры); разница в пять лет объясняется, вероятно, тем, что в ту эпоху *неполные года при подсчете принимались за полные.*

[62] Отсюда можно сделать вывод, что «Повесть» данной редакции написана после смерти Святополка (1113 г.), но нельзя с абсолютной точностью утверждать, что указания на смерть Святослава и Ярослава означают крайние хронологические границы предшествовавших «Повести» летописных сводов.

[63] Terminus technicus «Повести» для выражения *вставки*, прерывающей цельный рассказ.

[64] *Перечень пустых годов*, хронологическая сетка без конкретного содержания, характерен как символ временных вех для темных автору «Повести» дальних событий: автор боится ошибиться в расстановке событий и, словно по пальцам, отсчитывает «лета».

[65] *Лето 6367*. Здесь дана не запись событий за этот год, а методом *конденсации* устойчивая картина севера и юга Русской земли в исходный хронологический момент ее истории.

[66] *Беличья шкурка*: здесь указание на дань с полян противоречит прежнему рассказу (см. прим. 50) о козарской дани «мечом» с тех же полян: образчик очень реалистического исправления аретологически-сказочного мотива.

[67] *Лето 6370* дает конденсированную картину очень длительного и запутанно-сложного процесса в северной Руси: 1) изгнание варягов, бравших прежде дань с северных племен, 2) самостоятельная, независимая от внешних владык власть, 3) bellum omnium gentium contra omnes, 4) перемирие и совещание между враждебными родами, 5) новое обращение к варягам за «правыми» князьями, 6) приход трех варяжских (русских) князей со своими родами, 7) расселение их среди северных племен, 8) единовластие старшего брата и 9) раздача городов дружинникам главного «конунга».

Очень реальные мотивы чередуются здесь со сказочными и с учеными композициями самого автора.

I. *Реальные*: 1) обращение за помощью к варягам: так поступали и князья Владимир—в борьбе против Ярополка и Ярослав—в борьбе против Святополка Окаянного и Мстислава Тмутороканьского, 2) плата дани варягам: «Повесть» говорит об этой дани неоднократно в разных местах, приводит скользящую ска́лу этой дани от трехсот до трех тысяч гривен в год, 3) приход с родичами варяжских князей: так, напр., приходил Якун на помощь Ярославу против Мстислава Тмутороканьского, 4) bellum omnium gentium contra omnes.

II. *Сказочные*: *добывание* князей и приход *трех* братьев; современные исследователи (особенно Т и а н д е р) не без оснований усматривают в приходе трех братьев *бродячий сказочный мотив*, см. предания: 1) об эмиграции лангобардов, 2) о призвании сакских князей, 3) об открытии острова Готланда, 4) о колонизации Нюланда в Финляндии.

III. *Ученые композиции автора*: 1) тоска по праву и поиски «правого» князя; 2) отождествление руси с варягами; 3) наслоение русского имени на словенские племена.

Вопрос о варягах-руси—объект самой бурной и ожесточенной ученой войны. Ученые разбились на два больших враждующих отряда: *норманистов* и *антинорманистов*. Первые примыкают к тезису автора «Повести», что русь—это племя варягов (скандинавов), которые и дали свое имя разным словенским племенам и землям (в Новгородской летописи слово «Русь» еще в XII веке означает преимущественно Киевскую землю, но под 6677 г. Русской землей названы и Низовцы. Под 6746 г. Русскою землею названы Суздальская и Рязанская, Ростовская и Тверская земли, со средины XIII века «Русь» начинает употребляться для обозначения Суздальской земли, но себя, свою землю, новгородцы еще не скоро назовут русским именем).

Антинорманисты единогласно отвергают скандинавское происхождение руси, но в положительных построениях распадаются на бесчисленные партии: одни (Г е д е о н о в) выводят русь от прибалтийских словен—вендов, другие (Б у д и л о в и ч)—от готов, населявших некогда южную Русь, третьи (И л о в а й с к и й)—от южно-словенского племени рокс-аланов и т. д и т. д.

Са́ма «Повесть» для XI и XII веков считает, на ряде конкретных примеров, имя «русь»—именем княжеской дружины, бояр и вообще правящих феодальных верхов. На новгородском севере такой же правящий слой зовется варягами. Автор «Повести» и на севере и на юге отличает этот правящий слой от сидевших под ним словенских племен. Когда он приводит древние воспоминания или рисует современные этнографические картины, всюду говорится о словенах и полянах, но в рассказе о политических событиях, где на первом месте выступают князь и дружина, он употребляет термины «варяги» и «русь».

Варяги и русь—следовательно, племена севера и юга, но их происхождение, как думает автор «Повести», крупнейший ученый XII века, и Шахматов, крупнейший ученый XX века,—одно и то же.

Русь—это те же норманны, это древнейший слой варягов, первые выходцы из Скандинавии, осевшие на юге раньше, чем их потомки стали оседать на менее привлекательном, лесистом и болотистом севере. Вторые выходцы, потомки скандинавского населения, давшего и первых выходцев, стали известны уже не под именем руси, а варягов; впрочем, финские племена продолжали называть новых выходцев из Скандинавии старым именем, как и до сих пор финны называют их все так же (Ruotsi). Впоследствии забывается и имя варягов; несмотря на непрерывные сношения с Скандинавией, ее жители получают имя «свеи».

Родство или тождество руси с варягами отмечено не только киевлянами, но и греками, а также западными хронистами.

В хронике, составляющей продолжение хроники Георгия Амартола (см. выше прим. 44): Κατέπλευσαν σι᾽ Ῥῶς καὶ οἱ Δρομῖται λεγόμενοι οἱ ἐκ γένους τῶν Φράγγων ὄντες.

Царь византийский Константин Багрянородный отличает русь от ее данников, различных словенских племен, отличает и в отношении языка, причем, давая «русские» названия днепровских порогов и отличая их от «словенских», приводит названия древнескандинавские, т. е. варяжские.

В Бертинской летописи под 839 г. н. эры говорится о послах к императору Людовику Благочестивому какого-то народа «Ros», который называл своего правителя хаканом, а по расследовании оказался ex gente Sveorum.

Можно предполагать, что в VIII—IX веках на восточно-европейской равнине разыгрывались такие события:

Среди поля (приднепровских словен) появляются феодальные полчища скандинавов-норманнов, садятся в городах (укрепленных пунктах) и начинают покорять окрестные словенские племена; их называют *русью*, может быть, под влиянием той этнографической среды, через которую они проникали на юг,—финских племен.

Русь, прочно овладевшая южными словенскими племенами, недружелюбно встречает новую толпу выходцев из-за моря по «пути из Варяг в Греки»; конечно, нельзя совершенно оградить себя от новых «находников», но русь очень неохотно делится с ними насиженными местами, облюбованными данями. Юг уже отрезан для колонизации его норманнами, колонизационная волна волей-неволей должна была оседать в местностях, более близких к Скандинавии, менее привлекательных по природным свойствам; тогда норманны занимают Озерный край, покоряют северных словен и финнов. Новые выходцы из Скандинавии, повидимому, сами себя называют *варягами*.

Таким образом феодальное государство, складывавшееся понемногу на юге, начинает зарождаться и на севере. «Находники» здесь и там ассимилируются с «первыми насельниками», но зато дают местам, ими занятым, и племенам, особенно тесно с ними слитым, свои имена.

На юге поляне получают имя «руси», широко распространяющееся всюду, куда проникает княжеский сборщик дани, где садится княжеский муж.

На севере словене получают имя варягов,—имя, которым гордятся словенские дружинники (как некогда римляне гордились своим происхождением от троянцев) на Белоозере, в Ростове и Муроме.

Столкновение двух феодальных объединений, русского и варяжского, становится неизбежным. Русскому князю необходимо удержать в своих руках весь «путь из Варяг в Греки»—иначе упадет торговое значение Киева и других южных городов; ему важно оградить свои «волости» и города от новых «находников», которых выслать теперь не только скандинавский, но и словенско-чудский север.

Варяжскому князю естественно стремиться на юг с организованными полчищами словен и финских племен, чтобы вытеснить оттуда счастливых сородичей, занявших обильные области южно-словенских племен.

В IX веке начинается борьба, тянувшаяся около двух столетий, между варяжским севером и русским югом. Борьба принимает странный оборот: варяжский князь не раз становится победителем, захватывает Киев, изгоняет соперника, но потом оседает в Киеве и становится сам уже не варяжским, а русским князем (Олег—Игорь, Владимир, Ярослав).

В этой борьбе проигрывает тот или иной русский князь, но выигрывает русский юг в целом; напротив, побеждает князь варяжский и проигрывает варяжский север. Новгород попадает в зависимость от киевского князя, хотя и получает от него великие свободы в награду за помощь, оказанную не раз князю, посаженному на русский стол варяжским севером. Скандинавы спешат переименоваться в русских не только на юге, но и на севере. Имя варягов быстро забывается, не удерживается оно и в Новгороде; на смену ему проникает на север имя руси; только оно обозначает теперь уже не норманнов, а феодалов, князя киевского и его родичей, а также княжеских дружинников и сборщиков дани.

[68] *Правда, право*—понятия, внесенные автором, воспитанным на византийском «законе», в темную междуродовую борьбу словен и финских племен.

[69] В оригинале «*Урмане*»—норманны, скандинавские воины, купцы-конквистадоры, в IX и X веках наполнявшие своей «яростью» все народы Европы (особенно Западной, где они и получили название «северных людей» — Nordmänner).

[70] В оригинале «*Агляне*»—не германское племя англов, а норманны, захватившие Англию при Вильгельме Завоевателе, после битвы при Гестингсе в 1066 г. н. эры.

[71] *Готы*—жители острова Готланда в Балтийском море.

[72] Позднейшее привнесение наблюдателя непрерывных феодальных «котор» в конце XI века.

[73] *Идеальный образ феодала-«князя»*—защитника, умиротворителя, устроителя и судьи,—взлелеянный в кругах монастырских византинологов и нашедший свое воплощение в образе современного автору «Повести» Владимира Мономаха. Статья 6370 написана под ярким впечатлением *умиротворения земли Русской при Мономахе после бурных междоусобных годов при Изяславе, Всеволоде и Святополке Изяславиче.*

[74] *Единовластие*—любимая, глубоко продуманная идея автора «Повести».

[75] *Единство княжеского рода*, снижение всех не-Рюриковичей до ранга «бояр»—также излюбленная политическая идея автора.

[76] Пропущено в переводе три пустых года 6371—6373.

[77] *Лето 6374.* Расчет правильный, если исходить из хронологической установки автора «Повести»: 8360+14=8374 г. (866 г. н. эры), но, по византийским источникам, поход руси на Царьград *точно* датируется 860 г. н. эры; этим еще раз подрывается хронологическая база начала погодной части «Повести».

[78] В оригинале «*Агаряне*»—мусульмане-арабы, которые считали себя потомками Измаила, сына Авраама от жены Агари.

[79] *Эпарх* (греч. ἔπαρχος—букв. начальник)—правитель города.

[80] *Суд*—гавань в Царьграде.

[81] Здесь пропуск одного пустого года.

[82] Речь идет о византийском императоре Василии I Македонянине (867—886 гг. н. эры).

[83] Болгария была крещена при князе Борисе, в начале 865 г. н. эры.

[84] Пропуск девяти пустых годов.

[85] *Лето 6387.* Автор «Повести» подчеркивает *родственные* отношения Олега к Рюрику в силу своей излюбленной идеи—единства княжеского рода.

[86] Пропуск двух пустых годов.

[87] Здесь скрывается сказочный мотив—добывание ценного приза путем «хитрости», см. параллельную обработку того же сюжета в «Богатырском сказании об Аксак-Темире», где Аксак-Темир хитростью овладевает Стамбулом.

[88] «*Мать городов русских*» (греч. μητρόπολις)—главный город страны, из которого получают существование и власть другие, «дочерние» города и волости; здесь автор «Повести», следуя общему смыслу всего сказания «Олег Вещий», вкладывает в уста Олегу свою излюбленную мысль о старшинстве города полян-руси—Киева над всеми остальными городами русскими, иначе—все ту же идею единодержавия и единого центра великой русской державы.

[89] *Гривна*—первоначально шейный серебряный обруч, затем весовая и денежная единица до появления рубля в XIV веке, слиток серебра различной, обычно продолговатой, формы. Сообразно менявшейся ценности серебра вес гривны непрерывно колебался:

1) X век и половина XI века гривна=$^1/_8$ фунта,

2) конец XI и начало XII века гривна=$^1/_2$ фунта,

3) конец XII и начало XIII века гривна=$^1/_4$ фунта (резкое вздорожание серебра в связи с падением пути «из Варяг в Греки»).

[90] Дальше пропуск ряда пустых годов.

[91] *Угорские горы*—Буковино-Семиградские (Карпатские) горы.

[92] *Иллирик* (Иллириум)—совокупность земель на Балканском полуострове (Далмация, Босния, Герцеговина, Черногория, части Сербии, Хорватии и Истрии).

[93] В этом эпизоде наиболее ярко очерчен *иллирийско-паннонский* источник русской письменности и культуры; дальше в «Повести» встретим совсем другую, *грекофильскую* идею, которая поборола первую и, по мнению Н. К. Никольского, вытеснила ее из «Повести временных лет». Мы должны учитывать и оценивать не только то, что имеется налицо в «Повести», но и то, что в ней раньше было и что было выброшено впоследствии в результате идейной борьбы в «Киевской Руси»,—«область утраченных идей».

[94] Пропуск трех пустых годов и болгарского известия под летом 6410.

[95] *Лето 6411.* В датировке о замужестве Ольги—какая-то историческая несообразность: в 903 г. она выходит замуж за Игоря; в 945 г. (спустя сорок два года!) у нее совсем *маленький* сын Святослав; в 955 г. (спустя пятьдесят два года!) она пленяет красотой греческого царя. Очевидно, ее замужество падает на более позднее время, чем дано в «Повести».

[96] Смысл и композиция комплекса: «*Олег Вещий*». Рюрик, не включенный в большую хронологическую таблицу (см. прим. 55), повидимому нужен был автору «Повести» только для того, чтобы нарисовать общую политическую картину на севере и юге Руси, показать непрерывное передвижение северных сил на юг, мотивировать появление на исторической арене реальных политических персонажей, Олега и Игоря и, наконец, установить факт объединения северных словенских племен около новгородского центра, около оконечности «пути из Варяг в Греки».

Олегу выпал на долю, в изображении автора «Повести», следующий шаг: *к северу присоединить юг и продемонстрировать единство Руси и ее мощь перед восточным центром мира, Царьградом*; после завершения этого великого дела ему осталось только трагически умереть.

Рассказы об Олеге и построены исходя из этой общей установки:

I. *Лето 6390.* Олег собирает северных воинов: 1) чудь, 2) словен, 3) мерю, 4) весь, 5) кривичей. и двигается из Новгорода на юг.

II. *Лето 6390.* Олег захватывает Киев, т. е. землю полян.

III. *Лето 6391, 6392, 6393.* Олег захватывает: 1) древлян, 2) север и 3) радимичей.

IV. *Лето 6393.* Олег владел: 1) полянами, 2) древлянами, 3) севером и 4) радимичами (т. е. теми племенами, которыми овладел на юге в предшествующие годы) и вел борьбу с: 1) уличами и 2) тиверцами.

V. *Лето 6415.* Олег идет против греков и берет: 1) варягов (*пришлый* из-за моря элемент), 2) словен, 3) чудь, 4) кривичей, 5) мерю (т. е. объединенные племена *севера*), 6) полян, 7) север, 8) древлян, 9) радимичей (т. е. объединенные племена *юга*), 10) хорватов, 11) дулебов и 12) тиверцев, с которыми у него была война и которых он, следовательно, включил в состав большой Русской державы.

VI. *Лето 6420.* Олег заключает блестящий договор с греками.

VII. *Лето 6420.* Смерть вещего Олега от укуса змеи.

[97] *Лето 6415.* Поход Олега на Царьград, совершенно реальный, как видно из текста договора с греками, окружен густым легендарным слоем: 1) продвижение кораблей на колесах к городу; 2) эпизод с «паволочитыми» и «кропинными» парусами и 3) щит на вратах Царьграда; легенды вызваны большим *патриотическим* задором молодой северной державы.

[98] Речь идет о *Дмитрии Солунском* (воин и правитель Солуни при Диоклетиане и христианский мученик), который считается патроном земли Русской и ее князей; здесь автор вкладывает грекам мысль, что русские побеждают их не своей храбростью и хитростью, а исключительно благодаря чудесной по-

мощи Дмитрия Солунского. Шахматов считает сравнение вставкой под влиянием болгарской летописи, где аналогичный эпизод читался в рассказе о походах Симеона Болгарского.

[99] Разумеется *Лев VI Философ* или *Мудрый*, преемник Василия Македонянина (886—912 гг. н. эры.)

[100] *Клятва оружием* характерна для людей Запада, как и Востока; вспомним, например, клятву на мечах амиров Тимура.

[101] *Толстина*—толстая, грубая ткань.

[102] Перечень и тогдашних ценностей, и главных статей византийского импорта в Русь (см. ниже рассуждения Святослава о хозяйственной значимости Переяславца Дунайского, прим. 156).

[103] В оригинале «*погани*» *и* «*невегласи*»—язычники и невежды; характерна контаминация между понятиями «язычества» и «невежества», в противоположность христианству как знанию истинного «закона» жизни. Прежнее восхваление полян здесь заменяется суровой отрицательной оценкой: воин и славянофил уступает место монаху и византинологу.

[104] Пропуск трех пустых годов.

[105] *Домициан*—римский император (81—96 гг. н. эры).

[106] *Аполлоний Тианский*—философ пифагорейской школы и «волшебник», живший, по словам его биографа Филострата, в I веке н. эры. Он обошел все страны тогдашней вселенной от Испании до Индии, где учился тайным наукам у браминов; проповедник-моралист, он уверял легковерную и суеверную толпу, что может предсказывать будущее и творить чудеса.

Автор греческой хроники верен правилу—давать читателям занимательные рассказы о разных диковинах, знамениях небесных и земных и колдовствах. Любопытство превозмогает в монахе его ригоризм, и он торопится выложить все чудеса Аполлония, только набросив на них покрывало «бесовского».

[107] *Оронт*—река в Сирии, теперь носит название «Наср-эль-Асн», течет выше Антиохии и впадает в Средиземное море; здесь идет речь о городе, который стоял при устье Оронта.

[108] Пропущены: 1) рассуждения по поводу чудес Аполлония Тианского и 2) чудеса других «волшебников».

[109] Комплекс «*Игорь*»—пустое место в «Повести», совсем не дает автору материалов для композиционной работы: для длинного промежутка в 33 года имеют значимость лишь два момента: 1) борьба с древлянами и 2) поход на греков и договор с ними. *Греческий* момент состоит из небольших комментариев к очень реальному документу—договору с греками; *древлянский*—необходим как вводное слово к богатому мотивами былинно-песенному циклу, как Ольга четыре раза мстила древлянам за смерть своего мужа.

[110] Пропущено византийское известие.

[111] Пропущено болгарское известие.

[112] Пропущено болгарское известие.

[113] Пропущено византийское известие.

[114] Пропущен ряд пустых годов и болгарское и византийское известия.

[115] *Доместики* (domesticus—домашний)—со времен Константина Великого стража, охраняющая римских (потом византийских) императоров.

[116] *Патриций*—высокий сановник рабовладельческой Римской империи; получить это звание старались все сколько-нибудь крупные варварские вожди, расхватавшие Западную Римскую империю; в Византийской империи—пожизненный титул, который давался высоким сановникам, но не передавался по наследству; вместе с консулами и префектами патриции составляли в византийской табели о рангах I класс—«illustres».

[117] Речь идет о т. наз. *греческом огне*; это—зажигательные смеси, состав которых известен только предположительно, которые давали пламя, не угасимое водой. Впервые его применил архитектор из Гелиополя Каллинник в 60-х гг. VII века для защиты Царьграда от арабов. Греческий огонь употреблялся в крепостной и морской войне для поджога: на носу и бортах византийских кораблей устанавливались медные трубки, через которые выбрасывался наружу зажигательный снаряд. Византийские цари хранили в глубоком секрете технику изготовления огня, почему точный состав его нам неизвестен. С появлением

пороха греческий огонь начинает отходить на второй план; в последний раз он применялся в 1453 г. н. эры при защите Царьграда от султана османских турок Мухаммеда II.

[118] *Хартия* (от греч. τὰ χαρτία) — пергамент, обработанная кожа, на которой в средние века писались священные книги и важнейшие документы.

[119] *Дружина*—в общем смысле слова—близкие, «свои» люди, товарищи; в специальном смысле—ближайшие соратники и сотрудники древнерусского феодала-князя, свободные люди, *окружавшие его во время и войны и мира.*

Дружина с самого начала—союз, построенный на общности очага и хлеба господина со слугами, выделяющийся из общего уклада племенной жизни в особое самодовлеющее целое с независимой организацией, первая опора князя в его проникновении в жизнь «земли», переработке племенного уклада, постепенном «окняжении»-феодализации.

Этот процесс разбил бытовое единство дружинного союза; ряд дружинных элементов отрывался от княжего двора в качестве посадников, сборщиков дани; других разбрасывало по земле развитие княжеского феодального хозяйства и землевладения.

Дружина делилась на старшую и младшую. Старшая состояла из бояр (боляре, бóльшие)—опытных, пожилых воинов, перешедших по наследству от старшего родственника; с ними князь по преимуществу «думал», они же были главными его помощниками по военному командованию; младшая дружина—см. след. примечание: «отроки».

[120] *Отроки, детские, пасынки*—младшая дружина княжеская, и в хозяйстве, и в управлении находившаяся в полном распоряжении и личной зависимости от князя. У них троякая роль—они: 1) личные слуги князя, 2) вооруженная его свита, 3) младшие агенты княжего управления. Отроки то объемлются термином «дружина», то противопоставляются дружине. Если князь идет кудалибо «в мале дружине», его в большинстве случаев окружают отроки—детские. Отроков находим и у таких влиятельных дружинников-феодалов, каким был Свенельд.

[121] *Былинно-сказочный цикл о четырех местях Ольги за смерть Игоря.* Центр, около которого вращаются все четыре сказания,—подвиги мстительницы, хитрого и жестокого женского ума (через хитрость—к жестокости); развертывается действие все более широкими кругами; теремный княжий двор за городом Киевом, могила Игоря у Искоростеня и земля Древлянская и осада Искоростеня, причем первый круг построен на чередовании двух стихий: земли и огня. Первый сюжет построен на антитезе великой чести и бесчестной смерти, второй—очищения водой и огненной смерти, третий—на питье за здоровье и смерти от оружия, четвертый, воплощающий добычу ценного приза хитростью,—облегчения от бремени данного и тяжести огненной смерти. Автор «Повести», вероятно, перевел на прозаический язык весь круг песен и былин, до нас не дошедший, о мудрой Ольге-мстительнице. Пример хроники Амартола, включавшей все диковинные подвиги, заставил и монашескую «Повесть» ввести в свой состав слишком «языческий» цикл.

[122] *Кормилец княжий*—лицо, стоящее рядом с князем во главе его дружины; кормильцев находим не только при малолетних князьях, но и при взрослых, со значительным политическим влиянием; основой его нужно считать связь *искусственного родства*, дававшую кормильцу по отношению к питомцу власть, аналогичную родительской опеке (ср. «аталычество»). Кормильство не развилось в Русской земле в крупную политическую силу; те ростки, из которых у франков с развитием майордомата поднялась династия Каролингов, на Руси заглохли без крупных результатов.

[123] *Мистиша* (Мстислав)—сын Свенельдов, по мнению Шахматова герой двух былинных сказаний, ходивших в среде княжеской дружины; в первом—Мстислав Лютый и его отец Свенельд—враги киевского князя Игоря; Мстислав убивает Игоря, как мститель за попранное право Свенельда в Древлянской земле; во втором сказании Свенельд и его сын—верные слуги киевского князя Ярополка Святославича; древлянский князь Олег убивает сына Свенельдова, Люта, и Ярополк мстит, по наущению Свенельда, за его смерть; по соображениям Шахматова, этот Мистиша тождественен с Малъко

Любчанином, отцом Добрыни Никитича (Мистинича) и Малуши (Малфреди), ключницы Ольгиной, матери князя Владимира.

[124] *Подол* и *Гора*—две главные (низменная и нагорная) части Киева.

[125] *Перевесище*—место, где устроены «перевесы», т. е. сетки для ловли птиц, ловушки из веревок с петлями, куда попадали на бегу олени, лоси и другие звери.

[126] Разумеется церковь св. Богородицы, которую выстроил кн. Владимир после своего крещения и которой дал десятину всех своих доходов,—усыпальница древних русских князей.

[127] *Терем* (от греческого τέρεμνον или от славянского корня tereb)—высокая башня или вышка с комнатами для женщин; повидимому, терем был своеобразным мотивом древнерусского светского зодчества, по внешнему виду резко отличался от обычных построек типа клетей; поэтому встречается в составе «общих мест» древнерусского былинного эпоса.

[128] *Каменный* терем—подчеркивается автором «Повести» как редкая по материалу постройка в древней Руси.

[129] Так перевожу я термин: «распасли».

[130] *Сустуг*—металлическая нагрудная пряжка, застежка.

[131] *Мед*—любимый опьяняющий напиток в древней Руси, приготовлялся из пчелиного меда путем варения его с водою и последующего брожения. Мед был и важнейшей статьей древнерусского экспорта.

[132] *Клеть*—здесь кладовая, амбар.

[133] В оригинале «*вежа*»—собственно башня, здесь вышка дома.

[134] В оригинале «*одрина*»—сеновал.

[135] Любопытный, очень реалистичный эпизод об организации княжеского хозяйства, слаженный автором как характеристика деятельности кн. Ольги в Древлянской земле, Новгородской, у полян (в Поднепровье) и у севера (на Десне). Дань с населения получает более точную, более регламентированную форму (уставы и уроки, погосты и дани, оброки и дани), устанавливается собственное княжеское хозяйство («село»), эксплоатация угодий («ловища», «перевесища»), происходит размежевание земель («знамения») в неизвестной нам форме. Прежняя военно-данная эксплоатация племен сменяется хозяйственным, *сеньориальным* проникновением княжеской власти, окняжением ряда земель и угодий.

[136] *Погост* стоит в связи не с торговлей («гостьбой»), как думает К л ю ч е в с к и й, а с оброками и данями. Это—стан, место остановки князей или их мужей при объезде земли для полюдья, сбора дани: отсюда погост приобрел значение податного округа, тянувшего к определенному центру—стану.

[137] Дальше пропуск семи пустых годов.

[138] Третий эпизод, связанный с именем Ольги, настоящий остров среди обширного моря пустых годов сзади и спереди,—рассказ о ее крещении в Царьграде.

Эпизод представляет сращение вокруг зафиксированного греческими источниками *факта* крещения в Царьграде легендарно-былинных и агиографических мотивов. Первые опять вращаются около сказочного сюжета—добывания ценного приза, крещения, путем хитрости—в орнаменте патриотического задора молодой северной державы, «переклюкавшей» самих «лукавых» греков; вторые—содержат описание чудесного превращения Ольги из хитрой и жестокой язычницы в мудрую и смиренную христианку, наподобие губки впитывающую божественную влагу и передающую ее другим людям.

[139] Разумеется *Константин Багрянородный*, сын Льва VI Философа (912—959 гг. н. эры), византийский император и знаменитый историк X века, в одном из своих ученых произведений описавший крещение Ольги в Царьграде.

[140] Опущено поучение патриарха княгине Ольге.

[141] Опущено поучение патриарха княгине Ольге.

[142] Опущено размышление о княгине Ольге.

[143] *Почайна*—ручей под Киевом.

[144] По мнению Ш а х м а т о в а, смысл этих слов Ольги вытекает из легенды о ее крещении, сводившейся к продолжительной осаде Ольгой Царьграда, который спасся тем, что греческий царь стал ее восприемником при крещении.

[145] «Повесть» в дошедшем до нас виде опускает факт посольства Ольги к германскому императору Оттону Великому, посылки епископа Адальберта на Русь и неудачи его миссии; глухой намек на этот факт сохранился в словах кн. Владимира католическим миссионерам: «Отцы наши не приняли этого». Этот факт был уничтожен в «Повести» после окончательного разделения церквей на восточную и западную в 1054 г., когда католическая вера стала считаться поврежденной и еретической, с латинами стало воспрещаться всякое общение, и политическое, и духовное, и бытовое.

[146] Опущены рассуждения о неверующих.

[147] Опущены размышления о не слушающих родителей.

[148] Опущено восемь пустых годов.

[149] Комплекс «*Князь Святослав*» представляет любопытное развитие патриотического мотива: «Чужих ища, своих погуби», рисует князя, который «чужея земли ищетъ и блюдетъ, а своея ся охабивъ», ради широких конквистадорских затей в чужих странах бросает Русскую землю, чуть не губит мать и сыновей, губит много дружины и сам погибает от печенегов.

Первый эпизод дает былинный образ князя-воителя и его дружинников-богатырей; второй—рисует реальную экспансию на юго-восток (вятичи, единственное словенское племя, не входившее еще в состав земли Русской, хозары, ясы и касоги) и юго-запад (дунайские болгары); третий — касается первого вреда от конквистадорской деятельности князя: осады Киева печенегами, едва отвращенной гибели матери и детей; четвертый—смерть Ольги—агиографическое добавление к повести о ее крещении; пятый—раздел Русской земли между тремя сыновьями-княжичами, двумя милыми и одним постылым; шестой—борьба с болгарами и греками и гибель многой дружины, седьмой—гибель князя от печенегов.

[150] Композиция эпизода «*Удалой князь и богатыри-дружинники*» хранит черты былинного ритма:

«Бѣ бо и самъ храбръ, и льгъко ходя, акы пардусъ, войны мъногы творяше;
Ходя же, возъ по собѣ не вожаше, ни котьла, ни мясъ варя.
Нъ по тъньку изрѣзава конину или звѣрину или говядину, на угъльхъ испека, ядяше;
Ни шатъра имѣяше, нъ подъкладъ постилаше, а сѣдьло въ головахъ;
Такоже и прочии вои его вьси бяху.
И посылаше къ странамъ, глаголя: «Хощу на вы ити».

[151] Сравнение Святослава с *пардусом* (барсом) напоминает сравнение Александра Македонского с барсом у Амартола и в «Александрии».

[152] В оригинале «*рало*», соха, плуг,—наряду с «дымом» основная единица обложения в ранней Киевской державе, показатель господствующей тогда роли земледелия.

[153] *Белая Вежа* (иначе Саркел).—крепость хозарская, построенная, по сведениям Константина Багрянородного, византийского царя-историка X века, при царе Феофиле (вторая четверть IX века) византийским инженером Петроною Паматиром на границе Печенежской земли. Вопрос о местоположении Белой Вежи до сих пор не решен точно: ряд ученых предполагает ее существование около станицы Цимлянской.

[154] *Восемьдесят городов по Дунаю.*—Прокопий Кесарийский, византийский историк VI века, называет восемьдесят укреплений, поставленных в той местности императором Юстинианом. Болгарские песни содержат сходное число (77) для обозначения количества городов по Дунаю (в сборнике болгарских песен Миладиновых: «Колку иматъ отъ море до Дунава, седумдесятъ и седемъ градо'и».

[155] *Сказание об осаде печенегами Киева*—сочетание реального факта осады с былинно-песенными мотивами (о подвиге юноши-«оборотня» у печенегов и менедарами между воеводою Претичем и печенежским князем) и с публицистической репликой автора, вложенной в уста киевлянам, что главная функция князя—оборонять родную землю, заботиться о ее благе, не пренебрегать ею в пользу чужих стран.

[156] *Лето 6474.* В уста Святослава вложена идея о создании большой державы («империи») с Болгарией в центре и с Грецией, Чехией и Венгрией и Русью—в качестве периферии; в основу строения «империи» положен экономи-

ческий момент — концентрация в Болгарии хозяйственных благ, идущих от окрестных стран: центральная страна («среда земли моей»)—военная и паразитическая—вбирает в себя всю их сколько-нибудь ценную продукцию. Вряд ли можно очень тонкое и точное различение основных экспортных статей четырех крупных держав XI—XII веков приписывать удалому воину-кочевнику.

[157] Место похорон Ольги опущено в оригинале летописи.

[158] Опущена похвала княгине Ольге.

[159] *Лето 6478.* Раздел Русской державы между сыновьями Святослава очень реально отражает соотношение сил между составными частями Руси: Святослав закрепляет за своими сыновьями Киев и Древлянскую землю как свой непосредственный домен, а в Новгород нехотя посылает незаконного, так сказать, второсортного сына, подчеркивая отсутствие интересов к северному центру своей державы—Новгороду; таким образом уже в X веке намечается «*южный уклон*» русской внешней политики.

[160] Борьба Святослава с болгарами и греками, закончившаяся для него неудачей,—факт засвидетельствованный греческими источниками, но он покрыт густыми легендарными слоями и патриотическими репликами автора «Повести». Первые говорят о подвигах Святослава против десятикратного врага, об испытании Святослава различными дарами. К репликам автора можно отнести патриотические речи Святослава, обращенные к воинам,—не посрамить земли Русской, лечь костьми за нее; по форме эти речи могли быть заимствованы автором у греческих историков Скилиция и Льва Диакона.

[161] В оригинале «*град*» («Πόλις»)—Царьград, как «Urbs» означает Рим.

[162] Разумеется византийский император Иоанн Цимисхий (969—976 гг. н. эры).

[163] Былинно-сказочный мотив об испытании Святослава дарами очень напоминает индусскую легенду об искушениях «Саньяси» (умершего для мира).

[164] Гибель Святослава от печенегов трактуется автором-моралистом как результат своевольства князя вопреки советам старого отцовского воеводы Свенельда; ср. аналогичный мотив о предпочтении кн. Всеволодом Ярославичем «юных советников» старшей дружине. В некоторых списках «Повести временных лет» приводится надпись на обращенном в чашу черепе Святослава: «Чужих ища, своих погуби»—эпитафия, ведущая к какому-либо сказанию или песне о Святославе как нарушителе интересов Русской земли.

[165] Комплекс «*Ярополк*»—выражение двух знакомых нам мотивов: 1) единовластия в земле Русской и 2) борьбы варяжского севера с русским югом, с формальной победою севера и фактической—юга.

[166] Шахматов видит в этом эпизоде второй вариант былины—песни о Мстиславе (Мистише) Свенельдиче. Здесь стремление сделать «своими», русскими, киевскими героями таких лиц, которые в старших песнях и сказаниях выступают в качестве врагов и противников Киева. Образ Мистиши Лютого не мог в представлении киевлянина оставаться долго во враждебном для него и для его князя лагере, он отвоевывает его у седой старины в свою пользу.

Сказочная и реальная генеалогия князя Владимира

Свенельд (воевода Игоря, Святослава и Ярополка)

Мистиша (Мстислав)=Лют (Лютый)=Мал=*Малъко Любьчанин*

Добрыня (Никитич=Мистинич) *Малуша*=(Малфредь)—*Святослав*

Владимир

Реальная генеалогия отмечена *курсивом.*

[167] *Разувать*—брачный обряд: новобрачная снимала обувь с мужа в знак своей покорности и послушания ему.

[168] Рожденный от рабы—*незаконный* княжеский сын,—тенденция одного законного княжеского рода в Русской земле.

[169] Как видим, норманские (варяжские) завоевания у северо-западных словен продолжались еще в конце X века.

[170] Так И. И. Срезневский толкует слово «неистовии».

[171] Авторская ремарка ориентирующая читателя в распорядке известий в пределах «Повести».

[172] Войско князя состояло из двух частей: 1) *дружины*, ближайших сотрудников князя в деле ратном, собирании дани и суде, и 2) «*воев*», воинов, которые собирались в случаях необходимости на подмогу дружине из «людей» той или иной «земли», из горожан по преимуществу и очень редко из смердов.

[173] Очень сложный комплекс «*Князь Владимир*» построен по агиографической схеме:

I. Владимир—язычник (*мрак*)
1. Убийство хитростью брата Ярополка.
2. Обман варягов.
3. Жестокий языческий культ и человеческие жертвы идолам.
4. Неисчислимая похоть женская.
5. Убийство варягов-христиан.

II. Крещение Владимира как чудесный поворотный пункт *от мрака к свету*.

III. Владимир—христианин (*свет*)
1. Учение книжное «нарочитой чади».
2. Постройка церкви св. Богородицы Десятинной, княжеской усыпальницы.
3. Помощь нищим.
4. Милование разбойников.

В основную агиографическую схему вкраплены эпизоды о завоевательных походах Владимира и окутанные легендами рассказы о княжеской дружине и о борьбе с печенегами.

[174] Многочисленные попытки ученых объяснить имена идолов Владимирова пантеона не привели к надежным результатам.

[175] Победа варяжского севера сказывается в *суровой языческой реакции* сначала в Киеве, потом в Новгороде против распространения христианства при Ольге и при греческой монахине—жене Ярополка.

[176] Пропущены благочестивые размышления о злых и добрых женах.

[177] Походы Владимира сводятся к захвату земли литовского племени ятвягов, хорватов и галицких городов у ляхов; возможно, что в связи с борьбою против ляхов автор и говорит о вторичном покорении радимичей и вятичей, как отраслей *ляшских* словен.

[178] *Сени* находились во втором ярусе постройки и представляли собою помещение между клетями, выполнявшее роль позднейшей залы. Сени имели двоякую опору: по сторонам они опирались на смежные клети, а в средине опорой им служили особые столбы.

[179] Пропущены размышления о пророках и апостолах.

[180] Пропущена похвала варягам-мученикам.

[181] *Повоз* С. М. Соловьев толкует в смысле обязанности привозить дань в назначенное князем место.

[182] *Лето 6494. Состязание «законов»* дано в «Повести» и в положительной, и в двойной полемической форме: со стороны и самого кн. Владимира, и греческого философа. Подбор элементов каждого «закона», вероятно, вытекает из любопытства автора к различным этнографическим диковинам, стремления преподнести их читателю в занимательной форме, но существо рассказа заложено гораздо глубже—в стремлении на конкретных, живых образах показать превосходство греческого «закона» над всеми остальными, дать читателю полемическую аргументацию против всех чужих вер. Любопытно, что ислам, изображенный более подробно и более конкретно, чем «законы» немцев и хозар, более подходит к вкусам Владимира; полемисту приходится оперировать вымышленной нечистоплотностью мусульман, чтобы разрушить наметившиеся симпатии Владимира к исламу. Католическая вера изображена очень смутно и в положительной, и в полемической частях, автору словно нечего сказать против католицизма. Вера хозар-евреев опровергается патриотической аргументацией: рассеянием евреев по чужим землям, отсутствием собственной земли;

гордость владельцев большой собственной державы заставляет с презрением относиться к евреям.

[183] См. выше прим. 145.

[184] *Закон*—здесь вероучение; *служба*—обрядовая сторона религии.

[185] Речь идет о двух царях-соправителях: Константине IX (976—1028 гг.) и Василии II Болгаробойце (976—1025 гг.).

[186] Характерна связанность здесь двух идей: «*закона*» и «*красоты*»; «закон» в основном смысле значит совокупность правил религии, моральных норм; «красота»—совокупность эстетических ощущений, связанных с религией.

[187] *О крещении Владимира* в XI веке было известно два сказания: первое сообщало о крещении Владимира от греческого философа в Киеве и о последующем походе на Корсунь; второе—о крещении в Корсуни (т. наз. «Корсунская легенда»), как передано в «Повести». Известие о походе на Корсунь *после* крещения сохранилось в следующем летописном отрывке, *не вошедшем* в «Повесть»:

«Сел в Киеве князь Владимир в восьмое лето после смерти своего отца Святослава, июня одиннадцатого числа в лето 6486.

Крестился же князь Владимир в десятый год, после убийства брата своего Ярополка.

И каялся и плакал блаженный князь Владимир о всем, что сделал, будучи язычником, не зная бога.

По святом крещении пожил блаженный князь Владимир двадцать восемь лет.

На другой год после крещения ходил к [Днепровским] порогам.

На третий [*год*] ***Корсунь город взял.***

На четвертый год церковь св. Богородицы каменную заложил.

На пятый год Переяславль заложил.

В девятый год... князь Владимир дал церкви св. Богородицы десятину от своего имущества.

И умер в мире месяца июля в пятнадцатый день, в лето 6523».

На существование различных версий о месте крещения Владимира указывает полемика автора «Повести» с «невеждами», которые называли место крещения в Киеве, Василеве и других местах. Автор «Повести» положил в основу своего рассказа «Корсунскую легенду», разрабатывающую сказочный мотив добывания ценного приза, добывания невесты. Из других сказочных мотивов можно отметить в «Корсунской легенде» еще: 1) намерение Владимира стоять под Корсунем *три* года, 2) стрелу Анастаса и т. д.

[188] В оригинале «Повести» поставлен термин «кубара» (греческое κούμπαρα, латинское cumba, gombaria).

[189] *Вено*—один из существенных моментов брачного обряда у словен, выкуп невесты женихом; ср. «калым» у разных народностей—то, что дает отец жениха отцу невесты в уплату за нее.

[190] В оригинале «Повести» поставлен термин «рень»—песчаная отмель.

[191] Пропущена молитва Владимира после крещения.

[192] Дальше пропущены размышления о крещении Руси.

[193] Конденсированная статья о деятельности Владимира. Владимир ставит ряд городов—опорных укрепленных пунктов по рекам, замыкающим с юго-востока и юго-запада Русскую землю от набегов кочевников; это первый шаг, который потом разовьется в Московской Руси в стройную систему «засечных черт» и других укреплений. Владимир рассылает своих сыновей в крупнейшие опорные пункты русской державы (Новгород, Полоцк и Туров, где недавно сидели пришлые варяжские князья, Ростов, Муром, Древлянская земля—домен киевского князя—и далекая приазовская Тмуторокань), приближает к населению князя, его дружинников, его посадников, его сборщиков дани,—распространителей «княжего права» среди различных словенских племен, ускоряет процесс «окняжения» «земель», их феодализации.

[194] Дальше пропущено два пустых года.

[195] *Биричи*—княжьи слуги, «кликавшие» распоряжения князя.

[196] Следую чтению Шахматова: «перея славу», а не А. И. Соболевского: «Переяслав».

[197] Дальше пропущено два пустых года.

[198] *Лето 6504.* Под этой датой объединен пестрый конгломерат самых разнообразных событий и конденсированных формул автора о политике международной и внутренней князя Владимира.

Связь между составными частями не хронологическая, а логическая; *ассоциативный переход* от одной темы к другой: спасение от печенегов, празднование спасения в Василеве, празднество в Киеве, помощь бедным, пиршества для дружинников, функции дружины, отношение дружины к разбойникам; эту логическую связь прерывает до известной степени характеристика внешней политики. Автор собрал многие ряды фактов, амплифицировал их и расположил в логической последовательности под одним годом, будучи не в силах за временною отдаленностью ориентировать хронологически события и свои формулы.

[199] Пропущена молитва Владимира.

[200] Дача «десятины», десятой части доходов князей и знатных лиц, в пользу духовенства, церквей и монастырей—обычное явление для феодального мира.

[201] *Провара меду*: по позднейшему исчислению XVII века, древняя «провара» заключала в себе около 775 *л*; следовательно, 300 провар Владимира должны составлять около 2.225 *гл*; эта цифра чересчур велика: древнейшая печь по своей конструкции была гораздо примитивнее позднейшей и напоминала скорее закрытый очаг, чем печь с извилистым дымоходом; ввиду этого одновременная варка жидкой массы в 775 *л* едва ли была возможна; нужно думать, что древнейшая провара была значительно меньше; быть может, самая необходимость в трех сотнях провар указывает на то, что техническая емкость одной провары была невелика.

[202] Дальше пропущены размышления о сокровищах земных и небесных.

[203] В оригинале «*куны*», куницы—указывают на старинные формы торгового обмена и примитивных денег: денежной единицей служила когда-то шкурка куницы.

[204] *Гридница*—постройка на княжем дворе, назначенная для княжеских пиров, для приема гостей, помещение для княжеских телохранителей, иногда место заключения особо знатных пленников.

[205] *Гриди* (от древнегерманского gridh—слуга)—телохранитель князя; gridh указывает на нахлебническое отношение слуги к своему господину, на службе которого он состоял.

[206] *Сотские и десятские.* Сотни (с их подразделением на десятки, где оно существовало)—судебно-административные организации, основные ячейки того, что можно назвать древнейшей государственной организацией; они не обнимали массы сельского населения, а характерны для городского строя. Сотни новгородские—организация торгово-промышленных элементов города под властью феодальной княжеско-боярской силы. Сотские и десятские—княжеские люди, стоявшие во главе сотен и десятков.

[207] Обобщающая формула автора о совместной деятельности князя Владимира и его дружины; ее составные части:

1) Любовь Владимира к дружине; ладные и дружественные отношения.

2) Предметы совместных дум: а) «*устроение*»—вопросы *управления*, б) «*рати*»—вопросы *войны*, походов и обороны против «поганых», в) «*устав*»—вопросы *законодательства*.

[208] *Болеслав Храбрый*—992—1025 гг.

[209] *Стефан Угорский*—1012—1038 гг.

[210] *Андрих (Ольдрих) Чешский*—1012—1037 гг.

[211] Совместная деятельность князей Владимира, Болеслава, Стефана и Андриха была возможна лишь в пределах 5520—5523 гг. (1012—1015 гг.), между тем указание на этих князей датировано 6504 г. (996 г.). У автора «Повести», очевидно, не было точной ориентировки в событиях второй половины княжения Владимира.

[212] Законодательная деятельность Владимира дана автором в своеобразном эволюционном разрезе:

1) Владимир после крещения *перестает* наказывать *(убийц)*.

2) Епископы (византийские) предлагают Владимиру, по нормам византийского права, наказывать (убийц) смертной казнью.

3) Владимир следует их совету, *начинает казнить убийц.*

4) На новом совете с участием епископов и старейшин восстанавливается «вира», т. е. денежный выкуп за жизнь убийц в пользу князя; этот выкуп, ввиду постоянных войн, идет на военные надобности, т. е. на оружие и на коней.

5) Владимир *возобновляет правила отца, Святослава, и деда, Игоря: начинает брать «виры» с убийц и употребляет их для военных целей.*

Здесь своеобразная борьба между представителями новых, византийских, культурных начал и старорусских (Игоревых и Святославлих); налицо—победа старорусских начал по мотивам и военной необходимости, и восстановления давней традиции, преемственности от старых князей. Здесь зафиксированы чрезвычайно важная статья княжеских доходов в добавление к обычной дани и к продукции эксплоатируемых на князя угодий («перевесищ», «ловищ» и т. д., см. выше прим. 135) и главные статьи княжеских расходов: на угощение дружины, на оружие и коней.

Таким образом, здесь *автор дает общую таблицу приходных и расходных статей княжеского бюджета в конце X и начале XI веков.*

Ключевский толкует это место иначе.

Слово «казнь» в древнерусском языке обозначало наказание вообще, в частности же правительственное возмездие. При Владимире действовало иное уголовное право, чем в «Русской Правде», где разбойник карается «потоком и разграблением» (т. е. ссылкой и одновременно конфискацией имущества), и вира при нем не была «штрафом в пользу князя». Владимир впервые заменил эту старую виру «казнью», т. е. правительственным наказанием («потоком и разграблением»).

Вторая половина рассказа говорит о другом постановлении, не стоящем в прямой связи с предыдущим: Владимир обратил все вообще виры в «казнь», в наказание правительственное, в ту плату князю, какой является вира в «Русской Правде».

[213] Под *«верхними воинами»* разумеются, прежде всего, воины, набранные в земле Смоленской, как лежавшей в верховьях трех больших рек: Днепра, Волги и Западной Двины.

[214] *Белгородская осада*—народное сказание, воспевавшее любимый патриотический мотив «переклюканья» врагов.

[215] *Вече*—верховный орган племени, а потом городской общины, собрание в первую очередь военных людей центрального города «земли» для «ряда» с князем, для решения вопросов о войне и мире и т. д. Вече—та туземная сила, с которой пришлось встретиться князьям при их оккупации словенских племен и окняжении-феодализации «земель».

[216] *Цежь*—раствор муки для киселя.

[217] *Лукно*—древняя общеславянская мера емкости, обозначало сперва посуду из прутьев и лыка, потом из дерева для измерения хлеба, меда, солода и овса.

[218] *Медуша*—погреб, где хранился вареный мед.

[219] *Сыта*—вода, подслащенная медом, разварный мед.

[220] Пропущено два пустых года.

[221] *Лето 6508, 6509, 6511, 6515, 6519.*—Сведения взяты из княжеского помянника, восходящего, по мнению Шахматова, ко времени Ярослава, сына Владимирова. Вероятно, над похороненными в Десятинной церкви членами княжеского рода были высекаемы на могильных плитах и крестах надписи с указанием года (а иной раз и дня) смерти. Этими надписями и воспользовался составитель княжеского помянника.

[222] *Малфредь*—Шахматов отождествляет с матерью Владимира, Малушей.

[223] *Изяслав*—князь полоцкий, сын Владимира от Рогнеды, внук Рогволода, варяжского витязя, овладевшего Полоцком.

[224] Пропущен пустой год.

[225] Пропущено три пустых года.

[226] Пропущено четыре пустых года.

[227] Пропущено два пустых года.

[228] Снова отчетливая характеристика приходных и расходных статей бюджета первой четверти XI века.

229 *Лето 6523. Смерть Владимира.* Фразу: «И потаиша и бѣ бо Святопълкъ Кыевѣ» Шахматов читает так: «И потаи и Святопълкъ, бѣ бо Кыевѣ», т. е. «*Утаил его смерть Святополк, потому что был в Киеве*». От кого утаил? От Бориса и киевлян, склонных к Борису.

230 Особенность древнерусского погребального обряда — не выносить тела умершего через двери, а спускать на землю на веревках, проломав переходы между клетями.

231 Общая характерная черта в устройстве древнего княжеского двора, как и дворов феодалов того времени, заключалась в том, что хоромины, избы и клети ставились, хотя и по две, по три в одной связи, но всегда отдельными группами, отчего и вся совокупность разных построек на дворе именовалась собирательно *хоромами*. Княжий дворец не составлял одного большого целого здания, собственно дома, как в настоящее время, но дробился на несколько отдельных особняков. Почти каждый член княжеской семьи имел особое помещение, отдельное от других строений. Для необходимого соединения таких отдельных помещений служили *сени* и *переходы*.

232 *Сани*, на которых отвозили к месту погребения тело умершего князя,— также очень важная особенность погребального обряда.

233 Владимир сравнивается с римским императором *Константином Великим* (306—337 гг. н. эры), который сделал христианство господствующей государственной религией в Римской империи; бабка его, княгиня Ольга, сравнивается всегда с царицей Еленой, матерью Константина Великого.

234 Опущены размышления о покаянии грешников.

235 Греческие митрополиты в Киеве отказывались канонизировать князя Владимира, потому что от него не было чудес.

236 Автор «Повести» протестует против греческой практики, приводит ряд мотивов, почему Владимир непременно должен считаться святым; здесь *патриотизм автора вступает в резкий конфликт с его грекофильством.*

237 Опущены размышления о князе Владимире.

238 Комплекс «*Убийство Бориса и Глеба*» представляет агиографическую обработку сюжета о борьбе Святополка, старшего сына Владимира, с братьями за *единовластие* в Русской земле. Почему любимая идея автора здесь как бы терпит неудачу, осуждается? Она вступила здесь в конфликт с более мощной идеей—найти, создать священных покровителей (патронов) земли Русской: «идеей священного патроната», и перед нею временно стушевалась идея единовластия.

239 Разумеется *киевское вече* (см. выше прим. 215). У Святополка нет отцовской дружины, и он прибегает к демагогическому заигрыванию с киевлянами.

240 Формула *идеальных* княжеских отношений по принципу родового старшинства.

241 Очень реальный штрих: дружина расценивает идеальные порывы Бориса как трусость и немедленно переходит на сторону более практического князя, каким был Святополк; старая отцовская дружина, *высший судья и контролер князя*, в конечном счете решает судьбу Бориса.

242 Дальше опущены размышления об убийцах.

243 Опущено описание утрени.

244 Опущена молитва Бориса.

245 Опущены размышления о смерти Бориса.

246 *Насад*—деревянная лодка, в основу которой клалась корога, обшиваемая тесом, имела приподнятые нос и корму.

247 Опущена молитва Глеба.

248 Опущены размышления о смерти Глеба.

249 Опущены размышления о грешниках.

250 Опущены размышления о злобе человеческой.

251 *Колода*—выдолбленный пень дерева, употреблявшийся для похорон умершего.

252 Опущена похвала Борису и Глебу.

253 Развивается в чисто византийском самодержавном стиле идея *княжеского суверенитета* в «земле»; подводится теоретический фундамент под непрерывно растущий удельный вес княжеской власти в пределах «земли».

[254] Комплекс *«Борьба Ярослава с Святополком»* представляет реальное воплощение знакомой *идеи о борьбе варяжского севера с русским югом.*

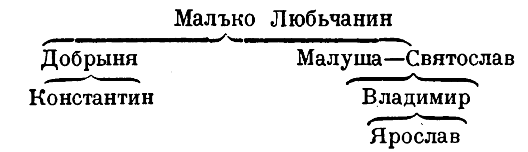
[255] *Хромец*—князь Ярослав; «задиры» перед боем не стеснялись в выражениях по адресу противников.

[256] Спесь воинов перед ремесленниками и старое презрение русских юга к словенам севера.

[257] *Хоромы*—см. выше прим. 231.

[258] *Посадник*—княжий муж из старшей дружины, посаженный князем в важном опорном пункте «земли» феодальным наместником для управления, суда и сбора дани; в данном случае значение посадника еще усиливается благодаря его родственным связям с князем.

[259] *Добрыня*—дядя Владимира; *Константин*—двоюродный дядя Ярослава.



[260] *Гривна* (см. выше прим. 89) разделялась на 20 ногат, 25 кун и 50 резан; следовательно, куна равнялась $^{1}/_{25}$ части гривны.

[261] Резкая классовая формула старинного новгородского общества.

[262] Избиение по городам поляков, пришедших с Болеславом Храбрым,—историческая несообразность, вызванная патриотическим задором автора «Повести», привнесение из позднего рассказа о нашествии на Киев Болеслава Смелого в союзе с князем Изяславом Ярославичем в лето 6577 (1069 г. н. эры).

[263] Пропущены размышления о братоубийцах.

[264] Полоцк и его князья—сила, независимая от Русской земли и всегда ей враждебная, особенно северной столице, Новгороду: «Роговоложи внуки» всегда «имели меч» против «Ярославлих внуков».

[265] *Мстислав Тмутороканский* оделся былинными образами: недаром в «Слове о полку Игореве» воспевается его бой с Редедею Косожским.

[266] *Волхвы*—кудесники, колдуны, шаманы, вожди враждебных феодальному христианству и византийской культуре «языческих» слоев Русской земли в XI веке. Они действуют главным образом на севере: в Новгороде, Ростове и в Чуди, в Суздальской земле, по Шексне и Волге, и в других случаях докатываются до Киева; они возглавляют широкие социально-религиозные движения (смердов против «нарочитой чади») в эпоху различных кризисов: голода, междукняжеских войн и т. д. Их влияние больше на севере, где за ними идет подчас все население, оставляя в изолированности князя с дружиной и епископа; на юге у них значительно меньшее влияние, там они встречают оппозицию среди «верных людей».

[267] *Луда*—повязка на лице, которую носил слепой Якун. Некоторые ученые читают здесь «сь лѣпъ», т. е. был «этот [Якун] красив»; *луда*—плащ.

[268] *Лето 6539. Дуумвират* Ярослав Киевский—Мстислав Черниговский водворяет мир внутренний и возвращает захваченную Болеславом Польским Галицию—завоевание кн. Владимира.

[269] Дальше пропущено два пустых года и известие о смерти Евстафия Мстиславича.

[270] *Лето 6544.* Характеристика Мстислава носит черты былинно-песенного ритма:

«Бѣ же Мьстиславъ дебелъ телъмь,
Чьрмьнъ лицьмъ, великома очима,
Храбръ на рати и милостивъ,
И любляше дружину повелику,
Имѣния не щадяше,
Ни пития, ни ядения браняше».

[271] Автор употребляет термин византийского государственного права для характеристики княжеской власти: «самовластьцъ»—αὐτοκράτωρ, самодержец

нецьстудискы иобрѣ
та оу него и списа и оуста
ви въ манастыри своемъ
како пѣти пѣниꙗ мана
стырьскаꙗ и поклоны
како держати и чтениꙗ
почитати и стоꙗние въ
цркви и весь рядъ цркв
ныи и на трапезѣ сѣдани
е и что ꙗсти въ кыꙗ дни
все съ уставлениемъ фе
досии все то приобрѣтъ
и предасть манастырю свое
му. ѿ него же манастыра
приꙗша вси манастырѣ
оуставъ по всемь манасты
ремь тѣмже почтенъ есть
мстырь печерьскыи и
старѣиши всихъ. и чтью боле
всихъ федосьеви же жи
вущю в манастырѣ. и пра
вящю добродѣтелное жи
тье. и чернѣчьское
правило. и приимающе
всꙗкого приходꙗщего
к нему. к нему же и азъ
придохъ худыи и недо
стоиныи рабъ. приꙗтъ
мꙗ лѣтъ ми сущю ӡі. ѿ
рожениꙗ моего. се же
написахъ и положихъ. и
в кое лѣто почалъ быти
манастырь. и что ради зо

ветсꙗ печерьскыи манасты
рь. а ѿ федосьевѣ житии паки
скажемь

В лѣ ҂ѕ. ф. ѯ. Преста
висꙗ володимеръ снъ ꙗросла
вль. старѣишии. в новѣгородѣ
и положенъ бысть въ стѣи софьи
юже бѣ самъ создалъ:·

В лѣ ҂ѕ. ф. ѯа. О у всеволо
да родисꙗ снъ володимиръ
ѿ црцѣ грѣчкоѣ:·

В лѣ ҂ѕ. ф. ѯв. Преста
висꙗ кназь руськии ꙗрославъ
и еще живу сущю ему нарꙗди
сны своꙗ рекъ имъ се азъ + ако
ѿхожю свѣта сего сынове мои
имѣите межи собою любовь
понеже вы есте братьꙗ ѡ
диного ѿца и единои матре.
да аще будете в любви межи
собою. и бъ будеть в васъ. и
покорить вы противныꙗ
подъ вы. и будете мирно жи
вуще. аще ли будете нена
вистьно живуще. въ распра
хъ которающесꙗ. то и сами
погибнете. и землю ѿць
своихъ и дѣдъ погубите. и
же налѣзоша трудомъ вели
комъ. но послушаите брат
брата. пребываите мирно.
се же поручаю в себе мѣсто
столъ свои старѣишому снви

Образец летописного текста:
«Ряд Ярославов»

своему брату вашему изяславу
кыевъ сего послушаите · якоже
послушаете мене · да то вы буде
тъ вь мене мѣсто · а святославу
черниговъ · а всеволоду переяс
славль · а вячеславу смолнескъ ·
и тако раздѣли городы · запо
вѣда вь имъ не преступати пре
дѣла братня · ни сгонити рекъ
изяславу · аще кто хощеть обиди
ти своего брата · но ты па
могаи его же обидять · и та
ко наряди сны своя · пребыва
ти въ любви · самому же болну
сущю · и пришедшю ему к вы
шегороду · разболѣся вельми
изяславу тогда в туровѣ кня
зящю · а святославу в володи
мирѣ · а всеволоду тогда оу
отца бѣ · бо любимъ отцмь · па
че всея братьи · его же имя
ше оу себе · ярославу же при
спѣ конѣць житья · и преда
сть душю свою · мца февраля
въ ·к· в суботу ·а· не поста
в летъ го федора дьнь · всево
лодъ же спрята тѣло отца
своего · вьзложи в сани
и повезоша кыеву · попове
по обычаю пѣсни пѣвше · и плакаса
шеся по немь людье · и при
несъше положиша и в раку
морамяну · в церкви святѣ

и софьи · и плакася по немь вьсево
лодъ и людие вси · житья же всего
лѣтъ ярославъ ·о· и ·г·
начало княжения изясла
вля в кыевѣ
В лѣ ·҂ѕ· ·ф· ·ѯг· Пришедъши
изяславъ сѣде в кыевѣ · а свято
славъ в черниговѣ · всеволодъ же
в переяславли · игорь в володи
мерѣ · вячеславъ въ смолѣньсцѣ ::
В то же лѣто · иде всеводъ на то
рьскы зимѣ к воиню · и побѣди
торкы ::
Того же лѣта · приходи блушь спо
ловци · и створи всеволодъ ми
ръ с ними · и възвратишася вь
свояси ::
В лѣ ·҂ѕ· ·ф· ·ѯд·
В лѣ ·҂ѕ· ·ф· ·ѯе· Пре
ставися вячеславъ снъ яро
славль смоленьскии · и поса
диша игоря въ смолѣньсцѣ · из
володимеря выведше ::
В лѣ ·҂ѕ· ·ф· ·ѯѕ· Побѣди
изяславъ голядь
В лѣ ·҂ѕ· ·ф· ·ѯз· Изяславъ
и святославъ и всеволодъ вы
садиша стрыя своего судисла
ва из поруба · сѣдѣвша ·к· и ·д· лѣ·
и водиша и ко кресту и бысть че
рньцемь ::
В лѣ ·҂ѕ· ·ф· ·ѯи· Преста

Образец летописного текста:
«Ряд Ярославов»

(продолжение)

[272] *Территориальный дуализм власти*: Новгород делается при Ярославе второй столицей земли Русской, Ярослав делит свое время между Киевом и Новгородом.

[273] *Тройственность сил*, на которые опирается Ярослав: 1) варяги, 2) киевляне и 3) новгородцы.

[274] Конденсированная художественная картина деятельности Ярослава по распространению христианской культуры сводится к следующим отдельным штрихам:

1) Постройка в Киеве кремля, митрополичьей церкви св. Софии, ряда церквей и монастырей.
2) Создание большого круга образованных переводчиков и переписчиков.
3) Перевод священных книг с греческого языка на словенский.
4) Собрание книг, организация библиотек.
5) Постройка церквей по другим городам, постановка попов.
6) Внедрение в людей христианской образованности.

Описание очень тонко выделяет *центр*, откуда льется культурная струя, и *окружность*, куда эти ручьи стекают.

Особенно ярки два художественных образа:

I. Сравнение христианской культуры в ее распространении с земледельческим процессом.

II. Трактат о пользе слов книжных.

I

Пахота и *боронь6а*—просвещение земли Русской крещением при Владимире.

Сев—насаждение книжного учения при Ярославе.

Жатва—наслаждение современников автора «Повести» плодами духовной культуры.

II

Книги: 1) реки, наполняющие вселенную,
2) источники мудрости,
3) неисчислимая *глубина*,
4) *утешение* в печали,
5) *узда* воздержания.

Расцвет письменности и христианской культуры в Киеве можно сравнить только с «золотым веком» болгарской письменности при царе Симеоне (899—927 гг. н. эры).

[275] Пропущены размышления о мудрости.

[276] Первое упоминание о митрополите киевском.

[277] Княжение Ярослава—*переломная пора, когда закатываются многие стародавние процессы IX—X вв. и начинаются новые*. Здесь вслед за фактами: 1) установление единодержавия в Русской земле, 2) утверждение двух столиц, 3) ликвидация печенегов, 4) установление митрополии в Киеве и распространение христианской культуры по земле Русской,—дается художественная картина последнего и неудачного похода руси на Грецию.

[278] Речь идет о Константине X Мономахе (1042—1055 гг. н. эры).

[279] Владимир, старший сын Ярослава, его наместник в северной столице Русской державы, строит *патрональный храм* св. Софии наподобие киевского.

[280] Пропущен пустой год.

[281] Родственные узы с Казимиром Польским (1040—1058 гг. н. э.) налагают обязательства военного союза.

[282] Пропущено два пустых года.

[283] Продолжительный конфликт с Византией приводит к независимости русской церкви от греческой, к самостоятельному избранию митрополита из русских.

[284] Отсюда начинаются заполняющие вторую половину «Повести временных лет» *рассказы о Печерском монастыре*, главном церковно-феодальном центре древней русской культуры, из которого вышли и составитель погодных летописей, и авторы летописных сводов, предшествовавших «Повести», и авторы первой и третьей редакций самой «Повести».

1) Повесть о начале и прозвании Печерского монастыря (лето 6559).
2) Смерть Феодосия Печерского (лето 6582).
3) Рассказы о подвижниках печерских (лето 6582).
4) Постройка церкви Печерского монастыря (лето 6583).
5) Освящение Печерской церкви (лето 6597).
6) Перенесение тела Феодосия Печерского из пещеры в церковь (лето 6599).
7) Нашествие Боняка Половецкого на Печерский монастырь (лето 6604).
8) Похороны Яня Вышатича в Печерском монастыре (лето 6614).
9) Благочестивые обычаи кн. Святополка Изяславича в Печерском монастыре (лето 6615).
10) Запись в синодик Феодосия Печерского (лето 6616).
11) «Знамение» над Печерским монастырем (лето 6618).

[285] Мирское имя Антония пропущено в оригинале самой «Повести».

[286] *Святая гора*—гора Афон на самой восточной оконечности Халкедонского полуострова, где сосредоточено множество греческих монастырей.

[287] Пропущена молитва Антония.

[288] *Повесть о происхождении Печерского монастыря* помещена в «Повести» под летом 6559 (1051 г. н. эры), т. е. включена в княжение Ярослава; здесь же говорится о смерти Ярослава, вокняжении в Киеве Изяслава,—следовательно, этот рассказ составлен позднее, в княжение Изяслава.

[289] Пропущено благословение Антония братии.

[290] Пропущено благословение Антония братии.

[291] Пропущено подробное описание Студийского устава.

[292] Здесь явное указание на «начальника», очевидца события.

[293] Авторская ремарка, подчеркивающая существование известного плана «Повести»: наперед указывается, где будет расположен тот или другой рассказ.

[294] Владимир, князь новгородский, погребается в патрональном храме севера (новгородском), а не переносится для погребения на юг, в Киев: опять подчеркивается важнейший удельный вес Новгорода в политической системе земли Русской.

[295] Здесь идет речь о знаменитом политическом деятеле земли Русской последней четверти XI века и первой четверти XII века—*Владимире Мономахе* (1053—1125 гг. н. эры).

[296] *Лето 6562. Завещание Ярослава*—крупнейший политический документ половины XI века, длительной значимости.

Оно проводит определенную политическую тенденцию к сохранению основ государственного феодального единства в компромиссе с тенденцией семейного раздела. Цель завета Ярослава—сохранение семейного союза между его сыновьями ради внутреннего мира и единства в борьбе с внешними врагами.

Политическая функция, предназначенная старшему сыну, намечена в терминах семейного быта,—как старшему в роде заменять отца, быть арбитром в спорах между братьями. Эта функция связывается с владением киевским столом. В завещании Ярослава нет признаков установления на будущее время *порядка преемства во владении* комплекса *волостями*, прежде всего нет идеи о сохранении единого, общего и нераздельного *владения Русской землей всеми князьями Ярославова рода.*

Внуки и правнуки Ярослава очень верно понимали суть происшедшего раздела, считая своими «отчинами» и «дединами» то, что получили их деды от своего отца Ярослава.

Норма преемства старейшинства несомненно вытекала из завещания Ярослава: так по крайней мере понимали крупнейшие представители общественного мнения во второй половине XI века и начале XII века, Феодосий Печерский и автор «Повести», которые осуждали Святослава Изяславича за нарушение «отчей заповеди», а восхваляли Всеволода за строгое соблюдение этой «заповеди».

[297] Местопребывание Изяслава пропущено в оригинале самой «Повести».

[298] Ярослав погребается в патрональном храме юга, Софии Киевской.

[299] Интересна композиция комплекса «*Княжение Изяслава в Киеве*»:
1) Триумвират Ярославичей.
2) Похождения Ростислава Владимировича Тмутороканского.
3) «Знамения» [*первый* вставочный эпизод].

4) Похождения Всеслава Полоцкого.
5) Нашествие половце и разгром Ярославичей.
6) Наказания божии [*второй* вставочный эпизод].
7) Всеслав Полоцкий захватывает киевский стол; возвращение Изяслава в Киев и месть киевлянам.
8) Волхвы [*третий* вставочный эпизод].
9) Перенесение покровителей земли Русской, Бориса и Глеба, в новую церковь.
10) «Котора» среди Ярославичей; Изяслав снова лишается киевского стола.
11) Смерть Феодосия Печерского.
12) Рассказы о подвижниках печерских [*четвертый* вставочный эпизод].
13) Изяслав второй раз возвращает киевский стол.
14) Борьба Изяслава и Всеволода с племянниками.
15) Убийство Изяслава и похвала ему.

Последовательно развивающийся, исторически слаженный рассказ прерывается своеобразными «лирическими отступлениями», вставочными эпизодами: первый и третий, наподобие Амартола (см. выше прим. 44),—рассказы о разных «дивах»; второй—лирическое моральное поучение; четвертый—о выдающихся деятелях любимого детища автора, Печерского монастыря.

300 Пропущен пустой год.

301 Вместо правления, по завещанию Ярослава, старшего в роде Изяслава, в 1054—1068 и 1069—1072 гг. правят трое старших братьев,—своеобразный и до времени дружный триумвират.

302 *Лето 6568*. Редчайший пример концентрации *всех* княжеских сил Русской земли, включая и *полоцкого* князя Всеслава.

303 *Лето 6569*. Точная хронологическая дата с указанием не только месяца, но и числа: знак *современной* записи, начало нового приема в летописании. Отмечается *начало* актуальных для последних десятилетий «Повести» половецких нашествий.

304 Дальше пропущен пустой год.

305 Редакторская последующая ремарка к погодной записи современника, который, конечно, не мог предвидеть будущего.

306 При расширении княжеского рода, при усложнении родственных отношений, при появлении одноименных князей приходится обозначать вновь выводимого на историческую арену князя *именем не только отца, но и деда*.

307 *Остромир*—воевода и посадник новгородский, для которого дьякон Григорий в 1056—1057 гг. переписал знаменитое «Остромирово евангелие».

308 Автор в духе политических идей Печерского монастыря подчеркивает уважение младшего князя к дяде, старшему родичу, одному из трех соправителей-триумвиров земли Русской.

309 Интересно точное соответствие между символикой «знамений» и ее расшифровкой:

Символика	*Расшифровка*
1. Звезда с *кровавыми* лучами (комета).	1. *Кровопролитие.*
2. Явление в воздухе *вооруженных* людей в Иерусалиме.	2. *Нашествие Антиоха*, сирийского царя, на Иерусалим.
3. Звезда в форме *копья* в Иерусалиме при Нероне.	3. *Нашествие* римлян на Иерусалим.
4. Комета, падающие звезды, солнце без лучей.	4. Мятежи, эпидемии, смерти.
5. Землетрясение в Сирии; мул, человеческим языком предвещающий *нашествие неприятеля.*	5. *Нашествие сарацин* на Сирию при Константине Копрониме.

310 Разумеется царь сирийский из династии Селевкидов, *Антиох IV Епифан* (174—163 гг. до н. эры), лютый гонитель иудеев.

311 *Нерон*—римский император в 54—68 гг. н. эры.

312 *Юстиниан Великий*—римский император в 527—565 гг. н. эры.

313 *Маврикий*—византийский император в 582—602 гг. н. эры.

314 *Константин V Копроним*, сын Льва III Исаврянина,—византийский император в 741—775 гг. н. эры.

315 *Поприще*—мера длины около 700 *м*.

316 В оригинале «Повести» стоит слово «*мьска*»—мул, лошак.

317 *Сарацины*—кочующее разбойничье племя, по словам Аммиана Марцеллина и Птоломея, жившее на севере Счастливой Аравии; уже в начале средних веков христианскими писателями название было распространено на всех арабов, а потом на мусульман вообще.

318 Речь идет о появлении так называемых «ложных солнц».

319 Все тмутороканские события Шахматов относит к записи Печерского монаха Никона Великого, который лет восемь жил на Тмутороканском «острове», основал там монастырь и около 1067 г. н. эры вернулся обратно в Печерский монастырь. Никону мы обязаны записью не только современных ему событий, но и предшествующих (про ясов, касогов, Мстислава Владимировича Тмутороканского) и последующих (пребывание в Тмуторокани племянников Ярославичей). Возможно также, что в руках одного из редакторов «Повести» была особая «Тмутороканская летопись», обработанная в духе позднейших идей автора.

320 Автор делит здесь функции зла между богом и дьяволом: внешние враги («поганые») и бедствия природы посылаются богом, внутренние смуты, княжеские «которы» зависят от козней дьявола.

321 Дальше пропущены размышления о наказаниях божиих.

322 Конденсированная «языческая» картина жизни русского общества во второй половине XI века: строгий «монах»—автор «Повести» резко осуждает: 1) гадания, 2) музыкальные зрелища, 3) игрища, 4) скоморохов и т. д.

323 Здесь в оригинале дан термин «*кобь*»—гадание по птичьему полету или встрече.

324 *Скоморохи* (византийские «скомархи» и немецкие «шпильманы»)—странствующие представители увеселительных, «грешных» профессий в древней Руси с разнообразным «потешным» репертуаром; среди скоморохов выделялись музыканты, песенники, плясуны, актеры и т. д.

325 *Русалии* (от латинского Rosalia—праздник поминовения предков с розами)—праздник поминовения душ предков на Руси, сопровождаемый зрелищами и скоморошьими играми.

326 Пропущен конец рассуждений о наказаниях божиих.

327 Так я перевожу здесь термин «дружина».

328 Пропущены рассуждения о силе креста.

329 Пропущено рассуждение о бесах.

330 Так я всюду передаю термин «мьчта».

331 *Смерды*—крестьяне-земледельцы, жившие «селами» (хуторами), находившиеся в специальной сеньориальной зависимости от княжеской власти, под судом и особой его защитой; они редко выступают в составе вооруженных княжеских сил, их обязанность скорее—доставлять коней для княжеских воинов; часто они называются рядом с несвободными элементами, холопами, что говорит за их приниженное социальное положение; отсюда в широком смысле смердами назывались все незнатные, «подлые» слои общества.

332 Между Янем Вышатичем и волхвами, которые оказываются очень образованными людьми, происходит интересный диспут, вскрывающий круг знаний той эпохи.

Янь щеголяет знанием строения человека, его анатомии; волхвы проповедуют *дуализм мироздания и человека*— как порождение двух богов, верхнего и нижнего.

333 Чтобы окончательно сломить возможный соблазн волхвами и их чудесами у читателей «Повести», автор заключает свой экскурс о белоозерских волхвах двумя силлогизмами:

1) Если бы [волхвы] знали наперед, то они не прошли бы в то место, где их должны были схватить.

2) Если они были схвачены, то зачем они говорили: «Нам не умереть», в то время как [Янь] замышлял убить их?

[334] Автор мыслит так же, как и его современники на Западе, считая женщину «сосудом дьявола», источником всякого колдовства и «ведовства».

[335] Пропущен рассказ о других «волшебниках».

[336] Рассказ о перенесении Бориса и Глеба в новую церковь пропитан идеей—*доказать существование священных покровителей земли Русской* особенно перед греками: греческий митрополит Георгий не верит, по словам «Повести», в святость русских князей.

[337] Формула *официальной* датировки события.

[338] Исходя из своей альтернативной формулы (см. выше прим. 320), автор приписывает княжеские «которы» (междоусобицы) дьяволу.

[339] Автор резко выступает здесь против поступка Святослава, несколько раз клеймит его как нарушителя Ярославова «Завещания» и заповеди бога. Неприязнь автора к Святославу сказывается и в статье лета 6583, где осуждается хвастовство Святослава своими богатствами перед немцами.

[340] Здесь у автора ошибка: нужно читать не «от племени Сифова», а «от племени *Симова*», т. е. от сына Ноя.

[341] *Било*—доска, в которую (вместо колокола) били, созывая монахов в церковь или для принятия еды или в других важных случаях.

[342] *Доместик* (греческое δομεστικός)—регент, запевала.

[343] Опущен конец наставлений Феодосия.

[344] Точность датировки указывает на запись *современника*, человека очень образованного (указание индикта).

[345] Автор влагает в уста немецких послов свою любимую мысль, что дружина—выше всякого богатства: здесь, конечно, не только монашеское презрение к золоту и роскоши,—гораздо сильнее звучит обида дружинника, задетого предпочтением, которое князь отдает богатству. Речь идет о посольстве к Святославу императора германского Генриха IV (1056—1106 гг. н. эры).

[346] В оригинале стоит сильный термин «къметие»—витязи.

[347] Ошибка в оригинале «Повести»; нужно читать: «царя вавилонского».

[348] Пропуск в оригинале «Повести».

[349] Похвала Изяславу пропитана глубокой моральной лирикой. Изяслав рисуется в образе идеального христианина и князя: видимо, какие-то очень глубокие интересы связывали автора первой редакции «Повести временных лет» с погибшим князем.

[350] Пропущены рассуждения о любви к братьям.

[351] Пропущен рассказ о деятельности Давыда Игоревича в Олешье.

[352] Наконец-то редактор-«воин» вместо сатаны приводит очень реальный мотив княжеской «которы»—*злых советников* князя.

[353] *Похвала Ярополку Изяславичу* звучит странным диссонансом всему, что сам автор раньше рассказывал про этого князя: здесь явственно проступает тенденция какой-то особенной приязни к Изяславу и ко всему его племени у автора первой редакции «Повести».

[354] Пропущена молитва Ярополка Изяславича.

[355] Опять формула официальной датировки документа.

[356] *Тысяча*—территориальная единица, подчиненная тысяцкому, который держит в ней воеводство и весь «ряд», т. е. управление. *Тысяцкий*—княжий муж, который держит «тысячу» или «воеводство тысячи», он—воевода (Dux, Herzog западных хронистов) городового полка «воев», набиравшихся из людей «земли» в подмогу дружине, он—также и правитель города. Тысяцкий не идет в поход с князем, если не идет и городовой полк. Важнейшие события датируются княжением князя и воеводством тысяцкого.

[357] Последовательная характеристика трех митрополитов: Иоанна, Иоанна-скопца и Ефрема, позволяет судить об идеалах образованного русского общества в конце XI века. Представлены два идеальных типа: 1) *ученого*, знающего книги, умного, красноречивого (его антитеза: некнижность, простоватость умом, некрасноречивость) и 2) *практического деятеля*—строителя не только церквей, но и общественно-полезных сооружений, как городская каменная баня.

[358] Рассказ ведется от имени первого лица, деятеля и очевидца, насыщен

конкретно-бытовыми подробностями; вторая половина «Повести» полна таких рассказов рядом с лирически-моральными отступлениями, с публицистической оценкой событий,—полная противоположность первой половине «Повести», наполненной «учеными» композициями и гипотезами автора.

359 Речь идет о солнечном затмении.

360 *Охота*—обычное времяпровождение князей в часы досуга, когда не было войн внутренних и внешних.

361 *Филиппов день*—14 ноября, когда празднуется память апостола Филиппа.

362 *Мясопуст*—воскресенье перед масленицей.

363 *Похвала князю Всеволоду* составлена из противоречивых мотивов. С одной стороны, он восхваляется, в противоположность Святославу (см. выше прим. 339), как идеальный хранитель завещания Ярослава, страж идеи княжеского старейшинства, а с другой—служит предметом порицаний со стороны старшей дружины за пренебрежение ее интересами в пользу младшей дружины.

364 Здесь в оригинале дан характерный термин «сыновьцы»—племянники; автор, верный защитник идеи «старейшинства», *подчеркивает* непокорность, стремление к захватам, конфликты между младшими князьями и старшими, между племянниками и дядями.

365 Принимаю для перевода чтение Шахматова «тиуны» вместо чтения Лаврентьевской летописи «*ти унии*».

Тиуны (от немецкого «Diener»—слуга)—княжьи слуги из несвободных людей (холопов), управлявшие княжеским хозяйством, чинившие вместо князя, по его поручению, суд и расправу над людьми, собиравшие с виноватых денежные пени в пользу князя.

366 *Продавать*—здесь облагать излишними поборами, брать взятки.

367 *Простые люди*—горожане, названные так в противоположность боярам, очевидно *знатным* людям: в русском обществе конца XI века начинается уже *феодально-сословная* диференциация.

368 Мономах дает в своих рассуждениях формулу *отчинного* наследования киевского стола: он сам имеет право на киевский стол и потому, что на нем сидел его отец, но его отчинное право приходит в столкновение с отчинным правом Святополка, отец которого раньше (т. е. подчеркивается последовательность во времени, а не по старейшинству) занимал этот стол.

369 Комплекс «*Княжение Святополка в Киеве*» состоит из двух разноцветных клубков. Первый окрашен в темные цвета—тяжелые картины половецких нашествий, страдания русских людей, разгром Печерского монастыря, колебания и ропот в «роде христианском», потом продолжительная и упорная борьба Мономаха и его сыновей, Изяслава и Мстислава, с Олегом Святославичем (Гориславичем) и, наконец, ослепление Василька Ростиславича. Второй клубок окрашен в более радужные цвета—княжеские «снемы» (съезды), прекращение усобиц, наступательная война против половецких степей: на горизонте—заря расцвета Русской земли в славное княжение Владимира Мономаха и его старшего сына Мстислава.

370 Ценные картины борьбы: 1) между старшей дружиной киевской и пришлыми дружинниками Святополка, 2) «разумной» (во главе с Янем Вышатичем) и «неразумной» партий в среде дружины. Князь Святополк после провинциальной Турово-Пинской волости попадает в кипящий котел сложной киевской политики и неуменьем в ней ориентироваться вызывает тяжелую полосу половецких нашествий и погромов.

371 «*Мужи съмысльнии*» во главе с Янем Вышатичем—вот та среда, из которой вышла идея автора «Повести» о «земле Русской», красной нитью проходящая через записи 90-х гг. XI века и 10-х гг. XII века.

372 *Продажа*—штраф в пользу князя за все уголовные преступления, кроме убийства (за которое шла «*вира*» в пользу князя).

373 *Стяг*—боевое знамя.

374 Отчетливое ударение, что Борис и Глеб являются священными покровителями земли Русской.

375 Опущены размышления о бедствиях от врагов.

376 Опущены размышления о бедствиях за грехи

[377] Опущены размышления о наказаниях за грехи.

[378] Опущены размышления о милостях божиих.

[379] Опущены размышления о человеколюбии божием.

[380] Опущены размышления о наказаниях божиих.

[381] *Олег Святославич* («Гориславич»)—неизменный друг половцев среди русских князей: он и в дальнейшем, когда получил Черниговскую отчину, под разными предлогами уклоняется от борьбы с половцами.

[382] Принимаю для перевода чтение Шахматова «Ратиборова чадь», а не «дружина».

[383] Северная столица, Новгород, по своей воле выбирает себе князя и нелюбому князю показывает от ворот поворот.

[384] *Лето 6604.* Олег употребляет тут слово «смерды» в самом широком смысле (смерды=мужи отцов наших, люди городские), т. е. в смысле простых, *незнатных* людей, недостойных судить лиц княжеского рода; здесь—отзвук высокородовитой спеси представителя самых крупных феодалов.

[385] Киев выступает в интересном политическом орнаменте: это—старший город во всей Русской земле, это—«стол» всех главных представителей княжеского дома, это—единственно достойный пункт, где князья без ущерба для своего достоинства могут съехаться и договориться об общем благе земли Русской. Князья-союзники считаются, видимо, с княжеской спесью Олега и предлагают ему место, достойное даже его дерзости и гордости.

[386] *Болоние*—низменное поречье, покрытое травой.

[387] *Полати*—здесь или хоры в церкви, или придел в верхнем ярусе храма.

[388] Пропущены размышления о наказании «поганых» на том свете.

[389] Пропущены размышления о бедствиях.

[390] Пропущен рассказ о происхождении сынов Измаиловых.

[391] «*Немой*»—здесь употреблено в смысле «говорящий неясно, непонятно».

[392] *Мефодий Патарский*—епископ города Патар в Ликии (в Малой Азии), умерший в 311 г. н. эры, один из сильных полемистов против языческих философов и христианских еретических доктрин. Здесь идет речь об известном древнерусском апокрифе: «Сказание Мефодия Патарского о царстве языка последних времен», неправильно приписываемом Мефодию Патарскому. Сказание заключает целую апокрифическую всемирную историю от Адама и подробно рассказывает о запертых в горах Александром Македонским народах Гога и Магога, которые выйдут из своего заключения в последние времена.

[393] Автор с особой силой одобряет здесь принцип *отчинного* наследования городов и волостей.

[394] Во всем рассказе о войне между Мономашичами и Святославичами красной нитью проходит *преклонение* автора второй редакции «Повести временных лет» перед Мономахом и его родом. Стяг Мономаха внушает страх его противникам; Мстислав Владимирович нарисован в идеальном образе младшего князя, хранящего уважение к старшим князьям, несмотря на все их преступления и ошибки, правдивого и ненавидящего коварство, полного забот о земле Русской.

[395] Речь идет о первой неделе поста.

[396] *Лето 6605. Княжеский «снем» в Любече.* По предположению Н. Барсова, этот Любеч—урочище под Киевом и не тождествен с Любечем Черниговской земли.

В Любечском постановлении отсутствуют две идеи: 1) единства владения князей Ярославова рода и 2) старейшинства над ними киевского князя. Решительно выражен принцип раздельного, *отчинного* владения; даже Киев назван Изяславлим и достается Святополку как его отчина, а не в силу старейшинства среди князей, о котором нет и помину. Те функции, какие в «Завещании» Ярослава (см. выше прим. 296) возлагались на старшего князя: охрана мира между братьями-князьями и единства в обороне земли—тут возлагаются на совокупность князей, целующих крест на солидарности действий. В постановлении «снема» зафиксировано отличие трех отчин от городов, розданных Всеволодом; над владениями Давыда Игоревича и Ростиславичей, хотя они и были как бы гарантированы княжеским съездом, нависла тень феодального вассалитета. С Любечского «снема» возрождается своеобразный *триумвират*: *Святополк—Мономах—Святославичи*, который, с перебоями, функционирует, как и первый

триумвират Ярославичей, занимаясь вопросами обороны Русской земли от «поганых» и внутреннего порядка.

397 Дальше идет большая *повесть об ослеплении князя Василька Ростиславича*, о запутанном узле междукняжеских отношений, войн, комбинаций, переговоров и договоров, вызванных этим событием. Рассказ записан очевидцем, насыщен рядом подробностей, которые вводят нас в самую глубину жизни князей и их ближайшего окружения в конце XI века. Шахматов предполагает автором рассказа попа Василия, тезку и духовного отца ослепленного князя Василька.

398 Древнерусские князья имели два имени: первое—княжее и второе—христианское; христианским именем Святополка было Михаил; именины падали на 8 ноября—память Михаила-архангела.

399 *Детский*—см. выше прим. 120.

400 В противоположность спеси князя Олега Святославича (см. выше прим. 384), Святополк заискивает перед боярами и киевлянами.

401 Польское grudzień—декабрь. По предположению Н. В. Степанова, это был лишний, тринадцатый месяц древнерусского лунного года, вставлявшийся через два года на третий.

402 Мономах был сыном Всеволода от первой его жены, греческой царевны.

403 Последовательность рассказа прерывается еще прижизненной «Похвалой» князя Владимира со стороны автора второй редакции «Повести временных лет». «Похвала»—оболочка, в которой обыкновенно скрывается выражение симпатий автора к князьям или княжеской линии, связанность глубокими интересами с этой линией.

404 *Дружина младшая*—см. выше прим. 120.

405 Опущены размышления об отмщении врагам.

406 *Коломан*—король венгерский (1095—1114 гг. н. эры). Присоединил к Венгрии Хорватию и Далмацию; неудачный поход к Перемышлю был в промежутке между этими двумя завоеваниями.

407 Боняк Половецкий в представлении автора оказывается колдуном и гадателем: ср. аналогичный рассказ о гадании перед Куликовской битвой.

408 «*Заступ*» (παράταξις)—отряд войска в боевой готовности.

409 Опущен рассказ о борьбе между Давыдом Игоревичем и князем Святошей.

410 *Лето 6608*. Триумвират старших князей, установленный Любечским «снемом» (съездом), осуществляется на постоянных «снемах» и в совместных походах против половцев. В первое десятилетие XII века «снемы» функционируют непрерывно, посвященные то вопросам внутреннего мира, распределения княжеских «волостей», то вопросам обороны и нападения против «поганых».

411 Ярко выступает вассалитет Владимира-Волынского и Червенских «столов»: Уветичский «снем» отнимает у князей Давыда Игоревича и Ростиславичей то, что было гарантировано предшествующим, Любечским «снемом».

412 Святополк, верный традициям киевских князей, начинает *концентрацию* важнейших «волостей» среди представителей своей линии.

413 Опущен рассказ о Ярославе Ярополчиче.

414 *Лето 6610*. Попытка Святополка к дальнейшей концентрации встречает сопротивление среди новгородцев: северная столица отстояла против «старейшего» князя право иметь князя по своей воле.

415 Намек на уход Святополка Изяславича из Новгорода в Туров в лето 6596.

416 Автор вносит существенный корректив в понятие «знамений»,—они могут означать и добро, если подействует на бога молитва людская.

417 Опущены известия о смерти Владислава и Ярослава Ярополчича.

418 *Лето 6611. Долобский «снем»* важен переходом от обороны к нападению против половецких степей. Триумвират раскалывается в кардинальном вопросе: Олег Святославич остается верен своим старинным союзникам, половцам, и отказывается под предлогом болезни выступить против них.

419 *Смерд* и *конь смердий*—см. о них выше прим. 331.

420 *Лето 6612*. Любопытный образец комплексной статьи: под одним и тем же годом собрано все, что составляет круг интересов автора:

I. *Свадьбы* дочерей Володаря и Святополка: 1) широта международных связей—Царьград и Венгрия и 2) международная значимость русского княжеского рода: княжны русские выдаются замуж за *царевича* византийского и *королевича* венгерского.

II. *Смерть* князя.

III. *Приход и постановление митрополита* Никифора.

IV. *Походы* князей и княжих мужей на Полоцк.

V. *Рождение* князей.

VI. Небесные «*знамения*».

421 Опущен ряд церковных известий.

422 Опущен рассказ о набеге половцев на Заречьск.

423 *Янь*—киевский тысяцкий в 80-х гг. XI века, вождь «смысленных мужей» в составе старшей княжеской дружины в 90-х гг.; главный источник у автора для сложных феодальных отношений за последние три десятилетия.

424 Опущено несколько мелких известий.

425 Опять подчеркивается расположение автора первой редакции «Повести временных лет» к представителю Изяславлей княжеской линии.

426 Опущено несколько мелких известий.

427 *Синодик* (греческое συνοδικόν)—книга «Чин православия»; в первое воскресенье великого поста совершался чин торжественного проклятия отступников от иконопочитания, еретиков, и возглашалась вечная память защитникам икон и православия. Феодосий был вписан в синодик как борец за православие для вечного поминовения.

428 «*Съборъ*»—торжественное богослужение, где совершается «чин православия».

429 *Св. Михаил*—киевский Михайловский на Выдобочах (Всеволожь) монастырь; его не нужно смешивать с киевским Михайловским Златоверхим монастырем (Святополчим).

430 *Внешняя форма* записи Сильвестра придает ей *официальный* характер: словно подчеркивается, что здесь идет речь о летописи, отредактированной по поручению князя, в его интересах.

КИЕВСКАЯ ЛЕТОПИСЬ

Общий ход событий XII века. Киевская летопись открывается эпохой большой важности, концентрации феодальных русских земель в руках Мономаха и его рода, и довольно длительным (на двадцать примерно лет) замирением Руси внутри и вовне—от степных кочевников, половцев (1113—1132 гг.).

Уже второй сын Мономаха, Ярополк, теряет большинство позиций, захваченных отцом и своим старшим братом Мстиславом Великим: его плохо слушаются младшие братья, а главное—Ольговичи начинают с помощью половцев упорную борьбу против первенства Мономашичей, отвоевывают у них Посемье, охватывающее с юга их вотчину. Натиск Ольговичей заканчивается захватом после смерти Ярополка самого Киева Всеволодом Ольговичем (1139 г.). Всеволод ведет довольно удачную авантюрную политику, искусно лавируя между своими братьями, Ольговичами и Давыдовичами, с одной стороны, и Мономашичами—Владимировичами и Мстиславичами—с другой, опираясь то на тех, то на других, натравливая их взаимно друг на друга. Но его попытка закрепить Киев за Ольговичами терпит полную неудачу. Старший внук Мономаха Изяслав Мстиславич, опираясь на более широкую массу приверженцев к Мономахову дому, вопреки всем правилам старейшинства, захватывает Киев (1141 г.). Княжение Изяслава вводит нас в очень бурную эпоху (1146—1154 гг.). Изяслав сначала ведет упорную борьбу с Ольговичами, а потом с дядей своим Юрием Суздальским. Борьба идет с переменным счастьем, но в конце концов Изяслав с помощью угров, опираясь на фиктивного соправителя, дядю Вячеслава, сохраняет Киев до самой своей смерти. Уже при Изяславе резко определяются два новых феодальных центра среди русских земель: Галицкое и Суздальское княжество, а «земля Русская» (Киевское княжество) хиреет и теряет свое политическое и военное значение, подвергается со всех сторон натиску князей, вожделеющих, по традициям, владеть ею. Юрий, основатель суздальского владычества, еще отдает дань этой традиции и заканчивает свою жизнь в Киеве (1157 г.), но его сыновья уже ведут иную политику: сначала независимости и равенства севера и юга, а потом, по мере дальнейшего ослабления земли Русской, преобладания, а в конце концов и власти севера над югом. После Юрия киевский стол служит предметом борьбы между Изяславом Давыдовичем Черниговским и Ростиславом Мстиславичем, братом Изяслава Мстиславича; княжение Ростислава еще проходит под знаком равенства юга и растущего в своей силе севера (1158—1167 гг.), но после него, при старшем правнуке Мономаха, Мстиславе Изяславиче, север в лице князя Андрея Юрьевича наносит 8 марта 1169 г. решительный удар Киеву и Русской земле: Киев теряет по существу роль политического центра и делается добычей случайных князей, при ясно выраженном

сюзеренитете севера и независимости Галицкой земли. Хозяевами юга делаются в конце концов сыновья Ростислава Мстиславича (Ростиславичи), они попеременно владеют Русской землей, а Киев временно как бы выделяется из Русской земли и находится во власти старшего из Ольговичей, князя Святослава Всеволодича. После четырнадцатилетнего (1181—1195 гг.) симбиоза князя Святослава с Ростиславичами власть до конца охваченного Киевской летописью периода (1199 г.) находится в руках Ростиславичей при более или менее значительном политическом контроле севера. Галицкая земля тоже к концу периода попадает под политическое влияние севера. Таким образом, в конце XII века князья владимиро-суздальские из младших Мономашичей, частью цепями родства—старейшинства, частью политическим авторитетом единого и однородного целого перед раздробленным и разнородным конгломератом южных земель, частью очень искусной дипломатией «divide et impera» (разделяй и властвуй)—подчиняют своему сюзеренитету все русские земли.

Сюжетное строение Киевской летописи

1. «Снем» в Долобске и великий поход в половецкие степи.
2. Смерть Святополка Изяславича и вокняжение в Киеве Владимира Мономаха.
3. Ладожский кремль и рассказы о чудесных событиях.
4. Княжение Мономаха: перенесение мощей Бориса и Глеба; смерть Олега Гориславича; поход Мономаха на Минск; борьба с Ярославом Святополчичем; смерть Мономаха.
5. Княжение Мстислава Великого: конфликт со Всеволодом Ольговичем; поход на полоцких князей; поход на Литву; смерть Мстислава.
6. Княжение Ярополка Мономашича: война с Ольговичами и мир; смерть Ярополка.
7. Княжение Всеволода Ольговича: захват Киева у Вячеслава; борьба с Владимировичами и Мстиславичами; распря с братьями; поход на Владимира Галицкого; вопрос о преемничестве Игоря в Киеве; поход на ляшских князей; смерть Всеволода.
8. Княжение Изяслава, сына Мстислава: см. прим. 64.
9. Княжение Изяслава Давыдовича в Киеве и Андрея Юрьевича во Владимире: борьба за права Ивана Берладника; неудачная борьба со Мстиславом Изяславичем.
10. Княжение Ростислава Мстиславича.
11. Княжение Мстислава Изяславича: походы на половцев; коалиция против Мстислава.
12. Разгром Киева войсками Андрея Юрьевича Боголюбского.
13. Борьба Андрея с Ростиславичами.
14. Повесть об убиении князя Андрея Юрьевича.
15. Борьба Святослава Всеволодича с Ростиславичами и мирный раздел Русской земли между ними.
16. Повесть о походе князя Игоря Святославича на половцев.
17. Смерть Ярослава Осмомысла Галицкого и «смуты» в Галиче.
18. Сказание о третьем крестовом походе.
19. Хитрая дипломатия князя Всеволода Юрьевича Большое Гнездо.
20. Сказание о постройке каменных стен вокруг Выдубицкого монастыря князем Рюриком Ростиславичем.

[2] *Долобьское озеро*—на острове Труханове, против Киева (см. прим. 117).

[3] Князья в обращении друг к другу неизменно называются «братьями»: все они «одного деда внуки», происходят от одного общего родоначальника, все они не «подручники» другого князя, а равные ему; это бытующее явление—следствие рождения, а не соглашения; князь—не простой человек, ему нельзя приказывать, с ним надо разговаривать, не нарушая его чести. Но за первым термином, равенства всех членов княжеского дома иногда стоит второй: «отец» или «сын»,—это поправка на старшинство; обыкновенно старший по рождению или договоренности называет младшего «сыном», а младший старшего—«отцом».

[4] На редкость удачный поход русских князей-триумвиров (Святополка—Владимира—Давыда), очень реалистично описанный, покрыт густыми легендарными цветами, связан с рассказами об ангелах и заканчивается наивным уверением, что слава о походе распространилась по всему культурному миру, вплоть до его «центра»—Рима.

[5] Здесь нельзя понимать «Дон» в буквальном смысле, а вернее—Северный Донец; за это говорят подробности похода в глубь половецких степей: 1) выступление в поход—второе воскресенье поста, 26 февраля, приход к реке Суле—пятница третьей недели поста, 3 марта, 2) приход к Хоролу—суббота третьей недели, 4 марта, выступление с Хорола—третье воскресенье поста, 5 марта, 3) приход к Ворскле—вечер вторника четвертой недели, 7 марта. Между Сулой и Хоролом приблизительно около 23,5 километра, между Хоролом и Ворсклою приблизительно 95 километров, всего около 118,5 километра, т. е. в среднем по 23,7 километра в сутки. Дальше до Шаруканя на Дону князья шли 14 дней и прибыли туда во вторник шестой недели, вечером 21 марта. Необходимо допустить, что: 1) поход в степях совершался медленнее, чем в русских пределах, что пешие воины не могли сделать двухнедельный переход без больших остановок, чтобы сберечь свои силы для предстоящих боев с половцами, 2) что князья в эти две недели едва ли могли сделать более 235 километров, если не меньше. Но такое расстояние уничтожает всякую мысль о Доне, который в нижнем течении отклоняется слишком далеко на восток. Очевидно, здесь идет речь о Северном Донце и не ниже окрестностей Изюма.

[6] *Городец*—заднепровское подгородное поселение у Киева, на острове, образуемом речкой Радосынью (теперь Радункой), у теперешнего селения Вигуровщины.

[7] Этнографический кругозор автора сузился сравнительно с Начальной летописью: под всеми «дальними» странами здесь разумеются только ближайшие соседи Русской земли, постоянно с ней соприкасавшиеся то войной, то миром.

[8] Характерно, что даже после 1054 г. (разделения церквей), после резкой полемики духовенства против латинов-католиков латинский Рим, а не византийский Царьград считается центром «вселенной», т. е. «культурного» мира того времени.

[9] Характерная в описании древнего наблюдателя картина частичного солнечного затмения.

[10] Разумеется сирийский царь Антиох IV Епифан (174—163 гг. до н. э.), жестокий гонитель иудеев.

[11] Князья в ту эпоху носили два имени: одно—княжеское (в данном случае—Святополк), а другое—христианское (Михаил).

[12] Имеются в виду: дед Мономаха, князь великий Ярослав Мудрый, и отец Всеволод, занимавший киевский стол до Святополка.

[13] Ученые расходятся в истолковании мотивов Мономахова колебания. Мономах славился строгим соблюдением норм междукняжеских отношений; быть может, он пережидал вероятных претендентов на киевский стол: старшего во всем Ярославлем роде Давыда Святославича из линии Ольговичей или киевского отчича, сына только что умершего князя Святополка—Ярослава.

[14] Киевское движение 1113 г. носит ярко выраженный социальный характер, направлено против тогдашних феодалов и представителей ростовщического капитала. Вторичное приглашение к Мономаху—очень тревожного характера—идет со стороны светских и духовных феодалов—бояр и монастырей.

[15] Разумеется Володарь Ростиславич, князь теребовльский в Галицкой земле, брат ослепленного в 1097 г. Василька Ростиславича.

[16] Старший сын Мономаха, впоследствии князь киевский, прозванный Великим; он княжил тогда в Новгороде Великом, «пригородом» (подвластным городом) которого считалась Ладога.

[17] Предание о падающих с неба белках было повсеместно распространено на всем севере Европы: в XVI—XVII веках оно вызвало в Швеции несколько «ученых» исследований. Ему верили Олаф Магнус, упсальский епископ (1518 г.), и Олаф Вернус, написавший целую книгу о падающих с неба «лемерах». Теперь думают, что это не что иное, как норвежская пеструшка; она переселяется обыкновенно громадными массами и на большие пространства. Ее внезапное появле-

ние в местах, где ее прежде не было и где ее вовсе не ожидали, и дало повод к преданию, занесенному в летопись.

[18] Здесь разумеется хронограф Иоанна Малалы. *Иоанн Малала* (сирийское слово «малала», греч. ῥήτωρ—оратор, учитель ораторского искусства)—эллинизированный сириец, живший в 491—578 гг. н. эры, первый типичный представитель византийской хроники; он составил хронограф от сотворения мира и сказочных египетских древностей до конца правления императора Юстиниана Великого (565 г.),—труд ничтожной исторической ценности, разукрашенный всеми риторическими хитростями того времени, полный занимательных рассказов об удивительных странах, событиях и людях. Автор Киевской, а особенно Галицко-Волынской летописи не только пользуется рассказами Малалы, но и заимствует у него литературные формы и лексику.

[19] *Проб*—римский император (276—282 гг. н. э.).

[20] *Аврелиан*—римский император (270—275 гг. н. э.).

[21] *Мономах* (греч. μονομάχος—единоборец, гладиатор)—прозвище деда князя Владимира, византийского императора Константина X Мономаха (1042—1054 гг. н. э.), от которого это прозвище перешло ко внуку.

[22] Священное гадание в древней Руси; особенно оно практиковалось в «господине Великом Новгороде» при выборе архиепископа.

[23] Важное пограничное укрепление чуди—селение Оденке к югу от б. Юрьева, в гористой местности близ верховьев реки Эльвы, южного притока Эмбаха.

[24] Мономах как дальновидный политик переводит старшего сына Мстислава в Белгород, не теряя одновременно власти над Новгородом, с целью передать ему киевский стол после своей смерти: будущему князю киевскому нужно было заблаговременно ознакомиться со сложной политической обстановкой в Русской земле, наладить отношения со старшей киевской дружиной; последующее княжение Мстислава Владимировича вполне оправдало все эти расчеты Мономаха.

[25] Речь идет о возможном претенденте на «золотой» киевский стол после смерти Мономаха, князе владимирском Ярославе, сыне Святополка Изяславича, предшествовавшего Мономаху князя киевского.

[26] *Берендеи* (берендичи)—кочевое племя тюркского происхождения (см. прим. 65).

[27] *Торки*—кочевое племя тюркского происхождения (см. прим. 65).

[28] Речь идет о князе Ярославе Ярополчиче, бежавшем от сыновей Мономаха к ляхам.

[29] *Червень*—Чермно в 6 километрах от Тышовец, к югу от Грубешова.

[30] Ростиславичи, Василько и Володарь, первое время оставались на стороне Мономаха, с которым были связаны родством (сын Мономаха Роман был женат на дочери Володаря); кроме того, они не теряли надежды овладеть Владимиро-Волынской землей; но когда после смерти Романа Мономах посадил во Владимире своего другого сына, Андрея, и выказал твердую решимость присоединить Владимирскую землю ко всем своим другим землям, Ростиславичи поняли грозную опасность от надвигавшейся Мономаховой концентрации и перешли на сторону претендента, Ярослава Святополчича.

[31] «*Похвала*» *Владимиру Мономаху* поражает своей краткостью и отсутствием риторических украшений, проникнута деловитостью и точностью изложения. Вот как переплетаются в этой «Похвале» мотивы «воина» и «монаха»: «воин» точно характеризует политическую значимость Мономаха: «великий князь всей Руси»; «монах» добавляет: «благочестивый и благородный»; «воин» говорит: «весть о нем прошла по всем странам», больше всего он был страшен «поганым»; «монах» добавляет: он был «солнцем, просветившим Русскую землю, он любил нищих и был добрым тружеником за землю Русскую».

Личность Мономаха, повидимому, не повела к созданию о нем церковной легенды; единственное указание на ее несбывшуюся возможность дано в словах: «Епископы плакали по *святому* и доброму князю». Зато его политическая деятельность заполняет отзвуками всю историю Русской земли в XII веке, заходит и в XIII век, приводит к образованию своеобразного героического эпоса у половцев, фрагменты которого дошли до нас в самом начале Галицко-Волын-

ской летописи (см. прим. 7 к Галицко-Волынской летописи). Вот почему «Похвала» лишена хитро сплетенных словесных украшений, по-воински кратка и конденсирована.

[32] Самым обыкновенным и самым распространенным орудием гарантии междукняжеских договоров служила клятва, крестное целование; нарушение договора являлось, таким образом, нарушением принятых на себя обязательств и грехом. Но духовенство, которое приводило к клятве князей-союзников, оно же и снимало с них клятву, когда считало это нужным. Автор летописи ценит князя Мстислава гораздо выше окружавшего его духовенства, так как совесть мучила нарушившего клятву князя до самой его смерти.

[33] Под *кривичами* здесь разумеется земля Полоцкая.

[34] Мстислав приходился родственником византийским императорам из династии Комнинов: сестра была замужем «въ Грькы за Царь».

[35] Подробности автор Киевской летописи дает ниже, под летом 6648.

[36] Единственный случай, когда Мстислав лично ходил в поход; в других случаях он обыкновенно посылал своих князей или своих «мужей».

[37] Разумеется обещание, какое дал Ярополк своему умершему брату Мстиславу.

[38] Речь идет о Посемье, землях по реке Сейму.

[39] *Василько Леонович* был сыном Леона Диогеновича, внуком византийского императора Романа Диогена (1067—1071 гг.); по В. Г. Васильевскому, Леон был женат на сестре Мономаха.

[40] Об отчине Ольговичей см. прим. 38.

[41] *Князь Святослав Ольгович*—одна из стойких личностей той эпохи: привязанность к брату Игорю, верность данному слову и старому союзнику Юрию Суздальскому, дружеские, полные участия советы князю Изяславу Давыдовичу, лойяльность по отношению к Ростиславу Мстиславичу—выгодно отличают его от «многодушных», неверных князей половины XII века.

[42] Разумеется король венгерский Бела Слепец (1131—1141 гг.).

[43] *Янков монастырь* назван так по имени Янки (Анны), дочери киевского князя Всеволода Ярославича, основательницы этого монастыря.

[44] Речь идет о том же самом Боняке, который опустошал Русскую землю в начале княжения Святополка Изяславича и сжег в лето 6604 Печерский монастырь.

[45] *Владимир Мономах Великий и Мстислав Великий.*—Термин «великий» уместен в устах автора, без лести преданного Мономаху и старшей линии его дома.

[46] *Владимировичи* и *Мстиславичи.*—Автор очень точно различает здесь два главных ответвления среди Мономашичей: 1) старшие—дяди, сыновья самого Владимира Мономаха, и 2) младшие—племянники, сыновья старшего сына Мономаха, Мстислава Великого.

[47] В Переяславле долгое время сидели дед Андрея, Всеволод Ярославич, и отец, Владимир Мономах.

[48] *Корань*—речка, течет параллельно Днепру и впадает в Трубеж ниже Переяславля; по Кораню, нужно думать, проходил «рубеж» (граница) земли Переяславской.

[49] Это было войско князя Владислава Старшего, сына Болеслава Кривоустого. Владислав, теснимый братьями, сблизился со Всеволодом Ольговичем и предложил ему обручить своего малолетнего сына Болеслава на дочери Всеволода, Звениславе. Всеволод принял предложение и был в тесной дружбе с ним до самого изгнания Владислава из Польши.

[50] *Обе волости.*—Речь идет о Перемышле и Теребовле.

[51] Князь дан здесь как военный предводитель и как представитель Новгорода в сложной междукняжеской дипломатии той эпохи: князья считались обыкновенно только со своими «братьями»—князьями, а не с вечем или боярством.

[52] Новгород Великий производил слишком мало собственного хлеба и постоянно нуждался в привозном—с юга и юго-востока, с Поволжья. Жизненная, хозяйственная необходимость толкала новгородцев на призвание князя из той или другой княжеской линии, владевшей или запасами хлеба, или дорогами к этим запасам.

[53] *Городок Остерский*, теперешний Остер, принадлежал князю Юрию Суздальскому и служил для него очень удобной базой для военных операций на юге, в Русской земле; впоследствии Изяслав Мстиславич сжег этот город и развел в разные стороны его жителей, чтобы окончательно вытеснить Юрия с юга.

[54] *Болеслав*—сын Владислава, внук Болеслава Кривоустого, короля ляшского (1102—1138 гг.).

[55] *Болеславичи*—сыновья Болеслава Кривоустого.

[56] *Крестная грамота*—грамота, содержавшая условия мирного договора, на которой князья целовали крест, давая тем самым гарантию соблюдения договора.

[57] Размеры княжеской коалиции (почти вся Русь, за исключением полоцких князей и Юрия Суздальского, входила в нее) в походе против Владимира Галицкого говорят о незаурядных дипломатических способностях Всеволода Ольговича: он необыкновенно ловко воспользовался несогласиями среди Мономашичей и с помощью своих братьев, Ольговичей быстрым неожиданным ударом захватил «золотой стол киевский», несколько десятилетий принадлежавший Мономаху и его детям, и заставил Мономашичей примириться с этим фактом. Утвердившись в Киеве, он начинает вести тонкую политику с Мономашичами и приобретает их содействие, вероятно, благодаря обещанию передать им после себя Киев, а с помощью Мономашичей он дает отпор притязаниям своих братьев Ольговичей и Давыдовичей—добиться от него вознаграждения за помощь при захвате Киева—и смиряет их. Только теперь он полностью раскрывает свои карты—передать Киев после себя своему брату Игорю и таким образом закрепить киевский стол за Ольговичами наподобие Мономаха; до времени даже Мономашичи не сочли возможным воспротивиться этому плану.

[58] Здесь, как и всюду дальше, под «*болоньем*» разумеется низменное поречье, поросшее травой.

[59] *Иван Ростиславич*—племянник Владимира Галицкого (см. генеалогическую таблицу 4).

[60] *Неделя мясопустная*—воскресенье перед масленицей.

[61] *Неделя маслопустная*—воскресенье перед великим постом.

[62] Здесь пропуск в оригинале летописи.

[63] Здесь Владислав поставлен по ошибке вместо Болеслава, князя ляшского; Владислав был в это время у германского императора Конрада III.

[64] Чтобы ориентировать современного читателя в сложном, донельзя запутанном клубке событий, который зовется в летописи «*Княжение Изяслава, сына Мстислава*», даем схему этого комплекса событий.

А. Изяслав захватывает Киев и ведет удачную войну с Ольговичами

1. Вокняжение в Киеве Игоря Ольговича (I) ведет к выступлению Изяслава Мстиславича (II); при поддержке населения Изяслав (II) побеждает Игоря (I) и его брата Святослава (III) и садится княжить в Киеве.

2. Святослав Ольгович (III) после поражения от Изяслава (II) скитается в земле вятичей и, чтобы освободить Игоря (I) от Изяслава (II), вводит в борьбу в качестве союзника старшего князя, дядю Изяслава (II), Юрия Суздальского (IV).

3. Изяслав в союзе с черниговскими князьями, Давыдовичами (V), ведет успешную борьбу со Святославом Ольговичем (III) и Юрием (IV).

4. Измена черниговских Давыдовичей (V) Изяславу (II) в виде реакции вызывает убийство киевлянами Игоря Ольговича (I).

5. Изяслав (II) вводит своим союзником в борьбу брата Ростислава Смоленского (VI), ведет удачную борьбу со Святославом Ольговичем (III) и Давыдовичами (V) и принуждает их к миру.

Б. Юрий Суздальский захватывает Киев у своего племянника, Изяслава Мстиславича

1. Юрий Суздальский (IV) нерешительно вступает в борьбу за свое старейшинство в Русской земле, вместе со старым союзником Святославом Ольго-

вичем (III), двигается в Русскую землю, наносит у Переяславля решительное поражение Изяславу (II) и его брату Ростиславу (VI) и садится княжить в Киеве.

2. Первый безрезультатный поход Изяслава (II) с уграми и ляхами против Юрия (IV).

3. Второй поход Изяслава (II) на Киев; вместе с черными клобуками он захватывает Киев у Юрия (IV).

4. Юрий (IV) вместе со своим сватом, князем Владимиром Галицким (VII), с двух сторон двигаются против Изяслава (II). Изяслав (II) терпит поражение от Владимира (VII) и вынужден уступить Киев Юрию (IV).

В. Изяслав окончательно захватывает Киев и вытесняет Юрия на север.

1. Изяслав (II) с уграми в третий раз двигается на Юрия (IV), искусно ускользает от войска Владимира Галицкого (VII) и неожиданным ударом захватывает Киев у Юрия (IV). При такой неудаче Юрия (IV) Владимир Галицкий (VII) безрезультатно уходит к себе в Галич.

2. Изяслав (II), чтобы укрепить свою власть в Киеве, фиктивно делит ее со старшим дядей Вячеславом (VIII).

3. Юрий (IV), оправившись от неожиданности, собирает союзников, безуспешно атакует Киев, проходит оттуда на соединение с Владимиром Галицким (VII), терпит от Изяслава (II), Вячеслава (VIII) и Ростислава (VI) решительное поражение на Руте и уходит под давлением победителей к себе в Суздаль; Владимир (VII), получив весть о поражении Юрия (IV), снова возвращается в Галич.

Г. Борьба Изяслава с Владимиром Галицким

1. Покончив с Юрием (IV), Изяслав (II) вместе с угорским королем Гейзой II (IX) идет войной на Владимира Галицкого (VII) и наносит ему тяжелое поражение; благодаря своей хитрости Владимир (VII) избавляется от окончательной гибели; под давлением Гейзы II (IX) Изяслав (II) вынужден заключить неискренний мир с Владимиром (VII).

2. Тогда Юрий (IV) снова соединяется со Святославом Ольговичем (III), идет на Русскую землю и воюет у Чернигова. Изяслав (II) без труда прогоняет Юрия (IV) обратно в Суздаль и приводит к покорности Святослава Ольговича (III).

3. Изяслав (II) ведет безрезультатные переговоры с Владимиром Галицким (VII), а после его внезапной смерти безрезультатную войну с его сыном Ярославом Осмомыслом (X).

4. Тогда Юрий (IV) предпринимает последний при Изяславе поход на Русскую землю, но возвращается с дороги.

Д. Исход борьбы

1. Преждевременная смерть Изяслава Мстиславича (II) приводит на киевский стол его брата Ростислава Смоленского (VI). Юрий (IV), узнав о смерти Изяслава (II), снова двигается на Русскую землю, наносит поражение Ростиславу (VI) и захватывает Киев до конца своей жизни.

[65] *Черные клобуки*—буквально значит: «люди, носившие черные шапки»; так назывались разноплеменные тюркские насельники—торки, берендеи, коуи, турпеи, уцелевшие племена печенегов по Поросью и, быть может, по северному Побужью; сплошного населения черные клобуки не составляли, а жили вместе с русскими. Они сохраняли полукочевой быт и религию предков, но тем не менее мирно уживались с русью. Черные клобуки в XII веке принимают живое участие в делах Русской земли, заявляют о своей преданности киевским князьям, желание свою голову сложить за Русскую землю и княжескую честь. Однако они считают себя чем-то самостоятельным, независимым от Русской земли; отсюда противопоставление: «Русская земля» и «Черные клобуки»; в тех случаях, когда призывались князья, рядом с посольством от киевлян упоминаются и послы от черных клобуков; с ними иногда заключается в таких случаях особый договор. Во второй половине XII века у черных клобуков порой даже не бывает

солидарности с киевлянами; в то время, например, когда киевляне поддерживали князя Мстислава Изяславича, берендеи держали себя очень двусмысленно или открыто поддерживали его врагов. В конце XII века у них налицо связи с половцами, «сватами своими».

Черные клобуки были поселены князьями с целью оборонять Русскую землю от набегов половцев, и эта цель в значительной степени достигалась: половцы в своих набегах большей частью застревали в этой военной границе и редко проникали дальше Поросья. Кроме того, черные клобуки предоставляли в распоряжение русских князей дешевое и многочисленное войско, пригодное не только для борьбы с дикими половцами: оно было и удобным орудием при постоянных феодальных усобицах.

[66] *Поросье*—местность по реке Роси.

[67] *Порошане*—жители Поросья.

[68] Тюрьмы для политических врагов при монастырях являются результатом политического значения древних монастырей: основанные князьями определенной линии, они служат всевозможным политическим целям своих патронов.

[69] *Владимир Святославич*—см. генеалогическую таблицу 2.

[70] *Берладь*—название местности на нижнем Дунае, связанной с Галицкой землей, где скоплялись беспокойные, бездомные, разоренные феодалами элементы (наподобие позднейшей Запорожской Сечи), занимавшиеся грабежами торговых караванов.

[71] Речь идет о Владимире Андреевиче, внуке Мономаха (см. генеалогическую таблицу 2).

[72] *Берковеск*—мера веса, равная 164 *кг*.

[73] *Корчага*—большой глиняный сосуд для хранения вина и масла.

[74] Здесь пропуск в оригинале летописи.

[75] *Вятичи*—в XII веке название заселенной племенем вятичей местности от Зуши вниз по Оке, ограничивавшейся ее течением с северо-запада до Осетра, за которым начинались земли, первоначально занятые мордвой. На юго-востоке вятичи могли доходить по Сосне до верхнего Дона и Воронежа. Чисто вятичскими городами были: Козельск (на Жиздре), Дедославль, где в 1147 г. Владимир Давыдович созывал вече вятичей, Лобынск, Неринск, Корческ. Сохранение племенного названия Вятичей до конца XII века говорит за их сравнительную обособленность от процесса феодализвции.

[76] *Голядь*—вероятно, ветвь литовского племени, оторвавшаяся от общей литовской массы, по мнению Соловьева, в связи с более поздним переселением на восток двух ляшских племен—радимичей и вятичей.

[77] Первое историческое упоминание о Москве.

[78] Князя черниговского Олега Святославича, прозванного Гориславичем.

[79] *Заруб*—город в Белобережье (среднее течение Днепра, нынешнее село Зарубинец). Но, может быть, здесь разумеется Заруб в земле Смоленской.

[80] *Философ* (буквально φιλόσοφος значит: любитель мудрости)—ученый человек, богослов. По Истрину, философия в древней Руси носила морально-поучительный характер и тесно была связана с толкованием священного писания.

[81] Разумеется патрональный храм в Царьграде, отстроенный при императоре Юстиниане Великом в 532—537 гг. н. э.

[82] *Завещание митрополита Михаила.*—Предшествующий митрополит Михаил в 1145 г. ушел в Грецию, взяв с епископов обещание не служить без него в св. Софии киевской.

[83] *Голова св. Климента*—папы, мощи которого были перенесены в Киев князем Владимиром посла взятия Корсуни.

[84] *Токсобичи*—наименование знатного половецкого рода. Половцы разделились на несколько племен (кланов), во главе каждого племени стоял знатный род, разделявшийся на семьи. Старший из представителей этого рода считался ханом или князем; все племя носило название той фамилии, к которой принадлежал хан: токсобичи, каспичи и др.

[85] *Рассказ об убийстве князя Игоря Ольговича*, написанный очевидцем события, насыщенный большим конкретным материалом, драматически выдержан-

ный, пронизан толстыми агиографическими нитями—это: 1) молитва Игоря, 2) содержание его диалогов с толпой, 3) рассказ о чуде над его телом.

Не обычная, не нормальная смерть князя (не от предсмертной болезни или на поле битвы), а насильственная—неизбежно производила сильное впечатление на народные массы того века. Это приводило не только к грабежам и погромам, но и к «творимым легендам», которые незаметно для свидетелей очень быстро сливались в одно неразрывное целое с реальным клубком событий.

[86] *Верховные* (верхние) *земли*—Смоленск и Новгород по отношению к Поднепровью и Поволжью.

[87] Здесь отчетливо выделены два политических комплекса в половине XII века, северный и южный, ассоциированные с основными звеньями старинного «пути из Варяг в Греки».

Северный	*Южный*
Варяги (Скандинавия).	Царские земли (Византия).
Верхние земли.	Русские земли.

[88] См. предшествующее примечание.

[89] Сестра Изяслава Мстиславича была замужем за отцом Святослава Всеволодича, князем Всеволодом Ольговичем, а Святослав Ольгович был последнему родной брат.

[90] Владимир-Волынский и Смоленск успели сделаться отчинными владениями Мстиславичей: Изяслава и Ростислава,—базами, на которые они все время опирались в борьбе за Русскую землю и Киев, находили там убежище во время «ударов судьбы».

[91] Генеалогическая дальнозоркость автора: своего героя он связывает крепкими цепями с великими древними князьями.

[92] Угорский король Гейза II был женат на Евфросинии, дочери Изяслава Мстиславича, ляшский князь Болеслав IV Кудрявый (1146—1173 гг.)—на племяннице его, дочери князя Всеволода Мстиславича (генеалогическая таблица 2), а чешский князь Владислав II приходился Изяславу сватом по жене князя Святополка Мстиславича (генеалогическая таблица 2), княжне моравской, Мечислав (Мешко) и Генрик—братья Болеслава IV, сыновья Болеслава III Кривоустого.

[93] Речь идет о войне Гейзы II с византийским императором Мануилом Комнином (1143—1180 гг.).

[94] Изяслав Мстиславич хочет против старейшего дяди своего Юрия Суздальского опереться на еще более крупный авторитет (в смысле старейшинства) другого дяди—Вячеслава. Вячеслав—человек безвольный и слабодушный; чтобы двинуть его на решительные действия, на поход против Юрия, Изяслав прибегает к угрозам; этот шаг Изяслава, однако, вызывает совсем не тот результат, какого он добивался: перепуганный угрозами Изяслава, Вячеслав переходит на сторону Юрия.

[95] *«Дикие» половцы* противопоставляются замиренным кочевникам, черным клобукам.

[96] Владимир Галицкий был женат на дочери Юрия Суздальского; отсюда вытекает его постоянная помощь Юрию в борьбе против Изяслава Мстиславича.

[97] Нападение пруссов было, кажется, только предлогом; истинная причина заключалась в том, что они опасались нападения Владислава, судьбою которого занялся в это время папа Евгений III.

[98] *Князь Юрий Ярославич*—сын Ярослава Святополчича, который погиб под стенами Владимира-Волынского (см. прим. 25). Юрий Ярославич, повидимому, не переставал считать себя претендентом на Владимир и потому-то резко настраивал Юрия Суздальского против теперешнего «отчича» Владимирской земли, Изяслава Мстиславича.

[99] Мир состоялся потому, что Владимир вовсе не желал иметь своим соседом на Волыни Юрия: усиление Юрия неизбежно грозило его галицкому княжению; а трусливый Вячеслав хлопотал по соображениям безопасности личной и своего княжества.

100 *Олег Святославич*—сын Святослава Ольговича, самого давнишнего союзника Юрия. Юрий скрепляет свои союзные отношения родственными узами. Галицкое родство впоследствии, в 90-х годах XII века, послужило основанием суздальского сюзеренитета над Галицкой землей.

101 *Турпеи*—тюркское племя, одно из ветвей черных клобуков.

102 *Перепетовское поле*—возвышенная равнина по верховьям Рута и Ольшаницы (так называемый «Билоцерковьский станъ»), получившая свое имя от «Перепетовых»—двух громадных курганов, которые зовутся Перепетом и Перепетыхою.

103 *Чортов лес* находился между Случью и верховьями Уши.

104 *Горой* назывались в то время Карпатские горы.

105 *Дмитров день*—26 октября по Юлианскому стилю.

106 *Бан* (южно-славянское произношение термина «пан»—господин)—владыка, господин, правитель земли, области; в XII веке банами назывались правители Хорватии, Боснии, Славонии, Албании; сами баны назначались королем, они назначали жупанов, епископов и аббатов, имели право чеканить монету, были военачальниками своей области и верховными судьями в ней. Здесь разумеется бан хорватский.

107 *Греческий царь*—император Мануил Комнин (1143—1180 гг.).

108 Этот поход обнаруживает военные таланты Изяслава Мстиславича. Владимир Галицкий, как видно, зорко следил за каждым движением Изяслава, и как только тот двинулся в поход на Киев, немедленно пошел по его пятам. Изяслав этим не смутился, пошел дальше на Ушеск и Мичьск. Задержав Владимира военной хитростью—фальшивыми кострами у реки Уши, Изяслав решил как можно скорее проникнуть в Киевскую землю или в поселения черных клобуков, рассчитывая на их поддержку против Юрия. Юрий совершенно не ожидал нападения, растерялся и немедленно бежал из Киева. Изяслав с торжеством вступил в Киев.

109 Княжие мужи наравне с князьями, епископами и монастырями владеют селами, т. е. являются землевладельцами-феодалами.

110 *Мытник*—должностное лицо князя, собиравшее «мыто», т. е. торговые пошлины, с проезжавших купцов.

111 В оригинале «*фарь*» (греч. φάρης, φαρίον)—конь арабской породы; «*скок*» —конь-скакун.

112 Возможно, что здесь идет речь о рыцарских турнирах угорских витязей.

113 Речь идет о серебряных серьгах и гривнах (ожерельях).

114 Для «*Давыдовой боженьки*» указывают на городище между Припетью и Днепром, у села Городища.

115 *Игорь Святославич*—впоследствии главный герой «Слова о полку Игореве».

116 *Юрьев день вешний*—23 апреля по Юлианскому стилю.

117 Схема продвижения лодок князя Юрия Суздальского и его союзников *(см. рис.)*.

118 Город *Иван*, как предполагают, стоял на горе Иван, около теперешнего Ржищева.

119 Андрей, Глеб, Борис, Мстислав, Василько, Михалко и Всеволод (см. генеалогическую таблицу 2).

120 *Боняк*—см. прим. 44.

121 *Рут* (теперь Роток или Протока) и *Рутец* (теперь Чернявка)—притоки реки Роси.

122 На этом примере летописец-патриот хочет показать физическую выносливость и силу воли закаленных в битвах князей.

123 Речь идет об угорском короле Стефане II (1114—1131 гг.).

124 См. выше, стр. 182.

125 Разумеется королева угорская Евфросиния, дочь Изяслава Мстиславича.

126 Речь идет о южной части Погорины, городах Шумске, Тихомли, Выгошеве, Гнойнице.

[127] Речь идет о потомстве Ярослава Святославича, брата знаменитого Олега Гориславича (см. генеалогическую таблицу 3).

[128] *Владимир (Владимирко) Галицкий*, практик в духе Макиавелли, пользуется большим нерасположением автора летописи за свои «языческие» качества.

[129] *Федорова неделя*—воскресенье первой недели поста.

[130] *Смерть Изяслава Мстиславича* автор летописи считает большим несчастьем для Русской земли, так как Изяславу удалось серьезно упрочить свое положение; можно было надеяться, что он и впредь сохранит за собой киевский стол, что враждебные ему силы будут нейтрализованы и что серьезных конфликтов больше не произойдет.

[131] *Филиппов день*—14 ноября по Юлианскому стилю.

[132] Святослав Ольгович остается до конца верен старой дружбе с князем Юрием Суздальским.

[133] *Пирогоща*—по преданию, купец, который привез из Царьграда икону Богоматери. Термин «Пирогоща» может восходить к греческому πυργῶτισσα башенная, что обозначало в устах византийцев храм Влахернской богоматери, заключенный в башни, оканчивающийся башенным полукругом.

[134] *Осменик*, вероятно, заведывал сбором торговых пошлин, обладал судебно-административными полномочиями, а также участвовал в смешанном княжеско-церковном суде (когда шли тяжбы между людьми княжими и людьми, на основании княжеских уставов выделенными в исключительную сферу церковной феодальной юрисдикции, — духовенством, «богаделенными людьми» и «изгоями»).

[135] Как обыкновенно бывало при кончине нелюбимых князей, в Киеве начались волнения. Юрий неминуемо должен был возбудить неудовольствие со стороны русской дружины; особенно возбуждала нелюбовь к нему его дружба с половцами: вопреки традиционной борьбе Мономашичей со степными недругами, он придерживался обычно тактики Ольговичей и часто приводил в Русскую землю половцев в качестве союзников-грабителей.

[136] Знаменитый Успенский собор во Владимире.

[137] Редкий для летописи отчетливо формулированный экономический и финансовый момент:

Экономический момент	Финансовый момент
Слободы купленные	Дани
Села	Сельскохозяйственная продукция
Стада	Десятина со стада
Торговля	Десятина торговых пошлин

Частное княжеское хозяйство (эксплоатация сельскохозяйственных угодий и скотоводство) сплетается здесь с отдельными видами так называемого государственного хозяйства (дани и торговые пошлины), потому что князь-крупный феодал как носитель высшей власти в «земле» был неотделим от князя как самого крупного собственника в ту эпоху; отчуждение дани и торговых пошлин в пользу церкви — показатель феодального иммунитета.

[138] Князь Андрей Юрьевич создает во Владимире церковь Десятинной богородицы наподобие киевской, построенной князем Владимиром, крестившим Русскую землю; иными словами, повидимому, замышляет создать у себя дома, на севере, такой же мощный культурно-феодальный центр, каким на юге был Киев.

[139] *Берладника* (см. генеалогическую таблицу 4).—В оригинале стоит «стрьичичъ», что значит буквально: «сын дяди». Изяслав Давыдович, очевидно,

имел какие-то планы относительно Галича: еще при жизни Юрия, князя суздальского и киевского, он перехватил на дороге галицкого претендента Ивана Берладника, когда Юрий отправлял его в оковах из Киева в Суздаль. Вероятно, Изяслав Давыдович думал подчинить своему влиянию Ярослава Галицкого, пугая его претендентом, а союз с Ярославом был выгоден Изяславу как сильное орудие воздействия на сильных волынских соседей: Мстислава, Ярослава и других Изяславичей.

[140] Король угорский Гейза II.

[141] Ярослав Галицкий, серьезно напуганный появлением претендента на галицкий стол, создал против Изяслава Давыдовича огромную коалицию: помимо ближайших иноземных соседей, угров, ляхов, из Ростислава Мстиславича Смоленского, Изяславичей Волынских и даже Ольговичей.

[142] Не удается с точностью установить имена этих городов.

[143] Очевидно, Иван Берладник был защитником интересов низших классов галицкого общества, тогда как высшие («бояре думающие и мужи храборствующие») защищали интересы князя Ярослава Осмомысла. Недаром Иван Берладник запрещает своим союзникам, «диким» половцам, грабить горожан и смердов. Но движение низов, поднятое Иваном Берладником, во всех случаях терпело неудачу в сильной своими феодалами Галицкой земле.

[144] *Псари и половцы*—т. е. только княжеские охотники и дикие кочевники, но не мирное, оседлое, хозяйственное русское население,—символическое изображение опустошенности, запустения, хозяйственного оскудения страны в результате непрерывной княжеской междоусобицы с участием кочевников.

[145] Дружина Изяслава Давыдовича как пришлая владеет только движимым имуществом.

[146] Очень точный перечень разных видов пушных ценностей, которыми владели древнерусские князья.

[147] Речь идет о моржовых клыках.

[148] Уже в данный момент резко противопоставляются Русская земля, которой владеет Ростислав, и Суздальский север, которым владеет Андрей Юрьевич; новгородцы при выборе себе князя уже ясно сознают альтернативу властных феодальных центров тогдашней Руси. Андрей еще не вмешивается в дела Русской земли, но держит себя крайне независимо от киевского князя, как равный ему сюзерен.

[149] Автор летописи заводит самостоятельные разделы для владимиро-суздальских известий наряду с судьбами Русской земли: снова подчеркивается политический дуализм тогдашней Руси.

[150] Чтобы изолировать Изяслава Давыдовича, Ростислав старается завязать дружеские связи со Святославом Ольговичем.

[151] Среди этих «злых людей» могли быть сторонники Изяслава Давыдовича, пытавшиеся разрушить соглашение между Ростиславом и Святославом Ольговичами, а может быть, и Мстислава Изяславича, который имел основание опасаться, что Олег, завязав связи с лучшими киевлянами и черными клобуками, будет опасным для него конкурентом на киевский стол. Первое предположение вероятнее, как доказывает дальнейший ход событий.

[152] Речь идет о лунном затмении, о своеобразной игре красок, света и теней во время него.

[153] Автор Киевской летописи, после очень длинного промежутка, снова возвращается к так называемой «*знаменательной причинности*», т. е. к установлению магической причинной связи между небесным знамением и печальным событием человеческой жизни. Но, характерно, ответственность за такое истолкование небесных явлений он перелагает с себя на «стариков» (старожилов). Здесь устанавливается связь между «затмением» и скорой смертью князя Изяслава Давыдовича.

[154] Автор дает понять, что он вставкой о «знамении» на луне разорвал цельный рассказ о князе Изяславе Давыдовиче.

[155] *Детинец*—внутренний город, внутренняя укрепленная линия; *острог*—внешнее укрепление, большей частью частокол, т. е. ограда из кольев.

[156] Здесь названы все народности, входившие в состав черных клобуков (см. прим. 65).

[157] Автор не перестает следить за растущим удельным весом Владимиро-Суздальской земли и спешит подчеркнуть новую политическую особенность этой земли: как многовластие родственников-князей заменяется концентрацией всей власти в руках одного сюзерена.

[158] В то время как Андрей Юрьевич, по изображению автора летописи, разрушал у себя во Владимиро-Суздальской земле исстари сложившийся политический уклад жизни и бессознательно предвосхищал далекое будущее, Ростислав с большим уважением относился к отживающему принципу старейшинства, поддерживая «патриархальные» традиции киевского князя, требовал, чтобы князья почитали его словно отца, соблюдал обязанности старшего киевского князя наделять младших князей волостями в Русской земле.

Даже властный Андрей Юрьевич считается со старшинством Ростислава и не предъявляет при нем претензий на Киев и Русскую землю. В княжение Ростислава изживался политический дуализм Руси, а с его смертью, можно сказать, закончилось политическое преобладание «золотого стола киевского»: равновесие падающего юга и растущего севера переходит, чем дальше, тем быстрее, в преобладание севера.

[159] Собственно кандидатами на киевский стол после смерти Ростислава Мстиславича являлись: Владимир Мстиславич, его брат, Святослав Всеволодович, старший черниговский князь, и Андрей Юрьевич, единовластец Владимиро-Суздальской земли. Но ни Мстиславичи, ни киевляне не имели, конечно, желания приглашать Святослава или Андрея. Владимир Мстиславич, из милости получивший от Ростислава Триполь, не пользовался уважением и сам послал звать на киевский стол Мстислава Изяславича. Мстислав, два раза сажавший Ростислава в Киеве, наследник славы и популярности своего отца, Изяслава Мстиславича, обладавший притом значительными силами и связями, казался естественным преемником Ростиславу.

[160] Ярослава Владимировича, великого князя киевского (1019—1054 гг.).

[161] Князя Изяслава Мстиславича.

[162] Князей Мстислава Великого, Ярополка, Вячеслава и Юрия Владимировичей.

[163] Сильное выражение экономического кризиса, охватившего Русскую землю во второй половине XII века.

Пути Греческий, Соляной и Залозный.—Греческий путь шел по Днепру в греческие города Крыма и Византии. Залозный путь шел также по Днепру, отклоняясь от него не выше во всяком случае Канева на юго-восток, в область Дона. Соляной путь—путь в Крым к соляным озерам, но, вероятнее всего, на запад в Коломыю, где были расположены соляные прииски; путь в Коломыю проходил через степную область Буга, и половцы могли здесь свободно грабить купеческие караваны. Во второй половине XII века начинает замирать старинный путь «из Варяг в Греки». Крестовые походы создают новые торговые пути между Западом и Востоком—через Средиземное море.

[164] Все эти выражения напоминают описания знаменитых походов Мономаха в половецкие степи: своим рассказом о дружном походе южно-русских князей под предводительством Мстислава Изяславича автор пытается воскресить те далекие славные времена, напомнить современным князьям, что все они—«одного деда внуки».

[165] Князья городенские.

[166] Князь туровский.

[167] Игумен киевского Печерского монастыря.

[168] *Бастии (Бастева чадь)*—одно из племен черных клобуков (см. прим. 65).

[169] Этим поступком Мстислав сильно обидел Ростиславичей: его сын Роман должен был заменить в Новгороде одного из Ростиславичей, Святослава (см. генеалогическую таблицу 2). Роман—знаменитый впоследствии князь владимирский, галицкий и суверен Русской земли.

[170] Знаменательный момент в истории Руси, когда ее дуализм превращается в известное подчинение юга северу.

В изображении автора летописи, властный Андрей Юрьевич еще раньше круто изменял политические порядки в своей земле: устранялись старые города

Ростов и Суздаль и возвышался Владимир, не желавший подчиняться старшим городам, выгонялись князья, не соглашавшиеся стать подручниками старшего князя, бояре, не мирившиеся с князем-«единовластцем», епископы, осмелившиеся перечить этому князю.

Честолюбие Андрея не ограничилось одной своей землей, ему хотелось первенства и в Русской земле. Но центром Русской земли, задававшим ей тон, все еще оставался Киев, хотя и утративший много из своего былого престижа. Пока дело обстояло так, Владимиро-Суздальская земля должна была оставаться в ряду других, второстепенных сравнительно с Русской землей, волостей, хотя и более сильной и своеобразной; киевский князь все еще оставался старшим феодалом, «в отца место», и для Владимиро-Суздальской земли; в церковном отношении—а церковные отношения значили тогда очень много—Владимирская земля зависела от киевского митрополита, находившегося под влиянием киевского князя.

Конечно, Андрей мог добиваться киевского стола по праву старейшинства, его родственные отношения к Мстиславу Изяславичу были аналогичны отношениям его отца Юрия к Изяславу Мстиславичу, но ему было не по душе сделаться киевским князем; с этим титулом были связаны за последние десятилетия (после крушения политики Мономаха и Мстислава Великого) неприятные для властной натуры Андрея традиции: нужно было рядиться с другими влиятельными князьями русского юга, давать им волости в Русской земле, ссориться, воевать, интриговать, итти на постоянные сделки и компромиссы, заботиться об охране земли от кочевников, ладить с киевским вечем, считаться с влиятельной старшей дружиной киевской и т. д. Он выбрал другую тактику: решил захватить Киев, но только для того, чтобы разорить его и бросить, как ненужную вещь, какому-нибудь своему подручнику. Не переделывая южно-русской жизни, он наложил на нее тяжелую руку и давал чувствовать ее при всяком удобном случае; унижая, угнетая юг, он старался возвысить себя и свою землю в глазах современников. Эту политику он проводил со своей обычной, ни перед чем не останавливающейся энергией и, нужно признать, с немалым успехом.

[171] Борис Жидиславич был главным и любимым воеводою князя Андрея Юрьевича.

[172] Коалиция против Мстислава Изяславича слагалась из трех главных сил: 1) Ростиславичи (Роман, Рюрик, Давыд, Мстислав), 2) Ольговичи (Олег и Игорь) и 3) Юрьевичи (Глеб и Всеволод); вторые два—обычные враги Мстиславичей, первые—наоборот, всегда верные их союзники.

[173] Здесь в оригинале явная ошибка: конечно, нужно читать—Роман Ростиславич.

[174] Не встречавшийся раньше в Киевской летописи, но хорошо знакомый из Начальной летописи, «монашеский» прием морально-религиозного истолкования событий.

[175] *Мстислав Изяславич*—третье звено в цепи потомков старшего Мономашича, Мстислава Великого, отличался предприимчивостью, сметливостью и энергией в борьбе со степными врагами.

[176] *Повесть о походе князя Мстислава Андреевича на Новгород Великий* содержит реальный исторический рассказ о походе, пропитанный тонкими военными деталями; одновременно он наполнен публицистическим задором, пронизан легендой и облечен в библейско-агиографический орнамент. Автор, горячий сторонник прочной княжеской власти, делает резкие выпады против «неверных» по отношению к князьям новгородцев, которые то и дело целуют крест князьям и тотчас же нарушают крестное целование, сменяют одного князя за другим, обращаются на протяжении длинного ряда поколений со своими князьями, как с «наемными сторожами» своей земли. «Монах» делает отсюда вывод, что бог наказал новгородцев за этот грех «неверности» рукою благочестивого князя Андрея. Но ведь поход кончился неудачей для войск Андрея; как быть с этим «монашеским» выводом? Выход из несообразности дает легенда о плаче Богородицы в новгородских церквах, о ее мольбе за Новгород. Легенда приходит к библейским образам—превращению новгородцев из нечестивцев Содома и Гоморры в покаявшихся ниневитян, а наказание за грехи заменяет помилованием покаявшихся. «Воин», занятый перипетиями похода и его неудачи, северянин, привык-

ший к прочной и постоянной княжеской власти, уживается с «монахом», который, обвивая действительность легендой, извлекает из событий неудачного новгородского похода поучительный моральный урок для современников—о неизбежности и спасительности покаяния в грехах.

[177] Здесь дано два библейских образа: *Содом и Гоморра*—нераскаявшиеся города, наказанные огненным дождем с неба, покрытые теперь Мертвым морем в Палестине; *ниневитяне*—жители нечестивого города Ниневии в Ассирии, покаявшиеся и получившие прощение от бога по ходатайству пророка Ионы.

[178] После смерти Глеба Юрьевича киевский стол остался незанятым; им распорядились Ростиславичи: они не решились взять себе Киева, а посадили туда Владимира Мстиславича с расчетом, что эта непривлекательная, непопулярная личность будет покорным исполнителем их желаний.

[179] Речь идет о князе Ярославе Изяславиче Луцком, брате Мстислава Изяславича, и о детях недавно умершего Мстислава Изяславича.

[180] Вокняжение Владимира Мстиславича не понравилось северному «единовластцу» Андрею Юрьевичу. Он считал себя хозяином киевского стола, и самовольное распоряжение Ростиславичей ему было крайне неприятно. Андрей отдал Киев Ростиславичам вовсе не из-за симпатии к ним: ему нужно было лишь напомнить южным князьям, что распоряжаться киевским столом может только один он, а в то же время он не считал нужным разрывать пока со своими союзниками, отменяя их распоряжение в пользу постороннего князя; назначение одного из Ростиславичей в Киев служило для Андрея очень удобным дипломатическим выходом из создавшегося положения.

[181] *Русальная неделя*—Троицына неделя.

[182] Очевидно, пишет человек, очень преданный Ростиславичам, потому что киевляне едва ли могли обнаружить особенные симпатии к участнику недавнего киевского погрома—8 марта 1169 г.

[183] Знак величайшего позора для всякого мужчины, а тем более для княжего мужа.

[184] Запись очевидца и участника боя.

[185] *Латыняне*—западные купцы, носители католической, «латинской» веры.

[186] Князь Андрей Юрьевич, конечно, не мог примириться со своей южной неудачей и зорко следил за южными событиями; он начал сноситься со своими родичами, готовя, вероятно, новое нашествие на Киев. Ростиславичей манил Киев, но перехватить его у Ярослава Изяславича и Святослава Всеволодича без сильной сторонней помощи было рискованно: они поспешили на поклон к Андрею, решились еще раз из защитников южно-русских княжеских вольностей превратиться во владимирских приспешников. Просьба Ростиславичей подоспела во-время, и властный Андрей с благоволением принял свалившийся ему в руки желанный плод. Киев должен был снова вернуться под опеку Андрея, но этому помешала внезапная смерть северного «единовластца».

[187] *Повесть об убиении князя Андрея Юрьевича* представляет насыщенный конкретными подробностями рассказ свидетеля-очевидца.

Свидетель, горячий сторонник убитого князя, хорошо знаком с топографией Владимира, княжеской резиденции Боголюбова и самого княжеского дворца, с подробностями обыденной княжеской жизни, слугами и горожанами, их замыслами и настроениями, тщательно, шаг за шагом, с мельчайшими социально-психологическими подробностями описывает заговор против князя, самое убийство, восстание низов в городе и, наконец, похороны Андрея.

[188] Современный русский язык слишком беден, чтобы передать все оттенки изобразительно-художественного описания церкви, построенной князем Андреем в Боголюбове; достаточно указать, что термин «украсить» на древнерусском языке выражен четырьмя терминами: «украсить», «удивить», «устроить» и «изъмечтать».

[189] *Ясы*—теперешние осетины.

[190] *Горясер*—убийца Глеба, князя-мученика, мощи которого—национальная святыня Русской земли—находились в Вышгороде.

[191] Речь идет о походе князя Андрея Юрьевича на камско-волжских болгар.

[192] В оригинале стоит термин «*оксамит*» (греч. ἑξάμιτος от ἕξ—шесть, μίτος—нить)—шелковая ткань вроде бархата, с звериными узорами разных

цветов, а также золотыми и серебряными. Прежде всего славился оксамит, получавшийся из Византии, а потом оксамиты венецианские и французские.

[193] *Корзно*—плащ, накидывавшийся на одно плечо и скалывавшийся фибулой, причем правая рука оставалась свободной; корзно носили и простые и знатные люди; у первых оно делалось из простой материи, а знатные и князья носили корзно из дорогих тканей: верх делался из паволоки или оксамита, а низ подбивался шелковой материей другого цвета.

[194] Изяслав Ярославич понимал, что его положение в Киеве очень непрочно: население было враждебно настроено к нему после недавних реквизиций, да и киевский стол, вероятно, на деле оказался не таким заманчивым, каким он представлялся из Луцка.

[195] См. о нем Начальную летопись.

[196] *Дед твой Всеволод*...—На самом деле Всеволод был прапрадедом Мстислава Ростиславича (см. генеалогическую таблицу 2); для отдаленных генеалогически князей в летописи чаще всего употребляется этот термин— «дед».

[197] Основные элементы «Похвалы» князьям, довольно частой для второй половины Киевской летописи: 1) физические качества, 2) добродетели и 3) отношение к церкви. Здесь похвала князю Мстиславу Ростиславичу осложнена большой характеристикой его идеальных отношений к Русской земле и к дружине.

[198] Воспоминания о старинных патриархальных отношениях между вождем и его дружинниками, которые жили всецело на его хлебе, были княжескими «огнищанами», членами его «огнища» (очага); здесь «похвала» звучит укором «деловым» собственникам сел и «живота» (движимого имущества), князьям и боярам-феодалам современной автору эпохи.

[199] «Похвала» князю Роману Ростиславичу очень стереотипна по своему содержанию: это заурядный, «средний» князь.

[200] Обращение «брат и сын» показывает, что Святослав Всеволодич считал себя самым старшим князем во всем русском княжеском роде, «в отца место», по отношению к Всеволоду Суздальскому, но осуществить на деле это право ему не удавалось; Всеволод освободил его сына только из милости; одновременно другой сын Святослава, Владимир, был изгнан из Новгорода и заменен ставленником Всеволода. Святослав Всеволодич должен был отказаться от намерения занять властное, первенствующее положение среди русских князей и удовольствоваться только одним титулом киевского князя. Действительное старейшинство и сюзеренитет среди русских князей приобретает наследник Андрея и его политики, младший брат его Всеволод, по прозвищу Большое Гнездо.

[201] Начиная с 1181 г., в Киевской земле устанавливается своеобразное двоевластие, продолжавшееся четырнадцать лет, до смерти Святослава Всеволодича. Святослав получил титул киевского князя и Киев только с окрестным округом; всей же остальной Русской землей владел Рюрик Ростиславич; Киевская летопись их обоих величает великими князьями. Рюрик, в сущности, даже был сильнее Святослава; хотя волость его была сравнительно невелика, но у него были большие родственные связи: в Смоленске сидел его брат Давыд, пинские князья были его шурьями, Роман Мстиславич, сидевший во Владимире, был женат на его дочери, Ярослав Осмомысл Галицкий держал его сторону, сам «великий Всеволод» Суздальский породнился с Рюриком, выдав свою дочь Верхуславу за его сына Ростислава; в своих собственных интересах Всеволод поддерживал Рюрика в его столкновениях со Святославом: этим он создавал противовес стремлениям Святослава Всеволодича к первенству и утверждению своего влияния на северо-востоке. Святослав Всеволодич, перейдя в Киев, должен был уступить Чернигов своему брату Ярославу. Кроме небольшого Киевского округа у него оставалась только земля вятичей. У новгород-северских князей Святослав не пользовался особенным влиянием; кроме того, он всегда чувствовал над собою бдительное око князя Всеволода Владимирского. Прочных, искренних отношений между Святославом и Рюриком не существовало, и рознь между ними всплывала при каждом удобном случае; тем не менее у них было сознание, что их волость— одна и та же Русская земля: они считали своим долгом сообща заботиться о ее безопасности и строго следили в этом отношении друг за другом; они вместе предпринимали походы на половцев и вместе решали более важные вопросы; если

один из них уходил из Русской земли куда-либо по своим личным делам, то другой должен был оставаться и оберегать землю Русскую или же оставлять вместо себя других охранителей. *П*

[202] *Учан*—речное судно-плоскодонка.

[203] Летописное сказание о знаменитом походе новгород-северского князя Игоря, сына Святослава Ольговича, на половцев, послужившее темой для «Слова о полку Игореве».

Сказание о походе князя Игоря Святославича против половцев представляет самостоятельное литературное целое, довольно искусно вставленное в рамки общего хода событий того времени, отнюдь не разрывающее общего летописного рассказа. Автор сказания очень близок к событиям и к главному герою, князю Игорю, обо многом пишет под непосредственным впечатлением. Сказание притом облечено в мягкие, задумчиво-лирические тона и пронизано философскими отступлениями. Первое отступление—о смысле небесных знамений—напоминает Начальную летопись: здесь суеверный страх древнего человека перед небесным явлением преодолевается размышлениями о таинственной руководящей руке, которая одна знает подлинное и неизбывное,—своеобразным фатализмом. Второе отступление—покаянный вопль, вложенный в уста Игорю Святославичу,—облеченные в конкретную форму размышления о зле, которое несут феодальные усобицы, о неизбежной мести за это зло со стороны таинственной, руководящей свыше воли. Третье отступление—смута и отчаяние в Русской земле после страшного княжеского погрома.

[204] *Ярослав Всеволодич* — князь черниговский, брат великого князя киевского Святослава Всеволодича (см. генеалогическую таблицу 2).

[205] Замиренные кочевники Черниговской земли, наподобие черных клобуков Русской земли, охранявшие Черниговщину от набегов «диких» половцев.

[206] Перечислены все главные вожди половецких племен-кланов, составлявших в общей совокупности «Половецкую землю», по привычной для автора летописи терминологии.

[207] Игорь Святославич вспоминает здесь о своей «которе» с князем Владимиром Глебовичем в 1183 г., когда Игорь совершил набег на Переяславскую землю и разорил город Глебль близ Переяславля.

[208] *Вобурцевичи* и *Улашевичи*—знатные половецкие роды (см. прим. 84).

[209] Знаменитый своими набегами на Русскую землю половецкий хан Кончак оказался сватом князя Игоря Святославича, потому что в это время сын Игоря, князь Владимир, был объявлен женихом дочери Кончака.

[210] Сильный пример, иллюстрирующий, насколько в конце XII века упал княжеский авторитет в «земле» и выросла власть веча.

[211] *Римов*—скорее всего, теперешнее селение Римовка на притоке Псла, Груне, к северо-востоку от Гадяча.

[212] Сильная, точная и яркая характеристика князя Ярослава Галицкого дана в «Слове о полку Игореве»: «Галичкы Осмомыслѣ Ярославле! високо сѣдиши на своемъ златокованнѣмъ столѣ... Подперъ горы Угорскыи своими желѣзными плъки, заступивъ королеви путь, затворивъ Дунаю ворота, меча времены черезъ облакы, суды рядя до Дуная. Грозы твоя по землямъ текутъ; отворяеши Кіеву врата; стрѣляеши съ отня злата стола Салтани за землями».

[213] В противоположность другим русским землям княжеским, Ярослав Осмомысл правил *один* Галицкой землей.

[214] *Стан*—здесь значит остановка на пути.

[215] Речь идет об угорском короле Беле III (1173—1196 гг.).

[216] Имя попадьи, жены князя Владимира Галицкого.

[217] Речь идет о Казимире II Справедливом, краковском великом князе, младшем сыне Болеслава III Кривоустого (1178—1194 гг.); жена Казимира, Елена, была теткой Романа Мстиславича.

[218] Речь идет о Мешке (Мечиславе) Старом, третьем сыне Болеслава III Кривоустого.

[219] Митрополит представлен примирителем двух властных враждующих князей и одновременно защитником национальной идеи, когда она затемняется в сознании князей.

[220] Император германский Фридрих I Барбаросса (1152—1190 гг.).

221 Дочь Юрия Владимировича, князя суздальского и впоследствии киевского, сестра Всеволода Суздальского, была замужем за Ярославом Осмомыслом.

222 Неизвестно, выполнил ли Владимир это обещание.

223 Автор Киевской летописи, пристрастный более к русскому югу, чем к владимирскому северу, вынужден подчеркнуть сюзеренитет князя Всеволода Юрьевича над всеми русскими князьями и его крупную международную значимость: с ним считаются ляшские князья и даже германский император Фридрих I Барбаросса, признают его сувереном всех русских земель, охранителем прав даже таких отдаленных земель, как Галицкое княжение.

224 В связь с эпизодом о помощи германского императора Фридриха Барбароссы князю галицкому Владимиру поставлен любопытный рассказ об участии Барбароссы в третьем крестовом походе. Здесь заслуживают внимания: 1) основная идея рассказа и 2) легендарно-мистическая его форма. Не только отсутствует ненависть, предубеждение против немцев-католиков, конфессиональная вражда—наоборот: немцы—одинаковые с русскими христиане и борцы с богопротивными агарянами: Барбароссу против агарян, как некогда Мономаха на половцев, побуждает итти ангел; агаряне—орудие божия гнева на весь мир, на всех людей христианских за их грехи. Мистика—редкое явление для Киевской летописи, пропитанной деловым воинским духом; тем она показательнее в рассказе о третьем крестовом походе, где главную роль играют ангелы, видимо и невидимо двигающие немцев-христиан к успехам в борьбе; число «три» для дней, обычное сказочно-магическое число, еще больше подчеркивает легендарный стиль рассказа.

225 Святослав Всеволодич открыто должен признать, что рязанские князья входят в орбиту сюзеренного влияния князя Всеволода Суздальского, что воевать с ними можно только с его разрешения: подчеркивается факт новой концентрации русских земель вокруг нового феодального центра, теперь уже северного, внедрение в жизнь нового порядка вещей.

226 Личность князя Святослава Всеволодича, в изображении летописца, является благодаря своей неопределенности и неустойчивости как бы олицетворением тех фикций и компромиссов, которыми богата русская политическая жизнь второй половины XII века, эпохи переходной и политически неустойчивой: 1) фикции киевского старейшинства, которая разоблачается соприкосновением с реальным старейшинством князя Всеволода Суздальского, 2) фикции старейшинства Ольговичей перед Мономашичами, которая разоблачается политическим симбиозом с Ростиславичами в пределах Русской земли. Но первая фикция одновременно—довольно искусно сформулированный компромисс между растущим севером и погасающим югом, а вторая—компромисс между вожделениями на Русскую землю одновременно и Мономашичей и Ольговичей.

227 Княжеское раздолье вокруг обсуждения сложных дипломатических вопросов о Русской земле—пиры и, вероятно, охоты—показатель цветущего экономического положения (накопления богатств и жизни во-всю) высших феодальных классов древнерусского общества, несмотря на непрерывные усобицы и нашествия кочевников.

228 Рюрик Ростиславич уже при первых своих делах действует самостоятельно, не справляясь с желаниями князя Всеволода Суздальского. Самолюбие того, конечно, было сильно задето, но действовать напрямик, вооруженной силой, наподобие Андрея, было не в характере Всеволода; притом предшествующие события показали, что такая политика бывает рискованна и с нею можно попасть иногда в неприятное положение. Всеволод избирает другой, более изворотливый и хитрый путь: он пытается перессорить Рюрика с другими южными князьями и, нужно признать, успевает в этом. Требованием пяти городов в Русской земле, непременно таких, какие были у зятя Рюрика Ростиславича, Романа Мстиславича, князя Владимира-Волынского, Всеволоду удалось в конце концов перессорить Романа с Рюриком. Роман входит в сношения с Ольговичами и начинает подбивать Ярослава Всеволодича Черниговского выгнать Рюрика и захватить Киев. Роман так и остался злым врагом Рюрика до конца своей жизни.

229 Значение северного феодального центра в 90-е годы XII века выросло настолько, что старшие князья юга, Ростиславичи, не решаются вступать с ним

в открытую борьбу, как это было два десятка лет тому назад, при тех же Ростиславичах, против князя Андрея Юрьевича.

[230] *Казимировичи*—Лешко Белый и Конрад, сыновья ляшского князя Казимира II Справедливого (см. прим. 217).

[231] Очевидно, Роман Мстиславич был сильно ранен.

[232] Завещания Ярослава относительно Киева в таком роде не существовало, тем более относительно Всеволода и его племени, которое сидело в Переяславле, левобережной поднепровской области; после того как на киевском столе сидело четверо князей из рода Святослава (Всеволод и Игорь Ольговичи, Изяслав Давыдович и Святослав Всеволодич), это требование являлось прямым вызовом Ольговичам. Вероятно, инициатором его являлся тот же князь Всеволод Суздальский, который неустанно продолжал свою ловкую политику—изолировать Рюрика Ростиславича от других южных князей; известно, что благодаря Всеволоду у Рюрика надолго были испорчены отношения с Ольговичами.

[233] *Дед Ярослав*—см. прим. 196.

[234] В 90-х годах XII века можно насчитывать в многочисленной княжеской толпе до пяти основных линий; из них три: 1) Изяславичи Волынские, 2) Ростиславичи Смоленские и 3) Юрьевичи Суздальские—составляют Владимирово (т. е. Мономахово) племя, а остальные две: 1) потомки Всеволода Ольговича и 2) Святослава Ольговича—Ольговичей. Эти линии оседают прочно в своих отчинных землях, на которые ни одна из посторонних линий никогда владельческих претензий не заявляет; но есть две волости, два древних центра «Киевской Руси», земля Русская (Киевская) и Новгород Великий, которые резко выделяются из общей массы земель политическими особенностями. Новгород Великий по своему произволу выбирает князей из разных, наиболее сильных, конкурирующих между собой линий, а земля Русская—притягательный объект для политических вожделений всех княжеских линий. Более многочисленные и сильные Мономашичи держатся смутных уже воспоминаний о концентрации Мономахом и Мстиславом Великим русских земель около киевского центра и выдвигают свои преимущественные права на Киев. Ольговичи считаются с наличной мощью Мономашичей, но не менее упорно, чем они, цепляются за Киев, олицетворяющий единство всех русских земель.

[235] *Сказание о постройке каменных стен вокруг Михайловского Выдубицкого монастыря* князем киевским Рюриком Ростиславичем может поразить несоответствием между фактом, не так уже значительным с точки зрения больших общерусских масштабов автора Киевской летописи, и между витиевато изукрашенной всеми видами византийской риторики, полной библеизмов формой изложения. Автор сказания говорит на византийский манер о «самодержцах», державших Киевскую землю, любит генеалогические сплетения, производит хронологические изыскания. Это—не военный человек, а искушенный в византийских «хитростях», видавший виды, бывалый, пропитанный лестью к сильным мира духовник-царедворец, прошедший большую литературную школу.

[236] См. прим. 11; в данном случае Рюрик—княжеское имя, Василий—христианское.

[237] Церковь Выдубицкого монастыря была освящена в лето 6536 (1088 г. н. э.) при князе киевском Всеволоде Ярославиче.

[238] «*Самодержцы*», *державшие стол Киевского княжения* с 1088 г.

1. *Всеволод Ярославич* (1088—1093 гг.).
2. *Святополк II Изяславич* (1093—1113 гг.).
3. *Владимир Всеволодич Мономах* (1113—1125 гг.).
4. *Мстислав Владимирович Великий* (1125—1132 гг.).
5. *Ярополк Владимирович* (1132—1139 гг.).
6. *Вячеслав Владимирович* (1139 г.).
7. *Всеволод Ольгович* Черниговский (1139—1146 гг.).
8. *Игорь Ольгович* (1146 г.).
9. *Изяслав Мстиславич*, сын Мстислава Великого (1146—1149 гг.).
10. *Юрий Владимирович*, сын Мономаха (1149—1150 гг.).
11. Снова Изяслав Мстиславич (1150 г.).
12. Снова Юрий Владимирович (1150—1151 гг.).

13. Снова Изяслав Мстиславич и Вячеслав Владимирович (1151—1154 гг.).
14. Вячеслав Владимирович и *Ростислав Мстиславич* (1154 г.).
15. *Изяслав Давыдович* Черниговский (1155 г.).
16. Снова Юрий Владимирович (1155—1158 гг.).
17. Снова Изяслав Давыдович (1158 г.).
18. Снова Ростислав Мстиславич (1158—1161 гг.).
19. Снова Изяслав Давыдович (1161 г.).
20. Снова Ростислав Мстиславич (1161—1167 гг.).
21. *Мстислав Изяславич* (1167—1169 гг.).
22. *Глеб Юрьевич* (1169—1171 гг.).
23. *Владимир Мстиславич* (1171 г.).
24. *Роман Ростиславич* (1171—1172 гг.).
25. *Ярослав Изяславич* Луцкий (1172—1173 гг.)
26. Снова Роман Ростиславич (1173—1177 гг.).
27. *Святослав Всеволодич* (1177—1195 гг.).
28. *Рюрик Ростиславич* (1195—1199 гг.).

Всего с 1088 г. по 1199 г.—19 «самодержцев».

[239] *Кир* (греч. κύριος)—господин (почетный титул князя).

ГАЛИЦКО-ВОЛЫНСКАЯ ЛЕТОПИСЬ

[1] *Общий ход событий XIII века* открывается неожиданной смертью «самодержца Русской земли» князя Романа Мстиславича и борьбой иноземных соседей и всевозможных русских претендентов за «Галицко-Владимирское наследство». Борьба за землю полна разнообразных, самых неожиданных комбинаций; главной разрушительной силой являются галицкие феодалы, которы ведут самую «крамольную» политику, попеременно поддерживают чужих и русских претендентов против «отчичей», двух малолетних сыновей Романа—Даниила и Василька, порой сами захватывают княжеский «стол».

Романовичи вырастают, приходят в силу и предъявляют права на свой отчины. Первая половина XIII века—история утверждения Романовичей в этих отчинах. Дело началось с самого малого: по милости Лешка, князя ляшского, Даниил получает один только родной Владимир-Волынский, остальное приходится добывать напряженной, непрерывной борьбой с галицкими боярами, с уграми (10-е—30-е гг. XIII века), с Ольговичами (30-е гг.) и хитроумными дипломатическими комбинациями. Сравнительно легким делом было овладеть довольно пассивной и покорной Владимирской землей, но бесконечно трудным, затяжным (с бесконечными отступлениями и наступлениями)—утверждение в Галиче. Ярославская битва 1245 г. с князем Ростиславом Михайловичем окончательно отдала Даниилу галицкий стол, боярство и всякая другая феодальная оппозиция были сокрушены, угры и Ольговичи отказались от своих претензий. Новые враги, татары, вторгаются неожиданно в область наших событий и страшною угрозой встают перед широкими завоевательными планами Данииловичей. Даниил ведет очень искусную политику, сначала едет на поклон к грозному татарскому завоевателю, но «честь» татарская толкает его на «западную политику»; он пытается опереться на владыку Запада, папу Иннокентия IV, от которого получает королевский венец, входит в дружбу с даровитым и энергичным объединителем Литвы Миндовгом. Пассивность Запада и активность татар разрушают союз с Миндовгом и в корне истребляют все честолюбивые планы. Даниил не вынес крушения и преждевременно умер.

После его смерти начинается обычное феодальное междоусобие, татары придвигаются вплотную к преемникам Даниила.

Летопись заканчивается широкими картинами татарских опустошений в юго-западной Руси и большим рассказом о княжении, мучительной болезни и смерти племянника Даниила, владимирского князя Владимира Васильковича, и первых шагах его преемника, князя Мстислава Данииловича.

Схема Галицко-Волынской летописи

I. Смерть князя Романа Мстиславича и ее следствия

1) Неудачный поход на Галич Рюрика Ростиславича.
2) Игоревичи захватывают Галич.
3) Игоревичи жестокостью возбуждают против себя галицких бояр; бояре с помощью угров захватывают Галич и вешают Игоревичей.
4) Бояре сажают Даниила княжить в Галиче, но скоро выгоняют его мать; боярин Владислав садится княжить в Галиче.
5) Владислав схвачен уграми; вокняжение в Галиче Мстислава Немого.
6) Бегство Мстислава Немого из Галича и вторичное вокняжение боярина Владислава.

II. Спишский договор между уграми и ляхами и вокняжение в Галиче Мстислава Удалого

1) Раздел в Зпиши Галицкой земли между уграми и ляхами.
2) Лешко сажает Даниила во Владимире.
3) Лешко Ляшский, оскорбленный королем Андреем Угорским, призывает в Галич Мстислава Удалого; родственные связи между Мстиславом и Даниилом.
4) Даниил отнимает у Лешка Западную Волынь.
5) Лешко, оскорбленный Даниилом, с ляхами и уграми выгоняет Мстислава и Даниила из Галича; Даниил—снова во Владимире.
6) Возвращение Мстислава Удалого в Галич.

III. Калкское побоище

IV. Борьба Даниила за Галич

1) Мстислав отдает Галич угорскому королевичу.
2) Смерть Мстислава Удалого.
3) Даниил (в первый раз) захватывает Галич и удерживает его от угорского короля.
4) «Крамола» галицких бояр заставляет Даниила бросить Галич.
5) В союзе с киевским князем Даниил (во второй раз) захватывает Галич.
6) «Крамола» бояр снова заставляет Даниила бросить Галич; вокняжение там врага Даниила, князя Михаила Черниговского.
7) Борьба с Михаилом Черниговским и сыном его Ростиславом.
8) Даниил (в третий раз) окончательно захватывает Галич.

V. Побоище Батыево

VI. Внутренняя и внешняя политика Даниила

1) Ликвидация мятежного галицкого боярства.
2) Победа при Ярославе над Ростиславом Михайловичем и ликвидация претензий Ольговичей на Галич.
3) Даниил едет на поклон к Батыю и возвращается от него с «честью».
4) Слава Даниила среди угров и ляхов по возвращении из Орды.

VII. Формы летосчисления

VIII. Западная ориентация Данииловой политики

1) Борьба за «Австрийское наследство» между уграми и чехами и участие в ней Романа, сына Даниилова.
2) Даниил идет походом на Силезию против чехов.
3) Даниил получает королевский венец от папы Иннокентия IV.

IX. Татарская реакция против «западной политики» Даниила

1) Нашествие баскака Куремсы.
2) Сказание о городе Холме.
3) Нашествие Бурундая, поход на Литву, разрушение городов галицких и волынских, захват татарами Сендомира.

X. Миндовг Литовский и его преемники

1) Самовластие Миндовга и его убийство.
2) Князья Довмонт, Тренята и Воишелк.

XI. Смерть Даниила, короля галицкого

XII. Воишелк и Шварн Даниилович

1) Помощь Василька и Шварна Воишелку против ляхов.
2) Неудача Шварна у ляхов.
3) Воишелк передает Литовское княжество Шварну.
4) Убийство Воишелка и смерть Шварна.
5) Княжение в Литве Тройдена.

XIII. Смерть Василька Романовича

XIV. Княжение Владимира Васильковича

1) Поход Владимира со Львом Данииловичем на Тройдена.
2) Постройка Владимиром Каменца.
3) Поход на Литву с татарами Ногая.
4) Владимир помогает голодающим ятвягам.
5) Владимир оказывает помощь Конраду Ляшскому.

XV. Татарские рати

1) Поход Ногая и Телебуги на угров.
2) Поход Телебуги на ляхов.

XVI. Болезнь, завещание, смерть и похороны князя Владимира Васильковича

XVII. Княжение Мстислава Данииловича во Владимире

1) «Крамола» берестьян.
2) Усмирение берестьян и установление «ловчего».

[2] Несообразность в оригинале: сразу после заголовка о начале княжения Романа Мстиславича говорится о его смерти и дается удивительная по художественной изобразительности характеристика его подвигов.

[3] *Князь Роман Мстиславич* принадлежит к наиболее сильной ветви Мономахова дома (см. генеалогическую таблицу 2). Когда умер Владимир Галицкий, сын Ярослава Осмомысла, Роман возобновил свои притязания на Галич и с помощью ляхов завладел им. Этот факт, в корне изменявший политическое равновесие в южной Руси, привел к сближению киевского князя Рюрика Ростиславича с Ольговичами. Еще Святослав Всеволодич надеялся одно время завладеть Галичем. Ольговичи и после не оставляли этих планов, а в Галиче существовала партия их сторонников; вот почему Ольговичи охотно пошли навстречу Рюрику Ростиславичу. Пока Рюрик собирался походом на Галич, Роман предупредил его и сам вторгся в Русскую землю. Киевляне открыто стали на его сторону, присоединились и все черные клобуки. Когда Роман подошел к Киеву, киевляне открыли ему ворота и впустили в нижний город; Рюрик с Ольговичами заперся в верхнем городе, но о сопротивлении Роману нечего было и думать; Рюрик сдался, а Ольговичи были отпущены во-свояси. Роман был звеном цепи старших Мономашичей, сыном Мстислава Изяславича и внуком еще более славного Изяслава Мстиславича. Киевляне, возможно, думали, что Роман оградит наконец Русскую землю и вернет Киеву, как князь трех земель: Галицкой, Владимирской и Русской, его былое политическое значение. Роман, не желая, вероятно, входить в конфликт с великим князем Всеволодом Суздальским, отдал Киев ничтожному князю Ингварю, своему двоюродному брату, сыну Ярослава Изяславича Луцкого. Рюрик вместе с Ольговичами и половцами отомстил за свое поражение жестоким разгромом Киева в январе 1203 г. Потом следуют быстрые перемены судьбы: Роман то мирится, то ссорится с Рюриком; дело кончается тем, что Роман схватил Рюрика, отправил его в Киев и приказал насильно постричь его в монахи. Вот на этих реальных фактах основана летописная характеристика Романа как «великого князя», державшего всю Русскую землю. Преждевременная смерть

Романа оборвала его политику новой феодальной концентрации русских земель: летом 1205 г. он был неожиданно убит во время похода на ляхов, оставив после себя двух малых детей, Даниила и Василька. Малолетством этих княжичей открывается Галицко-Волынская летопись.

[4] Речь идет о крупных победах Романа Мстиславича над половцами и литвой; о жестоком обращении Романа с литовскими пленниками говорит сложившаяся в ту эпоху поговорка: «Романе, Романе, худым живешь, литвою ореши», т. е. пашешь, запрягая в соху литовцев.

[5] Сравнение Романа Мстиславича со львом, рысью, крокодилом и туром говорит о знакомстве автора летописи с рядом переводных памятников той эпохи: 1) сравнение со львом заимствовано из хронографа Иоанна Малалы, 2) сравнение с рысью—из «Эллинского летописца» 3) сравнение с крокодилом из хронографа Георгия Амартола, 4) сравнение с туром—из «Александрии», легендарной повести об Александре Македонском, и «Иудейской войны» Иосифа Флавия.

[6] Половцы называются «измаильтянами» и «агарянами» как легендарные потомки Измаила, сына библейского патриарха Авраама от жены его Агари.

[7] Дальше автор летописи приводит замечательный фрагмент из половецкого «Богатырского сказания» о походе Владимира Мономаха на Половецкую землю; этот отрывок сплошь пронизан художественными образами, характеризующими поэзию степных кочевников, магическую силу пения, чудесную траву, возвращающую память о прошлом, любовь кочевников к своей родине и т. д. *Емшан*—тюркское название полыни или чернобыля.

[8] *Обезы*—народ, живший на Северном Кавказе.

[9] Четыре года было княжичу Даниилу, а два года—Васильку.

[10] *Котян Сутоевич*—знаменитый половецкий хан, тесть князя Мстислава Мстиславича Удалого, в 1228 г. помогал князю киевскому Владимиру Рюриковичу против Даниила. При втором татарском нашествии бежал со своим кланом к уграм, к королю Беле IV, который поселил половцев в пределах своей земли; наследник Белы IV, король Стефан V, был женат на дочери Котяна.

[11] *Игоревичи Черниговские*—сыновья князя Игоря Святославича, главного героя «Слова о полку Игореве», враги, чрезвычайно опасные своей энергией, неразборчивостью в средствах и даже правами на Галич, правда—по женской линии: их мать, Евфросиния, была дочерью князя Ярослава Осмомысла.

[12] Сила галицкого боярства держалась на его больших экономических ресурсах: оно владело землями, которые передавало по наследству детям; земли были заселены поселенцами и челядью; землевладение в Галиче было особенно выгодно благодаря плодородию почвы, феодальной эксплоатации и сравнительной отдаленности от опустошительных набегов степных кочевников; сверх того, у бояр скапливались большие богатства благодаря выгодной торговле хлебом и солью, монополистом которой была Галицкая земля, и доходам с управляемых земель. Управление областями бояре считали своей неотъемлемой привилегией, и с ней считались самые властные князья.

В борьбе с князьями выдвигаются у боярства вожди: Владислав, Судислав, Глеб Зеремеевич и др.

[13] Речь идет о великом князе краковском *Лешке Белом* (1184—1227 гг.), на помощь которому двинулся и под Завихвостом, на левом берегу Вислы, был случайно убит 19 июня 1205 г. князь Роман Мстиславич.

[14] Боярские фамилии (Молибоговичи и др.) существовали и в Галиче, но летопись называет их очень редко, предпочитая называть бояр по именам (Владислав, Судислав), иногда с прибавлением отчества (Глеб Зеремеевич); она имеет в виду читателей того времени, которые знали более или менее феодалов, о которых она рассказывает.

[15] Речь идет об угорском короле *Андрее II* (1205—1235 гг.).

[16] *Александр*, сын Всеволода Мстиславича, племянник Романа (см. генеалогическую таблицу 4) княжил в Белзе.

[17] Патрональный храм города Владимира-Волынского.

[18] *Премудрый книжник Тимофей из Киева*—интересный представитель начетчиков того времени в Библии и апокрифах, с яркой публицистической окраской. В небольшой летописной заметке метко схвачены: 1) киевский центр тогдашней образованности, 2) книжный характер этой образованности, 3) интерес

к эсхатологии, характерный для апокрифов, и 4) уменье с большой солью приложить эту начитанность к злобам дня, выступить представителем общественной сатиры, сделаться оппозиционным духовным центром против угнетателей-иноплеменников.

[19] Это обещание автор летописи, в противоположность своей обычной точности, не выполнил. Быть может, здесь—пропуск в предшественнике дошедшего до нас оригинала летописи.

[20] В руках Ольговичей сосредоточилась, помимо отчинной Черниговской земли, также Киевская, где сидел в это время Всеволод Святославич Чермный, Владимирская и Галицкая, т. е. вся почти южная Русь. Опасность грозила и соседним ляхам, и князьям луцкому, белзскому и пересопницкому из линии Изяслава Мстиславича (см. генеалогическую таблицу 2). Коалиция против Игоревичей как раз и составилась из этих встревоженных противников.

[21] *Мстислав Немой*, князь пересопницкий,—сын Ярослава Изяславича Луцкого (см. генеалогическую таблицу 2).

[22] Политика угров относительно Галицкой земли с 1213 г. направлена против Данииловичей: 1) идя на сидевшего в Галиче князя Мстислава Немого, король Андрей II освободил боярина Владислава, которого до сих пор держал в заключении как главного врага Романовичей и взял его вместе с собою в поход на Галич; 2) король не воевал с Владиславом, когда тот захватил галицкий стол; 3) Даниил с матерью удаляется от королевского двора и 4) король стал воевать с Лешком Ляшским, потому что тот усердно покровительствовал Даниилу и, помимо короля, старался добыть ему Галич. Эта борьба закончилась знаменитым Зпишским договором (см. прим. 27) о разделе Галицкой земли между уграми и ляхами.

[23] В ущельях Карпатских гор нередко основывались монастыри. Известны три таких монастыря: Лелесов, Синеволодский (при впадении реки Опора в Стрый) и Полонинский. Лелесов монастырь находится несколько южнее города Телича (впоследствии село Тыличь в Сандецких горах), около которого пролегал один из важнейших в то время торговых путей из Руси к уграм.

[24] *Королева Гертруда* через свою мать была сродни мейссенскому княжескому дому, а мейссенские князья находились в свойстве с Гогенштауфенами и с тюрингенским княжеским домом. Автор летописи отчетливо говорит, что королева Гертруда пала жертвой борьбы угорских магнатов с немцами, которые явились ко двору угорского короля вместе с ее братьями и родными и получили там большой вес.

[25] *Аквилея*—город австрийской Иллирии на Адриатическом море. Младший брат убитой королевы Гертруды, Бертольд, с 1121 г. епископ колочский, был сделан патриархом аквилейским в 1218 г. и оставался в этом звании до самой смерти в 1254 г.

[26] Это—знаменитый Всеволод Святославич, прозванием Чермный (Рыжий), захвативший после долгих военных и дипломатических комбинаций Киев у Рюрика Ростиславича, а его (Мономашича), как старейшего после себя князя, посадивший в своей отчине, в Чернигове.

[27] *Зпишский договор* между ляхами и уграми о разделе между ними Галицкой земли (король Андрей II, посадив в Галиче своего сына Коломана, присвоил себе титул «rex Galiciae et Lodomeriae»—король Галицкой и Владимирской земель) сохранял значение только четыре года; союзники перессорились, король угорский Андрей II отнял у ляхов их долю в Галицкой земле (Перемышль и Любачев); Лешко чувствовал невозможность бороться с королем Андреем собственными силами и пригласил в Галич старого воина-рыцаря, князя Мстислава Мстиславича Удалого, который в это время княжил в Новгороде и пользовался на Руси репутацией «непобедимого» и «борца за правое дело».

[28] Для «высокоумия» галицкого боярства характерен дерзкий для современников эпизод с вокняжением боярина не-княжеского рода в Галиче. Княжеская корпоративная «честь» не мирится с подобной узурпацией княжеских прерогатив, и боярин, осмелившийся нарушить вековые традиции, погибает вместе со своей семьей жертвой коллективной княжеской мести.

[29] Отступление Даниила из Галича—одно из самых замечательных в военной истории средневековья. Преследуемый со всех сторон врагами, Даниил

прошел через степь к Кучелмину, на пути страдая от голода, переправился через Днестр на проходивших мимо торговых судах и, наконец, благополучно соединился со Мстиславом Удалым в Каменце.

[30] Резко очерчена социальная лестница юго-западной Руси с верхних и до нижних ступеней: 1) бояре—княжие мужи, 2) горожане—люди и 3) смерды.

[31] Эта притча заимствована автором Галицко-Волынской летописи из своего любимого источника—хронографа Иоанна Малалы.

[32] Ориентирующая реплика автора летописи в строгом соответствии с его «учеными» приемами летописания (см. о них прим. 83).

[33] *Сказание о Калкском побоище*—последовательно развивающаяся «воинская» повесть с очень толково установленной перспективой событий: нашествие татар на половцев; обращение половцев за помощью к русским князьям; «снем» русских князей в Киеве; выступление в поход, самый поход; рекогносцировка против татар; «котора» между старшими князьями на поле битвы; отдельное выступление Мстислава Удалого со своими полками, переход через Калку, страшная сеча с татарами. Здесь автор прерывает ход общих событий и обращается к своему любимому герою (о котором не успел забыть даже в самый разгар трагической прелюдии надвинувшейся на Русь «великой перемены»), князю Даниилу, говорит о его участии в бою, подвигах, ранах и бегстве под напором сильнейшего врага. Характеристика Даниила составлена здесь наподобие характеристики библейского Авессалома, сына царя Давида,—в так наз. «Эллинском летописце» второй редакции. Под конец сказание—уже в других тонах: резко выступает «монашеская» сентенция о наказании за грехи, об ожидании богом покаяния. Самый финал—опять в «воинском» стиле—характерен большой осведомленностью автора летописи в далеких азиатских делах монголов (смерть Чингис-хана) и ядовитой репликой о «хитрости» монголов-завоевателей (см. прим. 39).

[34] *Мстислав Романович Киевский*—сын Романа Ростиславича (см. генеалогическую таблицу 2). *Мстислав Святославич Черниговский*—сын Всеволода Чермного, внук Святослава Всеволодича (см. генеалогическую таблицу 3). *Мстислав Мстиславич Удалой*—см. прим. 27.

[35] *Юрий, великий князь суздальский*, был вторым сыном знаменитого князя Всеволода Большое Гнездо (см. о нем подробнее в примечаниях к Киевской летописи).

[36] Родство между Даниилом Романовичем и Мстиславом Немым:

Владимир Мономах

Мстислав Великий

Изяслав Мстиславич

Мстислав — Ярослав

Роман (сын Мстислава) — Мстислав Немой (сын Ярослава)

Даниил (сын Романа)

Следовательно, Мстислав Немой приходился Даниилу двоюродным дядей.

[37] *Тангуты*—племя, родственное тибетцам, в XIII веке составляли сильное государство в северном Тибете. Чингис-хан умер в 1227 г. в походе против Тангутского государства.

[38] *Чингис-хан* (около 1155—1227 гг.)—великий монгольский «джехангир» (владыка, покоритель мира); он выдвинулся из атаманов небольшой разбойничьей шайки, объединил разрозненные, враждующие монгольские племена; провозгласил себя великим ханом, покорил Северный Китай и Среднюю Азию и замышлял поход на Европу. Замечательный полководец, искусный дипломат, организатор громадной феодальной «империи» из кочевых и оседлых народностей, он оставил долговечный след в жизни азиатских народов.

[39] *Хитрость татарская*—цепкая, изворотливая дипломатия монголов, во многом дополнявшая их военную организованность, блестящую стратегию и тактику.

[40] *Владимир Киевский*—сын князя Рюрика Ростиславича, хорошо известного из Киевской летописи (см. генеалогическую таблицу 2).

[41] *Кавокасские горы*—название Карпат.

[42] Библеизм автора: проклятие боярина Жирослава построено по образцу библейских проклятий Каина богом и Ханаана, сына Хамова,—Ноем.

[43] Своеобразная «похвала» лукавству галицкого боярина Жирослава, антитеза предшествующему проклятию, построена на: 1) ловкой игре в изобилии подобранными синонимами понятия «ложь» и 2) искусной диалектической комбинации «похвальных» качеств вокруг этого понятия.

[44] *Волхвы* при дворе короля угорского—придворные астрологи, ученые гадатели по звездам у крупных сеньоров феодального средневековья.

[45] *Понизье*—земля по верховьям реки Южного Буга, в противоположность нагорной стране Перемышльской.

[46] Своеобразная мораль того времени. Даниил не счел возможным обойтись вероломно с князем, пока находился на богомолье у покровителя его земли. Только вернувшись с богомолья, только выйдя из пределов влияния этого покровителя, Даниил решается на выгодную для себя войну.

[47] Вопрос о происхождении и национальности *ятвягов* не может считаться окончательно решенным; большинство ученых видит в них литовское племя, близкое к собственно литовцам, жмудинам и пруссам по языку, обрядам, религии и нравам; поселения этого племени были расположены в верховьях Нарева и Бобра, в озерной области Восточной Пруссии, на северных границах ляшских земель.

[48] *Конрад* (1191—1247 гг.)—князь мазовецкий, брат князя Лешка Белого (см. прим. 13).

[49] *Владислав Тонконогий*, он же и *Старый* (1209—1231 гг.)—великий князь краковский, борец с духовенством, был прогнан с краковского стола своим племянником Владиславом Одоничем.

[50] *Сказание об осаде и взятии Калиша*—очень живо построенный, художественно выдержанный этюд о воинских и дипломатических способностях князя Даниила, человека в полном цвете сил, знавшего «делу время, а потехе час», умевшего, когда следует, пошутить и побалагурить, игрой и переодеваньем добиться не меньших успехов, чем оружием. Автор летописи, влюбленный в своего героя, с большим искусством подбирает соответствующие краски, чтобы обрисовать его характер.

[51] Этот на редкость для той эпохи филантропический договор в действительности никогда не соблюдался.

[52] *Рикс* (от латинского rex; греческая транскрипция ῥῆξ с произношением «рикс»)—буквально: царь, в данном случае—король; автор летописи щеголяет своей образованностью.

[53] Библеизм автора летописи: автор уподобляет наводнение, остановившее движение угорских войск, всемирному потопу.

[54] *Фараон*—заимствованное автором из Библии название египетского царя; здесь новый библеизм—сравнение с гибелью преследовавших Моисея фараоновых войск в Чермном (Красном) море.

[55] Цитата заимствована автором из хронографа Иоанна Малалы (Σκίρτος ποταμὸς σκιρτήσει κακὰ σκιρτήματα πολίταις) и очень умело применена к изображению местных событий: доказательство не только начитанности автора в своем источнике, но и уменья отыскивать подходящие аналогии к событиям, которые служат предметом его непосредственного наблюдения и записи

[56] *Молибоговичи*—крупная боярская фамилия в Галиче, постоянно «коромоловавшая» против Даниила.

[57] *Михаил Черниговский*—сын князя Всеволода Святославича Чермного (см. прим. 26), очень энергичный и беспокойный характером князь с широкими завоевательными планами на Галич и Киев. Татарское нашествие нанесло ему сильнейший удар, сокрушило всю его энергию; скоро он погиб в Орде.

[58] Происхождение этой цитаты из «Омира» неясно.

[59] Эта речь Даниила—очень не проста, носит книжный характер, риторически украшена; вероятнее всего, ее фразеология заимствована из так называемой «Александрии» (легендарной истории Александра Македонского).

[60] *Болоховские князья, Болоховская земля*—вопрос, не решенный окончательно в исторической науке. По Дашкевичу, Болохово лежало по верховьям Южного Буга, по притокам обеих его сторон, до поворота реки на юг, по верхнему течению Случи, по верховьям Тетерева и его притоков. Этнический состав Болоховской земли определяется различно: и как чисто половецкая, и как смешанная из половцев и русских беглецов, и как чисто русская (оседлость, хлебопашество, славянские названия городов). Князей болоховских одни считают половецкими ханами, другие—старейшинами мелких общин, третьи (Костомаров и Дашкевич)—особой ветвью князей, независимых от Рюриковичей, враждебных Рюриковичам, особенно Данииловичам. С помощью татар болоховские князья пытаются получить независимость от русских князей, с обязанностью давать дань татарам продукцией сельского хозяйства, пшеницей и просом.

[61] Речь идет о так называемых *Добрынских рыцарях*, которых в 1235 г. папа Григорий IX, по просьбе епископа плоцкого, включил в число крестоносцев Тевтонского ордена. Тевтонские рыцари взяли на себя крест обратить в христианство язычников, населявших юго-восточное побережье Балтийского моря. Под отчиной Даниила, захваченной крестоносцами, разумеется город Дорогичин.

[62] *Миндовг*—знаменитый объединитель мелких, разрозненных литовских племен и кланов, искусный воин и дипломат, удачно комбинировал союзы с королем Даниилом Галицким и Ливонским орденом, искусно оборонялся от татар, получил, как и Даниил Галицкий, королевскую корону от папы Иннокентия IV. Он положил начало захвату русских земель под литовское владычество и подготовил образование в будущем Литовско-Русского государства. Его деспотизм и жестокость вызвали сильное возмущение, которое кончилось, как и для другого, владимирского, деспота, князя Андрея Юрьевича, его убийством.

[63] Речь идет о коронации короля Белы IV. Даниил считался другом Белы, был его сверстником и в «минуты жизни трудные» находил у него приют; по словам Туроча, «Rex Bela—coronatus est in cathedrali ecclesia beati Petri... Daniele vero, duce Ruthenorum, equum ejus ante ipsum summa cum reverentia ducenti» («король Бела был коронован в кафедральном соборе св. Петра... а Даниил, русский князь, с большим почтением вел впереди его коня»).

[64] Речь идет о войне между императором германским Фридрихом II Гогенштауфеном (1218—1250 гг.) и герцогом австрийским Фридрихом II Воинственным из династии Бабенбергов.

[65] *Ярослав Суздальский*—третий сын великого князя Всеволода Большое Гнездо, великий князь суздальский после гибели от татар на реке Сити в 1238 г. своего старшего брата Юрия Всеволодича.

[66] *Барсуков Дел* («дел» значит: раздел)—название прохода в одной части Семиградских Карпат.

[67] *Баня Рудная*—близ Угорской земли; «баня» собственно значит: солеварня, но в Прикарпатской Руси употреблялось в значении собственно географического названия или как прибавление к другому географическому имени.

[68] *Сказание о Батыевом побоище.*

I. Схема татарского движения по Руси и окрестным землям

1) Захват Рязанской земли.

2) Поход на Суздальскую землю; битва при Колодне; уничтожение Владимира.

3) Борьба за Козельск.

4) Уход Батыя в землю Половецкую.

5) Захват Переяславля и Чернигова.

6) Разведка Меньгу-хана у Киева.

7) Взятие Батыем Киева.

8) Погром Волынской и Галицкой земель.

9) Разгром Угорской земли и остановка татар на три года.

II. Композиция и форма. В сказании проявляется большое дарование автора: умелый перспективный подход к изложению сложного и запу-

танного клубка событий, который зовется Батыевым побоищем; он с большой строгостью, словно с картой в руках, отмечает движение полчищ Батыя, их планомерный, в два приема, захват и опустошение всех русских земель. Автор с точностью описывает безумную панику населения перед неведомым до сих пор, бесчисленным и страшным народом, отчаянную защиту в Козельске и Киеве, призывы к бодрости со стороны духовенства, козельского веча и Даниилова тысяцкого Дмитра, психоз трусости; овладевший самыми храбрыми русскими князьями, подмечает прилив и отлив моря злых кочевников, дает сильную картину уничтожения тысяч человеческих жизней и целых городов. Его гиперболы в описаниях козельской и киевской защиты—только своеобразная форма передачи реальных жутких впечатлений; но автор не находится под гипнозом военной силы татар, он объясняет многие успехи татар «хитростью» и с радостью отмечает, как тысяцкий Дмитр хитростью перещеголял самого Батыя. Всюду слышен сильный голос «воина», который не падает духом при самых сильных неудачах, и почти незаметно «монаха» с его привычными сентенциями о наказании за грехи, которых можно было бы ожидать в качестве неизбежного по масштабам события орнамента. Изобразительность рассказа в некоторых местах, возможно, была заимствована автором из «Иудейской войны» Иосифа Флавия, переводного исторического памятника, очень любимого средневековыми книжниками.

[69] *Бату́*, или *Батый* (ум. в 1255 г.)—хан монгольский, внук Чингис-хана от его старшего сына Джучи. На «курултаях» 1229 и 1235 гг. был решен поход для завоевания земель к северу от Каспийского и Черного морей. Великий хан Оготай (Угедей) поставил во главе похода Батыя. Он пронесся сокрушительным вихрем через все русские земли, сначала северные, потом южные, нанес под Лигницей страшный удар ляхам, на-голову разбил угорского короля Белу IV. К счастью для Западной Европы, с трепетом ожидавшей нашествия неведомых воинов, в декабре 1241 г. умер великий хан Оготай (Угедей), и Батый поспешил в Монголию для выборов нового хана. С тех пор он не возобновлял походов в Западную Европу и стал кочевать с монгольскими и татарскими ордами в Нижнем Поволжье, где образовалось монгольское государство—Золотая Орда. Батый—человек с большим политическим кругозором, жестокий, железной энергии и решимости, но тонкий дипломат, умевший выбирать и ценить людей, как, например, Даниила Галицкого и его тысяцкого Дмитра Киевского.

[70] *Темники татарские*—начальники «тьмы», т. е. отряда в 10 тысяч воинов.

[71] *Соляные приискu в Коломые*—один из главных источников богатства феодалов Галицкой земли (князя и боярства); соль была важнейшим предметом экспорта в Русскую землю.

[72] *Владыка перемышльский* чрезвычайно похож на крупных, очень буйных и непокорных своим сюзеренам духовных сеньоров, князей церкви, феодального Запада, окруженных надменными министериалами, но полная противоположность раболепным и пресмыкающимся перед сильными мира владыкам восточной Руси. Вслед за укрощением галицкого боярства Даниил, как видно, решительно сокрушает всех других виднейших представителей своей оппозиции.

[73] *Певец Митуся*—представитель довольно сильного в Галицкой земле круга певцов и музыкантов, своеобразных публицистов, выраставших на вольной почве дворов враждебно настроенных к князю светских и духовных сеньоров.

Все это место летописи характерно как показатель диапазона оппозиционной силы и настроенности, с которыми постоянно приходилось бороться князю Даниилу в первую половину своей жизни.

[74] Речь идет об Иисусе, сыне Сираха, с именем которого Библия связывает «Книгу премудрости». Притчи были любимым чтением древнерусского книжника. Здесь выдержка из притчей является острым публицистическим выпадом против перемышльских «крамольников» князя Даниила Галицкого.

[75] Фигура Даниила вполне завладела вниманием автора летописи, и образ Василька сравнительно редко проскальзывает в его рассказе, так как он уступал Даниилу в предприимчивости и воинственности. Братья жили в высшей степени мирно и согласно между собой: за всю их долгую жизнь неизвестно ни одного случая, когда бы они действовали не единодушно, не с общего согласия. Главным, конечно, был Даниил, как старший и более сильный духом. Василько всегда с ним соглашался и без согласия старшего брата не решался

никогда ни на что важное. В предприятиях Даниила против татар Василько служил ширмой, которою старший брат прикрывался в случаях крайней опасности. Василько оказывался в двусмысленном положении, вынужден был сносить всю тяжесть татарского обращения и в то же время лавировать, кланяться, угождать, чтобы спасти старшего брата, себя и родные земли. Василько оказался достойным своей трудной задачи исполнителя «малых и черных дел» старшего брата.

[76] *Скомонд, волхв и гадатель*—вероятно, намек на жреческое достоинство Скомонда, которое у ятвягов неизменно связывалось со священным колдовством и гаданием; в оригинале стоит сильный термин: «кобьник», т. е. гадатель по птичьему полету.

[77] *Сказание о хождении князя Даниила Галицкого к татарскому хану Батыю* рисует чрезвычайно ловкий дипломатический шаг галицкого князя: чтобы установить сколько-нибудь сносный modus vivendi с грозными татарами и одновременно поднять свой авторитет среди западных соседей, угров и ляхов, Даниил поворачивает русло своей политики на Восток и едет на поклон к монгольскому властелину, сюзерену Батыю. Описание пропитано тонкими психологическими красками, в совершенстве рисует личность «европейца», каким был Даниил, подавленную вынужденным соприкосновением с владыками-«азиатами»; печаль, отвращение, чувство стыда и унижения, страх—сменяют друг друга в картине путешествия и пребывания Даниила в Орде у Батыя. Особенно сильны два лирических отступления: первое принадлежит «монаху» и с омерзением, на разные лады, говорит о языческом культе татар; второе—целиком дело рук «воина», политика и патриота, которому нестерпимо унижение самого могущественного русского князя перед азиатским владыкой. Характеристика Даниила и его отца Романа в этом месте—самый звучный публицистический крик древнерусского патриота, еще не знакомого с компромиссами и унизительными, пропитанными рабским духом перед татарскими «царями», формулами покорности последующих княжеских поколений.

[78] Обладание Русской землей и Киевом продолжалось у Даниила очень короткое время (перед и во время татарского нашествия). После Батыева нашествия Даниил уже не владел Киевом, который с удалением из него князя Михаила Черниговского был отдан татарами владимиро-суздальским князьям: Александру Ярославичу Невскому, а затем его брату Ярославу Ярославичу. Романовичи в действительности вынуждены были довольствоваться Галичем и Волынью как главными своими владениями. К этому ядру притягивались и вокруг него группировались по северным и восточным окраинам и другие земли, но вообще вне двух основных владений границы постоянно менялись.

[79] С падением Киева и Русской земли церковный центр временно переместился в отчины Данииловичей. Низовья Днестра и Прута были заняты татарами, ходившими через эти земли в Болгарию и Византию; вот почему митрополиту можно было попасть в Царьград только через Угорскую землю.

[80] Речь идет, повидимому, о посольстве императора германского Конрада IV летом 1251 г. к королю Беле IV; состав посольства: 1) архиепископ зальцбургский Филипп, младший сын герцога Бернгарда из Каринтии и Ютты, сестры богемского короля Венцеля, 2) Брунне и 3) Петтау—два штирийских магната или министериала зальцбургского архиепископа.

[81] Австрийская земля называется в Галицко-Волынской летописи *Рагузской* от города Рагузы (Дубровника) в австрийской Далмации, на берегу Адриатического моря.

[82] Описание вооружения русских воинов, пришедших с князем Даниилом, замечательно двумя моментами: 1) уменьем князя Даниила пользоваться преимуществами татарского вооружения, учиться у врагов и победителей наподобие Петра I, умело сочетать заимствования с «русским обычаем», не унижать национального достоинства русской чести, 2) заимствованием формы и лексики из XVII книги хронографа Иоанна Малалы и из «Александрии».

[83] *Хронология летописания*—любопытный «ученый» экскурс автора летописи в область «исторической методологии», заимствованный из хронографа Иоанна Малалы; слагается из ряда тезисов: 1) предмет летописания—все случившееся в прошлом; задачи летописи—выявлять события прошедшего

2) но из чего слагается «все случившееся», конкретно не указывается; 3) автор не следует слепо потоку событий, но вносит свою планомерность в изложение их хода, придерживается прагматизма, апеллирует к «смыслу», когда передвигает события по линии времени; 4) первоначальный текст рассказа не ориентирован хронологически; 5) хронологическая ориентация должна исходить из различных старинных эр: сирийской, эллинской и римской, следовать высоко авторитетным образцам Евсевия Памфила и других хронографов; 6) вычисленная таким способом хронологическая сетка должна быть наброшена на сплошной, без временных разрубов, первоначальный текст рассказа.

Действительно, реальная хронология Галицко-Волынской летописи подтверждает полностью четвертый и шестой тезисы: сетка годов наброшена, и очень не искусно, впоследствии на сплошной рассказ. Неверен исходный пункт ее хронологических расчетов: Киевская летопись кончается 1200 г.; рассказ о смерти Романа и характеристика его (см. прим. 2 и 3), примыкающие непосредственно к Киевской летописи, датированы 1201 г., тогда как смерть Романа в действительности произошла в 1205 г. Сличение ее дат с другими летописями и иноземными источниками указывает на постоянную передвижку событий в Галицко-Волынской летописи взад и вперед; иногда она грубо нарушает цельность рассказа неуместно вставленной датой и таким образом способна привести в отчаяние всякого читателя, который попробует со «смыслом» читать хронологические даты этой летописи.

[84] Была особенная местная эра, довольно распространенная, которой пользовалась столица Сирии Антиохия. Начало этой эры падало на осень 48 г. до н. э. (705—706 гг. от основания Рима и 264 г. эры Селевкидов). Эта эра встречается в хронографе Иоанна Малалы, у которого находится и ключ к ней.

[85] *Олимпиада*—условная единица летосчисления древней Эллады, состоявшая из четырех годов между двумя последовательными празднованиями Олимпийских игр (Олимпия—город в Элиде); эрой летосчисления Эллады служила первая олимпиада, начало которой приурочивается к 776 г. до н. э.

[86] *Високосы*—в римском календаре, окончательно установленном при Юлии Цезаре (отсюда—название этого календаря: Юлианский), годы, имевшие двойной шестой день (bissextiles), а всего, следовательно, 366 дней вместо обычных 365; год в 366 дней следовал обязательно через каждые три «нормальных» года. В Юлианском календаре лишний день (dies bissextus) вставлялся между 23 и 24 февраля.

[87] *Евсевий Памфил* (263—340 гг. н. э.)—епископ города Кесарии, один из самых ученых представителей греческой церковной письменности. Составил «Хронику» (своего рода «Всемирную историю») от сотворения мира до 323 г. н. эры.

[88] Речь идет о борьбе за «австрийское наследство» «между золотым королем» богемским Пржемыслом Оттокаром II и Белою IV. Борьба кончилась полной победой Оттокара, который присоединил к своим родовым землям, к Чехии и Моравии, Австрию, Штирию, Каринтию и Крайну и сделался самым могущественным государем Средней Европы в эпоху великого «междуцарствия» в Германии (1254—1273 гг.).

[89] В 1251 г. Гертруда, племянница последнего австрийского герцога из дома Бабенбергов, Фридриха II Воинственного, уступила все права на Австрию и Штирию угорскому королю Беле IV. Желая во что бы то ни стало добыть для себя эти земли, король Бела решил втянуть в войну князя Даниила и для этой цели переуступил его сыну Роману свои права на Австрию с тем, чтобы тот женился на Гертруде, и обещал свою помощь, чтобы утвердить его в Австрии и Штирии. По приглашению короля Белы, Даниил явился с Романом в Австрию, заключил с королем договор. После того в 1252 г. в Гиндберге Роман обвенчался с Гертрудой. Король клялся добыть им всю Австрию, но после свадьбы удалился к себе, оставив Романа в Неперьце (Нейбурге), около Вены. Тут Роман должен был выдерживать постоянные нападения другого претендента на «австрийское наследство», Оттокара Богемского, и тщетно просил о помощи короля Белу. В конце концов в 1253 г. Роман ушел из Австрии, по настоянию своей жены Гертруды, и вернулся в Новгородок.

[90] Автор летописи, и как придворный историограф, и как точный любитель

старины, считает своим долгом вносить в свой труд официальные документы или полностью, или в извлечениях.

[91] Речь идет о походе Даниила в Силезию в качестве диверсии против Оттокара Богемского.

[92] *Опава*—город Троппау в Силезии.

[93] *Насилие*—вероятно, теперешний Нассидель (Nassidel).

[94] *Глубичич*—вероятно, теперешний Грабин (Hrabin).

[95] *Особолока*—вероятно, теперешний Стабловиц (Stablowitz).

[96] *Герборт*—вероятно, второй сын Бруно, епископа ольмюцкого, одного из деятельных друзей короля Оттокара Богемского.

[97] *Сказание о венчании князя Даниила королевской короной* слагается из ряда последовательных моментов: 1) уже прежде папа Иннокентий IV (1243—1254 гг.) через епископа брюнского (Брюнн в Ольмюцкой епархии) и епископа каменецкого (Каменец—аббатство в епископстве Лейбус) присылал к Даниилу знаки королевского достоинства, но Даниил отказался их принять ввиду грозной опасности от татар; 2) теперь папский легат, Описо Мессанский, который в 1253 и 1254 гг. находился в Силезии, где он именем папы Иннокентия мирил спор силезских герцогов, явился к Даниилу со знаками королевского достоинства, и Даниил, возвращавшийся из похода в Троппау, в Силезию (см. прим. 91), принял их в Дорогичине, на мазовско-ятвяжской границе; 3) Даниил долго колебался принять королевскую корону, опасаясь самой злой реакции со стороны татар за поворот своей политики с востока на запад, но его убедили мать-монахиня, ляшские князья обещанием помощи против татар, а главное (о чем летопись, впрочем, умалчивает)—временное ослабление татарской агрессии благодаря преждевременной дряхлости Батыя (ум. в 1255 г.); 4) главным требованием со стороны папы была уния между православной русской церковью и римско-католической, а Даниил ставил условием помощь против татар.

Королевское венчание Даниила описано без всякого церковного конфессионализма,—наоборот, в выражениях полного, нерушимого единения обеих церквей: корона принимается и от римского престола св. Петра, и от местных русских епископов. Все-таки Даниил помощи с Запада не получил, на унию не пошел, был проклят преемником Иннокентия IV, папой Александром IV, но до конца своей жизни сохранил королевский титул, о чем горячо преданный ему автор летописи не забывает упомянуть всякий раз, когда речь идет о Данииле.

[98] Многоценное *сказание о городе Холме* («Холмские этюды») слагается из шести основных частей: 1) выбор места для города и его постройка; 2) расцвет Холмской земли; 3) описание церкви Иоанна Златоуста; 4) многообразные сооружения и достопримечательности города; 5) обновление города после пожара и 6) постройка церкви Богородицы.

Первая часть—идиллический рассказ о счастливой находке во время охоты подходящего места для города и о постройке города при постоянном содействии бога и священного покровителя, Иоанна Златоуста.

Вторая—оригинальнейший в летописи эпизод: автор начинает с мистической причины и дает дальше чрезвычайно сильную реальную картину расцвета Холмской земли в результате настойчивой колонизаторской деятельности Даниила, рисует движение населения, перечисляет все важнейшие виды древнерусского мастерства-рукомесла.

Рассказы о постройках сделаны с мастерством и художественностью, поражают удивительным богатством и гибкостью языка в описании предметов искусства, изобличают в авторе тонкого знатока и ценителя всех видов искусства; правда, по исследованиям А. С. Орлова, многое в фразеологии и лексике описаний взято из различных переводных источников, но уменье найти там необходимые места и тонко ими воспользоваться говорит за высокий культурный стиль автора. Еще больше, чем об авторе, «Холмские этюды» говорят о сильном развитии искусств в юго-западной Руси; еще раз король Даниил показан автором в совершенно новом свете—уже не только как воин и правитель, тонкий дипломат, упорный борец за независимость Руси, но и как крупный культурный деятель в эпоху непрерывных смут и войн жестокой татарской рати.

[99] *Поприще*—см. прим. 315 к Начальной летописи.

[100] *Локоть*—см. прим. 10 к Начальной летописи.

[101] Западная политика Даниила вызвала немедленную реакцию со стороны татар, зорко следивших за каждым шагом энергичного, даровитого и с широкими замыслами князя. Первым выступил баскак Куремса, но он не отличался ни дарованием, ни энергией, в Орде были беспорядки; Даниил совсем не боялся Куремсы и продолжал укреплять свои земли. Но в 1259 г., когда великим ханом утвердился Хубилай, а в Орде—Берке, дела круто повернулись: слабый Куремса был сменен, а на его место прислан Бурундай, старый полководец Батыя, человек энергичный и жестокий и к тому же очень ловкий и умный политик. Он немедленно приступил к усмирению Даниила, но в данный момент Даниил был в зените своей силы: помимо Галича и Волыни, в его руках сосредоточивались силы Литвы, потому что у него были с Миндовгом самые тесные союзные отношения. Бурундай сначала решил перессорить союзников. Он объявил поход на Литву и волей-неволей заставил итти с собою русских князей: добрые отношения между союзниками были надолго испорчены. На следующий год Бурундай приступил к достижению второй и главной цели—лишить южную Русь возможности когда-либо сопротивляться татарам. Он явился неожиданно в пределы Владимирской и Галицкой земель и потребовал уничтожить укрепления в городах; сопротивление было немыслимо, все города, за исключением Холма, были разрушены: Бурундай спешил к ляхам, чтобы нарушить добрые отношения русских князей с ляшскими, и не имел времени долго оставаться у сильного естественными и искусственными укреплениями Холма: Даниил все равно без «городов», с враждебными соседями, был уже не опасен для татар. Так Бурундай растоптал стремления короля Даниила к независимости—главное дело его жизни. Даниилу оставалось только умереть.

[102] *Житань* и *Пятидно*—предместья Владимира-Волынского; где находилась Житань, трудно установить с точностью; Пятидно можно отождествить с теперешним селом Пятидни на Луге.

[103] Хитрость Василька у Холма, где он обманул самых больших «хитрецов», татар,—очень живо рассказанный патриотический эпизод из трагической борьбы галицко-волынских князей с «безбожными» татарами; он очень выгодно оттеняет скромного мастера «малых и черных дел», князя Василька Романовича.

[104] *Сказание о взятии Сендомира* татарами и о «сендомирских мучениках» написано очевидцем, который как будто не принимал участия в событии, а только с какой-то вышки оставался добросовестным наблюдателем событий. Он с фотографической точностью описывает татарский приступ, героическую сцену на стенах города, панику в городе, великий исход сендомирской знати из города и ее трагическую гибель. Он мастерски подмечает психологию татар и поляка на стене, тонко передает социально-психологические моменты, умело отделяет важное от несущественного и весь рассказ дает в цельной, законченной форме, не выделяя чересчур агиографических и аретологических мотивов. Это—образец литературно-изобразительного творчества той эпохи.

[105] О *Миндовге* см. прим. 62.

[106] *Воишелк*—сын великого князя литовского Миндовга, принявший христианство, сделавшийся даже монахом, очень расположенный к русским князьям, особенно к Даниилу Галицкому; он замышлял, повидимому, самый тесный союз между Литвой и Русью: свою сестру Воишелк выдал замуж за Шварна Данииловича, а дочь мелкого литовского князя Глеба отдал в жены Роману Даниилвичу Шварну, и Роману был дан во владение ряд городов в Литве. Татарский баскак Бурундай (см. прим. 101) хитрым маневром разорвал растущий союз между Литвой и Русью. Литовские князья Тевтивил и Ердивил, сопровождавшие короля Даниила в походе на Опавскую землю, ушли от него, Роман Даниилович был захвачен литовцами и, вероятно, погиб в плену.

[107] *Святая гора*—см. прим. 286 к Начальной летописи.

[108] *Князь Довмонт* (ум. в 1299 г.)—впоследствии псковский князь и священный покровитель этого города, бежал в Псков из Литвы, вероятно, в связи со своим участием в убийстве Миндовга.

[109] *Князь Роман Брянский*—сын Михаила Всеволодича, князя черниговского, погибшего в Золотой Орде.

[110] «*Похвала*» *королю Даниилу Галицкому* отличается лаконизмом и скупостью: словно писал человек, стоявший вдалеке от его жизни и деятельности,

только по далекому слуху слышавший о них. Его похвалы Даниилу трафаретны: указаны его добрые нравственные качества, отмечена деятельность по постройке городов и церквей (см. «Холмские этюды» в прим. 98), напоминается о его необыкновенном братолюбии.

[111] Эпизод «*Волосатая звезда*» дает одновременно точное описание большой кометы и меткую характеристику «знаменательной причинности», господствовавшей в мышлении той эпохи: «знамение» (какое-либо выдающееся астрономическое или метеорологическое явление) является неизбежной причиной чаще всего дурных событий в индивидуальной и социально-политической жизни, реже—хороших.

[112] *Пробст*—католический священник.

[113] *Ворота*—проезжий путь на «рубеже» (границе), укрепленный природой—лесами, реками, болотами—и в добавление к этому, быть может, искусственно—засеками, завалами,—возможно, оберегаемый сторожевыми отрядами. Автор летописи указывает их в данном случае на галицко-ляшском рубеже, по дороге из Ретова в Сендомир, где теперь находится селение Пржевратно.

[114] Автор летописи не жалеет темных красок в стиле своей эпохи для характеристики язычника Тройдена и наступившей при нем в Литве языческой реакции. Он выбирает из своего церковно-исторического арсенала самых лютых гонителей правой веры и уподобляет им Тройдена; в качестве сильной антитезы он ставит рядом с Тройденом его четырех братьев, известных нам только по именам, изображая их в идеальной форме кротких и смиренных христиан.

[115] *Пруссы* вместе с *ятвягами* принадлежали к тому же племени индо-европейской семьи, что литовцы и жмудины; они были истреблены в XIII веке рыцарями Тевтонского ордена.

[116] Гадая о постройке города, князь Владимир Василькович прочитал в Библии первые четыре стиха 61-й главы книги пророка Исайи. Перед нами—новый пример чрезвычайно развитого в средние века гаданья по священным книгам.

[117] *Ногай*—знаменитый хан из темников Золотой Орды, по некоторым сведениям внук Джучи, правнук Чингис-хана; во времена хана Берке, в 1262—1269 гг. воевал с Персией и Закавказьем. Отделившись затем от Золотой Орды, перекочевал к северным берегам Черного моря и к низовьям Дуная, где сделался грозой Византии, Болгарии и Сербии, оттуда простирал свою власть на галицких и волынских князей. Предание связывает с его именем ногайских татар XV—XVI веков.

[118] Политическая поверхность жизни той эпохи внезапно прорезывается здесь до ее хозяйственных глубин; тут сразу дан ряд ценных экономических фактов: 1) регулирование неурожая, резкого недостатка хлеба товарообменом в своеобразных «международных» масштабах; 2) хозяйственное районирование разных областей, сельскохозяйственных и промысловых—с пчеловодством и добычей пушных зверей; 3) ценностное выражение хлеба производится как в натуральных (воск, звериные шкуры), так и в денежных единицах, и 4) главными торговцами, а одновременно регуляторами международных торговых отношений являются князья как самые крупные хозяева и как правители своей страны.

[119] Речь идет о краковском великом князе *Болеславе V Стыдливом* (1226—1279 гг.).

[120] *Самогитовичи* и *Казимировичи*—сыновья князей Самогита Мазовецкого и Казимира Куявского, племянники Конрада Мазовецкого.

[121] *Осеки* упоминаются в летописи у ляхов и ятвягов; вероятно, это были окопы, укрепленные места, устраивавшиеся в лесах, где окрестные жители в случае нападения находили себе прибежище.

[122] Возможно, что эта реплика в устах официального «историографа» была искусным дипломатическим оправданием русских князей перед соседями, ляхами и уграми, в вынужденных враждебных отношениях к ним; с другой стороны, постоянное обвеянное грустью повторение этой формулы говорит о резко задетом национальном чувстве древнерусского публициста.

[123] Запись интересная в самых разнообразных отношениях: 1) фактом переписи населения, 2) размерами цифры этой переписи и 3) фактом внесения цифры в летопись. Систематические переписи русского населения для установле-

ния размеров дани стали впервые производить татары; самими русскими производился иногда подсчет воинских сил, и то по чисто случайным соображениям; здесь перед нами первый и единственный факт подсчета населения по княжескому распоряжению. Цифры погибшего населения, принимая во внимание сравнительно густое население Галицкой земли и общую незначительность населения в ту эпоху, могут внушить доверие своей точностью. Внесение факта переписи и полученной цифры в летопись опять говорит за ее официальный, придворный характер.

[124] *Сказание о болезни и смерти князя Владимира Васильковича* представляет очень обособленное сюжетное целое, но чрезвычайно искусно сшитое с общими событиями данной эпохи в юго-западной Руси—походом Телебуги.

В основу сказания положен рассказ о последних годах жизни князя Владимира, проведенных в тяжелой болезни, о постепенном умирании, смерти и похоронах, написанный очевидцем, очень близким князю, горячо его любившим; он знает мелкие бытовые подробности княжеской жизни, слушает самые интимные его разговоры, в курсе всех отношений к окружающим его людям—родным и чужим; князь словно живет перед нами—так фотографически точно и драматически умело очерчен его образ.

Но страстная любовь автора к своему герою-феодалу ведет его от реального рассказа к мотивам аретологии, а потом и агиологии. Князь в конечном результате является венцом всевозможных добродетелей; это идеальный военачальник, дипломат и охотник, окруженный уважением всех других князей, родных и иноплеменных, даже татарского «царя», но одновременно—он очень ученый человек, богослов и книжник, может вести самые хитроумные разговоры, сам переписывает евангелие и дарит его в церковь; самое замечательное—он верит в силу права, юридических гарантий в таких вопросах, которые в эту эпоху всегда решались оружием.

Более высокий этаж—агиология. Князь заштрихован чертами христианского мученика, который все свои неисчислимые богатства раздает неимущим и церквам, терпеливо, без малейшего ропота, переносит нечеловеческие страдания, четырехлетнее, в блеске полного сознания, приближение к воротам смерти, непрестанно молится и спокойно умирает, без сожаления и страха.

Необходимо отметить еще один момент—риторику во многих диалогах между князем Владимиром и его частными собеседниками; живые разговоры словно облекаются в тяжелую ткань штампованных формул и стереотипных общих мест. Здесь автор теряет чувство реальности и свой тонкий вкус, становится монотонным и неприятными, портит впечатление от богатого, насыщенного жизнью рассказа.

[125] Татарские ханы, наравне с императорами византийскими и германскими, носят у автора летописи титул «царей» для обозначения их единой высшей, «сюзеренной» власти сравнительно с многими «вассальными» русскими князьями. Потому-то верховное распоряжение княжескими волостями, санкция перехода их от одного князя к другому по завещанию, как в данном случае, принадлежит царям татарским.

[126] *Любомль*—любимый город князя Владимира Васильковича, был расположен к северо-западу от Турийска, на верховьях реки Вижвы.

[127] Новый крупный факт междукняжеских феодальных отношений: прежние патриальхальные отношения, основанные на отцовском распоряжении или на уговоре с князьями-родственниками, или на отчинном праве, заменяются договорными, облеченными в строгие и отчетливые правовые формулы—«душевные» грамоты, написанные по определенной форме, скрепленные авторитетными в обществе свидетелями; больше того, князь смотрит на свою землю и свои города как на полное свое достояние, которое он волен отдать любому из своих родственников,—не так как раньше в Киеве, который был коллективным владением всего княжеского рода, а в конце концов доставался самому сильному князю, не так, как в Новгороде Великом, где князь был «наемным сторожем» земли, которого то и дело смещало по произволу вече, и не так, как в других землях-княжениях, где отличное начало было скорее бытующим явлением, чем строго формулированной юридически нормой; здесь «преддверье» того, что окончательно укрепилось в северо-восточной Руси.

[128] *Грамота княгине Ольге, жене князя Владимира Васильковича*—интересная амальгама семейной и политической стихий, свойственная феодальным отношениям: город и села, живущие в них люди, идущая с них дань, их работа по феодальной эксплоатации сельскохозяйственных и промысловых угодий и торговые пошлины («мыто»)—передаются грамотой княгине как наследственная собственность, но постройка «города» и татарская дань выделены в руки владетельного князя владимирского, очевидно, в качестве регалий государственного значения; о юрисдикции отданных княгине людей грамота умалчивает. Точно такой же характер носит, повидимому, пожалование села монастырю. Грамота заканчивается интересной характеристикой положения высокородовитой женщины в ту эпоху, ее большой свободы после смерти мужа, отсутствием каких-либо религиозных санкций ее будущего поведения.

Грамота очень ценна для современного ученого и с другой стороны—социальной и финансовой. Здесь дается отчетливая характеристика положения княжеских людей (смердов, вероятно), их повинностей в пользу князя как владельца и как государя, показано развитие княжеского и монастырского феодального землевладения, а также открывается яркая картина княжеского бюджета в его приходной части (продукция от хозяйственной эксплоатации угодий, дань, торговые пошлины).

[129] *Татарщина*—дань, шедшая в пользу татар с Владимиро-Волынской земли.

[130] *Скарлат* (от франц. écarlate)—дорогая ткань из шелка красного цвета.

[131] Князь Владимир Василькович, вероятно, страдал раком нижней челюсти.

[132] В форме восхваления христианских добродетелей Владимира Васильковича перед нами раскрываются, словно в картине из «Тысячи и одной ночи», сказочные богатства древнерусского князя.

[133] *Сурожцы*—название купцов, которые вели торговлю с крымским городом Сурожем (теперешний Судак).

[134] *Грамота князя Мстислава Данииловича об установлении в Берестье «ловчего»*—увлекательная страница финансовой организации и хозяйственной жизни Берестья: с горожан «ловчее» (налог на содержание княжеской охоты) взимается в денежном выражении (как с торгового центра), с пригородного и сельского населения, тянувшего к городу и организованного в сотни,—в натуральном выражении, продукцией сельского хозяйства.

Размер «ловчего» с «сотен»

1. Лен	15	«десятков»
2. Овес	5	«цебров»
3. Рожь	5	»
4. Печеный хлеб	100	штук
5. Куры	20	»
6. Овцы	2	»
7. Мед	2	«лукна»

[135] Новое сильное подтверждение официального характера Галицко-Волынской летописи для позднейших ее частей.

[136] Владимиро-Волынское княжество в 90-х гг. XIII века граничит с ляхами, Литвой и татарами; сравнительно недавно оно граничило на востоке с Русской землей (Киевским княжеством); отсюда вытекает с неизбежностью факт, что Русская земля в эту эпоху перестала существовать в виде отдельного княжества, а находилась в непосредственном феодальном от татарского хана подчинении.

ХРОНОЛОГИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ К ЛЕТОПИСЯМ*

Летописное «лето»	Год н. э.
6360	852
6366	858
6367	859
6370	862
6374	866
6376	868
6377	869
6387	879
6390	882
6391	883
6392	884
6393	885
6395	887
6406	898
6410	902
6411	903
6415	907
6419	911
6420	911 (с.о. 912 н.д.)
6421	913
6422	914
6423	915
6428	920
6437	929
6442	934
6449	941
6450	942
6451	943
6452	944
6453	945
6454	946
6455	947
6463	955
6472	964
6473	965
6474	966
6475	967
6476	968
6477	969
6478	970
6479	971
6480	972
6481	973
6483	975
6485	977
6488	980
6489	981
6490	982
6491	983
6492	984
6493	985
6494	986
6495	987

Летописное «лето»	Год н. э.
6496	988
6499	991
6500	992
6501	993
6504	996
6505	997
6508	1000
6509	1001
6511	1003
6515	1007
6519	1011
6522	1014
6523	1015
6524	1016
6525	1017
6526	1018
6527	1019
6528	1020
6529	1021
6530	1022
6531	1023
6532	1024
6534	1026
6535	1027
6536	1028
6537	1029
6538	1030
6539	1031
6540	1032
6541	1033
6544	1036
6545	1037
6546	1038
6547	1039
6548	1040
6549	1041
6550	1042
6551	1043
6552	1044
6553	1045
6554	1046
6555	1047
6558	1050
6559	1051
6560	1052
6561	1053
6562	1054
6563	1055
6565	1057
6566	1058
6567	1059
6568	1060
6569	1061
6571	1063

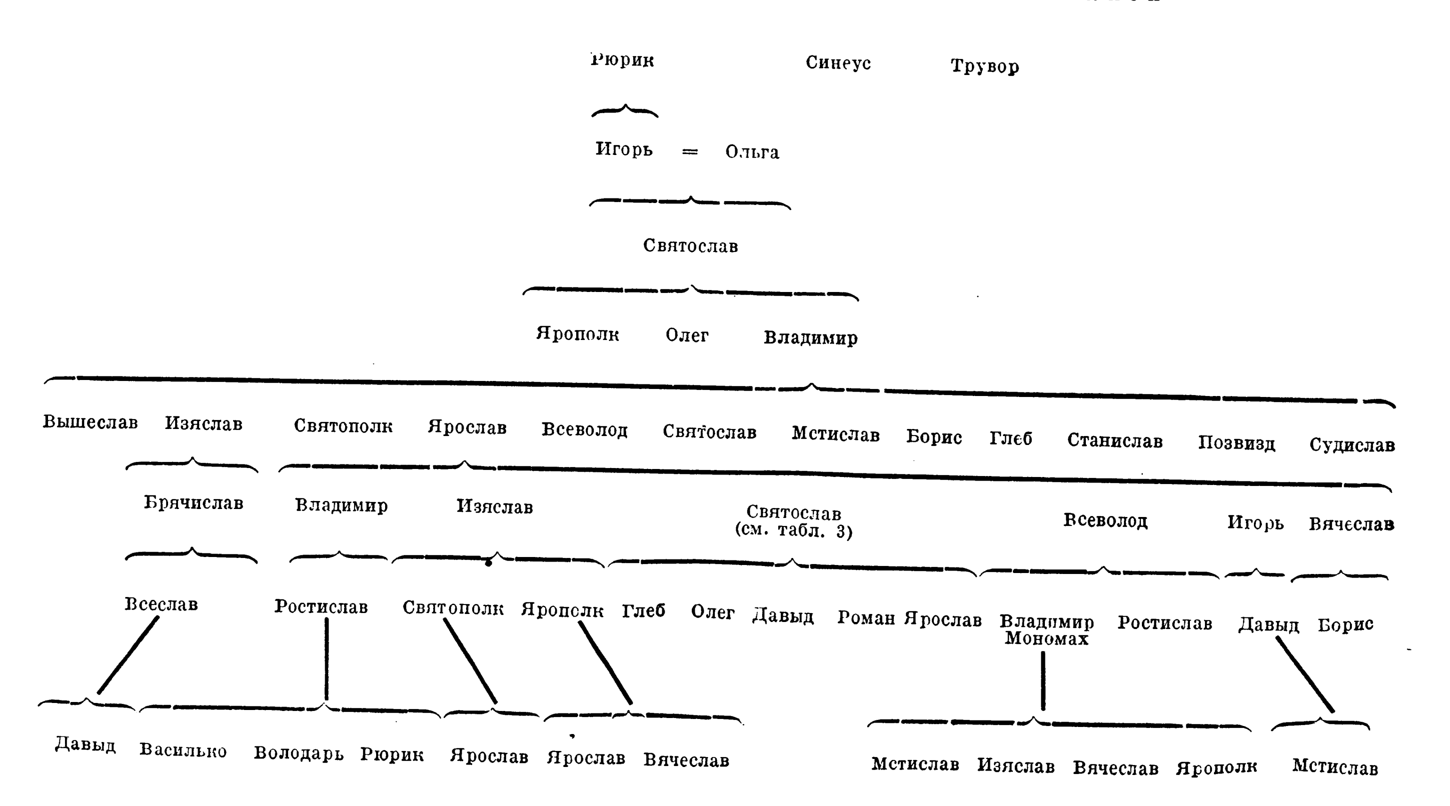
Летописное «лето»	Год н. э.
6572	1064
6573	1065
6574	1066 1067 (я. ф.)
6575	1067
6576	1068
6577	1069
6578	1070
6579	1071
6580	1072
6581	1073
6582	1074
6583	1075
6584	1076
6585	1077
6586	1078
6587	1079
6588	1080
6589	1081
6590	1082
6591	1083
6592	1084
6593	1085
6594	1086
6596	1088
6597	1089
6598	1090
6599	1091
6600	1092
6601	1093
6602	1094
6603	1095
6604	1096 1097 (я.ф.)
6605	1097
6606	1098
6607	1099
6608	1100
6609	1101
6610	1102 1103 (я. ф.)
6611	1103
6612	1104 1105 (я. ф.)
6613	1105
6614	1106 1107 (я. ф.)
6615	1107 1108 (я. ф.)
6616	1108
6617	1109
6618	1110 1111 (я. ф.)
6624	1116

* Не ввожу в эти расчеты сложных поправок Н. В. Степанова на «circa-мартовские» и «ultra-мартовские» года.

Летописное «лето»	Год н. э.	Летописное «лето»	Год н. э.	Летописное «лето»	Год н. э.
6625	1117	6683	1175	6741	1233
6626	1118	6684	1176	6742	1234
6627	1119	6685	1177	6743	1235
6628	1120	6686	1178	6744	1236
6629	1121	6687	1179	6745	1237
6630	1122	6688	1180	6746	1238
6631	1123	6689	1181	6747	1239
6632	1124	6690	1182	6748	1240
6633	1125	6691	1183	6749	1241
6634	1126	6692	1184	6750	1242
6635	1127	6693	1185	6751	1243
6636	1128	6694	1186	6752	1244
6637	1129	6695	1187	6753	1245
6638	1130	6696	1188	6754	1246
6639	1131	6697	1189	6755	1247
6640	1132	6698	1190	6756	1248
6641	1133	6699	1191	6757	1249
6642	1134	6700	1192	6758	1250
6643	1135	6701	1193	6759	1251
6644	1136	6702	1194	6760	1252
6645	1137	6703	1195	6761	1253
6646	1138	6704	1196	6762	1254
6647	1139	6705	1197	6763	1255
6648	1140	6706	1198	6764	1256
6649	1141	6707	1199	6765	1257
6650	1142	6708	1200	6766	1258
6651	1143	6709	1201	6767	1259
6652	1144	6710	1202	6768	1260
6653	1145	6711	1203	6769	1261
6654	1146	6712	1204	6770	1262
6655	1147	6713	1205	6771	1263
6656	1148	6714	1206	6772	1264
6657	1149	6715	1207	6773	1265
6658	1150	6716	1208	6774	1266
6659	1151	6717	1209	6775	1267
6660	1152	6718	1210	6776	1268
6661	1153	6719	1211	6777	1269
6662	1154	6720	1212	6778	1270
6663	1155	6721	1213	6779	1271
6664	1156	6722	1214	6780	1272
6665	1157	6723	1215	6781	1273
6666	1158	6724	1216	6782	1274
6667	1159	6725	1217	6783	1275
6668	1160	6726	1218	6784	1276
6669	1161	6727	1219	6785	1277
6670	1162	6728	1220	6786	1278
6671	1163	6729	1221	6787	1279
6672	1164	6730	1222	6788	1280
6673	1165	6731	1223	6789	1281
6674	1166	6732	1224	6790	1282
6675	1167	6733	1225	6791	1283
6676	1168	6734	1226	6792	1284
6677	1169	6735	1227	6793	1285
6678	1170	6736	1228	6794	1286
6679	1171	6737	1229	6795	1287
6680	1172	6738	1230	6796	1288
6681	1173	6739	1231	6797	1289
6682	1174	6740	1232	6798	1290
				6799	1291

ГЕНЕАЛОГИЧЕСКИЕ ТАБЛИЦЫ

1. Древнерусские князья по Начальной летописи



2. Мономашичи

- Владимир Мономах
  - Мстислав Великий
    - Изяслав Владимир.
      - Мстислав
        - Роман (см. табл. 5)
      - Ярослав
        - Ингварь
          - Ярослав
        - Мстислав Немой
      - Ярополк
    - Всеволод
    - Святополк
    - Ростислав Смолен.
      - Роман
        - Мстислав
      - Рюрик
        - Владимир
      - Давыд
      - Мстислав
        - Мстислав Удалой
    - Владимир
  - Ярополк
  - Святослав
  - Вячеслав
  - Роман
  - Юрий
    - Ростислав
    - Андрей Боголюб.
      - Мстислав
    - Глеб
    - Борис
    - Мстислав
      - Владимир
    - Василько
    - Михалко
    - Всеволод Большое Гнездо
      - Константин
      - Юрий
      - Ярослав
        - Александр Невский
        - Ярослав Тверской
        - Василий Костромский
  - Андрей
    - Владимир

Изяславичи — Ростиславичи — Юрьевичи

3. Ольговичи

Владимир, который крестил землю Русскую

Ярослав

Изяслав
Святослав
Всеволод
от него идут Мономашичи (см. табл. 1)

Давыд
Олег
Ярослав Муромо-Рязанский

Изяслав
Владимир
Всеволод
Игорь Святослав
Ярослав
Ростислав

Святослав
Святослав Ярослав
Олег
Игорь Всеволод
Владимир
Глеб

Всеволод Чермный
Святослав
Владимир Роман
Ростислав
Святослав

Михаил, погибший в Татарской орде

Ростислав Роман Брянский

Давыдовичи
Всеволодичи (Ольговичи)
Святославичи (Ольговичи)

4. Ростиславичи галицкие

Владимир, который крестил землю Русскую

Ярослав

Владимир

Ростислав Тмутороканский

Рюрик   Володарь   Василько

Владимир (Владимирко)   Ростислав

Ярослав Осмомысл   Иван Берладник

Владимир Олег Настасьич   Ростислав

Два сына от попадьи

5. Романовичи—галицкие и волынские князья XIII века

Владимир Мономах

Мстислав Великий

Изяслав

Мстислав

Роман   Всеволод

Даниил король Галицкий   Василько   Александр Белзский

Лев Роман Мстислав Шварн   Владимир

Юрий

ПЕРЕЧЕНЬ ИЛЛЮСТРАЦИЙ

СОДЕРЖАНИЕ

Редактор В. Лебедев.
Художественная редакция
М. П. Сокольников.
Лит.-техническ. наблюдение
А. А. Реформатский.
Техред. Л. Фрязинова.
Наблюдение на производстве
М. И. Козлов.

***

Сдано в набор 15.VI.34. Подписано к печати 16.XII.35. Тир. 3.300. Уполн. Главлита Б—7503. Зак. тип. № 14. Зак. «Ас.» 199. Инд. А—2. Бум. 72×110—1/16. П. л. 26+8 вкл. Авт. л. 24 1/2.

***

Набрано в 16 типографии треста „Полиграфкнига“, Трехпрудный 9. Отпечатано с матриц в 39 типогр. треста Мособлполиграф, проезд Скворцова-Степанова, 3. Зак. 116.

Цена Р. 13.00
Переплет Р. 3.00

ОПЕЧАТКИ

Стр.	Стр.	Напечатано:	Следует:
13	7 св.	князь	князя
81	11 „	смерь	смерть
99	13—14 св.	Воздвижении	Звиждени
106	5 „	к себе	книзу
186	12 сн.	в Угорской земле, либо он в Галицкой.	в Галицкой земле, либо он — в Угорской
237	8 сн.	за тебя	за себя
245	6 св.	В лето 6607	В лето 6707
263	1 сн.	чтобы пошел	чтобы я пошел
273	18 св.	нечистивого	нечестивого
273	3—4 сн.	Масзовскую	Мазовскую
331	12 св.	*(мрак*	*(мрак)*
337	17 „	эти ручьи стекают	эта струя стекает
353	26 сн.	феодализции	феодализации
355	5 „	стр. 182	стр. 122
361	6 „	Всеволода Владимирского	Всеволода Суздальского
362	24 св.	таблицу 2)	таблицу 3)
380	13 сн.	отличное	отчинное